Н.В. ГОГОЛЬ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К юбилею главного редактора
Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя
Юрия Владимировича Манна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Н.В. ГОГОЛЬ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

К юбилею главного редактора
Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя
Юрия Владимировича Манна

Москва
ИМЛИ РАН
2019

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

Р е д к о л л е г и я:

Е.И. Анненкова, Ю.В. Балакшина, Н.Л. Виноградская,
И.А. Зайцева, Е.Г. Падерина

Ответственные редакторы:

Н.Л. Виноградская, Е.Г. Падерина

Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН,
2019. — 408 с. — DOI: 10.22455/978-5-9208-0595-9

Четвертый сборник из серии «Материалы и исследования», сопутствующей Полному собранию сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах, посвящен 90-летию Юрия Владимировича Манна, главного редактора издания. Представленные статьи, комментарии и публикации непосредственно связаны с практической работой авторского коллектива: текстологической подготовкой и комментированием гоголевских текстов. Сборник состоит из трех разделов. Первый содержит статьи и комментарии. Обширный второй раздел («Архивные разыскания») включает научные публикации документальных материалов, связанных с биографией Гоголя и его родных, а также с историей гоголевских автографов и их публикации, в том числе в посмертных изданиях «Сочинений». Третий раздел посвящен рецепции «Мертвых душ» беллетристическим сознанием второй половины XIX века.

ISBN 978-5-9208-0595-9

ОТ РЕДАКЦИИ

Четвертый выпуск сборника «Н.В. Гоголь: Материалы и исследования» продолжает серию одноименных изданий, сопутствующих подготовке академического Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах. Этот выпуск посвящен 90-летию юбилею Юрия Владимировича Манна — главного редактора издания, крупнейшего исследователя жизни и творчества Гоголя, русской литературы XIX века в целом.

Сборник состоит из трех разделов: «Статьи. Комментарии», «Архивные разыскания», «Сюжет “Мертвых душ” Гоголя в русской литературе».

Первый раздел («Статьи. Комментарии») включает работы, созданные в процессе подготовки к изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями», второго тома «Мертвых душ», «Носа», «Женитьбы», писем разных лет. Часть статей посвящена общим вопросам гоголевского творчества, другие представляют комментарии к разным произведениям, одна рассматривает вопросы рецепции гоголевского стиля. Все они открывают дополнительные возможности для изучения творчества Гоголя.

Второй раздел («Архивные разыскания»), наиболее обширный в сборнике, состоит из научных публикаций документальных материалов, связанных с биографией Гоголя и его родных, а также с посмертными изданиями его сочинений. Вначале представлены юношеские письма старшей из сестер Гоголя Марии Васильевны Гоголь-Яновской, относящиеся к периоду ее пребывания в частном пансионе (1824–1828 гг.), а также документы о службе ближайшего родственника семейства Гоголей Павла Петровича Косяровского. Эти материалы представляют документальную основу для комментирования гоголевских писем, воссоздают атмосферу повседневной жизни гоголевской семьи, дают во многом уникальное представление о жизни частного женского пансиона тех лет (с упоминанием не только забытых, но и знаменитых имен, например, доктора Н.Ф. Арендта). Далее следуют подборки официальных и эпистолярных документов, относящихся к истории издания Собраний сочинений Н.В. Гоголя начала 1860-х и конца 1880-х гг. Это были периоды самого активного обнаружения неизвестных прежде гоголевских текстов, и значительную роль в этом сыграли наследники писателя. Первая группа материалов связана с изданием 1862 г. и участием в его подготовке (прежде не отмеченным) Ф.В. Чижова. Вторая группа материалов раскрывает историю подготовки 10-го издания «Сочинений Гоголя» под редакцией Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока. Издание отличается беспрецедентным объемом впервые опубликованных черновых редакций, записей, рабочих тетрадей Гоголя. Третий блок документов в этом разделе относится к истории поступления в государственный архив (Московский Публичный и Румянцевский музеи, ныне ОР РГБ) подлинной гоголевской рукописи пяти глав 2-го тома «Мертвых душ».

Заключительный раздел посвящен литературной рецепции сюжета «Мертвых душ»: в повести Е.И. Вельтман «Виктор» (появившейся в 1853 г. в «Москвитянине») и в известной мистификации Н.Ф. Ястржембского (в сборник по-

мещен не только комментарий, но и сам текст этой в достаточной мере талантливой подделки, которая сумела ввести в заблуждение даже серьезных критиков и опытных читателей Гоголя).

Материалы сборника (статьи, комментарии, текстологические исследования, публикации) дополняют сведения о биографии Гоголя, вносят коррективы в творческую историю его произведений, в изучение их судьбы в русской литературе. Документы, касающиеся посмертных изданий сочинений Гоголя, открывают новые страницы этой малоисследованной и нуждающейся в дальнейшей разработке темы. Тексты Гоголя цитируются по академическому изданию 1937–1952 гг., ссылки на которое даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках; исключения — оговариваются.

Публикуемые статьи и материалы представляют интерес для специалистов по творчеству Гоголя, ученых-филологов, преподавателей и широкого круга читателей, интересующихся историей русской культуры XIX века.

Редколлегия и авторский коллектив приносят благодарность руководству и сотрудникам *Архива РГБ, ИР НБУВ, ОПИ ГИМ, ОР РГБ, РГАЛИ, РО ИРЛИ, ОР РНБ, РГИА, РГВИА.*

СТАТЬИ. КОММЕНТАРИИ

О ДУХОВНОЙ ДРАМЕ ПОЗДНЕГО ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

(постановка вопроса)

В одной из своих недавних статей Юрий Владимирович Манн, приведя мысль современного зарубежного исследователя Бодо Целинского о возможности рассматривать сожжение Гоголем рукописи второго тома «Мертвых душ» в русле истории романтического сознания, счел постановку этой проблемы «весьма интересной», могущей стать «стимулом многих исследований»¹. Это мнение Юрия Владимировича для меня особенно ценно, поскольку мне приходилось, правда, очень кратко и поначалу в другом аспекте касаться вопроса об отношении духовной драмы позднего Гоголя к романтическому движению². В данной статье, отнюдь не претендующей на сколько-нибудь исчерпывающее освещение темы (она все еще остается «постановкой»), развиваются и дополняются сделанные ранее наблюдения.

Глубинные органические связи с романтизмом отличают мироощущение и художественное творчество Гоголя на всем его протяжении. Гоголь разделял раннеромантический энтузиазм, апофеоз духа, влюбленность в красоту природы, культ искусства; но в творчестве русского писателя своеобразно отразилось и дальнейшее трагическое движение романтического сознания: от «гармонизирующего» чувства жизни, прозрения в конечном, земном вечного и бесконечного, радостной уверенности в великом любовном единении человека и мироздания — к ощущению распада этого единства, двойственности, расколотости мира, к убежденности в существовании зла и греха в человеческой душе.

¹ Манн Ю.В. «Мертвые души», 2-й том, судьба рукописи // Мир романтизма. Т. 17 (41). Тверь, 2014. С. 158.

² См.: Карташова И.В. Об одном направлении литературного процесса эпохи романтизма // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск, 1997; а также: Карташова И.В., Станичук И.А. Религиозные искания Гоголя в процессе эволюции романтического мирозерцания (постановка вопроса) // *Intuitus mentis* русских писателей-классиков. Ставрополь, 2010.

Наряду с восторгом перед «божественным всеединством мира» в романтизме начинали являться человеческая гордыня и дерзновенность, и влечение к заповедным тайнам, и искушение поднять завесу и перейти границу, отделяющую мир дневной, Божественный, от ночного, подземного, демонического. Но сложность здесь в том, что те же романтики напряженно размышляли об опасности этого движения, опасности абсолютной, «пустой» свободы и обретения личностью сверхчеловеческих полномочий, гибельности соприкосновения с демоническим миром («Демон» Лермонтова, «Вий» Гоголя, «Романсы о розовом венке» Брентано, «Эликсиры сатаны» Гофмана и др.). Отсюда возникало и сомнение в правомерности художественного изображения злой демонической стихии (у Гоголя в первой редакции «Портрета»). Характерна убежденность немецкого романтика К. Брентано в том, что «только любовь ко Христу и к тому, что вечно, должна и может звучать вслух»³. О фундаментальной цели, стоящей перед человечеством, говорил Франц Баадер: «Высшее благо в жизни человека есть не что иное, как то, что в этой земной, или временной, жизни он начинает осуществлять <...> идею человека как образа и подобия Божия, благодаря чему вновь становится возможным воссоединение его с Богом»⁴.

Пожалуй, в никаком другом искусстве не выразились с такой отчетливостью, как в романтизме, сложнейшие, противоречивые движения человеческого духа, его колебания на грани двух миров, трудный путь его восхождения — через соблазн и искушения, через отречение и покаяние — к Богу. В этом смысле романтизм оказывается выражением одного из важнейших направлений в духовной истории человечества.

Все усиливающееся чувство трагизма бытия, опасности таящегося в нем зла и с другой стороны — стремление к новому обретению утраченного единения с божественными основами миропорядка приводили романтиков к осознанию необходимости отказа от жизненных радостей и страстей, от личного счастья, к идее покаяния и искупления, которая приобретала в позднем романтизме поистине миростроительное значение. «Несомненно, — утверждает Ахим фон Арним, — покаяние, вызванное раскаянием, есть самая деятельная сила как в великих событиях, так и в маленьком домашнем кругу; с давних времен покаяние, как новое рождение, приносило исцеление всем болезням мира <...> Покаяние — самая высокая сила и отличие человека»⁵.

³ Brentano C. Briefe. Nürnberg, 1951. Bd. 2. S. 205.

⁴ Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 688.

⁵ Arnim L.A. Sämmtliche Werke. Bd. 8. Berlin, 1840. S. 126.

Как известно, этот комплекс духовных переживаний был детально описан В.М. Жирмунским⁶ и получил у него название «религиозного отречения в истории романтизма». Исследователь говорил о «глубочайшем перевороте в духовной жизни романтиков»⁷, о «внутреннем перерождении романтической мистики», об устремлении к «положительной вере».

Свои наблюдения В.М. Жирмунский делал на основе изучения творчества немецких романтиков гейдельбергского периода. Действительно, наиболее глубокое выражение «религиозное отречение» получило в немецком романтизме. Устремление к религиозным ценностям, страстные поиски «божественной и вечной истины», драматические переживания отношения этой истины к искусству характерны для позднего Ф. Шлегеля, Эйхендорфа, Арнима, Брентано, З. Вернера. Но подобное направление духовных исканий обнаруживается, хотя с разной степенью интенсивности, и в других европейских литературах романтической эпохи, особенно английской (поэты «Озерной» школы) и русской⁸.

В русской литературе с этим феноменом, думается, наиболее глубоко связаны процессы духовного развития и религиозные искания позднего Гоголя. В философско-нравственных воззрениях, в художественном творчестве и даже перипетиях личных судеб немецких романтиков и Гоголя прослеживаются порой поразительные аналогии. При этом речь ни в коей мере не может идти о каком-либо влиянии, воздействии или обращении к чужому духовному опыту. Обнаруживающаяся между Гоголем и немецкими романтиками общность относится к тем *типологическим* схождениям, которые были так характерны для романтической эпохи. Романтическое движение отличалось уникальным духовным, интеллектуальным родством, единством, *смыслом*, *созвучием*, сотворчеством при множестве и разнообразии национальных форм, творческих индивидуальностей, художественных решений и даже возможности довольно резкой полемики между ними. Как известно, многие романтические идеи, концепции, философские и художественные проекты возникали одновременно у разных лиц, часто не знающих друг друга.

⁶ Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919; см. также: Heinkel N. Religiöse Kunst, Kunstreligion und die Überwindung der Säkularisierung: Frühromantik als Sehnsucht und Suche nach der verlorenen Religion: dargestellt anhand der Auslegen der literarischen Frühromantik zur bildenden Kunst. Frankfurt am Main, 2004.

⁷ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 22.

⁸ Впрочем, и во французской литературе к религиозно-мистическому «пробуждению» причастны такие романтики, как г-жа де Сталь, Шатобриан, Ламартин. См.: Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002.

Идея творческих схождений была одной из любимых у ранних романтиков. Теоретик и основоположник йенского кружка Ф. Шлегель был убежден в том, что европейская «литература образует связное целое, где все ветви тесно сплетены между собой, одно основывается на другом, объясняется и дополняется им. Это проходит через все века и народы, вплоть до наших дней»⁹. Единое направление творческой мысли и великое духовное соответствие видел в романтизме и его русский теоретик П.А. Вяземский¹⁰. Находившийся *внутри* романтического мира Гоголь отразил общее направление и логику его движения. Как у немецких романтиков, в позднем творчестве Гоголя проявляется стремление отказаться от «эстетического чувства жизни»¹¹, от энтузиастического переживания красоты. Сокровенная цель бытия все более осознается как ответственность человека за состояние мира, как исполнение религиозно-нравственного долга, что прежде всего требует изменения в самом человеке. Как известно, мысль о нравственном преобразении человеческой личности на путях уподобления высшему идеалу — Христу, о соизмерении с этим Идеалом всего, что входит в сферу жизнедеятельности человека, становится доминирующей в произведениях и письмах Гоголя 1840-х гг. «Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос», — пишет Гоголь в письме к А.О. Смирновой 6 декабря 1849 г. (XIV, 154). Это «видение во Христе», как объясняет протоиерей Василий Зеньковский, означает, что «весь мир, люди, их дела, весь ход истории стоят под законом Христовым, должны светиться светом Христовым»¹². Для Гоголя это есть «отказ и от эстетического, и от морализующего понимания мира и людей, это есть уже чисто религиозная установка духа»¹³. Первый шаг в этом направлении, как считает Гоголь, делается в себе самом — «дело нужно начинать прямо с себя», с собственного воспитания. Данное утверждение Гоголя снова сближает его с романтиками. По мысли Й. Эйхендорфа, «радоваться небесному свету» может только тот, «в ком религия становится жизнью»¹⁴.

Общим у немецких романтиков и Гоголя является представление о религиозном пути поэта, о борьбе за него небесных и демо-

⁹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 36.

¹⁰ См.: Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 67–69. Подробнее об этом см.: Карташова И.В. Об одном направлении литературного процесса эпохи романтизма. С. 105–106.

¹¹ См.: Зеньковский В. Н.В. Гоголь // Гишпиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н.В. Гоголь. СПб., 1994. С. 254–260.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Зеньковский В., *прот.* Русские мыслители и Европа. М., 2005. С. 218.

¹⁴ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 66–67.

нических сил («Романсы о розовом венке» Брентано, «Портрет» Гоголя), стремление подчинить искусство религиозной цели, поиски «Богооткровенного» слова, вера в объединяющую роль церкви («Христианский мир или Европа» Новалиса, письма и стихи Брентано к Луизе Гензель, «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя).

В этико-философских размышлениях немецких романтиков появляется и тема *омертвления* человеческой души, которая в дальнейшем станет важнейшей для Гоголя. Развитие этой темы у поздних романтиков получает подчеркнуто религиозный аспект. Так, по мнению Ф. Шлегеля, особенно пагубным следствием грехопадения и утраченной связи человека с Богом стали не только телесные страдания, болезни и смертность, но и «помрачение», «порча» души, человеческого сознания, его «разорванность», духовные смуты и конфликты, а также «пустое и ложное мышление в качестве духовного зародыша смерти»¹⁵. По мнению Ф. Шлегеля, «внутренний раздор» особенно глубоко поразил душу современного человека, «эгоистически погрязшую в земной действительности»¹⁶. Шлегель указывает на «мертвые понятия абстрактного рассудка», скепсис и «спор разума» с самим собой, «чисто субъективное» и потому одностороннее восприятие окружающего мира, а также «абсолютное воление» (в данном случае понимаемое как «своенравие и упрямство», нетерпимость), которое «составляет основной <...> порок теперешнего человеческого характера»¹⁷. Вследствие этого порока люди перестают понимать друг друга, «различные взгляды <...> превращаются <...> во множество яростно борющихся партий, раздирающих и воспламеняющих мир и наполняющих все анархией»¹⁸.

Гоголевские размышления о духовном состоянии современного человечества во многом аналогичны шлегелевским. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь с горечью констатирует все возрастающее себялюбие, равнодушие к ближнему, утрату христианского смирения, нетерпимость к чужому мнению у современного человека. Писатель говорит о «гордости ума», которая никогда «еще не возматала <...> до такой силы, как в девятнадцатом веке» (VIII, 413). Современный человек ничему «и ни во что не верит; только верит в один ум свой» (VIII, 414). «Страсти ума», «несходство мнений», «противоречия в мире мысленном» становятся причиной вражды и ненависти между «целыми партиями» (там же). В результате «дорогой ума» в мир входит злоба (там же).

¹⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. II. М., 1983. С. 345–346.

¹⁶ Там же. С. 345, 348.

¹⁷ Там же. С. 347–348.

¹⁸ Там же.

Целительное средство от пагубного состояния души видится Шлегелю, как и Гоголю, только «в тесном и интимном соединении души с Богом как источником всякого единства, всей истины и жизни»¹⁹. Совершенная «священная» красота поздним Ф. Шлегелем соединяется с Христианством. Божественным светом красоты способна проникнуться лирическая поэзия, если ее источником станет высшее Божественное вдохновение²⁰. В чем-то предвзято Гоголя, видевшего «верховный источник лиризма» в Боге (статья «О лиризме наших поэтов» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» — VIII, 250), немецкий романтик считает, что только «в лирических символах можно высказать <...> вечные тайны откровения, и этот высший лирический род составляет подлинную сферу христианского поэтического искусства»²¹.

Особенно много точек соприкосновения у Гоголя, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, с Клеменсом Брентано. Замечательный лирический поэт, энтузиаст, близкий в своем раннем творчестве к йенским романтикам, создатель очаровательных сказок, страстно влюбленный в искусство, отдавший в своих ранних произведениях большую дань романтическому юмору, автор комических опер и озорных комедий, шокировавший окружающих своим экстравагантным поведением и «шалостями», Брентано во второй половине своей жизни пережил исполненную драматизма духовно-нравственную эволюцию.

По мнению В.М. Жирмунского, в истории духовного и творческого развития Брентано «религиозное отречение» немецкого романтизма получило особенно яркое и «симптоматическое» выражение²². Многие устойчивые раннеромантические образы и формулы у Брентано начинают звучать по-новому. Так, столь характерное для романтизма *томление* (Sehnsucht) приобретает у Брентано, с одной стороны, некий страдальческий оттенок, а с другой — более определенный и целеустремленный характер: «Часто жизнь становится для меня невыносимой тяжестью <...> и я томлюсь по цели, которая была бы более чистой и вечной, чем вся эта суета вокруг меня»²³.

Брентано и Гоголя сближают «сверхчувствительность» и особо напряженная, «до чрезмерности сложная» душевная жизнь. Выделенные слова сказаны С.С. Аверинцевым только о Брен-

¹⁹ Там же. С. 348.

²⁰ Там же. С. 333.

²¹ Там же. С. 334. Разумеется, здесь следует иметь в виду, что у Гоголя в его статье речь идет исключительно о лиризме русских поэтов, противопоставляемых европейским.

²² Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 68.

²³ Brentano C. Briefe. Nürnberg, 1951. Bd. 2. S. 183.

тано²⁴, но они вполне могут быть отнесены и к Гоголю. Сложность и динамичность душевной жизни Гоголя, его постоянная борьба с самим собой ощущалась уже его современниками, например, С.Т. Аксаковым, который вместе с тем указывал на «тяжелое» непонимание писателя даже самыми близкими ему людьми и связывал это с порой «необъяснимыми странностями» его духа²⁵.

Соотнося Brentano и Гоголя, нужно иметь в виду, что двойственность и постоянные духовные метания немецкого романтика, его бурные увлечения и такие же бурные разочарования и отречения, его борьба с самим собой были «видимы» окружающим, поскольку поэт с предельной искренностью открывался в своей лирике. Поздний Brentano горько упрекал себя в том, что часто «грешил выговариванием невыговариваемого»²⁶. Гоголь же гордился тем, что умеет «скрывать себя от всех» (X, 147). Но в случившиеся минуты откровенности он неоднократно признавался в своей страстной внутренней жизни и упоминал о мучительных бурях, взрывах, кризисах, терзавших его душу, но оставшихся в ее потаенных глубинах. Как убедительно показал Ю.В. Манн, раннему Гоголю был знаком бурный энтузиазм любви, особенно ярко и интенсивно пережитый весной 1829 г. Опасаясь «скрытых опасностей своей души <...> разрушительных сил, которые способны в ней обнаружиться», Гоголь преодолевает «соблазн» любви и красоты, но преодолевает «не путем спокойного проявления терпения, “железной воли”, которыми он имел обыкновенные гордиться, а как бы импульсивно, резко, судорожно, отчаянно»²⁷.

Для Brentano и Гоголя характерны огромная требовательность к себе и почти мучительный самоанализ, приводящий к осознанию своей греховности, постоянные упреки себе, самоосуждение, страстная жажда нравственного очищения, необходимого для выполнения долга перед Богом и людьми. Как бы предвосхищающая самоуничтожение Гоголя, постоянно стремившегося, по словам С.Т. Аксакова, «к улучшению в себе духовного человека»²⁸ и упрекавшего себя в черствости, себялюбии, в пребывании собственного сердца «в греховной тьме» (XIV, 62), Brentano пишет: «Я чистосердечно признаю, что было бы лучше и совершеннее, если бы я жил во всем по заветам Христианства, как мне внушали в детстве <...> Я чувствую, что я грешник, и чувствую, как глубоко

²⁴ См.: *Аверинцев С.С.* Поэзия Клеменса Brentano // *Brentano C. Romanzen vom Rosenkranz. Gedichte.* М., 1985. С. 16.

²⁵ *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем // *Гог. восп. совр.* С. 96.

²⁶ *Brentano C. Romanzen vom Rosenkranz. Gedichte.* С. 19.

²⁷ *Манн Ю.В.* Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 166.

²⁸ *Аксаков С.Т.* Указ. соч. С. 131.

в человеческой душе заложено стремление искать успокоение в исповеди. <...> Единственная моя ежечасная молитва: Всемогущий, смилуйся надо мной!»²⁹ Подобную молитву постоянно произносил и Гоголь.

По словам В.М. Жирмунского, «отрицание правоты личного пути к спасению приводит романтиков к идее церкви как исторического и вселенского духовного организма, как тела Христова»³⁰. В поздний период творчества и Brentano, и Гоголь ориентируются на монашеский образ жизни, на духовную аскезу, обращаются к традиционной положительной религии, призванной спасти духовно омертвевший мир. «Не только наше спасение, но спасение всего человечества зовет нас молиться в церкви; наш долг — трудиться над восстановлением павшего человечества, ибо церковь владеет великим сокровищем искупления в лоне Божественного милосердия»³¹. В этих словах Brentano будто слышится голос Гоголя.

Усиленно работая в последние годы жизни над духовной прозой («Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной литургии», духовно-назидательные сочинения, молитвы и др.), Гоголь стремится постигнуть сокровенный смысл церковного слова и приобщить к нему других людей³². В «Размышлениях о Божественной литургии», как писал сам Гоголь, он хотел «показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением»³³.

Поздний Brentano также обращается к созданию церковных гимнов и житий святых. Свой великий христианский долг, свое «тяжелое», но «от Господа призвание» он видит в том, чтобы записывать и обрабатывать видения стигматизированной дюльменской монахини Анны-Екатерины Эммерих. У ее постели Brentano провел почти пять лет, результатом стало широко известное Евангелие от Анны-Екатерины Эммерих, переведенное на многие европейские языки (хотя так и не признанное католической церковью).

На пути обретения религиозного мирозерцания Brentano и Гоголю свойственны сомнения и особенно напряженные искания «истинной веры». Подобно Гоголю, которому иногда казалось, что в нем «веры нет вовсе» (XIV, 41), Brentano жалуется, что никак не

²⁹ Brentano C. Briefe. Nürnberg, 1951. Bd. 2. S. 141–144.

³⁰ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 203.

³¹ Brentano C. Gesammelte Schriften. Frankfurt, 1855. Bd. 8. Briefe. S. 284.

³² См.: Воронцов В. Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В. Гоголя в свете православия. М., 1994. С. 23–24.

³³ Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 324.

может «войти» в «невинность веры». Оба писателя жаждут встречи и подчинения «духовному владыке», они становятся крайне склонными к исповеди.

Особенно впечатляющие соответствия обнаруживаются в отношении Brentano и Гоголя к искусству. В поздний период творчества перед ними возникает — как поистине великая — проблема соотношения искусства и религии, духовно-религиозных и светских начал человеческой культуры: «...нельзя служить и самому искусству — как ни прекрасно это служение, — пишет Гоголь, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство...» (VIII, 407). Как известно, в 1840-е гг. предназначение искусства Гоголь видит в том, чтобы быть «незримой ступенью к христианству», чтобы вызывать человека на «высшую битву» за нашу душу («Выбранные места из переписки с друзьями»; VIII, 269, 408). Но искусство способно стать истинно духовной силой только в том случае, если оно преображено религиозным светом, так как именно религия, по глубокому убеждению Гоголя, может преодолеть произошедший в жизни разрыв между нравственными и эстетическими началами и подготовить грядущее воскрешение мира.

Как пишет Ю.В. Манн, для «гоголевского настроения этой поры характерно <...> глубокое недовольство прежними сочинениями, граничащее с отречением. Он готов рассматривать их все вместе, словно подводя черту под написанным прежде и видя в новой своей работе — “Выбранных местах...” — род искупления»³⁴.

В свою очередь религиозное мирозерцание приводило Brentano с середины 1810-х годов к поискам путей божественного служения искусства и к решительному неприятию его светского характера. «Отречение» приобретает у Brentano особенно резкие, поистине катастрофические формы: он мечется между страстной любовью и отвращением к искусству и почти готов упразднить его. Немецкий романтик признавался, что испытывает страх перед всякой поэзией, отражающей себя, а не Бога. Как впоследствии Гоголь, Brentano осуждает свое прежнее творчество, видя в нем грехи молодости. Эти сочинения кажутся ему лишенными высокого нравственного и религиозного смысла, суетными и «земными», в особенности перед лицом смерти, о которой он постоянно думает. В 1825 г. Brentano принимает решение сжечь свое большое незавершенное произведение, над которым он работал около десяти лет, свою «универсальную» и «мифологическую» поэму «Романсы о розовом венке», в центре которой была история религиозного искупления греха, тяготеющего над несколькими поколениями,

³⁴ Манн Ю.В. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. С. 722.

победы над искушениями и жизненными соблазнами, история духовного просветления главных героев. При этом замысел в авторском сознании связывался, как и у Гоголя, с «Божественной комедией» Данте (при всем глубочайшем эстетическом, философском и жанровом различии «Романсов» и «Мертвых душ»). Решение сжечь свое творение было мучительным и сопровождалось у Брентано целым комплексом переживаний. С одной стороны, здесь имело место разочарование в своих творческих способностях. Художественное воплощение в «Романсах» казалось Брентано не соответствующим высоте религиозного замысла, «неосновательным», земным и недопустимо личным — выражением собственного «разорванного сердца»³⁵. С другой стороны, поэт видит в поэме опасную поэтическую игру, эксцентричность и причудливость фантазии, изысканность и изощренность стиха, или, как выразился Н.Я. Берковский, «эстетизм виртуозности»³⁶.

В данном случае недовольство и опасение Брентано восходили к идее, известной уже ранним романтикам и наиболее отчетливо выраженной Вакенродером. Божественное созидание всего сущего Вакенродер уподоблял эстетической деятельности (мир — художественное произведение Бога), ее вершиной становится создание человека как творческой личности, в свою очередь создающей в искусстве новую жизнь. Будучи в своем генезисе божественным, искусство являет «высочайшее человеческое совершенство». Но исходя из этой двойственной (божественной и человеческой) природы искусства, Вакенродер улавливает его «опасные» глубины, соотношение в нем идеальной красоты и некоей «греховной игры», «высокомерной гордости». Воплощая «сокровенность человеческого духа», искусство в то же время оказывается царством эстетической видимости: оно «всегда подсовывает нам всего лишь прекрасное *творение* человека, в котором слиты эгоистические, в самих себе находящие удовлетворение мысли и чувства»³⁷. Д.Л. Чавчанидзе справедливо отметила, что уже у йенцев, «наряду с культом свободной одухотворенной личности», появляется «догадка об опасности, которую таит в себе развитое до предела самосознание художника»³⁸. Будучи ярчайшей художественной натурой, Брентано трагически остро ощущал эту опасность

³⁵ См.: *Аверинцев С.С.* Комментарии // Brentano C. Romanzen vom Rosenkranz. Gedichte. S. 518.

³⁶ *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 370.

³⁷ *Вакенродер В.Г.* Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 179–180; курсив автора.

³⁸ *Чавчанидзе Д.Л.* Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995. С. 24.

самопогруженности, самодостаточности искусства, придавая ей (в отличие от Вакенродера) некую демоническую окраску. Уже в ранний период Брентано усматривал в искусстве *искусственность*, способную убить любовь, которая является основой всякого познания и творчества. Искусство — «сильный бинокль, мы видим все в ореоле всех цветов радуги, никогда не заменит оно чистых очей любви»³⁹. Все более усложняясь и совершенствуясь, искусственность искусства ввергает его в «земную» сферу с ее интересами и суетой и способна отвлечь от высоких религиозных устремлений. Подобные размышления, возможно, также присутствовали в сознании Брентано, решившегося уничтожить «Романсы». Поэт отдает рукопись своему другу Дитцу с поручением сжечь ее. В самый последний момент поэт удержался от этого шага, хотя к продолжению поэмы более не возвращается, обрекая себя на молчание. Но, как тонко заметил С.С. Аверинцев, «чего ему (Брентано. — *И.К.*) <...> не удалось, так это перестать быть поэтом»⁴⁰. Гоголь также не перестал быть художником. Он жил с постоянным ощущением огромности возложенного на него свыше писательского долга, и, в отличие от Брентано, искусство всегда оставалось для него «святыней». Но не приходили ли к нему мысли, подобные тем, которые мучили немецкого романтика? В конечном итоге гоголевское «отречение» оказалось более «решительным» и трагическим.

Разумеется, сопоставление духовных исканий Гоголя и Брентано нуждается в тщательном и детальном исследовании и делать какие-либо определенные выводы преждевременно⁴¹. Но можно с достаточной долей уверенности предположить, что, при всем различии индивидуальностей, творческих личностей немецких романтиков и позднего Гоголя, при всей важности того обстоятельства, что речь в одном случае идет о православной религии и православных ценностях и традициях, а в другом — о католических⁴²,

³⁹ Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 645.

⁴⁰ Аверинцев С.С. Поэзия Клеменса Брентано // Brentano C. Romanzen vom Rosenkranz. Gedichte. М., 1985. С. 25.

⁴¹ На возможность сопоставления брентановского намерения сжечь «свое лучшее произведение во славу Божию» с другими аналогичными эпизодами из истории романтизма указал В.М. Жирмунский: «Оно может быть сопоставлено с тем аскетическим отвращением от художественного творчества своей юности, которое испытывали другие представители романтической мистики, обращенные в церковную веру. Среди немецких романтиков — Фр. Шлегель, Захарий Вернер; среди современных поэтов — Гюйсманс; среди русских современников Брентано — Гоголь, сжигающий рукопись своих “Мертвых душ”» (Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 202).

⁴² Об отношении Гоголя и европейских романтиков к различным религиоз-

в судьбах и духовном развитии русского и немецких писателей открывается какая-то общая и очень важная закономерность эволюции философско-нравственного и художественного сознания романтической эпохи. В русле этого общего движения, по-видимому, находится и то явление, которое часто называют «духовным кризисом Гоголя».

ным конфессиям см.: *Дмитриева Е.Е.* Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М., 2011. Гл. 3. С. 269–320.

ОТ ПИСЕМ К «ВЫБРАННЫМ МЕСТАМ...»

Характеристики, данные самим Гоголем «Выбранным местам из переписки с друзьями» сразу после выхода книги в свет, неоднозначны. Они были спровоцированы и жесткостью оценок, высказанных современниками в критических статьях, в письмах либо в устном общении, и личным аналитическим осмыслением нового сочинения, оказавшегося столь неожиданным для большинства читателей. Автора удивило, что о нем самом говорят чуть ли не больше, чем о книге, но, вместе с тем, он, скорее всего, понимал, что тому имелись определенные (и немалые) основания. Еще в откликах на свои личные письма он находил упреки в скрытности, неискренности, в проповедническом тоне. Письмо как литературная форма было выбрано Гоголем и потому, что его эпистолярные послания оказывались, как полагал писатель, не вполне понятными и действенными¹. Преображение документального текста в структурообразующую форму текста литературного (в котором художественное начало не было основополагающим, но не исключалось) представлялось и оправданным, и необходимым: книга могла «договорить», развернуть и усилить те позиции, которые высказывались в личных письмах 1840-х гг., а вместе с тем, представить новое литературное явление (своего рода метатекст), которое, синтезируя документализм и художественность, обнаруживало в том и другом новые возможности.

Поэтому, изнемогая от жестких отзывов², Гоголь, тем не менее, писал о книге: «...мне кажется в ней все так напыщенно, неумеренно, неумеренно, что от стыда закрываю вперед обеими руками лицо» (XIII, 232), то есть книга тяжела для восприятия, в ней недостает простоты, ясности слога. П.А. Плетневу он комментировал ситуацию: «Припоминая себе хорошен<ько> письма, я вижу, что отчасти виной робости цензуры не смысл и дух писем, но

¹ Подробнее см.: Анненкова Е.И. Письмо в структуре «Выбранных мест из переписки с друзьями» и эпистолярное наследие Гоголя // Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Десятилетие Юбилейные Гоголевские чтения: Материалы докл. Междунар. науч. конф. Москва 30 марта — 2 апреля 2010 г. М., 2010. С. 45–52.

² В письме к В.Г. Белинскому от 10 августа 1847 г.: «Душа моя изнемогла, все во мне потрясено...» (XIII, 360).

некоторые жесткие, неприличные и отчасти грубые неловкости в выражениях. Это нужно изгладить. Прочитайте вместе с кн<язем> Вяземским и вместе с ним смягчите, елико возможно, все, что найдете неловким и неприличным услышать из моих уст. Вдвоем вы будете и отважней, и осмотрительней относительно поправок» (XIII, 175). В.А. Жуковский сетовал: «Горе и досада берет, что ты так поспешил <...> Если б вместо того, чтобы скакать в Неаполь, ты месяца два провел со мною во Франкфурте, мы бы все вместе пережевали и книга была бы избавлена от многих пятен литературных и типографических, которых теперь с нее не снимешь»³. Но если бы «пережевали» текст вместе с Жуковским, была бы другая книга. В каком-то смысле, опираясь на свои личные письма в ходе работы над книгой, используя их темы, перенося в «Выбранные места» фрагменты отдельных писем, Гоголь тоже «пережевывал» вопросы, затрагивавшие его лично и представлявшие ему злободневными. Но, может быть, ему и хотелось сохранить непосредственность отклика, не переусердствовать в пережевывании рассматриваемых вопросов, тем более что злободневность их носила не столько социальный (или идеологический), сколько духовный характер.

Материал личных писем мыслился как некая основа, которая в процессе создания книги могла видоизменяться; «Выбранные места» призваны были придать максимальное обобщение затрагиваемым проблемам, но непременно — при сохранении личной интонации; отобрать, отшлифовать материал, но поддержать впечатление текста становящегося, рождающегося чуть ли не на глазах у читателей, вызвать ощущение живого послания. Однако подобная авторская интенция не только не исключала, но, напротив, предполагала продуманность работы над книгой, над ее смыслами и структурой. Узнав, что цензурой не пропущен ряд глав, Гоголь писал А.О. Смирновой: «Я до сих пор не получал ее и даже боюсь получить. Как ни креплюсь, но, признаюсь вам, мне будет тяжело на нее взглянуть. Все в ней было в связи и в последовательности и вводило постепенно читателя в дело — и вся связь теперь разрушена!» (XIII, 222).

Арх. Феодор (Бухарев) выделял «три отдела» в «составе мыслей» писателя. «Первый составляют общие и основные мысли — о бытии и нравственности, о судьбах рода человеческого, о церкви, о России, о современном состоянии мира и проч.; мысли второго отдела касаются искусства и в особенности поэзии, и, наконец, третий отдел состоит из некоторых личных объяснений ваших о себе, о сочинениях ваших, об отношении вашем к публике и проч.»⁴. При этом у Гоголя достаточно отчетливо просматривают-

³ Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 201.

⁴ Феодор, арх. (Бухарев). О духовных потребностях жизни. М., 1991. С. 258.

ся тематические блоки глав, один из которых посвящен должностным лицам, службе-служению, месту-поприщу. Цензурные изъятия коснулись в большей мере именно этих глав⁵, что расстроило автора, и он писал А.М. Виельгорской: «Все должностные и чиновные лица, для которых были писаны лучшие статьи, исчезнули вместе с статьями из вида читателей; остался один я, точно как будто бы я издал мою книгу именно за тем, чтоб выставить самого себя на всеобщее позорище» (XIII, 202). Но, как будет далее показано, цензура прошла и по другим главам, убирая из текста даже упоминания высших чиновников и должностных лиц, особенно если имелись в виду их злоупотребления.

Семь глав книги адресованы А.П. Толстому. В.А. Воропаев допускает, что поскольку не все адресаты обозначены автором и установлены исследователями, то не исключено, что Толстой был адресатом и некоторых других писем⁶. Источником же текста «Выбранных мест» становятся не только и, может быть, не столько письма к нему или заметки, восходящие к служебной деятельности Толстого⁷, сколько его личность и отношение к службе как служению.

Будучи знаком с А.П. Толстым с 1830-х годов, Гоголь сближается с ним именно в 1840-е гг., когда завершается становление религиозно-духовного сознания писателя. Толстой, выйдя в начале 1840-х годов в отставку, отправляется за границу и к службе возвращается только в 1855 г. Таким образом, можно сказать, что достаточно рано (еще до того, как Толстой проявил себя во всех сферах деятельности) Гоголь определяет для себя ракурс, в рамках которого он воспринимает современника, — как тот тип личности, который может занять принципиальное место в его книге. Он писал Н.М. Языкову 12 ноября 1844 г. о Толстом: «У меня есть один приятель, человек слишком замечательный, с которым ты после познакомишься. <...> Человек, потому замечательный, что принадлежит к слишком немногочисленному числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты,

⁵ Не были допущены следующие главы: «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «Что такое губернаторша», «Страхи и ужасы России», «Занимающему важное место».

⁶ *Воропаев В.А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2014. С. 200.

⁷ В Записной книжке 1841–1844 гг. содержится запись, навеянная, как замечает В.А. Воропаев, разговорами с гр. Толстым, — «Дела, предстоящие губернатору» (см.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1994. С. 398–404). Переписка с Гоголем, отмечает исследователь, была весьма обширна, но после смерти писателя Толстой, возможно, уничтожил свои письма (*Воропаев В.А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. С. 200).

а прямо с русской здоровой середины видит вещь. Он много видел, был два раза губернатором, в Одессе и Твери, умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоня людей, сделать существенное добро, т.е. умирить там, где иной с благородным намерением добра может произвести кутерьму и раздор...» (XII, 372). В орбите внимания писателя оказывается человек верующий, не служащий, но одаренный талантом государственного деятеля. Это сочетание углубленной, напряженной внутренней жизни — и способности к овладению «наукой жизни» осознается Гоголем как редкий дар. Толстой возвращается к службе спустя три года после смерти писателя, словно воплощая те его наказания, которые содержались в письмах и «Выбранных местах».

Личные письма Гоголя Толстому достаточно кратки, но некоторые письма-главы, адресатом которых он является или подразумевается («О театре...», «Занимающему важное место»), весьма обширны. В основе глав, действительно, могли лежать те или иные разговоры, но писатель, скорее всего, более подробно развивает темы, представляющие для него (в контексте «Выбранных мест») наибольший интерес. Знаменательно, что это две главы, посвященные принципиально разным сферам жизни, но значимость той и другой (как для автора, так, по его мнению, и для России) подчеркнута подробностью описания заявленных проблем. Гоголь мог полагать, что реальная русская жизнь, живая жизнь, воспринятая им сквозь судьбу и деятельность современника, постигнута им в достаточной мере, чтобы развернуть в книге тему служения России.

В главе «Занимающему важное место» нет подзаголовка, указывающего на ее адресата, но имя Толстого как побудившего Гоголя написать эту главу постоянно называется комментаторами. Текст суммирует впечатления писателя от достаточно близкого общения с современником, автор использует знание прежней служебной деятельности Толстого, привнося в текст конкретные реалии, при этом стремится создать некий обобщенный образ человека, «занимающего важное место» — как преодолевшего «честолюбие», оценившего и приобретшего «христианское смирение», но обладающего, вместе с тем, знанием конкретной жизни в разных ее сферах. Гоголь помечает главу 1845 годом. Эта же дата поставлена в конце главы «Нужно проездиться по России». «Нужно любить Россию» — помечена 1844 годом. Три главы образуют, таким образом, некое смысловое единство, но не дублируют друг друга.

Две, в которых тема России заявлена уже в названиях, делят между собою взаимосвязанные, но не заменяющие друг друга аспекты жизни. В первой любовь к России увязана в «один общий узел» с темой любви к Богу и к ближнему; во второй призыв «про-

ездиться по России» предполагает знание конкретики жизни и способность послужить именно ей. Глава («Нужно проездиться по России») начинается с полемической ноты, в том числе, как может показаться, и по отношению к предыдущей главе (в книге они помещены друг за другом); она начинается фразой: «Нет выше звания, как монашеское...» (VIII, 301), но почти сразу вслед за тем идет гоголевский тезис: «Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней» (там же). Здесь, конечно, нет смыслового противоречия, более того, Гоголь по-своему интуитивно учитывает традицию древнерусской словесности, тесно связанной с церковной культурой: забота о душе и об отечестве не исключают друг друга. Но каждое служение подается Гоголем как имеющее свою ценность и требующее полной отдачи душевных и духовных сил.

Своеобразным источником главы «Нужно проездиться по России» и становится служебная деятельность Толстого 1830-х годов (исполнение должности Тверского гражданского губернатора; военного губернатора в Одессе с управлением и гражданской частью; ср.: «...Бывши губернатором в двух совершенно противоположных губерниях <...> вы набрались прямых и положительных сведений о делах, внутри происходящих, и узнали в истинном виде Россию»; VIII, 302), особый акцент делается на способности организовать службу («заставить всех других работать», умение выбрать «самых чиновников»; там же). Итак, способности есть, но «нынешнее время» требует готовности «проездиться по России», узнать, какова она сейчас. Гоголь готов выстроить некую программу деятельности Толстого (а одновременно — человека, наделенного даром понимать и преобразовывать жизнь), торопя его, настаивая на необходимости применить свои способности уже на другом, «более просторнейшем поприще», тем самым — пробудить и других: «Что ж? разве мало мест и поприщ в России?» (VIII, 303).

Автор «Выбранных мест» выстраивает программу деятельности человека, способного превратить «место» в «поприще», но одновременно создает и обобщенный образ России как духовно-практического поприща для каждого гражданина, в ней живущего. Тему гражданского служения, имеющую давнюю традицию в литературе, он наполняет новым содержанием, во всяком случае, существенно дополняет. «Гражданин земли своей» — словосочетание, занявшее принципиальное место во втором томе «Мертвых душ», именно таковыми делал своих воспитанников «чудесный наставник» Александр Петрович. Но само понятие готовится и общей логикой «Выбранных мест», предстает как формирующееся: «гражданин земли своей» — тот, кто потенциально может стать и хотел бы стать «гражданином небесного государства». А для этого

нужно отказаться от всяких «слухов», «мнений» о России, от «односторонних и ничтожных заключений». Чтобы узнать «Россию нынешнюю» (VIII, 303), и «нужно проездиться по России» самому, отказавшись, в том числе, и от «собственных своих выводов» о ней; «изучать не достопримечательности», а человека, который «стоит того, чтобы его рассмотреть с большим любопытством, нежели фабрику и развалину» (там же). Итак, опираться не на теории, порожденные умом (о свободе, о правах), а на непосредственное ощущение, соприкосновение, слияние с Россией; ощутить себя внутри России, познать все ее сословия и стать «примиряющим лицом», «миротворцем», ибо «все перессорилось» (VIII, 304).

Объемная глава «Занимающему важное место» в какой-то мере обобщает гоголевские размышления о местах-поприщах, демонстрирует обращенность автора к практике жизни, именно здесь непосредственно используется запись «Дела, предстоящие губернатору», конкретно называется должность, параметры которой рассматриваются, — «генерал-губернатор», обнаруживаются текстовые сближения с последней главой второго тома поэмы (монолог генерал-губернатора) и с незавершенным трактатом «О сословиях в государстве». Автор «Выбранных мест», действительно, в известном смысле, предвосхищает будущую деятельность А.П. Толстого. Но прежде всего, он пытается предложить русский вариант исполнения важной должности. Именно в этой главе встречаем тезис — «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения, и устроить их так умно, как устроили вы, есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремлении к полному развитию сил его и которые мешают ему пользоваться как дорогами, так и всякими другими внешностями образования, о которых мы так усердно хлопочем, есть дело еще нужнейшее» (VIII, 352). Европейская цивилизация «устроила» и дороги, и мосты, но при этом породила целый ряд вопросов: «Зачем эта скорость сообщений? Что выиграло человечество через эти железные и всякие дороги...» (там же). Абсолютизация тех критериев развития, обновления, усовершенствования, которую видит Гоголь на Западе, вызывает у него недоумение. Даже узнав, что цензурой оказался изъят ряд глав книги, и еще не имея точных сведений, каких именно, Гоголь написал А.О. Смирновой: «Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги» (XIII, 222).

Что же требуется от генерал-губернатора либо от любого другого, занимающего важное место, кроме того, что тот вступит «в общение чуть ли не с каждым»? — Чтобы он смог «вести всякую должность в ее законные границы» (VIII, 353), чтобы имел на дво-

рян «влияние нравственное» (VIII, 355) и ввел их «в познание истинное своего звания» (VIII, 359).

Но любопытно, что в личном письме к А.П. Толстому от 5 марта 1845 г. Гоголь советует тому наложить на себя «обет добровольного воздержания *в слове* во все продолжение этого времени» (XII, 462–463. Имеется в виду пост), а также просит сообщать «результаты разговоров, слушаний, чтений и, наконец, результаты душевные ваши...» (XII, 463). Последнее, по Гоголю, — также принципиальная составляющая жизнедеятельности «занимающего важное место» в России. И в личной переписке с Толстым (в том числе, после выхода в свет «Выбранных мест») тема душевного самовоспитания, основой которого является постоянное чтение Евангелия и сочинений Отцов Церкви, является постоянной. В письме от 5 августа 1847 г. граф характеризует современное состояние жизни и констатирует отступление от основ жизни христианской в России и на Западе⁸; он упоминает и Америку, но признается: «Впрочем, что бы я ни читал, везде мне чудится Россия...»⁹. Ответное письмо Гоголя позволяет предположить, что о России он высказался в полной мере в «Выбранных местах», и далее — именно душа остается главным предметом размышлений: «Ваши известия о бедной нашей России неутешительны <...> Но как подумаю, ведь нам прежде всего нужно жить в Боге, а не в России. <...> Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться (закон этот можно исполнять всюду), а о России Бог позаботится и без нас. Как ему оставить ее, если есть столько людей, которые о ней молятся? Помолимся и мы о ней крепко, как только можем молиться, а потом палку в руки и вновь в путь-дорогу, по примеру всякого помышляющего о душе своей человека» (XIII, 355).

Ориентация на личность, на данные ей «дары» проявляется и в других главах гоголевской книги. В этом просматривается и сознательная установка автора, обусловленная стремлением познать русского человека в его нынешнем состоянии, и особенность творческого процесса, в 1840-е годы предполагающая посыл к живому читателю, готовность задеть его, растормошить и одновременно самому высказаться свободнее и полнее. Так, в 1844 г., в письме к С.Т. Аксакову, Гоголь давал совет его старшему сыну Константину: «Что бы он ни написал, ему следует, перед тем как он принимается за перо, вообразить себе живо личность тех, кому и для кого он пишет. Он пишет к публике, личность публики себе трудно представить, пусть же он на место публики посадит

⁸ «Меня ужасает всеобщее, единодушное и постоянное угождение всем презреннейшим страстям и похотям человеческим» (Публикация В.А. Ворopaева: Ворopaев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. С. 202).

⁹ Там же. С. 202–203.

кого-нибудь из своих знакомых, живо представит себе его ум, способности, степень понятливости и развития и говорит, соображаясь со всем этим и снисходя к нему, — слово его непременно будет яснее. Чем он возьмет менее понятливого человека, чем этот человек будет менее сведущ, тем он более выиграет» (XII, 407–408). От человека пишущего, приходит к убеждению Гоголь, требуется соединение двух способностей — «вообразить» личность того, «для кого он пишет», и жить «жизнью, углубленною в себя». Это выражение он употребляет в письме к М.П. Погодину (1843), начиная письмо с упрека, а затем высказывая совет: «Ты никогда не всматриваешься во внутренний смысл и значение происходящих событий <...> Я знаю, что у тебя, за тысячью разных хлопот и забот, дергающих тебя со всех сторон, нет времени переворачивать на все стороны всякое событие и оглядывать его со всех углов. Но нужно это делать непременно, хотя в те немногие минуты, когда душа слышит досуг и способна хотя несколько часов прожить жизнью, углубленною в себя <...> Нужно прожить долгою, погруженною глубоко в себя жизнью» (XII, 229, 230–231).

Этот творческий принцип, формирующийся постепенно, в полной мере осознается (как авторская задача) в ходе работы над «Выбранными местами». Поэтому и оказывается возможным перенесение в книгу фрагментов личных писем. Знаменательно, что подобную процедуру Гоголь проделывает, прежде всего, с адресатами, сферы деятельности которых принципиально различны, — с Н.М. Языковым и А.О. Смирновой. Гоголь хотя и ценил эстетическое чутье Смирновой, но благодаря вовсе не этому качеству она потребовалась писателю как персонаж его книги. Общение их в 1840-е годы более всего было посвящено обсуждению духовных вопросов, однако в «Выбранных местах» оказались актуализированы такие ипостаси бывшей фрейлины, как «женщина в свете» и «жена для мужа», и то, в каких формах они могут реализоваться на поприще «губернаторши». В Смирновой, таким образом, Гоголь готов был разгадать и представить женскую натуру как таковую (хотя для глав «Женщина в свете» и «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» писатель подыщет и других современниц в качестве прототипов).

В связи с назначением Н.М. Смирнова губернатором Калуги летом 1845 г. Александра Осиповна осенью переезжает в провинциальный город — ситуация идеальная для Гоголя: дело души (постоянная тема эпистолярного и непосредственного общения со Смирновой) и дело жизни, практика жизни объективными обстоятельствами сведены вместе.

Порожденный общением с А.П. Толстым интерес к деятельности «генерал-губернатора» (или любого другого, «занимающего

важное место»), ставшей предметом внимания в соответствующей главе, повлек за собой и осмысление труда «губернаторши». Типажи, на первый взгляд — социальные, рассматриваются Гоголем как представляющие нерасторжимое единство социального и нравственного. В поэтику натуральной школы, занявшей немало-важное место в литературном процессе 1840-х годов, Гоголь привносит новое содержание, и его «типы» начинают жить «погруженною глубоко в себя жизнью» — в немалой степени благодаря тем реальным лицам, с которыми сближается автор. Их духовный опыт, воспринятый как родственный и пропущенный через собственное восприятие, Гоголь делает доступным читателям, придавая этому опыту исторический и культурологический смысл.

Письма Смирновой Гоголю из Калуги подтверждают его писательскую и человеческую интуицию. Она, конечно, более всего пишет о своих душевных тревогах. Может показаться, что Гоголь обращает на это внимания меньше, чем ожидает его корреспондентка, и буквально бомбардирует ее вопросами-заданиями: описать чиновников, их жен, священников, светских львов и т.д. Но, в сущности, Смирнова, прибыв в Калугу и присмотревшись к ней, чуть ли не провоцирует писателя задавать ей подобные вопросы: «Что сказать мне вам из Калуги, из сердцевины России, доселе мне известной по предчувствию, по догадкам. Это не Петербург: отсюда такая бездна может подняться наблюдений, размышлений, дум печальных и вместе утешительных, столько мною узнано, сознано, начувствовано, испытано в течение трех месяцев, что я не знаю, с чего и начать»¹⁰. Да, в этом письме она уже откликается на просьбу Гоголя подробно описывать ее пребывание в Калуге, делиться внутренними тревогами, но словно улавливает проявляющийся в этом и писательский интерес, пеняет на то, что о самом себе Гоголь пишет мало, но и сама переводит разговор в другую плоскость — о Калуге, признаваясь, однако, что не умеет «никогда сделать очерка»¹¹. Гоголю, действительно, нужны были прежде всего «очерки», правда, не только социально-бытовые, но и психологические, что Смирнова как раз умела делать. Поэтому можно сказать, что происходило некое встречное движение. Писатель советует, прежде чем действовать, «узнать получше всех в губернии <...> всех и каждого выпросить» (XII, 504), воспринимать Калугу как «лазарет», где всякий нуждается в помощи. Но интуитивно он ощущает, что и для самой Смирновой губернский город может оказаться лазаретом.

Переписка со Смирновой, может быть, в большей степени, чем общение Гоголя с другими корреспондентами, позволяет по-

¹⁰ Русская старина. 1890. Т. 67. № 7. С. 196.

¹¹ Там же. С. 197.

нять, что писательский труд в 1840-е годы мыслился им прежде всего как жизнедеятельность. Эпистолярное общение со Смирновой раскрывает сам механизм подобного творчества, в котором «слово живо» функционирует однородно в литературном тексте и тексте самой жизни. Материал для книги органичным образом собирается из самого процесса общения, а не только из тех описаний, которые автор получает от своей корреспондентки. И когда возникает ощущение, что и конкретный фрагмент книги в виде главы уже может сложиться, Гоголь отправляет Смирновой очередное письмо (от 6 июня 1846 г.), текст которого и пишется им как глава «Выбранных мест». Внося его в книгу, писатель делает очень незначительные поправки стилистического характера, чуть-чуть усекает тему здоровья, но и эпистолярный, и книжный тексты начинаются этой темой — «Я рад, что ваше здоровье лучше...» (XIII, 67; VIII, 308), другое дело, что Гоголь тут же ее прерывает: «Но в сторону наши здоровья...» (там же и там же). Автор и корреспондентка уравниваются в их житейских и духовных коллизиях; она становится чуть не соавтором текста, но наметившееся предположение подобного рода автором снято: героиня книги все же не самоценна, она, в известной мере, — творение Пигмалиона, который создал образ и полюбил его. Уже после выхода в свет «Выбранных мест» Гоголь практически признавался Смирновой, что «письмо», отправленное к ней, создавалось для книги: «Письма эти были к помещикам, к должностным людям, письмо к вам о том, что можно делать губернаторше, попало также туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вам не совсем кстати: я, писавши его к вам, имел уже в виду многих других и желал посредством его добиться верных и настоящих сведений о внутреннем состоянии душевного люда, живущего у нас повсюду. Мне это нужно; вы не знаете, как это вразумляет меня» (XIII, 223).

Хотя Гоголь и был убежден, что подлинное «дело жизни» — это дело души, форма подобного единства или взаимодействия постоянно его занимала как некая тайна. Поэтому и в книге два плана — непосредственной жизни и жизни внутренней; при всей их взаимосвязи они по-своему автономны; до определенного момента явление исследуется само по себе, чтобы понять, в чем его существо и что с ним можно сделать (и как можно на него воздействовать).

Думается, Гоголь первым в литературе пытается исследовать механизм практической жизни самой по себе — не как фон для литературного сюжета или один из факторов воздействия на характер героя, а как некую самостоятельную субстанцию. Этот опыт дает о себе знать и в «Выбранных местах», и во втором томе «Мертвых душ», но в книге опубликованной, хотя и не целиком, в 1847 г., эта реальность жизни предстает без опосредований: в том виде, как она мыслится и конструируется автором.

«Русский помещик» — по-своему самая уязвимая глава книги. Не случайно она вызвала гнев и сарказм В.Г. Белинского, упреки в том, что автор «Выбранных мест» учит помещика, как бить крестьян, и настаивает на вреде грамотности для народа. Будучи вынесена за пределы книги (то есть переведена в другую систему координат), глава выглядела бы нелепостью. Однако в системе воззрений Гоголя 1840-х гг. она не только не случайна, но вполне логична и убедительна. Как и многие другие сюжеты книги, глава вырастала из личных гоголевских писем, но не дублировала их, а выводила рассматриваемые вопросы на иной уровень. Но если в большинстве случаев текст книги тяготеет к большему обобщению и символизации смыслов, обозначенных или развертываемых в личном письме, то в данном случае отношения писем Гоголя и главы «Выбранных мест» оказались другими.

Содержательные сближения с главой «Русский помещик» можно заметить, прежде всего, в письмах 1843 г. к матери и сестрам, отчасти — к А.С. Данилевскому. Вряд ли случайно особое место в данном случае занимает семейная переписка. Гоголь в посланиях к родным — любящий сын, но старший брат, что определяет чередование двух авторских интенций: терпеливой любви и строгого поучения. При этом в письмах он разрабатывает некую систему организации хозяйственных занятий, создает своего рода идеологию хозяйствования¹², в книге же предлагает практический вариант **поведения** помещика и заодно — сельского священника. Этим обусловлен разговорный стиль главы, имитация живого общения — как будто на равных. В личных письмах достаточно много понятий обобщенных — «долг», «обязанность», «благо» и др.; в книге — скорее, их расшифровка и конкретизация.

В письме к М.И. Гоголь (2-я пол. марта — апрель 1843 г.) после советов, адресованных матери, идет фраза: «Теперь обращаюсь к сестрам...» (XII, 167), однако обращение к сестрам сбивается на стиль педагогического трактата: «Есть ли хоть тень какого-нибудь исполнения долга во всем том, что мы делаем? Если подвластный создан для того, чтобы трудиться для нас и исполнять наши повеления, разве мы не созданы для того, чтобы обращать во благо труд его и уметь давать ему повеления, задавать беспрерывно вопросы уму нашему, как улучшить работу рук его и удесятить плоды от работы рук его...» (XII, 169); «Подумали ли они о том, что, может быть, те обязанности, которые кажутся низкими

¹² Гоголевская «идея хозяйствования» (в основном, на материале главы «Чем может быть жена для мужа...») убедительно рассмотрена в статье: *Шведова С.О.* Идея хозяйствования в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Русская классика между архаикой и модерном. СПб., 2002. С. 49–54.

и скучными, вовсе не низки и не скучны, и что, прежде чем называть их низкими или скучными, нужно, может быть, слишком глубоко узнать их, исследовать и рассмотреть, что они в самом деле такое, и что, может быть, после долгого всматривания в них пристально откроется, что многое из того, что мы считали унижающим душу, возвышает и наполняет неведомым дотоле благородством?» (XII, 170). В письмах, как можно видеть, — своеобразный план вопросов, которые могут быть развернуты в книге. То, что весной 1843 г. замысел книги еще не зарождается в сознании Гоголя, а письмо может быть истолковано как преддверие «Выбранных мест», свидетельствует об органичности движения писателя к новому сочинению, об интуитивном подборе материала, который пригодится вскоре.

В письмах Гоголь старается открыть сестрам глубокую оправданность обыденных дел, духовный смысл привычных занятий и тем самым — выработать у близких ему людей тот строй души, фундамент которого заложен евангельскими традициями. При этом Гоголь влечет именно состояние «радости» и «веселья», доступное человеку и предопределенное христианским вероучением, в письмах к родным он неоднократно развивает эту тему: «Только один, позабытый нами полезный труд есть родник душевного веселья, твердого стояния в мире, непоколебимого покоя душевного, ясного воззрения на мир, светлого стремления к Богу» (XII, 172). Приоткрывая текстом своего письма «веселье души» сестрам, Гоголь и создает некую базу для осмысленного, радостного труда: «Поговоримте лучше теперь о хозяйственных делах <...> Хозяйственные дела у нас в России стали плоше прежнего...» (XII, 172–173). Россия здесь, конечно, появилась также не случайно. Адресованность эпистолярного текста не только ближнему кругу, но русскому миру в целом — также является предпосылкой для будущей (и уже близкой) работы над книгой.

Далее в письме дается характеристика «хозяина», каков он есть и каким должен быть. Гоголь использует свое знание проповеднической традиции; его слово напоминает обращение немудреного священника к селянам, мелкопоместным дворянам. Писатель осваивает стиль бытового практического поучения, словно демонстрирует тот урок священнослужителю, который в книге вменит в обязанность помещику. Можно предположить, что Гоголь разрабатывает многообразные роли, которые встречаются в практике жизни, во всяком случае, на стилевом уровне он опробует различные речевые амплуа и характеры.

А в письмах 1845 г., когда замысел книги уже определяется, Гоголь и сестрам начинает делать примерно те же запросы, что и Смирновой, веля описывать все, что они видят: избы тех или иных крестьян, их добрые свойства и недостатки, каковы они с женами;

готов дать необходимые советы. Но он уже знает, что вопрос о ведении домашнего хозяйства будет представлен в книге в концептуальном плане, бытовые конкретные занятия и отношения представлены как воспитывающие волю (тема эта, поставленная в главе «Чем может быть жена для мужа...», определенно намечена и даже развернута в письме, которое относят к октябрю — началу декабря 1845 г.).

От идеологии хозяйствования к идеологии жизни — этот повествовательный дискурс, выстраиваемый в «Выбранных местах» и проверяемый автором по откликам, которые вызвала книга, получает свое продолжение в размышлениях Гоголя и после 1847 г. А.С. Данилевскому, помышлявшему о службе в Москве, но вынужденному отказаться от этого намерения, Гоголь пишет 29 октября 1848 г. про «крест, который должно нести»: «А крест никогда не бывает легок. Ты очутился против желанья, может быть, против воли помещик. Что ж делать? Нужно принять это, как данную провиденьем обязанность, глядеть на нее, как на должность, размерить день свой, отдать час или два всякое утро на хозяйство. Покуда не примиримся мы с мыслью, что жизнь — горечь, а не наслажденье, что все мы здесь поденщики и плату получаем только *там* за ревностное исполнение своего дела, — до тех пор не обратится нам жизнь в *наслажденье*, и не почувствуем значенья слов: “Иго Мое благо и бремя Мое легко есть”» (XIV, 95; курсив Гоголя). О.В. Гоголь (22 декабря 1851): «Не быть радостну, не ликовать духом — даже грех. Поэтому и ты не грусти, ничем не смущайся, не пребывай в тоске, но веселись беспрестанно, в беспрестанном выражении благодарности и признательности, вся наша жизнь должна быть немолкаемой, радостной песнью благодаренья Богу» (XIV, 263).

Тема помощи, вынесенная в название одной из глав («О помощи бедным»), оказывается сквозной в книге. Как и другие темы, она разрабатывается Гоголем и в конкретно бытовом, и в религиозно-духовном аспектах. Просьбы о помощи ему самому начинают звучать в письмах достаточно рано. В первой половине 1840-х годов они уже непосредственно связываются с творческими намерениями писателя. В феврале 1843 г. Гоголь направил письмо С.П. Шевыреву, адресованное на самом деле также С.Т. Аксакову и М.П. Погодину. В нем содержалась просьба к друзьям заняться его «житейскими делами»: взять о них хлопоты «на три или четыре года» (XII, 145). Имелись в виду дела прежде всего издательские, но Гоголь признавался (в письме к С.Т. Аксакову от 18 марта того же года), что его тревожат просьбы Марии Ивановны о денежной помощи, которые он не может выполнить. «Прежде всего я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь как найдете лучше со вторым изданием и с другими, если только последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет всякий год» (XII, 145).

Гоголь старается освободить себя от всех «житейских дел» ради написания второго тома «Мертвых душ», при этом в письме он так подробно описывает, сколько и как получал или не получал денег, как бедствовал, что создается впечатление: детальное описание житейских забот ему нужно и для того, чтобы таким образом хотя отчасти сбросить их с себя. Аргумент для друзей — работа над поэмой требует сосредоточения. Но одновременно (и интуитивно) подбирается материал для другого сочинения, где конкретные «житейские дела» приобретут литературный статус.

Аксаков, описывая уже после смерти писателя историю своего знакомства с Гоголем, признавался, что сразу по получении этих писем они не были восприняты так, «как того заслуживают», более того, были приняты «с ропотом и осуждением», но пояснял, что исполнение гоголевской просьбы и «в самом деле было затруднительно»¹³: все трое были небогаты и своих денег давать не могли (однако Аксаков находит полторы тысячи рублей и тотчас отправляет Гоголю). Этот житейский сюжет свидетельствует не столько об эгоцентризме Гоголя, сколько о пребывании его в той системе координат, в которой помощь ближнему предстает как универсальный духовный закон, освященный свыше.

В январе 1844 г. Гоголь уже сам сообщает о готовности оказать друзьям «братскую взаимную помощь», оправданность которой у него не вызывает сомнений: он посылает ее в виде совета — отдать «один час <...> дня на заботу о себе», прожить его «внутреннею, сосредоточенною в себе жизнью» (XII, 249), а для этого читать «О подражании Христу» Фомы Кемпийского; свой «братский» совет Гоголь сопровождает описанием, когда, как и в каком объеме читать названную книгу.

В февральском письме к С.П. Шевыреву, задавшему вопрос, «как уйти в себя», соглашается, что «это слишком, слишком трудно», совет все же дает, сообщает, что сам он, «проведший в борьбе с собою многие годы жизни», открыл «следующую истину: уходить в себя мы можем среди всех препятствий и волнений», однако признается: «Истину я узнал, но пребывать в ней неотлучно самому не нашел средства» (XII, 250). Вырисовывается коллизия постоянной духовной взаимоподдержки, «братской взаимной помощи», которую опробует Гоголь в практике общения, конечно, не из прагматично понятых творческих соображений, но все же интуитивно сфокусированной на выполнение ближайшей творческой задачи. Формулирование возможных видов помощи становится актом одновременно духовно-психологическим и творческим¹⁴.

¹³ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 117.

¹⁴ См. Н.М. Языкову: «Голос из глубины страждущей души есть уже помощь великая другому страждущему» (XII, 262); С.П. Шевыреву: «Помогите мне

Писатель по-своему разрабатывает многообразные формы помощи, прежде всего, психологической. При этом отвергается диктат помощи, то есть помощь, которая предопределяет абсолютную духовную власть над человеком. А.О. Смирновой пишет в августе 1844 г.: «Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*» (XII, 338). Определенная зависимость от другого допускается лишь в том случае, «когда человеку трудно без братской помощи управляться самому» (XII, 339).

Советуя М.П. Погодину, как перенести смерть жены, рекомендуя К.С. Аксакову заниматься более филологическими, а не публицистическими трудами, наставляя А.О. Смирнову в духовном самосовершенствовании, Гоголь не только проявляет искреннюю заботу и набирает опыт оказания конкретной помощи, но приобретает и опыт ее духовного осмысления, что позволяет ему в главе книги («О помощи бедным») сформулировать тезис о том, что помогать следует прежде всего тому, с кем случилось неожиданное несчастье, то есть тому, чье испытание оказывается наиболее тяжким.

Глава книги адресована А.О. Смирновой, но по сравнению с личными письмами, ей высылаемыми, здесь Гоголь как будто намеренно сужает вопрос, заговорив не о помощи в целом, в разных ее проявлениях, а о помощи бедным; в самом начале текста еще более конкретизирует тему, сказав о голодающих «целиком губерниях». Стремление автора «Выбранных мест» к конкретной постановке вопросов проявляется и здесь, однако на первом плане оказываются все же не голодающие губернии и глупость «петербургской молодежи», подносящей «золотые венки и кубки чужеземным певцам и актрисам» (VIII, 234). На первом плане — природа человека, бездумно уклоняющегося от прямого пути, то есть «всем нам общая человеческая беспечность» (VIII, 235). Духовное укрепление человека (как мыслил одну из задач своей книги Гоголь) и требуется, и наиболее возможно прежде всего тогда, когда посылается «несчастье внезапное», и «одна только выдача денег» не поможет — «наставьте его», «объясните и ему истинное значение несчастья <...> дабы он изменил прежнее житие свое (VIII, 235).

теперь, а я, как состроюсь и сделаюсь умней, помогу вам» (XII, 267); ему же: «...Все, что ни произошло в душе моей, все, что ни выстрадалось в ней в тишине и в сокрытии от других, выстрадалось для добра и для того, чтобы я действительно был в возможности быть полезным другим» (XII, 392).

На фоне многочисленных и пространных писем Гоголя, в которых тема помощи поворачивается всеми ее гранями, данная глава может удивить и своей краткостью, и определенной локальностью ее содержания. Максимально выигрышный для литературного произведения материал, позволяющий оценить способность автора понимать душу человека и истолковывать разнообразные душевные движения (что появляется именно в 1840-е годы и открывает совершенно новый пласт гоголевского творчества, который не был реализован в полной мере¹⁵), использован в главе минимально. Почему же? Может быть, Гоголю, именно в процессе его психологических штудий, открылась ценность пушкинского суждения о прозе: «Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ничему не служат»¹⁶. Правда, «точность и краткость», еще два признака прозы, по Пушкину, явно не были взяты на вооружение автором «Выбранных мест». А вот от пространных, блестящих в эстетическом отношении суждений Гоголь в главе «О помощи бедным», действительно, отказывается. К самым кратким относятся главы, где достаточно лаконичного, сдержанного слова, чтобы назвать вещи своими именами («Значение болезней», «О помощи бедным», «Советы», «Чей удел на земле выше», «Напутствие»). Щеголять словом, от чего предостерегали Отцы Церкви, писателю, имеющему подобный навык, не трудно. Требуется больший духовный и эстетический опыт, чтобы из разнообразия слов выбрать единственно верные. Используя в книге в целом традицию и евангельских притч, и народных религиозных легенд, в данном случае Гоголь отказывается от иносказания. В сущности, в полной мере оценить смысл небольшой главы возможно именно в единстве ее с письмами; небезынтересным было бы опубликовать подборку личных писем писателя, в которых развивается тема помощи, завершив ее главой «О помощи бедным». Именно в ней подводится итог долгих и противоречивых размышлений: «...Несчастье умягчает человека; природа его становится тогда более чуткой и доступной к пониманию предметов, превосходящих понятие человека, находящегося в обыкновенном и вседневном положении; он как бы весь обращается тогда в разогретый воск, из которого можно лепить всё, что ни захотите» (VIII, 236).

¹⁵ Смирновой писал 20 апреля 1844 г.: «Я, точно, могу сказать многое полезное душе, но только тогда, когда душа эта будет предо мною открыта вся, до последних и малейших изгибов <... > Если я вам могу теперь сказать что-нибудь полезное, то это совсем другое дело. Вы вспомните, что для этого нужен был почти год приуготовительного занятия, что мы прочли весьма многое, что заставляет обнаруживаться душу; вспомните, что мы еще **очень, очень недавно отыскиали язык**, на котором можем сколько-нибудь понимать друг друга...» (XII, 293; выделено мною. — Е.А.).

¹⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 15.

Итак, в личных письмах Гоголь совершает некий прорыв в понимании человека, чуть ли не впервые признавая: «Что ни человек, то и разная природа, что ни душа, то и разная степень ее развития, а потому и разные струны, ее двигающие» (XII, 294). Но нарабатывая некий психологический инструментарий понимания и описания отдельного человека, в книге он лишь отчасти использует этот опыт. Сохраняя принцип индивидуализации своих «героев» (за которыми стояли реальные лица), писатель в то же время тяготеет к своеобразному уравниванию читателей (в ряды которых попадали и его герои). С восхищением писал о Гомере: «Дворянин, мещанин, купец, грамотей и неграмотей, рядовой солдат, лакей, ребенок обоего пола, начиная с того возраста, когда ребенок начинает любить сказки, ее прочитают и выслушают без скуки» (VIII, 238). И его собственное сочинение, столь непохожее на «Одиссею», по авторскому замыслу, должно бы быть интересным и полезным всем без исключения, в этом и могла бы заключаться «истинно братская помощь» писателя его современникам.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОГОЛЯ КАК ИСТОЧНИК «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

Мысль о том, что из его личных писем друзьям можно собрать отдельную книгу, зарождается в сознании Гоголя в начале 40-х годов. К весне 1846 г. замысел обретает определенность, и Гоголь в письмах просит друзей беречь его послания и возвращать ему копии или оригиналы. Так, 22 апреля 1846 года он пишет из Рима Н.М. Языкову: «Кстати, об этих письмах, ты их береги. Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах... Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе. Но покамест это между нами. Мне нужно обсмотреться и все разглядеть и взвесить» (XIII, 53). Уже в этом письме отражен принцип, положенный Гоголем в основу будущей книги, — рассмотреть различные поприща, открытые человеку в современной России, указать, как и жена для мужа в домашнем быту, и человек, занимающий важное место, могут послужить Богу в своем звании. Желание прибавить «кое-что вообще о литературе» вполне вписывается в этот проект как описание смысла писательского поприща самого Гоголя.

Вскоре замысел, имевший вначале как будто исключительно ретроспективный характер — собрать и издать уже написанное, — начинает разрастаться. В письме от 5 мая н.ст. Гоголь просит Языкова беречь уже не только прошлые письма, но и будущие — «может быть, буду сообщать к тебе отныне почаще те мысли, которые нужно будет пустить в общий обиход» (XIII, 62). В том же письме появляется фрагмент, который вскоре станет отдельной главой «Выбранных мест из переписки с друзьями», озаглавленной «Карамзин».

Можно предположить, что Гоголь, отправляя письмо адресату, снял с него копию, которую потом исправлял и дорабатывал. Но скорее всего, логику своих рассуждений о Карамзине он восстанавливал по памяти, поскольку письмо Языкову он писал «на выезде из Рима» (XIII, 61) и торопился его закончить («Но довольно. Спешу укладываться» (XIII, 62)), тем более что на этом этапе его больше интересовали мысли, которые предполагалось «пустить в общий обиход», чем их конкретное словесное выражение.

Глава «Карамзин» имеет подзаголовок «Из письма к Н.М. Я....у», не оставляющий сомнения в адресате, что характерно далеко не для всех «писем», вошедших в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», но прежде всего для тех, которые имеют в своей основе реальные гоголевские послания. Превращая личное письмо в главу из книги, Гоголь сохраняет некоторые внешние признаки эпистолярного жанра: обсуждение значения личности Карамзина для России начинается в связи с конкретным поводом — публикацией «Похвального слова Карамзину», сочиненного М.П. Погодиным в связи с открытием памятника историографу в его родном городе Симбирске 23 августа 1845 года. Слово было опубликовано отдельной брошюрой (М., 1845) и кратко изложено на страницах журнала «Москвитянин» (1845. № 9). Характерно при этом, что Гоголь, переделывая первую фразу письма, намеренно убирает все «маркеры» текущего момента, сегодняшнего дня, необходимые для личного письма, прочно связанного с определенной датой календаря: «Я прочел с большим удовольствием похвальное слово Карамзину, написанное Погодиным» (VIII, 266). Ср. в письме: «*На днях я прочел с любопытством и удовольстви^{ем}* похвальное слово Карамзину, *произнесенное* Погодиным» (XIII, 61; курсив наш. — Ю.Б.).

Личное письмо требует конкретики, связанной с сегодняшней ситуацией, с горизонтами совместного опыта двух людей, состоящих в переписке. Литературный текст, читателем которого может стать любой образованный русский человек, невозможен без известной степени обобщения. Поэтому изменения, которые Гоголь вносит в свои реальные письма, касаются прежде всего внесения деталей, придающих им общероссийский и общехристианский масштаб. Так, в конце главы «Карамзин» появляется отсутствующее в письме Языкову рассуждение о способности «чудной нашей России» (VIII, 267) выслушивать правду с такой любовью, с какой не выслушивается она ни в какой иной земле. А характеризуя «явление» Карамзина, Гоголь придает ему евангельскую перспективу через отсылку к притче о талантах (Мф. 25, 14–30): «Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять» (VIII, 266). Тот же образ приумноженных талантов появляется в главе III «Значение болезней» как укор, обращенный к самому себе — «не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты» (VIII, 229), и в главе XXIX «Чей удел на земле выше» как универсальный наказ, данный любому человеку независимо от его звания и места (VIII, 367).

Другой несомненной заботой Гоголя в процессе переделки реальных писем становится сфера описания внутренней духовной жизни человека. В центре письма и главы «Карамзин» оказывается оппозиция: «необыкновенное явление» (каковым для Гоголя явля-

ется Карамзин) / «наш брат литератор» (XIII, 61). Карамзин обладает внутренней свободой, способностью и умением высказывать правду так, что все «от царя до последнего нищего» оказываются готовы ее услышать и принять. В основе этой способности Карамзина не его литературный талант, а его душа, которая в письме к Языкову названа «стройной и прекрасной» (XIII, 62) (вариант — «опрятной»); в главе «Карамзин» — «чистой и благоустроенной» (VIII, 267). Карамзину противостоит «наш брат писатель», который выражается «аляповато, дерзко» (письмо к Языкову) или «нелепо и грубо» («Выбранные места...»), чем знаменует «внутреннюю неопрятность, невоспитанность своей души» (письмо Языкову) или «неряшество растрепанной души своей» («Выбранные места...»). Если в письме Языкову определения тяготеют к эстетической сфере: стройный, прекрасный — аляповатый, неопрятный, то в «Выбранных местах...» Гоголь ищет слова, передающие связь внутренней жизни Карамзина с высшим Божественным началом: чистота как синоним святости, посвященности Богу; благоустроенность — не просто упорядоченность или гармоничность, но устройство на началах высшего блага. Наоборот, отсутствие этого духовного устройства передается предельно емким и зримым образом хаоса — «растрепанная душа».

Следующее из написанных летом 1846 г. писем Гоголя, легшее в основу одной из глав книги, — письмо из Праги к А.О. Смирновой от 6 июня н.ст. (XIII, 67–80). Возникшая на основе эпистолярного текста глава «Что такое губернаторша» вошла в третью тетрадь рукописи «Выбранных мест...», отправленную Плетневу в сентябре того же года. Вполне вероятно, что к этому времени Смирнова успела вернуть Гоголю оригинал письма или снятую с него копию или, отправляя письмо в Калугу, Гоголь позаботился о том, чтобы оставить у себя его список. Расхождений между текстом письма и текстом главы значительно меньше, чем в случае письма к Языкову и главы «Карамзин». Текстологический анализ автографа главы «Что такое губернаторша» (ОР РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 2) позволяет со всей определенностью утверждать, что Гоголь работал с текстом своего письма не по памяти, а имея текст перед глазами. В большинстве случаев вычеркнутые или исправленные писателем в тексте главы слова и выражения есть в тексте письма¹.

Что такое губернаторша	Письмо А.О. Смирновой
мое же здоровье... / мое же [плачевное] здоровье... (Л. 41)	мое же плачевное здоровье... (67)
Хвалите на всех только то, что	хвалите на всех только то, что

¹ В первом столбце варианты даны в соотношении верхнего слоя и нижнего.

дешево и просто. / Хвалите на всех только то, что просто и не стоит больших денег. (Л. 41)	просто и не стоит больших денег. (68)
тем более что сами же приписываете мне некоторое не всем общее познание людей / тем более что сами же приписываете мне и ум, и знание души, и знание людей (Л. 41 об.)	тем более, что сами же приписываете мне и ум, и знание души, и знание людей (69)
Он вас может даже навести на кое-что сделать теперь же... / Он вас может даже навести на кое-что благое... (Л. 42)	Он вас может даже навести на кое-что благое...
Я не знаю, отчего вы меня почитаете каким-то всезнайкой. / Я не знаю, отчего вы меня почитаете каким-то всезнающим. (Л. 45)	Я не знаю, отчего вы вздумали, что я какой-то всезнающий. (79)

Это сопоставление позволяет проследить процесс преобразования текста эпистолярного в текст литературный в том случае, когда само письмо, по всей вероятности, уже написано с установкой на его будущую литературную судьбу. Переделывая текст письма, Гоголь сохраняет границы абзацев, подчеркивания и даже сбои в логическом развитии мысли, которые из формы, фиксирующей естественный ход эпистолярного размышления, превращаются в осознанный литературный прием:

Я назову вам только немного из того, что она может сделать, и укажу на средства, как она может это сделать: во-первых... но я вспомнил, что я совершенно не имею никакого понятия о том, какого рода в вашем городе мещанство и купечество...	Я даже вам скажу, как именно. Во-первых... Но я позабыл, что я не имею никакого понятия о том, что такое в вашем городе мещанство, купечество и вообще весь простой народ.
---	--

Среди основных направлений, по которым идет работа Гоголя с эпистолярным текстом, можно выделить следующие:

— удлинение предложений, использование более сложных синтаксических конструкций;

— изменение порядка слов, как правило, связанное с изменением ритма удлинённой фразы;

— отказ от слишком личных деталей, касающихся как адресата (название города, имя мужа, фамилии предшественниц и т.д.), так и автора: «Но сла<ва> Богу, от дороги и мне стало несколько свежей» (XIII, 67);

— изменение времени глагола, позволяющее придать ситуации большую степень обобщения: возвратились / возвращается; стали вновь думать / начинаете думать вновь;

— добавление уточняющих и поясняющих деталей: прославилась *благотворительностью* в Петербурге; не входила ни во что, *собственно правительственное и официальное*; хвалились ~ стремлениями куда-то, *считая себя через это лучшими других* (курсив наш. — Ю.Б.);

— поиск стилистически нейтральных аналогов разговорным словам и выражениям: не в суетах / не в хлопотах; помогите его попадье / помогите его жене; общими местами, не приклеивающимися к делу / общими местами, не обращенными никакой стороной непосредственно к предмету;

— поиск слов, более точных в смысловом отношении: запачканного фрака / заношенного фрака; на вечную молитву о нем / на беспрестанную о нем молитву; любовь к людям не идеальную / любовь к людям не мечтательную.

Отметим некоторые смысловые тенденции, намечающиеся в работе Гоголя по переделке письма. Очевидно, что Гоголь заботится о создании своего образа в глазах читателей будущей книги. Он просит своего адресата подробно описывать в письмах нравственные болезни города, чтобы он мог дать советы, как исцелить их. В письме он предлагает Смирновой «глядеть на Калугу, как на лазарет» (XIII, 69); в главе «Что такое губернаторша» появляется образ лекаря, с которым должен скорее ассоциироваться сам автор, который благодаря письмам из России сможет «глядеть на весь город, как лекарь глядит на лазарет» (VIII, 310), и помочь всем «неизлечимым больным». Но подобного рода претензии, естественно, должны быть чем-то обоснованы, лекарь должен иметь верительные грамоты. В личном письме Смирновой Гоголь может сослаться на предшествующий опыт их отношений: «...ум мой, вразумленный небесной милостью, может распутать и это дело так же, как распутывал и другие» (XIII, 69). В книге, адресованной всей России, аргументация должна быть принципиально иной. Гоголь стремится вызвать в сознании читателей картину соборного единства, где брат может помочь советом брату, особенно если его ум вразумлен самим Богом. Поэтому в целом ряде мест он изменяет изначальный текст письма так, чтобы возник образ человеческого «мы», внутри которого существует он сам:

...может возвратить вослед за собою *многих*. / ...может возвратить и *всех нас*.

я и вам помог в душевном деле? / я вам помог в вашем душевном деле *более, чем кто-либо другой?*

...но внутри того же человека шевелятся добрые чувства. / ...но при всем том в глубине душ наших пребывает более чем когда-либо добрых чувств, несмотря на то, *что мы загромодили* их всяким хламом и даже *просто заплели их сами* (курсив наш. — Ю.Б.).

Особую опасность для такого «соборного» мира представляют человеческие страсти, обособляющие человека, противопоставляющие его соборному целому, лишаящие возможности слышать Божественное вразумление через брата, — «гордость, честолюбие, самолюбие». В главе «Выбранных мест...» Гоголь добавляет к этому ряду — «самоуверенность в своем совершенстве, вследствие которых никто у нас не послушается слов и увещаний своего брата, как бы они справедливы ни были» (VIII, 316).

Хотя потенциально любой брат может стать учителем и лекарем для своего брата, в практике жизни есть те, кто уже удостоился для этого особой силы и милости свыше: «ум, вразумленный Богом, может сделать лучше того ума, который не вразумлен Им» (VIII, 310). Подразумевая себя в числе таких избранников, Гоголь стремится и к тому, чтобы, даже выказывая смирение, называя себя то невежей, то ребенком, не перейти черту, которая может подорвать его духовный авторитет. Возможно, поэтому он заменяет сравнение универсального масштаба: «я глуп и глупее всех людей» (XIII, 79) — на более нейтральное: «я глуп, решительно глуп» (VIII, 319).

В процессе переработки текста письма Гоголь добавляет несколько деталей, связанных с вмешательством в жизнь человека Божественного промысла. Так, используя фразу из письма Смирновой о том, что будущее в руках милосердного Бога, в тексте «Выбранных мест...» Гоголь добавляет: «В руках милосердного Бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее» (VIII, 320); размышления о роли женщины в современном обществе побуждают его заменить выражение «ее высокую обязанность» на более высокое, связанное с понятием Божественного призвания и предназначения — «ее высокое поприще» (VIII, 319). Наконец, в финале главы, обосновывая свое право указывать «исходы, средства и пути» исцеления русской жизни и человека от «мерзости», Гоголь пишет о своем личном пути всматривания в мерзости, за которым последовало «просветление духом». В тексте главы Гоголь добавляет фразу, которой не было в тексте письма: «...и я возблагодарил еще более перед провиденьем» (VIII, 320–321), — подчеркивая и избранность своего духовного пути, и непреложность действия Божьего промысла, как в жизни мира, так и во внутренней судьбе человека.

Еще одна тема, звучание которой Гоголь стремится усилить в процессе переработки письма, — тема русского человека. В одном случае это происходит за счет усиления противопоставления рус-

ского дворянства дворянству других земель: русское дворянство, по мнению писателя, обладает настоящим нравственным благородством, тогда как дворянство других земель заражено благородством рождения и происхождения или, добавляет он в тексте «Выбранных мест...», — европейским «point d'honneur» (VIII, 314). В другом случае речь идет о сокровенных струнах русского человека, которые «могут подстрекнуть» его на широкую общественную деятельность, но «которых он сам не знает». В тексте главы «Что такое губернаторша» Гоголь дополняет: «...которых он сам не знает, по которым можно так ударить, что он весь встрепенется» (VIII, 318), тем самым разворачивая метафору «струны души», позволяя ей развиться в самостоятельный образ, ассоциативно связанный с темой русской песни, русской поэзии, а значит, и итоговой XXXI главой «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность».

Итак, в процессе переделки письма в главу происходит не только акцентирование важнейших для Гоголя тем Божественного промысла, соборного братского единства, своеобразия русского человека, но и создание смысловой ткани текста, позволяющей объединить разнородные темы «Выбранных мест из переписки с друзьями» в единое целое. Другая задача Гоголя скорее интонационная: он стремился приблизить интимный тон личного письма к тону учительной проповеди. Хотя письмо Смирновой, как было сказано выше, скорее всего, писалось уже с установкой на будущего публичного адресата, тем не менее Гоголь старается усилить ораторские элементы, используя более экспрессивную лексику и отказываясь от полутонов: Какой бы ни был человек / Каков бы ни был преступник; О, я знаю / Клянусь; что половина зол / что причина злу всего есть та. Гоголь рассчитывает на то, что на богобоязненного слушателя можно воздействовать страхом. Он советует Смирновой применять этот прием в отношении священников — «Объявляйте им почаще те страшные истины, от которых поневоле содрогнется их душа» (VIII, 318), — но и сам не пренебрегает им в отношении своих читателей. Обращение к автографу позволяет увидеть, как происходит поиск «сильной», энергичной фразы. Так, описывая варианты возможного влияния губернаторши на жизнь города, Гоголь добавляет при переделке письма многообещающее выражение «Вы будете законодательницей во всем» (VIII, 309). При этом первый вариант фразы ограничивал масштаб едва ли не законодательной деятельности губернаторши только сферой моды, более традиционной для женщины: «Вы будете законодательницей даже в наряде и платье». Стремясь к усилению эффекта, Гоголь подчеркивает: «Вы будете законодательницей даже *в самом* наряде и платье» (курсив наш. — Ю.Б.), и в конечном итоге — выбирает максимально

обобщенный и в то же время эмоционально сильный вариант — «во всем».

Наконец, еще одно направление работы Гоголя над текстом собственного письма — это размышление над природой и познавательной возможностью художественного образа. В личном письме Гоголь просит Смирнову собирать у священников и полицмейстера сведения о том, каковы в Калуге «мещанство и купечество» (XIII, 76), обещая, что «все забранные сведения послужат... к тому, что очертят перед вами, что такое в существе должен быть мещанин и всякий горожанин в нынешнем положении» (XIII, 76). Кроме того, Гоголь резко меняет качество образа, который может возникнуть в сознании адресата в результате выслушивания таких рассказов, подчеркивая выражение «примерный образ»²: «Все забранные сведения послужат к тому, что очертят перед вами *примерный образ* мещанина и купца, чем он должен быть на самом деле» (VIII, 317). В «Выбранных местах...» (по Гоголю) схватывание образа в его существе недоступно ни естественному наблюдателю (священнику и полицмейстеру), ни образованной мыслящей женщине (самой А.О. Смирновой) — оно открыто только художнику, который, перерабатывая внутри себя «весь этот прозаический существенный дрязг жизни» (VIII, 453), угадывает его центр и выстраивает вокруг него все мелочи и детали в надлежащем порядке. Поэтому Гоголь снова и снова просит свою собеседницу пересылать ему все подробности, которые заставят работать его воображение. В главе «Что такое губернаторша» он добавляет: «Мне нужно взять из среды их *живьем* которого-нибудь, чтобы я видел его с ног до головы во всех подробностях» (VIII, 317), подчеркивая слово «живьем» как основную характеристику того образа, который возникает благодаря работе художника³.

Таким образом, перерабатывая текст личного письма в главу книги, Гоголь стремится придать своим рассуждениям большую степень обобщения, литературности, что естественно при обращении к широкой аудитории; корректирует интонацию, добываясь большей силы, убедительности, выразительности; создает общее смысловое и образное поле, соединяющее все главы книги в единый организм. Он готовится к главной писательской задаче — создать во втором томе «Мертвых душ» «живьем» образ пробуждающегося русского человека, но пока решает задачу подготовительную. Опыт обширной и многолетней переписки ставит Гоголя перед задачей

² В значении «образцовый, служащий примером».

³ Ср. в «Авторской исповеди»: «Почти у всех писателей, которые не лишены творчества, есть способность, которую я не назову воображением, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами» (VIII, 449).

писать так, чтобы быть правильно понятым, достигать максимальной точности в выражении своих мыслей. Необходимость добиться точности выражения, которая может помочь достичь полноты понимания, становится особенно актуальной, когда писатель начинает ставить перед собой проповеднические задачи, полагая, что его мысль может быть значима не только для непосредственного адресата письма, но и для всякого русского человека.

Главы «Карамзин» и «Что такое губернаторша» представляют собой уникальный пример того, что письма, ставшие источником глав «Выбранных мест...», сохранились. Не исключено, что не все письма Гоголя, предшествующие книге, до нас дошли; возможно, не все письма были возвращены писателю адресатами по его просьбе. Ряд глав книги (например, «Предисловие» или «Светлое воскресение») были написаны Гоголем специально для «Выбранных мест...» и не имеют жанровых признаков эпистолярного текста. Некоторые письма не имеют подзаголовков, указывающих, кому именно они адресованы: это письма, в которых дана слишком резкая оценка личности адресата («Близорукому приятелю») или приводятся размышления, касающиеся его служебной карьеры («Занимающему важное место»). Есть письма, адресатом которых выступает собирательное лицо, на что так или иначе указывает тип подзаголовка. Это может быть родовое окончание без начальной буквы фамилии («Женщина в свете (Письмо кой)»); начальная буква имени, после которой стоят не точки, а звездочки («Чтения русских поэтов перед публикою (Письмо к Л***)»; «Споры (Из письма к Л***))»; такое сочетание начальных и конечных букв, которое не позволяет подставить конкретное русское имя («Советы (Письмо к Щ.....ву)»; «Чей удел на земле выше (из письма к У.....му)»). Не случайно, как отмечает В.И. Шенрок, «...самые близкие к Гоголю лица, начиная с недавно скончавшейся сестры его Анны Васильевны и покойных А.С. Данилевского и А.О. Смирновой, решительно не в состоянии были раскрыть фамилии корреспондентов Гоголя в “Переписке” по обозначенным инициалам»⁴. В книгу «Выбранных мест...» вошло, однако, немало писем, адресат которых легко угадывается по подзаголовку. В этом случае не только совпадают начальные и конечные буквы имени, но и количество точек в подзаголовке точно соответствует количеству пропущенных букв в имени реального адресата: «О помощи бедным (Из письма к А.О. С.....ой)»; «О лиризме наших поэтов (Письмо к В.А. Ж.....му)»; «Карамзин (Из письма к Н.М. Я....ву)»; «Нужно любить Россию (Из письма к гр. А.П. Т.....му)»; «Исторический живописец Иванов (Письмо к гр. Матв. Ю. В.....му)».

⁴ Шенрок. Т. 4. С. 578.

По мере приближения к концу книги число глав-писем с конкретной адресацией резко уменьшается. В первой тетради, отправленной П.А. Плетневу 30 июня н.ст. 1846 г., семь глав-писем адресованы конкретным людям, а две — собирательному адресату; во второй тетради, отправленной 25 августа н.ст., соотношение пять и две; в четвертой тетради, приложенной к письму от 26 сентября н.ст., девять глав-писем вообще без подзаголовка, четыре указывают на адресата, имя которого невозможно восстановить, и только в XXIII главе «Исторический живописец Иванов» адресат легко угадывается — это граф Матвей Юрьевич Вьельгорский.

Такое изменение пропорций может быть связано с тем, что по мере приближения к завершению работы Гоголь стремился представить читателю должности и поприща, занимающие все более высокое место в государственной иерархии, и, следовательно, был вынужден высказываться более осторожно. С другой стороны, письма, написанные друзьям в процессе работы над новой книгой, позволяют предположить, что замысел Гоголя составить книгу из избранных мест реальных, прежде написанных писем в процессе его творческого воплощения значительно трансформировался: письма пришлось переписывать и даже писать заново. Так, 22 июля 1846 г. Гоголь повторяет просьбу прислать копию писем о «Землетрясении» и сообщает Языкову о своем намерении их переделать: «Мне нужно их пересмотреть. Они, верно, очень вялы и неумны, как и все письма, писанные прежде. Я даже любопытен знать, как я выразил ту мысль, которая бы могла иметь на тебя некоторое впечатление и не имела никакого. Она выразилась, верно, бессильно, а может быть, даже и не выступила вовсе из-за неопрятных и неточных слов моих» (XIII, 89–90). При посылке тетрадей «Выбранных мест...» П.А. Плетневу Гоголь сетует: «Работаю от всех сил над перечисткой, переделкой и перепиской» (25 августа н.ст.; XIII, 98); «Не сердись, если не так скоро высылаю. Вины моей нет: тружусь от всех сил. Некоторые письма нужно было совсем переделать: так они оказались неопрятны» (12 сентября н.ст.; XIII, 103).

Если в мае 1846 г. Гоголь активно просит друзей снять и переслать копии его писем к ним, то 30 июля, посылая начало «Выбранных мест...» Плетневу, он сообщает: «Жду возврата некоторых писем еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены» (XIII, 92). Фраза, свидетельствующая как будто о некоторой доле случайности в формировании композиции книги, может говорить об обратном: целостный образ книги к моменту отсылки первой тетради окончательно сложился в сознании писателя и утратил прямую зависимость от его эпистолярного наследия. Поэтому и последние главы книги все очевиднее отходят от реальных посланий и даже их имитации.

Таким образом, мы можем констатировать, что в процессе работы Гоголя над текстами глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» потребность в точном эпистолярном выражении переходит в поиск слова не только точного, но и наделенного художественной энергией: слова «опрятного», т.е. максимально точно передающего «дело души», и энергичного, сильного — способного воздействовать на читателя и вдохновить его на «дело жизни». Гоголь обращается к собственному эпистолярному наследию как к непосредственному источнику книги, но преодолевает границы автодокументального жанра⁵. Мы полагаем, что можно говорить о формировании в творчестве позднего Гоголя особого синтетического, автодокументально-художественного жанра, который предполагает сложную взаимосвязь частей, перекличку тем и образов, специфическое функционирование слова, но при этом сохраняет тот непосредственный контакт с реальностью, который затруднен или ограничен в собственно художественном тексте с присущей ему сложной системой условностей.

⁵ О понятии «автодокументальная литература» см.: *Савкина И.Л.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 9.

ПИСЬМО ГОГОЛЯ РОДИТЕЛЯМ ОТ АВГУСТА 1822 ГОДА

(история публикации, судьба автографа, источники текста)

Среди нежинских писем Н.В. Гоголя (в ту пору еще Гоголя-Яновского) в родной дом (родителям, а потом матери¹) немало таких, тексты которых известны, но автографы которых утрачены. При первом издании (П.А. Кулишом²) подлинники (тщательно хранимые Марией Ивановной Гоголь, еще здравствующей) были в относительной целости³, большая их часть сохранилась и ко времени следующего издания писем — в первом томе четырехтомного собрания 1901 года под редакцией В.И. Шенрока⁴. Основные потери случились позже — в первом Полном собрании сочинений Н.В. Гоголя (издание АН СССР), в десятом (первом эпистолярном) томе, изданном в 1940 году⁵, зафиксирован уже целый ряд лакун. Спасительным выходом из этой ситуации для текстологов первого академического издания послужил (и послужит в дальнейшем) уникальный, практически чудом уцелевший источник — цензурный экземпляр упомянутого издания П.А. Кулиша, хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Письма нежинского периода составляют одну единицу хранения⁶. Эта рукопись, с разрешением цензора, его правкой и пометками, является авторитетным источником текстов гоголевских писем и с большой степенью точности замещает отсутствующие подлинники. Из шестидесяти шести нежинских писем Гоголя родителям и матери

¹ В.А. Гоголь, отец Н.В. Гоголя, скончался 31 марта 1825 г.

² Сочинения и письма Н.В. Гоголя: В 6 т. / Издание П.А. Кулиша. Т. 5: Письма, с 1820 по 1842 год. СПб., 1857. Цenz. разр. 28 марта 1857 г. Цензор Н. Гиляров-Платонов (далее сокращенно: *Соч.* 1857).

³ Сохранились, конечно, не все письма. О лакунах свидетельствуют и сами тексты гоголевских автографов — в них зачастую упоминаются письма, которые неизвестны. Невозможно сказать, какой объем писем был предоставлен материю Гоголя, М.И. Гоголь, в распоряжение первого издателя, П.А. Кулиша.

⁴ Письма Н.В. Гоголя: В 4 т. / Ред. В.И. Шенрока. Т. 1. СПб., 1901 (далее сокращенно: *Письма* 1901).

⁵ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. X. <Б.м.>: Изд-во АН СССР, 1940 (далее сокращенно: *Ак*).

⁶ ОР РГБ. Ф. 74. К. 10. Ед. хр. 1.

в академическом издании по этому источнику напечатано семь и половина еще одного.

Настоящая работа посвящена судьбе лишь одного из утраченных автографов Гоголя-гимназиста. Речь пойдет о письме 1822 года В.А. и М.И. Гоголям. Этот учебный год (1822/23 гг.) представлен в эпистолярном наследии Гоголя крайне бедно — всего лишь тремя письмами родителям: от 7 января, 10 октября и письмом без даты. Нас интересует именно последнее. К тексту письма нам придется обращаться часто, поэтому приведем его полностью — по академическому изданию, где оно условно датировано августом 1822 г.:

Дражайшие родители

папінька и маминька!

Извините меня, что я в первом моем письме не мог обстоятельно описать приезд мой сюда, причиною сему была скорость, с каковою я вам писал боясь не опоздать. Я теперь переведен в четвертый класс и, слава богу, учусь со всем старанием. Но меня беспокоит более всего ваше молчание и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вам писал. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Но советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?

Я, слава богу, здоров и весел... немного грустно расставшись с вами да нечего делать, книги же пришлю по первой почте, как с<коро> пришлете мне деньги, потому ч<то> нечем будет заплатить на почту. Я и теперь позычил денег немного за письмо это, которое я к вам пишу; а потому прошу вас покорнейше прислать мне оных денег.

Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

Р. S. А вы, дражайшая маминька, не позабудьте мне прислать припасов, которых вы обещались, и еще ежели можно бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня известить о здоровье вашем, также и о моих сестрицах, бабушке.

(Ак. X, 39–40⁷)

Впервые письмо было опубликовано в издании П.А. Кулиша — по автографу, без даты, без слов: «Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном. Николай Гоголь-Яновский», после письма от 10 октября 1821 г. и перед письмом от 23 марта 1823 г. (Соч. 1857. Т. 5. С. 9⁸). Такое местоположение было оспорено уже в следующей публикации письма (см. ниже).

О текстологических особенностях первой публикации можно в большой мере судить, сопоставив ее с сохранившейся цензурной

⁷ Далее ссылки на эту публикацию приводятся без указания тома.

⁸ Далее ссылки на эту публикацию приводятся без указания тома.

копией письма — в составе источника, о котором мы уже говорили (цензурный экземпляр пятого тома издания Кулиша⁹). Казалось бы, здесь не должно быть существенных расхождений — ведь цензурная копия изготовлена на основании автографа гоголевского письма. Однако на самом деле все обстоит несколько иначе. Цензурная копия, судя по всему достаточная близкая к оригиналу письма, подверглась правке — редакторской и корректорской, в ходе которой в ее первоначальный текст были внесены изменения (частично в саму копию — чернилами и красным карандашом, частично на стадии корректуры).

1. В копии вычеркнуты слова «Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном. Николай Гоголь-Яновский» (подпись с предшествующими словами не приводится П.А. Кулишом и в других случаях, начиная с письма от 13 августа 1821 г., снабженного следующим редакторским примечанием: «С этого письма я не буду больше печатать обычных окончаний писем, исключая только тех, которые почему-либо интересны. П.К.»¹⁰).

2. Некоторые мелкие особенности орфографии унифицированы и приведены в соответствие с действующими грамматическими правилами. Так, понижены традиционные для Гоголя прописные буквы в обращениях: Родители (на стадии корректуры); Маминька (в двух случаях), Папинька, написание суффиксов при этом было сохранено (правка в самой копии). Также была понижена прописная буква в слове «Профессор» — в двух случаях (в самой копии).

3. Были расставлены необходимые знаки препинания. При этом одно из предложений («Извините меня, что я в первом моем письме ~ боясь не опоздать») было разбито на два; два других («К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку»), наоборот, объединены в одно (оба исправления — в самой копии).

Все эти и другие расхождения полностью представлены в своде вариантов всех известных к настоящему времени рукописных и печатных источников текста письма (см.: Приложение).

Следующая публикация была осуществлена В.И. Шенроком — в первом томе четырехтомного издания писем¹¹. Шенрок оспорил местоположение письма в издании Кулиша. В обширном подстрочном примечании он привел очень основательные аргументы для датировки письма августом 1822 г. (июль — или самое позднее — август, «не позже августа»¹²). Та же датировка — начало

⁹ ОР РГБ. Ф. 74. К. 10. Ед. хр. 1. Л. 5 об.–6.

¹⁰ Соч. 1857. С. 5.

¹¹ Письма 1901. Т. 1. С. 14–15 (далее ссылки на эту публикацию приводятся без указания тома).

¹² Там же. С. 15–16.

1822–23 учебного года предложена П.А. Заболотским¹³. Самое важное для нас в публикации Шенрока связано с источником текста письма. В разделе «Варианты к письмам матери» Шенрок указал, что автограф письма не сохранился¹⁴, а в подстрочном примечании к самому тексту сообщил: «Письмо это печатается по копии, сообщенной г. Янковичем»¹⁵. Более о копии и предоставившем ее человеку не сказано ничего. О некоторых особенностях этого источника можно до некоторой степени судить, сопоставив текст письма в публикации Шенрока с текстом в публикации Кулиша. Отличия публикации Шенрока сводятся к следующему:

1. Слова «Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном. Николай Гоголь-Яновский», выпущенные у Кулиша, у Шенрока приведены, но (что характерно) без союза «и».

2. Редакторские исправления у Шенрока также имеют место. Орфографическая и пунктуационная унификация Кулиша у Шенрока не только сохранена, но и распространена на другие позиции: прописные буквы понижены в строчные в словах: французский, греческий; в словах «папилька», «маминька» суффикс «иньк» преобразован в «еньк». Таким образом, Шенрок в редактировании текста продвинулся дальше Кулиша.

3. В двух случаях в круглых скобках дописаны отсутствующие слова и буквы: разставши(сь с вами); потому (что). В подстрочном примечании поясняется: «Здесь и дальше в тех местах, где точки, в подлинном письме оторвано». Очевидно, что от первоначального намерения заменить отсутствующие элементы точками редактор отказался и прибег к их восстановлению в круглых скобках. Сделать это было легко — на основании публикации в издании Кулиша. При этом подстрочное примечание изменено не было.

4. Наиболее показательные и важные для нас позиции — лексические расхождения. Их два: более всего (*Соч. 1857*) — больше всего (*Письма 1901*); позанял денег (*Соч. 1857*) — позычил денег (*Письма 1901*; позычил (южное, западное) — взял взаймы). Эти различия оговорены Шенроком в подстрочных сносках.

Указанные лексические расхождения позволяют сделать некоторые предположения. Разночтение «более» — «больше» может быть результатом различного прочтения (т.е. в каком-то из двух вариантов ошибочного), но разночтение «позанял» — «позычил» трудно истолковать подобным образом. Здесь скорее всего мы имеем дело с более сложным, неясным случаем — слишком необычен этот вариант «позычил», фигурирующий в копии, «сообщенной г. Янковичем».

¹³ Заболотский П.А. Опыт обзора материалов для биографии Н.В. Гоголя в юношескую пору. СПб., 1902. С. 40.

¹⁴ Письма 1901. Т. 4. С. 442.

¹⁵ Письма 1901. С. 15.

Таким образом, текст письма Гоголя был зафиксирован в трех источниках: цензурная копия (*ЦензК*), публикация в издании П.А. Кулиша по автографу, с изготовлением с этого автографа указанной цензурной копии (*Соч. 1857*); публикация в издании В.И. Шенрока по копии, предоставленной г. Янковичем (*Письма 1901*).

Третья публикация письма была осуществлена в 1940 г. в десятом томе Полного собрания сочинений Гоголя (*Ак.*). В этом издании, как сообщается в соответствующем разделе тома¹⁶, письмо было напечатано по упоминавшейся выше цензурной копии издания П.А. Кулиша (*ЦензК*). Текстологические особенности публикации таковы:

1. Строго выдержаны современные орфографические нормы — не только в позиции прописные-строчные (в том числе в написании слова «Бог» со строчной буквы), но и в написании приставок и окончаний — «безпокоит» заменено на «беспокоит», «разставшись» — на «расставшись», «французскаго» — на «французского», «котораго» — на «которого». Единственный случай возврата к гоголевскому написанию (отраженному в *ЦензК*) — это восстановление суффикса «иньк» в словах «маминька», «папинька». Восстановлено (по *ЦензК*) чтение фамилии «Ландражень» — с мягким «н» на конце вместо твердого (в изданиях Кулиша и Шенрока).

2. Пунктуация, напротив, во многих случаях возвращает нас к вариантам цензурной копии (*ЦензК*) — до ее редакторских и корректорских исправлений.

3. Восстановлено гоголевское членение текста на фразы (у Кулиша и Шенрока, как отмечалось, оно в двух случаях было нарушено).

4. В тексте снова фигурирует это загадочное слово «позычил», которого нет в *ЦензК*, но которое есть у Шенрока.

5. Некоторые слова дописаны в угловых скобках. В издании Шенрока (с публикацией по копии с поврежденного автографа) это понятно, в *Ак.* (с публикацией по абсолютно сохранной цензурной копии) нет. Более того, один из случаев («как с<коро>») есть только в *Ак.*; другой («потому ч<то>») есть и у Шенрока, но в ином виде («потому (что)»); восстановленное Шенроком написание «разставши(сь с вами)» (наиболее серьезное из всех) дано в *Ак.* вообще без скобок.

Таким образом, данная публикация добавила текстологам новых вопросов и загадок. Очевидно, что внести ясность в эту запутанную ситуацию может только автограф или его фотокопия. Здесь мы прерываем наши текстологические штудии и обращаемся ко

¹⁶ *Ак.* С. 502. Письмо № 13.

второй теме нашего исследования, связанной с проблемой поиска подлинника гоголевского письма.

* * *

По странному стечению обстоятельств ровно через год после публикации письма в издании В.И. Шенрока появилась информация о судьбе автографа — в газете «Курьер» за 1902 г. Обнаружить этот источник, затерявшийся в периодике, удалось благодаря коллекции газетных вырезок о Гоголе, собранной А.А. Бахрушиным, и публикации этого уникального материала в трехтомном издании, осуществленном Театральным музеем его имени. Фрагмент, касающийся интересующего нас письма, приводим полностью:

«По просьбе г. Вл. Гиляровского известный сербский профессор Стоян Новакович, чрезвычайный посланник в Петербурге, любезно списался с белградским профессором М. Иваничем по поводу переводов на сербский язык Гоголя и удостоил его ответом. Вместе с сообщением М. Иванича проф. Новакович прилагает специально сфотографированное письмо Гоголя, хранящееся в народной библиотеке в Белграде. Снимок этого письма вместе с другими, имеющимися у г. Вл. Гиляровского реликвиями, он доставит на гоголевскую выставку. О письме М. Иванич сообщает: “Оригинальное письмо Н.В. Гоголя, которое он писал своим родителям, как ученик IV класса гимназии, хранится в сербской народной библиотеке за № 626. Библиотеке его передал Любомир Н. Христич, ныне полковник в отставке, а получил его еще в 1872 году, будучи кадетом петровского кадетского корпуса в Полтаве, от товарища по школе, Николая Быкова, родственника Гоголя. Письмо написано на восьмой доле листа для писем, на одном листе, на двух страницах. Верхний правый уголок письма оторван. По-видимому, было два листа, и оно было, хотя и несколькими строками, продолжено на втором листе. *М. Иванич*”»¹⁷.

Биографические реалии этого сообщения полностью подтверждаются. Племянник Гоголя Николай Владимирович Быков (1856 – 31.XII.1918), сын его родной сестры Елизаветы Васильевны Гоголь (в замужестве Быковой) и Владимира Ивановича Быкова, окончил Петровский Полтавский кадетский корпус в 1873 г.¹⁸ (в 1865 г.

¹⁷ Курьер. Москва. 1902. 4 марта. № 62. Рубрика «Маленькая хроника». С. 2; подпись: ХХХ; факсимильное воспроизведение: Николай Васильевич Гоголь. Материалы, собранные А.А. Бахрушиным. 1893–1912. В 3 т. Т. 2. М.; СПб., 2009. С. 133.

¹⁸ Павловский И.Ф. Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890). Полтава, 1890. С. 53 второй пагинации; см. то же в изд.: Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890): Сборник. Харьков, 2011. С. 53.

переименован в Полтавскую военную гимназию, в 1882 г. возвращено старое название). В том же году этот корпус окончил его ровесник Любомир Николаевич Христич¹⁹ (1856 – 11 февраля 1930, Белград²⁰). Впоследствии оба закончили Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге²¹. Известно, что Любомир Христич затем служил в Каргопольском драгунском полку (имел боевые награды), впоследствии уехал в Сербию и был полковником сербской кавалерии²². Дата передачи гоголевского автографа в Народную библиотеку в Белграде остается неустановленной. Сам Н.В. Быков служил в Нарвском гусарском полку (которым командовал А.А. Пушкин, сын А.С. Пушкина), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 г., был адъютантом А.А. Пушкина, женился на его дочери Марии Александровне Пушкиной (1862–1939), после женитьбы (в 1881 г.) вышел в отставку и поселился в Васильевке, где занимался сельским хозяйством, был мировым судьей, земским начальником Миргородского, а затем Полтавского уезда, работал в губернской земской управе, создал художественно-промышленную школу им. Н.В. Гоголя в Миргороде для обучения детей, долгие годы хранил рукописи и личные вещи Гоголя, выступал в печати с работами о нем²³.

Возвращаясь к нашей истории, подытожим сказанное. Письмо Гоголя (ученика четвертого класса) родителям было подарено Н.В. Быковым соученику по кадетскому корпусу Любомиру Христичу и впоследствии вывезено последним в Сербию, где было передано в народную библиотеку Белграда. То, что речь идет именно об интересующем нас письме, подтверждает одна деталь из сообщения М. Иванича, процитированного выше. В нем сказано: «Оригинальное письмо Н.В. Гоголя, которое он писал своим родителям, как ученик IV класса гимназии...». Эта информация могла быть заимствована только из текста (также приведенного выше) гоголевского письма: «Я теперь переведен в четвертый класс...».

¹⁹ Павловский. Указ. соч. С. 54 второй пагинации; см. то же: Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890): Сборник. Харьков, 2011. С. 54.

²⁰ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрополи 1917–2001: В 6 т. Т. 6. Кн. 3 / Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. С. 100.

²¹ Павловский И.Ф. Указ. соч. С. 53, 54; см. то же: Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890): Сборник. Харьков, 2011. С. 53, 54.

²² Там же. С. 54; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрополи 1917–2001: В 6 т. Кн. 3. М., 2007. С. 100.

²³ Русаков В.М. Потомки Пушкина. Л., 1978. С. 78–83; Быков Н.В. К биографии Н.В. Гоголя // Русская старина. 1888. Т. LVII. Март. С. 767–768; Быков Н.В. Об Н.В. Гоголе. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1887. 28 мая. № 4037. С. 3; см. то же: Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 271–273.

Из данных, приведенных в сообщении «Курьера», подтверждаются почти все. Единственное исключение — это указание на то, что присланный В.А. Гиляровскому снимок автографа («специально фотографированное письмо Гоголя») будет представлен («вместе с другими, имеющимися у г. Вл. Гиляровского реликвиями») на гоголевской выставке. Речь здесь идет о большой выставке, приуроченной к пятидесятилетней годовщине кончины Жуковского и Гоголя, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея. Статья в «Курьере» (от 4 марта 1902 г.) как раз и была приурочена к тому времени, когда выставка уже функционировала — ее крайние даты отражали дни ухода из жизни обоих писателей: 21 февраля — 12 апреля. Изданный каталог выставки²⁴ позволяет удостовериться в том, что на ней были представлены раритетные экспонаты, принадлежащие Гиляровскому, в том числе:

- письмо Гоголя о. Матвею Константиновскому²⁵;
- фотография дома в Сорочинцах, где родился Гоголь²⁶;
- картина М.Я. Рахубовской «Пруд в Васильевке»²⁷;
- паспорт за границу, выданный Гоголю в 1842 г.²⁸;
- дорожная на проезд от Канева до Одессы в 1850 г.²⁹

Фотокопия письма, присланного Гиляровскому из Сербии, в каталоге не фигурирует. Нет ее и в изданном «Альбоме выставки»³⁰. О причинах можно только гадать: возможно, фотокопия письма не показалась устроителям подходящим экспонатом или по каким-то причинам не попала в каталог. Писатель В.А. Гиляровский (1855–1935) в одну из своих поездок на родину Гоголя (осенью 1901 г.) побывал в Васильевке, где познакомился с родными писателя, в частности с его сестрой О.В. Головной, племянником Н.В. Быковым, и его женой М.А. Быковой³¹. Гиляровский внимательно изучил хранившиеся у них гоголевские реликвии (рукописи, документы,

²⁴ Каталог выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского <...>. М., 1902.

²⁵ Указ. изд. С. 50. № 495.

²⁶ Указ. изд. С. 8. № 70.

²⁷ Указ. изд. С. 9. № 78.

²⁸ Указ. изд. С. 11. № 109.

²⁹ Указ. изд. С. 12. № 11.

³⁰ Альбом Выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, устр. Общ. любит. российск. словесности в залах Исторического музея 21-го февраля — апреля 12-го 1902 года. 1852–1902. М., 1902.

³¹ Гиляровский В.А. В Гоголевщине. (Из последней поездки) // Русская мысль. 1902. Кн. I. <Пагинация 2.> С. 73; см. то же в отд. изд.: Гиляровский В.А. На родине Гоголя. (Из поездки по Украине). М., 1902. С. 24. О поездке, а также о гоголевских раритетах в коллекции самого Гиляровского см. также: Боцаров Н. Новинки для биографии Н.В. Гоголя // Русское слово. 1901. 20 октября. № 289. С. 2.

мебель, личные вещи, портреты) и составил их подробный перечень, в котором под № 12 (среди раритетов, хранящихся Н.В. Быковым) фигурируют письма Гоголя матери и сестрам («масса писем», «начиная с гимназических лет до последних дней»)³². В личных фондах Гиляровского (в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки) указанной копии гоголевского письма не обнаружено.

Логично было попытаться найти автограф письма в фондах Национальной библиотеки Сербии (серб.: Народна библиотека Србије), куда оно было передано. Такая попытка была предпринята. По просьбе авторского коллектива, занимающегося подготовкой нового академического Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН), при посредничестве и поддержке доктора филологических наук, доцента филологического факультета Белградского университета Бранко Вранеша, сотрудники Национальной библиотеки Сербии осуществили архивные разыскания письма. К настоящему времени обнаружить автограф не удалось. Здание библиотеки во время Второй мировой войны подвергалось бомбардировкам и практически было разрушено, большая часть хранившихся в нем материалов погибла.

* * *

Еще одно возможное направление поиска интересующего нас письма связано с его публикацией в академическом издании (Ак.), которая, как мы помним, содержит некоторые текстологические неясности и вопросы. Редактором этого тома был В.В. Гиппиус, а одним из членов авторского коллектива, подготовившим тексты писем Гоголя родителям и комментарии к ним, — С.Н. Дурылин (1886–1954), педагог, литературовед, богослов, автор работ о Гоголе³³. Обширный личный фонд Дурылина сохранился³⁴. При обращении к этому архивному собранию в его составе была обнаружена

³² *Гиляровский В.А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Русская мысль*. 1902. Кн. I. <Пагинация 2.> С. 73–74, 77; см. то же в отд. изд.: *Гиляровский В.А.* На родине Гоголя. (Из поездки по Украине). М., 1902. С. 30, 33. См. также: *Розанов Ю.В.* Гоголеведение Дяди Гиляя // *Творчество Гоголя и европейская культура*. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. М.; Новосибирск, 2016. С. 308–312.

³³ Среди работ Дурылина о Гоголе — издание переписки: *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М., 1928.

³⁴ *РГАЛИ*. Ф. 2980.

фотокопия разыскиваемого нами письма Гоголя В.А. и М.И. Гоголям (условная датировка: осень 1822 г.)³⁵. На двух листах фотокопии воспроизведен текст одного листа автографа (лицевой и оборотной сторон). Верхний левый угол автографа, видимо, был оторван (или письмо было вырвано из скрепленной коллекции других писем Гоголя) — соответствующие места фотокопии затемнены. Размер фотокопии: 17,5 x 11,6. Перед текстом помета рукой неустановленного лица (очевидно, карандашом): «626/Р». Число совпадает с указанным в статье «Курьера» — оно обозначает номер архивного хранения. Буква «Р» — вероятнее всего обозначение страны (Россия). В верхней левой части л. 1 — стершаяся круглая печать, в которой едва можно прочитывать только одно слово: «Библиотека». На обороте фотокопии нет никаких помет, к ней не приложено никаких пояснительных записок.

Благодаря этому уникальному источнику мы имеем подлинный текст гоголевского письма родителям, содержащий ответы на все возникавшие прежде вопросы. Эти ответы таковы.

1. В тексте Гоголя (как и в других его письмах) с прописной буквы пишутся обращения: Родители, Папinyкa, Маминькa (именно так, с суффиксами «иньк»), в одном случае, в обращении к матери, — со строчной: маминькa. С прописной пишется: слава Богу (дважды в тексте письма). Слова «французский» (у Гоголя: «французкий»), «греческий», «профессор» написаны со строчной. Все эти авторские написания, безусловно, должны быть сохранены при публикации.

2. В разночтении «с какою — с каковою» верным (соответствующим гоголевскому тексту) оказывается первый вариант.

3. Вариативное чтение «более — больше» фотокопия не проясняет, т.к. на ней не видно именно окончания слова. Здесь возможно дать окончание только в угловых скобках, с опорой на публикацию Кулиша, который располагал автографом, т.е. бол<ее>.

4. Имя преподавателя французского языка в гоголевском тексте имеет твердое окончание (как в *Соч. 1857, Письма 1901*): Ландражень.

4. Самая загадочная позиция («позанял—позычил») наконец проясняется. У Гоголя твердо написано: позичил (именно с «и» в корне — это обычное для него колебание в буквах «и—ы»).

5. В разночтении «служой—служую» — гоголевским оказывается второй вариант (представленный у Шенрока).

6. Фотокопия позволяет в трех случаях восстановить гоголевского членение текста на фразы, а именно объединить предложения, которые были (причем во всех источниках) разбиты на два.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1297. 2 л.

В двух случаях точки были поставлены перед союзом «но», тогда как у Гоголя здесь стоит запятая:

учусь со всем старанием. Но меня (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*) — учусь со всем старанием, но меня (*ФК — здесь и далее сокращенное обозначение фотокопии*)

предаюсь сему языку. Но советуете ли мне (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*) — предаюсь сему языку, но советуете ли мне (*ФК*)

Третий случай иного рода — у Гоголя знак препинания отсутствует, но следующее слово начинается со строчной буквы, т.е. предложение продолжается:

не стало. Еще прошу (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*) — не стало еще прошу (*ФК*)

7. Внешний вид фотокопии (с дефектным левым верхним углом) позволяет обоснованно представить четыре написания с расшифровкой несохранившихся окончаний в угловых скобках: бол<ее>, расставши<ь с вами?>, с<коро>, ч<то>.

Таким образом, фотокопия позволяет внести в текст, представленный в *Ак.*, несколько лексических уточнений: с какою, бол<ее>, Ландражен, расставши<ь с вами?>, позичил, ето, слугою. В одном случае будет восстановлено часто встречающееся в ранних письмах Гоголя ошибочное написание глагольного окончания (под ударением): как с<коро> пришлите мне деньги.

В пунктуационном оформлении текста — наиболее существенное уточнение связано с сохранением гоголевских предложений в их первозданном виде, без искусственного дробления на фразы (в трех случаях).

Благодаря фотокопии в академической публикации будут отражены (частично в тексте, в основном под строкой) имеющиеся в тексте исправления, а также описки.

Письмо Гоголя имеет и другие орфографические и пунктуационные особенности. Они касаются ряда позиций: одиночные — сдвоенные согласные (слова «класс», «профессор» Гоголь пишет с одним «с»; написание «не» с глаголами (у Гоголя: немог, неопоздать, инезнаю, непозабудьте). Часто встречаются и еще более «выразительные» слитные написания — местоимений, союзов, предлогов с различными словами (явам, ислава, совсем старанием, данечего, итеперь, записмо, як вам, апотому, оздоровье, иомоих). Очень неблагоприятно обстоит дело с пунктуацией. Расставлено около трети необходимых знаков препинания. В большинстве случаев отсутствуют запятые: между простыми предложениями в сложном, перед придаточными предложениями, между однородными членами предложения, при обращениях, перед деепричастием. Эти особенности не отражаются в тексте, а лишь описываются в разделе, посвященном принципам лингвистического оформления.

Пока остается без ответа вопрос о том, в какое время оказалась в руках С.Н. Дурылина фотокопия гоголевского письма и опирался ли он на нее при подготовке текста для академического издания. Характерное слово «позычил» могло быть «заимствовано» именно из этой фотокопии, но вместе с тем оно есть уже и в публикации Шенрока. У последнего впервые появились и дописанные (в круглых скобках) буквы. С другой стороны, Дурылин следует всем своим предшественникам в воспроизведении варианта: «с какового я вам писал», тогда как фотокопия дает нам другое чтение: «с какою я вам писал». При подготовке в *Ак.* текст гоголевского письма внимательно вычитывался (вероятно, Дурылиным) — об этом можно судить при сравнении сохранившегося экземпляра (второго или третьего) неавторизованной машинописи³⁶ с публикацией в *Ак.* Немногие допущенные опечатки («я вам пишу» — вместо «я к вам пишу», «и о сестрицах» — вместо «и о моих сестрицах»³⁷) в ходе работы были устранены. Разумеется, С.Н. Дурылину могла быть известна процитированная выше статья из «Курьера» и он мог каким-то образом получить фотокопию из Белграда. Нельзя исключать и того, что фотокопия, хранящаяся в фонде Дурылина, попала к нему от Гиляровского или является копией той, что была у Гиляровского. Возможны и иные варианты развития событий. Главное то, что сохранившаяся фотокопия отражает все особенности подлинного гоголевского автографа и может послужить авторитетным источником публикации письма в новом академическом собрании сочинений Гоголя. Ситуация с самим автографом остается не до конца проясненной, оставляя некоторые шансы на то, что он уцелел.

Приложение

Свод вариантов рукописных и печатных источников
письма Гоголя В.А. и М.И. Гоголям от августа 1822 г.
(*ЦензК*, *Соч.* 1857, *Письма 1901*, *Ак.*, *ФК*)³⁸

Родители, (*ЦензК*); родители, (*Соч.* 1857, *Письма 1901*); родители (*Ак.*); Родители (*ФК*)

а. Папенька и Маменька!; б. (*черн.*, *красн. кар.*³⁹) папінька и мамінька! (*ЦензК*); папінька и мамінька! (*Соч.* 1857); папенька и

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 153. Письма Н.В. Гоголя к В.А. и М.И. Гоголю 1820–1829 гг. Л. 14.

³⁷ Там же.

³⁸ Варианты расположены в соответствии с последовательностью описания источников в настоящей статье.

³⁹ Сокращенные обозначения чернильной и карандашной правки, розовый цвет чернил оговаривается особо (*роз. черн.*).

маменька! (*Письма 1901*); папинька и маминька! (*Ак.*); Папинька и Маминька (*ФК*)

а. приезд мой сюда, причиною сему; *б.* (*красн. кар.*) приезд мой сюда. Причиною сему (*ЦензК*); приезд мой сюда. Причиною сему (*Соч. 1857, Письма 1901*); приезд мой сюда, причиною сему (*Ак.*); приезд мой сюда причиною сему (*ФК*)

а. с каковою я вам писал, боясь не опоздать; *б.* (*черн.*) с какою я вам писал, боясь не опоздать (в слове «каковою» буквы «ов» едва заметно зачеркнуты чернилами) (*ЦензК*); с каковою я вам писал, боясь не опоздать (*Соч. 1857, Письма 1901*); с каковою я вам писал боясь не опоздать (*Ак.*); с какою я вам писал боясь не опоздать (*ФК*)⁴⁰

слава Богу (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901*); слава богу (*Ак.*); слава Богу (*ФК*)

учусь со всем старанием. Но меня (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*); учусь со всем старанием, но меня (*ФК*)

беспокоит (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901*); беспокоит (*Ак.*); беспокоит (*ФК*)

более (*ЦензК, Соч. 1857*); больше (*Письма 1901*); более (*Ак.*); бол<ее> (*ФК*, окончание слова на фотокопии не видно)

ваше молчание, (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901*); ваше молчание (*Ак.*); ваше молчание, (*ФК*)

а. и не знаю; *б.* (*красн. кар.*) и не знаю, (*ЦензК*); и не знаю, (*Соч. 1857, Письма 1901*); и не знаю, (*Ак.*); и не знаю (*ФК*)

а. Профессор Французского языка; *б.* (*красн. кар.*) профессор Французского языка (*ЦензК*); профессор Французского языка (*Соч. 1857*); профессор французского языка (*Письма 1901*); профессор французского языка (*Ак.*); профессор французского языка (*ФК*)

а. Ландражен.; *б.* (*красн. кар.*) Ландражен, (*ЦензК*); Ландражен, (*Соч. 1857, Письма 1901*); Ландражень (*Ак.*); Ландражен. (*ФК*)

а. И я теперь; *б.* (*красн. кар.*) и я теперь (*ЦензК*); и я теперь (*Соч. 1857, Письма 1901*); И я теперь (*Ак., ФК*)

предаясь сему языку. Но советуете ли мне (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*); предаюсь сему языку, но советуете ли мне (*ФК*)

Греческому языку (*ЦензК, Соч. 1857*); греческому языку (*Письма 1901, Ак., ФК*)

которого (*ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901*); которого (*Ак.*); которого (*ФК*)

а. Профессор; *б.* (*красн. кар.*) профессор (*ЦензК*); профессор (*Соч. 1857, Письма 1901*); профессор (*Ак.*); професор (*ФК*)

а. уже приехал; *б.* (*красн. кар.*) уже приехал? (*ЦензК*); уже приехал? (*Соч. 1857, Письма 1901, Ак.*); уже приехал (*ФК*)

⁴⁰ В вариантах *ФК* написание слитно-раздельно дается по правилам современной орфографии.

слава Богу (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901); слава богу (Ак.); слава Богу (ФК)

а. здоров и весел....; б. (роз. черн.) здоров и весел..... (ЦензК); здоров и весел..... (Соч. 1857, Письма 1901); здоров и весел... (Ак.); здоров и весел (ФК, угол листа оборван)

а. не много грустно; б. (красн. кар.) Не много грустно (ЦензК); Немного грустно (Соч. 1857, Письма 1901); немного грустно (Ак., ФК)

разставшись с вами, (ЦензК, Соч. 1857); разставши(сь с вами) (Письма 1901); расставшись с вами (Ак.); расставшис<ь с вами> (ФК)

книги же.... пришлю (ЦензК, Соч. 1857); книги же... пришлю (Письма 1901); книги же пришлю (Ак., ФК — после слов «книги же» угол листа оборван)

как скоро пришлете мне деньги (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901); как с<коро> пришлете мне деньги (Ак.); как с<коро> пришлите мне деньги (ФК — угол листа оборван)

потому что (ЦензК, Соч. 1857); потому (что) (Письма 1901); потому ч<то> (Ак., ФК — угол листа оборван)

заплатить на почту (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.); запить на почту (ФК)

позанял денег (ЦензК, Соч. 1857); позычил денег (Письма 1901, Ак.); позичил денег (ФК)

за письмо это (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.); за писмо это (ФК)

а. Остаюсь Вашим покорнейшим слугою и послушнейшим сыном. Николай Гоголь-Яновский; б. Слова вычеркнуты розовыми чернилами (ЦензК); Слов нет (Соч. 1857); Остаюсь вашим покорнейшим слугою, послушнейшим сыном. Николай Гоголь-Яновский (Письма 1901); Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном Николай Гоголь-Яновский (Ак.); остаюсь вашим покорнейшим слугою и послушнейшим сыном Николай гоголь-яновский (ФК)

а. дражайшая Маменька; б. (черн., красн. кар.) дражайшая маминька (ЦензК); дражайшая маминька (Соч. 1857); дражайшая маменька (Письма 1901); дражайшая маминька (Ак., ФК)

еще, ежели можно, бархату (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901); еще ежели можно бархату (Ак., ФК)

а. не стало, еще прошу; б. (черн. черные и розовые) не стало. Еще прошу (ЦензК); не стало. Еще прошу (Соч. 1857, Письма 1901, Ак.); не стало еще прошу (ФК)

также (ЦензК, Соч. 1857, Письма 1901, Ак.); таже (ФК)

а. о моих сестрицах бабушке..... (точки поставлены нечетко); б. (красн. кар., роз. черн.) о моих сестрицах, бабушке.... (ЦензК); о моих сестрицах, бабушке... (Соч. 1857, Письма 1901); о моих сестрицах, бабушке. (Ак.); о моих сестрицах бабушке. (ФК)

«ТАКЖЕ ВЫ ПИСАЛИ ПРО ОДНУ НОВУЮ БАЛЛАДУ...»

В письме пятнадцатилетнего Гоголя, ученика Нежинской гимназии высших наук, к отцу из Нежина от 1 октября 1824 года в частности говорилось: «Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина; то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать. Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите» (X, 48).

Письмо В.А. Гоголя к сыну не известно. «О какой балладе идет речь — не установлено, — читаем в комментарии С.Н. Дурылина. — Возможно, что это один из отрывков поэмы К.Ф. Рылеева “Войнаровский”. Из “Войнаровского” опубликовано было в 1824 г.: 1) “Смерть Войнаровского” в “Соревнователе просвещения и благодетворения” 1824, № 3; 2) “Якутск” (начало поэмы) в “Сыне Отечества” 1824, № 3; 3) “Юность Войнаровского” и 4) “Бегство Мазепы” — в “Полярной Звезде” на 1824 год. Два последние отрывка, более или менее цельные по сюжету, могли быть восприняты читателями как исторические “баллады”. “Бегство Мазепы” особенно должно было вызвать интерес в тех кругах, с которыми В.А. Гоголь встречался у Капнистов и у Трощинского — сочетанием украинской темы с политической остротой и актуальностью» (X, 395).

Предположение уважаемого исследователя, несомненно, имеет право на существование. Отрывки поэмы Рылеева на фоне уже печатавшихся в разных изданиях в 1821–1823 гг. его же поэтических дум — своего рода исторических размышлений — могли произвольно подстраиваться в читательском восприятии под этот новый для России жанр. Литературная дума и литературная баллада XIX века далеко ушли от своих фольклорных прообразов и средневековой предыстории; в стихосложении оба жанра были равно подчинены новейшим поэтическим нормам, содержательно же сближались на почве и в пределах изначально присущей обоим жанрам по определению исторической темы. Но баллада содержательно шире и разнообразнее думы; есть множество баллад, очевидно ни в каком отношении не ассоциирующихся с жанром думы, но почти любую думу или исторический отрывок можно при некоторых допущениях интерпретировать как балладу¹. Казалось бы,

¹ В конце концов, в появившемся за несколько лет до комментария С.Н. Дурылина сборнике под названием «Русская баллада» было представлено достаточ-

что общего у «балладника»² Жуковского, в произведениях которого «германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще склонность к чудесному», и Рылеева, стремившегося «возбуждать доблести сограждан подвигами предков»³. Но когда в думе делается резкий акцент на тему судьбы, справедливой или жестокой, роковых следствий человеческих поступков, исторических ошибок (вполне уместный в историческом сюжете), отличить ее от баллады с редуцированным фантастическим наполнением (часто также представленным в виде странности судьбы, счастливого или трагического случая, чудесного спасения, когда неявно вступает Провидение) не всегда представляется возможным⁴. Рылеев откровенно ставил себе целью написать нечто вроде поэтического учебника

но объемное собрание фольклорных исторических и бытовых песен, к которому недоумению не только читателя, но, кажется, и самих его составителей, в редакционном предисловии написавших: «Конечно, наименование “баллада”, как, впрочем, и название “низшая эпическая” песня, не устраняет различных затруднений в классификации наших текстов. И то, и другое явилось “после факта”, в попытках и потребностях группировать весьма сложный материал, переплетающийся в своей истории, отличительных признаках и бытовом обращении. Мы не можем установить в фольклорных памятниках данного рода такой творческой деятельности, которая была бы определенно направлена на создание произведений, литературные свойства которых определялись бы известным содержанием и формой и были бы такими же “балладами”, которые возникли в искусственной художественной литературе. Понимая под названием “русская баллада”, отнесенным к произведениям русского песенного творчества, группу повествовательных песен, мы не даем дальнейшего их определения как особого литературного рода, а просто выделяем из всего огромного русского песенного репертуара подходящий к данному понятию материал» (Русская баллада. Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева. Вступ. ст. Н.П. Андреева. [М.; Л.], 1936 (Б-ка поэта). С. V–VI).

² Послание «К Ж<уковскому>» («Прости, балладник мой...»); *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. Издание подготовила И.М. Семенко. М., 1978. С. 275–277.

³ Из статьи А.А. Бестужева «Взгляд на новую и старую словесность в России» (Литературно-критические работы декабристов. Статья, сост., подгот. текста и примеч. Л.Г. Фризмана. М., 1978. С. 46, 48; впервые: «Полярная Звезда на 1823 год»). Сам Рылеев в черновой редакции предисловия к отдельному изданию (Думы. Сочинение К. Рылеева. М., 1825) определял свою цель еще жестче и идеологичнее — «распространить между простым народом нашим, посредством дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще больше любить родину свою» (*Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Л., 1971. С. 419).

⁴ В качестве такой своего рода минимизированной баллады среди названных С.Н. Дурылиным отрывков скорее можно было бы рассматривать «Смерть Войнаровского», с мрачным и необычным северным колоритом, с подспудным пугающим контрастом одинокой смерти героя, его занесенного снегом обледелого трупом, и его бурной и опрометчивой жизни.

истории для юношества в стихах⁵, в его думах встречались моменты удивительные, потрясающие и прямо фантастические, и все это было ради истории; но если в литературной балладе была представлена история, она оставалась только материалом, почвой для фантастического.

Кажется, так рассматривал балладу и думу Гоголь позднее в проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества» (начало 1840-х гг.) — в их противопоставлении по признаку фантастически недостоверного и «действительно бывшего», но и в подспудном ощущении схождения, без которого само противопоставление (дума «не есть баллада») не имело бы смысла. Там говорится: «Дума есть род стихотворений, не заимствованный ниоткуда, но образовавшийся у славян. Песни северных конунгов⁶ имеют с ней некоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержанием избирают<ся> таинственные поэтические предания, неясные, шевелящие и пугающие воображение явления. В ней ничего нет такого, что бы было необъясненно, неопределенно и заманивало бы самой поэтической своею неопределенностью. Напротив, в ней все определено и ясно. Ее предмет — происшествие истинно историческое, действительно бывшее, или же предание, так живо хранящееся в народе, что сама история внесла его в свои страницы. Думы могут быть только об одних исторических лицах» (VIII, 467). Следует помнить, что к этому времени Гоголь имеет опыт работы, пусть и незаконченной, одновременно над всемирной историей и историей Малороссии, и преподавания истории сначала в Патриотическом институте, затем в Петербургском университете; фольклорные думы он рассматривает как исторический источник⁷.

⁵ См.: Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. С. 105.

⁶ Упомянутые здесь «песни северных конунгов» — «несколько саг и эдд норманских, объясняющих начало северной истории» ранее были внесены им в составленную летом 1834 г. «Библиографию средних веков» как полноценный исторический источник, наравне со средневековыми летописями; и отдельно от них указаны «сочинения, относящиеся не прямо к истории», в число которых включены «создания поэтические, выражающие верно минувший быт народный: исторические баллады, народные песни, которыми особенно богата христианская Испания, Шотландия, народы славянские, народы, терпевшие большие потрясения и не имевшие гражданского образования» (IX, 104–105).

⁷ Известно письмо Гоголя И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г., где говорится: «<...> Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно сияясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. <...> И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. <...> Если бы наш край не имел такого богатства песен — я бы никогда

Справедливо было бы, однако, спросить, такие ли представления о балладе были в 1824 г. у пятнадцатилетнего Гоголя (и, между прочим, у его отца, собственно и сказавшего это слово). Если дума была жанром новым для России и активно осмыслявшимся в живой периодике, то баллада уже достигла точки высшего расцвета и о ней заговорили ученые преподаватели. В письме от 13 июня 1824 г., собираясь ехать домой в Васильевку на каникулы вместе с двумя товарищами-попутчиками, Гоголь писал родителям: «Еще сделайте милость, пришлите нам на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоянных дворах, несколько книг из Кибинец; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам врученны. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах, за что мы будем очень благодарны» (X, 47). Он просит здесь книгу: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей Отечественной Словесности. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее Историю Словесности древних и новых народов, правил Словесности вообще и каждого рода Красноречия и Поэзии в особенности. <Ч. 1–6.> СПб., тип. Ивана Глазунова, 1821–1822⁸. Первое издание⁹, к тому времени распроданное¹⁰, не имело теоретической части. Именно второе издание указано в списке книг ученической библиотеки Нежинской гимназии высших наук¹¹. Судя по

не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь <...>» (X, 298–299).

⁸ Цenz. разр. всех томов 1821 г.: ч. 1 — 15 июня, ч. 2 — 17 июня, ч. 3 и 4 — 30 июля, ч. 5 и 6 — 30 сентября. В РГБ имеются экземпляры ч. 2 и ч. 6 1824 г. издания — возможно, допечатанные? В описании библиотеки И.Н. Розанова указано, что к каждому тому приложено по одному портрету: Ломоносова — гравюра А. Ухтомского, Державина, Дмитриева, Крылова и Богдановича — гравюры И. Ческого с оригинала Е. Эстеррейха, Озерова — гравюра В. Петрова по рисунку Е. Эстеррейха (См.: Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова. Библиографическое описание. М., 1975. С. 233).

⁹ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей Отечественной Словесности. Ч. 1–6. СПб., Медицинская типография (ч. 2 — типография при Императорской Академии Наук). 1815–1817, также с портретами.

¹⁰ «От издателей <...> Но как все экземпляры сей книги раскуплены прежде, чем издатели успели приготовить обещанные правила: то и почтено за нужное издать ее вторично» (Собрание образцовых рус<с>ких сочинений и переводов в стихах. <...> Издание второе <...>. Ч. 1, вне пагинации).

¹¹ См.: Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко Гоголевской комиссией / Под ред. проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 280. По сообщению здесь М.И. Сухомлинова, в экземпляре ученической библиотеки портретов не было. В РГБ имеются экземпляры томов как с портретами, так и без них.

письму Гоголя от 13 июня 1824 г., книги он до того времени в руках не держал; скорее всего, название списано им из какого-то библиографического известия; просит он ее для себя и для своих товарищей только на время поездки, то есть очень ненадолго. Неизвестно, получил ли он тогда книгу; но похоже, что когда он второй раз, уже в письме от 1 октября 1824 г. (том самом, где говорится о балладе), просит ее прислать, он уже вполне представляет себе ее построение и просит не для ознакомления, а для практического использования, причем интересуется его именно поэтическая часть издания: «Между прочим прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать *Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе*¹², ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах, с тем только чтоб на время, и я вам в чистоте их пришло переписавши» (X, С. 48–49). Может быть, и новая баллада интересуется его прежде всего как пример, с помощью которого он предполагает отличиться на уроке, добавив его к выписанным из книги.

Построение второго издания было описано в предваряющем первый том предисловии «*От издателей*»: «В сем новом издании план соблюден тот же, как и в первом, то есть: в I и II томах Лирическая поэзия: Оды, Песни и Романсы; в III Баллады, Сказки, Басни; в IV Послания, Сатиры, Идиллии, Эклоги; в V и VI Смесь, как-то: Эпиграммы, Мадригалы, Сонеты, Эпитафии, Отрывки из Поэм эпических и дидактических, отрывки из Трагедий и Комедий, и наконец такие пьесы, которые по содержанию своему ни к какому из вышеозначенных родов Поэзии причислены быть не могут. Но

¹² Первая его часть — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (см. выше), вторая — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Издание второе, исправленное, умноженное и содержащее Историю Словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и Поэзии в особенности. Издание второе» (<Ч. 1–6.> СПб., тип. Ивана Глазунова, 1822–1824, с портретами); первое издание — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе. Изданное Обществом любителей отечественной словесности» (<Ч. 1–6.> СПб., Медицинская типография, 1815–1817, с портретами). В каталоге библиотеки Д.П. Трошинского в его имени Кибинцы значится «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе и стихах с 1816 по 1821. Изданное обществом любителей отечественной словесности. СПб. 1821–1822», без указания издания и количества томов (см.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 201. № 2792), — судя по датам, не соответствующим ни одному из изданий, это может быть в той или иной степени неполная подборка томов стихотворной и прозаической частей из обоих изданий. В.И. Шенрок приводит слова М.И. Гоголь: «Книгами мы пользовались из библиотеки Трошинского» (*Шенрок*. Т. I. С. 46).

по совету опытейших наших Литтераторов некоторые из прежде-напечатанных в сем собрании пьес выпущены, а другие на место их прибавлены; и вообще все издание умножено знатным количеством пьес, как прежних пропущенных в первом издании, и заслуживающих быть помещенными по достоинству своему, так и новейших, изданных в свет после отпечатания первого издания. Сверх того помещены не только История Поэзии и Красноречия всех просвещенных народов, но и правила, руководствующие к справедливому суждению о всех Родах Словесности; так что книга сия с большою пользою может быть употребляема и в Учебных заведениях. Сия История Словесности и правила составлены и посвящены Его Императорскому Высочеству Великому Князю МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ, Г. Профессором Срезневским¹³, которого трудам, знаниям и вкусу издатели отдают полную справедливость»¹⁴.

Каждый раздел представлял собой небольшую хрестоматию жанра со своим оглавлением; и каждому тому предшествовала соответствующая часть теоретического «Опыта краткой пиитики», с его отдельной, сквозной для всех шести томов пагинацией. Во втором томе, посвященном жанрам лирической поэзии, баллада только коротко упоминается среди них в ее историческом, уже неактуальном значении: «Теперь кстати заметить, что между разными родами песен есть еще два, которые имеют особливые названия, т. е. *Романс* и *Баллада* или *Баллад*. Они оба изобретены в те времена, когда просвещение в Европе начинало восстанавливаться. <...> Изобретение Баллады приписывают Италиянцам. У них она не что иное есть, как плясовая песня, имеющая только на конце обращение к какому-нибудь присутствующему или отсутствующему лицу. <...> У Французов Балладом назывался некоторый род стихотворения особенной формы, которая была описана уже прежде в истории

¹³ Иосиф Евсеевич Срезневский (1780 — год смерти неизвестен), дядя академика И.И. Срезневского (1812–1880), филолога-слависта, этнографа, в 1834 г. корреспондента Гоголя. Родился в семье священника, высшее образование получил в Московской духовной академии; в 1812 г. удостоен степени магистра прав в Казанском университете. Преподавал там философию и естественное право; в 1817 г. получил звание экстраординарного профессора. В 1819 г. в числе 12 казанских профессоров был уволен в результате университетской ревизии М.Л. Магницкого. В 1820–1824 гг. преподавал русскую словесность, логику и красноречие в новообразованном Петербургском артиллерийском училище. В 1827 г. был принят послушником в Александро-Невскую лавру, в 1828 г. по собственной просьбе ввиду расстроенного здоровья переведен в калязскую епархию; дальнейшие сведения о нем отсутствуют (см.: *Гуревич П.М.* Срезневский Иосиф Евсеевич // *Русский биографический словарь*. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. СПб., 1909. Т. 19. С. 298–300).

¹⁴ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах... Изд. 2-е, ... СПб., тип. И. Глазунова, 1821–1824. Ч. 1. СПб., 1821. Б. с.

Французской поэзии. <...> У Немцов слово: *Баллада* получило совсем другое значение, которое мы изъясним впоследствии. И потому-то, кажется, *Г-н Рижский*¹⁵ в Пиитике своей старинную Балладу назвал *Балладом*, а не *Балладою*. <...> сей Баллад имеет в наружном виде нечто общее с Рондом и Триолетом <...>. Новейшая Баллада совсем не походит на описанный теперь вид стихотворений и почти совсем не принадлежит к лирическому роду; а потому об ней и будем говорить особенно¹⁶. В третьем же томе представлены 13 баллад в следующем порядке: «Людмила» Жуковского (1783–1852), «Громвал» Г.П. Каменева (1772–1803), «Старинная любовь» И.И. Дмитриева (1760–1837), «Болеслав, Король Польский» М.Н. Муравьева (1757–1807), «Пустынник» Жуковского, «Светлана и Мстислав» А.Х. Востокова (1781–1864), «Эолова арфа» Жуковского, «Двенадцать спящих дев» Жуковского, «Раиса» Карамзина (1766–1826), «Светлана» Жуковского, «Эдгар и Альвина» Мензевского <?>, «Кассандра» Жуковского, «Мать-убийца» М.В. Милонова (1792–1821). Здесь нет известных «русских баллад» опального с 1820 г. (лично поссорившегося с тем самым великим князем Михаилом Павловичем, которому посвящена Срезневским его «История словесности») Катенина (1792–1853), литературного оппонента Жуковского, и это понятно; самого же Жуковского включено шесть баллад, и это тоже не случайно. Срезневский в разделе «XXIV. О Балладе» своего трактата уже не возвращается к балладе итальянской и французской. «Немецкие стихотворцы дали сему названию совершенно другое значение: они в балладах своих описывают приключения или любовные, или какие-нибудь несчастные, только всегда чудесные. <...> <Ф.> Бутервек <1766–1828> говорит, что содержание Баллад непременно должно быть заимствовано из происшествий отечественных: но во-первых сие не всегда соблюдается; а во-вторых отечественное ли, или иноплеменное происшествие описывается в поэме, — это не делает никакого существенного различия в ее составе, хотя он от сего и получает различное влияние на разные народы. И так Немецкая Баллада есть поэма, содержащая повествование о чудесном, степенном, но неве-

¹⁵ Иван Степанович Рижский (1755–1811) — писатель и филолог, доктор философии, профессор и первый ректор Императорского Харьковского университета. Родился в семье священника, учился в Троицкой, а затем Псковской семинариях, с 1778 г. по 1786 г. преподавал в Троицкой семинарии риторику, поэзию, историю, римские древности и философию. Издал сочинения, содержание которых составили преподаваемые им предметы: «Политическое состояние Древнего Рима» (1786), «Логика» (1790), «Опыт риторики» (1-е изд. — 1796; 2-е изд. — 1805; 3-е изд. — 1809; были и посмертные переиздания), «Введение в круг словесности» (1806), «Наука стихотворства» (1811).

¹⁶ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах... Изд. 2-е. Ч. 2. СПб. 1821. С. ССXXIV, ССXXVI, ССXXVIII–ССXXIX.

ликом происшествии. От Немцов по соседству сия Баллада пожаловала и к нам. И надобно признаться, что нашла у нас весьма благосклонный прием, не смотря на старание некоторых наших Литтераторов изгнать навсегда из области Поэзии сие стихотворение, неподходящее по их мнению под правила Пиитики. Кто может наложить узы на крылья Гения? Известно, что все почти Баллады господина Жуковского многие наизусть у нас читают»¹⁷. Срезневский, таким образом, отказывается от традиционных претензий в адрес баллады — что это «беззаконный», как любили тогда говорить, жанр, чужеродное немецкое заимствование, неспособное укорениться на русской почве, отказывается от требования отечественного содержания. Он признает, что само название жанра «употреблено не в надлежащем смысле: но разве мало чужестранных слов употребляем мы совсем не в том значении, какое они имеют в коренных своих языках»¹⁸. Срезневский подходит к преподаванию как практик, он хочет «с образцов снять некоторые правила, которыми бы хоть сколько-нибудь можно было руководствоваться как в сочинении сих стихотворений, так и в суждении об них»¹⁹. Баллада — «эпиколирическое» произведение, а они «не должны быть продолжительны: ибо предполагается, что они должны быть положены на голос и петы: однако ж они могут заключать в себе более стихов, нежели всякая <...> ода», потому что «должны быть соразмерны описываемому в них происшествию», которое «может быть и печальное, и веселое: но должно <...> быть непродолжительное, <...> простое или исполнение намерения, или увенчание известных поступков и склонностей достойным концом», и оно «должно быть непременно поразительно», чтобы составлять «истинно достаточную побудительную причину к пению»; стихи же «могут быть всякой меры, только недлинные, и притом разделяемы на строфы»²⁰. И главное — «Баллады должны содержать в себе происшествия чудесные или по крайней мере такие, которых нельзя объяснить из обыкновенных причин нравственного или физического мира. От чего описываемые в них происшествия всегда представляются покрытыми некоторым таинственным мраком» и «игривая Греческая Мифология едва ли может доставлять приличные для них предметы»²¹. По-видимому, это в некотором роде признание торжества баллады как жанра. Ушли в прошлое и насмешки Шаховского в «Липецких водах», и спор о «русской балладе» с Катениным и Грибоедовым, даже и полемика «Арзамаса». Теперь не теорети-

¹⁷ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах <...>. Изд. 2-е. Ч. 3. СПб., 1822. С. CCXLIII–CCXLIV.

¹⁸ Там же. С. CCXLIV–CCXLV.

¹⁹ Там же. С. CCXLV.

²⁰ Там же. С. CCXLV–CCXLVI.

²¹ Там же. С. CCXLVI–CCXLVII.

ческие правила, а своенравный, свободный полет Гения и благосклонность публики дают современной балладе законные права на существование. В этом отношении журналистика смыкается с теоретической пиитикой. Скандальная полемика Булгарина и Воейкова о «Собрании Образцовых русских сочинений...», недобрительный разбор теоретической части издания в журнале Греча касались преимущественно исторических и иностранных разделов²². И хотя весной 1824 г. Булгарин, с некоторым опозданием включив в раздел «Библиографические известия» своего журнала второе издание «Собрания образцовых сочинений и переводов в стихах и прозе...», зловеще пообещал: «В одной из будущих книжек нашего Журнала мы намерены поговорить с Гг. Издателями о их *образцах*, а в особенности о Риторике, Пиитике и прочих предметах, изложенных в сем издании совсем *необразцовым* образом»²³, но обещанный разговор не состоялся и скорее всего в любом случае не должен был коснуться баллады — в конце 1824 г. тот же Булгарин неожиданно резко возражает автору присланной ему как издателю критики, где говорилось, в частности, что баллады немецких стихотворцев «наперерыв теснятся в нашу словесность», «затемняют смысл и вкус, и следственно приносят вред, а не пользу»: «Баллады дурных и хороших Немецких Стихотворцев совсем не теснятся, а напротив редко появляются в нашей Словесности, и наши Баллаdisty подражают в сем роде Жуковскому, одному Жуковскому, так же, как в некоторых других — не Ариосту, не Байрону — но Пушкину, единственно Пушкину»²⁴.

Кажется, разумно было бы именно у Жуковского поискать эту неизвестную балладу, о которой Гоголь писал отцу. Между тем в 1824 г. Жуковский баллад не писал — и последние были им опубликованы в 1820 г. Он возвращается к этому жанру в 1828 г.²⁵, а в 1831 г. издает двухтомник «Баллады и повести»²⁶, в котором, как Гоголь уже из Петербурга сообщает А.С. Данилевскому 2 ноября 1831 г., «бездна новых баллад» (X, 214) — видимо, хорошо зная старые. Но есть одно произведение Жуковского, которое должно

²² См.: Северный Архив. 1822. Кн. 5; Русский Инвалид, 24 марта 1823, № 66; Сын Отечества, 1823. Ч. 83. № 1. С. 18–27; № 2. С. 64–75; Ч. 84. № 13. С. 252–283.

²³ Литературные листки. Журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным. 1824. Ч. 2. № 8 (ценз. разр. 8 мая 1824 г.). С. 387.

²⁴ Литературные листки. 1824. Ч. 4. № 23 и 24 (ценз. разр. 13 декабря 1824 г.). С. 158.

²⁵ Баллады «Мщение» и «Узник» — Невский зритель. 1820. Ч. 1. Февраль; «Гаральд» и «Три песни» — Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. № 3; Ч. 10. № 4; «Торжество победителей» — Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828.

²⁶ Баллады и повести, сочинение В.А. Жуковского, в 2 частях. СПб., 1831.

было привлечь внимание читателей в то время. Это «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» — перевод баллады В. Скотта “The Eve of St. John” (1799; опубл. 1801). Баллада (во всех публикациях Жуковский называл ее сказкой) была написана летом 1822 г.²⁷, в начале августа разрешена к печати московской цензурой (цензор И.М. Снегирев, 1793–1868) и тогда же запрещена цензурой петербургской (цензор А.С. Бируков, 1774–1844). Опасаясь неприятностей для московского цензора, Жуковский не стал печатать балладу в Москве, предполагая позднее включить ее в будущее, третье по счету собрание своих сочинений. Так и случилось; но этому предшествовала крайне тяжелая и местами курьезная переписка с Петербургским цензурным комитетом²⁸ (суть ее позднее, в 1833 г., иронически изложил Пушкин: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не хотел пропустить балладу Вальтер Скотта»²⁹) и лично князем Голицыным, министром духовных дел и народного просвещения, который наконец, чтобы остановить приобретающий все большую огласку скандал, уведомил Жуковского, что комитет вовсе не требовал запрещения баллады, а только исправления отдельных мест и присоединения исторического комментария³⁰. С минимальными поправками и с переведенными из В. Скотта обширными примечаниями баллада была напечатана в третьем издании «Стихотворений...» Жуковского³¹, под названием: Замок Смальгольм. Шотландская сказка, Вальтера Скотта. Оно вышло в свет в январе или феврале 1824 г.³²

²⁷ См.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. Баллады. М., 2008. С. 384. Том 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 361. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2 / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 273.

²⁸ Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 436–447. Жуковский В.А. Стихотворения. В 2 т. Л., 1939–1940. Вступительная статья, редакция и примечания Ц.С. Вольпе. Т. 1. С. 403–406.

²⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 640.

³⁰ Жуковский В.А. Стихотворения. В 2 т. Т. 1. С. 406.

³¹ Стихотворения В. Жуковского. Том третий. Издание третье, исправленное и умноженное. СПб., в типографии департамента народного просвещения. 1824 (ценз. разр. 6 декабря 1822 г.). С. 321–331, 429–436 (примечания); имелось в библиотеке Д.П. Троицкого (*Каталог библиотеки Троицкого 1874*. С. 281. № 4059).

³² См.: Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 165–166, комм. В.Э. Вацура, с. 395. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 362. Принято считать, что цензурные мытарства «Замка Смальгольм» продолжались два года; однако дата цензурного разрешения «Стихотворений...» — 6 декабря 1822 г., кажется, не подтверждает этого.

Тогда же баллада была опубликована в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»³³, под названием «Замок Смальгольм. Шотландская Сказка», без примечаний. Предположительно это могла бы быть первая публикация; однако о выходе этого номера «Соревнователя...» «на прошедшей неделе» журнал «Сын Отечества» сообщил только 8 марта³⁴; здесь, в частности, было сказано, что «Замок Смальгольм, Шотландская Сказка, Жуковского, заключает в себе удивительные, совершенно новые красоты изобретения, хода и особенно рассказа пьесы», и сделано следующее примечание: «Гг. Издатели, так называемых Новостей Литературы приняли труд у себя перепечатать сию пьесу из Соревнователя П.<просвещения> и Б.<лаготворения>; но, вероятно, не желая противоречить заглавию листков своих, переименовали ее в Дунканов вечер»³⁵.

Это примечание было предвестием еще одного литературного скандала. «Новости литературы»³⁶, журнал А.Ф. Воейкова (1778 или 1779–1839) и В.И. Козлова (1793–1825), полулегально подворовывавший литературные новинки из других изданий, напечатал балладу Жуковского, без примечаний, под названием «Дунканов вечер. Шотландская сказка»³⁷. Летом того же года литературный неприятель Воейкова Булгарин в своем журнале «Литературные листки» опубликовал «письмо к издателю», под названием «О легком для

³³ Соревнователь просвещения и благотворения. Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей Российской словесности. 1824 год. Ч. XXV. Кн. II (ц. р. 1 января 1824 г.). СПб. В Типографии Императорского Воспитательного Дома, 1824 года. С. 131–138 (имелось в библиотеке Д.П. Трошинского — см.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 337. № 4518).

³⁴ «На прошедшей неделе вышла из печати XXV часть Трудов Высочайше утвержденного Санктпетербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности, которые издаются в виде Журнала, под названием: *Соревнователь Просвещения и Благотворения*. Сия часть состоит из №№ I, II и III нынешнего года» (Сын отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем. СПб., в типографии Издателя. 1824. Ч. 92 (ценз. разр. 19 февраля 1824), № 10, 8 марта. V. Новости не-политические. С. 136–137; имелся в библиотеке Д.П. Трошинского — см.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 338. № 4527).

³⁵ Сын отечества. 1824. Ч. 92. № 10. С. 138.

³⁶ Имелось в библиотеке Д.П. Трошинского — см.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 334, № 4476.

³⁷ Новости литературы, издаваемые А. Воейковым и В. Козловым. Прибавление к Русскому Инвалиду. С.Петербург. Печатано в Военной Типографии. 1824. Ч. 7. № 7 (ценз. разр. 23 февраля 1824). С. 106–111. Замена «Иванова вечера» на «Дунканов вечер» была сделана и в тексте — вряд ли без разрешения автора.

Издателей и тяжелом для Читателей средстве издавать книги и Журналы»³⁸, где от имени неназванного корреспондента говорилось: «В наше время (т. е. в конце царствования Императрицы Екатерины II), хотя читателей было не столь много, как ныне, но Журналисты не смели печатать в своих изданиях статей, однажды уже напечатанных по-Русски, и Журналы наполнялись по большей части оригинальными сочинениями. <...> Выписки из печатных книг представлялись только в учебных книгах для примеров, и мы не знали тогда легкого и приятного средства издавать книги образцовые, попечением и трудами наборщиков, то есть перепечатывать и собирать в одно место чужие сочинения, под каким-нибудь затейливым названием. <...> Будучи чрезмерно занят службою и посвящая весьма мало свободных часов Литературе, я не имею времени исчислить подробно все стихотворения, почерпнутые Г. Воейковым, не знаю по какому праву, из других изданий без показания источников, чтобы под покровом *Новостей* вторично представить оные читающей и платящей публике, но перевертывая листы в *Новостях Литературы*, я заметил в оных следующие сочинения, читанные мною в других изданиях»³⁹. Далее был приведен список из 29 названий⁴⁰, в котором под № 24 значилось: «Дунканов вечер, из Соревнователя» Просвещения на 1824 год № 2, напечатан в *Н.овостях*»⁴¹. Автор продолжал: «Теперь спрашиваю: чем же вознаграждаются труды Издателей Журналов, тщательно собирающих отличные произведения (в настоящем смысле слова), если один из них предоставит себе право извлекать из оных что ему угодно; и что должна сказать читающая публика, которой за разные цены при выписке разных Журналов представляют одно и то же? <...> прошу вас напечатать сие письмо, в той надежде, что некоторые Гг. Издатели перестанут промышлять этими *перепечатками*, и последуют благородной пословице наших предков: *без труда нет плода*, вместо того, чтобы собирать плоды, презирая *труды*»⁴².

³⁸ Литературные листки. Ч. 2. № 11 и 12 (ценз. разр. 30 июня 1824 г.). С. 438–443; подпись: «Ваш читатель Н.В.».

³⁹ Там же. С. 438, 441.

⁴⁰ См.: Там же. С. 441–443.

⁴¹ Там же. С. 443 (на самом деле наоборот).

⁴² Там же. Несколько позднее А.А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» («Полярная звезда на 1825 год») также упрекнул Воейкова в том, что тот наполняет свой журнал «лежалою прозою и перепечатанными стихами»: «Заметим, что с некоторого времени закралась к издателям некоторых журналов привычка помещать чужие произведения без спросу и пользоваться чужими трудами безответно» (Литературно-критические работы декабристов. С. 77).

Все пять упомянутых изданий имелись в библиотеке Д.П. Трошинского, по какому именно В.А. Гоголь мог прочитать балладу, неизвестно, но очевидно, что ее выход в свет оказался шумным и не остался незамеченным. «Когда Жуковский написал “Замок Смальгольм”, все прельщались этим стихотворением», — вспоминает А.И. Дельвиг, рассказывая, как была написана, вероятно, самая ранняя из многочисленных на него пародий⁴³ — «До рассвета поднявшись, извозчика взял...» А.А. Дельвига; он говорит о литературном Петербурге февраля — мая 1824 г.; к осени эта слава вполне могла дойти до малороссийских поместий.

Творческому и личному влиянию Жуковского на Гоголя посвящены многие исследования; так, Е.А. Смирнова утверждает: «Печать влияния Жуковского (иногда даже чисто внешнее подражание ему, а то и прямые заимствования) лежит едва ли не на всем, что было написано молодым Гоголем»; более того, комплекс идей, связанных с эстетикой романтизма и впитанных прежде всего из произведений Жуковского, «несмотря на всю сложность дальнейшей трансформации, навсегда сохранит для него свою актуальность»⁴⁴. Вопреки многим мнениям, «гоголевский художественный мир одухотворен до последней своей частицы, нужно только уяснить специфику его духовности»; объект исследования Гоголя не сознание персонажа, но «его душа, категория, тесно связанная с романтическим представлением об одухотворенности всего мироздания»; она «не может определяться языком земных слов и понятий <...> и может быть постигнута лишь интуитивным путем, как откровение, чему и служит, согласно утверждениям романтиков, искусство». Е.А. Смирнова связывает эту идею «невыразимого» с известным стихотворением Жуковского⁴⁵ и обращает внимание в частности на философский подтекст так называемого «гуманного места» в тексте «Шинели», когда только один из присутствующих слышит в речи Акакия Акакиевича «другие слова», то «“невыразимое” (для Гоголя, как и для Жуковского) средствами земного языка “присутствие Создателя в создание” (основание человеческого братства), которое воспринимается непосредственно *душой*»⁴⁶. Отметив, что герой «Шинели» «поднят своим автором над <...> “подлым бытом”⁴⁷ до высоты почти неземной», Е.А. Смирнова

⁴³ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 1–4. М., 1912–1913. Т. 1. С. 49.

⁴⁴ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь (к вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура. Сборник научных трудов. Л., «Наука», 1987. С. 244, 245.

⁴⁵ «Невыразимое» (Отрывок) («Что наш язык земной пред дивною природой?», 1819). См.: Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 244–245.

⁴⁶ Там же. С. 253–254.

⁴⁷ Как «пустой какой-то пример из вседневного подлого быта» воспринял повесть Гоголя герой «Бедных людей» (см. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 63).

прослеживает скрытый «под внешним комизмом бытового рассказа у Гоголя <...> житийный мотив подвижничества», «иноческой аскезы», который «интересен прежде всего тем, что для его поэтического выражения Гоголь привлекает романтические образы из произведений Жуковского»⁴⁸. Так, фрагмент из баллады «Рыцарь Тогенбург» (1817): «И душе его унылой / Счастье там одно: / Дождаться, чтоб у милой / Стукнуло окно. <...> // И дождавшись, на ложе / Простирался он; / И надежда: *завтра то же!* / Услаждала сон»⁴⁹, — видоизменяется в соответствии с представлениями о счастье Акакия Акакиевича: «Написавшись власть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра» (III, 146). Е.А. Смирнова ссылается также на мнение С.Г. Бочарова, который видит реминисценцию из Жуковского еще и в словах: «Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его...» (III, 144); она подтверждает: «Это поставленное под ударение “Там” <...> действительно в данном контексте почти равнозначно “очарованному Там” Жуковского»; и точно так же, «как магией своего слова Гоголь преображает почти бессмысленный акт переписыванья», так сравнением со «светлым гостем, оживившим на миг бедную жизнь» (III, 169), «поэтически преображена и сама шинель Акакия Акакиевича»⁵⁰. Возражая против интерпретации повести в статье М.Н. Эпштейна, увидевшего в ней «страшное моральное и мистическое падение героя», результатом которого стала «продажа души дьяволу», Е.А. Смирнова полагает, что «в “Шинели” речь идет не о проделках нечистой силы, но о небесной каре», и находит «близкую аналогию» такому развитию сюжета «в балладе Жуковского “Замок Смальгольм, или Иванов вечер”, по-видимому привнесшей в фантастическое окончание повести то же поэтическое “озарение”, какое в ее начало внесло житие св. Акакия. Если в описании земной жизни Акакия Акакиевича “вседневный подлый быт” был опозитизирован идеей святости, то изображение его “шумной” загробной жизни Гоголь ориентирует на поэтическое произведение, в котором фигурирует выходец из могилы и звучат мотивы небесной кары и покаяния»⁵¹. Все «жуткие подробности эпилога», свидетельствующие, по мнению М.Н. Эпштейна, о «страшном падении» героя («Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом»; изо рта Акакия Акакиевича «пахнуло страшно могилою» — III, 172), «эти

⁴⁸ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 254–256.

⁴⁹ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 135.

⁵⁰ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 256–257; ср. о «госте “с вышины”» в стихотворении «Лалла Рук» («Милый сон, души пленитель...», 1821); см.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 222.

⁵¹ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 258–259.

(и еще более “жуткие”) подробности мы без труда найдем у Жуковского <...> в балладе о явлении убитого», — говорит Е.А. Смирнова и приводит далее строки из «Замка Смальгольм»: «Он нахмурился глядел, он как мертвый бледнел, / Он ужасен стоял при огне»⁵²; при этом замечая, что «у Жуковского Гоголем взята и неопределенность в самом изложении эпизода, оставляющая место сомнению: о живом ли говорится или о выходе с того света»⁵³. Еще одно созвучие гоголевскому тексту обнаруживается в тех строках баллады, где слова «мертвец» и «могила» присутствуют «на этот раз во всей их неотразимой конкретности»: «Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой; / Сей полуночный мрачный пришлец / Был не властен прийти: он убит на пути; / Он в могилу зарыт, он мертвец»⁵⁴. «Совершенно однотипное объяснение по поводу невозможности прихода Акакия Акакиевича дает в “Шинели” департаментский сторож, которого посылали за ним на квартиру: “Сторож должен был возвратиться ни с чем, давши ответ, что не может больше прийти, и на запрос: почему? выразился словами: да так, уж он умер, четвертого дня похоронили”», — пишет Е.А. Смирнова; она также обращает внимание на то, что «герой “Шинели” в рассказе о его загробных явлениях неуклонно именуется “мертвецом”, как это обстоит и у Жуковского по отношению к Ричарду Кольдингаму. Лишь в последнем эпизоде гоголевской повести появляется слово “привидение”, но <...> ясно, что речь здесь идет уже не о нем». Завершая свое сопоставление, Е.А. Смирнова пишет: «Как итог переключки в конце обоих произведений возникает мотив покаяния, правда, редуцированный в случае со значительным лицом до простого раскаивания, но в широком моралистическом контексте “Шинели” приобретающий смысл призыва к покаянию»⁵⁵.

Возвращаясь к цитированной выше переписке Гоголя, можно заметить, что, когда в письме от 13 июня 1824 г. он просит прислать ему «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах...», он просит его «вместо повестей» (X, 47). Ничего не известно о том, какие повести выбирали для него родители, — так, одних переводов Анны Радклиф, изданных с 1801 по 1819 г., в библиотеке Д.П. Трошинского было 20 названий⁵⁶. Вполне вероятно, однако, что как раз здесь речь может идти об издании «Литературные прибавления к Сыну Отечества»⁵⁷, в первом номере которого за 1824 г. начала печататься переводная повесть немецкого писа-

⁵² Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 152.

⁵³ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 259.

⁵⁴ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 152.

⁵⁵ Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 259–260.

⁵⁶ Каталог библиотеки Трошинского 1874. С. 265–266, № 3764–3784.

⁵⁷ В 1822, 1823 гг. — Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности; в 1824 г. — Новая библиоте-

теля Г. Клаурена⁵⁸ «Зеленый плащ»⁵⁹. Издание имело неплохую репутацию⁶⁰, а сама повесть сразу же по появлении была замечена Булгариным⁶¹.

В начале повести к богатому торговцу Меллингеру ночью приходит посетитель, внешность которого его поражает: «...Тощее бледное лицо, высунувшееся из большого зеленого плаща, устремило на него безжизненные неподвижные глаза, и он ужаснулся, думая видеть пред собою живого мертвеца»⁶². Не в силах избавиться от этой мысли, Меллингер все же впускает гостя в дом. «Зеленый плащ вступил в сени, не говоря ни слова; потом медленными

ка для чтения; издание имелось в библиотеке Д.П. Трошинского — см.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 329. № 4397.

⁵⁸ «Генрих Клаурен (1771–1854) (настоящее имя К.Г.С. Хойн) является одним из самых известных авторов немецкой литературы середины XIX в., адресованной массовому читателю. <...> Степень востребованности его столь велика, что это время называли впоследствии “эпохой Клаурена” (“Claurenepoche”). <...> Создатель огромного количества произведений, Клаурен был известен не только в Германии, но и в России. Существует версия о том, что А.С. Пушкин читал “Голландского купца” Клаурена и, возможно, именно это произведение навяло поэту эпизод с выигрышем на тройку и семерку в его “Пиковой даме”. <...> Сегодня произведения Г. Клаурена лишь позволяют судить о литературных вкусах массового читателя 20–30-х гг. XIX в., составляют литературный контекст эпохи и дают представление о литературе бидермейера» (*Иванова Е.Р.* Творчество писателей «второго плана» в изучении зарубежной литературы XIX в.: Генрих Клаурен. Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск; elib.osu.ru 1679–1684).

⁵⁹ Литературные прибавления к Сыну Отечества на 1824 г. Ч. 1. № 1 (ценз. разр. 28 декабря 1823 г.). С. 3–44. № 2 (ценз. разр. 10 января 1824 г.). С. 45–92. № 3 (ценз. разр. 4 января 1824 г.). С. 93–128. № 7 (ценз. разр. 18 марта 1824 г.).

⁶⁰ «Прибавления к “Сыну отечества” (изд. г.г. Князевичи, в С.-Петербурге) отличаются прекрасным выбором повестей и чистым, плавным языком», — писал А.А. Бестужев в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» (Литературно-критические работы декабристов. С. 67. Братья Князевичи Дмитрий (1788–1844), Александр (1792–1872), Николай (1794–1852) и Владислав (1798–1873) Максимовичи — известные петербургские литераторы.

⁶¹ «Литературные Прибавления к Сыну Отечества, окончив успешно прошлогоднее поприще, начались весьма занимательною повестью: *Зеленый плащ*. В 1822 году Литературные Прибавления едва расходились в половину против С.<ына> О.<течества>, а в 1823 году число подписчиков почти сравнялось. Издатели выбором пиес и своею точностию успели приобрести благосклонное внимание публики, которая весьма любит легкое и приятное чтение. Долго, долго дожидаться, пока историческая или статистическая статья произведет у нас в кругу читающих подобное действие, как заманчивая повесть! Впрочем, главное дело в том, чтобы читали — все придет со временем» (Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 2 (ценз. разр. 14 января 1824 г.). С. 65).

⁶² Литературные прибавления к Сыну Отечества на 1824 г. Ч. 1. № 1. С. 15.

шагами пошел, как будто бы ему известны были все ходы и переходы, прямо к черной железной двери в контору и ударил по ней три раза так сильно, что во всем доме простонало <...> услышав, что дверь изнутри отперта, отворил ее, вошел молча и подал письмо Меллингеру, у которого, при одном взгляде на мертвое лицо привидения, в глазах помертвело»⁶³. Но письмо успокаивает его: старый друг Спонсери рекомендовал ему вручителя как своего сына Гильермо. «Во время чтения Меллингер несколько ободрился и смеялся внутренно, что так сильно испугался безвременного посещения, странных поступков и бледного лица молодого человека. Складывая письмо, приветствовал он, в кудрявых купеческих выражениях, столь давно уже ожидаемого сына старого своего друга. Но только что хотел он обнять нового гостя и избранного им во глубине сердца своего зятя, как молодой человек отступил назад и сказал протяжно глухим голосом: “Не прикасайтесь ко мне: я мертв. Сегодня поутру я умер. Теперь возвращаюсь туда, откуда пришел. Прощайте”. <...> Когда же он, подавая ему из-под плаща холодную, окостенелую руку, коснулся его руки, то Меллингер вскрикнул от ужаса; волосы у него стали дыбом и мороз оковал все чувства. <...> “Завтра, — сказал мертвец, — явлюсь отцу своему в Венеции. Дайте мне росписку в исправном получении этого письма: я ее вручу ему. Возьмите на себя попечение о моем погребении: я здесь в стороне чужой, не знаю никого, кроме вас. Если железные заклепы гроба не препятствуют теням умерших из мирного жилища их возвращаться в сию юдоль печали, то я скоро увижусь с вами. Дотоле прощайте. О каждом из деяний ваших возведу я Предвечным Судьбам, которые судят нас, как мы судили. Не забудьте сего и сообразуйте с тем ваши поступки. Я иду. Спокойствие могилы призывает меня. Ожидаю только росписки”»⁶⁴.

Посетитель прячет расписку «за отворот рукава зеленого плаща своего» и направляется «медленными шагами к дверям». Старый слуга, по просьбе Меллингера, который «едва держит свечу от сильного трепета», соглашается проследить за гостем («Молча отворил он двери на двор. Мертвец медленно проходя мимо его, устремил ему в глаза твердый, неподвижный взор, так что мороз пробежал по всем жилам старика; потом вышел, не сказав ни слова, из дому»), идет за ним, но когда тот, «приблизясь к ограде Августинского монастыря, в которой находилось кладбище, подошел к маленькой черной железной двери, ударил в нее сильно три раза и дверь сама собою отворилась и, когда *Зеленый плащ* вошел в нее и дверь за ним с шумом захлопнулась», тогда он не выдержал — «обернулся поспешно назад, пустился бежать домой не оглядыва-

⁶³ Там же. С. 15–16.

⁶⁴ Там же. С. 16–18.

ясь и рассказал изумленному господину своему все, что видел и слышал», и оба они «не могли сомкнуть глаз целую ночь. Беспрестанно виделся им загадочный *Зеленый плащ*, с его бледным, помертвелым лицом, с его неподвижными глазами. Сколько Меллингер ни оттирал то место руки своей, к которому прикоснулась окостенелая рука ужасного ночного духа, не мог никак согреть»⁶⁵.

Можно заметить, что здесь присутствуют все те же моменты, которые отмечала Е.А. Смирнова, проследживая общие черты в изображении выходца из могилы у Жуковского и Гоголя: «жуткие» подробности его облика (и запечатленное страшное прикосновение его руки, такое значимое в балладе), но при этом сохраняющееся сомнение, о живом идет речь или о мертвом. Здесь также говорится и о могиле и смерти «во всей их неотразимой конкретности» (см. выше) — так, Меллингеру рассказывают, как хоронили его ночного гостя: «“Мы хотели было <...> одеть его в черное платье <...> но в бумагах его нашли записки, где он именно приказывал похоронить себя в зеленом плаще, который всегда носил <...> цветы ваши положил я ему просто на сердце. В рукаве торчала какая-то бумажка, но я ее оставил: прислужник в трактире сказал мне, что вы Г. Меллингер читали ее и велели положить опять за рукав плаща”. <...> “Оставим это <...>, — возразил Меллингер слабым, почти плачевным голосом. — Я не могу и не хочу о том говорить. <...> Станем молиться Богу, чтоб сделаться добрыми людьми, потому что все мы бедные грешники. А об *Зеленом плаще* не хотел бы я век свой ничего больше слышать!” — “Да конечно и не услышите. Свод, в который поставлен гроб, крепко-накрепко заложен. Из него не вырвется и живой, не только что мертвой!”»⁶⁶.

Повесть Клаурена, разумеется, никак непосредственно не связана с балладой Жуковского — даже и переводчик не мог, вероятно, вдохновляться ее впечатлением, просто бы не успел, повесть вышла в свет раньше баллады. Можно говорить о, так сказать, прагматической связи — не с переводом, а с подлинником В. Скотта⁶⁷, который был, скорее всего, известен Клаурену; в крайнем случае с призраками Шекспира, тоже требующими покаяния и возмездия. Этот мотив у Клаурена очень силен. Его герой не может забыть слов мертвеца: «О каждом из деяний ваших возвещу я Предвечным Судьбам, которые судят нас, как мы судили»; эти слова «лежали как тяжелый горячий камень на груди его. <...> Меллингеру казалось, как будто последний страшный суд начинается

⁶⁵ Там же. С. 18–20.

⁶⁶ Там же. С. 28, 31.

⁶⁷ О точности перевода Жуковского см.: *Резов Б.Г.* В.А.Жуковский — переводчик Вальтера Скотта («Иванов вечер») // Русско-европейские литературные связи. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения ак. М.П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 439–446.

над ним еще при жизни. Он проходил в мыслях все дела и поступки свои; видел бедных, отвергнутых им с жестокостью, вопиющими против него; слышал жалобы притесненных им в торговле. Напрасно старался он успокоивать себя пустыми извинениями, что милостыня умножает только празднолюбцев и что купец не всегда может поступать по строгим правилам нравственности: совесть его была пробуждена; он сделался кроток, как дитя. В груди его отзывалось что-то, напоминавшее ему, что два миллиона талеров своих приобрел он не всегда безукоризненными средствами. Так никогда еще не давал он себе отчета в делах своих, но и никто не проникал так в его душу, как этот неизъяснимый житель могильный»⁶⁸. И это переживание имеет разительные последствия, по существу близкие к тем, о которых говорится в балладе: «Меллингер собственноручно описал безутешному отцу все происшествие ужасного явления от слова и до слова. На себя же наложил он строгое покаяние, и к удивлению всех его окружающих и всего города, превратился в столь тихого, кроткого, сострадательного человека, что те, которые знали прежнюю его жадность к деньгам, его жестокосердие противу бедных ремесленников, его бесчеловечие противу кредиторов, находившихся не в состоянии заплатить ему немедленно, — часто приходили в искушение думать, что какое-нибудь необыкновенное происшествие повредило его рассудок. Меллингер во всех отношениях сделался совершенно другим, лучшим человеком, хотя твердое намерение сделаться лучшим стоило ему часто сильных с самим собою борений»⁶⁹.

Но баллада кончается покаянием, а повесть имеет продолжение. Преобразившегося Меллингера ложно обвиняют в убийстве и приговаривают к смерти; но накануне расстрела он совершает побег самым таинственным образом. Вот как об этом рассказывает девочка, дочь тюремщика: «...Вдруг ударило двенадцать часов, и с последним ударом двери тюрьмы растворились и оттуда вышло тощее, бледное привидение, закутанное в зеленый плащ, держа за руку Г. Меллингера. Мы все трое вскочили от ужаса; я, сама себя не помня, вскрикнула изо всех сил. Мертвое лицо устремило на нас свои черные, как уголь, глаза и сказало: “Имя мое *Зеленый Плащ из Венеции!* Жилище — гроб! Я пришел сюда, чтоб освободить его. Горе, горе тому, кто дерзнет к нему прикоснуться!”». Девочка вспоминает, как «вышли они оба медленными шагами из <...> комнаты, прошли чрез караульню, где спали солдаты, в сени и исчезли», и когда стоявший «как окаменелый» тюремщик, опомнившись, бросился в темницу, она была пуста. «“Боже великий! мы погибли!” закричал он сержанту: это был сам дьявол, это его работа! <...> — Гей вы! к ружью! к ружью! Скорее к ружью!”

⁶⁸ Литературные прибавления к Сыну Отечества на 1824 г. Ч. 1. № 1. С. 22.

⁶⁹ Там же. № 2. С. 45.

Но никто из караульных не шевелился. Прошло с добрую четверть часа времени, пока наконец толчками и пинками могли поднять их на ноги.

Дверь на двор была замкнута. Подле нее лежал зеленый плащ. Бросились тотчас обыскивать все здание. С чердака до подземелья, во всяком уголке было обшарено и осмотрено. Нигде нет следа ни привидения, ни Г. Меллингера⁷⁰.

И вот здесь вдруг оказывается, что доминировавшая до сих пор экспрессивная, пугающая образность баллады на глазах иссыкает, повествование получает отчетливо ироническую окраску и дает материал для ряда новых сопоставлений, теперь уже не с балладой Жуковского в ее творческом срастании с повестью Гоголя, а с событиями самой этой повести. Совершенно так же, как в «Шинели» и грабители, и не желающая ловить их полиция используют слухи о мстящем мертвеце в своих интересах, так и в «Зеленом плаще» караульные солдаты, напившиеся на пошту и упустившие важного арестанта, винят во всем нечистую силу: «Надобно было отрапортовать Коменданту. “Если Комендант услышит, что вы пили, — сказал сержант солдатам, которые с похмелья не могли еще совершенно прийти в себя, — то быть вам всем расстрелянным. Мне же кажется, что крепкой сон, который обуял вас, был не что иное, как наведение проклятого *Зеленого Плаща из Венеции*. Разве не случилось, что вы и прежде пивали, но вы притом всегда оставались brave ребятами и никогда не забывали своей должности”».

Солдаты были рады, слыша, что сержант сам их оправдывает. Все в один голос клялись и утверждали, что в жизнь свою никогда еще того не чувствовали что сегодня, и что и теперь еще насилу глядеть могут, так отуманены были их головы. Один из них с тысячью клятв и ругательств уверял, что сам видел, как *Зеленый плащ* шел медленным шагом через караульную с арестантом; что он хотел закричать и разбудить своих товарищей, однако ж не только не мог произнести ни одного звука, но даже и пошевелить ни одним членом: что-то невидимое и неизъяснимое его удерживало⁷¹. Гоголевских не самых «значительных» чиновников напоминает и комендант, который «был с вечера на большом пиру, и подгулял, как рассказывали его лакеи, преисправно», так что его «не могли добудиться»; но в конце концов все — и солдаты, и тюремщик, и все свидетели — были ему представлены, допрошены и «должны были присягнуть в справедливости показаний своих о том, что <...> видели и слышали. Солдаты клялись теперь все до одного, что собственными своими глазами видели, как *Зеленый плащ* провел арестанта чрез караульную: они хотели схватить их, стрелять по ним,

⁷⁰ Там же. С. 76–77.

⁷¹ Там же. С. 77–78.

но ни один не мог тронуть ни мизинца; а рты их как будто залиты были растопленным оловом. У *Зеленого плаща*, по их показанию, была большая лошадиная нога и длинный, красный хвост; дверь перед ним сама собою растворилась прежде, нежели он к ней прикоснулся, а когда он вышел, то по всей караульной разнесся несносный серный запах»⁷². Возвращаясь к началу повести, можно теперь заметить, что и там присутствует подспудно этот иронический тон, преимущественно за счет того, что действия призрака вписаны если не совсем в административно-бюрократическую, как в «Шинели», то все же во вполне рациональную, скажем, расчетливо-бухгалтерскую действительность. Так, он уверенно направляется именно в контору и требует расписку⁷³; а Меллигер после всех ночных переживаний утром вовсе не кажется потрясенным, а привычно отправляется искать своего гостя вовсе не на кладбище, а в соответствующее учреждение: «Едва успел он на другое утро позавтракать, как и побегал в Полицию, чтоб осведомиться о жилище молодого Спонсери. “Гильермо Спонсери из Венеции?” спросил его Секретарь, развернув толстый список жителей города.

“Да, да!” подхватил с нетерпением Меллигер. “Его-то я и ишу”.

“Остановился в трактире под вывескою *Солнца* в № 14, но вчерашний день поутру скончался. Как из пашпортов видно 25-ти лет, среднего роста, лицо бледное, очень нежное, волосы черные курчавые, орлиный нос, на подбородке ямка, высокая грудь и широкие плечи”.

“Так, точно так!” — сказал глубоко пораженный Меллигер, закрыл глаза рукою и пошел, едва переступая, из комнаты.

“Должно быть так!” — проворчал вслед ему с досадою Секретарь. “На то пашпорт и Полиция!”»⁷⁴

Даже и похоронить покойника Меллигер поручает своему бухгалтеру. Приходится решать вопрос и о профессиональной его замене; только это оказывается сложнее и убыточнее, чем заменить Акакия Акакиевича: «“Позвольте только спросить вас, Г. Меллигер, кто ж займет у нас в конторе место, которое назначено было для молодого Спонсери? Здесь трудно найти человека, который бы так хорошо знал Английский и Италийанской языки, чтобы вести на них переписку. Такие люди редки, а если и найдутся, то потребуют не безделицу”.

“Да, а Спонсери исправлял бы нам эту должность даром. Истинное несчастье, что этот человек умер! Ну, что ж делать! Припе-

⁷² Там же. С. 78–79.

⁷³ Там же. № 1. С. 16–17. «Спокойствие могилы призывает меня. Ожидаю только росписки» (Там же. С. 18).

⁷⁴ Там же. С. 22–23.

чатайте в газетах, чтоб желающие и способные для того люди являлись ко мне; только велите объявление набрать мелким шрифтом: плата за припечатание такая ужасная — впрочем конечно и издателям газет надобно ж жить; ну, так велите набрать обыкновенным шрифтом, только написать покороче, как можно покороче»⁷⁵.

Письмо, расписка, некоторые обрывки записей, разорванных и срастающихся вновь в целую рукопись с загробным посланием, тут и там появляются в повести. Один такой обрывок нашли в кармане зеленого плаща, когда ловили мертвеца, — а плащеш нашлось по крайней мере два, как две шинели — старая, ветхая и гнилая, и новая — были в повести Гоголя. «Когда принесли зеленый плащ, найденный у дверей, то Комендант и все Офицеры отвернулись: от него пахло гнилью, и сукно при легком прикосновении распадалось. Верхняя пуговица отпала и покатила к ногам Коменданта. В кармане нашел сержант оторванный лоскут писаной бумаги; только слова едва можно было разбирать»⁷⁶. Но в отличие от Меллингера, по-балладному экзистенциально, всем существом своим покаянно отреагировавшего на страшное явление мертвеца и на его слова, реакция Коменданта более похожа на реакцию «значительного лица» в «Шинели»: «Слышно, что Комендант не знает, что и подумать от истории с *Зеленым плащом*. Он сделался чрезвычайно задумчив; в особенности, говорят, то, что написано было на бумажке, сильно на него действовало»⁷⁷. Но задумался он ненадолго: «Сличили оба плаща: найденный в сундуке и взятый из могилы — оба были из одного и того же сукна; на обоих одинаковые пуговицы; у обоих не доставало одной.

“Провались вся эта история” — вскричал Комендант. “Не хочу и слышать о ней. Чем больше желаешь узнать, тем дальше запутываешься в непонятном”»⁷⁸. Поверхностная, бездумная реакция не позволяет ему переродиться и в итоге приводит к страшной гибели в конце повести. Любопытно, что и упомянутый уже фрагмент: «Свод, в который поставлен гроб, крепко-накрепко заложен. Из него не вырвется и живой, не только что мертвой!»⁷⁹, соотнесенный выше с отмеченной Е.А. Смирновой параллелью балладного «Сей полуночный мрачный пришлец / Был не властен прийти: он убит на пути; / Он в могилу зарыт, он мертвец»⁸⁰ и ответом посланного за Акакием Акакиевичем департаментского сторожа («Сторож

⁷⁵ Там же. С. 27–28.

⁷⁶ Там же. № 2. С. 78–79.

⁷⁷ Там же. С. 79.

⁷⁸ Там же. С. 71.

⁷⁹ Там же. № 1. С. 31.

⁸⁰ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 152.

должен был возвратиться ни с чем, давши ответ, что не может больше прийти, и на запрос: почему? выразился словами: да так, уж он умер, четвертого дня похоронили» — III, 169), имеет при этом несомненный каламбурный смысл и в этом отношении близок полицейскому распоряжению в «Шинели» «поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертвого» (III, 170). Кажется, на основании сказанного можно с достаточной степенью обоснованности предположить, что Гоголь был знаком с повестью Клаурена «Зеленый плащ» и воспользовался полученным от нее впечатлением при работе над «Шинелью»; а иначе было бы непонятно, для чего дважды в рукописи и наконец в окончательном тексте повести он приложил некоторые усилия, чтобы все же зачем-то упомянуть о том, что одежда Акакия Акакиевича — хотя не плащ и не шинель, а «вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета» (III, 145)⁸¹...

Впечатления 1824 года обогащали опыт Гоголя и позднее отзывались в его деятельности. Построение «Собрания образцовых русских сочинений...» он затем почти скопировал, положив в основу задуманного, но так и не осуществленного собственного проекта (см.: «Учебная книга словесности для русского юношества. Начертание Н. Гоголя. Проспект» — VIII, 468–488). От поэзии Жуковского, роль которого в последующей биографии Гоголя вообще невозможно переоценить, Гоголь-прозаик, по мнению Е.А. Смирновой, усвоил принцип «внутреннего зрения» и научился выражению «невыразимого»⁸²; но это не все. Можно предположить, что известная способность Гоголя принимать как свои чужие сюжеты была сродни отмеченному С.С. Аверинцевым умению Жуковского-переводчика работать с таким оригиналом, который «неся в себе достаточно значительности, не достигал совершенства и словно дожидался переводчика, чтобы наконец-то осуществить себя, сбыться» и, как следствие, реализовать чужие замыслы, воплощать их «невоплощенные возможности», «нереализованные смысловые потенции»⁸³. Именно так, отбирая смыслы, Гоголь прочитывает немецкую повесть. Повесть Клаурена, о которой Гоголь несомненно помнил при работе над «Шинелью», важна здесь еще и потому, что

⁸¹ В рукописи Гоголь отрабатывает это место — сначала: «В то время еще не выходил указ о том, чтобы застегнуть чиновников в вицмундиры. Он ходил во фраке, цвету коровьей коврижки», потом: «О платье он не думал вовсе, вицмундир у него был не зеленый, а какого-то особенного цвета, скорее цвету коровьей коврижки».

⁸² Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. С. 260.

⁸³ Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 252.

она, как остановившиеся часы, фиксирует для наблюдателя время: скорее всего она была прочитана сразу, как только появилась, — трудно представить, чтобы Гоголь, с его всегда напряженным ритмом жизни, взялся за чем-то читать через много лет старые повести «Сына Отечества». А это значит, что в 1824 г. пятнадцатилетний Гоголь уже работает с текстами, образами, впечатлениями профессионально, внутренне он уже писатель — возможно, еще сам не зная этого.

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК «НОСА»

Столетнюю историю сценических воплощений повести «Нос» открывает спектакль «Сон майора Ковалева, гротеск в 5 превращениях с эпилогом по Гоголю» петербургского театра пародий и миниатюр «Кривое зеркало» под руководством А.Р. Кугеля. Премьера состоялась 2 октября 1915 г. Автор инсценировки А.И. Дейч, режиссер Н.Н. Урванцов, художник Ю.П. Анненков, роли исполняли Л.Н. Лукин (майор Ковалев), С.И. Антимонов (Иван Яковлевич), Л.А. Фенин (Нос) и др.

Споры вокруг спектакля начались еще на этапе оформления замысла: А.И. Дейч, опираясь на раннюю редакцию гоголевского текста, представил в инсценировке «всю фантазмагорию» как сон майора Ковалева, выбрав соответствующее название; А.Р. Кугель же «доказывал, что пьеса прозвучит гораздо острее, если ее не называть сном...»¹. В итоге постановщиками было выбрано решение, дающее публике возможность делать собственные выводы о природе изображаемых на сцене событий. «Название зрелища позволительно было читать с равным правом и так, и этак, спереду назад и сзади наперед: что “Нос”, что “Сон”»². Как писал Кугель, «переделка, инсценированная театром, очень строго придерживается и текста, и даже, до последней возможности, расположения частей повести. Сообразно с этим, и сценическая трактовка сохраняет загадочность и кажущуюся сбивчивость общего построения “Носа”. Может быть, было бы, с точки зрения театрального впечатления, целесообразнее усвоить некоторую вольность толкования “Носа”, и навязанную тенденцию провести через сценическую трактовку. Театр, однако, этого не сделал. Он шел, так сказать, слепо за Гоголем, и не ответил ни “да”, ни “нет”, на недоуменные вопросы, волновавшие критику 85 лет назад»³.

Сохранению этой «загадочности», смысловой неоднозначности способствовали сценографические и режиссерские приемы, переносившие зрителя в ирреальное пространство, в котором трансформировались привычные свойства вещей, масштабы и пропорции. Такие искажения, характерные для экспрессионистского театра, были

¹ Дейч 1966. С. 103.

² Золотницкий Д.И. Зори театрального Октября. Л., 1976. С. 159.

³ Кугель 1915. С. 754.

призваны «показать глубинный смысл происходящего на сцене, изобразительными средствами раскрыть потаенную суть драмы бытия личности — не обыденную бытовую историю, а стоящее за ней нечто непознаваемое, мистическое и роковое»⁴. Например, в одном из эпизодов комнату Ковалева «заливал яркий фантастический свет», «маленькие алые цветочки на обоях превращались в гигантские красные тюльпаны», «скромное оружие, висевшее на стене, сверкало сталью огромных шпак и кинжалов»; «все как-то выростало, становилось неправдоподобным и значительным»⁵. Интерьер цирюльни «продолжал тот же прием гротескной гиперболизации: в бедно обставленной комнате находилась печь с огромной сковородой, стол, стул с продавленным сиденьем, на столе стоял бритвенный стакан величиной с бак и из него торчал помазок размером с метлу. На стене рядом с криво болтавшейся картиной и грязным полотенцем висела раскрытая бритва величиной с меч палача. С ее лезвия стекала на засиженные мухами и клопами обои огромная капля крови»⁶. В картине «Исаакиевский мост» пространство казалось «резко спрессованным»: набережная и мост были даны «встречающимися под острым углом диагоналями», «вершинные точки планов сцены» выделены вертикалями (сторожевая будка, фонари)⁷. Сцену на мосту исследователи считают «стилевым ключом спектакля»: «Только в кошмарном сне можно увидеть такую холодную и мглистую, продуваемую ветрами каменную пустыню, какую показал Анненков. Работа художника предвещала его знаменитые образы блоковского Петрограда, накренившегося от ветра истории, в иллюстрациях к поэме “Двенадцать”»⁸. Деформации затрагивали не только сценическое пространство, но и время: эпизоды сменялись с лихорадочной скоростью⁹; однако ночная встреча Ковалева с Носом на мосту проходила в «замедленном темпе»¹⁰. При этом игра актеров «была подчеркнута гротескной»¹¹. «Л. Фенин, игравший роль Носа, <...> говорил медленно, с расстановкой, цедя слова в нос, несколько гнусая, как это естественно для носа»¹². Расшитый воротник Носа прикрывал его «совершенно белое лицо», на котором торчал огромный нос¹³. Оттенок фантазмагии и кошмара имела и сцена в газетной экспедиции, в символистской манере воплощавшая

⁴ Струтинская 1998. С. 104–105.

⁵ Дейч 1966. С. 105.

⁶ Струтинская 1998. С. 125.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Золотницкий Д.И. Зори театрального Октября. С. 159.

⁹ Там же.

¹⁰ Дейч 1966. С. 107.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 106.

гоголевские мотивы слухов и сплетен: «В темноте тонут силуэты посетителей. <...> во всех углах темной комнаты раздается шепот, сдавленные голоса говорят о необычайных происшествиях в столице <...>. Шепот возрастает, ширится, сплетни, слухи, наговоры, казалось, ползут из всех углов, вырисовываются силуэты людей, толпящихся кучками. Музыка, вторя нестройному хору голосов, звучала громче. И вдруг раздавались возгласы: “Вот он, вот он!” Из темноты высовывались руки, указывающие на Ковалева, который в ужасе убежал. Под адскую какофонию закрывался занавес»¹⁴. По описанию одного из критиков, фигуры на сцене сливались «в одно страшное “чудище обло, огромно, стозевно и лайй”», леденящее кровь «шелестящим шепотом и деревянным смешком»¹⁵. «Бедный майор, быть может, еще пережил бы трагедию постигшей его утраты, но это чудище, которое он чувствует около себя, этот сухой шелест, эти смешки... В ужасе он бежит к себе домой... В этой сцене ключ к пониманию всей повести Гоголя...»¹⁶.

Немалую роль в создании «загадочной», дразнящей атмосферы спектакля играла музыка. Как вспоминает Дейч, «“Нос” шел в быстрой смене картин, без антракта. Едва закрывался занавес для перемены, звуки очень мелодичной музыки из “Фра-Диаволо” давали публике понять, что перерыва нет и нельзя покидать места»¹⁷. Однако этот хорошо известный в России музыкальный материал из популярной комической оперы Д. Обера на либретто Э. Скриба едва ли был привлечен лишь для заполнения пауз; вероятно, он должен был вызывать у публики определенные ассоциации: достаточно вспомнить, что название «Фра-Дьяволо» переводится как «Брат Дьявол», а главный герой — разбойник и грабитель, преследуемый карабинерами, — действует в чужом обличье, под чужим именем, и о нем ходят разговоры и слухи, пугающие обывателей. Этот комплекс мотивов вполне соответствовал гоголевскому контексту, как и гротескная, ироническая составляющая музыки, в сочетании с литературной основой приобретающей еще и пародийный оттенок.

В то же время постановщики стремились к достоверности и глубине психологической стороны действия: исполнитель главной роли Л. Лукин «великолепно передавал все нюансы переживаний бедного коллежского асессора, который в высоком чине статского советника к ужасу своему опознавал сбежавший нос»¹⁸. А.Р. Кутель так объяснял свою концепцию спектакля: «Забавный анекдот при чтении — исчезновение носа — на сцене превращается в реальное

¹⁴ Дейч 1966. С. 108.

¹⁵ Анчар <Боцяновский В.Ф.> В «Кривом зеркале» // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 3 окт. № 15126. С. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дейч 1966. С. 104.

¹⁸ Там же. С. 106–107.

страдание человека, у которого пропал нос, и чем ближе к натуре это играть — а играть далеко от натуры значит просто не играть — тем больше этот безносый человек вызывает вашу жалость. Это, конечно, смешно, когда Ковалев говорит, что он не танцует, и поэтому пусть как-нибудь приставят нос — он будет его подпирать руками — но ведь в эту минуту у актера лицо должно выражать беспомощное страдание; ведь это уже последняя, так сказать, ставка Ковалева <...>. Забавность, произвольный выбор анекдотического пути, которым ведет нас комический гений Гоголя, не то отступают на задний план, не то тускнеют. Выявляется истинная, настоящая сторона небывалого и невозможного происшествия — вечно терзаемая, вечно волнуемая, вечно вращающаяся вокруг трагических случайностей — человеческая душа»¹⁹.

Сценография подчеркивала значение этой проблематики, приближая героя к зрителям. Так, в эпизоде на мосту «одинокий фонарь в правом углу тусклым светом освещал авансцену. Подобное решение переднего плана сцены, аналогичное кинематографическому крупному плану, характерно для Анненкова; он часто будет выводить актера к рампе под источник верхнего направленного света <...> концентрируя на нем зрительское внимание. <...> Художник ищет драматургию во взаимоотношениях планов, их притяжениях или отталкиваниях: съжившаяся фигурка майора Ковалева под тусклым фонарем на авансцене и шествующий из глубины сцены через мост Нос в шинели статского советника под яркими конусами света фонарей на мосту»²⁰. Происходящее с Ковалевым для Анненкова — «не условное театральное происшествие, а проекция душевного состояния современного человека. Дистанции почти нет»²¹.

Столь сложное решение спектакля, позволявшее интерпретировать его по-разному, в значительной мере осталось незамеченным критикой, не услышавшей многих вопросов, которые он поднимал. Авторы ряда рецензий исходили из того, что театр пошел по пути имитации кошмарного сна. Н. Шебуев, например, высказал мнение, что режиссер желал поставить «Нос» в виде «бредового видения, и эта задача ему блестяще удалась бы, если бы он овладел техникой антрактов»: «во сне в том и дело, что явления алогичные, друг из друга не вытекающие, неожиданные, грудятся друг на друга, фантасмагорируются, калейдоскопятся, безо всяких антрактов, вплотную один к другому, находя, наваливаясь друг на друга, превращаясь в какой-то истерический ком», а в постановке «Кривого зеркала» сон «прорывался раз десять», «этой завесы, этой сгруженности и алогичности режиссер и не дал, хотя сами по себе отдельные картинки

¹⁹ Кугель 1915. С. 755.

²⁰ Струтинская 1998. С. 126.

²¹ Там же.

<...> премилы и стильны, каким-то жеманным примитивом»²². Н. Тамарин также считал, что некоторые эпизоды действия воспроизводят дурной сон: «Режиссер дал местами впечатление кошмара с вкрапленными в него бытовыми сценами. Очень хорошо поставлены сцена ночью около моста (удачна и декорация г. Анненкова), со встреченным зловещим “Носом”, воплотившимся в надменного, гнусавого “статского советника”, <...> и сцена в конторе газетных объявлений с едва видными в темноте фигурами, символизирующими нарастающие “слухи”, “шепот”, “сплетни”»²³. Критик А. Измайлов предположил, что у истоков повести — ночной кошмар, пережитый в 1829 г. самим Гоголем в связи с болезнью (о которой он сообщал матери в письме из Любека от 1(13) августа), и потому «несколько кошмарные тона» инсценировки (например, «в сцене в газетной экспедиции») «суть наиболее верные тона»²⁴. На эту же гипотезу о происхождении повести ссылался и Н. Шебуев²⁵. Иначе трактовал текст повести Н. Лебедев: «Не сон, а действительность, отраженная в “кривом зеркале” и усиленная до болезненности причудливой фантазией автора, легла в основу гоголевского рассказа»²⁶, и отчасти в связи с этим постановка показалась ему неудачной: «Превосходный насмешливо-созерцательный тон рассказа <...> пропал, сценического действия найдено не было <...>. Вообще во всей постановке — вопреки указанию афиши — вовсе не чувствовалось “гротеска”. Здесь необходим был бы какой-либо иной, более острый и причудливый режиссерский подход, а не спокойная сценическая “описательность”»²⁷.

Авторы некоторых отзывов считали достоинством спектакля уход от фарсовости и анекдотичности в сторону большей глубины и трагизма: «Инсценировка эта представляет очень удачный опыт претворения в театральную форму не только внешних контуров сюжета. Инсценировка проникает глубже, она идет дальше простого анекдота, в ней вы чувствуете Гоголя, просачивание его незримых слез. Местами от смешного анекдота веет трагизмом и жутью; кошмар майора Ковалева напрягает ваши нервы вовсе не в сторону смеха, хотя бы в сцене встречи Ковалева с его собственным носом. <...> все отдельные эпизоды трагикомедии скомпонованы удивительно вдумчиво <...> с полным сохранением особенностей

²² Шебуев Н. «Кривое зеркало». Новая программа // Обозрение театров. 1915. 4 окт. № 2890–2891. С. 9.

²³ Тамарин Н. Кривое зеркало // Театр и искусство. 1915. 11 окт. № 41. Хроника. С. 749.

²⁴ Измайлов А. Кошмар одной бессонной ночи: (К инсценировке «Носа») // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 3 окт. № 15126. С. 4.

²⁵ Шебуев Н. Указ. соч. С. 9.

²⁶ Лебедев Н. Кривое зеркало // Речь. 1915. 4 окт. № 273. С. 5.

²⁷ Там же.

гоголевского стиля²⁸. «Ясно, что многие совершенно забыли эту повесть, у многих со времени гимназических годов осталось о ней воспоминание как о забавном анекдоте, и они были очень удивлены, что из инсценировки не получилось забавного водевиля. И, пожалуй, ничего легче было бы, как превратить эту повесть в фарс. <...> Идти по этому пути легко и, ставя “Нос” Гоголя, театр имел в повести “смешного” материала более чем достаточно. Но театр остался верен хорошим традициям. Он почувствовал в этом анекдоте “видимый миру смех”, но видел также и “невидимые миру” слезы Гоголя, уловил его характерный “горький смех”. Получилась трагедия, самая настоящая трагедия, с большим внутренним содержанием»²⁹. Так же судил о спектакле сам Кугель: «В “загадке” “Носа”, в нарочито <...> запутанной полукошмарной, полуреальной истории, сцена проявляет трагикомедию, которая в чтении затеняется веселым анекдотом. И это именно то, что многих поразило. Выходит совсем не так смешно, как ожидалось, но зато значительнее. Мелькают невидимые слезы на безносом лице, которых не заметишь при чтении»³⁰.

По свидетельству Дейча, фраза квартального об «очень большой дороговизне на все припасы» «в 1915 году, во время войны, когда цены на продукты поднимались с каждым днем», «звучала злободневно и вызывала живую реакцию зрительного зала»³¹. Однако этой деталью актуальность постановки не исчерпывалась. О способности гоголевского текста «откликаться» на вызовы других эпох писал в своей рецензии на спектакль В.Г. Тан-Богораз: «Повесть Гоголя <...> глубоко современная повесть и даже не повесть, а “этакая пасквильность”. Намеки ее волнуют, нервнируют публику. <...> И откуда он знал, как мог предвидеть?.. <...> То, что для Гоголя было анекдотом, загадочной басней, является новою былью. <...> Писатели — это сверхчувственные инструменты, которые играют человечеству мелодию грядущего. И кто виноват, если порою мелодия гнусавит, как гнусавил вчера на премьере загадочный “нос майора Ковалева”»³².

Если спектакль «Кривого зеркала» прошел пятьдесят два раза подряд и привлек внимание публики и критики³³, то судьба постановки «Носа», осуществленной всего двумя годами позже другим театром «малых форм» — московской «Летучей мышью» под руко-

²⁸ Импр. <Бентовин Б.И.> Кривое зеркало // День. 1915. 4 окт. № 273. С. 5.

²⁹ Анчар <Боцяновский В.Ф.> В «Кривом зеркале» // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 3 окт. № 15126. С. 4.

³⁰ Кугель 1915. С. 756.

³¹ Дейч 1966. С. 108–109.

³² ТАН <Богораз В.Г.> Хлеба и зрелищ // Биржевые ведомости. Утрен. вып. 1915. 4 окт. № 15127. С. 4.

³³ Дейч 1966. С. 110.

водством Н. Балиева — сложилась иначе. О спектакле известно совсем немного — возможно, потому, что премьера состоялась в трудные для театрального мира времена — 17 октября 1917 г.³⁴ Кроме того, сама постановка «значительно проигрывала в сценической интерпретации» другим «номерам» новой программы и была признана не вполне удачной³⁵. Спектакль, построенный как ряд «драматических сцен», прошел лишь несколько раз в конце 1917 г. По всей видимости, ему не хватало смелости и новизны в области театральной эстетики («Летучая мышь» в целом была больше склонна к традиционным формам, чем «Кривое зеркало», само название которого предполагало «искажение»³⁶). По крайней мере, на этот недостаток указывал критик «Русских ведомостей» (вероятно, Н.Е. Эфрос): «Может быть, был тут нужен какой-то совсем иной метод осуществления, не реалистический. Пролог на что-то как будто настраивал, но в дальнейшем никакое настроение не сложилось»³⁷. Впрочем, рецензент объяснял такой результат особенностями литературного материала: «Попытка “Летучей Мыши” поставить “Нос” Гоголя была обречена на неудачу. Трудно придумать рассказ менее пригодный для театрального использования, менее поддающийся инсценировке. Было потрачено много режиссерских и актерских усилий, но они разбились, не могли не разбиться о характер и форму произведения. Несколько отрывочных картин не сложились ни в какое целое»³⁸. Та же мысль высказана в книге Н.Е. Эфроса, посвященной «Летучей мыши»: «...что за странная была фантазия обращать это в пьесу, насильно, рассудку вопреки, наперекор литературной стихии инсценировать неинсценируемое, бегущее неизбежного театрального реализма, конкретности? Это было обречено на неудачу и это все время было напрасным усилием»³⁹.

Многие принципы, положенные в основу инсценировки «Кривого зеркала», получили свое развитие в другом спектакле, ставшем одним из наиболее ярких и значительных театральных воплощений «Носа». Речь идет о постановке одноименной оперы Дмитрия Шостаковича в ленинградском Государственном академическом Малом оперном театре (дирижер С.А. Самосуд, режиссер Н.В. Смолич,

³⁴ Рампа и жизнь. 1917. 15 окт. № 41–42. С. 2, 10; Театральная газета. 1917. 18 окт. № 42; Новости сезона. 1917. 17–18 окт. № 3451. С. 1.

³⁵ Рампа и жизнь. 1917. 22 окт. № 43. С. 7; Раннее утро. 1917. 18 окт. № 238. С. 3.

³⁶ См. об этом: *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. С. 93.

³⁷ Русские ведомости. 1917. 18 окт. № 238. С. 6.

³⁸ Там же.

³⁹ *Эфрос Н.Е.* Театр «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева: 1908–1918: Обзор десятилетней художественной работы первого русского театра-кабаре. М., 1918. С. 47.

художник В.В. Дмитриев). Партитура была написана композитором в 1927–1928 гг.; либретто составлено Шостаковичем и его соавторами (Г. Иониным, А.Г. Прейсом и Е.И. Замятиным) «по принципу литературного монтажа» из текста «Носа» и фрагментов других произведений Гоголя: «Женитьбы», «Мертвых душ», «Старосветских помещиков», «Тараса Бульбы», «Майской ночи» и т. д.⁴⁰ Некоторые эпизоды повести не вошли в либретто, другие значительно разрослись⁴¹. Появилась, например, «сильно развитая сцена поимки носа, на которую у Гоголя есть только намек»⁴². Кроме того, в сценической версии «ожили» «едва упомянутые» в гоголевском тексте персонажи: Ярыжкин, Хозрев-Мирза и другие⁴³.

Осенью 1928 г. в Москве была исполнена сюита из фрагментов оперы для солистов и оркестра. В октябре-ноябре «Нос» прошел прослушивания в Большом театре, Мейерхольд объявил о намерении поставить там оперу, однако этот план не был осуществлен⁴⁴. За постановку взялся Малый оперный театр (МАЛЕГОТ). 16 июня 1929 г. в театре состоялось концертное исполнение «Носа», а 14 января 1930 г. в ленинградском Московско-Нарвском Доме культуры были показаны фрагменты спектакля. Премьера состоялась 18 января 1930 г. В 1930–1931 гг. опера выдержала 16 представлений, а затем была снята с репертуара.

Спектакль оформил В. Дмитриев в стиле «экспрессионистского гротеска»: динамика соединялась здесь «с мертвой статикой манекенов», «движение человеческое» — «с механическим движением кукол»⁴⁵. Художник представил на сцене «казарменно унылый» Петербург в «белых, серых и грязно-коричневых» тонах; фоном служила металлическая сетка, которая иногда «закрывалась холстом с панорамой улицы, набережной, Невского»⁴⁶. Сценография, подобно музыкальной ткани оперы, формировалась «по принципу монтажа»: «мост, собор, Московские ворота»; объекты городской среды представлялись в гротескном освещении⁴⁷. Окружающий мир давался глазами героя: когда он проезжал по набережной на извозчике, «квадраты окон дрожали и подскакивали (они крепились на пружинах и кронштейнах)»⁴⁸. По городу вереницами ходили люди

⁴⁰ Шостакович 1930. С. 11.

⁴¹ Бретаницкая 1983. С. 16–18; см. также: Ярустовский Б. Возрождение оперы // Советская музыка. 1975. № 2. С. 55.

⁴² Шостакович 1930. С. 11.

⁴³ Бретаницкая 1983. С. 18.

⁴⁴ См. подробнее: Дмитрий Шостакович в письмах и документах. М., 2000. С. 386; Хентова 1985. Кн. 1. С. 202.

⁴⁵ Струтинская 1998. С. 225.

⁴⁶ Там же. С. 224–225.

⁴⁷ Овэс 2004. С. 28.

⁴⁸ Струтинская 1998. С. 224.

«с носами, огромными, неправдоподобными»; носа не было только у Ковалева и у нищих — «изгоев общества»⁴⁹. «Безобразнейшие громадные носы» и «жуткая стертость лиц без носа» воплощали два полюса одного явления: здесь «личность человека в ее индивидуальной неповторимости не значила абсолютно ничего, значила только форма, только маска»⁵⁰. «В каждой из своих крайностей сценический мир, созданный Дмитриевым, был реален и в тоже время абсурден, происходящее на сцене не укладывалось в рамки здравого смысла, как и, впрочем, то, что было за стенами театра»⁵¹.

В брошюре с пояснительными материалами, выпущенной к премьере, художник обосновывал свой подход «конструктивным строением» оперы, обязывающим к «обострению приемов сценической техники»; по его словам, «моменты пейзажного старого Петербурга» использовались «как средство заострения сценического действия»: «...пышность и великолепие собора переключается в нелепую напыщенность придворной службы введением в оформление манекенов молящихся, подчеркивающих бессмысленность происходящего; триумфальная арка заставы намеренным нагромождением памятников старины (кони, бык, колонны, дилижансы), взятых в измененных пропорциях, переводит торжественность обстановки в комизм; витрина магазина, изображающая скопление предметов домашнего быта, разрастается до заполнения до верху всей сцены, сочетаясь с панической агитацией толпы, подчеркивает обывательский хаос событий»⁵².

В той же брошюре, а также в концертной программке, напечатанной к московскому исполнению сюиты, и в других изданиях были помещены заметки Шостаковича, призванные подготовить публику (в первую очередь — «критику и руководящие искусством органы»⁵³) к восприятию оперы⁵⁴. Композитор объяснял выбор «Носа» в качестве литературного источника, в частности, тем, что произведение по языку «ярче» и «выразительнее» прочих «петербургских повестей» Гоголя, «ставит много интересных задач» в смысле «омузыкаления» и «дает много интересных сценических положений»⁵⁵. Музыка в спектакле «не играет самодовлеющей роли», в нем делается «упор на подачу текста»⁵⁶. Основной театраль-

⁴⁹ Струтинская 1998. С. 223.

⁵⁰ Там же. С. 224–225.

⁵¹ Там же. С. 225.

⁵² Нос: Опера в 3-х актах по Н.В. Гоголю: [Материал к постановке]. Л., [1930?]. С. 12.

⁵³ Струтинская 1998. С. 221.

⁵⁴ См.: Дмитрий Шостакович в письмах и документах. М., 2000. С. 383, 386; Красная газета. Веч. вып. 1928. 24 июля. № 202. С. 4; Шостакович Д. К премьере «Носа» // Рабочий и театр. 1929. № 24. С. 12; Шостакович 1930. С. 11.

⁵⁵ Шостакович 1930. С. 11.

⁵⁶ Там же.

ный эффект создается «контрастом комического действия и серьезной музыки», что соответствует гоголевскому приему изложения «комических перипетий сюжета нарочито серьезным тоном»⁵⁷.

Об этих особенностях оперы писала и критика. В. Беляев отмечал, например, что в новом «чрезвычайно талантливом и своеобразном» произведении молодого композитора проявляется стремление «выйти за границы музыки в область создания такой омузыкаленной речи, которая, в одно и тоже время, была бы и речью и музыкой», т. е. сочинить «оперу-диалог»⁵⁸. В. Богданов-Березовский подчеркивал: «Вся вокальная часть оперы написана речитативом — то мелодическим, напевным, то даже не интонируемым (ритмизованная речь), то, наконец, просто разговорной речью. Осмысленное слово, выразительность произносимого — становится здесь на первый план...»⁵⁹. По оценке И. Соллертинского, слово на сцене «музыкально обыгрывалось до последних возможностей»: «Такой мастерской подачи слова мы еще не встречали ни в одной опере. <...> слову придана тембровая окраска <...> везде слово осмыслено...»⁶⁰. М. Янковский указывал на нетрадиционность построения арий, ансамблей и хоров: «...оперная ария уводится в сторону <...> музыкально насыщенной и пропитанной типично гоголевскими характеристиками речи <...>. ...ансамбль и хор еще более резко отрываются от традиционных форм. Таков любопытнейший квартет, построенный на чтении писем <...>, таков хор дворников, читающих объявления...»⁶¹.

Рецензенты также уделили внимание «кинематографичности» постановки, далекой от привычной «актовой формы»: «Опера строится по принципу кадров, связанных значительными музыкальными вступлениями...»⁶². Она «поделена на дробные эпизоды, естественно вытекающие один из другого и сменяющиеся с экранной быстротой»⁶³. Отмечалось мастерство Шостаковича в области оркестровки, говорилось об «изобразительности» и «иллюстративности» его музыки, ее «иронической направленности», «в этом смысле тонко улавливающей» общий характер гоголевского творчества⁶⁴.

⁵⁷ Шостакович Д. К премьере «Носа» // Рабочий и театр. 1929. № 24. С. 12.

⁵⁸ Беляев В. «Нос», опера Шостаковича // Жизнь искусства. 1928. № 48. С. 6.

⁵⁹ Богданов-Березовский В. Советская опера в предстоящем сезоне // Рабочий и театр. 1929. № 36. 8 сент. С. 8.

⁶⁰ Соллертинский И. «Нос» — Шостаковича // Нос: Опера в 3-х актах: по Н.В. Гоголю: [Материал к постановке]. Л., [1930?]. С. 9–10.

⁶¹ Янковский М. «Нос» в Малом оперном театре // Рабочий и театр. 1930. № 5. 26 января. С. 6–7.

⁶² Там же. С. 6.

⁶³ Соллертинский И. Указ. соч. С. 8.

⁶⁴ Киселев В. Концерты в Москве // Жизнь искусства. 1928. № 50. С. 17; Янковский М. «Нос» в Малом оперном театре. С. 6–7.

Однако в конце 1929 г. атмосфера в стране накалялась, усиливалось «рвение к искоренительству и запретительству»⁶⁵, и это сказывалось на отношении критики к произведению. Уже после концертного исполнения оперы рапмовцы, добившиеся в это время значительного влияния, выступили с недоброжелательными отзывами о ней, пытаясь «сорвать премьеру»⁶⁶. Они утверждали, что гоголевская повесть — с сюжетной стороны «нелепая полубредовая фантастика» — не может служить основой «идеологического, социально-значимого спектакля, необходимого советскому театру»; упрекали Шостаковича в отступлении от реализма, увлечении формалистическим гротеском и «игрой внешними приемами», преобладающей над «смысловой значимостью вещей», а музыку называли «безжизненной» и однообразной⁶⁷.

Нападки продолжались и после премьеры. Многие рецензенты, отчасти признавая мастерство композитора, называли спектакль «идеологически чуждым», «ошибочным и ненужным»⁶⁸. Например, М. Янковский обвинял Шостаковича в том, что музыкальный язык оперы не нацелен на «организацию воли и чувств масс»; «Нос» написан под влиянием западной музыки, лишенной социальной остроты, и представляет собой пройденный этап для автора; композитор был увлечен «сексуальной подоплекой» повести и почти не вскрыл гоголевскую тему как «социальную сатиру»⁶⁹. А. Гвоздев утверждал, что опера направлена на «утонченное и богатое красками раскрытие психологии растерявшегося обывателя, переживающего муки от утраты прочности своего положения», и видел в ней «русский экспрессионизм», определяемый «общественной психологией определенной классовой прослойки»⁷⁰. Тематика спектакля, по его мнению, носила «некоторый отпечаток мейерхольдовского толкования “Ревизора”»⁷¹. «Считать все это советской оперой не приходится», — делал вывод критик⁷². Не менее резко выступили с осуж-

⁶⁵ Струтинская 1998. С. 221.

⁶⁶ Мейер 1998. С. 110.

⁶⁷ Житомирский Д. «Нос» — опера Шостаковича // Пролетарский музыкант. 1929. № 7–8. С. 33–39.

⁶⁸ Струтинская 1998. С. 220.

⁶⁹ Янковский М. «Нос» в Малом оперном театре. С. 6–7; см. также: М. Ян. «Нос» // Смена. 1930. 25 янв. № 20. С. 6.

⁷⁰ Гвоздев А. Экспрессионистские тенденции в советском театре // Рабочий и театр. 1930. 30 июня. № 36. С. 4.

⁷¹ Гвоздев А. «Нос» — опера Д. Шостаковича (Малый оперный театр) // Красная газета. Веч. вып. 1930. 20 янв. № 17. С. 4; см. то же: Гвоздев А. Театральная критика. Л., 1987. С. 225.

⁷² Там же; см. также: Музалевский В. «Нос» — опера Д. Шостаковича (Малый Оперный театр) // Красная газета. Веч. вып. 1930. 20 янв. № 17. С. 4.

дением оперы Н. Малков, С. Грес, Л. Лебединский и др.; на ее защиту встал лишь И. Соллертинский⁷³.

Сценография и режиссура тоже вызвали упреки критиков. М. Янковский утверждал, что постановка «не дает характеристики гоголевской эпохи», она «строится в основном по линии внешних характеристик персонажей» и не способна охватить «среду», «без которой не осуществима сатира»⁷⁴. В оформлении спектакля также усматривали влияние «Ревизора» Мейерхольда⁷⁵. А. Гвоздев писал: «Постановщики (режиссер Н. Смолич, художник В. Дмитриев) использовали уже готовые приемы и приспособляли их к оперному театру (куклы в соборе, ширмы, выдвижные площадки)»⁷⁶. «Новые изобретения» рецензент связал с «использованием световых эффектов», применяемых для создания иллюзионистских картин (отражение домов в канале, конные статуи в тумане, вращающиеся окна)»⁷⁷. По его мнению, «динамическое, кинематографическое оформление, местами соответствующее ярким и острым ритмам музыки (мелькающая улица, вращающиеся окна, механическое выдвижение вещей, актеров на первый план), отражало тенденцию индустриальной действительности»⁷⁸. Прием характеристики персонажей «наклейкой громадных носов» Гвоздев считал «крайне упрощенным», снижающим «серьезный замысел до незлобивой карикатуры и шуточной игры»⁷⁹.

«Интриги и зависть рапмовцев» и «неблагожелательное общественное мнение, сложившееся об опере», во многом определили ее судьбу: после снятия с репертуара «Нос» «долгие годы оставался в забвении» и признавался лишь «антологией музыкальных экспериментов»; «должно было пройти немало времени, чтобы это гениальное произведение смогли понять и оценить в полной мере»⁸⁰. В 1962 г. партитура оперы была издана венским издательством Universal Edition, а затем «Нос» поставили в Дюссельдорфе, Флоренции, Риме и Восточном Берлине⁸¹. Тогда же наметился перелом в восприятии оперы советской критикой⁸².

В конце 1960-х гг. режиссер-педагог В. Фиалковский и художник Михаил Шемякин поставили оперу Шостаковича в Ленинград-

⁷³ Подробнее о полемике см.: *Хентова* 1985. Кн. 1. С. 207–209; *Мейер* 1998. С. 111–112.

⁷⁴ *Янковский М.* «Нос» в Малом оперном театре. С. 7.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Гвоздев А.* «Нос» — опера Д. Шостаковича. С. 4.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Мейер* 1998. С. 114–115.

⁸¹ Там же. С. 115.

⁸² *Хентова* 1985. Кн. 1. С. 212; *Бретаницкая* 1976. С. 310.

ской консерватории⁸³. Шемякин в этой работе «весьма удачно опробовал гротескный прием маски вместо грима»⁸⁴. По словам художника, «спектакль был удивительный — абсурдный, гротескный», однако его запретили сразу после генеральной репетиции, «маски и эскизы конфисковали», режиссера уволили по «идеологической статье»⁸⁵. Позднее Шемякин восстановил часть эскизов по памяти⁸⁶.

«Настоящего триумфа» опера Шостаковича достигла лишь в постановке Московского камерного музыкального театра, осуществленной осенью 1974 г. Б. Покровским, Н. Кузнецовым и Г. Рождественским при участии композитора (художник В. Талалай, дирижеры В. Агронский и А. Левин⁸⁷). Одной из отличительных особенностей спектакля стало «обнажение театральной условности, как бы вовлекающее в игру слушателя-зрителя»⁸⁸. Так, из-за отсутствия кулис в небольшом зале бывшего кинотеатра предельно лаконичные декорации («кубы-табуретки, рама от зеркала или конторка Чиновника») переменялись прямо на глазах у публики, а в проходах, где постоянно оказывались действующие лица, стояли портняжные манекены в костюмах, служивших и знаком исторической эпохи, и «подспорьем для переодевания» актеров, игравших по несколько ролей; даже «дирижер становился за пульт, пройдя по средней дорожке» зала⁸⁹. К приемам обыгрывания театральной условности, «активизирующим» зрительское восприятие, можно отнести и придуманный постановщиками «кунштюк»: действие неожиданно прерывалось, и актриса произносила текст Гоголя из эпилога повести («Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты»), указывая при этом на Шостаковича, сидевшего в зале⁹⁰.

Жанровые рамки музыкального театра были расширены режиссером с помощью многочисленных «зрительных элементов»⁹¹: «едва ли не ведущими выразительными средствами спектакля» слу-

⁸³ *Потапова Н.* Эксцентриада с пугающим подтекстом // Музыкальная жизнь. 2004. № 9. С. 12.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Мазурова С.* Оживление маски // Российская газета — Неделя. 2012. 10–17 мая. № 104 (5777). С. 26; *Потапова Н.* Указ. соч. С. 12.

⁸⁶ См.: Михаил Шемякин: Альбом: В 2 т. СПб., 2014. Т. 2. С. 344–345.

⁸⁷ *Мейер 1998.* С. 115; *Хентова 1985.* Кн. 1. С. 212; *Сергеева Н.* Гимн смеху // Театральная жизнь. 1975. № 17. С. 28–29.

⁸⁸ *Сабина М.* Долгожданная премьера // Музыкальная жизнь. 1975. № 1. С. 5.

⁸⁹ *Бретаницкая 1976.* С. 316–317; *Сабина М.* Указ. соч. С. 5; см. также: *Юткевич С.И.* Поэтика режиссуры: Театр и кино. М., 1986. С. 220–221.

⁹⁰ *Покровский Б.* Освобождение от предвзятости // Советская музыка. 1976. № 9. С. 36–37; *Сабина М.* Указ. соч. С. 5.

⁹¹ *Бретаницкая 1976.* С. 318.

жили «ритм, движение, пластика»; артисты не только пели, но и «мимировали, щедро прибегали к подтанцовкам»; иногда «мимико-пластическими средствами» решались целые эпизоды⁹². Как писал рецензент, в «Носе» «сценическое движение бурлит, искрится, пульсирует и “дышит” в точном соответствии с нервом и дыханием музыки. Чего стоит хотя бы динамизм решения массовых, многофигурных картин — проводы дилижанса или метания уличной толпы...»⁹³. В последнем случае Покровский «сумел добиться впечатления нарастающей фантазмагии с помощью постепенного приближения к зрителю все более возбуждающейся толпы»⁹⁴. К решениям визуального плана относятся и «кинематографические» приемы смены сцен путем «наплыва», «затемнения», «цепляемости» кадров⁹⁵.

Постановка, родившаяся при непосредственном участии Шостаковича, по замыслу режиссера, должна была сохраниться как «спектакль-музей» композитору⁹⁶. Опера много лет входила в репертуар театра, часто вывозилась на гастроли и имела мировой успех. Однако спектакль не «застывал» в неизменном виде, постоянно обновлялся, благодаря чему, по выражению Д. Бертмана, оставался «живым, как организм»⁹⁷. Б.А. Покровский объяснял это так: «Вместо меня за режиссерский столик усаживается время, которое каким-то образом управляет самим спектаклем»⁹⁸.

В 2004 г. «Нос» Шостаковича был поставлен в Мариинском театре (музыкальный руководитель-дирижер — Валерий Гергиев, режиссер-постановщик — Юрий Александров, художник-постановщик — Зиновий Марголин; премьера состоялась 10 апреля). В спектакле создан «гротескный образ города с перевернутыми домами», «бегущей» мостовой, «безумно несущимися кибитками»⁹⁹. «Колоссальная труба из ажурных металлических сочленений» символизирует «переход в небытие, в потусторонний мир» — «балансирует» на грани жизни и смерти, характерное для гоголевских текстов, определяет образный строй постановки¹⁰⁰. Спектакль задумывался режиссером как «страсти по Ковалеву», но в сценическом

⁹² *Сабина М.* Указ. соч. С. 5.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Ярустовский Б.* Возрождение оперы // Советская музыка. 1975. № 2. С. 56; выделено автором.

⁹⁵ *Бретаницкая* 1976. С. 319.

⁹⁶ *Покровский Б.* Что, для чего и как? М., 2002. С. 221.

⁹⁷ Там же. С. 218.

⁹⁸ Там же. С. 222.

⁹⁹ *Потапова Н.* Указ. соч. С. 13.

¹⁰⁰ Там же; *Третьякова Е.* Нос, незнакомка и другие... // Петербургский театральный журнал. 2004. № 2 (36). С. 115.

воплощении «личную драму человека в пограничной ситуации» заслонили «окружение, поведение толпы, дополнительные темы» (например, здесь «усилена до пародии» гоголевская тема чертовщины¹⁰¹). Более всего, по мнению критика, удались массовые сцены; в частности, эпизод «поимки носа, вынырнувшего из трубы, как из преисподней»: «От человека-носа остается только дырявая тряпка, будто забила его оголтелая толпа, лишив всех внутренностей»¹⁰². Примечательно, что именно эта сцена («На окраине Петербурга») вошла в музыкальный спектакль «Женитьба и другие ужасы» Центра оперного пения под руководством Галины Вишневской, составленный из фрагментов различных опер на гоголевские сюжеты (2008 г., режиссер В. Мирзоев, дирижер Я. Ткаленко, художник А. Порай-Кошиц, художник по костюмам А. Коженкова¹⁰³).

Подобное смещение акцентов характерно для восприятия оперы современными критиками и исследователями. Если в советское время (до начала 1980-х гг.) в ней видели прежде всего сатирическое изображение психологии выбитого из колеи «обывателя», то позднее на первый план вышла иная проблематика. Так, по мнению Соломона Волкова, Шостаковича интересовала не столько ситуация героя, выброшенного из общества, сколько «механизм массового психоза», поэтому такое значение приобретают в опере хоровые сцены¹⁰⁴. Ковалев остается центральным персонажем, но его образ подвергается трансформации, аналогичной той, которую претерпели гоголевские герои в прозе Достоевского: он наделяется «характером»; в его обрисовке «отнюдь не главенствуют» «остраненность» и «пародийность»¹⁰⁵. А.С. Янушкевич считает ключевой для содержания оперы сцену, лишь коротко упомянутую в гоголевском тексте. Это эпизод поимки сбежавшего Носа «со стрельбой, избиением, травлей, изничтожением сущности», обретающий в спектакле «субстанциональный смысл»: «метаморфозы Носа <...> выявляют природу трагического бытия, гнусной действительности, атмосферу беззаконной расправы и травли»¹⁰⁶. Центральным здесь становится «образ агрессивной толпы»¹⁰⁷, которую объединяет «злое стремление уничтожить это непонятное, а потому, несомненно,

¹⁰¹ Третьякова Е. Нос, знакомка и другие... С. 115.

¹⁰² Там же. С. 116.

¹⁰³ Корябин И. Фантазмагория по-гоголевски: Успех эксперимента // Планета Красота. 2008. № 11–12. С. 22–23.

¹⁰⁴ Волков С. Шостакович и Достоевский: о неизбежной встрече // Россия=Russia. 1980. Vol. 4. С. 206–207.

¹⁰⁵ Там же. С. 207–208.

¹⁰⁶ Янушкевич А.С. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» в контексте русской культуры 1920–1930-х годов // Литературоведение и журналистика: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. С. 74.

¹⁰⁷ Там же. С. 75.

о п а с н о е»¹⁰⁸. «Гоголевский гротеск», претворяясь в культуре эпохи, «обретал трагическую окраску», «хаос и атмосфера страха отчетливо врывались в носологический сюжет», и гибель героя являлась не просто его финалом, но и «реалией абсурдного бытия»¹⁰⁹. Л.О. Акопян выделяет в структуре оперы «глубинный слой», служащий «основным стержнем всего музыкально-драматического целого»; он «практически не выражен» в «Носе» Гоголя и «является открытием Шостаковича»; «его тема — это тема преследования, истязания, избиения жертвы»¹¹⁰. В опере он представлен «цепочкой сцен», строящихся по «единому шаблону»; их «либо вообще нет у Гоголя, либо они выросли из мимолетных гоголевских фраз»; музыка в них «моделирует атавистически примитивный автоматизм действий толпы»; одна из них — избиение Носа¹¹¹. Таким образом, центральную роль в произведении играет «тема нерассуждающей жестокости, безжалостности, кровожадности», данная в «перспективе “пустосмещения”»¹¹².

В сценической истории «Носа» прослеживается еще одна «музыкальная» линия. Она начинается с «Ревизской сказки» Театра на Таганке (режиссер Ю. Любимов, художник Э. Кочергин, композитор А. Шнитке; премьера 9 июня 1978 г.). «Свободный сценарий» спектакля строился «путем монтажа» различных гоголевских текстов, «от раннего карнавально-смешного “Носа” до сумрачной, тяжелой “Авторской исповеди”», объединенных «главным мотивом» — собственной судьбой писателя¹¹³. История майора Ковалева служила одним из «фрагментов мозаики»¹¹⁴. По отзыву Ю.В. Манна, «слишком резкие черты» воплощения этого сюжета в спектакле несколько «огрубляли гоголевский рисунок», требующий «более тонкого выражения», однако это отчасти было обусловлено тем, что «Нос» — «вещь, которую заведомо трудно реализовать» на сцене, поскольку при попытках «дать зримое выражение» тексту его «краски тускнеют» на глазах¹¹⁵. В определенной мере помогала справиться с этой трудностью музыка Альфреда Шнитке, «замечательно передающая дух и стилистику» гоголевского творчества: она, по словам самого композитора, создавала «воображаемое зву-

¹⁰⁸ Бретаницкая 1983. С. 65; выделено автором.

¹⁰⁹ Янушкевич А.С. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» в контексте русской культуры. С. 71.

¹¹⁰ Акопян Л.О. Дмитрий Шостакович: Опыт феноменологии творчества. СПб., 2004. С. 89.

¹¹¹ Там же. С. 91–92.

¹¹² Там же. С. 92.

¹¹³ Смелянский 1981. С. 84–85, 88; см. подробнее: Гоголь. ПСС и П. Т. 7. Кн. 2. С. 635–636.

¹¹⁴ Смелянский 1981. С. 89.

¹¹⁵ Абелюк Е., Леенсон Е. Таганка: личное дело одного театра. М., 2007. С. 495.

ковое пространство, продолжающее реальное, зримое», и тем самым формировала еще одно измерение театрального образа¹¹⁶.

Позднее эта же музыка легла в основу одноактного балета «Эскизы», поставленного в 1985 г. Большим театром, а в 1997 г. — Кремлевским балетом (балетмейстер А. Петров, художник С. Бенедиктов¹¹⁷). Здесь, как и в постановке Театра на Таганке, различные гоголевские сюжеты связывала фигура автора, а «главной драматической коллизией спектакля» являлись «взаимоотношения Гоголя с собственными героями»: «Майору Ковалеву он подставляет зеркало (и зритель должен понять, что Гоголь подставляет зеркало всей неприглядной действительности)»¹¹⁸. «Нетанцующий» Гоголь, чья партия была решена только средствами пантомимы, становился «почти маской», его образ, по мнению рецензента, подавался слишком «иллюстративно» и «лишался глубины», зато характеры гоголевских персонажей раскрывались в танце, и тут проявлялись и «игра обостренного поэтического воображения» писателя, «и его ирония, и его сарказм, и его кошмары»¹¹⁹. В некоторых сценах обнаруживались «гофмановские мотивы»: «...ситуация Носа, который в балете не только получает чины, но и делается вдруг предметом общих восторгов, напоминает ситуацию крошки Цахеса»¹²⁰. В первой постановке балета обыгрывалась «тема нарастающего Носа»: «Вначале Нос всего лишь отделился. Затем он — в мундире светском, и изображающая его маска уже достаточно большая. А затем Нос становился огромным и лез на пьедестал»; эта же тема раскрывается в эскизах Станислава Бенедиктова¹²¹.

«Дерзко-весело, авангардно-космически» звучала музыка Шнитке в спектакле «Нос» Московского ТЮЗа (режиссер А. Неделькин, художник М. Кривцова; премьера 15 февраля 2008 г.), сыгранном на малой сцене молодыми актерами столь динамично, что порой он напоминал «драматический балет»¹²². В небольшом зале «сцену и публику ничто не разделяло», так что «зрители неизбежно вовлекались в действие», каждый из актеров исполнял несколько ролей, меняя обличья¹²³, и эти особенности сближали постановку со спек-

¹¹⁶ *Склярёвская И.* Вариации на классические темы // Театр. 1986. № 6. С. 127; Юрий Любимов: 80 лет в мировом сценическом искусстве. М., 2014. С. 177.

¹¹⁷ Рисунки Станислава Бенедиктова к спектаклям см. в альбоме: *Бенедиктов С.* Портрет: Графические фантазии на темы Д. Шостаковича и А. Шнитке. М., 2000.

¹¹⁸ *Склярёвская И.* Вариации на классические темы. С. 126.

¹¹⁹ Там же. С. 127.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ *Березкин В.* По мотивам Гоголя // Театральная жизнь. 2001. № 2. С. 13.

¹²² *Заполянский Г. С* «Носом» Вас, господа! // Знамя. 2009. № 9. С. 235; *Шендерова А.* Нос им к лицу // Коммерсант. 2008. 28 февр. № 32. С. 22.

¹²³ Там же.

таклем Камерного музыкального театра. Критики высоко оценили непринужденную, остроумную актерскую игру, ритм и гротескно-сюрреалистическую атмосферу «свободной фантазии на темы Гоголя», отмечая в то же время отсутствие в ней «внятной трактовки» и «неожиданных режиссерских ходов»¹²⁴.

Авторы инсценировок «Носа» в своих интерпретациях повести стремились тем или иным способом выйти за рамки определенной эпохи или среды, зачастую «совмещая остроактуальные смыслы с обобщенными, вневременными»¹²⁵. Примером реализации такого подхода, помимо «Ревизской сказки» Ю. Любимова, может служить постановка Э. Някрошюса в Молодежном театре Вильнюса (1991). Здесь сюжет повести стал элементом сценария (его авторы — Э. Някрошюс и Ю. Кунчинас), представляющего «отношения Гоголя с потомками, которые во многом явили собой вечно актуальные для России гоголевские типы»¹²⁶. В спектакле поднимались темы, «связанные с советским пространством и постсоветской Россией, где, по воле режиссера, действуют майор Ковалев и Нос»¹²⁷. Центральное место в общей композиции занимал образ Гоголя, который оказывался «во многом страдательным лицом, непризнанным и непонимаемым художником»¹²⁸. Постановка вызвала волну разноречивых отзывов¹²⁹.

В 1999 г. режиссер Р. Смирнов поставил в петербургском Театре «На Литейном» спектакль «Голь» по мотивам гоголевских произведений («Носа», «Невского проспекта», «Шинели» и «Мертвых душ»)¹³⁰.

В 2007 г. режиссер Виктор Древитский и сценограф Владимир Королев осуществили постановку спектакля «Нос» по мотивам Гоголя в Большом городском драматическом театре Хельсинки. В основе замысла лежали реальные события: заключенные лагеря на Со-

¹²⁴ Егошина О. Подняли нос: Московский ТЮЗ показал один из самых известных гоголевских сюжетов // Новые известия. 2008. 18 февр. № 26 (2381). С. 5; Заполянский Г. Указ. соч. С. 235–236.

¹²⁵ Мальцева 2013. С. 18.

¹²⁶ Там же. С. 21

¹²⁷ Там же. С. 154.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Танана М. История с «Носом» // Театр. 1992. № 4. С. 19–22; Иняхин А. Записки понятого // Театр. 1992. № 4. С. 22–24; Иванова М., Иванов В. Рефлексы // Театр. 1992. № 4. С. 24–28; Гирба Ю. Делиться позором // Театр. 1992. № 4. С. 28–30; Вишневская И. Так что же потерял майор Ковалев? // Театральная жизнь. 1992. № 1. С. 4–5; Крымова Н. «Скучно, брат...» // Культура. 1991. 19 окт. С. 10.

¹³⁰ Подробнее см.: Соколинский Е. Гоголь без масок // Петербургский театральный журнал. 2000. № 21. С. 34–36.

ловках организовали театр и репетировали пьесу по гоголевской повести¹³¹.

Несколько спектаклей по повести было подготовлено к 200-летию юбилею Гоголя. Среди них — трагифарс «С носом» Северного драматического театра им. М.А. Ульянова из г. Тара (режиссер К. Рехтин; премьера 14 декабря 2008 г.), а также работа студентов IV курса Театрального института им. Б. Щукина (режиссер О. Герасимов), показанная в Центре им. Вс. Мейерхольда в 2009 г.

Спектакль «Нос» на сюжет Гоголя шел в Вильнюсском молодежном театре «Арлекин» в 2012–2014 гг. (режиссер Татьяна Тимко, хореограф Михаил Левин, музыка Паскаля Комелада)¹³².

Оригинальную трактовку «Носа» предложил режиссер Эрик де Сарриа, поставивший кукольный спектакль в театре им. С.В. Образцова в рамках российско-французского проекта (премьера 6 октября 2013 г.).

¹³¹ *Королев В.С.* Творчество — это чудо открытий // *Страстной бульвар*, 10. 2011. № 2/142. С. 100–101.

¹³² См. подробнее: *Ефремова А.* Оправданное ожидание // *Иные берега*. 2012. № 3 (27). С. 89.

«КИТАЙСКИЕ ТЕНИ» КОМЕДИИ «ЖЕНИТЬБА»:
авторский замысел и сценическая
интерпретация

Работа над «Женитьбой», от первого замысла и набросков в «Женихах» до премьеры в 1842 г., заняла около десяти лет. Как за это время изменился Гоголь, что произошло с его комическим талантом и способностью даже в общении, в быту возбуждать в собеседниках смех своей интонацией, мимикой, репликами? С.Т. Аксаков в письме сыновьям Ивану и Константину 23 февраля 1852 г. (включено им позднее и в «Историю моего знакомства с Гоголем») делает наблюдение, не замеченное, кажется, не только современниками, но и позднейшими исследователями Гоголя. «У Гоголя было два состояния: творчество и отдохновение. Первое давно уже, вероятно вскоре после выхода “Мертвых душ”, перешло в мученичество, может быть, сначала благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку»¹. Между тем само соединение творчества и своего рода мученичества, перепады душевных состояний свойственны были Гоголю с юности, и, как он сам отмечал в «Авторской исповеди», связано это было с «душевной потребностью» излечить самого себя от болезненного состояния, от припадков необъяснимой тоски. Однако постепенно, в процессе работы над «Мертвыми душами», веселость произведений сменилась гротескным изображением «грустной России» (по выражению Пушкина). Комизм не исчезает, но становится осмысленным, более серьезным, по признанию самого автора². Работа над «Женитьбой» как раз и отражает перемены со-

¹ Аксаков С.Т. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 245–246. А. Блок в статье «Дитя Гоголя» (1909 г.) писал о «творческой муке», сжигавшей Гоголя; по мнению Блока, писатель почти с самого начала своего творчества «знал <...> что радость и раздирающая мука творчества суждены ему неизбежно» (Блок А.А. О литературе. М., 1980. С. 187, 188).

² Гоголь писал: «Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния» (VIII, 439). Позднее именно Пушкин заставил его серьезно отнестись к своей способности изображать комическое и нашел очень грустным состояние России, изображенной в первой редакции «Мертвых душ». В.Г. Короленко, приведя строчки «Авторской исповеди», подчеркивал: «Гоголь бессознательно прибегал к своему таланту для борьбы с угнетением и болезнью» (Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Л., 1990. С. 592).

стояния Гоголя, его переход от бессознательной веселости к серьезному смеху, смеху-осмеянию и смеху-мученичеству. Не случайно один из первых критиков, рецензент «Репертуара и Пантеона», называет персонажей комедии «уродливыми карикатурами», сравнивает с «китайскими тенями»: «По обыкновению своему г. Гоголь выводит в новом сочинении своем несколько уродливых карикатур. Как в китайских тенях, показывая нам при том такую природу, от которой отворачиваешься»³. Речь идет, несомненно, о приеме «остановки» действия, «разрыва в цепочке» явлений (Ю.В. Манн).

Таким и должен был быть взгляд человека, не посвященного во внутренние проблемы и не привыкшего к новым формам театрального действия, введенным Гоголем. «По обыкновению» значит — как в «Ревизоре», как в «Мертвых душах», т.е. в произведениях, отличающихся от традиционных. Следы мученичества, невольно обнаруживаемые в комедийном тексте, конечно же, должны были представляться уродливыми. Тем более что теоретические рассуждения Гоголя о театре и его собственные пьесы решительно не согласовывались между собой⁴.

Еще в «Петербургских записках» 1836 г., удивляясь обилию водевилей и мелодрам, Гоголь осуждал «странное чудовище» мелодрамы и водевиля. «Где же жизнь наша? где мы со всеми современными страстями и странностями?» (VIII, 182). Гоголь удивлялся, что нынешний театр занят исключительными характерами и событиями, ибо то, что «останавливает нас своим безобразием, нестройностью среди стройности, за то схватывается обеими руками посредственностью» (VIII, 182). Для того чтобы показать обыкновенное, «то, что неразлучно с нами», нужен, по мнению Гоголя, великий талант. Вместо этого «странное сделалось сюжетом нынешней драмы. Все дело в том, чтобы рассказать какое-нибудь происшествие, непременно новое, непременно странное, дотоле неслыханное и невиданное: убийство, пожары, самые дикие страсти, которых нет и в помине в теперешних обществах!» (VIII, 182). Упрекая театр за увлечение «побрякушками», Гоголь пишет: «Русский водевиль! <...> когда русский, еще несколько суровый, тяжелый характер заставляют вертеться петиметром... мне так и представляется, что наш тучный и сметливый купец с широкою бородою, не знаяши на ноге своей ничего, кроме тяжелого сапога, надел вместо него узенький башмачок и чулки ажура, а другую ногу свою оставил просто в сапоге и стал таким образом в первую пару во французском кадрили» (VIII, 181). Уже в это время он работал над «Женитьбой», и сказанное в «Петербургских записках» можно отчасти отнести и к ее пер-

³ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. XXIV. Разд. III. С. 17.

⁴ См. подробнее: Манн 2007. С. 379–394.

сонажам, которые в таком случае выглядят как пародии, шаржи на мелодраматических героев.

Прошло всего шесть лет — и вот уже критика злорадствует над самим Гоголем по случаю провала этой комедии и возвращает самому автору его бывшие обвинения в адрес русского театра. Новая пьеса показалась большинству какой-то странной и нелепой, каким-то чудовищем, ни на что не похожим, неприличным и пугающим.

В самом деле, первое впечатление от премьеры «Женитьбы», поставленной в Петербурге в декабре 1842 г. и в Москве в феврале 1843 г., — провал. В.Г. Белинский писал В.П. Боткину 9–10 декабря 1842 г.: «Я сейчас из театра. “Женитьба” пала и ошканила. Играла была гнусно и подло, Сосницкий не знал даже роли»⁵. Из этого письма следует, однако, что причина неудачи — плохая игра актеров Александринского театра, а не плохая пьеса. Интересно, что Белинский встретил на премьере французских актрис — Жени Фалькоп, понимающую по-русски, и мадемуазель Анну. По свидетельству критика, актрисы с любопытством следили за ходом комедии, живо выражали свои чувства и, видимо, удивлялись изображению русских характеров. Их занимала новизна и необычность русской жизни. Белинский сравнивает их интерес с интересом русского читателя к Китаю⁶. Можно предположить, что интерес к новизне быта и характеров перевесил плохую игру актеров Александринки, очевидную для профессионалов.

Под свежим впечатлением от постановки в Москве в феврале 1843 г. в Малом театре С.Т. Аксаков скрепя сердце признал неудачу. Но и он пишет о плохой игре актеров и ищет объяснение этому. Одна из причин — «дурная» игра Щепкина, поддавшегося соблазну «пошлых театральных приемов» и не сумевшего захватить зрителей: «Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мне тяжело смотреть на Щепкина... Он так мне жалок: он переслуживает свою прежнюю славу»⁷. Самой большой неожиданностью для Аксакова стала смена настроения и оценки публики: если при чтении «Женитьбы» слушатели смеялись и одобряли ее, то после постановки столь же единодушно осуждают⁸.

Итак, если верить отзывам Белинского и С.Т. Аксакова, премьера провалилась в обеих столицах из-за плохой игры и постановки. Но ведь это те же артисты, те же театры, в которых блистатель-

⁵ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 523.

⁶ Ср.: «“Женитьба” их (французских актрис. — В.Г.) занимала, как нас занимают письма Де-Мина о Китае, и они выражали свое удивление с французскою живостию» (Белинский В.Г. Указ. соч. С. 524; под псевдонимом Де Мин скрывался горный инженер А.И. Кованько, сотрудник «Отечественных записок»).

⁷ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 100.

⁸ Там же. С. 99–103.

но шел «Ревизор» и которые через некоторое время добились успеха и в постановке «Женитьбы». Очевидно, дело не в отсутствии стараний или недостатке таланта. Они не поняли смысла комедии и потому не донесли его до зрителей. Представление о плохой игре артистов также достаточно субъективно. Так, в первой рецензии «Репертуара и Пантеона» упоминалось об «искусной игре» Сосницкого⁹ (которого, как мы помним, Белинский упрекал в незнании роли).

Улавливая необыкновенность происходящего, но не умея ее объяснить, не понимая ее природы, рецензенты связывают «необыкновенное происшествие» только с пошлостью персонажей, с неумением автора и с его странным (для них) нежеланием писать о светлом, изящном и т. п.

В 1844 г. критик журнала «Репертуар и Пантеон» подчеркивал «высокое художественное наслаждение» от игры Щепкина и от постановки в целом: «Художественные лица были разыграны художниками. Помню, все грустно оставляли залу, жалея о том, что высокое наслаждение скоро кончилось»¹⁰. Нам важно, что описывается бенефис Щепкина 1843 г., когда первый раз была представлена «Женитьба». Впечатление неудачи спустя год уже рассеялось, и автор совершенно искренне пишет о «художественном наслаждении» как об общей реакции зрителей¹¹. Таким образом, если в первых отзывах акцент делался на изображении натуры, то уже спустя год — на художественном впечатлении. Более того, уже во второй рецензии журнала «Репертуар и Пантеон» отзыв о комедии смягчается. Автор признает, что «Женитьба» нуждается в ином критерии оценки, ибо это не «картина нравов в ежедневном смысле» и потому «не верна низшего рода действительности»¹². На этот раз комедия сравнивается с «фронτισписом», т.е. с рисунком, предваряющим титульный лист книги или журнала. Ю.В. Манн справедливо полагает, что рецензент в данном случае пытается «загладить впечатление от первой рецензии»¹³. Вместе с тем критик невольно расширяет смысл комедии, признавая, что в ней присутствует не только «низкая», но и какая-то другая, более высокая жизнь. Иными словами, он как бы намекает на существование нескольких уровней понимания комедии. И это очень важно.

«Женитьбу» с самого начала упрекали в отсутствии традиционной интриги. Прежде всего, сам Гоголь решительно изменил представление о свойствах и характере театральной интриги. В «Театральном разъезде», который опубликован одновременно с «Женитьбой», первый и второй любители искусств спорят о характере

⁹ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. XXIV. Отд. III. С. 17.

¹⁰ Репертуар и Пантеон. 1844. Т. 5. Кн. 3. Отд. «Театральная летопись». С. 102.

¹¹ Там же.

¹² Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. XXIV. Отд. III. С. 17.

¹³ Манн 2007. С. 590.

и роли развязки и завязки в современной драматургии. Второй объясняет, что любовная интрига, эта «вечная завязка», уже давно устарела: «Все изменилось давно в свете. <...> Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» (V, 142). Слова о «выгодной женитьбе» если не прямо обращают нас к комедии «Женитьба», то, во всяком случае, указывают на характер интриги ее как на современный. Интрига, завязанная на выгодной женитьбе, отличается от любовной интриги. Но вопрос все же не разрешен: что считать «завязкой» «Женитьбы»? Какой смысл вкладывал в нее сам Гоголь?

Разумеется, завязка «Женитьбы» не сводится к простой сюжетной ситуации. По мнению Гоголя, «комедия должна вязаться само собою, всей своей массою, в один большой, общий узел» (V, 142). Такой подход предполагает сквозное, единое действие, порождающее дополнительные оттенки значения. Вообще же устами второго любителя искусств Гоголь признается в том, что завязка — элемент служебный, второстепенный: ведь «завязать может все: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона...» (V, 143). Самое важное в этих словах — расчет на подсознательную реакцию зрителей, на угадывание скрытого, авторского текста. Он утверждает: «...правит пьесой идея, мысль», поскольку только в ней заключено «единство» (V, 143). Речь идет не только об авторском понимании событий, но о некоей сверхзадаче, поставленной им перед собою и до поры зашифрованной, скрытой в тексте. В гоголевском контексте это значит, что внутри банальной водевильной истории о нерешительном скрывается какая-то другая, более значительная и более важная для каждого. Иными словами, Гоголь как бы предлагает искать этот скрытый смысл, или, выражаясь современными понятиями, подтекст. Конечно, как отмечают театроведы, подтекст существовал всегда. Проблема же заключалась в том, что драматурги не видели его, не сознавали, что «сочиняют не только текст, но и подтекст»¹⁴. Сквозное действие и подтекст создают в комедии то, что позднее будет названо «подводным течением». Станиславский, говоря о «подводном течении», пояснял, что «невидимое внутреннее сквозное действие проявляется во внешнем воплощении и действии»¹⁵. «Подводное течение», как правило, связывают с именем Ибсена, а в России — Чехова. Но получается, что Гоголь, опережая художественные открытия будущего, не заявил о них прямо, а лишь намекнул. Сцена оказалась не готова к воплощению этой идеи, и Гоголь, возможно, предполагал это с самого начала¹⁶.

¹⁴ Осовцов С.М. Драматургическое слово и сценическое действие // Пьеса и спектакль. Л., 1978. С. 8.

¹⁵ Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1955. С. 81–82.

¹⁶ В ответном письме С.Т. Аксакову из Рима 18 марта Гоголь отмечает: «Успех на театре и в чтении пьес совершенно таков, как я думал. Толки о “Женитьбе”

Вот почему, говоря о сценической истории комедии, мы должны понять также, соответствовала ли идея пьесы сценическим законам. По справедливому замечанию С.М. Осовцова, «при анализе драмы игнорировать сценические законы не менее опрометчиво, чем при разборе словесно-литературного произведения пренебрегать правилами, критериями поэтики»¹⁷.

Сцена требовала от комедии не просто рассмешить зрителя, но выдержать при этом несколько обязательных условий. Смешное возникает при столкновении положительного и отрицательного начал. Мир догоголевской комедии, как правило, расколот, причем, как отмечает Ю.В. Манн, «борьба идет между идеологически значимыми величинами, освящена высшими категориями добра, чести, справедливости, сценически воплощенными... в самих персонажах»¹⁸. В то же время гоголевские персонажи, создающие его «комедийный мир», кажутся однородными. Действительно, никто из действующих или хотя бы внесценических лиц его комедий не напоминает, даже не намекает на возможность «иного морального и этического уклада». В результате все персонажи создают «единую и ничем не нарушаемую перспективу», точнее сказать — «перспективу последовательного комизма»¹⁹. В комедии не соблюдается также и обычное распределение персонажей на явно положительные, явно отрицательные и смешанные. Хотя героям Гоголя и не чуждо человеческое, но все же начало положительное в них скрыто очень глубоко. Позитивное, по замечанию Ю.В. Манна, выступает в «комическом обличье», при этом «однородность» характера героя внешне, видимо, никак не нарушается²⁰. Тем самым герои лишаются ореола значительности своих поступков, передавая лишь поверхностный комизм своих действий. Более серьезный комизм — комизм характеров — не всегда оправдывается в глазах зрителя именно в силу их схожести, «однородности», отсутствия видимой коллизии и борьбы с препятствиями.

На самом деле в «Женитьбе» существует несколько уровней понимания, целая «иерархия» душевных и телесных желаний, «движений», поступков. Механическая, кукольная, марионеточная жизнь соприкасается с жизнью человеческого духа, с надеждами на любовь и счастье²¹. Такова истинная коллизия «Женитьбы».

Белинский инстинктивно угадал это. В рецензии на постановку комедии он произносит ключевое слово — «наивность», советуя

<и> «Игроках» совершенно верны, и публика показала здесь чутье» (Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 103).

¹⁷ Осовцов С.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Манн 2007. С. 382.

¹⁹ Там же. С. 383.

²⁰ Там же. С. 386.

²¹ См. подробнее: там же, с. 599–603.

артистам сохранять естественность и серьезность при исполнении смешных ролей: «Вообще, для хорошего выполнения ролей, созданных Гоголем, актерам всего нужнее — *наивность*, отсутствие всякого желания и усилия смешить. Если человек имеет смешную или слабую сторону, он тем и возбуждает смех, что не предполагает в себе ничего смешного или странного. В обществе никто не станет стараться смешить других на свой счет, а сцена должна быть зеркалом общества...»²². И московская, и петербургская публика оказалась не готова к тому, чтобы смеяться над героями «Женитьбы», потому что привыкла к смеху легкому, обличительно-комическому. Гоголь же смеется над сокровенным — над страхами и нерешительностью человека. Над нравами общества, прибегающего к сватовству, достаточно нелепому и условному обычаю, для решения одной из самых интимных проблем человеческой жизни. Белинский признавал: «Кого легко рассмешить, тому непонятна истинная острота, истинный комизм. <...> Такова участь пьес Гоголя. Чтоб наслаждаться ими, надо сперва понимать их, а чтоб понимать их, нужны вкус, образованность, эстетический такт, верный и тонкий слух, который уловит всякое характеристическое слово, поймает на лету всякий намек автора»²³.

Отзыв Белинского выходит за рамки полемического ответа рецензенту. Фактически критик поставил под сомнение репутацию Александринского театра, намекнув, что актеры и публика, например, Михайловского театра более разборчивы и более образованны, чем в знаменитом Александринском. Более того, пьесы, составляющие репертуар русского театра, обнаруживают в основном «пошлостное и избитое содержание». Именно пошлости и избитости и нет в комедиях Гоголя. Белинский всего двумя предложениями намечает целую эстетическую программу: «Сверх того, в пьесах Гоголя нет этого пошлого, избитого содержания, которое начинается пряничною любовью, а оканчивается законным браком; но вместо этого в них развиваются такие события, которые могут быть, а не такие, каких не бывает и какие не могут быть»²⁴. Причем, с точки зрения критика «Отечественных записок», заслуга Гоголя не столько в правдоподобии, сколько в «простоте и естественности». Это те качества, которые присущи гоголевским персонажам и которых (и это принципиально важно) не хватает актерам Александринского театра. Вывод Белинского — «простота и естественность недоступны для толпы» — как раз и объясняет нежелание и неумение актеров играть просто и естественно, поскольку это умение не востребовано зрителями и непонятно им.

²² Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1978. С. 374.

²³ Там же. С. 451, 452.

²⁴ Там же. С. 452.

Другого мнения придерживался историк петербургского театра А.И. Вольф. Он попытался объяснить неуспех «Женитьбы» в первом представлении непривычной конструкцией пьесы. Зритель должен был, по его мнению, постепенно привыкнуть к комедии без интриги и счастливой развязки. По мнению Вольфа, Мартынов (Подколесин), Сосницкая (Агафья Тихоновна) и Гусева (сваха) исполнили свои роли в совершенстве. У Сосницкого же Кочкарев вышел какой-то мямлею и суетою. Яичница (Григорьев 2-й), Жевакин (Григорьев 1-й) были слишком карикатурны, но смешны²⁵. Однако мнение многих современников было иным. Так, «Северная пчела» одобрила игру Сосницкого²⁶. «Литературная газета» хвалила игру тех же актеров, включая еще и Фалеева (слугу Степана)²⁷. С.Т. Аксаков, передавая Гоголю мнение А.Н. Верстовского о петербургской премьере, сообщал в письме 6–8 февраля 1843 г.: «...в Петербурге Мартынов в роли *Подколесина* бесподобен; но все прочие лица несравненно ниже московских»²⁸.

Попробуем определить, что именно ценили в постановке критики. Иными словами, выявить те эстетические принципы, которые служили критерием их оценки. Во-первых, достоверность. Во-вторых, комичность. В-третьих, легкость восприятия интриги для публики. Что касается актеров, требования к ним были невелики: «знать свою роль и понимать» ее, то есть понимать тип, который они играют. В случае с Гоголем рецензентов озадачивало, как уже говорилось, отсутствие интриги. Без привычной интриги содержание комедии оказывалось непонятно, типы и характеры — ни к чему не привязаны. Кроме Белинского, с пониманием отнесся к позиции Гоголя лишь критик «Отечественных записок» Вл. Ч. (А.И. Кронеберг). Рецензируя гастроль Щепкина в Петербурге в 1849 г., Кронеберг писал: «Комедия высокая, незаметно действует на ум, и уж ум разделяется с чувствами»²⁹. Он признавал, что «Женитьба» — это не комедия характеров, не комедия интриги, отмечал в ней «род неповоротливости, отсутствие комической живости, какое-то ленивое спокойствие», но видел в этом не недостаток, а свойство, которое «еще более придает едкости их (гоголевских комедий. — В.Г.) сатирам»³⁰. Главным условием успеха театральной постановки рецензент, вслед за Белинским, считал слаженность, актерский ансамбль. В комедии «игра того, или другого, взятая отдельно, может быть прекрасна, но вы смотрите на нее в одно время с другими, и

²⁵ Вольф А.И. Хроника петербургских театров. С конца 1826 по нач. 1855 г. Ч. 1. СПб., 1873. С. 100.

²⁶ Северная пчела. 1842. № 282. С. 1127.

²⁷ Литературная газета. 1842. № 50. С. 1023.

²⁸ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 99.

²⁹ Отечественные записки. 1849. Т. 67. № 11. Отд. 8. С. 128.

³⁰ Там же. С. 130.

она теряет — теряет отчего? оттого, что дают вещь серьезную, от которой у вас должно сжиматься сердце; вы не знаете, что вам делать: хохотать или плакать... Один из актеров понимает и роль свою и комедию, как действительно вещь серьезную... Но посмотрите что делают другие <...> другие стараются быть забавными, выходят пошлыми, и сообщая своим ансамблем совсем другой тон характеру впечатления <...> насильно заставляют вас глядеть на игру единственного актера, понявшего пьесу, как на что-то уродливое и неуместное...»³¹. Разлад ансамбля дает, по мнению Кронеберга, зрителью возможность ускользнуть от того «огня, на котором так непринужденно и спокойно жгут его недостатки»³², ускользнуть, заняв себя поиском недостатков актерской игры. Успех московской постановки «Женитьбы» Кронеберг объясняет как особенностями московской публики, так и хорошим актерским ансамблем. К огорчению критика, участие Щепкина в постановке «Женитьбы» в Петербурге не изменило характер спектакля. «...Большая часть <петербургских> актеров, в мужских ролях <...> усиленно стараются смешить и забавлять публику, забывая, что обнаруживать такое намерение в чем бы то ни было <...> недостаток самый тяжкий, показывающий, что актер мало вникает в то, что играет... Понятно, что при такой обстановке, среди всех этих героев, более похожих на какие-то лица из народной итальянской комедии, чем на русских, и притом гоголевских людей, талант М.С. Щепкина не мог выказаться в настоящем своем свете»³³. Как отмечает Е.А. Кухта, Щепкин и Живокини отказались от изображения «бытовой комедии». По существу, оба актера представляли как бы «комедию масок», подчеркивали «мотив неудачи», приводящий в конце концов к трагическому сознанию действительности. «Не быт и нравы были объектом их (Щепкина и Живокини. — В.Г.) преимущественного внимания, но мотив комической неудачи; за столкновением характеров, заостренных масками, возникала гипербола странной жизненной вялости»³⁴.

Начиная с тридцатых годов в русской литературной и театральной критике утвердилось мнение, что для успеха постановки необходима согласованность, слаженность в игре всех участвующих в спектакле артистов. Мысль о необходимости «лада (ensemble) в пьесах» одним из первых высказал С.Т. Аксаков в своих театральных заметках («Первое письмо из Петербурга к издателю “Московского вестника”», 1828 г.). Позднее этот принцип поддержали и развили Н.И. Надеждин и В.Г. Белинский. Причем последний в статье «И мое мнение об игре г. Каратыгина» писал, что «полное сценическое очарование возможно только под условием естественности

³¹ Там же. С. 128.

³² Там же.

³³ Там же. С. 133.

³⁴ Кухта Е.А. Примечания // Гоголь Н.В. Комедии. Л., 1988. С. 443.

представления, происходящей сколько от искусства, столько и от ансамбля игры»³⁵. И Щепкин, и Живокини старались создать в спектаклях, в особенности в гоголевских пьесах, актерский ансамбль.

Рассматривая развитие московского и петербургского театров в очерке «Александринский театр», Белинский противопоставлял их как «формальный», классицистический и свободный, т.е. натуральный, естественный. Он отмечал, что в Петербурге преобладают «формы классического сценизма — певучая декламация и менуэтная выstupка»³⁶. Москва же первой отступила от сценического классицизма, едва лишь «слово романтизм начало печататься русскими буквами»³⁷. В очерке разъясняется различие между «натурой искусства» и «натурой действительности». Белинский пишет: «Всякий человек бывает естествен в своем обыкновенном разговоре; но из этого не следует, чтоб всякий человек мог быть естественным в разговоре на сцене. Даровитый актер должен обладать способностью быть естественным на сцене, но ему надо сперва развить ее учением и привычкою, чтобы она обратилась ему в натуру. Нам случалось видеть на сцене актеров, игра которых была тем отвратительнее, чем естественнее, как бы в доказательство, что естественность в искусстве должна быть изящною, художественною»³⁸. Если московский театр он ценит за естественность чувства, за раскованность атмосферы театрального действия, то петербургский привлекает его актерской техникой, зрелищностью постановки. «Вообще, в сценическом отношении Петербург отличается от Москвы большим умением если не быть, то казаться удовлетворительным со стороны внешности и формы. Словом, сцена в Петербурге больше искусство; в Москве она — больше талант»³⁹. В конце очерка критик упоминает и гоголевские комедии, подчеркивая, что «как артисты, так и публика Александринского театра не очень высокого понятия о драматическом таланте Гоголя — и это преимущественно по причине резких выражений, которыми преисполнены комедии Гоголя <...> на сцене Александринского театра пьесы Гоголя действительно кажутся более фарсами, нежели комедиями. И вот почему “Женитьба” Гоголя пала решительно при первом ее представлении, так что в последний приезд Щепкина петербургская публика приняла эту пьесу как бы новую, не известную ей, и встречала веселым смехом и живыми рукоплесканиями почти каждое слово этой комедии...»⁴⁰.

³⁵ Молва. 1835. Ч. 9. № 18. С. 292.

³⁶ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1981. С. 223.

³⁷ Там же. С. 224.

³⁸ Там же. С. 225.

³⁹ Там же. С. 229.

⁴⁰ Там же. С. 245–246.

За этим отзывом Белинского угадывается и его требование актерского ансамбля. Постановка фарса, в отличие от комедии, не требует такой слаженности и единства труппы, ведь фарс предполагает развлекательность, легкость, необязательность. В то же время комедии Гоголя обращены не только к страсти зрителя, даже не только к его чувству, но и к его опыту, сознанию, рассудку. Вот почему «петербургские артисты (за исключением одного только г. Мартынова) не знают надлежащей манеры для ролей, созданных Гоголем: они привыкли к ролям водеvilным, в которых нет оригинальности, нет жизни, нет правдоподобия и истины, нет характеров, к ролям кукольным, марионеточным»; в то же время «разнохарактерная», по выражению критика, публика Москвы больше заботится об искусстве, чем о костюме, хорошем тоне и большом свете, она способна понять и оценить комедии Гоголя⁴¹.

В пятидесятые годы Щепкина сменил в роли Кочкарева П.М. Садовский. Это совпало со сменой эстетических эпох — на смену веселому и непритязательному водевилю пришла социальная пьеса, в том числе и комедии Островского. Гоголевские пьесы уже не игрались «под водеvilь», напротив, актеры старались раскрыть «социальное» содержание конфликта. Театр развивался в том же направлении, что и вся литература, в направлении, которого так желал Белинский. Гоголь понимался как предтеча Островского.

Но так ли было на самом деле?

«Женитьба» писалась в тридцатые годы, в период самых напряженных и страстных философских споров и поисков. Гоголь не принадлежал ни к одному философскому кружку, но было бы наивно полагать, что он не знал и чуждался философии вообще, особенно современной. Статьи и заметки Гоголя в сборнике «Арабески» включены в контекст философских штудий. Может быть, подлинный смысл «Женитьбы» скрыт гораздо глубже водеvilной истории о Хлопотуне и Простодушном или социальной картины общества, концентрации тупости и пошлости и т.п. Действительно, чего именно боится Подколесин? Не Агафьи Тихоновны (к ней он испытывает, скорее, симпатию), не усилий свахи (он всегда может от нее отказаться), даже не Кочкарева — Хлопотуна. Тем более ему чужды социальный или психологический анализ, размышления о достоинствах или недостатках современной жизни. И все же он ощущает интуитивный страх, боится чего-то, чему и сам не найдет объяснения. И ни он сам, ни зрители никак не поймут: то ли Подколесин гениально проницателен, то ли он уж полный дурак, размазня, тряпка? Театровед Е.А. Кухта объясняет поведение Подколесина, его страх как «жизнебоязнь»: «Драматическое противостояние идеального и реального отразилось в пьесе в двойном освещении: ко-

⁴¹ Там же. С. 246.

мическом и лирическом. Жизнебоязнь Подколесина Гоголь осмеивал не извне, он знал ее изнутри, из собственного душевного опыта. Неосуществимость, невоплотимость любви — его личное горестное убеждение...»⁴².

Все это нисколько не противоречит пониманию Подколесина как Нерешительного, но лишь углубляет его. Нерешительность объясняется не житейской простотой и неприспособленностью к жизни, а неким изначальным скепсисом, страхом перед жизнью. Именно так рассматривал Подколесина режиссер П.П. Гайдебуров. Не случайно Н. Энгельгардт в 1923 г. подчеркивает, что Гоголь ведет сюжет от «комедии быта» к «высокой драме жизненных символов», к драме, где «из комедийного гротеска житейской пошлости глянула в лицо “нерешительного” ужасная личина Горгоны. И он (Подколесин. — В.Г.) прыгает из окна, хотя солони ему будут последствия этого прыжка». Основу этого движения Энгельгардт видит в совестливости Подколесина, да и весь театр Гайдебурова воспринимает как «театр потрясения», «театр совести». Тип «нерешительного» трактуется Энгельгардтом широко — и более как трагический, чем как комедийный; взятый из французской комедии, но истинно русский, «наш национальный символ», «неврастеник на пути к прогрессирующему параличу»⁴³. П.П. Гайдебуров вспоминал: «Для меня суть роли составлял не жанр, а философия, житейски претворенная <...> Бегство — это ужас перед внезапно развернувшейся картиной обывательской беспросветности, воображение душила картина смятой двуспальной кровати, но ужас этот походил скорее на испуг да еще и детский какой-то по внутренней своей природе»⁴⁴.

Многие режиссеры чувствовали эту «жизнебоязнь» главного героя пьесы, но чувствовали интуитивно, не умея сформулировать ясно и дать себе в этом отчет. Так, в 1921 г. «Женитьбу» поставил Опытно-героический театр, исходя из принципов провозглашенного им «метро-ритма», т.е. чередования в определенном ритмическом порядке «ударных» и «безударных», «долгих» и «кратких» элементов спектакля — пластических, акустических и психологических. Причем, по мнению теоретика и режиссера этого театра, сочетание ударного элемента с двумя слабыми («чередование один ударный плюс более слабый плюс еще более слабый») составляет основу трехдольного метра, «с явной тягой к покою, к смерти»⁴⁵. Разумеется, мы не знаем, как именно применялась эта теория к постановке

⁴² Кухта Е.А. «Женитьба» Н.В. Гоголя и романтики 1830-х годов // Спектакль в контексте истории. Л., 1990. С. 64.

⁴³ Энгельгардт Н. Подколесин, Гамлет и Освальд // Записки Передвижного театра. 1923. № 53. С. 3–4; см. также продолжение этой статьи в № 55, с. 5–6.

⁴⁴ Гайдебуров П.П. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М., 1977. С. 182.

⁴⁵ Фердинандов Б. Театр сегодня // О театре. Сб. ст. Тверь, 1922. С. 45.

«Женитьбы», однако возможность выявления «жизнебоязни» через ослабление ударных элементов, через «тягу к покою» сомнений не вызывает. Режиссер подошел к разгадке гоголевской пьесы. Но разгадал ли — нам неизвестно.

Однако принципиально важно, что эстетика Гоголя, в том числе и театральная, позволяет увидеть в «Женитьбе» подчас прямо противоположные идеи. На рубеже XIX–XX вв. изменилось отношение актера к «сценическому слову» и к самому театральному искусству. Театр начала XX в. провозгласил «продуктивность», целесообразность сценического слова, необходимость его реализации через действие⁴⁶.

В «Женитьбе» режиссура начала века не сразу открыла для себя возможности такого «словесного действия» и попыталась реализовать их с помощью пластических решений. Многие, включая режиссеров новых, современных театров, полагали, что пьесы Гоголя устарели, что Гоголь — автор, совершенно понятый и уже сыгранный до конца, к которому нельзя ничего «добавить». В 1903 г. А.П. Чехов при обсуждении репертуара Московского Художественного театра предложил включить в него пьесы Гоголя и, отвечая на официальный запрос В.И. Немировича-Данченко, вписал «Женитьбу» в перечень предполагаемых постановок⁴⁷. Однако Немирович-Данченко на это не согласился и писал Чехову 17 января 1903 г.: «...Наш театр должен в смысле сценического — а если можно, — и драматургического искусства идти впереди других театров. Пусть другие делают то, что служит повторением чужих созданий, фабрикуют клише. Не стоит отдавать свои силы театру, чтобы повторять чужое. А что мы можем создать с “Женитьбой”? Даже с “Ревизором”. Мне кажется, что весь их сценический, даже литературный потенциал исчерпан вполне»⁴⁸.

Гротескную постановку «Женитьбы» осуществил в 1915 г. А.А. Санин в Московском драматическом театре. К сожалению, и публика, и критика оказались не готовы к такой интерпретации Гоголя. Вместо психологии старого, хорошо знакомого мира, вместо персонажей неудачников и нерешительных, вместо комедии характеров Санин представил «гротескно-деловое зрелище», «не отвечающее ни стилю комедии, ни духу Гоголя»⁴⁹. В очередной раз постановка не соответствовала ожиданиям аудитории и поэтому оказалась отвергнута. «На сцене вместо знакомых и милых образов

⁴⁶ *Станиславский К.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1958. С. 81.

⁴⁷ *Конишина Е.И.* Письма Вл.И. Немировича-Данченко к А.П. Чехову. Примечания // Ежегодник МХТ за 1944 г. Т. 1. М., 1946. С. 200.

⁴⁸ Там же. С. 150–151.

⁴⁹ *Московский драматический театр // Рампа и жизнь.* 1915. № 38. С. 9; подпись: Ю. С-в.

была собрана коллекция чудаков, эксцентриков и персонажей из паноптикума. Все преувеличено, раздуто, шаржировано...»⁵⁰. Рецензент остался недоволен тем, что исполнители утратили «чувство комического», оказались далеки «и от Гоголя, и от его стиля»⁵¹.

Если подходить к пьесе с позиций эстетики молодого Гоголя, т.е. эстетики «Вечеров...», то окажется, что даже осовременивание ее в постановках ФЭКСов или Мейерхольда подчинялось логике, заложенной в творчестве самого писателя.

Г.М. Козинцев писал о своей режиссерской концепции: «Нето-ропливая история неудачной женитьбы надворного советника должна была вихрем закрутиться, стать зачином оглашенного карнавала в честь победоносной электрификации, где народный балаган сольется с техникой будущего»⁵². Вот как протекал спектакль: «Задник с загорающимися рекламами, на нем портрет Чаплина, на лево деревянная фигура — автомат с рупором <...> Она же поясняет действие и выкрикивает заученные остроты. Направо ряд натянутых проволок, на них буквы: “Бюро невест”. Кроме того, вносится площадка на пружинах, на которую садится Гоголь, и его подкидывают до потолка...»⁵³. Создавая свою теорию комического в эксцентрическом искусстве, Козинцев отмечал, совершенно в духе Гоголя, что «из перевертыша, “шиворот-навыворот” выходит и детская игра — познание связей явлений через их доведенную до нелепицы бессвязность, невозможность сочетаний»⁵⁴. В «Подготовительных материалах к работе о комическом, эксцентрическом и гротескном искусстве» он утверждал, что существует особая «эстетика гоголевских финалов». В комедиях Гоголя, по его мнению, «конец... уж совершенная чепуха», «нечто ничуть ни к чему не имеющее отношения, это и есть “русская тема”, русская жизнь»⁵⁵. Нельзя не отметить, что козинцевская трактовка может быть рассмотрена как своеобразное возвращение к эстетике молодого Гоголя — Гоголя «Вечеров...», а не Гоголя петербургских повестей. Об этом, в частности, пишет Е.А. Кухта: «Фарсовые традиции украинского кукольного театра-вертепа <...> можно найти в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”. Каркас событий “Майской ночи” схож с балаганной путаницей ФЭКСов»⁵⁶. Вообще в произведениях Гоголя жест всегда растянут во времени, преувеличенно долог, дробится на отдельные

⁵⁰ Там же. С. 10.

⁵¹ Там же.

⁵² Козинцев Г.М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1982. С. 53.

⁵³ Козинцев Г.М. Собр. соч. Т. 3. М., 1983. С. 170.

⁵⁴ Там же. С. 158.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Кухта Е.А. «Женитьба» Н.В. Гоголя на советской сцене 1920-х гг. // Пьеса и спектакль. Л., 1978. С. 44.

составные моменты. А. Белый показывает, как «повышенная экспрессия» приводит гоголевских персонажей к взрыву, который в конце концов разрешается «окаменением» — и смертью. Неожиданно вырвалось на свободу то, что давно назревало, сдерживалось⁵⁷. «Какие-то процессы в авторе, подготавливаемые всей жизнью, вырвались из-за порога сознания...» — отмечает А. Белый⁵⁸.

Вот эти запредельные, неоформившиеся, не до конца осознанные идеи, мотивы, образы подталкивали Гоголя к недосказанности и неясности сюжета. Его театр тяготеет к жесту, его смысл и философия часто выявляются через пластику. И это вполне совпадало с законами самого театра. В.И. Немирович-Данченко считал, что «театр меньше всего интересуется словами, вложенными в уста того или иного действующего лица» и сосредотачивает свое внимание «на том, что лежит за этими словами или, вернее сказать, в подкладке этих слов, на самих переживаниях, соответствующей им мимике и интонации той или иной реплики»⁵⁹. Постановка «эксцентриков» реализует тезис Немировича-Данченко, конечно, понятый по-своему, абсолютно и доведенный до своего предела, до «абсурда», но ведь это и есть право художника — интерпретация текста и способов его театральной подачи... Постановка ФЭКСов была, конечно, экспериментом. Эксперимент заранее выбирал для себя подходящий материал, фабулу, тему и затем совершенно менял авторское содержание. Напротив, Ю. Завадский в Третьей студии МХАТ в 1924 г. поставил «Женитьбу» в духе гофмановских фантазмагорий. В соответствии с режиссерским замыслом на сцене представляли три самостоятельных и в то же время перекрещивающихся мира. В первом существовали женихи Агафьи Тихоновны, ползавшие на коленках и напоминавшие толпу нищих из «Гадibuка». Второй мир был выдуман и дьявольски воплощен Кочкаревым. Именно Кочкарев срежиссировал те события, которые происходили на сцене. Этим мирам противостоит психологическое пространство Подколесина и Агафьи Тихоновны. Казалось, что героев преследуют не люди-монстры, а сам рок, от которого невозможно убежать. Историк театра Е. Кухта так описывает спектакль: «Унылое течение тоскливой мелодии и каскад звуков, пронзительных и неожиданных. Замирания рыдающих аккордов в музыке. <...> Пирамида изогнутых тел у замочной скважины в комнату невесты. <...> Разгул неясных, беспокойных теней. Тени повторяются, множатся, искажаются <...> Наклонная сценическая площадка, словно катящаяся под острым углом вниз. У скошенного окна причудливо изогнутый, корявый кактус в горшке, который словно начал падать и непонятно каким

⁵⁷ *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 191, 194.

⁵⁸ Там же. С. 190.

⁵⁹ *Немирович-Данченко В.И.* В спорах о театре. М., 1913. С. 77.

образом еще держится на остром углу табурета. Так осязаемо — пластически, интонационно — театр создавал образ мира наваждений, петербургских кошмаров»⁶⁰. Такое решение поначалу ошарашивало, но и заставляло задумываться. Однако эти раздумья были отвергнуты пролетарской критикой как отход от единственно правильной реалистической позиции. В программной статье журнала «Новый зритель», подписанной инициалами В.Б., актеры упрекаются в том, что «из невиннейшей “Женитьбы” Гоголя приготавливают какую-то черную мессу — во вкусе Мережковского, помноженного на Леонида Андреева»⁶¹. М. Бескин в рецензии открыто обвинил труппу в том, что она «поставила комедию в надрывно-мистическом плане реакционнейшего чертоискательства по Мережковскому»; рецензент возмущался: «Что побудило группу молодежи из арбатского особняка копаться в смрадном болоте садических галлюцинаций? Что заставило ее переломить здоровую “Женитьбу” в больном, умирающем Гоголе времен “божественной литургии” и “Отца Матвея”. Что? Ведь надо совершенно закупориться <...> чтобы в 1924 году уйти в эту “келью” и там творить мрачную литургию “Женитьбы”»⁶². Как вспоминал П.М. Марков, спектакль Завадского «следовал линии петербургских повестей, “Портрета”, “Носа” с их загадками и туманностями <...> В исполнении всех ролей отсутствовал актерский нажим, но чем дальше развивалось действие, тем реже раздавался смех в зале, тем более отталкивающими становились женихи, тем нелепее терялась среди них маленькая фигурка туповатой мечтательной Агафьи Тихоновны — В.Д. Бендиной»⁶³.

Эстетика Гоголя притягивала и отталкивала одновременно. Крики об антихудожественности и пошлости его комедий и его персонажей сливались с другими криками — о пошлости и неразвитости толпы, о невосприимчивости публики к новациям. Самый факт столкновения различных мнений уже свидетельствовал в пользу Гоголя, подчеркивал значимость и неоднозначность его драматургии. Толпа не приняла (или не сразу приняла) «Женитьбу». Пожалуй, прошло около столетия, пока мысль Гоголя освободили от штампов. Но могло ли быть иначе? Толпа сама по себе никогда не увлекается новациями. Она оценивает зрелища со своей точки зрения. Ей нравится упрощенность, «первобытность» (Ал. Луговой) зрелища. Неподготовленность толпы к восприятию нового очевидна.

⁶⁰ Кухта Е.А. «Женитьба» Н.В. Гоголя на советской сцене 1920-х гг. // Пьеса и спектакль. Л., 1978. С. 47.

⁶¹ В.Б. Через отдушину театра // Новый зритель. 1924. № 5. С. 1.

⁶² Бескин М. Литургия «Женитьбы» в Третьей студии МХТ // Новый зритель. 1924. № 5. С. 8.

⁶³ Марков П. История моего театрального современника // Театр. 1969. № 10. С. 102.

Но это не мешает, с одной стороны, толпе оставаться справедливой — в рамках своих понятий, а с другой — театру воспитывать, искать своего зрителя, обучать его. Можно согласиться с критиком начала XX в. Ал. Луговым, который утверждал в статье «Суд толпы», что косность толпы — фильтр, через который и просачивается истина⁶⁴. В таком случае, чтобы войти в историю, спектакль должен убедить толпу, очаровать ее именно тем зрелищем, которого она подсознательно жаждет, показать ей привлекательность и необходимость нового, непривычного прочтения знакомого текста. Однако всего этого мало для того, чтобы остаться в истории. История требует окружения, контекста. Что же значит войти в контекст истории? Это значит превратить злободневность, «оппозиционность» (показанную автором) в «злободневность» трактовки режиссера или в злободневность понимания театральной публики, прозревающей соответствие переживаний или событий пьесы современности⁶⁵. Все три этапа осознания злободневности гоголевского текста в контексте истории, гоголевского понимания театральных принципов режиссерского театра, развития театрального искусства — прошла и «Женитьба» Гоголя.

Как видим, попытки поставить «Женитьбу» по-новому очень острожно воспринимались критикой, и все же эти попытки были необходимы. Театр должен был пройти этап формальных поисков, чтобы обрести новый образ всего спектакля. На первый план выступают такие свойства гоголевской поэтики, как миражная интрига, окаменение, гамлетовская рефлексия⁶⁶.

В 1963 г. А. Эфрос поставил «Женитьбу» в Центральном детском театре (ныне РАМТ). Критик С. Чудаков подчеркнул, что Эфрос заметил в комедии Гоголя «ноты ущемленной, жалкой, но прекрасной лирики»⁶⁷. Лирическая интонация определила и кульминационные сцены спектакля, их трагизм. Такими кульминационными моментами критик посчитал уход Жевакина (М. Холодов) и финальный плач Агафьи Тихоновны (А. Дмитриева). Словом, по вы-

⁶⁴ Луговой Ал. Суд толпы. Из театральных воспоминаний // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1911 г. Вып. 7. С. 2.

⁶⁵ См.: *Альтиуллер А.Я.* Спектакль в контексте истории. Л., 1990. С. 6.

⁶⁶ О сложности интерпретации комедии подробно пишет Ю.В. Манн в статье «Грани комедийного мира» (*Манн 2007*. С. 603–613); см., в частности, в этой статье о различных уровнях духовного и физического развития персонажей комедии (там же, с. 603–609), а также анализ гамлетовского начала в «Женитьбе» (там же, с. 609–613). Следует напомнить, что первое сравнение Подколесина с Гамлетом принадлежит еще А.А. Григорьеву (*Григорьев А.* Гоголь и его последняя книга // Московский городской листок. 1847. № 62. С. 249; *Григорьев А.А.* И.С. Тургенев и его деятельность // Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967. С. 269).

⁶⁷ Чудаков С. Вероятное или невероятное? // Театр. 1964. № 2. С. 18.

ражению С. Чудакова, «комедия была сыграна как драма», за что он и похвалил режиссера. Обращение не к характерам, а к чувствам сделало постановку А. Эфроса убедительной⁶⁸. Однако официальная пресса рассудила иначе. В рецензии В. Асеева «“Существователи” или “маленькие люди”?» Эфрос уличался в ошибке, поскольку истолковал комедию как драму и ввел тему защиты маленького человека⁶⁹. Нельзя считать Гоголя «защитником» тех «существователей» разных типов, которые «так безжалостно проанализированы в его сатире», утверждал рецензент⁷⁰. Напротив, историк театра В.Г. Комиссаржевский нашел в спектакле «загадочность», «щемящую историю о несостоявшемся счастье двух людей», нелепо «протоскользнувших друг мимо друга»⁷¹.

В новой постановке на сцене Московского театра на Малой Бронной (премьера — 14 марта 1975 г.) Эфрос попытался «ошине-лить» «Женитьбу», как он написал в вышедшей почти одновременно со спектаклем книге «Репетиция — любовь моя». «Ошине-лить» комедию — значило показать ее драматический и даже трагический потенциал, усилить мотив «маленького человека», который борется с холодным и безжалостным миром⁷². В постановке Эфроса исчезла сама дистанция между героем-актером и зрителем. Как отмечал историк театра А. Смелянский, «“четвертая стена” переставала быть незыблемой и непроницаемой. Когда Яичница в конце спектакля произносил свою реплику, казалось, она обращена не только к персонажам комедии, но и к зрителям, как и знаменитый финальный монолог городничего. За словами Яичницы слышался потаенный вопль Акакия Акакиевича из “Шинели”: “Я — брат твой”»⁷³. В самом начале спектакля мизансцена, созданная Эфросом, как бы подчеркивает миражность и нереальность происходящего. С. Юткевич отметил «совпадение (отнюдь не заимствование) замыслов двух спектаклей» — мейерхольдовского «Леса» и эфросовской «Женитьбы»⁷⁴. «Лес» Мейерхольда начинался крестным ходом; Эфрос в начале «Женитьбы» показал свадебную процессию, которая, «дойдя в звуке и движении до кульминации, внезапно разбегается, исчезает, как мираж или наваждение»⁷⁵.

⁶⁸ Чудаков С. Указ. соч. С. 24; см. также: Зубков Ю. В традициях Мартынова // Театральная жизнь. 1963. № 24. С. 18–19.

⁶⁹ Советская культура. 1964. 14 янв. № 6. С. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Комиссаржевский В.Г. Театр, который люблю. М., 1981. С. 100.

⁷² Эфрос А. Репетиция — любовь моя. М., 1975. С. 275.

⁷³ Смелянский А.М. Наши собеседники. Русская классическая драматургия на сцене советского театра 70-х годов. М., 1981. С. 71; см. об этом спектакле также: Манн 2007. С. 597–599.

⁷⁴ Юткевич С. Поэтика кинорежиссуры // Искусство кино. 1981. № 6. С. 167.

⁷⁵ Там же.

Сыграть «Женитьбу» как комедию «миражной интриги» было ново и неожиданно. Постановка Театра на Малой Бронной была признана театральным событием сезона. Постановщик очень внимательно и бережно следовал за текстом гоголевской пьесы: обстановка действия, костюмы персонажей, расположение мизансцен — все использовалось для того, чтобы показать пересечение двух миров — вещного и духовного. Звучало свадебное церковное пение, появлялись маленькие дети; за спиной Агафьи Тихоновны как-то неожиданно возникал ее «усахаривший матушку» отец с огромным кулаком. За каждым таким появлением или эпизодом — психологическое наблюдение, позволяющее зрителю понять подсознание героев комедии, мотивы их желаний и поведения. В. Комиссаржевский полагал, что режиссер сумел сохранить в спектакле равновесие между комическим и серьезным, сделать «зримой», даже «театральной» фантазмагорию Гоголя⁷⁶. Ощущение обманчивости, иллюзорности происходящего на протяжении спектакля усиливалось. Наконец, финал «Женитьбы» еще раз подчеркивал миражный характер действия: заканчивались последние приготовления к свадебному торжеству, которое уже не состоится...

Еще более серьезно отнесся к постановке Эфроса критик С. Рассадин. Он увидел в истории неудавшейся женитьбы Подколесина вариант вечного сюжета о Фаусте и Мефистофеле: «Только этот Фауст ничего не хочет, а этот Мефистофель не знает, чего ему нужно. Так ведь и у Гоголя»⁷⁷. Но за вечной темой познания и расплаты за него театр, по мнению критика, не упустил другой, столь же важной и столь же вечной темы — человечности. С. Рассадин замечает: «В спектакле значительна обыденность, прекрасна нормальность. Подколесин — не Наполеон и не Декарт, он человек. Не больше, однако, и не меньше. Ему претит мысль о женитьбе из выгоды или оттого, что все женятся»⁷⁸. А. Эфрос заставил слово многократно звучать на сцене, как бы отражаясь и искажаясь от самого себя, от персонажей, к которым оно обращено. Режиссер использовал в сценическом решении прием «повтора — возврата». По мнению театроведа А. Михайловой, повторы «живут и в речевой стихии спектакля. Одно и то же гоголевское слово получает как бы свое эхо, повторяясь, ввинчиваясь в ваше сознание...»⁷⁹.

В отзывах на спектакль отмечалось не только мастерство режиссера, но и необычные актерские работы. Так, Н. Волков играл Подколесина как «искаленного русского Гамлета»⁸⁰. Ранее анало-

⁷⁶ Комиссаржевский В.Г. Указ. соч. С. 100.

⁷⁷ Рассадин Ст. «Не дальше, как собственным сердцем» // Юность. 1978. № 7. С. 68.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Михайлова А. Образ спектакля. М., 1978. С. 108.

⁸⁰ Смялянский А.М. Указ. соч. С. 71.

гичным образом трактовал эту роль П.И. Садовский⁸¹, а в 1916 г. — П. Гайдебуров⁸². Теперь же, по мнению критика, Эфрос представил сюжет «Женитьбы» как «гоголевский вариант шекспировской темы»⁸³. По-новому были восприняты и другие персонажи пьесы. О. Яковлева в роли Агафьи Тихоновны передавала свое крайнее напряжение не словами, а пластикой, движением. Она «металась» по сцене, причем ее движения почти переходили в какой-то странный танец. По выражению критика О. Скорочкиной, героиня словно стремилась «выпрыгнуть» из своего «ситцевого» мира. Она уже почти полюбила Подколесина. Поэтому бегство — не жениха, а любимого человека — заставляло ее «окаменеть». Актриса очень точно почувствовала эту гоголевскую формулу окаменения⁸⁴.

Хотя в тексте комедии не предусмотрена (как это было в «Ревизоре») немая сцена, О. Яковлева, показывая неподвижность Агафьи Тихоновны, не отступила от идеи Гоголя. В самом деле, формула окаменения призвана у Гоголя показать не равнодушие, а крайнее душевное напряжение, страдание, вызванное даже не столько страхом, сколько «перебоем в обыденном и естественном течении жизни»⁸⁵. Прыжок Подколесина в финале — это как раз и есть нарушение «привычного», которое усугубило страдание и разрешилось окаменением. В постановке Эфроса немота коснулась только одного персонажа — Агафьи Тихоновны. Но такое «индивидуальное окаменение» встречается у Гоголя в других произведениях⁸⁶. Поэтому трактовка Ольги Яковлевой вполне уместна. Более того, актриса сумела показать противоположность своего состояния состоянию Подколесина: если Подколесин до самого конца вял, инертен, нерешителен, то Агафья Тихоновна стремительна, «танцует», готова к «прыжку». Прыжок Подколесина в конце воспринимался зрителями как преодоление прежней апатии, а крайнее напряжение Агафьи Тихоновны выразилось в ее окаменении. Говоря о немой сцене в «Ревизоре», Ю. Манн отмечает, что «персонажи, онемев, продол-

⁸¹ Григорьев А.А. Обзорение зимней поры (сезона) // Москвитянин. 1852. Кн. VIII. Отд. VII. С. 152–153.

⁸² Гайдебуров в воспоминаниях писал, что для него «суть роли» заключалась не в жанре, а в «философии, житейски претворенной». Артист ярко ощущал «эпоху и быт», бегство Подколесина он понимал как «ужас перед внезапно развернувшейся картиной обывательской беспросветности» (Гайдебуров П.П. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М., 1977. С. 182). Иначе говоря, привычное восприятие мира опровергается, т.к. не соответствует реальности, оказывается своего рода миражом.

⁸³ Смелянский А.М. Указ. соч. С. 71.

⁸⁴ Скорочкина О. Ольга Яковлева // Театр. 1982. № 1. С. 61.

⁸⁵ Манн 2007. С. 322.

⁸⁶ Там же.

жают игру, они доразвивают свою роль»⁸⁷. И Агафья Тихоновна также: «...в финале стояла окаменевшая у края кулис, с бледным, безжизненным лицом — и ее слезы и скорбный детский рот были совсем такими, как у Джульетты. Только купеческой дочке не дано было умереть — не было “трагизма поступка”. И как бы во искупление Яковлева дарила героине “трагизм переживаний”»⁸⁸.

Неожиданную значительность приобретает в спектакле Жевакин (Л. Дуров). В его исполнении идея женитьбы приобретает характер чего-то маниакального, выходящего за границы нормального. «Этот персонаж, — отмечает рецензент, — сближается с Поприщиным из “Записок сумасшедшего”, и не случайно он кончает припадком, который требует вмешательства психиатра. Но ведь все это сватовство может быть рассмотрено как представление, разыгранное сумасшедшими»⁸⁹.

В десятилетие 1991–2002 гг. новое прочтение «Женитьбы» предложили более двадцати столичных и провинциальных театров, однако в постановках по-прежнему преобладали два подхода — психологический и динамический, причем режиссеры все чаще пытались усложнить исходную задачу.

Так, в 1991 г. студенты ГИТИСа перенесли свою постановку гоголевской пьесы на профессиональную сцену театра «Мастерская» (реж. О. Кудряшов, Н. Зверева), что рецензенту М. Смоляницкому показалось поспешным решением, своеобразной «игрой в театр», с юношеской угловатостью «музыкального оформления из двух фальшивящих гитар» и «инфантилизмом» сценической «неразберихи». «Понарошку слепленный, спектакль не может идти понарошку, как бы симпатичны и инфантильны ни были молодые исполнители»⁹⁰. В условном ключе был построен спектакль 1-го Московского областного драматического театра — «Версия пьесы Николая Гоголя “Женитьба”» (1992, пост. В. Якунин). Режиссер показал именно «версию», «вариант» гоголевской пьесы: торжество русского провинциализма над внешним европейским лоском. Зевота до слез, до истерики от скуки — вот приметы этого быта. Действие спектакля разворачивалось «в постоянной полутьме, разбавленной омерзительным белесым светом, в шорохах и бульканье воды», показывая бессмысленность и жестокость «глубоко провинциального анекдота», родившегося в пустой и никчемной жизни героев⁹¹. «Пример утонченного русского психологизма в сочетании с изысканным чувством театральной формы» В. Якунин показал в 1993 г. в Московском областном камерном театре. В рецензии О. Игнатюк

⁸⁷ Там же. С. 320.

⁸⁸ Скорочкина О. Указ. соч. С. 61.

⁸⁹ Дмитриев Ю. Всегда в поисках нового // Театр. 1977. № 10. С. 37.

⁹⁰ Смоляницкий М. Женитьба понарошку // Столица. 1991. № 31–32. С. 92.

⁹¹ Смоляницкий М. Анекдот провинциальный // Столица. 1992. № 20. С. 45.

«Дом есть, но не про вашу честь» отмечается, что режиссер возродил стиль старинного русского «созерцательного» спектакля и ближе всего ему оказалась трактовка Эфроса. С одной стороны, перед нами «сладострастнейшее сочинение о великом томлении одиночества», с другой же — жанровые сцены купеческого быта; так и возникает «притча “со слезой” в антураже жанровых федотовских полотен»⁹².

Понравилась критике постановка Иркутского драматического театра им Н.П. Охлопкова (1994, реж. В. Кокорин). В рецензии О. Пиникиной «На долгий, долгий миг тебе я буду верным...» отмечается попытка режиссера сделать «зримым» переход «беспокойства» Гоголя в «осознанную тревогу» Достоевского. Придавая сходство Подколесину с Гоголем, Кокорин выделил основную причину страха героя — мысль о невозможности счастья, которого тот так желает. Но это не просто страх одиночества, несчастья, это, как объясняет рецензент, «страх заразиться вседозволенностью»⁹³. Рецензент признала спектакль удачным, несмотря на прохладное отношение зрителей к нему во время гастролей на сцене театра Вахтангова осенью 1994 г.

Гамлетовское начало вновь заявило о себе в спектакле Московского театра «На Покровке» в 1996 г. (реж. С. Арцибашев, Подколесин — И. Костолевский, Фекла Ивановна — И. Ульянова, Кочкарев — М. Филиппов, Агафья Тихоновна — Е. Стародуб). Бегство Подколесина здесь объясняется желанием прервать череду безнадежно однообразных, сонных дней и попасть в настоящую жизнь — «в зазеркалье»⁹⁴. Кочкарев, злой гений, лукавый искуситель, с «почти бесовскими глазищами», в интонациях которого так и ощущается гоголевская ирония, смущает Агафью Тихоновну, заставляет воспринимать «банальное сватовство» почти как «вселенское событие». Символом спектакля становится зеркало. Именно в него смотрится Агафья Тихоновна при первом своем выходе, именно в зеркале видит она лицо Кочкарева, обольщающего ее рассказом о Подколесине. В финале Подколесин не прыгает в окно, он уходит через зеркало — в зазеркалье. Возможно, по мнению рецензента, там герой найдет ответ, обретет самого себя, а может быть, смена пространства и мира значит не более, чем «смена фрака и шляпы», и ничего в его жизни не изменится...⁹⁵

⁹² *Игнатюк О.* «Дом есть, но не про вашу честь» // Вечерняя Москва. 1993. 28 июня. С. 3.

⁹³ *Пиникина О.* «На долгий, долгий миг тебе я буду верным...» // Театральная жизнь. 1995. № 5–6. С. 19–20.

⁹⁴ *Фридриштин Ю.* «Женитьба» в «зазеркалье» // Театральная жизнь. 1996. № 8. С. 33.

⁹⁵ Там же.

В 2000 г. С. Арцибашев перенес этот спектакль на большую сцену — в Театр им. Вл. Маяковского. А в 2002 г., уже став главным режиссером этого театра, он показал новую версию «Женитьбы» (Подколесин — И. Костолевский, Кочкарев — М. Филиппов, Агафья Тихоновна — Е. Симонова). Предвидя упреки в легком пути и самоповторе, режиссер сказал в интервью газете «Московская правда»: «В одних и тех же мизансценах общее решение, новые актеры сообщают спектаклю иную <...> внутреннюю жизнь»⁹⁶. Мнения критиков о спектакле разделились. Одобряя спектакль, К. Щербаков пишет, что темой постановки стали несбывшаяся любовь и невоплотившаяся дружба нелепых, но славных людей, которые никак не могут найти родственную душу⁹⁷. Напротив, М. Львова сочла спектакль пустым и чисто развлекательным: «Нескончаемые <...> романтические пляски если и несли когда-то концептуальный смысл, то сейчас имеют грубое утилитарное значение»⁹⁸.

Эффектное начало — дымовая завеса, предвещающая действие и выход актеров на сцену — не оправдало себя в постановке А. Галибина в петербургском Александринском театре (1999). В центре сцены сооружена была «монстрообразная конструкция из дверей, лестниц, переходов, будто спрессованных мусоровозом», она неожиданно начинала вращаться, раскрывая свои составные части, распадаясь, исчезая, как исчезает, тая, «серая безобразная свечка»⁹⁹. Эта сама по себе интересная находка, как полагает рецензент, не стала символом и не раскрыла содержания спектакля. Автоматизм и машинерия не помогли постижению характеров. Напротив, они привнесли в атмосферу спектакля стереотипность, готовность служить «как для Гоголя, так и для примитивного эстрадного шоу»¹⁰⁰.

Гоголевское пожелание общей завязки действия, которое закручивается и разворачивается как бы само собой, без внешнего толчка и усилия со стороны автора, воплотил в «Женитьбе» Государственный экспериментальный театр г. Тольятти «Колесо» (1998 г., реж. — Г. Дроздов). Режиссер построил на сцене макет Дворцовой площади. Северная столица предстала перед зрителем вселенским градом, средоточием мира, герои спектакля — маленькими, одинокими людьми. Судя по впечатлению рецензента,

⁹⁶ Балашова Н. Еще не премьера, но... // Московская правда. 2002. 4 июля. С. 8.

⁹⁷ Щербаков К. Надежды ушли, друзья нет. «Женитьба» в театре им. Вл. Маяковского // Культура. 2002. 11–18 сент. С. 7.

⁹⁸ Львова М. Третья свежесть. «Женитьба» Николая Гоголя. Реж. Сергей Арцибашев. Театр им. Маяковского // Вечерний клуб. 2002. 18 июля. С. 23. Аналогичное мнение высказали и другие критики: Ямпольская Е. Молчи, дежа вю, молчи... // Новые известия. 2002. 17 июля. С. 6; Филиппов А. «Женитьба» всмятку // Известия. 2002. 9 июля. С. 9.

⁹⁹ Кречетова Р. Конфедеранты // Театральная жизнь. 1999. № 1. С. 4.

¹⁰⁰ Там же.

обстановка спектакля воспринимается как угрожающая: случайность, неуправляемость жизни и в то же время ее заданность, предсказуемость создают общую атмосферу страха, в которой «завязывается конфликт между желаемым и возможным»¹⁰¹. Каждый из героев спектакля осознает несбыточность своих грез — и каждый в какой-то момент верит, что мечта осуществится. Подколесин и Агафья Тихоновна расстанутся в конце концов не из-за своих различий, а из-за своей тождественности, поскольку «две столь параллельные натуры никогда не сойдутся и никогда друг друга не забудут»¹⁰². Осознавая полемичность «пугающих, космических идей» спектакля (ведь гоголевские герои думают о земном, близком, их не волнуют ни проблемы мироздания, ни дальнейшие перспективы империи), рецензент все же считает их интересными и современными. Злободневность спектаклю придала попытка политического шаржирования персонажей. Так, Яичница (артист Князев) был «уморительно схож статью с Виктором Степановичем, а бровями с Леонидом Ильичем»¹⁰³.

В декабре 1998 г. на Пятом фестивале театров-студий и новых театров «Рождественский парад» был показан спектакль Белого театра (г. Москва, реж. Роман Смирнов) со слитным названием «Женитьба Гоголя» и уточнением «Игра без антракта». В постановке все роли были сыграны двумя актерами — Валерием Кухарешиним и Мариной Солопиенко. Режиссер намеренно вышел за пределы гоголевского текста, начав спектакль с того, что Герой (Подколесин) снимает комнату у некой закутанной в черное женщины (монашки, или просто старухи, или той самой свахи, которая будет сватать его к Агафье Тихоновне?). «Оставшись один, — пишет рецензент, — он как-то странновато задумывается и начинает игру, которую явно подсказывает ему собственное воображение <...> Перед нами чередую проходят все женихи... оказывающиеся то ли разными ипостасями Подколесина, то ли плодом его большого воображения»¹⁰⁴. Хозяйка преобразается в невесту, и в то же время в ней невольно угадывается «Парка, ткущая нить жизни»: «додумав» в «Женитьбе» столь важные для Гоголя мотив двойничества и мотив судьбы, постановщики, по мнению критика, выявили вневременной, философский пласт пьесы. Такой подход, разумеется, мог бы вызывать серьезные возражения, если бы не блистательная самоирония. Актеры играли не только гоголевских двойников, но и «разные ипостаси

¹⁰¹ *Иняхин А.* Разница во времени // *Театральная жизнь.* 1999. № 2. С. 14.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 19. В сентябре 1996 г. спектакль с успехом был показан на сцене Техасского христианского университета (отклики см.: В зеркале зарубежной прессы // *Театральная жизнь.* 1999. № 2. С. 29).

¹⁰⁴ *Ефремова Е.* Судьбы «новых театров» // *Театральная жизнь.* 1999. № 3. С. 11–14.

Автора — то ли самого Гоголя, то ли Режиссера. Автора, который из собственного сознания создает сумрачную и неприглядную, хрупкую и тонкую ткань жизни своих героев»¹⁰⁵.

Новые интерпретации гоголевской комедии связаны, как правило, с неожиданным раскрытием иерархии ценностей героев, столкновением физического, телесного, видимого и неощутимого, нравственного, духовного. Комедийный мир необычайно расширяет возможности постановщиков, прочтение оказывается, как замечает Ю.В. Манн, едва ли не бесконечным¹⁰⁶. И все же определенные сдерживающие рамки существуют. И Подколесин, и Агафья Тихоновна то прельщаются идеей женитьбы (замужества), то тяготеют, мучаются ею. Абстрактная идея возвышает их над собой, внушает уважение. Но как только абстракция приобретает конкретные черты — Агафьи Тихоновны (для Подколесина) и Подколесина (для Агафьи Тихоновны), то идея перемены судьбы, совместной жизни с другим превращается в страдание, почти в муку, от которой и сбегает Подколесин. Можно рассматривать это бегство как бегство от предопределенности, как преодоление заранее заданной и написанной судьбы. Но само по себе «мученичество», «страдание» героев от конкретизации абстрактного действия не отражает ли невольно страдания и мученичества самого Гоголя, которого целиком поглощало творчество? Пожалуй, в развязке пьесы можно увидеть даже нечто мистическое. В самом деле, действие разворачивается симметрично. В начале комедии мы видим зеркало, предмет одновременно бытовой и мистический, причем зеркало разбивается¹⁰⁷. В конце же Подколесин выпрыгивает в окно (которое также обладает свойством отражения, хотя и меньшим, чем зеркало). Разбитое зеркало впускает в пространство комедии неведомую и невидимую мистическую силу¹⁰⁸. И эта-то сила помогает Подколесину, придает ему решительности на «избавление» от «муки» — он бежит от женитьбы.

Но не так ли и Гоголь, с его героями, каждого из которых он считал воплощением части своей собственной души, своего порока, не совладал с вызванной им силой и «выпрыгнул» в конце концов в «Выбранные места из переписки с друзьями»? Независимо от оценки этой книги, от представления о ее роли, понятно, что это переход от социального, от критического реализма к высшей задаче — исправлению человеческой души. «Выбранные места», вероятно, должны были уяснить и для самого Гоголя, и для читателей

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Манн 2007. С. 384.

¹⁰⁷ О роли зеркала в драматургии Гоголя см. подробнее: Манн 2007. С. 389–391.

¹⁰⁸ Благодарю Е.В. Грекову за указание на параллелизм этих сцен. Мистическое влияние этого параллелизма рассматривается в кн.: Грекова Е.В. Слово, тронутое печалью (в печати).

подходы к решению этой первоочередной для писателя задачи. Он как бы переходил в другое измерение творчества. Идеи, воплощенные в «Выбранных местах...», мучили Гоголя давно, когда он писал свои пьесы, в числе прочего и «Женитьбу». По мнению А.А. Блока, миссия Гоголя состояла в попытке содействовать рождению новой России. Вот только эта Россия одновременно — «новая родина», «синяя даль» и «в бреду рождения сняющаяся Россия»¹⁰⁹. Изменило ли мир действительной жизни «ослепительное видение Гоголя»? Нет, все осталось по-прежнему. Видение, «мираж» было, конечно, и прозрением художника, но только мгновенным, не понятым и им самим. На миг разорвалась пелена «мученической жизни» художника, а с нею вместе — «завеса вековых российских буден». В прозрении, в мечте раскрылась новая, незнакомая Россия — Россия будущего¹¹⁰, которое для него (да и для нас) еще не наступило. Подколесин, прыгая в окно, также стремится к мечте и также обманывается. Традиционно предполагается, что он выпрыгнул на улицу, в знакомый безопасный мир. Однако Гоголь делает финал открытым. Вспомним: Кочкарев уверяет, что вернет Подколесина. Зато сваха подчеркивает, что прыжок из окна — поступок окончательный, а жених, сбежавший через окно, уже не вернется. Можно рассматривать эту реплику как намек на то, что Подколесин порвал с прежним миром, что он попадает в иное пространство. С самого начала пьесы он — как Нерешительный — избегает окончательного решения, окончательного поступка — и вдруг совершает его. Неожиданный, противоречащий традиционной сюжетной схеме прыжок Подколесина создает комизм. Но в то же время при расширительном толковании комедии мы чувствуем лирическое напряжение, поэзию. Это тот случай разрушения миражной интриги, поэтического миража, о котором писал еще А. Григорьев: «У поэзии вообще есть великое, только ей данное чутье на различие жизни настоящей от миражей жизни: явления первой она увековечивает, ибо они суть типические, имеют корни и ветви; к миражам она относится и может относиться только комически, да и комического отношения удостоивает она их только тогда, когда они соприкасаются с жизнью действительною. Как может художество, имеющее вечною задачею своею правду, и одну только правду, создавать образы, не имеющие существенного содержания, анализировать такого рода исключительные отношения, которых исключительность есть нечто произвольное, условное, натянутое?...»¹¹¹.

Задачу преодолеть исключительность, по-видимому, и задумал новый постановщик «Женитьбы» в Малом театре — Ю. Соломин. В спектакле 2017 г. (премьера 24 декабря) он показывает торжество

¹⁰⁹ Блок А.А. О литературе. М., 1980. С. 188.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 297.

повседневности, привычного уклада жизни: «Я не пытался ее осовременивать. Потому что ежу ясно, про что написал Гоголь. Никаких особых придумок мы не делали, там все есть в пьесе. Есть в пьесе и отношения между людьми, и отношения между сословиями, там все есть. Когда очень хочется, когда очень страшно...»¹¹². Роль Агафьи Тихоновны исполняет Карина Саханенко (ученица Ю. Соломина по театральному училищу им. Щепкина), Подколесина — Григорий Скрыпкин, который играет традиционного неуклюжего «увальня». Свежий взгляд на комедию выразила исполнительница роли Арины Пантелеймоновны — Людмила Полякова: «Я посмешила всех, потому что я сказала, что знаю концепцию спектакля. Что такое “Женитьба” Гоголя? Сама Агафья Тихоновна — это молодая Россия, и вот эти женихи все, которые предлагают ей свою руку»¹¹³. Традиционно-бытовое неожиданно соприкасается здесь с романтическим прочтением пьесы в постановках А. Эфроса. Приживется ли такая интерпретация или это лишь случайная ассоциация исполнительницы, покажет дальнейшая история спектакля. «Женитьба» продолжает отбрасывать многоцветные тени...

¹¹² В Малом театре появилась «Женитьба» // Телеканал «Россия-Культура». Новости культуры. Эфир от 26.12.2017 (23.05). URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/209385.

¹¹³ Там же.

«СЛОГОВЫЕ ХОДЫ ГОГОЛЯ» В «ДВОЙНИКЕ» ДОСТОЕВСКОГО:

анонимное цитирование как составляющая
повествовательного кода

Повесть Достоевского «Двойник» считается наиболее гоголевской по стилю и сюжетике. От прижизненной критики и до современных исследований в поле зрения попадают в основном четыре произведения Гоголя: «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего» и «Мертвые души»¹. В качестве базовой сопоставительной работы следует назвать статью В.В. Виноградова, опубликованную в 1922 г.² «Реестр» стилистических сопоставлений, классификация общих с Гоголем приемов фразового построения представлены исследователем в «анатомо-морфологической» методологии ОПОЯЗА, где впервые и был прочитан доклад, легший в основу статьи³. Формальная школа, и в лингвистическом, и в теоретическом планах, положила начало научному исследованию языковой игры Гоголя и ее развитию у Достоевского. Схожий ракурс относительно повествовательной манеры Гоголя — стилистические параллели, вариации — устанавливается в известных работах Б.М. Эйхенбаума «Как

¹ Внушительный объем исследований по теме «ранний Достоевский и Гоголь в аспекте влияния» не позволяет представить его здесь сколько-нибудь полно; ограничимся ссылкой на обстоятельные и концептуальные обзоры В.А. Викторovichа и О.Г. Дилакторской. См.: *Викторovich В.А.* Гоголь в творческом сознании Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 216–218; *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. Обширный библиографический список работ, включающих как прижизненную критику, так и исследования конца XIX — начала XX вв. см. в комментарии А.П. Чудакова к статье Ю.Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)»: *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 486–487.

² *Виноградов В.В.* Стиль петербургской поэмы «Двойник» (Опыт лингвистического анализа) // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I. Пг., 1922. С. 211–256.

³ В комментарии к статье Виноградова «К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы “Двойник”)» А.П. Чудаков отмечает, что, говоря о системности как методе выявления гоголевского материала, Виноградов понимает под системой «соотношение элементов, находящихся в одной плоскости». «Система» методологически противопоставляется им структуре как «объемному образованию» («уровневому» в позднейшей терминологии) (*Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 491).

сделана «Шинель» Гоголя» (1919) и Ю.Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), в близкой манере рассматривает «игру в Гоголя» в «Двойнике» А. Белый⁴.

«Тотальный» характер влияния Гоголя на раннего Достоевского давно признан филологической аксиомой. Показателен научный ареал современного понятия «гоголевский текст» русской литературы, в частности, «гоголевский текст» Достоевского⁵. Понятие «гоголевский текст» сформировалось, с одной стороны, с помощью аккумуляции понятий «гоголевская школа», «гоголевская традиция», «гоголевский мир», «гоголевский материал», с другой — по аналогии с понятием *сверхтекст*⁶. Соответственно интерпретационный код сверхтекста определяет и задает «стратегию выстраивания и восприятия элементов», находящихся «в пределах устойчивого художественного поля»⁷. «Гоголевский текст» рассматривается как единая художественная система, как основа поэтики, в частности, сюжетики, раннего Достоевского, где «Двойник» является едва ли не главным произведением⁸.

⁴ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 304. Как известно, концепция художественного языка Гоголя развивалась А. Белым намного раньше выхода книги. В издании 1934 г. Белый использует примеры В.В. Виноградова в качестве перечня стилевых соответствий, дополняя их своими наблюдениями.

⁵ Константинова Н.В. «Гоголевский текст» в ранних произведениях Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

⁶ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003.

⁷ Меднис Н.Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск, 2003. С. 130.

⁸ В качестве знаковых сюжетных ситуаций и мотивов, то есть «общих мест», позволяющих идентифицировать сюжет «Двойника» как чиновничий, причем в гоголевском изводе, следует назвать *поиск места, боязнь потерять место, идея чина, ошибка как провинность, любовь чиновника к дочери начальника, неудачное сватовство, поражение бедного чиновника в неравной борьбе за руку и сердце любимой девушки с более состоятельным соперником, козни недоброжелателей, безумие*. Другими словами, перед нами значительная часть сюжетного репертуара, инкорпорированного в единый сюжет «Двойника». На первый взгляд, сюжетная структура повести отсылает нас не столько к повестям Гоголя, сколько к чиновничьей повести как таковой. Как давно выявлено, уже гоголевская «Шинель» аккумулировала едва ли не весь мотивный репертуар чиновничьей повести, то же можно сказать и о других гоголевских повестях (см.: Цейтлин А.Г. Повести о бедном чиновнике Достоевского: (К истории одного сюжета). М., 1923). Как это ни парадоксально (в плане хронологической инверсии), но гоголевская сюжетная матрица стала восприниматься как инвариант, относительно которого все остальные разработки воспринимались как варианты. В «чиновничьей» сюжетной матрице Гоголя был заложен большой потенциал сюжетогенных возможностей, связанных с комбинаторикой сюжетных ситуаций и мотивов. К одному из видов комбинаторики следует отнести додумывание «пропущенных мест», или развитие «пропущенных идей» (Бем А.Л. У истоков творчества Достоевского. Грибоедов. Пушкин. Гоголь.

Следует указать на особый характер связи Достоевского с Гоголем, отмеченный сразу после выхода повести. Как в отрицательном (неудачное заимствование), так и в положительном (творческое отталкивание) смыслах, суть этой связи, по замечанию О.Г. Дилакторской, обобщившей отзывы современников, состоит в *вызывающе открытом* взаимодействии «Двойника» с произведениями Гоголя⁹. Может быть, наиболее точно передал впечатление современников К.С. Аксаков, рассуждая о еще большем, нежели в «Бедных людях», проявлении гоголевского «присутствия» во втором произведении Достоевского, повести «Двойник»: «...в ней г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя, подражает часто до такой степени, что это выходит уже не подражание, а заимствование. — Мы даже просто не понимаем, как могла явиться эта повесть. Вся Россия знает Гоголя, знает его чуть не наизусть; — и тут, перед лицом всех, г. Достоевский переименует и целиком повторяет фразы Гоголя. <...> Г. Достоевский из лоскутков блестящей одежды художника сшил себе платье и явился храбро перед публикой»¹⁰. Словом, начинающий писатель в определенном смысле воплотил мечту гоголевской невесты: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...» (Ж. V, 37)¹¹. А. Белый, словно повторяя метафору К.С. Аксакова, закрепил «лоскутность» как принцип устройства художественного языка раннего Достоевского. Резюмируя, можно без большого преувеличения сказать, что повесть Достоевского, напоминающая «лоскутное одеяло, сшитое из сюжетных, жестовых и слоговых ходов Гоголя»¹², в последующей исследовательской судьбе была подвергнута обратной процедуре: ее многократно «распарывали» на различные гоголевские «лоскуты» и каждый подвергали тщательному анализу. Все исследователи, кроме В.В. Виноградова¹³, решавшего лингвистическую задачу, задава-

Толстой и Достоевский. Прага, 1936; Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 35–57).

⁹ Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. С. 188.

¹⁰ <Аксаков К.С.> Три критические статьи господина Имярек. III. Петербургский сборник, изданный Некрасовым // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. Отд. критики. С. 34.

¹¹ Здесь и далее при ссылках на произведения Гоголя используются следующие сокращения: Ж — «Женитьба», МД — «Мертвые души», Н — «Нос», Ш — «Шинель».

¹² Белый А. Мастерство Гоголя. С. 304.

¹³ «Стиль “Двойника” в предлагаемом исследовании, — отмечает В.В. Виноградов в сноске к статье, — описывается мною только в проекционной плоскости. Я рассматриваю “Двойник” как окаменелый памятник прошлой жизни литературного языка и стараюсь пояснить лишь его внешнюю, грамматическую, так

лись вопросом о функциональном назначении этой игры в Гоголя. Опираясь на существующую базу наблюдений относительно «параллельных мест» и отчасти дополняя наблюдения (странным образом «реестр» до сих пор нельзя назвать исчерпывающим), рассмотрим повесть с точки зрения формирования повествовательной манеры Достоевского, в метафоре А. Белого — технику «сшивания» гоголевских «лоскутов».

Выработка «слога», как известно, становится центральной задачей писателя в 1840-е годы. «Двойник» следует сразу за «Бедными людьми», произведением, в котором вырабатывается не только «слог» Макара Девушкина, но и «слог» автора¹⁴. С этой точки зрения рефлексивное обращение Достоевского к произведениям Гоголя, в каких бы направлениях оно ни проявлялось, стилистических или сюжетных, может быть рассмотрено в плане самопредъявления автора через повествовательную структуру. Ее отличительной особенностью является тотальное «растворение» героя, его способа мыслить и говорить, в повествовательном слое рассказчика. В терминологии Б. Успенского, точки зрения¹⁵ автора, повествователя, героя в планах идеологии, психологии, фразеологии, пространственно-временного континуума в пределе стремятся к полному слиянию. Фигура повествователя формируется как фигура скриптора: в центре «гоголевского текста», созданного Достоевским, находится пишущий персонаж. «Шинель» и «Записки сумасшедшего» в поэтике раннего Достоевского — это два зеркально взаимообращенных текста. На гоголевской шкале герой и повествователь «Двойника» располагаются между Башмачкиным-переписчиком и Поприциным-сочинителем. Но ведь и Башмачкин является своего рода сочинителем, а Поприцин — переписчиком. Копирование, переписывание, подражание, сочинительство как проявления повествовательной авторской проекции выражаются в «Двойнике» не только в форме сюжетных и персонажных «реплик», но и в форме активного внедрения в повествование незакавыченных цитат различных произведений Гоголя — от крупных блоков, до микроскопических

сказать, структуру» (Виноградов В.В. К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. С. 101; курсив автора).

¹⁴ Чрезвычайно интересными представляются наблюдения С.Г. Бочарова, формирующего зону наблюдения за возникновением авторского «слога» в «Бедных людях» на тонкой вибрирующей границе, разделяющей автора и героя (Бочаров С.Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 161–211).

¹⁵ Подразумевается точка зрения, с которой ведется повествование (Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 9). В нарративном смысле в качестве условного аналога можно рассматривать *повествовательную инстанцию* как близкую номинацию.

вставок, от слегка искаженных до существенно «дополненных» конструкций.

Как выглядит повествование с этой точки зрения? По нашим наблюдениям, фрагменты гоголевских текстов являются конституирующими по отношению к модели повествования. Повествователь производит своего рода «перезапись» Гоголя. Еще по поводу «Бедных людей» Достоевский писал: «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал»¹⁶. Самое убедительное опровержение содержится уже в самом слове «рожа» — характерном слове гоголевского словаря, как точно было замечено С.Г. Бочаровым¹⁷. То, что обычно приписывается автору, является сферой его «компетенции» при использовании чужого текста (цитирование, стилизация, заимствование, пародирование, аллюзия), по сути дела равно реализуется в рефлексивной сфере повествователя и героя. Сфере, как уже говорилось, где трудно различить точки зрения и по составу, и по функции. Сфера самосознания героя, в бахтинском смысле, растворяющая весь доступный автору материал, особым образом определяет характер взаимодействия автора и героя, также героя и повествователя, чьи зоны проявления тоже совмещены. В бахтинской концепции это означало бы размещение в кругозоре героя кругозора повествователя, но главное — наделение их кругозором автора.

Значит ли это, что только в сфере повествователя и героя автор может быть обнаружен? И да и нет. Да, потому что он по определению не может миновать ее. Нет, потому что авторская сфера, тоже по определению, шире сферы героя и повествователя в структурном и смысловом планах. Своего рода эстетический парадокс Ахиллеса и черепахи.

Только в отдельных случаях сферы героя и повествователя отчетливо отграничены. Наиболее показательно начало четвертой главы «Двойника», описание званого обеда. Близкое по характеру к авторским «отступлениям» Гоголя в «Мертвых душах», оно существенно отличается в повествовательном отношении от манеры, в которой написана большая часть повести. Повествователь в первый и последний раз обнаруживает свое присутствие явным риторическим образом, при этом заявляет о себе как об авторе. Это единственное место, где много его прямых обращений к читателю, своего рода признаний в авторском бессилии:

«О, если бы я был поэт! — разумеется, по крайней мере такой, как Гомер или Пушкин; с меньшим талантом соваться нельзя <...> я бы беспрерывно изобразил вам <...> я бы начал свою поэму»; «...о!

¹⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 469. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках арабскими цифрами — том и страница.

¹⁷ Бочаров С.Г. Переход от Гоголя к Достоевскому. С. 198.

для чего я не обладаю тайною слога высокого, сильного...»; «Да и как, спрошу я, как могу я, *скромный повествователь*¹⁸ <...> как могу я изобразить...»; «Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличного изображения бала»; «На всё это, как уже выше имел я честь объяснить вам, о читатели! недостает пера моего, и потому я молчу» (1, 128–130).

Именно тотальная и гипертрофированная, на грани пародии, стилизация создает впечатление «аграмматичности» текста. Здесь ощущается явное нарушение меры, своего рода показательный крен общего повествовательного стиля. Самообнаружение и самопредъявление повествователя демонстрируют непосредственность и простодушие его как автора рассказа о злоключениях героя. Скажем, во фразе по поводу гостей, собравшихся в день рождения Клары Олсуфьевны, — «Я изобразил бы вам гостей и счастливых родителей царицы праздника, поднявших тоже свои бокалы вслед за Андреем Филипповичем и *устремивших на него полные ожидания очи*» (1, 129) — легко узнается усеченная и слегка искаженная цитата из «Мертвых душ» — «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, *что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?*...» (МД. VI, 221). Повествователь, что очевидно, не имеет намерений пародировать пафос Гоголя, он «подбирает» фрагмент, подходящий по лирическому регистру и выражает свое, а вместе с тем и общее, эмоциональное состояние. Здесь по сути та же грань простодушия, что и у Макара Девушкина¹⁹, но вместе с тем повышенный градус авторского самоуничижения свидетельствует и о поприщенско-голядкинском потенциале самолюбия, вовсе не чуждого повествователю. А вот далее, и это гораздо существеннее для понимания повествовательного хода, он буквально не может остановиться, варьируя до абсурдности эти самые «очи», дополняя их разнообразными определениями: «... укажу вам на <...> племянника Андрея Филипповича, <...> на которого устремлены *слезящиеся очи* родителей царицы праздника, *гордые очи* Андрея Филипповича, *стыдливые очи* самой царицы праздника, *восторженные очи* гостей и даже *прилично завистливые очи* некоторых молодых сослуживцев этого блестящего юноши» (1, 129). Позже, в XIII главе, появится сходная и вполне опознаваемая гибридная конструкция с грамматическим перераспределением носителей цитаты: «*устремивших на него полные ожидания очи*» (1, 129) — «...оба торжественно свели

¹⁸ Здесь и везде курсив мой, кроме специально оговоренных случаев.

¹⁹ Как, например, в наивном признании списывания: «А вот теперь весна, так и мысли всё такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; всё в розовом цвете. Я к тому и написал это все; а впрочем, я это все взял из книжки. Там сочинитель обнаруживает такое же желание в стихках и пишет — Зачем я не птица, не хищная птица! — Ну и т. д.» (1, 14).

двух совершенно подобных среди обставшей их кругом и *устремившейся в ожидании толпы*» (1, 227).

Еще раз вернемся к исходному фрагменту. Предшествующий сегмент этой гоголевской фразы — «что ни есть» — здесь опущен («...и зачем всё, *что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?*...» — «...устремивших на него полные ожидания очи»), зато он многократно варьируется чуть позже, в самом драматичном для Голядкина эпизоде, где ему все-таки удастся проникнуть в залу на именины Клары Олсуфьевны. В этом случае повествователь транслирует восприятие героя, в зрительной картине которого гости сливаются в одно целое²⁰. Мы видим чередование двух конструкций — *что ни есть*; *всё, что ни есть*, — частотных у Гоголя в «Мертвых душах», при этом используется еще дополнительная, усеченная, со словом «всё» по аналогии с двумя первыми. Сравним:

В «Мертвых душах»: «Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте <...> позабыв и себя, и службу, и мир, и *всё, что ни есть в мире*» (МД. VI, 92); «*Всё, что ни есть ненужного*, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!» (МД. VI, 98); «Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и *всего, что ни есть на свете*» (МД. VI, 170–171); «Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что *всё, что ни есть* в печатной книге, уже кажется им личностью: таково уж, видно, расположение в воздухе» (МД. VI, 179); «...летит мимо *всё, что ни есть на земли*, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (МД. VI, 247). Как видно, эта конструкция как таковая не прикреплена к какому-то одному эмоционально-стилевому регистру²¹.

В «Двойнике»: «*Всё, что ходило, шумело, говорило, смеялось*, вдруг, как бы по мановению какому, *затихло* и мало-помалу *столпилось* около господина Голядкина» (1, 133); «*Всё стояло, всё молчало, всё выждало*; немного подальше *зашептало*; немного по-

²⁰ В рассказе «Поцелуй» Чехов вводит физиологическое описание состояния героя, также переживающего большое волнение: «Лица, платья, граненые графинчики с коньяком, пар от стаканов, лепные карнизы — всё это сливалось в одно общее, громадное впечатление, вселявшее в Рябовича тревогу и желание спрятать свою голову. Подобно ттецу, впервые выступающему перед публикой, он видел всё, что было у него перед глазами, но видимое как-то плохо понималось (у физиологов такое состояние, когда субъект видит, но не понимает, называется “психической слепотой”）」 (Чехов А.П. Собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 6. М., 1985. С. 409).

²¹ Единично Гоголь использует такие конструкции и в других произведениях. Например: «Дорогою он подумал: “если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что всё, что ни есть, сидит на своем месте”» (Н. III, 74); «Через несколько минут всё засуетилось» (ЗС. III, 208).

ближе захохотало» (1, 134); «*Всё, что ни было в зале, все так и устремились на него взором и слухом в каком-то торжественном ожидании*» (здесь аграмматичность особенно показательна в контексте совмещения разных гоголевских конструкций в пределах одной фразы) (1, 136); «...*всё, что ни было в зале, заволновалось, как море...*» (1, 136); «*всё заволновалось, замешалось, засуетилось*» (1, 137); «Смятение было ужасное; *всё спрашивало, всё кричало, всё рассуждало*» (1, 137)²².

В.В. Виноградов пишет, что маска *скромного повествователя* (как самоназывание) позволяет Достоевскому «применить способ рисовки, сходный с тем, которым пользовался Гоголь»²³. Можно сказать, что скромный дилетант не только в отмеченном фрагменте, но и на всем повествовательном поле пользуется гоголевским «способом рисовки». «Неумелое» копирование в результате производит обратный эффект, вещь, созданная по признанным литературным «образцам», производит впечатление довольно неуклюжей. К излишней старательности повествователя можно отнести и отмеченный В.В. Виноградовым, по аналогии с Гоголем, прием точной и детальной регистрации мельчайших движений²⁴. Исследователь указывает на чрезмерную увлеченность детализацией и следование этому принципу на протяжении всей повести, в то время как Гоголь

²² В последней, XIII главе, в эпизоде, где Голядкин снова оказывается в зале дома Олсуфия Ивановича, но уже против своей воли, использованы те же конструкции: «... *всё это теснилось около господина Голядкина, всё это стремилось к господину Голядкину*» (1, 225); «*Всё заволновалось, всё зашумело, все ринулись к дверям первой залы*» (1, 226); «*Всё затихло и присмирело, все наблюдали торжественное молчание...*» (1, 227) (с тем же совмещением *всё и все*); «*Все, кто ни были в комнате, все уселись...*» (1, 226).

²³ Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. С. 106.

²⁴ «Например, у Гоголя во второй главе повести “Нос”: “Коллежский ассессор Ковалев проснулся... и *сделал губами “брр...”*, что всегда он делал, когда просыпался... Ковалев *потянулся, приказал себе подать небольшое*, стоящее на столе зеркало. Он *хотел взглянуть на прыщик...* но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! *Испугавшись...* велел *подать воды и протер полотенцем глаза...* Он начал *цупать рукою...* вскочил с кровати, *встряхнулся...* велел *тотчас подать себе одеться и полетел...*”. С той же отчетливой подробностью воспроизводятся и действия Голядкина: “Голядкин очнулся... *зевнул, потянулся и открыл, наконец, совершенно глаза свои. Минуты с две, впрочем, лежал он неподвижно...* Господин Голядкин *судорожно закрыл глаза...* через минуту он одним скачком выпрыгнул из постели... *тотчас же подбежал...* к зеркальцу... *поставил зеркало на прежнее место, а сам... побежал к окошку и... начал что-то отыскивать глазами...* Потом, *заглянув сначала за перегородку... на цыпочках подошел к столу, отпер в нем один ящик, пошарил... вынул, наконец... бумажник, открыл... и с наслаждением заглянул...*» (Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. С. 106–107; курсив автора).

легко отклоняется от этого приема и не придерживается его с такой неуклонной последовательностью. Другими словами, мы видим один из многочисленных приемов чрезмерной старательности ученика, воспроизводящего образец с абсурдной избыточностью²⁵. Отсюда и возникает ощущение неуклюжести «слога», бесконечные повторы, в которых Достоевского часто упрекали.

Надо отметить одно парадоксальное свойство письма, объединяющее автора с повествователем и героем. Письма, составленного из цитат гоголевских текстов, нигде не выделенных графически, которые к тому же часто искажаются, что и создает эффект простодушного переписывания «по памяти». Свойство особенно интересно в аспекте авторского самопредъявления: гоголевский текст со всеми его стиливыми фигурами, тщательно классифицированными В.В. Виноградовым, искаженными и не очень цитатами, стиливыми параллелями и прочим, именно «по памяти» и возникал в сознании Достоевского-автора по ходу сочинительства (вспомним аксаковское «Вся Россия знает Гоголя, знает его чуть не наизусть»). Какая бы пропасть ни разделяла автора и его повествователя, ход воспроизведения «гоголевского текста» здесь совпадает. И вот именно это совпадение «техники письма» особенно примечательно. Вряд ли мы можем представить себе Достоевского, обложенного книгами Гоголя. В этом, уже литературоведческом, смысле Гоголь в буквальном смысле генерировал повествовательную форму, созданную Достоевским.

Следует оговорить, что в ряде случаев повествователь, который по видимости привычно следует избранной тактике заимствования и повтора, производит некоторые смещения и делает при повторах замены гоголевских словесных деталей вовсе не так буквально, как может показаться.

Рассмотрим подробнее детализацию, связанную с обрисовкой фигуры доктора медицины и хирургии, Крестьяна Ивановича Рутеншица. Его сближает с доктором майора Ковалева общая статья, основательность, но главное — бакенбарды. Сравним.

В «Носе»: «Он кликнул Ивана и послал его за *доктором*, который занимал в том же самом доме лучшую квартиру в бельэтаже. Доктор этот был видный из себя мужчина, *имел прекрасные смолистые бакенбарды*, свежую, здоровую докторшу» (Н. III, 68).

В «Двойнике» портрет доктора повторяется несколько раз, он переходит из зоны повествователя в зону восприятия героя и при этом каждый раз в нем происходят заметные перемены с сохранением детали «бакенбарды»:

²⁵ К примеру: «Так и вышло — запнулся и завяз... завяз и покраснел; покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом; обвёл из кругом и — и обмер...» (1, 134–135).

1. Первый визит: «Доктор медицины и хирургии, Крестьян Иванович Рутеншиц, весьма здоровый, хотя уже и *пожилой человек, одаренный густыми седеющими бровями и бакенбардами, выразительным, сверкающим взглядом*, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни, и, наконец, *значительным орденом*, сидел в это утро у себя в кабинете, в покойных креслах своих, пил кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, *курил сигару* и прописывал от времени до времени рецепты своим пациентам» (1, 114).

2. Голядкин не вполне узнает доктора, оказавшись среди гостей в кабинете его превосходительства: «...лицо было как будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, *лет пожилых, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами и выразительным, резким взглядом. На шее незнакомца был орден, а во рту сигарка*» (1, 216); «Тут генерал *взглянул на незнакомца с густыми бакенбардами*. Тот, в знак согласия, кивнул головою» (там же).

3. В XIII главе, у Олсуфы Ивановича: «Незнакомец был высокий, плотный человек, в черном фраке, с значительным крестом на шее и *одаренный густыми, весьма черными бакенбардами*; недоставало только сигарки во рту для дальнейшего сходства... Зато взгляд незнакомца, как уже сказано было, оледенил ужасом господина Голядкина» (1, 227).

4. Финальный эпизод, в котором Голядкина увозят «на казенный квартир»: «Вдруг он обмер: два огненные глаза смотрели на него в темноте, и зловещею, адскою радостью блестели эти два глаза. Это не Крестьян Иванович! Кто это? Или это он? Он! Это Крестьян Иванович, но только не прежний, это другой Крестьян Иванович! Это ужасный Крестьян Иванович!..» (1, 229).

Дьявольская природа доктора не вызывает сомнений, в этом смысле он находится в одной немецкой компании с «ведьмой» Каролиной Ивановной. В череде портретов очевидно усиление выразительности взгляда — от резкого до зловещего и адского²⁶. Мы же хотели обратить внимание на гоголевскую деталь — бакенбарды. Бакенбарды упоминаются неизменно, но с усилением дьявольского в облике они изменяют цвет — сначала седеющие, а потом «весьма черные», то есть «смоляные», как у доктора майора Ковалева. Кратное обыгрывание гоголевской детали в этом случае нельзя отнести к тому же типу повтора, о котором шла речь выше.

Как уже отмечалось, гоголевские фрагменты в равной степени размещаются в повествовательных зонах и героя, и рассказчика.

²⁶ О.Г. Дилакторская, обращая внимание на эпизод визита Голядкина к Крестьяну Ивановичу, отмечает, в частности, что источником такой детали, как сигара у доктора, могли быть лубочные картинки, на которых дьявол часто изображался с сигаркой (*Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского*. С. 230).

Выделим случай, когда повествование, оставаясь по виду однородным, позволяет разделить/расслоить взгляд рассказчика на героя и взгляд героя на самого себя за счет использования разных фрагментов гоголевских текстов, одновременно (в рамках одного описания) отсылающих нас и к Башмачкину, и к Ковалеву. Рассмотрим эпизод повести, где Голядкин, проснувшись, смотрится в зеркало²⁷. Незаказанная цитата балансирует на грани аллюзии: она эксплицирована, но не буквальна, отсылает к гоголевскому тексту, но не передает его дословно, текст деформируется за счет перефразировки. Внешность Голядкина отчасти срисована повествователем с Башмачкина, но зеркало, поставленное между ними, дает некоторое искажение.

В «Двойнике»: «Хотя отразившаяся в зеркале заспанная, *подслеповатая и довольно оплешивевшая фигура* была именно такого *незначительного свойства*, что с первого взгляда не останавливала на себе решительно ничего исключительного внимания, но, по видимому, обладатель ее остался совершенно доволен всем тем, что увидел в зеркале» (1, 109–110).

Изображение, отсылающее к внешности Башмачкина, воспроизводится повествователем, герой явно не воспринимает себя ничтожным и остается довольным тем, что увидел.

Сравним у Гоголя: «...чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на-вид *подслеповат, с небольшой лысиной на лбу*, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморoidalным...» (Ш. III, 141).

При этом часть фразы — *фигура была именно такого незначительного свойства* — отсылает к другому фрагменту «Шинели», где обыгрывается выражение *значительное* — *незначительное лицо*: «Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное» (Ш. III, 164; курсив автора. — Т.П.).

А вот второй литературный двойник обнаруживается во внутренней речи Голядкина, где вполне очевидны маркеры другого героя: «“Вот бы штука была, — сказал господин Голядкин вполголоса, — вот бы штука была, если б я сегодня манкировал в чем-нибудь, если б вышло, например, что-нибудь не так, — *прыщик там какой-нибудь вскочил посторонний* или произошла бы другая какая-нибудь неприятность; впрочем, покамест недурно; покамест всё

²⁷ О повторе движений и действий как основе композиции эпизодов в «Носе» и «Двойнике» (пробуждение героя) см. сноску 24.

идет хорошо»» (1, 109–110) — «Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое, стоявшее на столе, зеркало. Он хотел взглянуть на *прыщик*, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу» (Н. III, 52)²⁸.

Повествователь оперирует всем массивом прозы Гоголя, при этом фактура повествования почти нигде не деформируется, «стыков» и «швов» не ощущается. Единицы незакавыченного цитирования часто настолько минимальны, что не могут обеспечить фразового или даже минимально синтагматического тождества. Но и при ничтожно малом объеме исходная цитата слегка искажается за счет инверсии, замены того или иного слова, добавления. Вот только некоторые примеры: «Я человек простой, незатейливый, и *блеска наружного* нет во мне» (1, 116) — «*Наружного блеска* они не любят (толстые. — Т.П.); на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать божия» (МД. V, 15).

Голядкин после разговора с «известным лицом» в близкой ситуации с гоголевским героем: «...он был вынесен... был так убит, что не помнил, как его посадили в карету (1, 186) — Башмачкин после разговора с его превосходительством: обмер и не мог стоять, *его вынесли* почти без движения» (Ш. III, 167).

То же касается и повтора гоголевских конструкций фразы типа «Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: “*Ах ты, мордашка эдакой!*”, и стал одеваться» (МД. VI, 161) — «*Эх ты, фигурант ты эдакой!* — сказал господин Голядкин, ущипнув себя окоченевшею рукою за окоченевшую щеку, — *дурашка ты эдакой, Голядка ты эдакой,* — фамилия твоя такова!..» (1, 132). Или: «Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, *хотел ему вскочить в глаза*, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклос сказал: “Париж”» (МД. VI, 30) — «Господин Голядкин, который доселе, разговаривая с низу лестницы с Андреем Филипповичем, смотрел так, что, казалось, *готов был ему прыгнуть прямо в глаза*, — видя, что начальник отделения немного смешался, сделал, почти неведомо себе, шаг вперед» (1, 127).

Как и в случае с «очаами», повествователь, зацепившись за какое-нибудь гоголевское слово, начинает использовать его иногда на протяжении всего текста, добавляя различные обрамляющие конфигурации. Так, например, происходит с выражением «семенить нож-

²⁸ В конце прыщик для Ковалева становится свидетельством, теперь желанным, наличия носа, в каком-то смысле удостоверением его самого: «“А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик”, сказал он и между тем думал: “вот беда, как Иван скажет: да нет, судырь, не только прыщика, и самого носа нет!” Но Иван сказал: “ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!”» (Н. III, 73).

ками», которое вводится как характеристика манеры Чичикова и помещается в развернутом косвенном сопоставлении, характерном для Гоголя: «Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, *как говорят, семеня ножками*, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышинными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (МД. VI, 165).

Повествователь «Двойника», уже в единственном числе, снабжает «ножкой» обоих Голядкиных и бесконечно варьирует производимые «ножкой» движения: «лягнул своей коротенькой ножкой»; «пришаркнул по полу ножкой»; «шаркнул ножкой»; «легок на язычок и на ножку»; «потом поднял ножку, потом как-то пришаркнул, потом как-то притопнул, потом споткнулся...»; «лягнет своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочем, дубоватенькой ножкой». Слово же «семенял» как характеристика походки Голядкина-младшего встречается в «Двойнике» совершенно в другом ряду, оно никак не связано с «исходным» выражением Гоголя, слегка изменено и словосочетание *мелким шагом* — *мелким шажком* относительно манеры Чичикова. Речь идет о походке «незнакомца», двойника, впервые увиденного Голядкиным ночью: «Он тоже шел торопливо, тоже, как и господин Голядкин, был одет и укутан с головы до ног и, так же как и он, дробил и *семенял* по тротуару Фонтанки частым, *мелким шажком*, немного с притрусочкой» (1, 140). Как видим, «заимствование» раздробилось и рассредоточилось в разных фразовых конструкциях.

В сходных сюжетных ситуациях дублирование текста никак нельзя отнести за счет приращения смысла или пересемантизации. Это удвоение как таковое, перенос (например, объяснение майора Ковалева с Носом и объяснение Голядкина с двойником или сцена распеkania в «Шинели» и «Двойнике»).

Следует отметить, что таким же образом, но, в отличие от гоголевских текстов, лишь единично, повествователь «поглощает» тексты и других авторов. При этом используемые фрагменты все равно попадают в оправу гоголевских конструкций. В качестве примера укажем на фрагмент V главы, в котором Голядкину в первый раз является двойник. Переводя стих «Медного всадника» в прозу, повествователь достраивает гоголевское петербургское пространство пушкинским: «Ночь была ужасная, ноябрьская, — мокрая, туманная, дождливая, снежливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов — одним словом, всеми дарами петербургского ноября. Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, кото-

рые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом, что составляло бесконечный, пискливый, дребезжащий концерт, весьма знакомый каждому петербургскому жителю» (1, 138).

В «гоголевскую» гирлянду перечисления помещены знаки гибельного наводнения: «Над омраченным Петроградом // Дышал ноябрь осенним хладом» — «Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки...» — «Уж было поздно и темно; // Сердито бился дождь в окно, // И ветер дул, печально воя» — «Эка погодка, — подумал герой наш, — чу! не будет ли наводнения? видно, вода поднялась слишком сильно» — «Он также думал, что погода // Не унималась; что река // Все прибывала; что едва ли // С Невы мостов уже не сняли».

Именно «Медный всадник», добавим, как и «Пиковая дама», транслирует «Двойнику» метафизическую тему хаоса и разрушения. «Неподвижная идея», мучающая героя, едва ли не цитатно наводит на пушкинское суждение, выраженное в «Пиковой даме»: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место»²⁹. В «Двойнике» «неподвижной идеей» становится идея места, которое человек занимает в мире: «...странная претензия их и неблагородное фантастическое желание вытеснять других из пределов, занимаемых сими другими своим бытием в этом мире, и занять их место, заслуживают изумления, презрения, сожаления и, сверх того, сумасшедшего дома» (1, 184).

Заклучая, хотелось бы привести одно «попутное» и косвенное соображение. Можно предположить, что именно за счет «навязчивых» и многократных повторов Достоевский создал обширный кластер гоголевских приемов, чем во многом «облегчил» изучение Гоголя с «технологической стороны». Эта мысль не покажется странной или спорной, если мы продолжим ее по аналогии с известным соотношением «классики — беллетристы». Как известно, произведения «второго ряда» ярче проявляют системность художественного языка того или иного направления. Отмечалось, например, что приемы поэтики романтизма «надежнее» изучать по произведениям подражательным или пародиям, поскольку большие художники никогда до конца не придерживаются «правил». В данном случае парадокс заключается в том, что эти «правила» языка Гоголя воспроизвел не менее крупный художник, пусть и начинающий. Поместив их в другую синтактику, если воспользоваться семиотическими категориями, в сороковые годы Достоевский именно так сформировал свой особый повествовательный язык, от которого, заметим, позже

²⁹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 5. С. 216.

совершенно отказался. Может быть только «Господин Прохарчин» близок «Двойнику» по той повествовательной манере, о которой шла речь.

Итак, попробуем сформулировать намеченные здесь подходы к выявлению повествовательного кода «Двойника», позволяющего «опознавать» технику письма Достоевского по элементам, находящимся как в пределах отрезка текста, так и в текстовом целом. Несколько заостряя мысль, выскажем гипотезу: ключом к повествовательному коду является своего рода центон, образованный из комбинации фрагментов гоголевских текстов. В данном случае понятие «центон»³⁰ используется нами в расширенном понимании: с сохранением принципа тотальной составленности произведения из чужих текстовых фрагментов, но с поправкой на другой, не линейный, композиционный принцип. Его суть предварительно можно обозначить как многократное и многослойное структурное наложение различных «чужих» текстовых фрагментов в пределах одного сегмента повествовательного поля. Такое понимание повествовательной модели, реализованной Достоевским в «Двойнике», актуализирует вопрос об особом типе комментария к тексту.

В свое время большой интерес вызвала идея тотального комментария, изложенная А.П. Чудаковым в статье «К проблеме тотального комментария “Евгения Онегина”»³¹. Концепция тотального комментария включает движение «от объяснения реалий к рассмотрению словесного плана романа, от него — к изучению в рамках стиха и строфы структурного взаимодействия словесных единиц» (в тыняновском смысле). Такой подход предполагает медленное невыборочное чтение-анализ, сплошное чтение, без пропусков, слово за словом, стих за стихом, строфа за строфой. В рецензии на эту статью В.Н. Базылев, поддерживая мысль А.П. Чудакова о необходимости комментария нового типа, выразил идею понимания комментария как метатекста, то есть текста, который берет на себя задачу описания и истолкования текста как целого (в противовес комментарию как толкованию «отдельных мест»)³².

³⁰ Слово, кстати сказать, отражающее «лоскутность» текста в буквальном смысле: от лат. cento — одежда или одеяло, сшитое из разнородных, разноцветных лоскутов.

³¹ Чудаков А.П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 210–237.

³² Исследователь поясняет эту мысль так: «Внешне фрагментарный, состоящий из отдельных статей, каждая из которых связана с другими лишь постольку, поскольку связаны комментируемые отрезки текста, не обладающий собственной структурой, но полностью заданный последовательностью развертывания комментируемого текста, комментарий в то же время должен прочитываться как целостная интерпретация некоторого единого, пусть

В нашем случае задача комментария только на уровне описания повествовательной структуры повести представляется трудно-осуществимым делом, невозможным без выработки специальной методики научного описания. В настоящий момент этот вопрос может быть только поставлен.

чрезвычайно сложного содержания этого текста» (*Базылев В.Н.* Три источника и три составных части комментария (доклад) // Семинар «Проблемы поэтического языка». Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 23 октября 2012 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.ruslang.ru/?id=seminar_fateeva_chronicle (дата обращения 12.10.2018).

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

«Я СТАРАЮСЬ КАК МОЖНО УСПЕВАТЬ В НАУКАХ...»

(Письма М.В. Гоголь-Яновской 1820-х гг.)

Мария Васильевна Гоголь-Яновская, в замужестве Трушковская (1811–1844) — старшая из сестер Николая Васильевича Гоголя, ближайшая к нему по возрасту. О ее жизни известно очень мало. Она родилась и провела раннее детство в имении Гоголей-Яновских Васильевке неподалеку от Миргорода, затем несколько лет жила и обучалась в частном пансионе под Полтавой. Ольга Васильевна Гоголь-Головня, младшая сестра М.В. Гоголь, вспоминала впоследствии: «Там была учительница — немка. Говорят, отец любил немецкую аккуратность, вот ему и хотелось, чтобы и его дочь была аккуратна»¹. Вероятно, в пансион Мария Васильевна попала в 1823 г., но не ранее марта²: Василий Афанасьевич Гоголь в 1822 г. просил своего влиятельного покровителя Д.П. Трошинского устроить старшую дочь Марию, которая «по-русски и по-французски читать умеет», в пансион госпожи Арендт³; наиболее раннее из сохранившихся писем М.В. Гоголь оттуда датировано 3 января 1824 г.; судя по его содержанию, до этого момента она уже некоторое время жила там и вела переписку с родителями.

¹ Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 4–5. Родители решили не отдавать Марию Васильевну на обучение в дом своих богатых родственников Трошинских, хотя такая возможность у них, видимо, имелась. «Я очень благодарна богу, что не отдала сюда своей Машиньки», — писала Мария Ивановна Гоголь Ольге Дмитриевне Трошинской 22 сентября 1822 г., жалуясь при этом на поведение служившей в доме «фурии»-гувернантки, которая не имела «никакого снисхождения» к своей воспитаннице княжне Хилковой, внучке Д.П. Трошинского: «...за что-то она на нее рассердилась, швыряла на стол перед нею книги, болтала что-то по-французски и в то время представляла из себя совершенную фурию, я не знаю, как можно дальше держать эту тварь» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 40 об.).

² В начале марта 1823 г. она определенно еще находилась дома, в Васильевке, — в письме О.Д. Трошинской от 2 марта 1823 г. М.И. Гоголь сетовала: «...Машинька моя редко который день бывает здорова, более всего страдает она головою болью» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 62).

³ Жаркевич Н.М., Кирилук З.В., Якубина Ю.В. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) // Гоголеведческие студии. Нежин, 2002. Вып. 8. С. 47.

Пансион содержала Екатерина Ивановна (Катарина) Арендт, супруга штаб-лекаря Федора Ивановича (Теодора) Арендта (1755–1797), мать известного врача, впоследствии лейб-медика, Николая Федоровича Арендта (1786–1859)⁴. Ее дочь Наталья Федоровна Арендт вышла замуж за вдовца, помещика Павла Григорьевича Старицкого, в имении которого (в деревне Богдановке Полтавского уезда) и располагался пансион⁵. Это было камерное, «семейное» учебное заведение; многими делами, включая приобретение учебных пособий, преподавание, заботу о здоровье и душевном благополучии воспитанниц, занимались сама Е.И. Арендт и ее родственники. Мария Васильевна изучала там, в числе прочих дисциплин, иностранные языки, историю, географию и литературу: сохранились ее конспекты и записи лекций на французском и русском языках⁶; В.А. Чаговец упоминает также несколько стихотворных набросков М.В. Гоголь, делая вывод о ее «способностях» и «образованности»⁷. Из писем Марии Васильевны родным, публикуемых ниже, следует, что в пансионе она занималась также игрой на фортепиано, арифметикой, рисованием, рукоделием, читала газеты, журналы и книги (в частности, на немецком языке)⁸.

В первой половине XIX в. частные пансионы подобного рода, как для мальчиков, так и для девочек, получили в России широкое распространение; их популярности «во всех слоях общества способствовало прежде всего неудовлетворительное состояние казенных

⁴ Подробнее о семье Арендтов см.: *Боглачев С., Боглачева И.* Лейб-медик Николай Федорович Арендт // *Немцы Санкт-Петербурга. Наука, культура, образование.* СПб., 2005. С. 512–513; *Русские портреты XVIII и XIX столетий.* СПб., 1905–1909. Т. 4. Вып. 4. СПб., 1908. С. 156, 165; упоминания об Арендтах (с указанием, в частности, имени и отчества г-жи Арендт) см.: *Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку владельцев всех домов...: В 2 ч.* Ч. 1. М., 1793. С. 52; *Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, равно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоят.* М., 1818. Лефортовская часть. С. 2; *Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга / Сост. В. Соколов.* М., 1826. С. 358.

⁵ Как вспоминала Мария Ивановна Гоголь, «мадам Арендт, медика придворного мать», «имела свой маленькой пансион в деревне, выдав дочь свою за помещика» (*Записки матери Гоголя в виде письма к П.А. Кулишу // Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 67).

⁶ *ИР НБУВ.* Ф. II. № 4434–4438, 5830–5834.

⁷ *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 63.

⁸ Программы женских пансионов в то время «были более или менее одинаковы», в них «преподавались следующие предметы: закон Божий (не во всех пансионах), русский, французский и немецкий языки, арифметика, история, география, музыка, танцы, рукоделия, чистописание (не во всех), рисование» (*Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. 1796–1828: время императрицы Марии Федоровны. СПб., 1893. С. 255).

учебных заведений»⁹. По закону деятельность частных пансионов контролировалась государством¹⁰. Поскольку большинство таких заведений содержали иностранцы, в основном немцы и французы, русский язык преподавался там плохо, в связи с чем 25 мая 1811 г. был высочайше утвержден доклад Министра народного просвещения «О предположениях касательно частных пансионов», предписывающий обязательное преподавание «наук» на русском языке; соответственно, содержатель и учителя пансиона должны были в достаточной мере владеть русским языком¹¹, но на практике эти меры носили во многом формальный характер¹². Все же, насколько позволяют судить публикуемые материалы, в пансионе госпожи Арендт русскому языку уделялось определенное внимание: если ранние письма Марии Васильевны содержат множество ошибок, частично исправленных рукой взрослого, то поздние написаны самостоятельно, несколько более грамотно и свободно¹³.

Стоимость обучения (как и его качество, и бытовые условия) зависела от разряда пансиона¹⁴, но в любом случае для небогатых помещиков, подобных Гоголям-Яновским, она была значительной. В письме О.Д. Трошинской от 24 апреля 1825 г. Мария Ивановна упоминает, что средства на оплату обучения старшей дочери ссудил Гоголям Д.П. Трошинский, и они этот долг не смогли погасить¹⁵. В начале 1828 г. Мария Васильевна просит мать поспешить с опла-

⁹ Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. [Т. 2]: Л–Я. СПб., 2005. С. 161.

¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVIII. СПб., 1830. № 21501. С. 642–643.

¹¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24647. С. 663.

¹² Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. [Т. 2]: Л–Я. СПб., 2005. С. 161.

¹³ Однако и в письмах 1827–1828 гг. немало ошибок, связанных, в частности, с влиянием норм украинского языка (например, в конце глаголов настоящего и будущего времени 3-го лица стоит мягкий знак, в ряде случаев вместо «ы» написана буква «и» и т. д.).

¹⁴ Для полных пансионеров плата, как правило, «колебалась между 250 и 800 рублями в год» (*Лихачева Е.О.* Указ. соч. С. 255). Князь Федор Сергеевич Голицын, например, установил сумму 600 руб. в год для воспитанников пансиона, учрежденного им в 1821 г. в своем имении в селе Зубриловке Саратовской губернии (там же, с. 259; *Арнольдов М.В.* Зубриловский пансион // Русский архив. 1873. Кн. 11. Стлб. 2202–2204). В частном пансионе госпожи Руссет в Нежине она составляла 800 руб., причем половина денег взималась вперед (Высшие женские курсы в бывшей гетманщине // Киевская старина. 1884. Январь. С. 174), в столичном пансионе г. Журдана, открытом в 1823 г., — 1200 руб. (Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1823. 2 февраля. № 10. С. 114).

¹⁵ *РО ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 78.

той, а если денег нет, продать что-нибудь из вещей. К денежным взносам часто добавлялись приношения «натурой» и подарки начальникам; такая практика была особенно распространена в провинции¹⁶. Родители М.В. Гоголь, по всей видимости, в какой-то мере следовали этой традиции: мать присылала в Богдановку варенье, лечебные травы, одалживала в библиотеке своих состоятельных родственников Трошинских книги для Е.И. Арендт, делала ей скромные подарки: табакерку, платочек. Содержание воспитанниц пансиона в значительной мере возлагалось на их родителей: именно они обеспечивали детей одеждой, обувью, бумагой и письменными принадлежностями¹⁷. Рацион питания, вероятно, не отличался богатством; по крайней мере, Мария Васильевна просила прислать ей пастилы, варенья, меда и прочих лакомств. Вместе с девочками в пансионе могли находиться слуги — крепостные родителей; с М.В. Гоголь жила горничная по имени Матрена (см. о ней подробнее комментарии к письму № 2).

Окончив обучение, Мария Васильевна вернулась в родное имение весной 1828 г.¹⁸ По свидетельству сестры Ольги, она «считалась в то время очень образованной», имела вкус к литературе, «всегда любила читать Пушкина стихи», «знала языки, по-французски свободно говорила»¹⁹. М.И. Гоголь писала О.Д. Трошинской 20 октября 1831 г.: «Машинька моя занимается переводами с французского, и знатоки уверяют меня, что верно и хорошим слогом, она их собирает до приезда брата, чтобы отдать на его цензуру, а теперь есть у нее практика для разговору французского языка, имея частные свидания с соседкой нашей Клеменковой, бывшей воспитанницей княжны Волконской из Москвы родом, она была замужем за родным братом Ф.Фе. Клименка и имеет очень хороший выговор и правильно говорит по-французски»²⁰. Мария Васильевна была вос-

¹⁶ Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. [Т. 2]: Л.—Я. СПб., 2005. С. 162.

¹⁷ Воспитанницы нежинского пансиона госпожи Руссет должны были «принести с собой», кроме постели, «одну скатерть, шесть салфеток, одну ложку столовую, чайную чашку, пару столовых ножей, один стакан» (Высшие женские курсы в бывшей гетманщине // Киевская старина. 1884. Январь. С. 174).

¹⁸ Это произошло около середины мая 1828 г.: 5 мая Мария Ивановна Гоголь написала брату П.П. Косяровскому о намерении отправиться за дочерью (ОР РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 15. Л. 26), а 23 мая сообщила сыну о ее приезде в Васильевку. Получив это известие, Николай 30 мая поздравил сестру «с новосельем».

¹⁹ Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 5.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 134 об. Соседка, о которой идет речь, — жена Григория Федоровича Клименко, служившего в Комиссии по сооружению Храма Христа Спасителя в Москве (Месяцеслов. 1827. Ч. 1. С. 970). Мария Ивановна Гоголь просила сына оказать помощь Клименко в хлопотах о получении пенсии. Он ответил 10 февраля 1831 г.: «Насчет дела г-жи Клименковой

приимчива и к изобразительному искусству. Летом 1833 г., осмотрев внутреннее убранство церкви в Полтаве, она делилась с матерью впечатлениями от старинных икон и настенной живописи: «Я была наконец в остатке сей знаменитой церкви Преображения, где Петр 1-й праз<д>новал победу. Ах! Дражайшая Маминька, в каком я была восхищении, рас<с>матривая все образы, я еще никогда не видовала такой древности, на стенах представлены Вселенский соборы, а краски о сю пору ясны. Тут также есть и святитель Митрофан, очень хорошо написан»²¹.

Полученные в пансионе знания и навыки Мария Васильевна передавала младшим сестрам²² — у семьи не было средств на то, чтобы приглашать домашних наставников. Родители заранее готовили старшую дочь к такому поприщу. «Я занимаюсь целой день <...>. Буд<ь>те уверены, Дражайшая Маминька! что все мои мысли клонятся, как сделат<ь>ся полезною моим Сестрицам, и тем заслужить все то что вы для меня делаете», — писала она матери осенью 1825 г.²³ Ольга Васильевна вспоминала: «...сестра занималась со мной. Помню, как она разложила на столе атлас, учила меня географии. Вероятно, я понимала, потому что и теперь знаю, где какие города и реки, а кроме ее никто не учил меня»²⁴. И все же М.И. Гоголь не могла полагаться в этом отношении лишь на Марию Васильевну, сознавая, что если «прежде слабое ее здоровье не позволяло» ей много заниматься с сестрами, то «теперь она уже в совершенных летах и для себя должна иметь несколько свободного времени»²⁵. К тому же младшие девочки не проявляли выдающихся способностей, и мать «более хлопотала о сбережении хорошей их нравственности», полагая, что они «выйдут добрые силяночки»²⁶. Для завершения образования Мария Ивановна собиралась помес-

удовлетворительного ничего не могу сказать. Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно не только не в праве требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей. Впрочем государь милостив. Если бы она нашла себе другой какой предлог требовать, может быть, тогда было бы это успешнее». Клименкова упоминается и в воспоминаниях О.В. Гоголь-Головни (*Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 8*).

²¹ Письмо от 11 июля 1833 г. (*ИР НБУВ. Ф. III. № 9056. Л. 1*).

²² *Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 5, 9.*

²³ По расчетам Марии Ивановны, Анна и Елизавета, окончив Патриотический институт, также должны были учить младшую сестру (*Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 12*).

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Письмо М.И. Гоголь О.Д. Трошинской от 20 октября 1831 г. (*РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 134*).

²⁶ Там же.

тить дочерей в частный пансион: «Анинька моя довольно велика для десяти лет. Если сестра их может заниматься ими до 12 лет их возрасту, то после я их намеренна отдать в Харьков в хороший Пансион на некоторое время, когда позволит мое состояние, и тем окончится их воспитание»²⁷. Однако в итоге сестры Анна и Елизавета Гоголь-Яновские благодаря усилиям Н.В. Гоголя продолжили образование в Патриотическом институте в Петербурге, а Ольге пришлось учиться в домах знакомых помещиков, нанимавших преподавателей своим детям, — также своего рода «частных пансионах», «где получали общее среднее образование дети соседей, не имеющих возможности содержать у себя учителей или отправлять детей в губернские институты»²⁸. Некоторое время Ольга Васильевна прожила в семье Чернышей. М.И. Гоголь сообщала об этом О.Д. Трошинской 4 мая 1834 г.: «Оленька моя у Чернышовых учится, оне дома воспитают своих детей и имеют учителей довольно хороших, и я, чтоб приготовить ее в институт, когда возьмет ее Николинька, отдала, тем более что очень близко, в шести верстах от нас»²⁹. Как видно, в то время Мария Ивановна надеялась, что Ольга вслед за сестрами отправится, при содействии Николая, учиться в столицу, в Патриотический институт, но этим планам не суждено было осуществиться.

Начало 1830-х гг. в целом стало успешным для старших детей М.И. Гоголь, о чем она с гордостью рассказывала О.Д. Трошинской: «Большая дочь моя, слава богу, теперь здорова, и кротким и добрым своим нравом утешает меня и заставляет всегда возноситься с благодарными словами к богу за отраду, посылаемую им в детях моих. Книгу сына моего при сем посылаю и прошу вас при случае, когда будете посылать в Кибинцы, прислать мне, здесь все просят ее прочесть. Николай мой все стремится быть полезным для своего края, и я несколько понимаю его цель, в сей книге он коснулся ее, но в продолжении более будит, и обыкновенно в етакое роде, как он пишет, более нравится публике»³⁰.

²⁷ Там же.

²⁸ Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 65, 9–12.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 139 об. О том, как в действительности шло обучение, можно судить по воспоминаниям Ольги Васильевны: «Там было два учителя. Мне было 8 лет. Не помню, как я училась у первого учителя, который грамоте учил, а от учителя музыки осталось в памяти, как он нас сзади скуп за волосы, как и мальчиков; и когда мальчиков остригли, они говорят мне — теперь учитель не достанет волос. Я тогда сама себе отрезала волосы. Конечно, все смеялись. Тогда меня остригли совсем. Но учитель нашел другое средство: бил по рукам. Кое-как выучил меня мазурку играть, как видно, по слуху, потому что нот совсем я не знала. Верно, через то меня и взяли домой, что он дрался» (Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 7–8).

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 133 об.

В это же время нашелся претендент на руку М.В. Гоголь — полтавский уездный землемер, чиновник 14-го класса Павел Осипович Трушковский³¹. Ольга Васильевна так описывала обстоятельства его сватовства: «Помню по рассказам, как сестра моя замуж выходила. Соседка наша Клименкова, имела двух дочерей. Одна — молодая вдовушка, другая — девица. К ним ездил Трушковский, лет 22, очень красивый. Но Клименкова боялась, чтобы ее дочери не влюбились в него, а тем более, что он не имел никаких средств к жизни, кроме службы в чертежной; вот она и придумала, как от него отвязаться, и привезла его к моей матери. Тогда сестре было 19 лет. И так он пристал к нам, и сестра влюбилась в него. Мать была против него и ужасно не хотела ее отдавать, а тем более за поляка, но что было между ними — не знаю. Потому ли, что сестра сказала ей: “вы потому не хотите, чтобы я выходила замуж, что боитесь быть бабушкой” — не знаю, но свадьба состоялась»³². Весной 1832 г. Мария Васильевна вышла замуж. 17 апреля 1832 г. М.И. Гоголь сообщала двоюродному брату П.П. Косяровскому: «По воле Божией у меня теперь перемена в семействе: дочь моя Машинька вышла замуж за уроженца краковского, служащего в Полтаве землемером, а со временем переменит свою службу; человек он очень доброй и любит свою жену как нельзя уже больше»³³. Молодые супруги поселились в Васильевке, поскольку у Трушковского «не было средств даже квартиру нанять»; «он ездил на службу в Полтаву»³⁴. По свидетельству О.В. Гоголь-Головни, в Васильевке он «завел парники и виноград и табачную плантацию», «после затеял кожевенную фабрику, ввел мать в долги (ей пришлось продать свой хутор в Кременчугском уезде, такой, как Косяровщина, который ей достался в приданое, кроме того, заложили половину Васильевки), и на этой фабрике прогорел»³⁵. Однако первоначально Мария Ивановна была очень довольна зятем³⁶ и его предприятиями: «Кожевенная

³¹ См. о нем: *Месяцеслов*. 1832. Ч. 2. С. 312.

³² *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 8. Прежде чем выдать дочь за Трушковского, М.И. Гоголь обратилась за советом к сыну, который одобрил этот брак (см. его письма матери за февраль – апрель 1832 г.), и к двоюродному брату А.А. Трощинскому, чье мнение о женихе было, вероятно, не вполне благоприятным. См. письма М.И. Гоголь О.Д. Трощинской на эту тему от 8 и 20 марта 1832 г. (*РО ИРЛИ*. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 135–137 об.); в последнем Мария Ивановна утверждала, что «почтет себя счастливой, если бог удостоит ее назваться бабушкой» (там же, л. 137 об.).

³³ *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 109.

³⁴ *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 8.

³⁵ Там же.

³⁶ «Какое доброе дитя у меня зять и как он меня успокоивает во всем...», — писала она О.Д. Трощинской 3 апреля 1833 г. (*РО ИРЛИ*. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 13 об.).

фабрика моя слава богу очень успешно устраивается, фабрикант австрийский подданный, знающий свой дело до совершенства. Фабрика дает мне по 15 тысяч в год и обязывается контрактом, а из остающейся суммы делает обороты и тогда обещает мне кучу денег. Он устроил фабрику у графа Воронцова, и за одну ярмарку выручили по 6000 рублей»³⁷.

9 апреля 1833 г. у Марии Васильевны родился сын Николай³⁸, вслед за тем — еще один ребенок. Однако рождение детей не мешало ее мужу посвящать свой досуг охоте, которой он был страстно увлечен. «Помню, как он ездил на охоту, несмотря ни на какую погоду, даже по ночам, отчего сильно простудился и умер, оставив жену с двумя сыновьями. После его смерти, через шесть недель, родился третий сын. И так до самой смерти жила она с нами. Незавидная ее доля», — вспоминала Ольга Васильевна³⁹.

Из троих детей Марии Васильевны двое младших умерли в раннем возрасте. Овдовев, она продолжала жить в Васильевке с матерью, которая надеялась подыскать ей хорошую партию; 10 января 1838 г. М.И. Гоголь писала Петру Петровичу Косяровскому: «Главная моя забота теперь о пристроении повыгоднее Машеньки моей; ей оставаться во вдовстве нельзя, не имея мужнина состояния, если Бог ей пошлет помещика с хорошим состоянием, чтобы мог быть полезен в воспитании ее сына; в дом зятя я уже ни за что не приму; такого доброго более не найду, как был покойный наш Павел Осипович! да и Машеньке так наскучили эти места, что она и вспомнить не может, чтобы ей оставаться здесь...»⁴⁰. Зимой 1838 г. Мария Ивановна сообщала сыну о том, что имеется претендент на руку старшей дочери, но Николай Васильевич призывал ее отнестись с большой осторожностью к перспективе повторного замужества Марии Васильевны и выбору супруга: «Вы говорите о намерениях сестры моей Мари вступить в новое супружество. Говорите о том, который привлекает ее внимание и ищет руки ее, но всё таким же загадочным образом, как и в первый раз ее помолвки, когда я узнал только о имени и фамилии жениха не прежде, как получив уже от него письмо с известием, что всё уже кончено и что за мной только дело, и если бы он не вздумал подписать внизу свое имя, то я бы долго не знал, кого имею честь называть своим зятем. Таким же об-

³⁷ Там же. Л. 13–13 об.

³⁸ «9-го сего месяца <...> даровал бог мне внука Николая», — сообщала Мария Ивановна О.Д. Трошинской (там же, л. 14). М.И. Гоголь очень привязалась к внуку; спустя год после его рождения, 4 мая 1834 г., она писала о нем Трошинской: «Внучек мой хорошинойкой мальчик...» (*РО ИРЛИ*. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 139 об.).

³⁹ *Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 8.*

⁴⁰ *Белозерская Н.А. Мария Ивановна Гоголь. Биографический очерк // Русская старина. 1887. № 3. С. 696.*

разом и теперь вы не упоминаете ни слова ни о его фамилии, ни о его звании и чине. Говорите только, что он прекрасного характера, но в два, три свидания узнать трудно человека — тем более, что он явился из чужой губернии <...> Еще одну вещь я вам осмелюсь заметить: к чему такая поспешность? Кажется, как будто кто сзади толкает это ваше предприятие. Едва прошел год после замужества, уже сестре моей не терпится. Но она должна, я думаю, помнить, что ей смешно будет теперь, после первого опыта, рискнуть опять таким же образом. Ради бога, будьте осторожны и прежде осмотритесь и менее всего полагайтесь на толки, худые или хорошие, ваших кумушек и соседок. <...> сестра теперь совершенная госпожа над собою и над своею волею. Но если совет любящего ее брата имеет над нею какой-нибудь вес, то я бы сказал ей: не менять своего вдовьего состояния на супружество, если только это супружество не представит больших выгод. Вы сказали только, что жених с состоянием, но ни слова не сказали, как велико это состояние. Если это состояние немногим больше ее собственного, то это еще небольшая вещь. Она должна помнить, что от ней пойдут дети, а с ними тысячи забот и нужд, и чтобы она не вспоминала потом с завистью о своем прежнем бытии. Девушке 18-летней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный характер и для него презреть богатство и средства для существования. Но вдове 24 лет и притом без большого состояния непростительно ограничиться только этим. Она еще молода. Партия ей всегда может представиться. Притом же девушка боится постареть в девках — вдове нечего опасаться. Ее самое лучшее состояние — свободное состояние»⁴¹. Аналогичные предостережения Гоголь адресовал самой Марии Васильевне: «...я узнал, что ты совершенно здорова, даже до такой степени, что подумываешь о хорошей партии. Слава богу! Благословение мое всегда с тобою, и ты можешь им располагать заочно. Но да водит бог и осторожность твоими намерениями. Величайшее благоразумие ты теперь должна призвать в помощь и помнить, что ты теперь не девушка и что нужно, чтобы партия была слишком, слишком выгодная, чтобы решиться переменить свое состояние и продать свою свободу»⁴².

«Вдовье положение» тем сильнее тяготило Марию Васильевну⁴³, что она ощущала себя лишней в родительском доме: «Как ей хотелось, чтобы мать выделила ей часть, чтобы хозяйничать на своем. Она бы не прочь и ей помогать в чем-нибудь, но мать любила

⁴¹ Письмо Гоголя М.И. Гоголь от 5 февраля 1838 г. из Рима.

⁴² Письмо Гоголя М.В. Гоголь от 22 декабря 1837 г. из Рима.

⁴³ *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 66. По свидетельству сестры, Марии Васильевне «хотелось выйти замуж» за А.С. Данилевского, приятеля Н.В. Гоголя, «а он не думал о ней» (там же, с. 13).

сама всем распоряжаться»⁴⁴. Об участии Марии Васильевны в ведении хозяйства можно судить по ее письмам 1830–40-х гг. Так, 11 июля 1833 г., отлучившись из дома в Полтаву, она сообщает Марии Ивановне о закупке мыла и свечей⁴⁵, 7 апреля 1840 г. пишет ей в Москву из Васильевки о том, как справляется в одиночку с делами: «Я веду аккуратно приход и расход по заведенным мною книгам, по возвращении увидите! Хлеб я хорошо купила, хотя и не там, где вы говорили, но зато гораздо выгоднее...»⁴⁶.

Мария Васильевна имела слабое здоровье; упоминания о ее болезнях встречаются и в ее собственных письмах родителям, и в переписке близких, обеспокоенных ее состоянием⁴⁷. В 1844 г. она, по сведениям Ольги Васильевны, заболела скоротечной чахоткой и умерла⁴⁸, оставив круглым сиротой 11-летнего сына Николая Трушковского, названного в честь дяди и ставшего впоследствии издателем его сочинений⁴⁹.

М.В. Гоголь немного времени в своей жизни провела вместе с братом. Они расстались детьми: когда Николай уехал в Полтаву в 1818 г., ей было всего семь лет. Таким образом, они росли и развивались порознь. Николай летом приезжал из Гимназии домой лишь на месяц, а когда оба немного повзрослели, девочку отправили в Пансион, где она находилась почти безотлучно несколько лет. Лишь июль-август и осень 1828 г. брат и сестра прожили в родных местах; в декабре Николай Васильевич уехал в Петербург, и в дальнейшем виделся с Марией Васильевной только урывками. Тем не менее, будучи в Гимназии, он с 1825 г. начинает проявлять интерес к сестре, спрашивает о ней в письмах к матери, пишет ей и посылает книги. Она этих писем с нетерпением ожидает, жалуется матери на их отсутствие, радуется присланным книгам. Ее отношение к брату, как и к сестрам, всегда приветливое, дружелюбное (пишет всегда: «братец», «сестрицы»).

⁴⁴ Там же. С. 17.

⁴⁵ *ИР НБУВ*. Ф. III. № 9056. Л. 1 об.

⁴⁶ *ИР НБУВ*. Ф. III. № 9057. Л. 1 об.

⁴⁷ Например, о лечении Марии Васильевны идет речь в письме А.А. Трошинского В.А. Гоголю от 13 ноября 1822 г. (*ИР НБУВ*. Ф. III. № 8765. Л. 1 об.–2). 17 августа 1828 г. Мария Ивановна Гоголь сообщала двоюродному брату Петру Косяровскому о тяжелой болезни, перенесенной дочерью: «Недавно я была в большой тревоге: Машинька моя жестоко была больна; можно сказать из мертвых воскресла, и вы можете себе представить, что я тогда чувствовала...» (*Белозерская Н.А.* Мария Ивановна Гоголь. Биографический очерк // *Русская старина*. 1887. № 3. С. 678).

⁴⁸ *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 5, 19.

⁴⁹ См. о нем подробнее: *Данилевский Г.П.* Знакомство с Гоголем: (Из литературных воспоминаний) // *Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников*. М., 1952. С. 462.

Немногие письма Н.В. Гоголя к ней и о ней неразрывно связаны с его духовным развитием. Ощувив ответственность за семью после смерти отца, он проявляет заботу о материальном обеспечении сестры, о ее просвещении и образовании, затем предостерегает ее от второго брака, и здесь на первый план выдвигается понятие «свободы», видимо очень важное для него в ту пору. Еще позже, под влиянием происходящей в нем сложной внутренней работы, он начинает требовать от нее и других сестер беспримерного великодушия и самоотречения: «Я ту из вас могу только любить, которая будет великодушнее всех других, которая будет уметь облобызать и броситься на шею <к тому>, кто оскорбит ее чем-нибудь, которая позабудет совершенно о себе и будет думать только о других сестрах, которая позабудет о своем счастье и будет думать только о счастье других. Та только будет сестра души моей...» (письмо Н. Гоголя М.В. Гоголь от августа-сентября н. ст. 1842 г. из Гастейна).

О личности Марии Васильевны, ее душевном складе мы знаем немного. Поэтому ее детские и юношеские письма очень важны — как запечатленный отрезок ее недолгой жизни, память о ней. Письма раскрывают дополнительно и атмосферу жизни гоголевской семьи, пересекаясь с гоголевскими, совпадая, дополняя, комментируя. Имеют эти тексты и общекультурное значение, ибо хоть отчасти, но все же в живой эпистолярной форме отражают жизнь одного из многих частных учебных заведений России того времени.

В годы пребывания в пансионе М.В. Гоголь переписывалась с родителями, бабушкой и братом. В 1936 г. А.А. Назаревский, изучавший семейный архив Гоголей (так называемый архив Головни), опубликовал небольшие фрагменты (относящиеся к Н.В. Гоголю) из 11 писем Марии Васильевны матери⁵⁰. Всего в этом собрании на тот момент насчитывалось 22 письма М.В. Гоголь матери⁵¹. По замечанию Назаревского, ранее в архиве имелось и ее письмо Н.В. Гоголю, но оно было утрачено, остался лишь конверт⁵². Местонахождение ряда писем М.В. Гоголь, о которых сообщает Назаревский, в настоящее время неизвестно. К их числу относятся письмо брату и письма матери от 25 июля 1825 г., 18 и 23 февраля 1827 г. и 12 апреля 1827 г.⁵³

Ниже письма Марии Васильевны родителям и бабушке из пансиона за 1824–1828 гг. публикуются полностью — по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) и Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев).

⁵⁰ Назаревский 1936. С. 354–356.

⁵¹ Там же. С. 316.

⁵² Подробнее см. коммент. к письму М.В. Гоголь № 15.

⁵³ Назаревский 1936. С. 354–355.

Тексты публикуются в соответствии с нормами современного русского литературного языка с сохранением отдельных особенностей авторской орфографии (в частности, имена собственные воспроизводятся по автографу, нарицательные одушевленные существительные — с прописной буквы, если она использована в оригинале; также в определенных случаях отражаются ошибочные падежные окончания существительных).

При отсутствии авторских дат письма датируются предположительно — по содержанию, почерку и параметрам бумаги⁵⁴. Редакторские даты, а также другие пометы и пояснения приводятся в угловых скобках. Письма Н.В. Гоголя 1821–1828 гг. цитируются по автографам, остальные — по Полному собранию сочинений Н.В. Гоголя ([М.; Л.]: АН СССР, 1937–1952).

Вступительная статья, подготовка текстов, текстологический и палеографический комментарий, а также реальный комментарий к письмам М.В. Гоголь 1824–1826 гг. — Н.Л. Виноградской; реальный комментарий к письмам 1827–1828 гг. — И.А. Зайцевой.

⁵⁴ На некоторых автографах имеются карандашные пометы с датами, выполненные рукой неустановленного лица, но в ряде случаев они не соответствуют авторским датам.

Дражайшие Родители!

За первой и священнейший долг поставляю себе поздравить вас с праздниками и Новым годом, дай Бог, чтобы вы были здоровы и благополучны; о себе [честь] имею доложить, что я, слава Богу, здорова и проводила праздники очень весело. — На письмо ваше не могла я отвечать, потому что оно было передано нашему человеку в Полтаву, а после того не посылали. — Извините меня, Дражайшая Маминька, что я осмелилась вас беспокоить безрассудными своими просьбами, и обещаюсь впредь ничего не требовать, я чувствую так много милости ваши. — Дражайшая Маминька, письма я не надписывала в Канцелярию Княжнюю, а прямо на имя Илариона Ивановича, также писала чрез Семена Федоровича господина Клеменка. — Имею честь уведомить вас, что Карташевских взяли домой, о которых, ежели вы вспомните, Маминька вам говорила, что возьмут. Желаю вам здоровья и благополучия, расцеловав несчетные <разы> ручки ваши, честь имею пребыть

с глубочайшим почтением

Дражайшие Родители!

Ваша покорная и

послушная дочь

Мария Гоголь-Яновская

Богдановка

1824-го года 3 генваря

Маминька, Наталия Федоровна и Павел Григоривич и Наталия Крестофоровна свидетел^ьствуют вам свое почтение. Сестриц целую. Бабушкам, Дедушкам, Дядин^ькам и Тетинькам целую ручки и поздравляю с праздником. — Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение почтеннейшему Дмитрию Прокофиевичу.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 8–9 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага тонкая, почтовая, пожелтевшая, без водяных знаков. Разм.: 19,2 x 24,0. Помета рукой неуставленного лица: «3 янв. 1824» (на л. 8, в левом верхнем углу, графитным карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский, есть исправления ошибок (рукой взрослого).

...в Канцелярию Княжнюю... — Имеется в виду располагавшаяся в Полтаве канцелярия генерал-губернатора Малороссии князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского, занимавшего эту должность с 1816 по 1834 г. Князь, игравший весьма значительную роль в жизни города и губернии, нередко упоминается в переписке Гоголей-Яновских. Например, Илларион Иванович Трощинский, служивший в канцелярии Н.Г. Репнина в 1820-е гг. (см.: Автобио-

графическая записка И.И. Сердюкова // Киевская старина. 1896. № 11. С. 189, 201), прислал В.А. Гоголю 16 июня 1822 г. речи «князя-Цицерона» Репнина, произнесенные «при дворянских выборах» (*ИР НБУВ*. Ф. III. № 8998. Л. 2); эти речи, касающиеся ограничения и смягчения крепостного права усилиями самих помещиков, вызвали тогда широкий общественный резонанс. Сама М.В. Гоголь упоминает Репнина в более позднем письме матери (от 11 июня 1833 г. из Полтавы): «...милому моему другу <супругу Марии Васильевны П.О. Трушковскому, полтавскому землемеру> много накопилось дела, ибо князя ожидают на сей неделе» (*ИР НБУВ*. Ф. III. № 9056. Л. 1).

...на имя Илариона Ивановича... — Илларион (Иларион, Ларий) Иванович Трошинский (1799 – после 1867) — знакомый Гоголей-Яновских, выходец из небогатой многодетной дворянской семьи (*Розсоха Л.* Миргородщина козацька і гоголівська. Київ, 2009. С. 226; Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. С. 691; *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 2953). Учился на средства своего состоятельного покровителя Д.П. Трошинского в Полтавском Доме воспитания детей бедных дворян, где надзирателем служил И.П. Котляревский, и в Полтавской Гимназии (*Василевский В.Л.* Полтавская Гимназия с 1808 по 1831 год (Очерки по архивным данным) // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 3. 1907. С. 212). Сохранился отзыв И.П. Котляревского о его успехах и характере (*Котляревский И.П.* Повне зібрання творів. Київ, 1969. С. 325–327, 484–485). Будучи студентом Харьковского университета (1819–1822), занимался чтением с Николаем Гоголем и его младшим братом Иваном. Увлекался литературой, переводил с французского, переписывался с В.А. Гоголем, к которому обращался за оценкой своих сочинений (*Чаговец В.* Письмо по поводу смерти В.А. Гоголя // *Памяти Гоголя 1902*. Отд. III. С. 47; *Назаревский 1936*. С. 353; *Дурылин 1928*. С. 69; *ИР НБУВ*. Ф. III. № 8997, 8998). Известны его университетские сочинения (Весна: Подражание Карамзину // Сочинения и переводы студентов Императорского Харьковского Университета, читанные 1819 года Июня 30 числа по окончании экзаменов их. Харьков, 1820. С. 84–85; Понятие о высоком. Студента Трошинского // Сочинения и переводы студентов Императорского Харьковского Университета, читанные 1820 года Июня 30 числа по окончании экзаменов их. Харьков, 1820. С. 50–68). По замечанию В. Чаговца, «личность Илариона Трошинского <...> была далеко не заурядной и могла оказывать значительное влияние» на молодого Николая Гоголя (*Чаговец В.* Указ. соч. С. 47). В 1820-х гг. жил в Полтаве, служил во втором департаменте Полтавского генерального суда, с 29 июля 1822 г. — в канцелярии генерал-губернатора Малороссии князя Н.Г. Репнина (см. его формулярный список за 1844 г.: *РГИА*. Ф. 1349. Оп. 4 (1844). Д. 80. Л. 223 об.); 31 декабря 1824 г. получил чин губернского секретаря, 31 декабря 1827 г. — коллежского секретаря; в 1831–1833 гг., имея чин титулярного советника, занимал место помощника по хозяйственной части секретаря канцелярии киевского военного губернатора (там же, л. 224 об.–225; *Месяцеслов*. 1832. Ч. 2. С. 289, *Месяцеслов*. 1833. Ч. 2. С. 292); с 1835 по 1845 г. служил в Петербурге столоначальником (с 1844 г. — старшим столоначальником) во Втором отделении Провиантского департамента Военного министерства в чине от титулярного советника (*Месяцеслов*. 1836. Ч. 1. С. 138) до коллежского советника (*Месяцеслов*. 1846. Ч. 1. С. 58; *РГИА*. Ф. 1349. Оп. 4 (1844). Д. 80. Л. 225–227 об.). В 1848 г. — чиновник для усиления при втором департаменте государственных имуществ (*Модзалевский В.Л.* Мало-

російський родословник. Т. 5. Вип. 3. Київ; СПб., 2004. С. 13). Воспоминания о времяпрепровождении земляков-полтавчан в Петербурге см: Автобиографическая записка И.И. Сердюкова // Киевская старина. 1896. № 11. С. 201). В *ИР НБУВ* хранится письмо И.И. Трошинского М.И. Гоголь от 29 октября 1867 г. из села Очеретоватого (*ИР НБУВ*. Ф. III. № 9034). Гоголь передавал ему поклоны в письмах матери от 1 августа 1834 г. и от 23 сентября 1835 г.

...писала чрез Семена Федоровича господина Клеменка. — Клименко Семен Федорович — сосед Гоголей по имению. Его отец, Федор Григорьевич Клименко, был другом Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского, деда Марии Васильевны (*Розсоха Л.* Миргородщина козацька і гоголівська. Київ, 2009. С. 89–90). Имя Семена Федоровича упоминается в переписке родителей М.В. Гоголь за 1825 г. (*Дурылин 1928*. С. 61–62); сохранилось его письмо В.А. Гоголю от 3 ноября 1820 г. (*ИР НБУВ*. Ф. III. № 8974). О его брате Григории Федоровиче см. вступит. статью; о семье Клименко см. подробнее: *Розсоха Л.* Миргородщина козацька і гоголівська. Київ, 2009. С. 89–91.

...Карташевских взяли домой... — Карташевские — воспитанницы пансиона, которых, вероятно, родители забрали домой на рождественские праздники (сама Мария Гоголь обычно оставалась на праздничные дни в пансионе). О девице Кардашевской, жившей в Опошне, вспоминала О.В. Гоголь (*Гоголь-Головня О.В. 1909*. С. 45). В 1824 г. в Полтавском губернском правлении архитектором служил коллежский советник Антон Иванович Карташевский (*Месяцеслов. 1825*. Ч. 2. С. 347) — возможно, родственник пансионерок Карташевских.

Богдановка — деревня в Полтавском уезде Полтавской губернии, где находился пансион госпожи Арендт.

Маминька — так Мария Васильевна называла свою наставницу, хозяйку пансиона Екатерину Ивановну Арендт.

Наталья Федоровна — по мужу Старицкая, дочь хозяйки пансиона Е.И. Арендт.

Павел Григоривич — Старицкий Павел Григорьевич (ок. 1774 – после 1835) — полтавский помещик, отставной поручик, предводитель дворянства Полтавского уезда, супруг Натальи Федоровны Арендт. С 1780 по 1798 г. состоял в военной службе; с 1799 г. заседатель Полтавского нижнего земского суда, с 1801 г. заседатель там же от короны; с 1819 по 1832 г. подкоморий Полтавского уезда, с 1835 г. полтавский уездный предводитель дворянства (*Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 4: П–С. Киев, 1914. С. 743).

Наталья Крестофоровна — учительница в пансионе, позднее его покинувшая (см. письмо М.В. Гоголь матери № 10).

Сестриц целую. — Имеются в виду младшие сестры Марии: Анна (род. 1821) и Елизавета (род. 1822–23); дату рождения сестры Татьяны можно установить лишь приблизительно: конец 1823 — начало 1824 г. (в письме матери от 22 января 1824 г. из Нежина Николай Гоголь спрашивает о сестрах, но ее не упоминает: «Машиньку вы отдали в пансион или нет? Что делает Анинька и Лизанька?»).

Бабушкам, Дедушкам, Дядин<ь>кам и Тетинькам целую ручки... — Дедушка и бабушка Марии Васильевны со стороны матери — Иван Матвеевич и Мария Ильинична Косяровские, бабушка со стороны отца — Татьяна Семеновна Лизогуб (ее муж, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский, умер раньше, предположительно между 1811 и 1813 г. — *Розсоха Л.* Миргородщина козацька

і гоголівська. Київ, 2009. С. 75). Бабушками діти називали також теток матері Анну Матвєєвну Трошинську і Агафью Матвєєвну Лукашевич (*Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 12, 21, 22). Дядьки — двоюрідні брати матері Павел і Петр Косяровские і Андрей Андреевич Трошинский, тетиньки — Варвара Петровна Косяровская, Ольга Дмитриевна Трошинская (жана Андрея Андреевича) і Екатерина Ивановна Ходаревская, сестра М.И. Гоголь.

...почтеннейшему Дмитрию Прокофьевичу. — Дмитрий Прокофьевич Трошинский (1754–1829), видний державний діяч, покровитель і дальній родич Гоголей-Яновских (его брат А.П. Трошинский був чоловіком Анни Матвєєвни Косяровской, рідної теті М.И. Гоголь). С 1821 г. до кінця в 1829 г. жив в своєму маєтку в Кибинцах, неподалік від Васильєвки. В ці роки його усадьба являлась одним із центрів культурної життя Полтавщини (*Манн Ю.* Гоголь. Труды і дні: 1809–1845. М., 2004. С. 32). Отець Марії Васильєвни В.А. Гоголь допомагав Д.П. Трошинському в управлінні маєтками і устроєнні домашнього театру.

№ 2

<Октябрь 1824>

Дражайшие і Почтен<н>ейшие Родители!

Я, слава Богу, здорова, чого і Вам желаю от искрен<н>его моего сердца. Я стараюсь как можно успевать в науках, дабы обрадовать вас. Прошу покорнейше прислать мне шалоновое платье і несколько пар башмаков, также ботинки теплые. За книги осталось 2 рубли, потому что я еще купила Арифметику, если вам угодно будет купить Французскую Грам<м>атику, то есть у Наталии Федоровне. Прошу покорнише прислать мне денег на карандаши і на прочие вещи. Желаю вам от всего моего сердца быть здоровым і благополучным, за сим честь имею пребыть с глубочайшим почтением

Дражайшие Родители, Ваша покорная и

послушная дочь

Марья Гоголь-Яновска

Маминька свидетел<ь>ствует свое почтение. Наталия Федоровна і Павел Григорьевич также. И все Баришни.

Прошу покорнише прислать сюда, Маминька, шалфеи семен і листочков много. Нада ныток на чулки¹, Мотрони башмаки і ниток.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 18–19 об., двойной; л. 19 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, голубая, с фрагментом филиграни: литеры «ЛФСА<Л>» (курсивом) і «белая дата» «1823». См.: *Клепиков 1978*. С. 30. № 404, 408. Разм.: 17,8 х 21,8. Прочерчены линейки графитным

¹ Так в автографе. — Ред.

карандашом. Почерк детский, есть исправления ошибок. Датируется по содержанию и по сходству бумаги с письмом № 3.

...шалоновое платье... — Шалон — легкая шерстяная двусторонняя ткань саржевого переплетения, обычно одноцветная, использовалась преимущественно для летней одежды (Курсанова 1995. С. 322). «Одежду из шалона ярких модных расцветок позволяли себе щеголеватые мужчины, а темную носило и духовенство» (там же). В «Мертвых душах» Манилов встречает Чичикова «в зеленом шалоновом сюртуке» (Гоголь. ПСС и П. Т. 7. Кн. 1. М., 2012. С. 24).

...несколько пар башмаков... — Башмаки — «низкая обувь на каблучке или без него из кожи или ткани», с начала XIX в. — только женская, «предназначенная для улицы, более грубая и менее нарядная, чем бальные туфли» (Курсанова 1995. С. 33).

За книги осталось 2 рубли, потому что я еще купила Арифметику, если вам угодно будет купить Французскую Грамматику, то есть у Наталии Федоровне. — Под «Арифметикой», вероятно, подразумевается пособие: Руководство к арифметике: Для употребления в народных училищах Российской империи: В 2 ч. СПб., 1784 (многократно переиздавалось). В 1825 г. в столичных книжных лавках оно продавалось за 2 рубля (Реестр российским книгам, географическим атласам и картам, планам и музыкальным сочинениям, продающимся в С. Петербурге, в книжных лавках Ивана Петрова Глазунова. СПб., 1825. С. 14). Французскую грамматику в пансионе могли изучать по различным учебникам, включая руководства Ш.Ф. Ломона и Т. Перелогова, которые использовались в Нежинской гимназии, где учился Николай Гоголь (Сребницкий И.А. Материалы для биографии Н.В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник / Под ред. проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 420, 421, 424, 425; пособие Ломона стоило 4 руб., но отпускалось И. Глазуновым «во все учебные заведения большим количеством с уступкою» — Реестр российским книгам... СПб., 1825. С. 14). В письмах Н. Гоголя родителям также содержится просьбы о приобретении учебных пособий: 6 октября 1821 г. он сообщал, что ему нужно прислать «Латинскую грамматику, латинский лексикон, Греческую грамматику, священную историю, Катихизис, Арифметику, Математику Фусса в трех частях и рисовальную книгу», а 7 января 1822 г. — «Французскую Грамматику, Латинский Лексикон Ивана Кронебурга, Арифметику 2-ю часть, Священную Историю, Катихизис, Нравоучительные сказки г-на Мармонтеля» и т. д. По всей видимости, программа обучения в Гимназии была существенно обширнее и глубже, чем в пансионе Е.И. Арендт. Учебники, как и книги вообще, стоили довольно дорого; по крайней мере, их приобретение было затруднительным для небогатых помещиков, часто испытывающих нехватку наличных денег; к тому же родителям Марии Васильевны приходилось обеспечивать всем необходимым для учебы сразу двух детей (см. об этом: Дурьин 1928. С. 29–31).

...шалфеи семен и листочков много. — В начале XIX века сельским жителям скромного достатка услуги профессиональных врачей были мало доступны. В случае серьезной болезни кого-нибудь из домашних Гоголю-отцу нередко приходилось обращаться к своему покровителю А.А. Трошинскому и описывать ему симптомы недуга, тот советовался с докторами и передавал Василию Афанасьевичу их рекомендации, а иногда и лекарства. В таких условиях

большое значение придавалось народной медицине, в частности, лечению лекарственными травами (они продавались в аптеках без рецепта — см. Российский медицинский список: На 1825 год. СПб., [1825]. С. 246). В.А. Гоголь писал жене весной 1825 г.: «Покуда с Голованевым <доктором. — *Ред.*> посоветуюсь за твой кашель, посылаю на первый случай грудной чай, который пить, как и прочие травки, можно и с бузинным соком» (*Дурылин* 1928. С. 61).

Сам Н.В. Гоголь в 1840–50-е гг. собирал сведения о целебных свойствах растений и поддерживал стремление своей младшей сестры Ольги Васильевны врачевать с их помощью. Она вспоминала об этом своем занятии: «Когда брат уехал, я ломала голову, чем я могу быть полезной и надумала лечить людей; начала расспрашивать у соседей, кто какими средствами лечит и записывала, а дальше и своим соображением лечила удачно; на мою беду тогда явилась холера, а я не знала, чем лечить; соседи советовали давать крепительное и мяту, крапивой растирать — ничего не помогало и каждый день умирали. Я просто в отчаянии была. Думала, может не выполняли того, что я давала, сама ходила (лакея брала, чтобы нес корзинку с лекарствами) ко всем больным, на дверях стояла, чтобы при мне терли крапивой — ничего не помогало. Под конец догадалась, мяту бросила, на место мяты давала деревей, на место крепительного слабительное: ревень с магнезией и сахаром. Тогда перестали умирать. В то время 36 душ умерло. Бывало, такое уныние наводило каждый день слышать звон по мертвым. А докторов и фельдшеров по деревням не было. Помещики сами должны были своих крепостных лечить. Они лечили ромашкой, бузиновым цветом и пьявками, да бабы-шептухи» (*Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 35).

Как следует из писем Марии Васильевны, Е.И. Арендт, заботившаяся о ее здоровье, также использовала лекарственные травы (шалфей, мяту, ромашку), а прислать их в Богдановку нередко просили Марию Ивановну Гоголь. Рецепты на основе трав выписывали и профессиональные доктора (см. рекомендацию врача «пить полынь», о которой идет речь в письме М.В. Гоголь матери № 9; см. также: *Дурылин* 1928. С. 68).

Нада ныток на чулки... — Имеются в виду нитки для вязания чулок. «Вязанные чулки, как можно судить по образцам 19 в., были большой длины (до 1,5 м) и удерживались на ноге без подвязок, поскольку, собираясь “в гармошку”, приобретали нужную устойчивость» (*Кирсанова* 1995. С. 321). Чулки являлись частью и мужского гардероба (при этом слово применялось как к собственно чулкам, так и к тому, что сейчас называется носками); Мария Ивановна Гоголь сама вязала их для сына. Так, в письме от 25 марта 1832 г. из Петербурга Гоголь благодарит мать за подарок — дюжину присланных ею нитяных чулок ее собственной работы, а 12 мая пишет, что «бумажных» чулок у него «довольно» и просит подготовить ему к зиме шерстяных.

Мотрена, Матрена — вероятно, крепостная девушка Гоголей, приставленная к Марии Васильевне в качестве горничной. Возможно, это та самая Матрена, которая, по воспоминаниям Ольги Васильевны Гоголь-Головни, сопровождала в столицу сестер Анну и Елизавету: «Чтобы не брать в дорогу няни для сестер, брат женил своего лакея Якима на горничной Матрене, которая была у сестры. Приехавши в Петербург, он пристроил сестер в институт. Якима с женою оставил в Петербурге, чтобы Яким научился поваром, а жена прачкой. Матрена часто навещала сестер в институте, пока они привыкли. Когда у Якима

оказалось двое детей, тогда брат отправил их домой в деревню. Яким оказался великолепным поваром, Матрена — отличная прачка. Потом она была у матери до самой смерти» (*Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 6–7*).

№ 3

<27 октября 1824, Богдановка>

Дражайшие и Почтен<н>ейшие Родители!

Я, слава Богу, здорова, чего и вам желаю от искреннего моего сердца. Благодарю вас, Дражайшая Маминька, за платье, оно так в пору, что нельзя лучше. За книги нужно 2 рубли из Арифметикою². Баришни благодарят вас Овертюри³. Желаю вам быть здоровым и благополучным. Честь имею пребыть с глубочай<шим> почтением ваша покорная и

послушная Дочь

Марья Гоголь-Яновска

1824 года октября 27

Богдановка

Маминька свидетел<ь>ствуют свое почтение. Наталия Федоровна и Павел Григоревич свидетел<ь>ствуют свое почтение; Маминька просит, чтоб прислали шалфеи, ибо здесь нет.

Башмаки и ботинки хороши.

У Мотрони ни<?> башмаков, ибо у нее нет.

Печатается по автографу (*РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 20–21 об., двойной; л. 21 об. не заполнен*). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, голубая, с фрагментом филиграни — геральдической лилией. Разм.: 18,0 х 20,5. Вероятно, на такой же бумаге написано письмо № 2. Помета рукой неустановленного лица: «27 окт. 1824» (на л. 20, в левом верхнем углу, графитным карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

...благодарят вас Овертюри. — Вероятно, имеются в виду присланные Марией Ивановной ноты увертюры (о нотах см. письмо № 11 и коммент.). В начале XIX в. в России чаще публиковались «не клавиры полностью, а отрывки и увертюры из опер и балетов. Они издавались в переложениях для фортепиано, фортепиано со скрипкой, духовых инструментов» (*Вольман Б. Нотные издания XIX — начала XX века. Л. 1970. С. 17*). Увертюры входили также в репертуар нежинских гимназистов; об их выступлении Николай Гоголь писал своему приятелю Герасиму Высоцкому 19 марта 1827 г.: «...наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом

² Так в автографе.

³ Так в автографе.

выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочи<не>ния Севрюгина и друг.»; см. также письмо Гоголя матери от 26 февраля 1827 г.: «Музыка тоже состояла из наших, — восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно». М.И. Глинка вспоминал, что в детские годы «из оркестровых, пьес, после русских песен, предпочитал увертюры», некоторые из которых исполнял на фортепиано (Записки Михаила Ивановича Глинки: 1804–1854 // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 320).

Маминька просит, чтоб прислали шалфеи, ибо здесь нет. — См. письмо № 1 и коммент.

№ 4

<До мая 1825>

Дражайшие и Почтен<н>ейшие
Родители!

Я чувствительно рада, что имею оказию писать и уведомить вас, что я, слава Богу, здорова, чего и вам желаю от искреннего моего сердца. Прошу покорнейше прислать мне мятной воды, ибо вся вышла. Извините, Дражайшие Родители, что не могу более писать. Семен Васильевич спешит ехать. Еще желаю вам быть здоровым. Целую несчетны разы дражайшие ручки ваши. Честь имею пребыть с глубочайшим почтением

Дражайшие Родители
ваша покорная и
послушная дочь
Марья Гоголь-Яновска

Маминька свидетел<ь>ствуют свое почтение. Наталия Федорвна и Павел Григоривич также. — И все Баришни.

Его Высокоблагородию
Василию Афанасивичу
Гоголь-Яновской⁴

в д. Василивку

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 42–43 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, голубая, с фрагментом филиграни: герб Гончаровых меж двух ветвей под короной и окончание «белой даты» «<18>23»; см. подобный знак: *Клепиков 1959. С. 195. № 381; Кукушкина 1958. С. 300. № 70, 73. Разм.: 16,8/17,1 x 21,0. Прочерчены линейки графитным карандашом. По черк детский. Поскольку письмо обращено к обоим родителям, оно отнесено ко времени до мая 1825 г., когда М.В. Гоголь узнала о смерти отца.*

⁴ Так в автографе.

Прошу покорнейше прислать мне мятной воды... — Мятная вода использовалась как лекарственное средство при различных недомоганиях; ее целебные свойства и способ приготовления путем перегонки описаны в популярном лечебнике начала XIX в. П. Енгальчева: «Взять: свежей мяты Английской с цветом 1 фунт, налить на оную 6 фунтов или 3 бутылки воды и перегнать в кубике, чтоб отнять 2 фунта оной; потом закупорить хорошенько бутылку и держать в прохладном месте. <...> Прием: по столовой ложке» (О продолжении человеческой жизни, или Домашний лечебник..., составленный из лучших отечественных и иностранных писателей князем Парфением Енгальчевым. Изд. 5-е, испр. и доп.: В 7 ч. Ч. 3. М., 1833. С. 138).

Семен Васильевич — Вероятно, сосед Гоголей по имению Семен Васильевич Щитинский, служивший секретарем в полтавском Генеральном суде (*Месясцеслов*. 1825. Ч. 1. С. 348; о Щитинских см.: *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя: Фрагменты // *Гог. восп. совр.* С. 167–169).

№ 5

<Февраль-март 1825>

Дражайшие Родители!

Сердечно обрадована была видеть из вашего письма, что Папинька здоров. Благодарю Всевышнего, что он услышал мою молитву. — О себе доложу вам, что я, слава Богу, здорова, занимаюсь науками, и Маминька мною остается довольна. Будьте уверены, Дражайшая Маминька, что я всегда помню ваши родительские наставления и стараюсь успевать по моим силам, иногда читаю газеты или Историю, умею уже найти на карте значительнейшие города. — По приказанию вашему посылаю мерку с себя. Прошу покорнише прислать мне платок бол<ь>шой, ибо этот очень худ.

Целую несчетные разы дражайшие ручки ваши, с глубочайшим почтением честь имею пребыть

Дражайшие Родители

Ваша покорная и

послушная дочь

Марья Гоголь-Яновска

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 14–15 об., двойной; л. 15 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, голубая, с фрагментом филигрانی — литерами «МОКФЕ<Б>». Разм.: 17,0 x 21,0. Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский, есть исправления ошибок. Датируется по связи с письмом М.И. Гоголь В.А. Гоголю от 14 марта 1825 г. (см. далее).

...иногда читаю газеты или Историю, умею уже найти на карте значительнейшие города. — О занятиях Марии Васильевны историей и географией см. вступ. статью.

По приказанию вашему посылаю мерку с себя. Прошу покорнише прислать мне платок бол<ь>шой, ибо этот очень худ. — Видимо, об этой просьбе

бе дочери писала мужу Мария Ивановна Гоголь 14 марта 1825 г.: «...буду посылать к машеньки я ей готовлю посылку платок окотором она пишет иеще коишто...» (*Дурылин* 1928. С. 69). Скорее всего, М.И. Гоголь намеревалась помимо платка прислать дочери новое платье, для которого просила ее снять мерку.

№ 6

<Вторая половина марта 1825>

Дражайшие и Почтен^{<н>}ейшие
Родители!

Я, слава Богу, здорова, чего и вам желаю от искрен^{<н>}его моего сердца. Мне очень прискорбно, что Дражайший Папинька нездоров, я молю Богу, чтоб ето окончилось как можно скорее. Покорнише благодарю вас за платье. Оно очень хорошо сшито и в пору, и за платочек. Я буду старат^{<ь>}ся заслужить ваши милости чрез свое прилежание к наукам. Я окончила Школу Плеиля и Козак с вариациями и две песеньки и начинаю Сонату в четыре руки.

Целую несчетны разы ручки ваши. И остаюсь навсегда ваша

покорная и
послушная Дочь
Марья Гоголь-Яновска

Маминька, Наталия Федоровна, Павел Григоривич и Наталия Крестоворовна свидетел^{<ь>}ствуют свое почтение.

Печатается по автографу (*РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 22–23 об., двойной; л. 23 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, голубая, с фрагментом филиграни — гербом “Pro Patria” с волнами. Разм.: 17,5 x 20,0. Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский. Хронологически следует за письмом № 5, в котором М.В. Гоголь просит новый платок и посылает мерку, снятую с нее для шитья платья; датируется по связи с письмом М.И. Гоголь В.А. Гоголю от 14 марта 1825 г.

...*Дражайший Папинька нездоров...* — В марте 1825 г. ухудшилось состояние здоровья Василия Афанасьевича Гоголя: обострилось заболевание, которым он страдал по меньшей мере 4 года, «не считая нужным предпринимать систематическое лечение» (*Шенрок*. Т. 1. С. 54).

Упоминаний о болезни и угнетенном состоянии духа Гоголя-отца немало в его переписке за 1822–1825 гг. (см. подробнее: *Иофанов Д.М.* Н.В. Гоголь: Детские и юношеские годы. Киев, 1951. С. 63–64) и в письмах Марии Ивановны Гоголь О.Д. и А.А. Трощинским; так, например, 16 ноября 1820 г. она сообщает: «Василий Афанасьевич мой часто тревожит меня своими припадками» (*РО ИРЛИ*. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 27); 24 марта 1822 г. жалуется на недомогание мужа (там же, л. 37); 25 января 1823 г. пишет: «Мой Василий Афанасьевич очень заболел прежним его припадком, которого уже год как у него

не было, и мы целую ночь не спали, я в чрезвычайной была тревоге, и на другой день принуждены были по совету Дмитрия Прокоф<евича> послать к господину Голованеву — он после сего припадка так слаб сделался, что с ним ни о чем теперь говорить нельзя» (там же, л. 51–51 об.); спустя несколько дней, 31 января 1823 г., беспокоится из-за его мрачного настроения и возвращения ипохондрии: «Василий Афанасьевич очень был в дурном расположении духа после своей болезни, когда писал к Вам; ему кажется, что Вы его нимало не любите и что ему иначе нельзя к вам писать. И от сего возобновилась у него гипохондрия, которая и без всяких причин после жестокого его припадка, какого и вы были свидетелем, во время болезни покойной моей Анниньки, приходит, а теперь еще больше, и я очень боюсь, чтобы не было с ним худых последствий» (там же, л. 55 об.–56). По свидетельству М.И. Гоголь, зимой 1825 г. у Василия Афанасьевича шла горлом кровь (*Шенрок*. Т. 1. С. 54; Автобиографическая записка М.И. Гоголь // *Крутикова Н.Е.* Н.В. Гоголь: Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 249). В начале марта он был вынужден поехать на лечение в Лубны и Кибинцы к докторам. В одном из писем жене (в первой половине марта) он жаловался: «...грудью ужасно страдаю, едва и спать могу» (*Дурылин* 1928. С. 64), позднее сообщал о мучивших его «ужасных припадках» (там же, с. 67). По предположению некоторых исследователей, это были проявления туберкулеза легких (см.: *Чиж В.Ф.* Болезнь Н.В. Гоголя. М., 1904. С. 7–8; *Дурылин* 1928. С. 21). Старших детей известили о болезни отца: Николай в начале марта 1925 г. писал родителям, что «весьма огорчился», узнав из их письма о нездоровье Василия Афанасьевича.

Покорнище благодарю вас за платье. Оно очень хорошо сшито и впору, и за платочки. — Речь идет о платье, мерку для которого Мария Васильевна отравила матери с предыдущим письмом, в котором также просила прислать ей новый платок; 14 марта 1825 г. Мария Ивановна писала мужу о намерении это сделать (см. письмо № 5 и коммент.).

Я окончила Школу Плейеля и Козак с вариациями... — Школа Плейеля — руководство по игре на фортепиано композитора Игнаца Йозефа Плейеля (см. объявление о продаже: «Вновь вышедшая азбука, или Клавикордная школа, сочинение Игн. Плейеля, по которой можно без учителя выучиться играть. Цена 5 руб.» — Санкт-Петербургские ведомости. 1802. 5 сентября. № 71. С. 1869), рассчитанное на начальное обучение, «на первые двадцать четыре урока» (*Натансон В.А.* Прошлое русского пианизма: (XVIII — начало XIX в.): очерки и материалы. М., 1960. С. 144). Первая, практическая, часть руководства содержит «инструктивные пьесы»: «примеры на целые ноты, половинные, четверти, восьмые и шестнадцатые, чередование пьес для правой и левой рук и т. п.»; во второй части излагаются теоретические положения и методические указания (о правильной посадке за инструментом, положении рук на клавиатуре и проч.); завершает его краткий словарь итальянских музыкальных терминов (там же). Школа Плейеля в оригинальном и переработанном виде (иногда в соавторстве с Я. Дюссеком) неоднократно переиздавалась в России (например, в 1812 и 1817 гг.), «причем эта переработка шла частично по линии добавления пьес на русскую тематику (песен из оперы “Казак-стихотворец” и танцевальных миниатюр русских композиторов)» (там же). Возможно, «Козак с вариациями», о котором пишет Мария Васильевна, — аранжировка популярной песни «Ехал казак за Дунай» из вышеуказанной оперы-водевиля К. Кавоса на текст А.А. Шаховского. В начале XIX в. были изданы также ва-

риации П. Енгальчева на эту песню (Вольман Б. Нотные издания XIX — начала XX века. Л., 1970. С. 24). О занятиях М.В. Гоголь музыкой см. письма № 3, 11, 15, 24 и коммент.

№ 7

<27 марта 1825, Богдановка>

Богдановка, 27-го марта 1825 года

Дражайшие и Почтеннейшие

Родители!

Честь имею поздравить вас с Высокоторжествен<н>ыми Праз<д>никами; от всего сердца моего желаю вам их провести счастливо и весело. Я молю Бога всегда, да возвратит прежнее здоровье Дражайшему Папinyке, счастливой почитаю себя, что могла угодить ему, буд<ь>те уверены, Дражайшие Родители, что я неуспынно стараюсь успевать в науках, дабы тем вознаградить нежное ваше обо мне попечение. Целую ваши ручки несчетны разы, с глубочайшим почтением честь имею пребыть

навсегда ваша покорная и

послушная Дочь

Марья Гоголь-Яновска

Также поздравляют вас с праз<д>ником Маминька, Тетинька, Наталия Федоровна, Павел Григоревич и Наталия Крестофоровна и все наши домашни<е>.

Прошу покорнише прислать мне бумаги и перьев.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 10–11 об., двойной, л. 11 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни: герб “Britannia” под короной в тройном овале и начало белой даты — «18». Разм.: 17,5 x 21,4. Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

...с Высокоторжествен<н>ыми Праз<д>никами... — с Пасхой, которая в 1825 г. приходилась на 29 марта (10 апреля).

...да возвратит прежнее здоровье Дражайшему Папinyке... — О болезни В.А. Гоголя см. коммент к письму № 6.

Тетинька — вероятно, родственница Е.И. Арендт, которая помогала ей вести занятия в пансионе (см. письмо № 10).

Богдановка, 27-го марта 1825 года

Дражайшая и Почтеннейшая
Бабушка.

Честь имею поздравить вас с Праз<д>никами Рождества Христова. Покорнише благодарю вас за платье. Желаю вам быть здоровым. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда

ваша покорная и
послушная внучка
Марья Гоголь-Яновска

Честь имею поздравить Дедушку и Бабушку с Праздниками и целую несчетны разы ручки их, также и Тетинькам и Дядинь<кам>.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 1–1 об.). Пагинация в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни — гербом “Britannia”. Разм.: 17,5 x 22,0. На такой же бумаге написано письмо М.В. Гоголь родителям № 7. На л. 1 об. росчерки и пробы пера («Дражайший» и др.).

Бабушка — Так Мария Васильевна называла не только родных бабушек, но и теток матери Анну Матвеевну и Агафью Матвеевну (см. коммент. к письму № 1. Можно предположить, что адресатом данного письма, отправленного вместе с письмом родителям от 27 марта 1825 г., является бабушка М.В. Гоголь по отцовской линии — Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (после 1750 – ок. 1827), урожд. Лизогуб. Она проживала в Васильевке, будучи ее владелицей вместе с сыном В.А. Гоголем, после смерти которого, в завещании, заверенном 1 июля 1825 г., отписала имение внукам, т.е. Н. Гоголю и его сестрам, назначив их опекуницей М.И. Гоголь (Духовное завещание Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской (ур. Лизогуб) // *Памяти Гоголя 1902*. Отд. III. С. 43–45). О.В. Гоголь-Головня вспоминала, что бабушка, Т.С. Лизогуб, жила с ними до своей смерти; передав хозяйство М.И. Гоголь, поселилась в маленьком домике в саду (*Гоголь-Головня О.В. 1909*. С. 35–37). Друг Николая Гоголя А.С. Данилевский рассказывал о ней В.И. Шенроку: «Татьяна Семеновна была сморщенная, как губка, вечно ходила с палочкой; молчаливая, добрая, прекрасная...» (*Шенрок*. Т. 1. С. 101). Сохранилось детское письмо Н. Гоголя бабушке (от конца 1821 г. из Полтавы), в котором он благодарит ее за гостинец. Во второй половине 1820-х гг. Татьяна Семеновна в силу преклонного возраста и состояния (см. письмо № 13 и коммент.) во многом зависела от попечения невестки, которая после смерти мужа целиком взяла на себя заботу о ней; при этом Мария Ивановна относилась к свекрови весьма почтительно и называла ее матушкой или маминькой. 19 апреля 1827 г. она писала О.Д. Трошинской: «...несколько раз собиралась к вам выехать, и всякой раз слезы старушки матушки моей тот час останавливают меня, когда она скажет вы поедете, а я умру без вас...» (*РО ИРЛИ*. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 104).

*Честь имею поздравить вас с Праз<д>никами Рождества Христова. —
имеется в виду Пасха.*

№ 9

<25 мая 1825, Богдановка>

Дражайшая Маминька!

Более двух недель узнала я о нашем несчастье; Маминька меня уже приготавлила с давнего времени — как ни чувствител^ьна⁵ для меня потеря — повинуюсь воли Всевышнего, молю Его со слезами, чтобы Он продлил драгоцен<н>ейшие дни ваши и утешил вас. Прошу вас, Дражайшая Маминька, не предавайтесь печали и берегите для нас здоровье ваше. — О себе доложу вам, что у меня чрез день лихорадка. *Пицати* был у на<с>, велел пить полынь. — Целую несчетные разы ручки и ножки ваши, честь имею пребыть с глубочайшим почтением,

Дражайшая Маминька,

ваша покорная и

послушная Дочь

Марья Гоголь-Яновска

1825 года

25 мая

Богдановка

Р.С. Целую Сестриц и Братца и прошу его, чтоб написал ко мне хотя две строчки.

Марья Гоголь-Яновская

Прошу покорнише прислать ромашки.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 12–13 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага почтовая, пожелтевшая, с «белой датой» «1822». Разм.: 12,4 x 20,8. Помета рукой неустановленного лица: «25 мая 1825» (на л. 12, в левом верхнем углу, графитным карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский. Фраза («Целую Сестриц и Братца и прошу его, чтоб написал ко мне хотя две строчки») опубликована: *Назаревский 1936. С. 354.*

...узнала я о нашем несчастье; Маминька меня уже приготавлила с давнего времени ~ Прошу вас, Дражайшая Маминька, не предавайтесь печали и берегите для нас здоровье ваше. — 31 марта 1825 г. скончался Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, отец Марии Васильевны (Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: нежинский период (1820–1828). Нежин, 2009. С. 199;

⁵ В автографе: нечувствительна

Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 51). Мать, тяжело переносившая потерю мужа, не решилась прямо сообщить о печальном событии старшим детям. Мария узнала о нем от своей наставницы госпожи Арендт, Николай — от товарищей по Гимназии Петра Баранова и, вероятно, Александра Данилевского (*Щеголев П.Е.* Из школьных лет Н.В. Гоголя. (1821–1825) // Исторический вестник. 1902. Т. LXXXVII. Февраль. С. 540). Подобно сестре, Гоголь умолял мать «уменьшить хоть немного свою печаль» ради детей (см. его письмо М.И. Гоголь от 23 апреля 1825 г. из Нежина).

Пиццати — итальянский врач Джузеппе Антонио Пиццати, друг семьи Репниных-Волконских, жил в Полтаве и ее окрестностях в пору губернаторства князя Н.Г. Репнина-Волконского (*Репнина В.Н.* Воспоминания княжны Варвары Николаевны Репниной (1808–1839) / Пер. и публ. Е.Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. [Т. XVI]. С. 289, 296, 316; см. также: *Букина А.Г.* «...À quanti studiano nelle arti Belle» (о покупке древностей кавалера Пиццати для музея Академии художеств) // Проблемы развития зарубежного искусства: Италия. Испания. Материалы научной конференции, посвященной памяти М.В. Доброклонского (20–22 апреля 2011 г.). СПб., 2012. С. 29–30).

...велел пить полынь. — Полынь входила в «Реестр медикаментам и вещам, кои по безвредности своей могут быть отпускаемы из Аптек без рецептов врачей» (Российский медицинский список: На 1825 год. СПб., [1825]. С. 241).

Целую Сестриц и Братца и прошу его, чтоб написал ко мне хотя две строчки. — Месяцем ранее, 23 апреля 1825 г., после получения известия о смерти отца, Николай просил мать: «Да еще напишите мне, дражайшая маминька: Машинька дома ли? или в пансионе. Ах, мне бы весьма желательно было ее увидеть на каникулах». Вероятно, прямая переписка между братом и сестрой стала регулярной позднее — 30 сентября 1826 г. Николай обращался к Марии Ивановне: «Получаете ли вы письма от Машиньки, что она теперь делает, не скучно ли ей, напишите к ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мне писала, скажите, что письма ее не будут оставлены без ответа, чтобы писала ко мне об нуждах своих, ежели я могу быть только в них полезен, все исполню, что только зависит от меня. Не знаю только, как адресовать к ней письма, писать ли к вам или через почту к самому г-ну Старицкому. Известите, пожалуйста, можно ли через почту и как адресовать, а то вам будет много забот и трудностей отсылать из дому чрез нарочного».

Прошу покорнише прислать ромашки. — Ромашка использовалась как лекарственное растение; о лечении травами см. коммент. к письму № 2.

№ 10

<21 сентября 1825>

Дражайшая и Почтеннейшая
Маминька!

Чувствительно благодарю вас за прислан<н>ое вами. Маминька! благодарит вас за книги, они будут хорошо сбережены и в целости возвращены. Прошу покорнише прислать капот, потому что уже холодно, Марья Васильовна не купила. Я получила письмо ваше

исправно. 3 книги, мне вами прислан<н>ые, подарены ли мне или только для прочету, прошу покорнише уведомить меня, то я буду учиться. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда ваша покорная

и послушная Дочь по гроб

Марья Гоголь-Янов<ская>

1825 года 21 сентября

Войновка

Р.С. Маминька свидетел<ь>ствуют свое почтение, также Павел Григорьевич, и Тётинька и Анна Павловна.

Наталии Крестофоровны нет у нас, уехала, а меня теперь Тетинька учит.

Мотронна просит шубу, ибо ета коротка.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 6–7 об., двойной, л. 7 об. не заполнен). Пагинация поллистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни: часть герба “Vryheyt”, литеры «Г. Щепо<чка>» и начало белой даты: «182» (см.: Кукушкина 1958. С. 351. № 538). Разм.: 17,3 x 21,7/21,8. На такой же бумаге (вероятно, на другой части того же листа) написано письмо № 11. Пометы рукой неустановленных лиц: «21 сент 1825» (на л. 6, в левом верхнем углу, графитным карандашом); «б» (на л. 6, в правом верхнем углу, синим карандашом, стерто). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

Маминька! благодарит вас за книги, они будут хорошо сбережены и в целости возвращены. — Вероятно, подразумеваются книги, позаимствованные из библиотеки Д.П. Трошинского; по свидетельству Марии Ивановны Гоголь, ее семья пользовалась книгами именно из этого обширного собрания (Шенрок. Т. 1. С. 46).

Оценить его объем и содержание позволяет описание, изданное в 1874 г.: *Каталог библиотеки Трошинского 1874*. Каталог включает в себя 4548 номеров, распределенных по разделам: «Богословие», «Философия», «Правоведение и политические науки», «История», «География. Этнография. Топография. Путешествия», «Математические, военные и морские науки», «Естественные науки», «Медицина», «Технология и сельское хозяйство»; кроме того, представлены искусства, языкознание, отечественная и зарубежная словесность, а также разнообразные периодические издания. Гоголь не раз просил родителей прислать ему в Нежин «книг из Кибинец» (см. его письма от 13 июня 1824 г. и начала марта 1825 г.).

Капот — «свободное женское платье с рукавами на сквозной застежке»; в первой трети XIX в. — платье, предназначенное для улицы; капотом также называли женскую шляпку «с широкими полями только спереди, стянутыми с боков лентами» (Кирсанова 1995. С. 117).

Войновка — Деревня в Полтавском уезде Полтавской губернии, в которой находилось имение Старицких (Приложение к трудам редакционных комиссий

для составления положений о крестьянах, находящихся в крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI: Извлечения из описаний имений по губерниям: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской. СПб., 1860. Полтавская губерния. № 11. С. 2). Из Войновки Мария Васильевна писала родителям также 25 июля 1825 г.; А.А. Назаревский приводит следующую фразу из этого письма: «Братца также очень благодарю за рассортирование шелков. Желая ему быть здоровым и веселым...» (*Назаревский 1936. С. 354*).

Анна Павловна — дочь Павла Григорьевича Старицкого от первого брака, род. около 1806 г. (*Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4: П–С. Киев, 1914. С. 748*).

№ 11

<Конец сентября — начало октября 1825>

Дражайшая и Почтеннейшая Маминька!

Покорнише благодарю Вас за все прислан<н>ое вами; за капотом и шапочкою пошлем на сих днях.

Я занимаюсь целой день, так что едва достает времени списывать ноты. Буд<ь>те уверены, Дражайшая Маминька! что все мои мысли клонятся, как сделат<ь>ся полезною моим Сестрицам, и тем заслужить все то что вы для меня делаете.

Мотреной я и Маминька довольны. Я подозреваю на одну девуку, что она сказала Человеку (которая не очень чиста на руку) и которая прежде служила Маминьке и затем и отставлена; я помню, Дражайшая Маминька! ваши приказания и стараюсь их выполнять. Маминька свидетел<ь>ствует вам свое почтение, и благода<ри>т вас очень за книги, которых 2 книжки прочли, и присылаю при сем. Наталия Феодоровна и Павел Григорьевич, Анна Павловна поехали к своей племян<н>ице на свад<ь>бу, а завтра ожидаем.

Целую несчетные разы ручки ваши и остаюсь навсегда с глубочайшим почтением

честь имею пребыть ваша покорная
и послушная Дочь

Марья Гоголь-Яновск<ая>

Целую Сестриц моих малинких.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 2–3 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни: часть герба “Vryheyt”, литеры «<Г. Щепо>чкина» и окончание белой даты: «<182>4 г.» (см.: *Кукушкина 1958. С. 351. № 538*). Разм.: 17,3 х 21,3/21,5. На такой же бумаге написано письмо № 10. Помета рукой неустановленного лица: «2» (на л. 2,

в правом верхнем углу, синим карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

...за капотом и шапочкою пошлем на сих днях. — О капоте см. письмо № 10 и коммент.

...едва достает времени списывать ноты. — О занятиях М.В. Гоголь музыкой см. письма № 3, 6, 15, 24 и коммент. Провинциальным барышням сложно было доставать нотные издания, к тому же стоили они немало, поэтому ноты нередко переписывали друг у друга (*Петровская И.Ф.* Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту, 1801–1859 годы: материалы для энциклопедии «Музыкальный Петербург». СПб., 2000. С. 54). Ольга Васильевна вспоминала: «Музыку почти оставила, потому что новых нот не было; Аннет, когда ездила к соседям, всегда привозила ноты и переписывала себе, но мне не давала: верно, ее задело, когда брат сказал, что я лучше ее играю; как видно, ей хотелось меня перегнать. Когда-то она пошла в сад, а я начала разбирать ее ноты. Она, как услышала, прибежала и отняла свои ноты» (*Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 19).

...как сделат<ь>ся полезною моим Сестрицам, и тем заслужить все то что вы для меня делаете. — Планировалось, что старшая из сестер, вернувшись домой после окончания пансиона, будет обучать младших, поскольку на их начальное образование у семьи не было денег (см. подробнее вступ. статью).

№ 12

<16 декабря 1825>

Дражайшая и Почтен<н>ейшая
Маминька.

За первый и священ<н>ый долг поставляю поздравить вас с наступающими праз<д>никами и новым Годом. Молю Всевышнего, дабы он послал вам здоровье и благополучие.

Я чу<в>ствую все ваши родительские об мне попечения, которые никогда не изглаятся из моего сердца. Желая вам иметь столько радостей от нас, сколько Маминька имеет от своих детей. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда ваша послушная покорная

по гроб Дочь

Марья Гоголь-Яновска

1825 года
16 декабря

Маминька, Тетинька и Павел Григорьевич и все свидетельствуют вам свое почтение.

Посылаю вам бонбоньерку.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 26–27 об., двойной; л. 27 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу,

графитным карандашом. Бумага средней плотности, пожелтевшая, с фрагментом филигрании: литеры «ЛФСАЛ» и «белая дата» «1825». Разм.: 17,3 х 21,0. Помета рукой неустановленного лица: «16 дек. 1825» (на л. 26, в середине верхнего поля, графитным карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

...сколько Маминька имеет от своих детей. — Трое сыновей Е.И. Арендт стали врачами; наибольших успехов добился старший, Николай Федорович Арендт: к концу 1825 г. он уже приобрел известность как умелый хирург, получил без экзамена звание доктора медицины и хирургии, был введен в состав Медицинского совета и назначен на должность главного доктора Петербургского Артиллерийского госпиталя (*Боглачев С., Боглачева И.* Лейб-медик Николай Федорович Арендт // Немцы Санкт-Петербурга. Наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 512–513; см. также коммент. к письму № 22); средний брат, штаб-лекарь Павел Федорович Арендт (род. 1789), служил в это время оператором в Курской врачебной управе, а младший, штаб-лекарь Андрей Федорович Арендт (1794–1862), — акушером в Таврической врачебной управе (*Месяцеслов.* 1826. Ч. 1. С. 406, 408; Российский медицинский список: На 1825 год. СПб., [1825]. С. 61, 67; о Павле Арендте см.: За строкой архивных документов: дворяне Курской губернии — участники Отечественной войны // «Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России...» (Курский край в Отечественной войне 1812 года): Курский военно-исторический сборник. Вып. 8а. Курск, 2012. С. 69). Две дочери Е.И. Арендт, Наталья и Софья, в 1812 г. уехали с матерью из Москвы в Полтавскую губернию, где Наталья Федоровна вышла замуж за П.Г. Старицкого (*Боглачев С., Боглачева И.* Указ. соч. С. 512).

Бонбоньерка — изящная разукрашенная небольшая коробка для сластей. Дамам было принято дарить конфеты только в бонбоньерках (*Беловинский Л.В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003. С. 67).

№ 13

<15 февраля 1826>

Дражайшая и Почтен^нейшая
Маминька!

Чу^вствительно благодарю вас за все вами прислан^ное. Прошу покорнише прислать мне нотной бумаги, у меня нет ни куска.

Жалею очень, что Бабушка нездорова. Маминька просит вас попросить у Андрея Андреевича каких-нибудь французских путешествий. Когда вы будете в Кибинцах, то попросите играных карт Маминьки.

P.S.

Помады две банки прошу прислать.⁶ Маминька свидетел^ьствует вам свое почтение, также Тетинька, Павел Григорьевич и Анна

⁶ Помады ~ прислать. — *приписано на верхнем поле.*

Павловна. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда ваша покорная

и послушная дочь по гроб

Марья Гоголь-Яновска

1826 года

15 фев<раля>

P.S.

Вы верно не получили моей записочки, в которой я писала, что еще за капот 3 рубли (2 руб. и 1 рубль за бархатку и теперь остается).

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 28–29 об., двойной; л. 29 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни: на стиге листа литеры «МФАГ», частично скрытые переплетом, и начало белой даты «18». Разм.: 17,5 x 20,0. Пометы рукой неустановленных лиц: «15 фев. 1826» (на л. 28, в левом верхнем углу, графитным карандашом); «16» (на л. 28, в правом верхнем углу, синим карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

Прошу покорнише прислать мне нотной бумаги, у меня нет ни куска. — Нотная бумага стоила дорого (Петровская И. Ф. Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту, 1801–1859 годы: материалы для энциклопедии «Музыкальный Петербург». СПб., 2000. С. 54), в первой трети XIX в. ее производили немногие российские фабрики, частично она закупалась за границей.

...Бабушка нездорова. — Речь идет о Татьяне Семеновне Гоголь-Яновской. А. А. Трошинский писал М. И. Гоголь 23 февраля 1826 г.: «В рассуждении же болезненного состояния вашей свекрови вы, конечно, не упустили уже по-советоваться с моею матушкою, а впрочем по общему закону природы да будет над нею воля Божия» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1 об.–2). Летом 1826 г. М. И. Гоголь брала дочь из пансиона на три дня «для свидания с бабушкой»; об этом Мария Ивановна писала Петру Петровичу Косяровскому 5 сентября 1826 г. (Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 92). Возможно, это было связано с болезнью бабушки.

Маминька просит вас попросить у Андрея Андреевича каких-нибудь французских путешествий. — Просьба касалась книг из библиотеки Д. П. и А. А. Трошинских (см. коммент. к письму № 10). Популярному тогда жанру путешествий в каталоге этого собрания отведен целый раздел (*Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 128–144; см. коммент. к письму № 10). В нем представлены переводные издания французских авторов и описания Франции, например, «Путевые записки из Парижа в Иерусалим, и из Иерусалима в Париж, в первом пути чрез Грецию, а в возвратном чрез Египет, варварския земли и Гишпанию. Ф. А. Шатобриана: Ч. 1–3 / Пер. с франц., с 3-го изд. М., 1815–1816», книга очерков Льва Цветаева «Панорама Парижа, или описание сего города и его достопримечательностей. 2-е испр. изд. М., 1822» и др. (*Каталог библиотеки Трошинского 1874*. С. 142). Вероятно, Е. И. Арендт не раз обращалась к Марии Ивановне с подобными просьбами: 23 января 1827 г. М. И. Гоголь

писала О.Д. Трощинской: «Как мне жаль, что, будучи у Кибенцах, не просила у тебя французских книг для Арендтовой. Андрей Андреевич обещал дать. При случае пришли мне, мой ангел, уложи в ящик или в корзинку соломяную...» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 93–93 об.).

Игранные карты — «подержанные» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 2. С. 3); уже употреблявшиеся для игры карты, которыми не принято играть снова.

Помады две банки прошу прислать. — Помада — в первой половине XIX в. — душистая косметическая мазь, применяемая в различных целях («Помада есть для губ, и для других причин...» — Грибоедов А.С. Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах // Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995–2006. Т. 1. 1995. С. 58); в то время помаду хранили в банках (помадницах); делали ее как на фабриках, так и в домашних условиях; см. словарь В.И. Даля: «Помада, мазь, масть, для умащения волос; есть и губная помада, помада от загару и пр. Помадная фабрика. Помадная банка, или помадница» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 3. С. 277). Способы приготовления помады различных видов (цитронной, ванильной, мускусовой, гвоздичной, мозговой, раковинной, огуречной, от угрей, губной) описаны в сборнике рецептов, изданном в 1829 г.: «Помада есть состав жира и благовонных веществ, употребляемый для смазывания волос на голове» (Новейший и совершенный парижский кондитер, лимонадчик и дистиллятор... Соч. Г. Корделли: В 2 ч. Ч. 2. М., 1829. С. 140–145; см. также: Авдеева Е.А. Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку...: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1848. С. 27–29). В 1839 г. помадная фабрика Герке в Санкт-Петербурге выпускала помаду «душистую», «чистую мозговую», «черную», «фиксатуар» и «для рук» (Указатель Выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С.-Петербурге в 1839 году. СПб., 1839. С. 98).

№ 14

<30 мая 1826>

Дражайшая и Почтен^нейшая
Маминька.

Чу^вствител^ьно благодарю вас за все вами присланное, башмаки в пору. Маминька чу^вствител^ьно благодарит вас за табатерку.

Целую ручки Дядиньки, Тетиньки и бабушкам и Дедушке. Целую Сестриц и посылаю Анниньки птичку. Целую ваши ручки
остаюсь навсегда ваша покорная
и послушная Дочь
Марья Гоголь-Янов^ская>

1826 года
30 мая

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1–1 об., одинарный). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага тонкая, белая, без водяных знаков. Разм.: 16,3/17,0 х 19,8/20,0. Пометы рукой неуставленных лиц: «30 мая 1824<?>» (на л. 1, в левом верхнем углу, графитным карандашом); «1» (на л. 1, в правом верхнем углу, синим карандашом). Прочерчены линейки графитным карандашом. Почерк детский.

Табатерка — табакерка (Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 602).

№ 15
<10 апреля 1827>

Дражайшая и Почтен<н>ейшая
Маминька!

Честь имею поздравить вас с прошедшими праз<д>никами и пожелать вам всего счастья и благополучия с вашим семейством. Чу<в>ствительно благодарю вас за все ваши милости, мне оказываемые, и за ваше дражайшее письмо. Как бы я желала с вами видеть<ь>ся. Я не получала ни одного письма от Братца. Я на форто-пиано начинаю пошибще играть. Целую Сестриц, ежели вы, Дражайшая Маминька, приедете, то их привезите с собою. Я молно бога, чтоб вы были совершен<н>о здоровы. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда ваша покорная и послушная

Дочь
Марья Гоголь-Яновск<ая>

1827 года
Апреля 10⁷

P.S.

Я написала письмо к Тетиньке Ольги Дмитриевны, в котором я ее [их] благодарю за книги, которое при сем посылаю. Как бы я была рада видеть Дядинек⁸, я слышала от Харетине, что они располагают приехать. Маминька, Павел Григорьевич, Тетинька свидетел<ь>ствуют вам свое почтение и все.

Засвидетел<ь>ствуйте мое почтение Любезнейшей Тетиньке Варваре Петровне.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 38–39 об., двойной; л. 39 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, пожелтевшая, с фрагментом «белой даты»: «1». Разм.: 16,6 х 21,6. Пометы рукой неуставленных лиц:

⁷ Число может быть прочитано как «16».

⁸ В автографе: Дадинок

«16 апр. 27» (на л. 38, в левом верхнем углу, графитным карандашом); «21» (на л. 38, в правом верхнем углу, синим карандашом). Линеек нет, почерк взрослый. Фраза («Я не получала ни одного письма от Братца») опубликована: *Назаревский 1936. С. 354*. Датировка 10 апреля подтверждается тем, что к 12 апреля М.В. Гоголь уже получила письмо от брата, о чем сообщила родителям (см. далее).

...поздравить вас с прошедшими праз<д>никами... — Поздравления с пасхальными праздниками в семейной переписке Гоголей носили неизменный характер. М.И. Гоголь (видимо, почти в то же время) получила поздравление и от сына, Н. Гоголя, находившегося в Нежинской гимназии: «Позвольте во-первых, Почтен<н>ейшая Маминька, поздравить вас с праздником воскресенья Христова, думаю, что вы провели первые дни его хорошо, желаю и окончить его весело» (письмо Н. Гоголя М.И. Гоголь от 6 апреля 1827 г.). В 1827 г. Пасха приходилась на 3 апреля.

...ваше дражайшее письмо. — Не сохранилось.

Как бы я желала с вами видет<ь>ся. — Мария Ивановна периодически навещала дочь в пансионе: в июле 1826 г. забирала ее на три дня домой — для свидания с бабушкой (см. ее письма Петру Петровичу Косяровскому от 15 июля, 5 сентября 1826 г. — *Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 91, 92*). Ездila ли она к дочери весной 1827 г., неизвестно.

Я не получала ни одного письма от Братца. — Мария Гоголь неоднократно жаловалась матери на то, что не получает писем от Н. Гоголя. В письме от 25 мая 1825 г. (№ 9) она передавала брату просьбу написать «хотя две строчки», в письмах от 18 и 23 февраля 1827 г. сетовала на то, что он не отвечает (*Назаревский 1936. С. 354*). Видимо, к 10 апреля 1827 г. М. Гоголь еще не получила письма, уже отправленного ей Н. Гоголем (через Васильевку): «Письмо к Сестрице Машиньке, — пояснял Н. Гоголь матери 24 марта 1827 г., — я написал и прилагаю его здесь. Сделайте милость, Почтен<н>ейшая Маминька, отправ<ь>те ей поскорее, она еще в самом деле подумает, что я забыл ее». По получении письма, М. Гоголь ответила брату — вероятно, 12 апреля (тоже через Васильевку): «Меня очень утешило, — писала она матери 12 апреля 1827 г., — любезное письмо моего дрожайшего братца... Посылаю вам письмо к братцу и прошу покорнейше отправить вместе с вашим... Я писала прежде получения братцового письма одно через почту к нему...» (*Назаревский 1936. С. 354–355*). Упомянутое письмо М.В. Гоголь не разыскано, известно лишь черновое (забракованное) начало письма (на внутренней стороне надписанного конверта): «Любезнейший и почтеннейший братец, как долго я не видалась с вами»; надпись на конверте: «Любезнейшему братцу Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому. В Нежин, в Гимназии высших наук» (там же, с. 317; *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подг. текстов и комментарии: И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. Т. X. М.; Киев, 2009. С. 59, 355).

Я на форто-пьяно начинаю пошибце играть. — К этому времени М. Гоголь играла на фортепьяно уже около двух лет. Подробнее о ее занятиях музыкой см. письма № 3, 6, 11, 24 и коммент.

Я написала письмо к Тетиньке Ольги Дмитриевны, в котором я ее [их] благодарю за книги, которое при сем посылаю. — 23 января 1827 г. М.И. Гоголь просила Ольгу Дмитриевну Трошинскую отправить «французских книг для Арендтовой» (см. коммент. к письму № 13), а 4 февраля 1827 г. благодарил

ла ее за быстрое выполнение просьбы: «Много благодарна тебе, мой сердечный друг! за книги, я напишу к Маши, чтобы скорее их возвратила, и доставлю к тебе; я воображала, что еще не так скоро ты мне их пошлешь...» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 95 об.). Книги были позаимствованы из библиотеки Д.П. Трошинского (подробнее о ней см. коммент. к письму № 10).

Как бы я была рада видеть Дядинок, я слышала от Харетине, что они располагают приехать. — О приезде в Васильевку (на продолжительное время) двоюродных братьев матери Петра и Павла Петровичей Косяровских речь шла давно (см. письмо М.И. Гоголь Петру Петровичу Косяровскому от 18 января 1827 г. // *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 94–95), первоначально их ждали к Пасхе, но они прибыли лишь летом, вероятно, в июне (см. письма М.И. Гоголь Петру Петровичу Косяровскому от 31 марта, 16 мая 1827 г. — там же, с. 95, 96–97). О возможном приезде братьев Косяровских узнал (еще прежде сестры) Н. Гоголь (из письма матери), который, как и Мария, обрадовался этому известию и в письмах домой неоднократно расспрашивал о «любезных» родственниках и дате их приезда (см. письма Н.В. Гоголя М.И. Гоголь от 24 марта, 6, 17 апреля 1827 г.). В ту пору братья Косяровские жили в Одессе и хлопотали об устройстве на службу. Косяровский Петр Петрович (1796 или 1797–1849) — закончил 2-й Кадетский корпус (Санкт-Петербург), военный. В 1820 г. находился с полком в Кахетии, о чем известно из его письма М.И. Гоголь от 8 ноября 1820 г. (*Чаговец В.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Памяти Гоголя 1902.* Отд. III. С. 48). Очевидно, служба по каким-то причинам была прервана — из писем Петра Косяровского М.И. Гоголь 1826–1828 г. следует, что его попытки вернуться в армию были достаточно долгими (*Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 93, 98, 101, 102); увенчались успехом только в конце сентября 1829 г. Петр Косяровский вышел в отставку в чине полковника (был артиллеристом), скончался в 1849 г. (Николай Васильевич Гоголь. 1827–1828. Неизданные письма Гоголя (вступ. заметка Н.П. Косяровского, сына адресата) // *Русская старина.* 1876. Т. XV. Январь. С. 39). Упомянутая заметка предшествует публикации писем Н.В. Гоголя Петру Косяровскому от 13 сентября, 3 октября 1827 г., 8 сентября 1828 г., 9 сентября 1832 г. (предположительно датировано 1828 г.), обнаруженных его сыном при разборе бумаг в родительском имении — в селе Белом Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии (там же, с. 40–45). Сохранилась обширная коллекция писем М.И. Гоголь Петру Косяровскому (1819–1848 гг.), отрывки из которой печатались с 1886 г.; наиболее полно представлена в издании: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 87–111. Косяровский Павел Петрович (1801 или 1802 – не ранее 18 марта 1869), выпускник (в конце декабря 1817 г.) 2-го Кадетского корпуса (в Санкт-Петербурге); до марта 1822 г. — на военной службе; с января 1829 г. — в гражданской: в штате Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, откуда командирован к исправлению должности смотрителя Одесской городской больницы (февраль 1833 — октябрь 1836 г.); на службе по имениям Военного ведомства (с июня 1837 г.); член Окружного Управления 4-го Округа и Волостной Начальник в отдельном участке бывшего 4-го Округа (с января 1841 г.). Не менее четверти века — правитель дел Петровского полтавского кадетского корпуса (прибыл 1 января 1844 г.; утвержден 25 ноября 1844 г.), впоследствии преобразованного в Петровскую Полтавскую Военную Гимназию (в мае 1865 г.), с октября 1865 г. должность Павла Косяровского переименована в секретарскую. Дослужился до

чина надворного советника, кавалер многих орденов (подробную справку о Павле Петровиче Косяровском, а также публикацию его формулярных списков и личного дела, связанного с военной службой, см.: Наст. изд. С. 214–228). Известны три письма Н. Гоголя Павлу Косяровскому: от 13 сентября, 3 октября 1827 г., от 2 сентября 1828 г.

Харетина, Харитина (греч. — благодатная) — вероятно, дворовая Гоголей, периодически бывавшая у Марии Гоголь в пансионе. В письме от 23 ноября 1830 г. Мария Ивановна Гоголь жаловалась О.Д. Трощинской, что лишилась своей старой слуги Харетины, которая вздумала выйти замуж (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 124–124 об.).

...мое почтение Любезнейшей Тетиньке Варваре Петровне. — Речь идет о Варваре Петровне Косяровской, родной сестре упомянутых выше братьев Петра и Павла Косяровских, двоюродной сестре М.И. Гоголь. Весной 1827 г. Николай Гоголь также писал о ней матери: «Тётиньке Варваре Петровне изъясните мое почтение и радость, что она гостит, дай бог, чтобы я, приехавши на каникулы, мог застать ее у нас, как бы весело провели время вместе» (письмо Н.В. Гоголя М.И. Гоголь от 24 марта 1827 г.). Свидетельства пребывания Варвары Петровны в Васильевке в это время содержатся также в переписке М.И. Гоголь с О.Д. Трощинской (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 12 об.; Ед. хр. 66. Л. 105 об.) и П.П. Косяровским (*Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 97).

№ 16

<2 июня 1827>

Дражайшая и Почтен<н>ейшая Маминька!

С великим прискорбием узнала я с письма вашего, что вы нездоровы, но немало была обрадована, услышавши, что вам, славу Богу, лучше. Лихорадка весен<н>ая не опасна, говорят. Вам бы хорошо пить полынную⁹ воду и третью часть водки и класть туда немного нашатеру. Я получила от вас деньги и сухари, за что чув<в>ствительно вас благодарю и заочно целую ваши дражайшие ручки. Я чрезвычайно удивилась, не получивши шкаховки¹⁰, которую я столь великим нетерпением ожидаю. Прошу покорнише прислать ее по первой оказии в Полтаву. А оттуда Яков Иванович ко мне доставит, он такой доброй, все препоручен<н>ости с таким удовольствием исполняет. Лекарства я не принимаю, но если вам уходно, чтоб я принимала, то я посылаю рецепт, которой пошлете в аптеку, но прошу покорнише прислать назад, ибо он Маминьки нужен. Маминька, Тетинька и все наши вам свидетельствуют свое почтение. Целую несчетны разы ручки ваши и остаюсь навсегда вечно

⁹ В автографе: полинуку

¹⁰ Так в автографе.

ваша покорная и послушная

дочь Марья Гоголь.

1827 года

2 июня.

P.S.

Мы вас все ожидаем с Братцом и Сестрицами. Целую ручки Бабушки. Целую Сестриц, свидетел^ьствую Варвари Петровны мое почтение; Явдоксинька кланяется Анни и Лизы.

Я хотела с вами поговорить насчет моего насморку, что редко когда могу обонять что-нибудь и что у меня до сих пор не ровно бывает на себе; мне подарили ту собаку, у которой я говорила, которую при сем посылаю и прошу покорнише велеть ее Домне кормить. Когда б до шкапа столяр приделал замок внутрен^ной. Две полочки не мешают.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 32–33 об., двойной; л. 33 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филигрانی: литеры «<Г Оло>нкиной», раковина и окончание «белой даты» «<18>24» (см.: Клепиков 1978. № 203. С. 20, 104). Разм.: 17,5 x 21,8. На такой же бумаге написаны письма № 18, 19. Пометы рукой неустановленных лиц: «2 июня 1827» (на л. 32, графитным карандашом, в середине верхнего поля); «18» (на л. 32, в правом верхнем углу, синим карандашом). Почерк взрослый. Фраза («Мы вас все ожидаем с Братцом и Сестрицами») опубликована: Назаревский 1936. С. 355.

...узнала я с письма вашего, что вы нездоровы, но немало была обрадована, услышавши, что вам, славу Богу, лучше. Лихорадка весен^няя не опасна, говорят. — Письма М.И. Гоголь старшим детям, Марии и Николаю, с сообщением о болезни не сохранились; известно лишь ее письмо двоюродному брату Петру Косяровскому от 16 мая 1827 г.: «Сильная лихорадка, лишая меня телесных сил, отнимает и душевные способности <...> преболезные несносные хлопоты привели мне на мысль сделать сноп хлеба и на нем отдыхающего человека, а вокруг сего слова: покой всего дороже...» (Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 97). Николай Гоголь, узнав о плохом состоянии матери, чрезвычайно встревожился: «Получил ваше письмо сегодня, — писал он ей 20 мая 1827 г., — и к моей горести узнал, что вы больны. <...> Меня мучит ваша болезнь. <...> Сделайте милость, берегите себя. В это время, когда вы нездоровы, я чувствую сам себя от того нездоровым. Вы сами знаете, что я еще драгоцен^нее вас ничего не имею. <...> Меня крушит ужасно как болезнь ваша».

Вам бы хорошо пить полынную воду и третью часть водки и класть туда немного нашатыру. — Нашатырь (укр. — нашатир) широко использовался как лекарство, в частности противовоспалительное: «Употребляется как сильно мокроты разводящее и гнилости противящееся средство...» (Словарь Академии российской. Ч. III. Стлб. 1269). Эти же свойства приписывались полыни (Там же. Ч. IV. Стлб. 1463). Оба средства фигурируют и в специаль-

ном издании, где отмечается, что полынь «с пользой употребляется в перемежающихся лихорадках», а нашатырь обладает противовоспалительными свойствами (Энциклопедический медицинский лексикон...: В 3 ч. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1842. С. 33, 113). И полынь, и нашатырь входили в «Реестр медикаментов и вещам, кои по безвредности своей могут быть отпускаемы из Аптек без рецептов врачей» (Российский медицинский список: На 1825 г. СПб., [1825]. С. 241).

Я чрезвычайно удивилась, не получивши ишаховки... — Здесь и ниже в письме речь идет о маленьком шкафе, шкафчике (укр.: шафка, шафочка).

А оттуда Яков Иванович ко мне доставит, он такой доброй, все препорученности с таким удовольствием исполняет. — Яков Иванович — лицо не установленное, возможно — кто-то из полтавских знакомых Гоголей или один из служащих пансиона.

Лекарства я не принимаю, но если вам угодно, чтоб я принимала, то я посылаю рецепт, которой пошлете в аптеку... — О лечении членов гоголевской семьи — домашними средствами и по рецептам — см. коммент. к письму № 2.

Мы вас все ожидаем с Братцом и Сестрицами. — Поездка «с братцем» могла состояться только после его приезда домой на каникулы. В 1827 г. он выехал из Нежина не ранее 26 июня 1827 г. (см. его письма М.И. Гоголь от 7 июня 1827 г. и Г.И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.). Из письма М.В. Гоголь М.И. Гоголь от 5 августа 1827 г. известно, что последняя побывала у дочери, — одна или с сыном и младшими дочерьми, неизвестно.

Явдоксинька — Вероятно, малолетняя (ок. 1824 г. рожд.) дочь Натальи Федоровны и Павла Григорьевича Старицких (Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4: П—С. Киев, 1914. С. 748).

...мне подарили ту собаку, о которой я говорила, которую при сем посылаю и прошу покормить велесть ее Домне кормить. — По всей видимости, пес по кличке Дорогой, который упоминается в письмах Гоголя Павлу Косяровскому от 13 сентября 1827 г. («глубокомысленный Дорогой») и от 2 сентября 1828 г.: «...один только Дорогой остался верен своему бывшему пристанищу (верхнему этажу дома в Васильевке. — *Ред.*) и на зло за то, что его часто оттуда прежде гоняли, храпит там безотлучно». Эта собака упоминается в записках сестры Гоголя, Е.В. Быковой: «У старшей сестры (т. е. у М.В. Гоголь. — *Ред.*) была огромная датская собака “Дорогой”; брат часто сажал меня на нее и заставлял катать, а сам погонял» (Отрывок из записок Елисаветы Васильевны Быковой, родной сестры Гоголя // Русь. 1885. 24 декабря. № 26. С. 5; публикация Н.П. Быкова). Домна — по предположению С.Н. Дурылина, дворовая Гоголей (Дурылин 1928. С. 104).

Когда б до шкапа столяр приделал замок внутрен<н>ой. Две полочки не мешают. — Ольга Васильевна Гоголь-Головня вспоминала, как с разрешения матери заказывала шкаф для трав и лекарств столяру — видимо, мастеру из Васильевки: «Как делал столяр шкаф, я каждый день ходила рассказывать, какие полки и ящики делать, и вышла целая аптека, которая и теперь мне служит» (Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 37).

Дражайшая и Почтен^нейшая
Маминька!

За прислан^ные вами вещи чув^вствител^ьно вас благодарю; прошу покорнише уведомить, был ли у нас почтен^нейший наш благодетель Дмитрий Прокофиевич и весело ли провел у нас время. Прошу за меня поцеловать его почтен^нейшие ручки, также Дедушке, Бабушкам и тетиньке Ольги Дмитриевне и Дядиньке. Мне о сию пору воображается, как будто вы тут. Даже как будто слышу, что вы разговариваете. Ах! Как мне грустно было, как вы уехали, тогда я почув^вствовала в полной мере, какова родитель^ьская любовь ваша ко мне. Целую несчетны разы ручки ваши и молю Всевышнего о продолжении драгоцен^ных ваших дней в совершен^ном здоровье и благополучии. Остаюсь

навсегда ваша покорная

и послушная по гроб мой

Дочь

Марья Гоголь-Яновск^ая>

1827 года

Августа 5

Богдановка

Братца и Сестриц мысленно целую и обнимаю. Прошу Братца, чтоб он меня не забывал, хоть иногда ко мне писал.

Прошу засвидетел^ьствовать мое почтение Варваре Петровне, Петру Петровичу и Павлу Петровичу. Ах: Как мне хочется его увидеть.

Елизавете Петровне свидетел^ьствую мое почтение и благодарю ее за варенье. Ежели бы еще она потрудилась мне прибрать лакомства и прислать. Ее банку и ящик посылаю. Ежели бы можно, чтоб прислали мне меду чистого, мне очень нужно теперь.

Я всякой день чищу зубы и перестала уже купаться.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 34–35 об., двойной; л. 35 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филигрانی: литеры «Г Олон^киной>», раковина и начало «белой даты» «18» (см. *Клепиков 1978. № 203. С. 20, 104*). Разм.: 17,5 x 21,7. На такой же бумаге написаны письма № 17 и 19. Помета рукой не установленного лица: «1[?] авг. 1827» (на л. 34, графитным карандашом, в левом верхнем углу). Почерк взрослый. Фразы («Братца и Сестриц мысленно целую и обнимаю. Прошу Братца, чтоб он меня не забывал, хоть иногда ко мне писал») опубликованы: *Назаревский 1936. С. 355*.

...был ли у нас почтен<н>ейший наш благодетель Дмитрий Прокофьевич и весело ли провел у нас время. — Дмитрий Прокофьевич Трошинский периодически бывал в Васильевке, зачастую вместе с родными. К его визитам в семье Гоголей тщательно готовились. В письмах Марии Ивановны Гоголь Петру Косяровскому подробно описан один из них — в сентябре 1826 г., на храмовый праздник и ярмарку: «...теперь занимаюсь приготовлением к их приезду...» (письмо от 5 сентября 1826 г.); «...он у нас был, и чрезвычайно был доволен моим угощением...» (письмо от 13 ноября 1826 г.); «...старалась доставить ему все те удовольствия, какие он любит...» (письмо от 18 декабря 1826 г. — *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 92, 94). Состоялось ли посещение, о котором пишет М.В. Гоголь, неизвестно.

...тетиньке *Ольги Дмитриевне и Дядиньке*. — Имеются в виду Ольга Дмитриевна и Андрей Андреевич Трошинские.

Прошу засвидетел<ь>ствовать мое почтение Варваре Петровне, Петру Петровичу и Павлу Петровичу. Ах: Как мне хочется его увидеть. — О Варваре, Петре и Павле Косяровских см. письмо № 15 и коммент. Н.В. Гоголь, который провел в их обществе летние каникулы, писал М.И. Гоголь 19 августа 1827 г.: «Вместе с вами вспоминает благодарное мое сердце и радостное общество близких родных наших, моих дядей Петра Петровича, Павла Петровича и Варвару Петровну. Их образ навсегда врезался в душе мой».

Елизавете Петровне свидетел<ь>ствую мое почтение и благодарю ее за варенье. Ежели бы еще она потрудилась мне прибавить лакомства и прислать. — Елизавета Петровна Грибоедова — приживалка в доме Гоголей (Письма Н.В. Гоголя: В 4 т. / Ред. В.И. Шенрока. Т. I. СПб., 1901. С. 81). После летних каникул 1827 года, проведенных в Васильевке, Н.В. Гоголь несколько раз упоминал о ней в письмах матери (от 30 августа, 12 сентября, 13 ноября 1827 г.). Елизавета Петровна обеспечивала провизией не только Марию Гоголь, но и ее брата Николая, которого 18 августа 1827 г. снарядила в обратный путь (в Нежинскую гимназию): «...она для меня как трудилась, изготовила мне всего на дорогу...» (письмо Н.В. Гоголя М.И. Гоголь от 12 сентября 1827 г.). Просьба Марии Васильевны, судя по ее следующему письму к матери (№ 18), была выполнена.

№ 18

<20 августа 1827, Богдановка>

Дражайшая и Почтен<н>ейшая
Маминька!

Я ваше письмо получила 13 августа и посылку, и была очень обрадована, узнавши, что вы все, слава Богу, здоровы. Я думаю, мой Братец выехал, то прошу покорнише ему написать, чтоб он когда-нибудь ко мне написал. Я желала б знать за танцмейстера, согласился ли он или нет сюда ездить. Уведомите меня, скоро ли моя шляпка поспеет. Извините меня, что я в прошедший раз писала, что посылаю ящик и банку, не зная, что человек верхом ехал, но теперь посылаю оба ящика. Я начинаю говорить по-немецки. Прошу

покорнише поцеловать ручки Дедушки, Бабушкам. Целую несчетны
разы ручки ваши и молю Всевышнего о ниспослании вам здоровья
и благополучия. Ваша покорная

И послушная по гроб

Дочь

Марья Гоголь

1827 года

20 августа

Богдановка

Мо<я> десна слава Богу лучше.¹¹

P.S.

Целую Сестриц. Прошу покорнише засвидетел<ь>ствовать мое
почтение Варваре Петровне, Петру Петровичу и Павлу Петровичу
и Елизавете Петровне. Я её очень благодарю, что она мне присла-
ла варенья и ежели <бы> еще чего-нибудь прислала, то б очень не
худо.

Свидетел<ь>ствуют вам свое почтение все наши. Анна Гри-
горьевна меня принудила свидетел<ь>ствовать вам ее почтение.

Ее Высокоблагородию
Милостивой Государине
Марьи Ивановне
Гоголь-Яновской

в д. Васильевку

Прошу покорнише прислать шляпку к 6 сентября, ежели можно.
Посылается одна банка.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 36–37 об.,
двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным каранда-
шом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом фили-
грани: литеры «Г Олон<киной>», раковина и начало «белой даты» «18» (см.
Клепиков 1978. № 203. С. 20, 104). Разм.: 17,6 x 21,6. На такой же бумаге напи-
саны письма № 17, 18. Помета рукой неустановленного лица: «20 авг. 1827» (на
л. 36, графитным карандашом, в левом верхнем углу). Почерк взрослый. Фраза
(«Я думаю, мой Братец выехал, то прошу покорнише ему написать, чтоб он
когда-нибудь ко мне написал») опубликована: *Назаревский 1936. С. 355*.

Я ваше письмо получила 13 августа и посылку... — Письмо не разыскано.
Посылка (видимо со сладостями) была отправлена М.И. Гоголь по ее просьбе
(см. письмо №17 и коммент.).

¹¹ Мо<я> десна ~ лучше. — дописано на левом поле.

Я думаю, мой Братец выехал, то прошу покорнише ему написать, чтоб он когда-нибудь ко мне написал. — Н. Гоголь выехал из Васильевки в Нежин в середине августа и 19 августа 1827 г. уже уведомлял М.И. Гоголь о своем прибытии в Гимназию: «Приехал я сюда в Нежин 18-го в вечеру поздно не-вредимо и благополучно». Неизвестно, передала ли М.И. Гоголь сыну просьбу дочери о письмах, но уже 12 сентября он сообщал ей: «Не знаю я, когда от вас бывает оказия к Машиньке, мне хотелось бы кое-что послать к ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась, так вы меня известите, Почтеннейшая Маминька», когда будет случай, то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее к ней».

Я желала б знать за танцмейстера, согласился ли он или нет сюда ездить. — Судя по всему, речь идет о приглашении танцмейстера (для преподавания в пансионе в Богдановке) из какого-то другого населенного пункта (см. также письмо № 21 и коммент.). Танцы обычно входили в круг учебных занятий воспитанниц женских пансионов. В Нежинской гимназии, где в ту пору учился Николай Гоголь, танцами можно было заниматься по желанию, о чем он периодически сообщал родителям (см. письма Н. Гоголя В.А. и М.И. Гоголям от 10 декабря 1821 г., 10 октября 1822 г., 3 октября 1823 г.). Танцевальная программа в Гимназии была достаточно обширна: «...разучивались минуэты, польские па, экосезы, альманы, вальсы, матрадуры, матлоты и пр.» (*Лавровский Н.А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832 г.). Киев, 1879. С. 84).

Анна Григорьевна — Лицо не установлено. Выше упоминалась Анна Павловна, дочь Павла Григорьевича Старицкого от первого брака. Возможно, и здесь речь идет о ней, но с ошибкой в отчестве.

№ 19

<6 сентября 1827, Богдановка>

Дражайшая и Почтеннейшая
Маминька!

Мне очень было прискорбно, услышавши от Харетины, что ваша зубная боль продолжается, я спрашивала у Маминьки, хорошо ли в таком случае пьявки, они сказали, что можно, но лучше бы полоскать шелфий с медом¹² и пережженными¹³ квасцами, и чистить угольями пополам с хиною (зубы). Молю Всевышнего, чтоб вам сие лекарство помогло.

Чувствительно благодарю вас за платье и корсет и башмаки и смоквы, которые очень здесь понравились, и когда б еще прислали. Целую сестриц, дай Бог, чтоб они были здоровы, молю бога, чтоб вы были здоровы, целую несчетны разы ручки Ваши

и остаюсь навсегда

Ваша покорная и

¹² В автографе: медем

¹³ В автографе: пережоними

послушная Дочь по гроб мой
Марья Гоголь-Янов<ская>

1827 год
6 сентябр<я>
Богдановка

Прошу засвидетел<ь>ствовать мое почтение Варвары Петровне, я думаю, она теперь у Яресках у почтен<н>ейшей Бабушки Анны Матвеевны.

Елизавете Петровне мой усерднейший поклон.

Мотрона говорит, что платок ей не нужен, но спрашивают её поминутно. Если он у нее, она обещает непременно<н>о отдать, как только будем дома, а мне очень хотелось Харетыне прислужиться.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 24–25 об., двойной; л. 25 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филиграни: герб “Pro Patria” с волнами и часть белой даты «<182>5». Разм.: 17,5 x 21,3. Помета рукой неуставленного лица: «6 сент. 1827» (на л. 24, графитным карандашом, в левом верхнем углу). Почерк взрослый.

...хорошо ли в таком случае пьетки, они сказали, что можно, но лучше бы полоскать шелфий с медом и пережженными квасцами, и чистить угольями пополам с хиною (зубы). — Подобные рецепты можно было извлечь из популярных изданий, в которых для лечения зубной боли рекомендовалось в сложных случаях «припустить пиявки к деснам, где примечается боль», а также воспользоваться полосканием настоя шалфея с медом (Простонародный лечебник, или Руководство к лечению болезней простыми средствами. М., 1827: В 2 ч. Ч. 1. С. 37–38). Жженные квасцы — лекарственное средство, в виде порошка (или его раствора), применяемое при лечении различных болезней, в том числе зубной боли. Профессиональные издания содержали подробное описание химического состава жженных квасцов и их широкого медицинского применения (Энциклопедический медицинский лексикон <...>: В 3 ч. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1842. С. 97–98). Хина и уголь использовались для чистки зубов. Популярный журнал отдавал предпочтение первой (как одной из составных частей зубного порошка домашнего приготовления, с добавлением тех же квасцов и других ингредиентов) и предостерегал от злоупотребления вторым: «Привычка чистить зубы углем ежедневно не совсем хороша, уголь стирает наконец с зубов глазурь» (Журнал общепользных сведений. 1838. № 37 и 38. С. 308). О лечении домашними средствами см. коммент. к письму № 2.

Корсет («в рус. языке от нем. Korsett; в европ. языках, как принято считать, от франц. — corset, производного от corps — тело») — «специальное устройство из плотных или эластичных материалов на шнуровке, крючках или молнии, служащее для стягивания фигуры и придания ей очертания, диктуемого модой. <...> Известен с нач. 18 в. <...> надевали на тонкую рубашку, т. к. грубые швы при тугом стягивании могли причинить массу неудобств, поэтому к аккуратности их изготовления предъявляли высокие требования...» (*Кирса-*

нова 1995. С. 137). С конца 1820-х гг. (после недолгого перерыва на рубеже веков) «вновь начали туго стягивать талию», девочек заставляли носить корсеты с 14–15 лет, ходить без корсета считалось неприличным (там же, с. 137–138).

Смоквы — Здесь, вероятно, «вид варенья без косточек, вяленая ягода, б. ч. вишня и слива» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880–1882. Т. 4. С. 241); рецепт «смokвы из груш» см.: Лексикон городского и сельского хозяйства... / сост. И. Двигубским. М., 1836–1840. В 12 т. Т. 2: Г–И. М., 1836. С. 81. В другом значении — «инжир, винная ягода, фи́га» (там же), плод, имеющий «вид и величину груши <...> тело сочное, на подобие меда вязкое, красноватое и сладкое, наполненное множеством семечек, середина же оного пуста; просушенная же и сахарным песком приправлен<н>ая называется винною ягодою» (*Словарь Академии российской*. Ч. VI. Стлб. 263–264).

...она теперь у Яресках у почтен<н>ейшей Бабушки Анны Матвеевны. — Анна Матвеевна Трощинская (урожд. Косяровская, ум. в 1833 г.) — родная тетка М.И. Гоголь (по линии отца), вдова А.П. Трощинского, брата Д.П. Трощинского. В доме А.М. Трощинской М.И. Гоголь в детстве и юности провела много лет, испытывала к ней глубокую привязанность, была выдана ею замуж (Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н.В. Гоголя // Русский архив. 1902. Кн. 4. С. 709–715; Записки матери Гоголя в виде письма к П.А. Кулишу // *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 56–61; *Шенрок В.* Родители Гоголя // Исторический вестник. 1889. Т. XXXV. Январь. С. 119–140; Февраль. С. 124–125; *Шенрок*. Т. 1. М., 1892. С. 41–43; *Гоголь-Головня О.В.* 1909. С. 4). Дети М.И. Гоголь называли ее тетушек бабушками (см. коммент. к письмам № 1, 8). В Яресках у А.М. Трощинской часто бывали и Мария Ивановна, и ее двоюродная сестра Варвара Петровна Косяровская (последняя жила там подолгу), иногда они ездили туда вместе (см. письма М.И. Гоголь Петру Косяровскому от 15 мая 1826 г., 26 июня 1826 г., 15 июля 1826 г., 5 сентября 1826 г., 18 января 1827 // *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 89, 90, 91, 92, 94).

№ 20

<Около 1 октября 1827>

Дражайшая и Почтеннейшая Маминька!

За самый первый и священный долг поставляю поздравить вас с днем Вашего Ангела: дай Бог, чтоб вы его провели в совершенном здравьи. Прошу покорнише уведомить, получили ли вы от братца письмо и что он пишет. Молю Всевышнего о продолжении Дражайших Ваших лет для нашего счастья. Прошу покорнише поцеловать ручки дедушке и бабушкам.

Прошу покорнише прислать поскорей шляпку: с ушками лучше, ибо теперь уже холодно. Маминька, тетинька и Елизавета Ивановна вам свидетельствуют свое почтение и поздравляют вас с днем Вашего Ангела. Целую несчетны разы ручки Ваши и остаюсь навсегда

ваша покорная и

послушная дочь
по гроб мой

Марья Гоголь-Яновская

Р.С. У маминьки, у тетиньки и у меня большой кашель. Мои оба холстинковые платья совсем не годятся. Темнинькое я кое-как сделала из оборки лиф, а другое невозможно совсем, лиф изорвался, ежели б вы прислали голубой холстинки на лиф, то б оно еще поносилось.

Ее Высокоблагородию
Милостивой Государине
Марьи Ивановне Гоголь-Яновской
в д. Васильевку.

Печатается по автографу (ИР НБУВ. Ф. III. № 9055. Л. 1–2 об., двойной). Без пагинации. Бумага пожелтевшая. Пометы рукой неустановленных лиц: «гог. 218 (III 9055)» (на верхнем поле л. 1, синими чернилами); «№ 9055» (на л. 2 об. в правом нижнем углу). Прямоугольный штамп «Вс. б-ка України» на л. 1, л. 2 об. Почерк взрослый.

...поздравить вас с днем Вашего Ангела... — Именины М.И. Гоголь приходились на 1 октября и совпадали с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Из относящихся к более позднему времени воспоминаний О.В. Гоголь-Головни известно, что именины матери, начинавшиеся с неперменного посещения церкви, отмечались в Васильевке с большим размахом: с приглашением соседей с ночевкой; со столами, накрытыми в нескольких комнатах (кушанье готовили «заранее на 40 душ и непременно 12 блюд»); с танцами допоздна (Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 24–26). Поздравление с днем ангела М.И. Гоголь получила и от сына: «Позвольте поздравить вас, Маминька, с протекшим днем вашего Ангела. Желание мое вам известно: оно всегда одно и то же, видеть в совершенном здравьи и чтобы никогда легкое облако горести не отменяло вашего счастья, чтобы вы встречали всегда нас ответивших вашим ожиданиям» (письмо Н. Гоголя М.И. Гоголь от 2 октября 1827 г.).

...получили ли вы от брата письмо и что он пишет. — В письме от 2 октября 1827 г. Николай Гоголь поздравлял мать с именинами, обсуждал различные повседневные семейные дела, а также сообщал: «К Машиньке посылочку, а в ней и письмо, посылаю. Сделайте милость, отправьте их к ней скорее, в ней я посылаю некоторые нужные ей книги».

Прошу покорнише прислать поскорей шляпку: с ушками лучше, ибо теперь уже холодно. — Вероятно, речь идет о разновидности капора — женском головном уборе, соединяющем в себе черты чепца и шляпы, вошедшем в моду на рубеже XVIII–XIX вв. (первоначально в одежде служанок, а потом и господ) и особенно популярном с 1815 по 1840 г.

Елизавета Ивановна — Лицо не установлено; вероятно, речь идет о ком-то из служащих или проживающих в пансионе.

У маминьки, у тетиньки и у меня большой кашель. — Ко второй половине ноября 1827 г. М.В. Гоголь поправилась (см. письмо № 21).

...холстинковые платья... — Холст — льняная ткань полотняного плетения; название «холстинка» «нередко переносилось и на хлопчатобумажные

довольно плотные орнаментированные ткани полотняного переплетения» (Кирсанова 1995. С. 311).

Темнинькое я кое-как сделала из оборки лиф... — Лиф — часть женского платья, охватывающая стан (грудь и спину).

№ 21

<24 ноября 1827>

Дражайшая и Почтен^нейшая
Маминька!

Только вчера я получила Ваши оба письма с посылками и посылку от Брата, за что несчетно раз целую ваши ручки. Вы пишете, что я не писала вам за деньги ничего, ибо я очень спешила, теперь же чу^вствительно Вас благодарю за сии деньги; за танцы, мне кажется, что, поживши в мае месяце в Полтаве один месяц, довольно будет; у кого-нибудь из Ваших приятелей, и дешевле станет. А ежели в деревню ездить, не согласится ни за что, та причем слишком дорого станет, а лучше в мае месяце. — Сердечно радуюсь счастию Г-жи Полковницы Сакиной, дай Бог, чтоб она наслаждалась совершен^ным счастьем и здоровьем. Братец прислал мне пять книг: Владетель Островов, Невский Ал^ьманах и Литературный Музеум и две немецкие, я за что я¹⁴ его благодарю сердечно и посылаю к нему при сем письмо, которое (при сем посылаю) и прошу покорнише отослать скорей к нему. Прошу также уведомить меня за сеточку, на которую через Харетинину послала шелк.

Кашель у меня совсем прошел. Ежели б можно прислать постелы¹⁵ к праз^днику. Прошу поцеловать ручки Дедушке и Бабушкам и поцеловать сестриц, посылаю им картинку моей работы, но очень дурные краски. Молю Всевышнего, чтоб вы были здоровы все и благополучны, целую несчетны разы ручки Ваши и остаюсь навсегда Ваша

покорная и послушная

дочь по гроб мой

Марья Гоголь-Янов^ская>

1827 года

24 ноября

Маминька, Тетинька, Елизавета Ивановна и Павел Григорьевич свидетел^ьствуют вам свое почтение.

Мотрона просит поскорей сапогов и башмаков. Я боюсь, чтоб она не простудилась, ибо теперь слишком холодно без сапогов¹⁶.

¹⁴ Так в автографе.

¹⁵ Так в автографе.

¹⁶ В автографе: сапогов

Косынка для Маминьки пришла как раз на именины, и она была рада.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 30–31 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, светло-зеленая, с фрагментом филигранный: на сгибе листа литеры «<ИФ>КГ», частично скрытые переплетом, и окончание белой даты «<18>26» (см.: Клепиков 1978. С. 27, 79. № 322, 323). Разм.: 17,6 x 22,2. Пометы рукой неустановленных лиц: «24 ноя. 1827» (на л. 30, графитным карандашом, в левом верхнем углу); «17» (на л. 30, в правом верхнем углу, синим карандашом). Почерк взрослый. Две фразы, первая без начала («...я получила Ваши оба письма с посылками и посылку от Брата, за что несчетно раз целую ваши ручки»; «Братец прислал мне пять книг ~ отослать скорей к нему») с неточностями опубликованы: Назаревский 1936. С. 355.

Только вчера я получила Ваши оба письма с посылками и посылку от Брата... — Посылки от матери (из Васильевки) М.В. Гоголь получала периодически. Николай Гоголь еще 12 сентября писал М.И. Гоголь о намерении «кое-что» отправить сестре; свое намерение он осуществил в начале октября, отправив для сестры посылку с письмом через Васильевку (см. его письмо М.И. Гоголь от 2 октября 1827 г.; письмо М.В. Гоголь матери № 20 и коммент.).

...за танцы, мне кажется ~ лучше в мае месяце. — Речь идет об уроках танцев и приглашении танцмейстера (см. письмо № 18 и коммент.).

Сердечно радуюсь счастью Г-жи Полковницы Сакиной, дай Бог, чтоб она наслаждалась совершен<н>ым счастьем и здоровьем. — Речь идет о свадьбе Прасковьи Ивановны Хилковой (?–1829), дочери князя Ивана Михайловича Хилкова и Надежды Дмитриевны Хилковой (внебрачной дочери Д.П. Трошинского). Осенью 1827 г. П.И. Хилкова вышла замуж за барона Станислава Карловича фон дер Остен-Сакена (1789–1863), военного, участника войны 1812 г., полковника. 31 марта 1827 г. М.И. Гоголь писала о предстоящей свадьбе двоюродному брату Петру Косяровскому (*Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 95), 17 апреля 1827 г. развитием событий в Кибинцах (усадьбе Д.П. Трошинского, где находились невеста и ее отец) интересовался Н. Гоголь (в письме матери). 25 августа 1827 г. М.И. Гоголь поздравила Прасковью Ивановну с «с переменою состояния» (см. письмо М.И. Гоголь А.А. и О.Д. Трошинским — РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 7). 13 сентября 1827 г. Николай Гоголь в письме Павлу Косяровскому писал о том, что «княжна перерядилась в баронессу». Супруги не прожили вместе и двух полных лет — в июле 1829 г. П.И. Хилкова скончалась.

Братец прислал мне пять книг: Владелец Островов, Невский Ал<ь>-манах и Литературный Музеум и две немецкие, я за что я его благодарю сердечно и посылаю к нему при сем письмо, которое (при сем посылаю) и прошу покорнише отослать скорей к нему. — Выбранные Н. Гоголем для сестры книги (на русском языке) вышли в 1827 г. (логично предположить, что упомянутые в письме альманахи были текущего года издания): Владелец Островов, поэма в шести песнях. Вальтера Скотта. М., 1827 (прозаический перевод исторической поэмы, посвященной борьбе Роберта Брюса за освобождение

Шотландии); Невский Альманах на 1827 год. Изданный Е. Аладыным. СПб., 1826 (с публикацией отрывков из поэмы «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина, повестей А.А. Бестужева, В.И. Карлгофа, О.М. Сомова и др., а также стихов Е.В. Аладына, Н. Бушмакина, Ф.Н. Глинки, И.И. Козлова, Н.М. Языкова и др.); Литературный Музеум на 1827 год, Владимира Измайлова. М., 1827 (альманах включал произведения самых разнообразных жанров: статьи В.В. Измайлова, речь Н.Д. Иванчина-Писарева в память Н.М. Карамзина, выдержки из записной книжки П.А. Вяземского, а также художественную прозу (О.М. Сомова и др.), стихи — Е.А. Баратынского, Ф.Н. Глинки, Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского, В.Л. Пушкина, А.С. Пушкина и др.). Спустя короткое время Н.В. Гоголь снова прислал сестре книгу, 20 декабря 1827 г. он писал М.И. Гоголь: «Вместе с вашим письмом посылаю и к Машиньке посылочку с книжкою, которую, сделайте милость, отправьте к ней скорее».

Кашель у меня совсем прошел. — В предыдущем письме (№ 20) М.В. Гоголь сообщала матери о том, что сильно кашляет.

Ежели б можно прислать постелы к праз<д>нику. — «Постила, ягодный сок или мятые плоды, варенные с медом или сахаром, слоями налитые, и потом несколько просушенные. Яблочная, малиновая, брусничная постила» (*Словарь Академии российской*. Ч. V. Стлб. 52). Припасти «постелы» рекомендует Домострой (Домострой Сильвестра // *Временник императорского Московского общества истории и древностей*. Кн. 1. М., 1849. С. 76). М.И. Гоголь загодя просила мать прислать лакомство к рождественским праздникам.

Косынка для Маминьки пришла как раз на именины, и она была рада. — Именины хозяйки пансиона (Екатерины Арендт, «Маминьки») приходились как раз на день написания письма — 24 ноября. Косынка — элемент украшения костюма; о модных образах можно было узнать даже из популярных газет (косыночки «из мусселина индийского» в большом употреблении — *Северная пчела*. 1825. 15 сентября. № 111. [С. 3]. Рубрика «Моды»).

№ 22

<Январь-февраль 1828>

Дражайшая и почтеннейш<ая>
Маминька!

Я благодаря Бога и попечениям Маминьке здорова. Прошу покорнише прислать поскорей деньги. Ежели нет денег у вас, то можно продать что-нибудь из вещей, которые вы мне назначили, ибо мне очень совестно, что Маминька очень заботилась обо мне и, можно истин<н>о сказать, меня воскресила. Мой бок теперь, слава Богу, полутче. Маминька, тетинька и Елизавета Ивановна и Павел Григорьевич свидетел<ь>ствуют вам свое почтение. Целуя несчетны разы ручки ваши, остаюсь навсегда ваша покорная и

послушная дочь
Марья Гоголь-Яновский¹⁷

¹⁷ Так в автографе.

Государь пожаловал Владимира III-й степени на шею Николая Федоровича, маминь<ин>ого сына, на новой Год.

Ее Высокоблагородию
Милостивой Государине
Марье Ивановне
Гоголь-Яновской

в Васильевку

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 4–5 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага средней плотности, верже, зелено-голубая, с фрагментом филигрانی: корона (возможно, часть знака «вензель ПЩ в картуше под короной» фабрики Павла Щепочкина) и начало белой даты «18» (см.: *Клепиков 1959*. С. 54. № 365). Разм.: 10,6/10,8 x 15,3. Помета рукой неуставленного лица: «4» (на л. 4, в правом верхнем углу, синим карандашом). Почерк взрослый. Датируется предположительно, по упоминанию о награждении Н.Ф. Арендта орденом 1 января 1828 г. и по связи с письмом М.И. Гоголь О.Д. Трошинской от 5 марта 1828 г.

Прошу покорнише прислать поскорей деньги. ~ ибо мне очень совестно, что Маминька очень заботилась обо мне... — Вероятно, просьба касается денег для оплаты обучения М.В. Гоголь в пансионе (возможно, за истекший 1827 год).

Мой бок теперь, слава Богу, полутче. — М.В. Гоголь сильно болела осенью 1827 г. (см. ее письма матери № 20, 21). В начале 1828 г. состояние ее здоровья снова ухудшилось. «Машинька моя была в горячке, и хотя я получила от нее письмо, что она уже здорова, но все непокойна», — сообщала М.И. Гоголь О.Д. Трошинской 5 марта 1828 г. (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 114 об.). М.В. Гоголь известила и Ольгу Дмитриевну о своем выздоровлении (см. письмо М.И. Гоголь О.Д. Трошинской от 9 марта 1828 г. — РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 116).

Государь пожаловал Владимира III-й степени на шею Николая Федоровича, маминь<ин>ого сына, на новой Год. — Николай Федорович Арендт (1786–1859) — сын хозяйки пансиона, известный врач, блестящий хирург, выпускник Императорской медико-хирургической академии, находился на военной службе до 20 марта 1827 г., с 1829 г. — лейб-медик Николая I (*Сахаров В.* «Лекарь славный, Эскулапа внук...»: О последнем докторе Пушкина / Публикация формулярного списка Л.С. Рафиенко // *Источник*. 2000. № 3. С. 5–11; см. также коммент. к письму № 12). «Всемиловитейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 3-ей ст[епени] января 1 1828» (ф. с. — там же, с. 9). М.В. Гоголь могла быть знакома с Арендтом (во всяком случае, имела возможность видеть его), т.к. в 1826 г. он навещал мать, будучи в длительном отпуске (с 25 августа по 2 ноября — там же, с. 11), во время которого успел жениться и побывать на Полтавщине. О награждении Арендта, вероятнее всего, могли узнать из его письма матери в Богдановку.

Дражайшая и Почтен^{<н>}ейшая
Маминька!

Чу^{<в>}ствительно вас благодарю, Дражайшая Маминька! за присылку денег и за Вашу материнскую нежность. Я буду стараться всеми силами ее заслуживать, и молить Всевышнего о ниспослании вам совершен^{<н>}ого здоровья и благополучия, я же, слава богу, теперь совершен^{<н>}о оправилась, и переделала себе шляпку холстинковую как у <1 нрзб.> те, что вы видели, а соломяную посылаю, мне ее не нужно.

Ежели будут разносчики, то я куплю себе на платья ситцу хорошенького и сошью к праз^{<д>}нику, и буду стараться беречь свое здоровье, я не буду говеть нынешний пост, а отговеюсь дома в Спасовку; чу^{<в>}ствительно благодарю Вас за бублики и сушаные¹⁸ фрукты. Маминька, Тетинька и Елизавета Ивановна свидетельствуют вам свое почтение, и все.

Целую ручки Дедушки, Бабушкам. Молю Всемилосердного Бога о ниспослании вам совершен^{<н>}ого здоровья и благополучия, целую несчетны разы ручки Ваши

Дражайшая Маминька!

Остаюсь навсегда Ваша

покорная и послушная

Дочь Марья Гоголь

1828 года

Марта 6

Богдановка

Обнимаю в Душе моей моих малых Сестриц и очень жалею о болезни Олички и благодарю Анинку за мешочки.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 16–17 об., двойной; Л. 17 об. не заполнен). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага плотная, верже, светло-зеленая, с фрагментом филигрании: литеры на сгибе листа, частично закрытые переплетом (вероятно, «ИФ<КГ>» — Ивановская фабрика Константина Гондукова; см. Клепиков 1978. С. 27, 79. № 322, 323). Разм.: 17,5 x 22,2/22,5. Помета рукой неустановленного лица: «6 мар. 1828» (на л. 16, в левом верхнем углу, графитным карандашом). Почерк взрослый.

Чу^{<в>}ствительно вас благодарю, Дражайшая Маминька! за присылку денег... — Возможно, речь идет о деньгах, которые М.В. Гоголь настойчиво

¹⁸ Так в автографе.

просила прислать в начале года (см. письмо № 22), или уже о какой-то следующей сумме.

Ежели будут разносчики... — Разносчики — разъездные продавцы товаров. Об одном из них, периодически приезжавшем в Васильевку, вспоминала О.В. Гоголь-Головня: «Наш любимый разносчик Федот Яковлевич каждую зиму приезжал. У него все было: сельди, икра, осетрина, грибы, конфекты, пряники, канва, узоры, цветная и почтовая бумага, игрушки, даже ситцы, и все, что нужно для деревни. Мать набирала у него; когда не хватало денег — то в долг, а летом приезжал за деньгами. У него я всегда покупала цветные бумаги и золотые бордюры» (Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 31).

...сошью к праз<д>нику... — Вероятно, к Пасхе, которая в 1828 г. приходилась на 25 марта.

...я не буду говеть нынешний пост, а отговеюсь дома в Спасовку... — Говеть — поститься. В марте 1828 г. продолжался Великий пост. Спасовка — народное название Успенского поста — одного из четырех многодневных постов церковного года: с 1 августа (Медовый спас) по 14 августа (15 августа — Успение Пресвятой Богородицы).

...благодарю Вас за бублики и сушанные фрукты. — Сушеные фрукты М.И. Гоголь нередко посылала учившимся вдали от дома старшим детям (М.В. Гоголь и Н.В. Гоголю). Так осенью 1822 г. Н. Гоголю (после его напоминания) прислали обещанные сушеные вишни без косточек (см. письмо Н. Гоголя В.А. и М.И. Гоголям от 10 октября 1822 г.).

...очень жалею о болезни Олички... — Ольга (19 марта 1825 – 5 декабря 1907) — младшая дочь Гоголей-Яновских, которой через несколько дней должно было исполниться три года. 5 марта 1828 г. Мария Ивановна Гоголь писала О.Д. Трошинской, что не может навестить в пансионе захворавшую старшую дочь из-за болезни младшей, «которая очень слаба и поручить ее не на кого» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 114 об.). В раннем детстве Ольга и ее сестра Татьяна (годом старше) страдали от «аглицкой болезни» — рахита. «Старшая двух лет умерла, а я сильнее ее — была больна и выдержала. Говорят, до пяти лет не могла ходить», — рассказывала Ольга Васильевна в своих воспоминаниях (Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 6).

№ 24

<17 апреля 1828>

Дражайшая и Почтен<н>ейшая
Маминька!

Честь имею поздравить вас с прошедшими праз<д>никами Воскресения Христова и молю Всевышнего о ниспослании вам совершен<н>ого здоровья и благополучия. Ксения Федоровна и не думает домой ехать и проживет, я думаю, здесь все лето, как она говорила. Я с ней один только раз виделась, да и то на несколько минут. Она обещала еще приехать, но не знаю, исполнит ли свое обещание или нет. Я всегда сама разбираю ноты. Я особливо ежели буду иметь хорошие ноты. Я очень рада, что Анничка! начинает

читать по-рус<с>ки, ей гораздо будет лехче учиться другие языки¹⁹. Обнимаю моих милых сестриц заочно; и горю нетерпением их видеть. Целую ручки Дедушке и бабушкам. Я очень беспокоюсь, что не получаю писем от Братца, прошу покорнише уведомить меня, получили ли вы от него и что он пишет. Маминька, Тетинька, Павел Григорьевич и Елизавета Ивановна свидетел<ь>ствуют вам свое почтение. Целую несчетны разы ручки Ваши и остаюсь навсегда Ваша покорная

и послушная дочь Марья

Гоголь-Яновская

1828 года

17-го апреля

P.S.

Я с нетерпением вас ожидаю к Полтавской Ярманки, то есть к зеленой недели, и так до свидания. Нянки к тому времени нада бы сшить обещан<н>ой очипок зеленой с красною лентой.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 40–41 об., двойной). Пагинация полистная, в правом верхнем углу, графитным карандашом. Бумага почтовая, пожелтевшая, без водяных знаков. Разм.: 12,5 x 18,6. Помета рукой неустановленного лица: «17 апр. 27» (на л. 40, в левом верхнем углу, графитным карандашом). Фраза («Я очень беспокоюсь, что не получаю писем от Братца, прошу покорнише уведомить меня, получили ли вы от него и что он пишет»), разбитая на две, опубликована: *Назаревский 1936. С. 356.*

...праз<д>никами Воскресения Христова... — Пасха в 1828 г. приходилась на 25 марта.

Ксения Федоровна и не думает домой ехать... — Из окружения семьи Гоголей известна Ксения Федоровна Тимченко (упоминается в письмах Н. Гоголя Павлу Петровичу Косяровскому от 13 сентября, 3 октября 1827 г., в письме В.П. Косяровской от 13 сентября 1827 г.). Имеется ли в виду она или другое лицо, неизвестно.

Я всегда сама разбираю ноты. Я особливо ежели буду иметь хорошие ноты. — О занятиях М.В. Гоголь музыкой (игрой на фортепиано) см. письма № 3, 6, 11, 15 и коммент.

Я очень рада, что Анничка! начинает читать по-рус<с>ки, ей гораздо будет лехче учиться другие языки. — Сестре Анне (27 апреля 1821 – 1893) через несколько дней должно было исполниться семь лет. Новостью об успехах дочери М.И. Гоголь поделилась и с Н. Гоголем, который 3 мая 1828 г. отзывался на это с радостью: «Приятно мне очень, что Анинька умеет читать, я даже удивляюсь, как она могла так скоро выучиться; впрочем чего не сделает ваша материнская любовь».

Обнимаю моих милых сестриц заочно; и горю нетерпением их видеть. — М.В. Гоголь вернулась домой из пансиона около середины мая 1828 г.

¹⁹ Так в автографе.

(Н.В. Гоголь в письме М.И. Гоголь от 30 мая поздравлял сестру с этим событием: «Сестру благодарю и поздравляю с новосельем, родиной и курами»).

Я очень беспокоюсь, что не получаю писем от Братца, прошу покорнише уведомить меня, получили ли вы от него и что он пишет. — В эту пору близился к концу курс обучения Н.В. Гоголя в Нежинской гимназии. В письме от 7 апреля 1828 г. он сообщал матери о завершении занятий и испытаний к середине июня (позже эти сроки были отодвинуты на 10 дней, Н. Гоголь вернулся домой в конце июня 1828 г.) и просил «денег на платье» (200 рублей). Вероятно, уже из Васильевки М.В. Гоголь написала брату (по его просьбе, содержащейся в письме М.И. Гоголь от 16 мая 1828 г.), и он отозвался на это в письме к матери от 30 мая 1828 г.: «Только странная привычка до сих пор величать меня словом *вы*. Мы кажется оба одних лет. Ежели еще она не старше меня в отношении к своему полу. Впрочем целую ее несчетно раз».

...к Полтавской Ярманки, то есть к зеленой недели... — Вероятно, имеется в виду Николаевская ярмарка (9 мая); наряду с двумя другими (на всеядной неделе и Воздвиженской, 14 сентября) она фигурирует в списке ярмарок «В городе Полтаве» (Записки о Полтавской губернии, Николая Арандаренка, составленные в 1846 г.: В 3 ч. Ч. II. Полтава, 1849. С. 366). Зеленой (клевальной, русальной) неделей называли «осьмую неделю по пасхе»; «первый день этой недели называется духов день; второй троицын. Первые три дня этой недели называются зелеными или троицкими святками. В субботу пред духовым днем украшают дома внутри и снаружи ветвями лиственных деревьев; это называется клеваньем» (там же, с. 215). Подробное описание этой недели содержится в гоголевской «Книге всякой всячины» (раздел «Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды»): «*Троицкие* песни поют обыкновенно в продолжение *зеленой* недели, начиная с Духова дня, ибо в Малороссии сим днем называется воскресение, а Троица, т. е. Троицын день, бывает в понедельник. <...> Зеленая неделя называется еще *клевальною*, от деревьев, ставимых в домах, церк<вах> и на дворах (клеванье или май). <...> По народному поверью русалки, живущие обыкновенно в Днепре, в сие время расходятся и бегают по лесам и бурьянам до Петрова дня, посему и неделя называется русальною, а песни — русальными, русальями» (IX, 517). В 1828 г. Троица приходилась на 13 мая. Состоялась ли поездка М.И. Гоголь к дочери, неизвестно.

Нянки к тому времени нада бы сшить обещан<н>ой очипок зеленой с красною лентой. — «Очипок, род чепца» (Словарик Гоголя к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — Гоголь. ПСС и П. Т. 1. С. 73).

«ЛЮБЕЗНЕЙШИЙ ДЯДЮШКА»

(документы о службе Павла Петровича Косяровского)

Павел Петрович Косяровский — ближайший родственник семейства Гоголей по материнской линии. Его отец, Петр Матвеевич Косяровский, — родной брат деда Н. Гоголя (Ивана Матвеевича Косяровского), соответственно для самой Марии Ивановны Гоголь (урожденной Косяровской) Павел — двоюродный брат, а для Н. Гоголя — «Любезнейший дядюшка», «Душинька дядинька», «дядко». В таком же родстве Гоголь состоял и с родными братьями Павла, Петром и Иваном, а также с их сестрой Варварой. На каком этапе начали складываться тесные отношения между Марией Ивановной Гоголь и ее двоюродными братьями, особенно Петром и Павлом, неизвестно. Из сохранившихся писем матери Гоголя Петру Косяровскому следует, что родственная переписка (судя по всему, носившая регулярный характер) завязалась с 1819 года (возможно, и ранее). В отличие от писем Петру, которые представлены обширной коллекцией (1819–1848 гг.)¹, письма брату Павлу, судя по всему, в большинстве своем не сохранились². О переписке М.И. Гоголь с Павлом Косяровским 1820-х гг. известно в основном из ее писем к его брату Петру — 13 ноября 1826 г. она просила напомнить Павлу, чтобы он написал о себе, а 31 марта 1827 г. обещала ответить Павлу «на его милое письмо»³. Почти в каждом письме Петру Косяровскому Мария Ивановна передавала приветы Павлу, часто спрашивалась о его делах⁴. Переписка М.И. Гоголь с братьями Косяровскими, судя по всему, надолго не прерывалась. Значительная часть писем Павла Косяровского к ней (в основном поздних — 1850–1860-х гг.) сохра-

¹ Письма печатались в отрывках начиная с 1886 г., наиболее полно представлены (с указанием всех предшествующих публикаций) в издании: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 87–111.

² Известно о письме М.И. Гоголь Павлу Петровичу Косяровскому от 2 февраля 1829 г., из которого опубликована одна фраза (Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С приложением неизданных отрывков из писем матери Н. В. и его собственных. Составил В. Шенрок. М., 1886. С. 44–45; см. то же: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 104).

³ *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 93, 95.

⁴ См.: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 89, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 102, 104.

нилась (в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского).

Связи Павла Петровича с семьей Гоголей оказались очень тесными и по житейским (территориальным) причинам — значительную часть жизни он провел в Одессе, а с 1844 г. жил в Полтаве, т. е. в непосредственной близости от двоюродной сестры, Марии Ивановны, и ее дочерей. По воспоминаниям одной из них, О.В. Гоголь-Головни, Павел Косяровский проводил немало времени и в родовом имении Гоголей, Васильевке: «...матери двоюродный брат Павел Петрович Косяровский с женой приютился к нам, пока он нашел себе службу в корпусе экономом»⁵.

Переписка самого Н. Гоголя с Петром и Павлом Косяровскими не была столь продолжительной и обширной, как материнская. Она завязалась осенью 1827 г., после проведенных всеми вместе в Васильевке гоголевских летних каникул (с конца июня до первой половины августа). Цикл писем Гоголя к братьям Косяровским (во всяком случае сохранившаяся часть) носит локальный характер и включает всего пять текстов, адресованных Петру (1827–1828, 1832 г.), и три письма, обращенных к Павлу (13 сентября, 3 октября 1827 г., 2 сентября <1828 г.>)⁶. Но даже столь скромный объем эпистолярного общения не может лишить эту переписку ее особой и во многом уникальной роли, связанной с живым запечатлением в ней духовного облика Гоголя возраста 18–19-ти лет. Тема данной работы обращает нас прежде всего к гоголевским письмам, адресованным Павлу Косяровскому. Их основной мотив — ностальгический, связанный с уже прошедшим летним временем 1827 года и радостью общения с близкими родными матери и всей семьи. Приезда родных дядюшек, Петра и Павла, Гоголь ждал всю весну, постоянно расспрашивая М.И. Гоголь о сроках приезда, их пребывании в Васильевке, передавая приветы, предвкушая встречу⁷. Эти ожидания не обманули восемнадцатилетнего Гоголя, каникулы (последние в его гимназической жизни) сложились очень счастливо. Письма Павлу Петровичу буквально наполнены воспоминаниями об этих

⁵ Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 24. Перерыв в службе Павла Косяровского был трехлетним: уволен по собственному желанию 1 января 1841 г.; принят на испытание в должность правителя дел Петровского Полтавского кадетского корпуса 1 января 1844 г. — см. ниже его формулярный список.

⁶ Письма Гоголя Павлу Косяровскому впервые опубликованы: Сочинения и письма Н.В. Гоголя: В 6 т. / Издание П.А. Кулиша. Т. 5. СПб., 1857. С. 61–67 (источник публикации не указан; последнее письмо — с датой 2 сентября <1827 г.>). Ко времени подготовки тома академического издания автографы были утрачены, письма напечатаны по цензурным копиям указанного издания П.А. Кулиша (*Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. X. <Б.м.>: Изд-во АН СССР, 1940. С. 106–107, 113–115; 130, 503).

⁷ См. письма Н. Гоголя М.И. Гоголь от 24 марта, 6 и 17 апреля 1827 г.

днях: о совместных прогулках, приключениях, веселых проказах («...как подумаешь, как было весело нам, чего мы не делали» — письмо от 13 сентября 1827 г. — X, 107), об общих знакомых мужского и женского пола и т. д. Все эти темы неотделимы от специфической лексики, образности и неповторимой стилистической интонации писем. Здесь впервые появляется биографический мотив, связанный с неодушевленным предметом: «Кстати: вы не знаете дальнейших приключений с онучею Петра Борисовича?» (X, 107). Письма пестрят гоголевскими словечками, пословицами, необычными подписями («Сахарный племянничек» — письмо от 2 сентября 1828 г. — X, 130). В одну юмористическую линию выстроены прозвища людей, клички собак, что придает эпистолярному тексту особый (уже чисто художественный) игровой колорит: «...мне показалось уже, что я опять с вами, что совершаем вместе прогулки; вижу даже пенатов наших, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и наконец всезнающая Чцююшка — всё так спестрилось в моем воображении, что я не знаю, к чему наперед обратиться: или к тому, что Дорогой поймал утку, или что княжна перерядилась в баронессу» (письмо от 13 сентября 1827 г. — X, 107). Этот замечательный пассаж, с упоминанием двух собак (Дорогой и Пупура), соседки Гоголей Ксении Федоровны Тимченко (по прозвищу «Чцююшка») и свадьбы княжны П.И. Хилковой, вышедшей замуж за барона С.К. Остен-Сакена, отмечен Ю.В. Манном как один из примеров творческого пересоздания повседневных событий: «Из реальных деталей Гоголь творит новый, “смешной” мир, в котором он полный хозяин»⁸.

Никакого аналога этим текстам среди юношеских писем Гоголя мы не найдем. Очевидно, какие-то редкие стороны характера Павла Петровича пробудили этот дух и стиль гоголевского письма, в которых прочитываются черты и особенности будущего индивидуального художественного почерка. Характерно, что склонность к веселым выдумкам не оставила дядюшку Гоголя и в зрелые годы. Об этом известно от сестры Гоголя, О.В. Гоголь-Головни, вспоминающей о той поре, когда Павел Косяровский, в ожидании очередного места службы, проживал вместе с ними в Васильевке: «Он нас развлекал. Часто рассказывал анекдоты; в то время были рождественские праздники, он посоветовал нам замаскированными ехать к соседям на вечер. Павел Петрович нарядился русским мужиком, жена его — турчанкой, Аннет — тиролькой, Лиза — цыганкой, я — русской...»⁹.

Конечно, послания Гоголя Павлу Косяровскому не лишены и серьезных тем и вопросов (о возможной войне, о новых книгах), но

⁸ Манн Ю. Гоголь: Труды и дни. 1809–1845. М., 2004. С. 70.

⁹ Гоголь-Головня О.В. 1909. С. 24.

общий тон писем — именно веселый, полный жизни и радостей юности. Гоголь уповает на взаимопонимание и добросердечие адресата: «Но я надоел вам своими приключениями, вы уже хотите чем-нибудь заняться и досадуете на неуместное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вам, однако ж таки не оставите без ответа сиротку — письмо мое» (письмо от 3 октября 1827 г. — X, 115). Впечатление, оставленное Павлом Петровичем в душе юного Гоголя, было очень глубоким — в первом же письме дядюшке (от 13 сентября 1827 г.) он высказался об этом вполне определенно: «...вы, я думаю, уверены, и я уверен, что мы друг друга не забудем никогда...» (X, 107).

Учитывая все это, очень важно узнать и понять, каким был столь близкий Гоголю человек, как складывалась его жизнь до этого тесного общения в 1827 г. и что случилось с ним после.

Сведения о жизни и службе Павла Петровича Косяровского очень немногочисленны. Известно, что он закончил 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге¹⁰, служил в армии, в 1827–1828 гг. (после перерыва) пытался вновь определиться на службу, в 1835–1836 гг. в чине отставного штабс-капитана исправлял должность смотрителя Одесской городской больницы¹¹, был правителем дел Петровского Полтавского кадетского корпуса, где дослужился до чина надворного советника¹². В этом учебном заведении Павел Косяровский прослужил четверть века (1844–1869), совмещая должность правителя дел с преподаванием русского языка¹³.

Эти разрозненные сведения до настоящего времени не позволяли воссоздать биографию Павла Косяровского в сколько-нибудь целостном виде и в полной мере прокомментировать многочисленные реалии адресованных ему писем Н.В. Гоголя (а также писем Гоголя М.И. Гоголь). В связи с ведущейся научной подготовкой первого тома переписки Гоголя (по счету 13-го в Полном собрании сочинений и писем Н.В. Гоголя в 23 томах) была предпринята попытка найти новые сведения о Павле Косяровском в печатных источниках и архивных фондах. Результаты этой работы представлены в следующей ниже публикации. Она включает материалы о службе Павла Косяровского: формулярный список от 17 марта 1869 г., отражающий практически всю его жизнь, а также материа-

¹⁰ Ильин-Томич А.А. Косяровский Иван Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 107.

¹¹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1835. Ч. 2. СПб., <1835>. С. 175; То же. <1836>. Ч. 2. С. 180 (далее в сокращении: *Месяцеслов*).

¹² Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 72; Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя: В 7 т. Т. 1: 1809–1828. С родословной летописью: 1405–1808. М., 2017. С. 271.

¹³ Павловский И.Ф. Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса. (1840–1890). Полтава, 1890. С. 109.

лы специального (военного) дела (включающие формулярные списки от февраля 1832 г. и от 8 апреля 1832 г.)¹⁴. Разысканные документы позволяют воссоздать служебную биографию Павла Косяровского практически в полном объеме — на протяжении полувека (все приводимые далее сведения содержатся в публикуемых ниже документах).

Судя по данным четырех найденных формулярных списков, Павел Косяровский родился между 9 и 30 апреля 1801 г.¹⁵ Закончил 2-й кадетский корпус (в Санкт-Петербурге) 28 декабря 1817 г. Поначалу военная карьера Павла Косяровского складывалась очень успешно: из Кадетского корпуса он был выпущен в лейб-гвардии Московский полк прапорщиком, достаточно скоро дождался производства в подпоручики (14 апреля 1819 г.), а 21 декабря 1819 г. по собственному желанию (вероятно, связанному с намерением вернуться в родные края¹⁶) был переведен в Пензенский пехотный полк уже штабс-капитаном (минуя поручика). Это место службы оказалось для Павла Косяровского в каком-то смысле роковым, т. к. спустя два с лишним года он получил невыгодную (сильно осложнившую его последующую жизнь) аттестацию, которая отражена в его формулярном списке от февраля 1832 г.: «В последний год его службы в полку замечен недовольно радивым к оной, а потому и не аттестовался к повышению чина». Это незамедлительно повлекло за собой Высочайший приказ от 6 марта 1822 г., где в графе «*Отставляются от службы*» значится следующее: «По пехоте. Пехотных полков: Пензенского штабс-капитан Косяровский»¹⁷.

За этим последовал почти семилетний перерыв в службе (до конца 1828 г.), на исходе которого Павел Косяровский продолжал усиленно искать новое место. Эти поиски, по-видимому, были связаны с большими трудностями, о которых лишь отчасти известно из писем М.И. Гоголь: «Приготовляя совсем на почту письма, полу-

¹⁴ Н.Л. Виноградской обнаружен еще один формулярный список Павла Косяровского (от 30 апреля 1852 г.) — в рамках дела о внесении его во 2 часть дворянской родословной книги (РГИА. Ф. 134. Оп. 23. Д. 7809. Л. 3–15, копия). Внесен в указанную родословную книгу 21 сентября 1852 г. на основании решения Сената от 12 августа 1852 г., вынесенного по рассмотрению соответствующего определения Полтавского дворянского депутатского собрания от 16 мая 1852 г. (там же, л. 19–21).

¹⁵ Эта дата установлена путем сопоставления данных о возрасте Павла Косяровского на момент составления каждого из четырех указанных формулярных списков.

¹⁶ По данным на 1828 г., Пензенский пехотный полк квартировал в местечке Брусилов Радомысльского уезда Киевской губернии (Списки генералам, штаб-и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1828. С. 287).

¹⁷ Высочайшие приказы <о чинах военных> генварской трети 1822 года. <СПб., 1823>. С. 135.

чила последнее, пущенное на Страшной неделе, которое меня очень потревожило насчет брата Павла Петровича. Но отчаиваться не должно. Бог милостив, будем просить еще Дми<трия> Про<кофиевича>, авось либо удастся» (письмо Петру Косяровскому от 13 апреля 1827 г.¹⁸). Своего намерения (прибегнуть к помощи Д.П. Трощинского) М.И. Гоголь не оставила и уже 19 апреля 1827 г. обратилась с письмом к жене его племянника (Ольге Дмитриевне Трощинской), практически моля ее просить «дядиньку» о поддержке: «Я получила на сих днях пис<ь>ма от братьев Петра и Павла. Сей последней (так в автографе. — И.А.) ужасно страдает чрез злова бывшего начальника его Рота, которой сделал всё его несчастье тем, что он не может вступить в службу и в таких молодых летах должен жить в праз<д>ности и не иметь ничего в виду утешительного; он пишет ко мне, просит тебя, сердечной друг, упрасивать почтеннейшего благодетеля нашего, он один может сделать его счас<т>ливым, и для тебя он ничего не откажет, а когда я буду у вас, то и свою присоединю прос<ь>бу, хотя она против твоей и ничего не будет значить, они пишут, что знают нескольких человек, имеющих такую невыгодную отставку, как Павел, но, имевши протекцию, вступили в службу, попроси, мой ангел, редкого благодетеля нашего, он с самых малых лет им благодетельствовал, может и теперь не откажет, его пища<?> делать счас<т>ливыми людей, и ты также с <с>воей стороны по своей доброй душе верно не потяготишься попросить о несчас<т>ном, такого ангела, как твой почтеннейший дяденька, у которого поцалуй за меня ручку...»¹⁹.

Упомянутый в письме главный виновник «невыгодной отставки» Павла Косяровского — генерал-лейтенант Логгин Осипович Рот (1780–1851). Пензенский пехотный полк, из которого Павел Косяровский был отставлен, входил в руководимый тогда Ротом 3-й пехотный корпус.

Негативная роль Рота в судьбе Павла Косяровского была известна и Н.В. Гоголю — в письме от 3 октября 1827 г. (из Нежина) он расспрашивал дядюшку о тревожившей всю семью ситуации: «Что, как ваши дела? получили ли вы ответ от Рота? Когда бы он проклятый решил для вас повыгоднее!» (X, 113).

Дело между тем по-прежнему долго не двигалось с места. Мария Ивановна продолжала беспокоиться и искать выход. 2 декабря 1828 г. она писала Петру Косяровскому: «Совет мой был брату Пав-

¹⁸ *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 96. Дмитрий Прокофьевич — Д.П. Трощинский (1749–1829), государственный деятель (в ту пору в отставке), связанный с семьей Гоголей дальними родственными узами, ее влиятельный покровитель.

¹⁹ *РО ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Из собрания «Русской старины». Л. 104 об.–105 об. (разыскано Н.Л. Виноградской).

лу Петровичу подан в самой крайности, когда меня потревожили неисполнением его желания вступить в военную службу, а штатской, я знаю, что он не любит, что же тогда оставалось бы делать? Но слава Богу, что то была ложь»²⁰. Несмотря на все препятствия, новое место службы все-таки нашлось — 25 января 1829 г. Павел Косяровский по прошению его был определен в штат Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. В ту пору этот пост (с 1823 по 1854 гг., с перерывами) занимал знаменитый генерал Михаил Семенович Воронцов (1782–1856). Формулярный список свидетельствует о долгой и успешной службе Павла Косяровского на этом месте, преимущественно связанной с продовольственным обеспечением армии и решением разного рода организационных вопросов. Исполнение возлагаемых на него обязанностей было неоднократно сопряжено с риском — когда возникала необходимость находиться в прифронтовой зоне (г. Рени, в непосредственной близости от Силистрии и Гирсова) или работать в местах, где свирепствовала чума.

О высокой оценке всех приложенных Павлом Косяровским усилий мы никогда бы не смогли узнать, если бы не специальное дело, начатое в апреле 1832 г. и направленное на очищение его формулярного списка от «невыгодной аттестации». Истоки этой истории неизвестны, но очевидно, что непосредственное руководство Павла Косяровского взяло на себя немалый труд хлопотать об устранении приведенной выше негативной формулировки в его послужных документах. Исправляющим должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в ту пору был Федор Петрович Пален²¹. Им и было написано 8 апреля 1832 г. отношение «Господину Управляющему Военным министерством» (в то время это был граф А.И. Чернышев), в котором исчислялись все поручения, возложенные на Павла Косяровского за три с лишним года службы, и отмечалось, что они были исполнены «с отличным усердием». Пален не только аттестовал службу Павла Косяровского как «отлично-ревностную», но и не остановился перед необходимостью, по сути, поручиться за человека (обычного штабс-капитана), о котором просил: «...я уверен, что он способностями своими и благородным стремлением к пользам службы удостоверит начальство и в будущем времени, в том мнении, какое я об нем имею».

Просьба Палена «исходатайствовать Высочайшее разрешение на очищение в формулярном списке Косяровского» была удовле-

²⁰ *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 102.

²¹ Пален Федор Петрович (1780–1863) — генерал-лейтенант, тайный советник, во время Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. возглавлял русскую военную администрацию в Дунайских княжествах, участвовал в разработке и подписании Адрианопольского мирного договора, исправлял должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора (15 февраля 1831 — 1832).

творена. В ответе ему от 14 августа 1832 г. (через четыре месяца) сообщалось о высочайшем повелении «штабс-капитана Косаровского²² считать уволенным от службы и аттестацию, сделанную ему в последний год службы, что он замечен недовольно прилежным к службе, в формулярном его списке не показывать». После долгой переписки между Управлением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и Инспекторским департаментом Военного министерства (связанной в основном с просьбой указанного департамента представить упомянутый выше Высочайший указ от 6 марта 1822 г.) был составлен новый Высочайший указ, от 31 декабря 1832 г., в котором прежняя формулировка (об отставке Павла Косяровского в связи с невыгодной аттестацией) была заменена новой, благоприятной: «...к повышению аттестовался достойным, а Высочайшим Его Императорского Величества приказом 6-го марта 1822-го уволен от службы». В феврале 1833 г., когда к должности Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора уже возвратился граф Воронцов, новый указ был получен в Одессе и вручен «по принадлежности», т. е. Павлу Косяровскому.

Очищение формулярного списка, безусловно, открывало возможности дальнейшего продвижения по службе. Почти сразу же по получении нового указа Павел Косяровский был командирован к исправлению должности смотрителя Одесской городской больницы (занимал это место более трех с половиной лет — с 20 февраля 1833 до 5 октября 1836 г.), после перерыва был по прошению принят на службу по имениям Военного ведомства (с 1 июня 1837 г.); затем находился в должности члена Окружного управления 4-го округа, 1 января 1841 г., согласно желанию его, был уволен от службы. Спустя три года (с 1 января 1844 г.) был принят на должность правителя дел Петровского Полтавского кадетского корпуса (сверх должности преподавал в приготовительных классах — с 1844 по 1856 гг.). На этой службе Павел Косяровский оставался свыше 25 лет: дослужился до чина надворного советника, за «отлично-усердную», «отлично-усердную и ревностную» службу был многократно поощрен и награжден (ордена Св. Анны 3 и 2 ст., ордена Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 2 ст. и Св. Станислава с императорской короной, знаки отличия беспорочной службы за XV, XX, XXV лет). Оставался на службе и после преобразования Петровского Полтавского кадетского корпуса в Петровскую Полтавскую военную Гимназию (20 мая 1865 г.); 23 октября 1865 г. должность Косяровского была переименована в секретарскую. В формулярном списке от февраля 1832 г. Павел Косяровский показан холостым, в списках от 8 апреля 1832 г., 17 марта 1869 г. — женатым, бездет-

²² Так в подлиннике.

ным. Публикуемый ниже формулярный список от 17 марта 1869 года, вероятно, составлен в связи с выходом Павла Косяровского в отставку в 1869 г.

Найденные документы и восстановленная на их основе биография Павла Косяровского позволяют во многом иначе взглянуть на этого человека и его судьбу. Жизнерадостный и добросердечный дядюшка, каким он предстал Н. Гоголю и всему гоголевскому семейству счастливым для них всех летом 1827 года, в ту пору, несомненно, носил в душе глубокую рану и жил в беспокойном неведении относительно своего ближайшего будущего. Вероятно, особенности натуры (внутренняя стойкость и жизнелюбие) во многом способствовали преодолению тех напастей, которые выпали на его долю в ранней (военной) молодости, и позволили обрести свой (как мы видим, очень достойный) путь на ином поприще.

Ниже публикуются: послужной список Павла Косяровского от 17 марта 1869 года (полностью) и дело «Об исключении из формулярного списка служившего в Пензенском пехотном полку штабс-капитана Косяровского невыгодной аттестации». «Дело» печатается выборочно: с приведением основных документов, отражающих ход процесса и его главные этапы; с указанием листов; приводятся целиком формулярные списки — от февраля 1832 г. (подписанный командиром Пензенского пехотного полка П.И. Севостьяновым) и от 8 апреля 1832 г. (подписанный исправляющим должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Ф.П. Паленом); отмечается характер источников — подлинник или отпуск (т. е. копия).

При воспроизведении формулярных списков о службе Павла Косяровского официальная таблица с заполненными графами переведена в текстовой формат: вопросы соответствующих граф даются разрядкой, текст, представляющий ответы на них, — рядом, обычным шрифтом, даты выделены курсивом.

Документы публикуются в целом по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых индивидуальных (или продиктованных временем) особенностей написания. Имена собственные воспроизводятся по подлинникам, включая разночтения в написании фамилии главного действующего лица — Павла Косяровского.

Документы о службе Павла Петровича Косяровского

I.

Послужной список секретаря Петровской Полтавской военной гимназии надворного советника Косяровского. Составлен 17 марта 1869 года²³

I. Чин, имя отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Надворный советник Павел Петрович Косяровский. Секретарь Петровской Полтавской военной гимназии. Шестидесяти семи лет. Православного исповедания. Кавалер орденов: Св. Станислава 2 ст. с императорскою короною, Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 и 3 степеней и имеет знак отличия беспорочной службы за XXV лет и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 годов. Получает содержания в год. Жалованья 700 рубл. и столовых 280 рубл. Всего 980 рубл. серебром.

II. Из какого звания происходит.

Из дворян.

III–VI. Есть ли имение.

Не имеет.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем; и в какое время; сверх того, если находясь под судом или следствием был оправдан и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено? VIII. Годы. IX. Месяцы и числа.

По окончании воспитания во 2 Кадетском корпусе, выпущен <в> лейб-гвардии Московский полк прапорщиком тысяча восемьсот семнадцатого года декабря двадцать восьмого дня. 817. Декабря 28.

Препровожден был для определения на службу к начальнику штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанту Сипягину²⁴. 818. Января 29.

Явился лейб-гвардии в Московский полк на службу и зачислен налицо. Февраля 2.

²³ Печатается по подлиннику (РГВИА. Ф. 16096 (Коллекция послужных, кондуктных и формулярных списков, аттестаций и наградных листов). Оп. 1. Д. 187 (Списки солдат, офицеров и военных чиновников с фамилиями от Костодыцкого А. до Котельцева А. Конец XIX в. – начало XX в.). Л. 79–92 об.; л. 91 об. – 92 об. не заполнены).

²⁴ Сипягин Николай Мартемьянович (1785–1828).

Подпоручиком. 819. *Апреля 14.*

По собственному желанию переведен в Пензенский пехотный полк штабс-капитаном. 819. *Декабря 21.*

Выключен из списков лейб-гвардии Московского полка. 819. *Декабря 22.*

О времени отправления из дел оно не видно.

Прибыл к Пензенскому пехотному полку. 820. *Января 20.*

По прошению его уволен от службы высочайшим Его Императорского Величества приказом. 822. *Марта 6.*

Выключен из Пензенского пехотного полка. *Апреля 13.*

По прошению его определен в штат Новороссийского и Бес<с>арабского генерал-губернатора.²⁵ 829. *Января 25.*

По распоряжению Новороссийского и Бес<с>арабского генерал-губернатора отправлен был в город Рени и по Дунаю до Гирсова и Силистрии²⁶, для наблюдения за успешным ходом зафрактованных судов, для доставления в действующую армию продуктов. 829. *Марта 30.*

Поручено было ему Новороссийским и Бес<с>арабским генерал-губернатором построить в Бессарабии, во время существования чумной заразы, деревянный лабаз для 50 т. четвертей провианта, и за успешное исполнение и «благоразумные распоряжения» получил от генерал-губернатора благодарность. 829. *Сентябрь 24.*

В то же время поручено было ему освидетельствовать, с составлением акта, продукты, сложенные в г. Рени и заботиться о размещении под накрытие большого количества припасов, для сохранения их от порчи, и за представление Косяровским предположений о способах размещения провианта, без употребления больших издержек, и за успешное исполнение поручения получил от генерал-губернатора благодарность в лестном выражении «признательность». 830. *Февраля 12.*

Был откомандирован для принятия Румынских²⁷ и Болгарских переселенцев в числе 50/т. семейств. 830. *Апреля 25.*²⁸

²⁵ Генерал-губернатором Новороссийским и Бессарабским в ту пору был М.С. Воронцов.

²⁶ Рени — город на левом берегу Дуная, переданный России в 1812 г. по Бухарестскому мирному договору. Гирсов и Силистрия — турецкие крепости, к штурму которых в то время готовилась русская армия (во время Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг.). К Силистрии войска подошли 5 мая, 18 июня крепость пала.

²⁷ Так в подлиннике. Правильное наименование: Румелийских. Оно зафиксировано в формулярном списке Павла Косяровского от 8 апреля 1832 г. (*РГВИА*. Ф. 395. Оп. 87. Д. 605. Л. 5 об.—6). Румелия — историческое название Балкан.

²⁸ После подписания 2(14) сентября 1829 г. Адрианопольского мирного догово-

Отправлен был в Каменец-Подольскую Губернию для исследования дела по предмету заготовления продуктов для казны. *Октября 8.*

Исследовал в Одессе дела по предмету заготовления в армию продуктов. 831. *Сентября 6.*

Поручено было ему управление секвестированными в г. Одессе домами участвовавших в Польском мятеже: графа Александра Потоцкого и князя Черторьжского.²⁹ 832. *Июня 16.*

Командирован к исправлению должности Смотрителя Одесской городской больницы. 833. *Февраля 20.*

По определению приказа общественного призрения допущен к должности. *Марта 2.*

Министром внутренних дел³⁰ утвержден в звании настоящего Смотрителя. 835. *Февраля 22.*

Министром внутренних дел по представлению Новороссийского и Бес<с>арабского генерал-губернатора, принимая в уважение засвидетельствование его сиятельства об усердии к службе Косяровского, а равно особенные труды, сопряженные с испытанием в должности его Смотрителя <Так в подлиннике. — И.3.> Одесской городской больницы, по обширности оной разрешил к получаемому им окладу жалованья 1200 руб. производить ежегодно прибавочного еще по 300 рубл. ассигнациями, о чем и предписано³¹ от упомянутого генерал-губернатора, одесскому градоначальнику³¹ от 12 июня 1836 года за № 9681.

Предписанием одесского градоначальника, от 7 марта 1836 года за № 2771, поручено было ему освидетельствовать в г. Очакове Карантин, как строение, так и отправление службы чиновников, о ис-

ра (завершившего Русско-Турецкую войну 1828–1829 гг.) на территорию России в (прежде всего в Бессарабию) хлынула новая волна беженцев.

²⁹ Имена участников Польского восстания 1830–1831 гг. согласно императорским указам подлежали секвестру и конфискации — по утвержденным правилам (см.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. V: 1830. Отделение 2. СПб., 1831. № 4206. 21 декабря 1830 г. С. 538–539; Т. VI: 1831. Отделение 1. СПб., 1832. № 4485. 7 апреля 1831. С. 290; № 4535. 6 мая. С. 337–338; № 4694. 10 июля 1831. С. 674; № 4711. 17 июля 1831. С. 683–691). В послужном списке Косяровского речь идет об активном участнике Польского восстания 1830–1831 г. князе Адаме Ежи Чарторыйском (Чарторыжском) (1770–1861) и принявшем участие в подготовке восстания Александре Станиславе Потоцком (1778–1845). После подавления восстания оба эмигрировали.

³⁰ В ту пору министр внутренних дел — Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864).

³¹ Градоначальник Одессы в то время — Алексей Ираклиевич Лёвшин (1798–1879).

полнении чего донесено 14-го марта того же года за № 18. По желанию его, с разрешения министра внутренних дел, по определению Одесского приказа общественного призрения уволен от должности Смотрителя. 836. *Октября 5.*

По прошению принят на службу по имениям военного ведомства, что бывшее военное поселение, в Киевской и Подольской губерниях, и явился на службу. 837. *Июня 1.*

Находился в должности члена Окружного управления 4-го округа и Волостным начальником в отдельном участке бывшего 4-го округа, до времени передачи командуемой им волости в Министерство государственных имуществ, куда сданы им как люди, так и все их собственное и казенное имущество в надлежащей исправности; а по сдаче, согласно желанию его, уволен от службы. 841. *Января 1.*

По прошению его, с разрешения Его Императорского Высочества Главного начальника военно-учебных заведений³², изъясненно-го в отношении штаба Его Высочества от 18 января 1844 года, принят на испытание в должность Правителя дел Петровского Полтавского кадетского корпуса со дня прибытия к оному. 844. *Января 1.*

Приказом Его Императорского Высочества Главного начальника военно-учебных заведений³³, от 25 ноября 1844 года за № 579, утвержден Правителем дел Петровского Полтавского кадетского корпуса со старшинством. 844. *Января 1.*

Преподавал в приготовительных классах Полтавского кадетского корпуса русский язык с 1844 по 1856 годы включительно.³⁴ Указом Правительствующего сената за № 20086 переименован в коллежские секретари. 844. *Октября 19.*

За отлично-усердную службу всемилоостивейшее награжден полугодовым окладом жалованья 171 руб. 55 коп. серебром. 846. *Января 9.*

Указом Правительствующего сената от 11 января 1846 года произведен в титулярные советники со старшинством, объявленным в указе Сената 29 ноября того же года за № 3199, с. 833. *Ноября 28.*

Высочайшим приказом в 22-й день февраля 1848 года произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством. 837. *Ноября 28.*

³² В ту пору эту должность занимал великий князь Михаил Павлович (1798–1849).

³³ В ту пору эту должность все еще занимал великий князь Михаил Павлович (1798–1849).

³⁴ Из формулярного списка Павла Косяровского от 30 апреля 1852 г. известно, что за преподавание русского языка он получал 166 рублей в год (РГИА. Ф. 134. Оп. 23. Д. 7809. Л. 4).

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 3 ст. 849. *Января 28.*

Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за XV лет. 849. *Августа 22.*

Высочайшим приказом во 2-й день апреля 1850 года за № 14 за выслугу лет произведен в надворные советники со старшинством с 840. *Ноября 28.*

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден полугодовым окладом жалованья 168 руб. 12. коп. серебром. 853. *Января 24.*

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 4 ст. 854. *Марта 12.*

С соизволения Его Императорского Высочества Главного начальника военно-учебных заведений³⁵, изъясненного в отношении Штаба, от 11 декабря 1854 года за № 11251, за постоянное отличное усердие к службе разрешено выдать в единовременное пособие из остатков штатных сумм Корпуса 250 руб. серебром. 854. *Декабря 31.*

Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за XX лет. 855. *Август 22.*

За отлично-усердную службу, с разрешения Совета военно-учебных заведений, выдано в виде прибавочного жалованья из остатков штатных сумм Корпуса 224 руб. 16 коп. серебром. 856. *Декабря 31.*

За отлично-усердную службу всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2-й ст. 857. *Апреля 17.*

За отлично-усердную службу, с разрешения Совета военно-учебных заведений, выдано в виде прибавочного жалованья из остатков штатных сумм Корпуса 224 руб. 16 коп. серебром. 857. *Декабря 31.*

За отлично-усердную и ревностную службу, с разрешения Совета военно-учебных заведений, выдано в виде прибавочного жалованья из остатков сумм Корпуса 350 руб. сереб. 858. *Декабря 31.*

Всемилоостивейше награжден знаком отличия беспорочной службы за XXV лет. 859. *Августа 22.*

За отлично усердную и ревностную службу, с разрешения Совета военно-учебных заведений, выдано в прибавок к жалованью пособие из остатков штатных сумм Корпуса 225-ть руб. серебром. 860. *Февраля 18.*

³⁵ Эту должность в ту пору занимал цесаревич Александр Николаевич (1818–1881), будущий император Александр II.

За отлично-усердную службу выдано в пособие из остатков штатных сумм Корпуса 245 руб. серебром. 861. *Марта 9.*

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава с Императорскою короною. 861. *Апреля 23.*

Выдано в пособие из остатков от суммы, образовавшейся по смете 1863 года от личного состава Корпуса, 150 рублей серебром. 863. *Декабря 23.*

Выдано в пособие из остатков от суммы, образовавшейся по смете 1864 года от личного состава Корпуса, 180 руб. серебром. 864. *Декабря 31.*

За отлично-усердную и ревностную службу всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 2 ст. 865. *Апреля 4.*

Петровский Полтавский кадетский корпус переименован в Петровскую Полтавскую военную гимназию. 865. *Мая 20.*

Выдано в награду из остатков от суммы, от личного состава Гимназии 224 руб. серебром. 865. *Июня 8.*

Приказом по военно-учебным заведениям за № 65 переименован в Секретари. 865. *Октября 23.*

Х. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?

Не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено?

Не был.

XII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, явился ли на срок, если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною.

Был в 1835 году на 28 дней, в 1846 году на 28 дней, в 1855 году на 28 дней, с отсрочкою этого отпуска 10 дней, и из отпусков на срок являлся.

XIII. Был ли в отставке с награждением чином или без оно-го, когда, с которого и по какое именно время.

Был без награждения чином с 6 марта 1822 года по 25 января 1829 года; с 5 октября 1836 года по 1 июня 1837 года, и с 1 января 1841 по 1 января 1844 года.

XIV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания?

Женат на Каролине Яковлевой, дочери коллежского асессора

Главацкого, детей не имеет, жена римско-католического вероисповедания.

Директор Гимназии Генерал-майор Симашко³⁶

II.

Об исключении из формулярного списка служившего в Пензенском пехотном полку штабс-капитана Косяровского невыгодной аттестации³⁷

<Л. 2–2 об.>

Управление
Новороссийского и Бессарабского
Генерал-губернатора.

Господину Управляющему
Военным министерством

Отделение 3.

Стол 1.

8 апреля 1832.

№ 4384.

Одесса.³⁸

Служивший в Пензенском пехотном полку, штабс-капитан Павел Косяровский, при увольнении из военной службы аттестован по формулярному списку «что в последний год службы в полку замечен недовольно радивым к оной, а потому и не аттестовался к повышению чином».

С открытием в 1828 году войны противу Порты оттоманской, г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф Воронцов, заботясь по возложенному на него Высочайшему повелению о снабжении действовавшей армии продовольствием, определил Косяровского временно³⁹ в штат канцелярии своей, командировав его в г. Ренни для наблюдений за успешным ходом по Дунаю судов, на

³⁶ Симашко Франц Иванович (1817–1892) — генерал-лейтенант, в 1865–1885 гг. директор Петровской Полтавской военной гимназии (*Павловский И.Ф.* Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса. (1840–1890). Полтава, 1890. С. 108–137).

³⁷ Печатается по подлиннику (РГВИА. Ф. 395. Оп. 87. Д. 605. Л. 1–21). На обложке (помимо названия дела): № 594. Дело по 3 столу 2 отделения Инспекторского департамента Военного министерства. Начато 25 апреля 1832 года. Кончено 4 января 1833. На 21 листах. № 1422. Сдано в Архив 27-го июня 1833 года.

³⁸ Ниже, на левом боковом поле, помета: «Высочайше повелено исполнить. — 7-го Августа. Граф А. Чернышев»; в правом верхнем углу канцелярская помета: «18 апреля 1832».

³⁹ временно — *вписано*.

коих доставляемы были к армии продукты. — Потом когда встретилась надобность в помещениях для складки в Ренни припасов, кои туда в огромном количестве направлены были, Косяровский употреблен для построения там временного балагана на 50/т. четвертей хлеба; и поручение сие исполнил с совершенным успехом, и с выгодой для казны, несмотря на действия в то время чумной заразы. — Кроме того, ему поручено было освидетельствовать все припасы сложенные в Ренни, с составлением акта; также употреблен был он для приема задунайских переселенцев. — Независимо того (так. — *И.З.*) был вызван в Одессу, употреблен здесь по разным делам, относящимся до продовольственной части армии, и все тако- вые поручения исполнил с отличным усердием.

Принимая во уважение⁴⁰ заслуги штабс-капитана Косяровского, я имею честь обратиться на оные внимание Вашего Сиятельства, покорнейше прося Вас, милостивый государь, не оставить исходатайствовать Высочайшее разрешение, на очищение в формулярном списке Косяровского сделанной в полку аттестации.

Отлично-ревностная служба сего чиновника, кою вполне оправдал он доверие начальства, убеждает меня к настоящему ходатайству, и я уверен, что он способностями своими и благородным стремлением к пользам службы удостоверит начальство и в будущем времени, в том мнении, какое я об нем имею.

При сем имею честь представить два формулярные списка о службе⁴¹ штабс-капитана Косяровского.

Исправляющий должность генерал-губернатора, тайный советник Ф. Пален.⁴²

<Л. 5>

Формулярный список 1832 года апреля 8 дня

<Л. 5 об. – 6>

Чин, имя, фамилия и должность, им отправляемая, и сколько от роду лет. Штабс-капитан Павел Петров сын Косяровской, состоящий в штате Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. От роду 30 лет.

Из какого звания происходит. Из дворян.

Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою недвижимое имение. <...>⁴³. Не имеет.

⁴⁰ Так в подлиннике.

⁴¹ Публикуются ниже полностью.

⁴² Подлинник.

⁴³ Здесь и далее знак <...> означает, что вопросы соответствующей графы при-

Когда в службу вступил и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил; также не было ль каких отличных по службе деяний и не был ли особенно кроме чинов награжден и в какое время. Годы. Месяцы и числа.

В службу вступил из кадет 2-го корпуса прапорщиком лейб-гвардии в Московской полк. *1817. Декабря 28.*

Произведен в подпоручики в том же полку. *1819. Апреля 14.*

Переведен в Пензенской пехотный полк штабс-капитаном. *1819. Декабря 21.*

По высочайшему повелению отставлен от службы. *1822. Марта 6.*

Определен временно⁴⁴ в штат Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. *1829 января 25.*

По повелению его сиятельства графа Михаила Семеновича⁴⁵ отправлен был в г. Ренни по Дунаю до Гирсова и Силистрии для наблюдения за успешным ходом зафрактованных судов для доставления в действующую армию продуктов. *1829. Марта 29.*

По повелению его сиятельства построил в Ренни, во время чумной заразы, деревянный лобаз для 50/т. четвер. провиянта. В то же время было ему поручено: освидетельствовать с составлением акта продукты, сложенные в Ренни, и озаботиться о размещении под накрытие большого количества припасов для сохранения их от порчи. *1829. Августа 26.*

Был употреблен для принятия румелийских и болгарских переселенцов. *1830. Апреля 25.*

Отправлен был в Каменец-Подольскую губернию для исследования дела по предмету заготовления продуктов. *1830. Октября 8.*

Исследовал в Одессе дела, по предмету заготовления в армию продуктов. *1831. С сентября.*

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет, и если был, то когда именно. Не был.

Не был ли в штрафах и под судом, и если был, то за что именно и чем дело кончено. Не был.

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет, и за чем. Способен и достоин.

водятся в сокращении (это делается в тех случаях, когда дальнейшая детализация основного вопроса связана только с положительным ответом на него).

⁴⁴ временно — *вписано той же рукой, что и в приведенном выше письме Ф. Палена.*

⁴⁵ М.С. Воронцова.

Не был ли в отпусках и если был, то когда именно, на сколько времени и явился ли на срок к должности. Не бывал.

Не был ли в отставке с награждением чина или без оного, и когда. Последний год военной службы замечен не совсем радивым, а потому к повышению чина не аттестовался.

Холост или женат, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где находятся. Женат⁴⁶; детей не имеет.

Исправляющий должность Новороссийского
и Бессарабского генерал-губернатора
тайный советник Ф. Пален⁴⁷

<Л. 7>

**Формулярный список
о службе и достоинстве
служившего в Пензенском пехотном полку и уволенного⁴⁸
от службы
штабс-капитана Косяровского
Февраля дня 1832-го года**

<Л. 7 об. – 8>

Чин, имя отчество и прозвание, так же какие имеет ордена и прочие знаки отличия. Штабс-капитан Павел Петров сын Косяровский.

Сколько от роду лет. 30.

Из какого звания. Сын комиссионера 7-го класса.

Естли за ним, за родителями его, или когда женат за женою недвижимое имение. <...> Не имеет.

Когда в службу вступил и в оной какими чинами происходил и когда, с показанием прописью времени производства в первой

⁴⁶ Павел Косяровский вступил в брак в предшествующие месяцы (в опубликованном ниже февральском формулярном списке он показан холостым). О подготовке к свадьбе известно из письма М.И. Гоголь О.Д. Трошинской от 15 февраля 1831 г. из Васильевки: «Я получила от брата Павла Петровича письмо, в котором он просит меня напомнить вам о его просьбе, позволите ли вы ему наректы вас с другом вашим посаженным отцом и матерью, по получении от вас ответа он вступит в желанный им брак» (РО ИРЛИ. Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 66. Из собрания «Русской старины». Л. 127 об.; найдено Н.Л. Виноградской).

⁴⁷ Подлинник.

⁴⁸ Так в подлиннике.

офицерский чин и сколько тогда имел от роду лет. Чины. Годы. М<еся>цы. Числа.

Кадетом. 805. *Марта 28.*

Унтер офицером. 816. *Апреля 20.*

Произведен прапорщиком тысяча восемьсот семнадцатого года, декабря двадцать восьмого дня. 817. *Декабря 28.*

Подпоручиком. 819. *Апреля 14.*

Штабс-капитаном. 819. *Ноября 21.*

В течение службы своей в которых именно полках и баталионах с какого и по какое время не переводим находился, по какому случаю переводим в оные был, по воле начальства или по собственному желанию и когда прибыл к каждой новой команде или другому месту, так же не служил ли по выборам дворянства, когда и к каким должностям был выбран и когда от оных уволен. Полки и баталионы. Годы м<еся>цы числа.

Во 2-м кадетском корпусе <против записи от 28 *марта 1805*>

с определением лейб-гвардии в московской полк. Когда же прибыл к полку по неимению сведений неизвестно. <против записи от 28 *декабря 817*>

в том же полку <против записи от 14 *апреля 1819*>

по высочайшему повелению с переводом в сей пензенской пехотной полк. Когда же прибыл к полку по неимению письменных дел неизвестно. <против записи от 21 *ноября 1819 г.*>

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля <...>. Не бывал.

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли. По-русски читать, писать, артиллерии, фортификации, полевой <1 *нрзб.*> атаке и обороне крепостей, геометрии, тригонометрии, практике алгебры, архитектуре, физике, химии, черчению военных планов, рисованью, истории, географии, языкам немецкому и французскому.

<Л. 8 об. – 9>

В домовых отпусках был ли <...>. Не бывал.

В штрафах по суду, или без суда, был ли <...> не подвергался ли высочайшим замечаниям и выговорам <...>. В штрафах не бывал, высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался.

Холост или женат и имеет ли детей. Холост.

В комплекте или сверх комплекта при полку или в отлучке <...>. До выключки состоял в комплекте.

К повышению чином и к награждению знаком отличия беспорочной службы достоин или нет и зачем именно не аттестуется. В последний год его службы в полку замечен недовольно радивым к оной, а потому и не аттестовался к повышению чина.⁴⁹

Если по выборам дворянства служил, то с каким успехом отправлял сию службу <...> Не служил.

<Л. 9 об. – 10>

Отчеты по должности какие имел в течение службы <...>. Никаких поручений, требующих отчетности, не имел.⁵⁰

Не подвергался ли жалобам <...>. Не подвергался.

Не был ли замечен слабым в отправлении обязанностей службы <...>. Замечен недовольно прилежным в отправлении обязанностей по службе.

Не был ли оглашаем или избобличаем в неприличном поведении <...>. Не был.

Полковник Савостьянов.⁵¹

<Л. 11>

Г. исправляющему должность
Новороссийского и Бессарабского
генерал-губернатора

1422

832

Министерство
военное.

Департамент
инспекторский.

Отделение 2.

Стол 3.

Санктпетербург.

14 августа 1832.

№ 7895.

Государь Император по всеподданнейшему докладу моему отношения Вашего Сиятельства за № 4384-м Высочайше Повелеть Соизволил отставленного от службы 6-го марта 1822 года из Пен-

⁴⁹ Графа заполнена другим почерком, похожим на почерк подписавшего ф. с. полковника Савостьянова.

⁵⁰ Эта и следующие далее три графы также заполнены другим почерком, похожим на почерк подписавшего ф. с. полковника Савостьянова.

⁵¹ Подлинник. Подписано командиром полка, Павлом Ивановичем Савостьяновым (Севостяновым) (1786–1852).

зенского пехотного полка штабс-капитана Косаровского⁵² считать уволенным от службы и аттестацию, сделанную ему в последний год службы, что он замечен недовольно прилежным к службе, в формулярном его списке не показывать.

О таковом высочайшем Соизволении сообщая Вашему Сиятельству, я покорнейше прошу о доставлении в Инспекторский департамент <Л. 11 об.> указа об отставке штабс-капитана Косаровского⁵³, для сделания распоряжения к перемене оного.⁵⁴

Подписали военный министр граф Чернышев⁵⁵ и дежурный генерал Клейнмихель⁵⁶.

Верно. Столоначальник Летюхин<?>⁵⁷.

<Л. 14>

По указу
Его величества государя императора
Александра Павловича
Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего штабс-капитан Павел Петров сын Косяровский, 23 лет; из дворян. В службу вступил из кадетов 2 кадетского

⁵² Так в оригинале.

⁵³ Так в оригинале.

⁵⁴ Доставка указа заняла немало времени. 9 сентября 1832 г. подлинник был отправлен из Управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в Инспекторский департамент Военного министерства (л. 13, на сопроводительной бумаге указан месяц, числа нет; с датой «9 сентября» она фигурирует в «Описи бумагам, в деле сем находящимся»). Подписавший сопроводительную бумагу Ф.П. Пален сообщал об отправке указа («для перемены оного другим согласно Высочайшему повелению») и обращался с просьбой: «...по перемене оного указа, доставить таковой ко мне, для вручения штабс-капитану Косяровскому» (там же). В конце месяца указ еще не был получен, 30 сентября 1832 г. из Инспекторского департамента на имя Ф.Д. Палена была отправлена просьба ускорить доставление документа (там же, л. 12). 18 октября 1832 г. приступивший к своим обязанностям Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов сообщал, что указ был отправлен, его сообщение получено в Инспекторском департаменте 29 октября 1832 г. (там же, л. 15).

⁵⁵ Чернышев Александр Иванович (1785–1857) — военный министр, управляющий Главным штабом (*Месяцеслов*. 1832. Ч. 1. С. 88, 92).

⁵⁶ Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869), генерал-лейтенант, дежурный генерал Главного штаба и Инспекторского департамента Военного министерства (*Месяцеслов*. 1833. Ч. 1. С. 99, 160).

⁵⁷ Отпуск. Летюхин Александр Петрович — столоначальник 2-го отделения Инспекторского департамента Военного министерства (*Месяцеслов*. 1832. Ч. 1. С. 95; *Месяцеслов*. 1833. Ч. 1. С. 161).

корпуса прапорщиком 1817-го года декабря 28 лейб-гвардии в Московский полк и в оном подпоручиком 1819 Апреля 14, и того ж года ноября 21 переведен штабс-капитаном в Пензенской пехотной полк. В походах, домовых отпусках, штрафах и под судом не бывал. Холост. К повышению по нерадению к службе не аттестован. — 1822 года марта в 6-й день по высочайшему Его Императорского Величества приказу отставлен от службы.

В свидетельство чего по Высочайше предоставленному мне уполномочию дан сей указ ему штабс-капитану Косяровскому за моим подписанием и приложением герба моего печати в Главной квартире г. Могилеве на Днепре 1825 года февраля 18 дня.

<...> Главнокомандующий
1-ю армиею <...>
Князь Сакен⁵⁸

<Л. 19-19 об.>

По указу Его Величества Государя Императора
Николая Павловича Самодержца всероссийского
и проч. и проч. и проч.

Объявитель сего штабс-капитан Павел Петров сын Косяровский, который по формулярному списку показывается из дворян, от роду имеет двадцать девять лет, в службу вступил из кадет 2-го кадетского корпуса прапорщиком лейб-гвардии в Московский полк 1817 декабря 28, подпоручиком 1819 апреля 14 и того ж года ноября 21 переведен штабс-капитаном в Пензенский пехотный полк. В походах, домовых отпусках и штрафах и под судом не бывал, холост. — К повышению аттестовался достойным, а Высочайшим Его Императорского Величества приказом 6-го марта 1822-го уволен от службы. — В свидетельство чего и дан сей указ <л. 19 об.> ему штабс-капитану Косяровскому из Инспекторского департамента Военного министерства, за подписанием и приложением печати оного. В сем указе подчисток и поправок и между строк приписок не имеется в Спетербурге декабря 31 дня 1832 года.

Подписали дежурный генерал Клейнмихель и виц-директор Иванов⁵⁹.

Верно. Столоначальник Летюхин<?>.

⁵⁸ Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен (1752–1837) — генерал-фельдмаршал (с 1826 г.), главнокомандующий 1-й армией (1818–1835).

⁵⁹ Иванов Николай Адрианович — вице-директор Инспекторского департамента Военного министерства.

<Л. 21>

Управление
Новороссийского и Бессарабского
Генерал Губернатора
Отделение
Стол
12 февраля 1833.
№ 3230.⁶⁰

Господину дежурному генералу
Главного штаба Его Императорского Величества

Указ об отставке отставного штабс-капитана Косяровского
№ 11908, при отношении Вашего Превосходительства, от 5 сего
генваря, получен и доставлен по принадлежности.

О чем Вас, милостивый государь, имею честь уведомить.

Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор
Воронцов⁶¹

⁶⁰ Помета о получении: «25 февраля 1833».

⁶¹ Подлинник.

А.С. Шолохова

ОБ УЧАСТИИ Ф.В. ЧИЖОВА В ПОДГОТОВКЕ «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ» 1862 г. (первое издание наследников)

«Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя», изданное его наследниками в 1862 г., не оказывалось в центре исследовательского внимания, поскольку практически повторяло издание «Сочинений и писем Гоголя» 1857 г. под редакцией П. Кулиша. Между тем в его истории до сих пор остается ряд не вполне проясненных мест, одним из которых является определение роли Ф.В. Чижова в подготовке собрания сочинений.

Вопреки сложившемуся в гоголеведении мнению, что Чижов выступил редактором 2-го издания сочинений Гоголя 1867 г. (дополненного новыми материалами)¹, архивные данные свидетельствуют о его непосредственном участии в выпуске 1-го издания наследников — 1862 г.

Как выясняется, Чижов подключился к подготовке собрания сочинений уже в первой половине 1861 г. На основании публикуемого письма А.В. Гоголь к Ф.В. Чижову (см. письмо № 1, с. 240 наст. изд.) от 29 апреля 1861 г., в котором она упоминает о готовящейся на его имя доверенности, можно предположить, что впервые наследники задумались об издании еще весной 1861 г. Первоначально идея была довольно расплывчата, предполагалось дополнить издание новыми материалами и выпустить его в шести томах. Однако в процессе выяснилось, что ни коммерческих, ни редакторских возможностей для этого нет. Примечателен также тот факт, что наследники обратились за помощью именно к Ф.В. Чижову, в лице которого они видели прежде всего надежного доверителя и, вместе с тем, удачного предпринимателя.

¹ См. вступительные статьи к изданиям: Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд.: В 7 т. Т. 1. 1889. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. С. 12; *Мещеряков Н.Л.* От редакции // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., Т. I. 1937. С. 10; *Манн Ю.В.* От редакции // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М., 2001. С. 7.

Знакомство Чижова с Гоголем состоялось еще в 1834 г., во время недолговременного профессорства Гоголя в Санкт-Петербургском университете, в котором Чижов читал курс начертательной геометрии и готовил диссертацию на степень магистра. Впоследствии о своих впечатлениях он сообщал П. Кулишу: «Гоголь сошелся с нами хорошо, как с новыми товарищами; но мы встретили его холодно. Не знаю, как кто, но я только по одному: я смотрел на науку чересчур лирически, видел в ней высокое, чуть-чуть не священное дело, и потому от человека, бравшегося быть преподавателем, требовал полного и безусловного посвящения себя ей. Сам я занимался сильно, но избрал для преподавания искусство, мастерство (начертательную геометрию), не смея взяться за науку высшего анализа, которую мне тогда предлагали. К тому же Гоголь тогда, как писатель-художник, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дельного внимания на его “Вечера на хуторе”; наконец и самое вступление его в университет путем окольным отдаляло нас от него, как от человека. По всему этому сношения с ним у меня были весьма форменные, и то весьма редкие»².

Зимой 1843 г. судьба вновь свела Чижова и Гоголя — они встретились в Риме, где прожили целую зиму в одном доме на Via Felice. «Во втором этаже жил покойный Языков, — вспоминал Федор Васильевич, — в третьем Гоголь, в четвертом я. Видались мы едва ли не ежедневно. С Языковым мы жили совершенно по-братски, как говорится душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты его; с Гоголем никак не сходились. Почему? я себе определить не мог. Я его глубоко уважал, и как художника, и как человека»³. Холодно расставшись в 1843 г., Гоголь и Чижов встретились в Киеве через пять лет, по утверждению самого Чижова — «истинными друзьями»⁴. Слова эти, однако, сильно преувеличены. Чижов никогда не принадлежал к числу близких друзей писателя. Тем не менее, некоторая перемена в их отношениях все же произошла. В письме к Е.М. Хомяковой, относящемся к 1849 г., Чижов писал: «Любите Гоголя. Он умеет говорить с Вами и любит Вас. А, право, хорошо в жизни иметь людей, нас любящих <...> Простите, что напишу Вам два слова наставления: я думаю, Вы не шутите над Гоголем, ради Бога, не шутите. Я с ним не схожусь, но это человек (как писатель), до того стоящий самого глубокого уважения, что малейшая попытка на шутку была бы оскорбительна. Любите его, его приходы всегда хороши»⁵.

² Чижов Ф.В. <Встречи с Гоголем> // *Гог. восп. совр.* С. 225.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ Записки о Гоголе в дневниках Ф.В. Чижова / Публикация Л.Р. Каплана // ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 778.

Известие о смерти Гоголя потрясло Чижова. Когда в 1861 г. родные писателя, а именно его сестры (А.В. Гоголь, Е.В. Быкова, О.В. Головня) и племянник (Н.П. Трушковский) решили издать его сочинения, то обратились они к Ф.В. Чижову и И.С. Аксакову, поручив им подготовку издания. В своей доверенности наследники оговорили также и то, что вырученные от продажи средства будут пересланы в Полтаву (см. «Доверенность наследников» от 29 сентября 1861 г. на с. 238 наст. изд.). Глубоко уважая память Гоголя и искренно желая оказать помощь его родным, Чижев сделал все, что от него зависело. Он сам занимался редакторскими вопросами и корректурой, не говоря уже о различных организационных делах, связанных с выбором типографии, бумаги, наймом помещения для книг (см. публикуемые письма А.В. Гоголь к Чижову № 1, 2, 3), а также продажей. Вопрос о примечаниях наследники предоставили решать Чижову (см. письмо В.И. Быкова от 20 октября 1861 г.).

Об усердной и кропотливой работе Чижова над изданием говорится в воспоминаниях И.С. Аксакова: «Вообще, как ни был Федор Васильевич завален делом, он удивительным образом всегда находил время заботиться, даже до мелочей, о всех, кого он любил, и притом заботиться умно, внимательно, соответственно нравственному характеру каждого. <...> Нельзя не упомянуть притом, что в самый разгар своей деловой поры, он удосужился, из уважения к памяти Гоголя, заниматься изданием и продажей его сочинений, и аккуратнейшим образом доставлять выручку родной сестре и другим наследникам писателя: все последние три издания Гоголя — дело Чижова, не исключая и корректуры!»⁶

По условиям доверенности все вырученные деньги Чижев должен был «высылать на имя Владимира Ивановича Быкова». О чрезвычайной щепетильности Федора Васильевича в данном вопросе свидетельствует признание его секретаря и кассира А.С. Черокова: «...сам Чижев, отправляясь из дому, завертывал иногда в кассу, чтобы захватить в свой счет рублевку на извозчика, если имеется, или поручить выдать <...> рубля полтора на обед. Эти заборы аванса удивляли меня, как секретаря и кассира в те дни, когда знаешь достоверно, что у него в ящике заперта не одна тысяча рублей, ибо чуть не накануне сам же доставил ему от книгопродавцев за издание “Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя”, порученное ему наследниками. Но потом убедился, что он, по получении их, пересчитав и записав, складывал неприкосновенно до отправки. Это было первое посмертное издание его сочинений в начале 60-х годов, печатавшееся в типографии Бахметева, и выручаемые от продажи его день-

⁶ Аксаков И.С. Федор Васильевич Чижев. Из речи, произнесенной 18 декабря 1877 года. М., 1878. С. 18.

ги, ежегодно до 7000 р., Ф<едор> В<асильевич> отсылал сестрам Н<иколая> В<асильевича> по мере скопления»⁷.

16 мая 1862 г. в «Московских ведомостях» появилась заметка о выпуске нового собрания сочинений Н.В. Гоголя: «Недавно вышло в свет и продается во всех книжных лавках: Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. В четырех томах; цена за все 4 тома без пересылки шесть рублей сер<ебром>»⁸.

Желающие покупать в большом количестве экземпляров могут адресоваться в редакцию газеты «Акционер»⁸ близ Арбатских ворот, в Калачном переулке, в доме Графини Комаровской. Покупавшим не менее 100 экземпляров делается уступка 20 коп<еек> на рубль, не менее 50 экземпляров 15 копеек и не менее 25 экземпляров 10 копеек на рубль»⁹.

Первое издание наследников 1862 г. под редакцией Ф.В. Чижова повторило издание П.А. Кулиша 1857 г., не включив лишь два тома писем. Причины обоснованы редактором в предисловии к первому тому: «Настоящее издание перепечатано с издания П.А. Кулиша (1857 г.); вся разница в порядке размещения сочинений и то только в первом томе. В нашем издании прежде всего напечатаны «Юношеские опыты». Из примечаний П.А. Кулиша исключены все те, в которых передается личный взгляд его на различные места сочинений Н.В. Гоголя. Частная переписка покойного писателя тоже не помещена, как из желания возможно удешевить издание, так и потому, что она, будучи весьма важным материалом для его биографии, не входит в состав сочинений, предназначенных им для печати»¹⁰.

По томам издания сочинения Н.В. Гоголя распределяются следующим образом:

- Т. 1 — Юношеские опыты. Вечера на хуторе. Миргород.
- Т. 2 — Арабески. Драматические сочинения.
- Т. 3 — Повести. Переписка с друзьями. Авторская исповедь.
- Т. 4 — Мертвые души¹¹.

Вслед за титульным листом следует цензурное разрешение с визой И. Росковшенко: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный комитет указанное число экземпляров. Москва, ноября 17 дня, 1861 г. Цензор И. Росковшенко». Цензурное разрешение второго тома — от 1 ноября 1861 г.

⁷ Чероков А.С. Федор Васильевич Чижов и его связи с Н.В. Гоголем. Биографический очерк. М., 1902. С. 32–33.

⁸ Газета «Акционер» — русская еженедельная газета, выходившая в Москве в 1860–1863 гг. Редакторами и издателями газеты были Ф.В. Чижов и И.К. Бабст.

⁹ Московские ведомости. 1862. 16 мая. № 106. С. 850.

¹⁰ Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Издание его наследников. М., 1862. Т. 1. С. 3.

¹¹ «Мертвые души» публикуются в издании в двух томах, причем последний в обеих редакциях.

также подписано И. Росковшенко, а последних двух томов — от 3 января 1862 г., цензором Н. Гиляровым-Платоновым.

Полное собрание сочинений Гоголя под редакцией Чижова вышло тремя изданиями: первое — в типографии П. Бахметева¹² в 1862 г. в количестве 6 тысяч экземпляров, второе — в 1867 г. (это издание интересно тем, что впервые при перепечатке «Выбранных мест...» в нем были восстановлены статьи, запрещенные цензурой в 1847 г.) и третье — в 1873–1874 гг. в типографии А. Мамонтова тиражом соответственно 10 и 12 тысяч экземпляров.

Публикуемые ниже документы, хранящиеся в личном фонде Ф.В. Чижова (Ф. 332) в *ОР РГБ*, существенно дополняют имеющиеся сведения и подтверждают его непосредственное участие в подготовке 1-го издания наследников.

Первое из публикуемых нами писем (письмо Е.В. Быковой к Ф.В. Чижову от 16 сентября 1861 г.) связано с сообщением в «Московских ведомостях» (1861) об обнаруженной в Риме среди бумаг А.А. Иванова «связке» гоголевских рукописей, переместить которые тем или иным способом из Рима в Полтаву в руки наследников и доверялось Чижову (см. доверенность от 28 сентября 1861 г.). В свою очередь письменное обращение Чижова к С.А. Иванову (см. письмо от 18 сентября 1861 г.) сообщает, кроме прочего, информацию о новом готовящемся издании собрания сочинений писателя.

Вторая доверенность (от 29 сентября 1861 г.), высланная наследниками Чижову, на право издавать Сочинения Гоголя также весьма примечательна, поскольку содержит условия (в том числе финансовые), оговоренные еще, как выясняется, в 1861 г.

Публикуемые письма В.И. Быкова и А.В. Гоголь к Чижову раскрывают обстоятельства и повод обращения наследников за помощью в этом деле именно к Ф.В. Чижову. Нами уточняется датировка всех четырех писем А.В. Гоголь, помещенных в публикации (подробнее см. письма № 1–4, с. 240–246).

Вместе с тем публикация названных документов открывает новые перспективы для поисков и осмысления особых обстоятельств этого этапа издательской истории гоголевских произведений. Среди таких обстоятельств, которые еще только предстоит раскрыть по документам, — роль упомянутого в одной из доверенностей И.С. Аксакова в подготовке 1-го (1862) и 2-го (1867) изданий наследников, а также связь эпизода обращения к брату художника с поступлением части сохранившихся в его римской мастерской бумаг Гоголя

¹² Ср. уведомление, полученное Ф.В. Чижовым от московского купца Ф.М. Фирсанова 7 ноября 1861 г.: «Г. Чижов! Фирсанов Вас уведомляет, что бумага для Гоголевск<ого> сочинения получена с фабрики; и что завтра т. е. 8-го числа имеет быть еще отправлено в Типографию Бахметева — сто стоп» (*ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 4. Л. 1).

в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге (1862), наконец, время и обстоятельства обнаружения Чижевым цензурной копии «Выбранных мест из переписки с друзьями», по которой им были восстановлены купюры при публикации текста в 1867 г., и т. д.

Е.В. Быкова — Ф.В. Чижев

<16 сентября 1861 г.>

Милостивый Государь

Федор Васильевич.

Я прочла в газетах¹, что в Италии, у Сергея Андреевича Иванова, находятся рукописи сочинений покойного моего брата Николая Васильевича Гоголя², и зная, что Вы, Милостивый Государь, находитесь с Сергеем Андреевичем в очень коротких отношениях, я покорнейше прошу сообщить ему, чтобы он означенных сочинений (рукописей) покойного брата моего, если они действительно у него находятся, никому не выдавал без письма о нашем согласии, кому их выдать или выслать, за подписью всех наследников покойного то есть: нашей матери, трех сестер и племянника. Исполнением этой просьбы Вы много обяжете все наше семейство.

При свидетельствовании Вам искреннего моего уважения имею честь быть

Милостивый Государь

Вашей покорной слугой

Е. Быкова

1861

Сентября 16-го

Москва

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 111 (Ивановы). Оп. 7. Ед. хр. 45. Л. 13–13 об., одинарный. Размер 25,2 x 20,3. Бумага средней плотности, пожелтевшая, верже с фрагментом филигрании в центре листа «рожок с перевязью на щите под короной; на конце щита цветок и литера G»; см.: *Клепиков 1978*. С. 67, 203. № 1149–1150 (на бумаге с той же филигранью написаны публикуемые доверенности). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк мелкий, разборчивый.

¹ ...прочла в газетах... — Неизданные сочинения Гоголя // Московские ведомости. 1861. 6 сентября. № 194. С. 1563.

² ...находятся рукописи сочинений покойного моего брата Николая Васильевича Гоголя... — Часть рукописей Гоголя, обнаруженных среди вещей А.А. Иванова, в том числе отрывки из первой части «Мертвых душ», датированные осенью 1840 г., были переданы архитектором С.А. Ивановым в 1862 г. в Императорскую Публичную библиотеку. В этих отрывках находилась и первоначальная редакция «Повести о капитане Копейкине», впервые напечатанная

в 1865 г. по автографу А.Ф. Бычковым в Русском архиве (*Бычков А.Ф. Повесть о капитане Копейкине (Первоначальная редакция) // Русский Архив. 1865. Стб. 775–788*). Публикацию сопровождало примечание П.И. Бартечева: «Считаем долгом выразить нашу признательность как многоуважаемому Старшему Библиотекару Императорской Публичной Библиотеки А.Ф. Бычкову <...> так и родственникам Н.В. Гоголя, дозволившим (при посредстве А.Ф. Чиждова) поместить их в Русском архиве» (там же, стб. 775; см. также: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 3. С. 487). Остальные рукописи Гоголя, хранившиеся в бумагах А.А. Иванова, были привезены в Россию лишь в 1880 г. и переданы по завещанию С.А. Иванова в Румянцевский музей (см.: Замечательное приобретение Отделения Рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев. Переписка и бумаги Александра Андреевича Иванова // *Голос. 1880. 6(18) апр. № 97. С. 6*; Отчет Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1879–1882 г. М., 1884. С. 43–49; см. также: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 3. С. 328–329, 356–357; о найденных у брата А.А. Иванова бумагах Н.В. Гоголя упоминает также в письме В.П. Боткину от 26 февраля (10 марта) 1862 г. И.С. Тургенев, подробнее см.: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1988. Т. 5. С. 25, 414–415).

Ф.В. Чиждов — С.А. Иванову

<18 сентября 1861 г.>

Сентября 18

Москва. Близ Арбатских ворот,

в Калашном переулке,

в д. Графини Комаровской¹

Федору Васильеву Чиждову

Столько же лет мы не имеем друг о друге никаких сведений, добрейший приятель прежних лет, Сергей Андре^{ев}ич, что Вы может быть и позабыли меня. И не пришлось бы и теперь мне Вам откликнуться, ибо каждый из нас занялся сильно своим делом; но вчера я получил прилагаемое при сем письмо от сестры покойного Н.В. Гоголя Елисаветы Васильевны, замужней и потому, теперь, Быковой. Недавно кто-то напечатал, что у Вас отыскалась связка рукописей Гоголя, — наследники обратились ко мне как к близкому человеку покойному Николаю Васильеву и как хорошо знающему Вас. Я полагаю, что это связка еще 1846 года, которая постоянно лежала за картиною, в углу, в мастерской покойного Александра Андре^{ев}ича. Все, о ком ни заговоришь, покойники.

Будьте так добры, Сергей Андре^{ев}ич, не поленитесь ответить, потому что семейство Н.В. Гоголя очень заботится, не знает, нет ли там и семейных писем. Во всяком случае оно и* в материаль-

* и вписано

ном отношении не в блестящем положении, поэтому всему весьма интересуется иметь от Вас несколько строк, вслед за которыми оно вероятно напишет Вам общее письмо всех наследников покойника. Теперь готовится второе издание полных* его сочинений, хорошо если бы нашлось к нему что-нибудь новое.

Окончивши дело других, я обращаюсь к Вам с собственными вопросами. Как поживаете Вы? Что поделываете? Мы все полагаем, что Вы избрали Рим постоянным своим жилищем, и не думаем, чтобы художник теперь нашел лучшую среду. У нас заботы художников устремлены все на промышленную сторону жизни, не думаем<?>, чтобы она была Вам по нутру.

Напишите и Ваш адрес, я адресую на удачу² в Café Greco³, а мой адрес вы прочтете в начале моего письма. Припоминая наши старые встречи, искренно, во имя их, и во имя общих близких, прошу позволения позвать Вам приятельски руку, душевно Вас уважающий

Федор Чижов.

Письмо прошу не франкировать⁴, у нас <1 нрзб.> доходят не франкированные.

Сергею *Андре<ев>ичу* Иванову. В Рим.

Al pregiatissimo Signore

Signor *Sergio Ivanow*

architetto russo.

Roma

all antico café greco

Via dei Condotti

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 111 (Ивановы). Оп. 7. Ед. хр. 45. Л. 11–12 об., двойной. Размер л. 11–11 об.: 20,9 x 12,4; л. 12–12 об.: 20,9 x 14,4. Бумага иностранного производства, средней плотности, пожелтевшая. На л. 11 в правом верхнем углу штемпель «ВАТН [под короной]» (ср.: *Клепиков 1959*. С. 111. №№ 237, 239). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк мелкий, разборчивый. На л. 12–12 об. следы сургуча. На л. 12 об. адрес получателя и почтовые отметки.

¹ *Близ Арбатских ворот ~ в д. Графини Комаровской...* — Обратный адрес, указанный в начале письма, — адрес редакции газеты «Акционер», издателем которой был Ф.В. Чижов.

² *...я адресую на удачу...* — Судя по тому, что письмо сохранилось в бумагах А.А. Иванова, оно к нему в руки попало. Но ответа по какой-то причине Чижов так и не получил, и 20 марта 1862 г. написал еще одно: «Писал было я к Вам, многоуважаемый Сергей Андреевич, в antico café greco но вероятно Вы моего письма не получили, иначе вероятно по старой приязни, мне ответили бы. Писал я Вам о следующем. До нас дошли слухи, что у Вас оказалась связь

* полных *вписано*

бумаг покойного Гоголя. По моему мнению в этой связке не должно быть ничего нового и врят ли не помню я ее: она всегда лежала за картиною покойного Александра Андреевича. В письме моем к Вам, я послал и письмо сестры Гоголя, которым она просит убедить Вас сказать, что это за бумаги. Все наследники дали мне доверенность на испрошение у Вас этих бумаг. Теперь это письмо берется Вам доставить наш известный комик Островский; будьте так добры позвольте взглянуть ему на бумаги Гоголя и известить потом об них. Ваше извещение я перешлю к родным покойного Гоголя. Они поручили мне дешевое издание всех его сочинений и на днях оно уже вышло в свет. Если бы я знал, что ВЫ наверное в Риме, я послал бы Вам это издание при первом случае» (ОР РГБ. Ф. 111. Оп. 7. Ед. хр. 45. Л. 14–14 об.).

³ *Café Greco* — Старейшее кафе Рима, основанное в 1760 г., существует и поныне по адресу виа Кондотти 86. Кафе Греко было одним из самых любимых мест Гоголя в Риме, где он общался как с итальянцами, так и с приезжими русскими. Портрет Гоголя, висевший на стене кафе, до недавнего времени приписывали кисти художника Сведомского. На самом деле портрет, выполненный Сведомским, в 1920-х годах исчез, а тот, что помещен на его место, написан Федерико Губинелли (см.: *Мани Ю. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 495, 756*).

⁴ *Прошу не франкировать* — Франкирование — форма предварительной оплаты почтового сбора за пересылку корреспонденции.

Доверенность Ф.В. Чижову от наследников Гоголя
для получения его рукописей от С.А. Иванова

<28 сентября 1861 г.>

Мы нижеподписавшиеся наследники покойного Николая Васильевича Гоголя, прочитавши в Московских ведомостях¹, что у родного брата покойного художника Иванова², находятся рукописи Николая Васильевича Гоголя; поручаем Федор Васильевичу Чижову³, получить их от Г-на Архитектора Иванова⁴ и передать их нам. Село Васильевка 1861 года, сентября 28 дня.

Мария Гоголь⁵

Николай Трушковский⁶

Анна Гоголь⁷

Елисавета Быкова⁸

Ольга Головнина⁹

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 1. Л. 1–2 об., двойной; лл. 1 об.–2 не заполнены. Размер 25,2 x 20,3. Бумага средней плотности, пожелтевшая, верже, с филигранью в центре листа «рожек с перевязью на щите под короной; на конце щита цветок и литера G»; см.: *Клепиков 1978. С. 67, 203. № 1149–1150* (на бумаге с той же филигранью написаны доверенность от 29 сентября 1861 г. и письмо Е.В. Быковой к Ф.В. Чижову от 16 сентября 1861 г.). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк мелкий, разборчивый. Доверенность написана рукой Елизаветы Быковой. Подписи автографы.

¹ ...прочитавши в *Московских ведомостях*... — 6 сентября 1861 г. в литературном отделе «Московских ведомостей» появилась заметка «Неизданные сочинения Гоголя», в которой сообщалось следующее: «Говорят, что в бумагах покойного художника Иванова, хранящихся у брата его, г. архитектора Иванова, найдено несколько неизданных сочинений Гоголя. Мы слышали также, что в скором времени будет приступлено к изданию этих сочинений, с согласия наследников гениального писателя» (Неизданные сочинения Гоголя // *Московские ведомости*. 1861. 6 сентября. № 194. С. 1563).

² ...покойного художника Иванова... — Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник, один из ближайших друзей Гоголя. После окончания московской Академии художеств Иванов был послан в Италию, где в 1838 г. и завязалась их тесная дружба с Гоголем.

³ Федор Васильевич Чижов (1811–1877) — славянофил, меценат, литератор, искусствовед, крупный промышленный и финансовый деятель. Близкий приятель Н.В. Гоголя, издатель и редактор его сочинений.

⁴ ...от Г-на Архитектора Иванова — Иванов Сергей Андреевич (1822–1877), архитектор, младший брат А.А. Иванова. С 1846 г. проживал в Риме.

⁵ Мария Гоголь — Гоголь (Яновская) Мария Ивановна (1791–1868), урожденная Косярковская, мать Н.В. Гоголя.

⁶ Николай Павлович Трушковский (1833–1862) — сын П.О. и М.В. Трушковских, племянник Н.В. Гоголя, редактор его первого посмертного собрания сочинений.

⁷ Анна Васильевна Гоголь (1821–1893) — сестра Н.В. Гоголя.

⁸ Елисавета Быкова — Гоголь Елизавета Васильевна (1824–1864), сестра Н.В. Гоголя, в замужестве Быкова.

⁹ Ольга Головнина — Гоголь Ольга Васильевна (1825–1907), младшая сестра Н.В. Гоголя, в замужестве Головня.

Доверенность Ф.В. Чижову и И.С. Аксакову
от наследников Н.В. Гоголя на издание его сочинений
<29 сентября 1861 г.>

Мы нижеподписавшиеся наследники покойного Николая Васильевича Гоголя поручаем Федору Васильевичу Чижову и Ивану Сергеевичу Аксакову¹ напечатать сочинения покойного, состоящие в шести томах, в пяти тысячах экземплярах² и по отпечатании выпустить в продажу, вырученные же деньги, высылать на имя Владимира Ивановича Быкова³. Полтавской Губернии Миргородского уезда, село Васильевка 1861 года, Сентября 29 дня.

Николай Трушковский

Анна Гоголь

Елисавета Быкова

Ольга Головнина

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 2. Л. 1–2 об., двойной; лл. 1 об.–2 не заполнены. Размер 25,2 x 20,3. Бумага средней плотности, пожелтевшая, верже, с филигранью в центре листа «крожок с перевязью на

щите под короной; на конце щита цветок и литера G»; см.: *Клепиков 1978. С. 67, 203. № 1149–1150* (на бумаге с той же филигранью написаны доверенность от 28 сентября 1861 г. и письмо Е.В. Быковой к Ф.В. Чижову от 16 сентября 1861 г.). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк крупный, разборчивый. Подписи автографы.

¹ *Иван Сергеевич Аксаков* (1832–1886) — младший сын С.Т. Аксакова, публицист, поэт, журналист, общественный деятель. 1861–1865 гг. для Аксакова — период, когда основной его деятельностью становится издание еженедельной газеты «День». Ф.В. Чижов тесно сотрудничал с Аксаковым-издателем; газета «Акционер», редакторами и издателями которой были Ф.В. Чижов и И.К. Бабст, с 1863 г. была прибавлением к газете «День», подписка на «Акционер» без «Дня» не принималась. Вопрос о непосредственном участии И.С. Аксакова в подготовке издания наследников остается открытым, некоторые упоминания об этом см. в письме В.И. Быкова к Ф.В. Чижову от 20 октября 1861 г.

² ... *напечатать сочинения ~ в шести томах, в пяти тысячах экземплярах...* — Первое издание сочинений Гоголя его наследников вышло в 4-х томах в 6 тыс. экземпляров. Это было обусловлено в том числе и экономическими подсчетами, которые приводит Ф.В. Чижов В.И. Быкову в письме, черновик которого сохранился в *ОР РГБ* (без даты, не ранее октября 1861 г.): «По моему расчету издание 4 томов в числе 6000 экземпляров будет стоить меньше 7000 рублей, около 6800; точно больше этого определить не могу; но по моему расчету беру наибольшую стоимость, а надеюсь, что будет дешевле. <...> Издание 6 томов в числе 5000 около 9000, мне кажется 8600, или несколько еще меньше» (*ОР РГБ. Ф. 332. Оп. 10. Ед. хр. 12. Л. 1–1 об.*).

³ *Быков Владимир Иванович* (ум. 1862) — саперный офицер, подполковник; муж Елизаветы Васильевны Гоголь. Принимал активное участие во всех финансовых и организационных вопросах, связанных с первым изданием наследников (см.: Письмо В.И. Быкова к Ф.В. Чижову от 20 октября 1861 г.). По условиям доверенности Чижов отсылал вырученные от издания деньги В.И. Быкову, после смерти которого деньги стали приходить на имя Е.В. Быковой. В письме Чижову от 8 октября 1862 г. она сообщает: «Вчера только я приехала в Полтаву и застала Ваше письмо и деньги 5450 руб., за которые вас очень благодарю от всего семейства», и далее: «Нужно ли вам расписку писать от всех наследников о получении денег, то я при следующем письме вышлю» (*ОР РГБ. Ф. 332. Оп. 18. Ед. хр. 44. Л. 3*). Чижов аккуратнейшим образом вел статьи расходов, о чем свидетельствуют архивные денежные документы по изданию сочинений писателя. Например, подробный счет по изданию 1862 г., отправленный А.В. Гоголю 17 октября 1867 г. (*ОР РГБ. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 11. Л. 11*). О чрезвычайной щепетильности Чижова в данном вопросе см. также воспоминания современников: *Чероков А.С.* Федор Васильевич Чижов и его связи с Н.В. Гоголем. Биографический очерк. М., 1902. С. 32–33; *Аксаков И.С.* Федор Васильевич Чижов. Из речи, произнесенной 18 декабря 1877 года. М., 1878. С. 18. По свидетельству И.С. Аксакова, в течение всего нескольких лет Ф.В. Чижов составил неплохое состояние наследникам Н.В. Гоголя. Аксаков писал об этом А.О. Смирновой 14 февраля 1875 г.: «Ф.В. Чижов <...> который, по поручению Анны Васильевны Гоголь, принял на себя труд издания сочинений ее брата, составил в течение нескольких лет капитал для нее с племянниками Быковыми тысяч в 50 р<ублей> сер<ебром> и ежегодно продолжает высылать значительную сумму, чуть не по 5 тысяч р<ублей> сер<ебром>» (*Гог. в восп., дневн., переп. Т. 2. С. 944*).

В.И. Быков — Ф.В. Чижев

<20 октября 1861 г.>

Милостивый Государь
Федор Васильевич!

По условию нашему, я спешу выслать Вам доверенность¹, за подписью всех наследников, на издание сочинений покойного Николая Васильевича, кроме Маминьки, потому что она по закону не наследница после сына. С первой почтой вышлю 6000 руб<лей> сереб<ром>, по получении которых покорно прошу меня уведомить. О выпуске примечаний представляем Вашему усмотрению².

По поручению всего нашего семейства, я свидетельствую Вам и Ивану Сергеевичу общую нашу душевную благодарность, за принятие на себя трудов по изданию сочинений.

При свидетельствовании Вам моего душевного уважения, имею честь быть, Милостивый Государь, Вашим покорным слугой,

В. Быков

20 октября

1861 г.

С. Васильевка

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 18. Ед. хр. 42. Л. 1–1 об., одинарный. Размер 27 х 20,5. Бумага средней плотности, пожелтевшая. Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк аккуратный, разборчивый.

¹ ...спешу выслать Вам доверенность... — Доверенность Ф.В. Чижев и И.С. Аксакову от наследников Н.В. Гоголя на издание его сочинений была оформлена еще 29 сентября 1861 г. (см. с. 238 наст. изд.).

² О выпуске примечаний представляем Вашему усмотрению. — Вопрос о примечаниях, по-видимому, был поднят Чижев в том не сохранившемся письме, на которое отвечает Быков. Издание вышло без комментариев. Небольшое пояснение от издателя опубликовано в первом томе (Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Издание его наследников. М., 1862. Т. 1. С. 3).

А.В. Гоголь — Ф.В. Чижев

<1861–1862 гг.>

1

29 Апр<еля 1861 г.>

Спешу Вам написать несколько слов, Добрейший Федор Васильевич. Сей час мне сказал мой знакомый делец, что надо вам выслать форменную доверенность¹, и что для этого надо знать ваш чин, так будьте так добры, пришлите хоть несколько строчек. Советую написать в доверенности, что Вы имеете право, передать другому². Это для Вас вероятно будет удобно, так как ваши дела и здорье не всегда позволяют заниматься³. Дай Господи, буду молить

о том, чтоб ваша по<е>здка помогла Вам⁴. Как теперь у моих хорошо, сижу* на крыльце на кушетке и слушаю соловьев.

Как только получу Ваше письмо, сей час вышлю вам доверенность.

Всегда искренне преданная и любящ<ая> вас

А. Гоголь

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 21. Ед. хр. 2. Л. 7–8 об., двойной; л. 8 об. не заполнен. Размер 21,5 x 13,4. Бумага тонкая, пожелтевшая, верже. Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк крупный, размашистый. Письмо без точной даты. Письмо датируется 29 апреля 1861 г. на том основании, что наследники задумали издание сочинений Гоголя именно в 1861 г., о чем свидетельствует доверенность, высланная ими Чижову от 29 сентября 1861 г.

¹ ...*форменную доверенность*... — Форменная доверенность — сделанная по определенной форме, установленному образцу.

² ...*имеете право передать другому*... — Исходя из текста доверенности от 29 сентября 1861 г. (см. с. 238 наст. изд.), права на издание наследники передали двум лицам — Ф.В. Чижову и И.С. Аксакову, возможность Чижова передавать кому-либо другому свои права издателя не оговорена.

³ ...*так как ваши дела и здоровье не всегда позволяют заниматься*. — В период подготовки первого издания наследников Ф.В. Чижев успешно реализовал проект строительства Московско-Ярославской железной дороги, выпускал журнал «Вестник промышленности» (1858–1861) и газету «Акционер» (1860–1863). «Неимоверный труд и заботы», связанные с его общественной деятельностью, «не мешали ему однако же помещать от времени до времени статьи в разных периодических изданиях, следить за Русскою и иностранной литературою, вести обширную и последовательную, самую разнообразную переписку...» (Аксаков И.С. Федор Васильевич Чижев. Из речи, произнесенной 18 декабря 1877 года. М., 1878. С. 18).

⁴ ...*чтоб ваша по<е>здка помогла Вам*. — По-видимому, речь идет о поездке, совершенной в начале 1861 г. по Западной Европе, куда Ф.В. Чижев ездил по делам строительства железной дороги, для установления контактов с заграничными банкирами и заказа подвижных составов, о чем он пишет в сохранившемся дневнике за 1857–1862 гг. (*ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 2. Ед. хр. 9).

2

<октябрь-ноябрь 1861 г.>

Хотела было повременить своим ответом и посоветоваться со всеми членами семейства; но потом рассудила, что эти вопросы могу взять на себя решить, посоветовавшись с одной сестрой¹. Вы все тот же наш милый и добрый Федор Васильевич. Все также хлопочете о нас. Как мне было приятно прочесть, что вам бы хотелось как-нибудь попасть к нам. Это мое всегдашнее желание, и я говорила,

* Над словом написано: лежу<?>

что если у нас будет железная дорога², то я поеду в Москву, собственно для того, чтобы вас увидеть, несмотря на свою лень и отвращение от всех поездок. И в самом деле это желание очень естественно, как не знать лично того, кому мы столько обязаны. Но довольно об этом, а то я, как начну свои излияния, то им и конца не будет, хотя у меня и недостаток в красноречии, зато болтлива! — Благодарим вас очень за ваши распоряжения на счет портрета<?>. Все, что вы ни сделаете, все будет хорошо. На счет книг у Базунова³, я верно вам непонятно написала; у него не *все* книги соч. брата, а то два тома кажется, не помню даже, что именно, так, что он их не может купить, а я думала, нельзя ли их присоединить к новому изданию⁴, вставить их туда, переменить обертку. Впрочем, может я говорю чепуху, и этого нельзя сделать, если бы, когда-нибудь, на досуге посмотрели, что это за книги, вы бы нас очень одолжили, извините, что опять беспокою вас.

На счет помещения для книг, конечно надо нанять квартиру и застраховать их, если квартира будет в деревянном доме, или как сами думаете. Недавно я ездила в деревню, чтобы еще посмотреть на отношения маменьки к зятю⁵. У маменьки всегда был характер очень подозрительный и большое воображение⁶, ей всегда Бог знает что показывается. Когда я жила с ней, это была злая участь быть подозреваемой в самых ужасных вещах, и так как не могла терпеливо сносить этого, сделалась раздражительна, то и воспользовалась первым случаем удалиться. Теперь же она подозревает сестру, которая живет с ней⁷, в том, что она берет у нее нужные бумаги тихонько, и что зять хочет ее отравить, и говорит об этом как о самых естественных вещах. Она недавно писала об этом Кулишу (она имеет к нему большое доверие). Он поднял тревогу, пишет к соседу нашему, просит сведений, так я ему сама описала все, и он отвечал, что придумывал уже средства помочь беде. Увидевши все сама, я успокоилась, это старая песня на новый лад. Маменька питает к зятю неприятное чувство еще потому, что она сама привы<к>ла быть хозяйкой, а теперь он взял на аренду имение и всем распоряжается; конечно это неприятно, но нечем помочь. Я не думаю, чтоб Кулиш имел что-нибудь против *вас*, да и за что, если за издание, так скорее на нас должен сердиться, потому что ему очень хотелось продолжить издание, потому что он пользовался несколькими выгодами⁸, не все так бескорыстны как вы! Но вам уже известно мое высокое мнение о вас и моя преданность какая-то восторженная.*

А.Г.**

* Далее на нижнем поле л. 9 продолжено и зачеркнуто: может быть свойственная всем старым девам

** На левом поле л. 9 написано: Сестра вам очень кланяется.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 21. Ед. хр. 2. Л. 9–10 об., двойной. Размер 21,3 x 13,2. Бумага средней плотности, пожелтевшая, верже. На л. 9 в левом верхнем углу штемпель — буквы «АГ» в овалах под короной (на бумаге с аналогичным штемпелем написано письмо А.В. Гоголь под № 3). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк мелкий. Письмо без даты. Предположительная датировка опирается на следующую фразу из письма Анны Васильевны: «...думала, нельзя ли их присоединить к новому изданию, вставить их туда, переменить обвертку». Поскольку речь идет об издании, которое еще только планировалось и полностью не был определен его окончательный состав и количество томов, а в ноябре 1861 г. вопрос о количестве томов обсуждался В. Быковым с Чижовым (см. с. 240 наст. изд.) и уже к декабрю был решен, можно достаточно уверенно предполагать, что письмо написано в октябре–ноябре 1861 г.

¹ ...с одной сестрой... — Речь идет, судя по всему, о Елизавете Васильевне Быковой; Ольга Васильевна Головня не принимала активного участия в решении вопросов, касавшихся издания наследников.

² ...если у нас будет железная дорога... — В 1861 г. строительство железной дороги в Полтаве еще только планировалось. Несмотря на то, что еще в 1854 г. Главное управление путей сообщения издало приказ начать изыскания по данному вопросу, лишь в 1864 г. было принято решение о строительстве линии, получившей название Харьковско-Николаевской железной дороги. Эта дорога должна была соединить порты Одессы, Николаева и Херсона с Харьковом через Кременчуг и Полтаву (История железнодорожного транспорта России. Т. I: 1836–1917 гг. СПб.; М., 1994. С. 76–79).

³ ...на счет книг у Базунова... — Речь идет об издании П.А. Кулиша (1857), которое продавалось в Москве через магазин Ивана Васильевича Базунова (1786–1866) — московского книгопродавца, семья которого вела книжную торговлю в Петербурге и Москве с 1810 по 1870 г. В 1861 г. Кулиш решил забрать свое издание сочинений Гоголя у Базунова, что следует из его записки, присланной Чижову: «В Московский книжный магазин И.В. Базунова. Предъявителю этой записки прошу передать все хранящиеся в магазине экземпляры прежнего издания Сочинений Н.В. Гоголя. Пантелеймон Кулиш. 1861, октября 18. С. Петербург» (*ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 3. Л. 1). Судя по сообщению Анны Васильевны, что у Базунова осталось только «два тома» Гоголя, он это сделал.

⁴ ...думала нельзя ли их присоединить к новому изданию... — А.В. Гоголь по своей наивности рассчитывала присоединить книги, хранящиеся у Базунова, к предстоящему изданию наследников, которое, возможно по этой причине, первоначально планировалось в 6-ти томах (см. с. 238).

⁵ ...на отношения маменьки к зятю. — Речь идет о майоре Якове Ивановиче Головне (1819–1867), муже О.В. Гоголь. О скверном характере зятя говорит и сама А.В. Гоголь в приписке к письму М.И. Гоголь к П.А. Кулишу от 12 октября 1859 г.: «Сколько неприятностей нам было от зятя Головни. Слава Богу, что Вла<дими>р Ив<анови>ч <Быков> берет на себя денежные дела, и вы потрудитесь к нему обращаться. Вообразите, что Головня хотел лишить его части, пользуясь его болезнью <...> Все подозревает, что его хотят обмануть, что мы себе утаиваем деньги (верно судит по себе), и придирается ко всякой копейке. <...> Какой невыносимый человек» (Письма М.И. Гоголь к П.А. Кулишу и Д.С. Каменецкому // Киевская Старина. 1887. № 12, Отд. 2. С. 69; см. также: *Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 231).

⁶ У маменьки всегда был характер очень подозрительный и большое воображение... — По многочисленным свидетельствам родных, несмотря на свою доброту М.И. Гоголь действительно не отличалась спокойным характером. См., например, статью Н.А. Трахимовского «Мария Ивановна Гоголь»: «...настроение М.И. Гоголь часто стояло в зависимости не столько от внешних причин, сколько от свойства ее характера: добрая, религиозная, сострадательная, готовая всегда помочь, М.И. Гоголь вместе с тем была крайне впечатлительна и подозрительна: бывали дни, недели, целые месяцы, когда впечатлительность М.И. Гоголь доходила до крайних пределов, достигала почти болезненного состояния» (Трахимовский Н.А. Мария Ивановна Гоголь // Русская старина. 1888. Июль. С. 33).

⁷ ...подозревает сестру, которая живет с ней... — М.И. Гоголь до самой смерти жила в Васильевке вместе со своей младшей дочерью Ольгой и ее мужем, отставным майором Я.И. Головной, который держал имение Гоголей в аренде.

⁸ ...Кулиш имел что-нибудь против вас ~ он пользовался несколькими выгодами... — Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) — критик, публицист, первый биограф Гоголя («Опыт биографии Гоголя» (1854), «Записки о жизни Гоголя» (1856), издатель «Собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя» в 6 т. (1857)). Кулиш действительно получал определенную выручку от продажи сочинений Гоголя, однако сказать, что на этом он сильно обогатился, нельзя. Более того, в начале 1860-х годов его состояние было близко к банкротству. В письме от 17 апреля 1885 г. к А.В. Гоголь Кулиш подробно рассказывает о тех событиях, которые привели его к разорению: «Доверенным у меня человеком, у которого на руках я оставлял все петербургское имущество мое, был некто Каменецкий <...> Во время моей отлучки <...> он повернул дело так, что нераспроданных экземпляров изданных мною “Сочинений и писем Гоголя” осталось в наличности меньше, чем сколько было нужно на удовлетворение наследников <...> типография моя исчезла без выручки даже положенных на ее основание 3000 руб., заработанных мною на издании сочинений Гоголя. Видя перед собой такое позорное банкротство, я продал все прочие свои издания огулом за 5000 руб., тогда как обыкновенною продажей за них можно было бы выручить вчетверо больше, и только этим способом расплатился с наследниками» (Гог. в восп., дневн., переп. Т. 1. С. 272). Далее Кулиш сообщает, что все находившиеся у него рукописи Гоголя он возвратил наследникам для подготовки нового издания: «При таких-то обстоятельствах покойный Вл. Ив. Быков потребовал у меня рукописи великого писателя, и я, тотчас по получении его письма, отдал их, не оставив у себя ни листочка» (там же). Решение Быкова о передаче издания в другие руки (Чижову) Кулиш посчитал верным, поскольку на тот момент сам он находился в бедственном положении.

3

<ноябрь-декабрь 1861 г.>

Хотела было уже не отвечать вам на ваше доброе письмо, многоуважаемый Федор Васильевич, чтобы не мешать вам в ваших занятиях; но потребность выразить вам мою глубокую благодарность заставила меня написать вам хоть <1 нрзб.> строчек. Не знаю право

уже как и благодарить вас, не нахожу слов. Мне приходится так часто благодарить вас, что я уже делаюсь через чур однообразна.

Ваше письмо меня успокоило, я так боялась, что я могла испортить дела и огорчить вас. Какие вы добрые. Право, мне кажется во всем свете нет человека добрее, бескорыстнее и великодушнее вас.*

Но я уже путаюсь**, выходит, что несправедлива пословица: от избытка сердца уста глаголят¹.

У меня же выходит наоборот, я жертва слова. Но вы понимаете меня, и этого довольно.

Всей душой преданная и благодарная вам А. Гоголь.

Сестра вам очень кланяется.

Это письмо не требует ответа, и пожалуйста не затрудняйте себя.

Еще забыла вам сказать, вы бы наняли на наш счет себе секретаря или что-нибудь в этом роде, чтобы держать корректуру² и прочее...

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 21. Ед. хр. 2. Л. 11–12 об., двойной. Размер 21,3 x 13,1. Бумага средней плотности, пожелтевшая, верже. На л. 11 в левом верхнем углу штемпель — буквы «АГ» в овалах под короной (на бумаге с аналогичным штемпелем написано письмо А.В. Гоголь под № 2). Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк размашистый. Письмо без даты. Письмо датируется предположительно, на основании слов Анны Васильевны о найме секретаря, из которых следует, что письмо писалось скорее всего до корректуры. Точное время работы с корректурой нам не известно, но цензурное разрешение первых двух томов было получено в ноябре 1861 г., а третьего и четвертого — 3 января 1862 г., следовательно, письмо было написано не позднее ноября-декабря 1861 г.

¹ ...от избытка сердца уста глаголят. — Ср. в Евангелии от Матфея: «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34).

² ...наняли на наш счет себе секретаря ~ чтобы держать корректуру... — Ср. замечание И.С. Аксакова: «...все последние три издания Гоголя — дело Чижова, не исключая и корректуры!» (Аксаков И.С. Федор Васильевич Чижев. Из речи, произнесенной 18 декабря 1877 года. М., 1878. С. 18). Однако в финансовых документах по изданию сочинений Гоголя, которые вел Чижев, неоднократно встречаются графы с расходами на оплату работы корректора (См.: Счет в письме к В.И. Быкову / *ОР РГБ*. Ф. 332. Оп. 68. Ед. хр. 11. Л. 2).

4

<январь-февраль 1862 г.>

Из вашего письма я вижу, что Вы все еще сердитесь на меня, Дорогой Федор Васильевич! И отчего Вы думаете, что сестра Вас больше любила, а мне кажется, что я, оттого, может быть, что Вы

* Далее зачеркнуто: Есть <1 нрзб.>

** К этому месту внизу письма сноска: «от избытка сердца уста глаголят».

такое теплое участие приняли в нашем горе. Как скоро прошел пост, вот уже и праздники скоро, дай Бог и Вам их встретить здоровым и веселым. Я Вас просила прислать не один экземпляр, а 3, но это и после когда-нибудь можно, не беспокойтесь. Господи! Как совестно, что Вам надо еще заботиться о помещении для книг. Ради Бога, не экономничайте так наших денег¹, а наймите кого-нибудь для этих забот. Воображаю, как Вам неприятно хлопотать для людей, которыми Вы недовольны. Меня так печалит, что я Вас чем-то прогневала. Какая я ненаходчивая, не умею совсем писать! И Екатерине Александровне, на все мое сочувствие к их горю я не сумела ничего выразить². Может быть еще оттого, что я его только и видела прошлый год, прежде мне никогда не удавалось его встречать, и я его совсем не знала, ни его отношений к семейству.

Вот и *теперь*, не умею оправдать себя перед Вами. Хотя и сама не знаю, за что Вы недовольны. Если за то, что давно не писала, то, говорю Вам совершенно искренно, что боялась пустыми письмами докучать Вам, оттого, что Вы сами писали, что у Вас минуты нет свободной, а я не так самонадеянна, чтобы думать, что мои письма могут доставить удовольствие, а не помеху. И я думала, что Вы *уверенны* в моей искренности, *беспредельной* преданности, при которой останусь всю жизнь мою.

А. Гоголь

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 332. Оп. 21. Ед. хр. 2. Л. 13–14 об., двойной; л. 14 об. не заполнен. Размер 21,3 x 13,1. Бумага средней плотности, пожелтевшая. Пагинация полистная, архивная, в правом верхнем углу графитным карандашом. Почерк размашистый. Письмо без даты. Датируется предположительно, на следующих основаниях. В письме А.В. Гоголь просит прислать ей 3 экземпляра уже вышедших сочинений брата. Между тем, издание вышло в январе 1862 г. (ц. р. — 3 января 1862 г.), следовательно, раньше письмо написано быть не могло. В то же время не исключено, что известие о выходе издания она получила от В.И. Быкова, который 23 февраля 1862 г. благодарил Чигова за «хлопоты по изданию и за присылку первых 2-х томов Сочинений» Николая Васильевича; Вашего издания» (Ф. 332. Оп. 18. Ед. хр. 41. Л. 5). Таким образом, письмо могло быть написано в январе-феврале 1862 г.

¹...не экономничайте так наших денег... — Чигов регулярно высылал родным Гоголя полученные от продажи сочинений деньги (см. с. 239 наст. изд.), не имея при этом собственной выгоды, «без всякой личной корысти». По свидетельству секретаря Чигова Аркадия Черокова, он был невероятно щедрым и скромным человеком: «Несмотря на свое очень большое содержание по должностям, он держался по-спартански относительно своих внешних житейских удобств и не из какой-либо скарעדности, ибо вовсе не берег собственных денег, а просто из пренебрежения к комфорту, неге, распуценности и всяким слабостям, неумолимым гонителем которых в других он был беспощаден <...> Однако в употреблении собственных денег не для себя, он был даже щедр, сам искал, стремился оказать помощь людям даже мало известным ему лично <...> Он многих облагодетельствовал в частности, но только когда убеждался, что

его помощь пойдет на действительное дело, а не в поощрение лени, и никогда не позволял даже заикаться о возврате ему» (*Чероков А.С.* Федор Васильевич Чижов и его связи с Н.В. Гоголем. Биографический очерк. М., 1902. С. 45–46). См. также: *Аксаков И.С.* Федор Васильевич Чижов. Из речи, произнесенной 18 декабря 1877 года. М., 1878. С. 18.

² *И Екатерине Александровне ~ ничего выразить.* — Речь, судя по всему, идет о Екатерине Александровне Сverbеевой, урожд. кн. Щербатовой (1808–1892), жене дипломата Д.Н. Сverbеева. Анна Васильевна переписывалась с ней, что известно из ее письма к Сverbеевой, копия которого сохранилась в *РГАЛИ* (*РГАЛИ*. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 629. Письмо А.В. Гоголь Е.А. Сverbеевой. 1860-е гг.). О каком печальном обстоятельстве идет речь, не установлено.

К ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ 10-ГО ИЗДАНИЯ «СОЧИНЕНИЙ Н. ГОГОЛЯ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н.С. ТИХОНРАВОВА И В.И. ШЕНРОКА

130 лет назад из печати вышло пять первых томов очередного издания гоголевских произведений, широко известного под двумя краткими наименованиями — «10-е издание» и «издание Тихонравова», и началась научная жизнь издания, которое впервые представило творческое наследие Гоголя в максимальной полноте (исключая письма¹) и возможной аутентичности, с научным комментарием и справочным аппаратом. Оно стало первым научным исследованием творческой биографии Гоголя, в подробностях освещающим историю создания как каждого завершеного произведения, так и всякого не реализовавшегося замысла и заложило основу для дальнейшего системного и систематического изучения, обозначив при этом довольно далекие горизонты такового. Выходило издание, как известно, с разными сложностями, в числе которых — смена издателя, изменения в плане-проспекте, скоропостижная смерть Тихонравова 27 ноября 1893 г., прервавшая научную подготовку и типографский набор шестого и седьмого томов, смена редактора, новая подготовка двух последних томов к печати, включавшая (по условиям договора издателя с В.И. Шенроком) изучение не только гоголевского, но и тихонравовского рукописного наследия. В итоге последние два тома вышли — в 1896 г.

По разным, в большинстве объективным, причинам 10-е издание Гоголя не является идеальным, не лишено недочетов, но вместе с тем оно, несомненно, остается одним из образцовых научно-критических изданий² и не утратило своего самостоятельного научного текстологического и эдичионного значения после выхода первого

¹ Это исключение было вынужденным, обусловленным экономическими расчетами издателей — В.В. Думнова и А.Ф. Маркса, а для последнего и связанной с этим юридической проблемой авторских прав, поскольку с 1887 г. частные письма (наряду с дневниками и публичными речами) были также признаны предметом авторского права. В итоге право напечатать уже опубликованные и еще не появлявшиеся в печати письма Гоголя Маркс частично выкупил у Думнова, а частично — у наследников Гоголя только в 1901 г., после чего заключил договор с В.И. Шенроком (РГИА. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 19), под чьей редакцией в том же году 4 тома писем вышли из печати (Письма Н.В. Гоголя. СПб., 1901).

² Ср.: «Десятым изданием Тихонравова надолго был установлен канон гоголевского текста» (Ак. Т. I. С. 12).

академического полного собрания сочинений Гоголя (АН СССР, 1937–1952). В сущности, получив жизнь под скромным названием «Сочинения Н.В. Гоголя», 10-е издание было первым «полным» и первым «академическим» — составленным, подготовленным и в подавляющей части прокомментированным Тихонравовым, который опирался на собственный академический опыт изучения, описания и публикаций памятников славянской литературы Древнего и Нового времени³. Часть рукописного наследия Гоголя, послужившая Тихонравову сводом источников при подготовке текстов, подробно им описана и представлена вариантами в примечаниях (т. 1–5), а полный объем известных на тот момент данных о гоголевских автографах, рукописях и списках, составленный В.И. Шенроком (т. 7) по уже установленным принципам и с привлечением данных предшественника, до сих пор является единственным в своем роде источником сведений о рукописном наследии классика. Не отступал Шенрок, по возможности, и от заложенных Тихонравовым принципов эдиции при подготовке черновых и сопроводительных материалов для двух последних томов⁴.

Надо сказать, что к середине 1880-х годов в российском книгоиздании уже обозначилась тенденция к ознакомлению читателя с научным (в той или иной степени) описанием рукописных источников публикуемых сочинений классиков отечественной литературы⁵. Именно поэтому вынесенная на титульный лист информация, что «текст сверен с собственноручными рукописями автора», успешно выполняла свою рекламную функцию, а имя академика Тихонравова обеспечивало обширный интерес к изданию в научном мире⁶.

Тихонравов был младшим современником Гоголя. Ему было без малого 20 лет, когда Гоголь умер, и первая его гоголеведческая статья появилась уже в 1853 г. (Московские Ведомости. 1853. № 51). Поводом стало исправление некоторых неточностей, допущенных будущим гоголевским биографом П. Кулишом в заметке

³ См. обзор обширного научного наследия «ординарного академика» Н.С. Тихонравова: Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894; *Архангельский А.С.* Памяти Н.С. Тихонравова (род. 3 окт. 1832 г. [ум.] 27 нояб. 1893 г.): Учен. труды Н.С. Тихонравова в связи с более ранними изучениями в обл. истории рус. лит. Казань, 1894.

⁴ *Тих.* Т. 6. С. I–VIII.

⁵ Вопрос о «примечаниях» к издаваемым сочинениям ставился и в отношении гоголевского наследия много раньше: как можно судить по письмам В.И. Быкова к Ф.И. Чижову, в 1861 г. они обсуждали этот вопрос (см. публикацию в наст. изд., с. 240), но намерения Чижова и И.С. Аксакова снабдить издание наследников Гоголя научным комментарием не были реализованы.

⁶ И «право» издателя указать на титуле, что редактором является Н.С. Тихонравов, специально оговаривалось, в частности — в договоре с ним А.Ф. Маркса о выпуске 11-го издания «Сочинений Н.В. Гоголя» (см. публикуемый ниже документ VII).

«Несколько черт для биографии Н.В. Гоголя», появившейся в печати без подписи⁷. Подправив «автора статьи», Тихонравов сообщил несколько дополнительных библиографических данных о первых печатных выступлениях Гоголя, уже тогда подходя к материалу и как текстолог и исследователь⁸. Кулиш воспользовался уточнениями Тихонравова, еще в январе-феврале в 1854 г., будучи в Москве, познакомился с Тихонравовым лично, по выходе «Опыта биографии...» подарил ему, одному из первых в Москве, книгу через О.М. Бодянского⁹, а после, бывая в Москве, поддерживал тесные контакты по «гоголевской» теме¹⁰. Не миновало Тихонравова и охватившее буквально всех в 1850-е годы увлечение собиранием различных автографических материалов, относящихся к гоголевской биографии, и копированием его рукописей и писем¹¹.

⁷ Несколько черт для биографии Н.В. Гоголя // Отечественные Записки. 1852. Т. LXXXI. № 4. Отд. VIII. С. 189–201; без подписи.

⁸ Ср., например: «В Отечествен<ных> Записках того же 1830 года (февраль, № 118, стр. 238–264 и март, № 118, стр. 421–442) явилась без подписи повесть Гоголя: *Бисаврюк*, или вечер накануне Ивана Купала. Почти через год она была перепечатана в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”, и притом с изменениями, которые особенно заметны в слоге. В Отеч<ественных> Записках она не отличалась тем языком непринужденного рассказа, которым она передана при новом издании. Мы даже подозреваем, что об этом позаботился тогдашний издатель Отеч<ественных> Записок. Если наше предположение подтвердится, то предисловие к этой повести (напечатанное в “Вечерах” в собрании сочинений) получит новый оттенок» (Тихонравов Н. Библиографические поправки и дополнения к статье: «Несколько черт для биографии Н.В. Гоголя». [Москва]: [отд. оттиск без тит. л. и обл.] в Университетской типографии, [1853]. С. 7–8).

⁹ В письме к О.М. Бодянскому от 2 июля 1854 г. Кулиш пишет: «Мне известно, что Вам послан экземпляр “Опыта”. Передайте его от меня Тихонравову, чтобы я не показался ему неблагодарным; а Вам я готовлю экземпляр с приписками, как было обещано» (Письма П.А. Кулиша к О.М. Бодянскому // Киевская Старина. 1897. № 12. С. 458: см. то же: Кулиш П. Листи. Т. II: 1850–1856. Київ, 2009. С. 190).

¹⁰ Кулиш не раз упоминает Тихонравова в письмах тех лет и ссылается на него как на «известного своими библиографическими трудами» ученого в «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя».

¹¹ См., например, в письме от 3 мая 1854 г. к С.И. Пономареву, позднее известному украинскому библиографу, много занимавшемуся гоголевскими материалами и тогда жившему в Москве, о копировании 2-го тома «Мертвых душ» (Письма И.С. Аксакова, Н.П. Барсукова, П.С. Билярского [и др.] к библиографу С.И. Пономареву с примечаниями издателя. М., 1915. С. 11); Тихонравову принадлежал один из трех, известных, в частности, Кулишу, экземпляров «Ганца Кюхельгартена»; А.Н. Пыпин в своем очерке научной деятельности Тихонравова приводит фрагмент его письма Краевскому (из архива последнего в ИПБ, без даты, но с пометой адресата об ответе 9 ноября 1854 г.) с предложением прислать списки: «Не нужна ли Вам *Развязка Ревизора* (Гоголя) и комедия, аки бы им переведенная, *Дядька в затруднительном положении?*»

Сформулировав в 1853 г. научную позицию в отношении актуальных публикаций из Гоголя и о Гоголе («Гоголь завещал “не спешить ни хвалою, ни осуждением”, и нам остается только тщательно собирать те факты, которые впоследствии послужат материалами для его биографии и для оценки его произведений»¹²), Тихонравов, разумеется, не предчувствовал, что 30 лет спустя именно он и будет решать задачу системного и систематического исследования практически всей творческой биографии Гоголя, а также введения в научный оборот множества ранее не известных черновых текстов, не завершенных произведений и не реализованных замыслов классика. И к этой задаче он приступил со всем своим опытом ученого. Во все эти годы его научные интересы как собирателя памятников древней письменности, библиофила, исследователя, публикатора и комментатора не были сконцентрированы в одной области: «...как в начале он одинаково изучал новейшую литературу и увлекался рукописной стариной, так и до конца он с тем же интересом совершал своего рода раскопки в древней письменности, которые уже в девяностые годы были вознаграждены открытием нового списка “Девгениева Деяния” и “Хождения священноинок Варсонофия”, и тратил усиленный труд на издание текста Гоголя с бесконечными мелочными вариантами»¹³.

Мы не знаем и вряд ли узнаем, кто указал в 1886 г. Думнову на Тихонравова как наиболее подходящую кандидатуру редактора будущего издания, способного квалифицированно разобраться в рукописных материалах, хранившихся у наследников и присланных в Москву, описать и подготовить их к печати. Но один факт определенно указывает на его, Тихонравова, имидж 1880-х годов, знатока биографии Гоголя. В 1884 г. за консультацией по гоголевским биографическим данным к Тихонравову обратился В.И. Шенрок, молодой преподаватель 3-ей московской гимназии, уже не первый год занимавшийся сбором данных о биографии и переписке Гоголя (в частности — о круге друзей и знакомых писателя). 23 апреля того года Шенрок написал Тихонравову письмо, еще «не имея чести быть знакомым», с просьбой уделить «несколько минут внимания» в связи с предпринятым им трудом («Зная, насколько затруднительно чтение писем Гоголя по изданию Кулиша с постоянными условными обозначениями и пропусками, я попытался составить указатель к этим письмам»¹⁴) и помочь разобраться с сомнениями и вопросами, для чего — прочесть критическим взглядом перечень

(Пытин А.Н. Н.С. Тихонравов и его научная деятельность // *Тихонравов Н.С.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1898. С. XLIV).

¹² *Тихонравов Н.С.* Библиографические поправки... С. 1.

¹³ *Пытин А.Н.* Н.С. Тихонравов и его научная деятельность. С. LIII–LIV.

¹⁴ *ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 8. Ед. хр. 61. Л. 1–1 об.

вопросов и предположений (растянувшийся на 4 страницы письма¹⁵), затрудняющих подготовку задуманного указателя¹⁶.

Так или иначе, когда в январе 1886 г. был заключен договор между наследниками Гоголя и издателем В.В. Думновым о продаже литературных прав на издание гоголевских сочинений (см.: I), а в марте того же года все сохранившиеся в Полтаве рукописи были получены в Москве¹⁷, Тихонравов незамедлительно приступил к их изучению. Первые результаты поражают сочетанием быстроты и научной основательности: уже 25 марта 1886 г. было получено цензурное разрешение на выход издания «Ревизор. Комедия в пяти действиях. Сочинение Н.В. Гоголя. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Николаем Тихонравовым», между тем предвещающий публикуемый текст «Очерк истории текста комедии “Ревизор”» представляет собой глубокое аналитическое исследование трех творческих этапов — черновой редакции, печатного текста 1836 г. и переработки к изданию 1842 г., а также сравнительный текстологический анализ двух разных редакций 1836 г., которые были отданы тогда комедиографом в печать и на сцену и в тексте которых, соответственно, запечатлелись следы разных творческих задач. Для этого Тихонравов изучил не только присланные из Полтавы рукописные источники комедии, но и черновую редакцию, набросанную в одной из рабочих записных тетрадей Гоголя (хранящейся тогда в семье Аксаковых). Книга Тихонравова о «Ревизоре» стала первым квалифицированным текстологическим исследованием, посвященным гоголевскому творчеству, и явилась, по мнению рецензента «Вестника Европы», «единственным серьезным историко-литературным трудом, вызванным пятидесятилетием знаменитой комедии»¹⁸ (а в юбилейном году в печати появилось около полутора десятка материалов о Гоголе). В мае того же года был напечатан еще один, посвященный юбилею «Ревизора», материал Тихонравова — статья «Первое представление “Ревизора” на Московской сцене»¹⁹.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.—3.

¹⁶ Шенрок обращался к Тихонравову по этому поводу и в апреле 1886 г. (ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 8. Ед. хр. 61. Л. 5–6 об.), а за оказанное содействие поблагодарил его в послесловии к вышедшему летом того года 1-му изданию «Указателя» (Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С приложений неизданных отрывков из писем матери Н.В. и его собственных / Сост. В. Шенрок. М., 1886. С. 90).

¹⁷ См. об этом подробно, включая «реестр» присланных бумаг: *Падерина 2018*. С. 170–171.

¹⁸ Вестник Европы. 1886. Т. 40. № 7. Отд. «Литературное обозрение». С. 413.

¹⁹ Тихонравов Н.С. Первое представление «Ревизора» на Московской сцене // Русская мысль. 1886. № 5. С. 84–105.

Словом, чьим бы советом ни руководствовался Думнов при обращении к Тихонравову в 1886 г., более удачного выбора сделать он, пожалуй, не смог бы. Напомним в этой связи, что Тихонравов, выпускник Московского университета, лично знал М.П. Погодина, С.П. Шевырева, О.М. Бодянского и, подвизаясь на научном поприще, общался с ними, а также был хорошо знаком, кроме Кулиша, с Н. Трушковским, с Аксаковыми, Самариными, Щепкиными и др. За годы службы ординарным профессором, а потом ректором Университета его связи только упрочились, с 1885 г. он стал председателем Общества любителей российской словесности, и все это обеспечивало ему широкие возможности в поиске и в получении доступа к тем самым автографам, обращение к которым обеспечивало достоверность как в эдичии, так и в текстологическом анализе и комментировании. Так, получив от В.В. Думнова для подготовки к изданию большой корпус черновых бумаг Гоголя, присланных издателю наследниками²⁰, Тихонравов сразу озаботился отысканием других, необходимых для аналитического изучения, рукописных источников, привлекая к этому все свои связи в научном мире (см., например, среди публикуемых ниже материалов письма А.Ф. Бычкова, доступные в Москве фрагменты переписки с А.Н. Веселовским, Л.Н. Майковым), обращаясь к наследникам гоголевских друзей²¹ и т. п. В «Предуведомлении» к 10-му изданию, подписанном 27 марта 1889 г., Тихонравов написал: «Считаю приятною для себя обязанностью выразить за содействие, оказанное настоящему изданию, глубокую благодарность: А.Ф. Бычкову, Я.К. Гроту, Л.Н. Майкову, Д.Ф. Самарину и директору Нежинского историко-филологического института Н.Е. Скворцову»²².

Надо сказать, однако, что даже Тихонравов столкнулся в этой поисковой деятельности со значительными трудностями, так что в 1887 г. в предисловии к публикации черновой редакции «Тараса Бульбы» написал: «Желательно, чтобы принадлежащие частным лицам рукописи Гоголя сосредоточивались в казенных библиотеках и музеях, открытых для общего пользования. Лишь в таком случае станет возможным основательное историческое изучение литера-

²⁰ Падерина 2018. С. 171–172.

²¹ Многие сведения и копии с подлинников пьес он получил от внука М.С. Щепкина — Вячеслава Николаевича Щепкина, служившего в Историческом музее (ср., в частности, письма В.Н. Щепкина к Н.С. Тихонравову от 30 мая, 27 сентября, 5 октября, 20, 21 и 28 ноября 1888 г.: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 8. Ед. хр. 68. Л. 9–23 об.; а также письма Тихонравова к В.Н. Щепкину за 1888 г.: *ОПИ ГИМ*. Ф. 276. Ед. хр. 115. Л. 1–5). Сведения об авторском чтении 2-го тома «Мертвых душ» зимой 1850 г. в Москве Тихонравов запрашивал у младшего брата Ю.Ф. Самарина — Дмитрия Федоровича (ответ Д.Ф. Самарина см.: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 8. Ед. хр. 21. Л. 3–3об.).

²² *Тух*. Т. 1. С. XXIV.

турной деятельности Гоголя во всей полноте и положен будет предел как невежественным искажениям текста его сочинений, так и легкомысленное толкование отдельных моментов в истории его жизни и поэтического творчества...»²³

Так или иначе, издателю существенное пополнение состава гоголевских текстов в очередном издании сочинений писателя сулило немалую коммерческую выгоду, а имя маститого ученого, повторим, — научный вес, но реальный научный результат предугадать не смог бы, пожалуй, и сам Тихонравов. Выпущенные им пять томов «Сочинений Н.В. Гоголя» буквально подняли на новый и очень высокий уровень не только гоголеведение, но и научные принципы изучения и издания литературы Нового времени в ее новейшей для XIX века фазе.

В то же время не случайным в этом деле человеком был и В.И. Шенрок, «подхвативший» его после смены издателя и неожиданной для всех смерти редактора. Установив в 1884 г., как мы уже упоминали, научное знакомство с Тихонравовым и выпустив 1-е издание своего «Указателя к письмам» (1886), Шенрок, будучи, в сущности, молодым человеком, начинающим публикатором и комментатором, уже тогда проявил готовность и способность к методичным поискам источников, стремление к достоверности результатов, выдержанности выводов и предположений, словом, активно набирал исследовательский опыт академического толка. И при подготовке 1-го издания указателя он консультировался не только с Тихонравовым, но и с дочерью А.О. Смирновой²⁴, прибегал к помощи А.В. Гоголь²⁵, а для подготовки 2-го издания (1888 г.) связался с А.С. Данилевским, внесшим свои уточнения. Все более и более втягиваясь в обеспечение своего труда максимальным объемом проверенных и/или засвидетельствованных современниками и очевидцами данных, Шенрок стал разыскивать для копирования подлинники гоголевских писем и уже не только писем, выказывая в этом деле недюжую энергию и предприимчивость (отличавшую в 1850-е годы П. Кулиша). В частности, 25 января 1888 г. он написал Тихо-

²³ Тихонравов Н.С. Тарас Бульба Н.В. Гоголя. Главы неизданной редакции // Русская старина. 1887. Кн. 3. С. 713.

²⁴ Ср.: «Для проверки данных, заключающихся в предлагаемом указателе, корректурные листы, по просьбе составителя, были переданы академиком Я. Гротом на рассмотрение Ольге Николаевне Смирновой (дочери покойной Александры Осиповны)» (Указатель к письмам Гоголя. С. 2); при этом, как сообщил Шенрок в письме к Тихонравову от 25 января 1888 г., через Я.К. Грота «корректурные листы посылались в Париж» (ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. Ед. хр. 61. Л. 1 об.).

²⁵ О том, что многое «удалось определить» «при помощи устных и письменных сообщений от Анны Васильевны Гоголь», Шенрок сообщал Тихонравову в упомянутом письме от 25 января 1888 г. (там же).

нравову письмо, которое мы публикуем ниже полностью во вступительной статье, поскольку оно, не имея прямого отношения к подготовке 10-го издания, замечательно характеризует Шенрока-гоголеведа, а также общую атмосферу всеобщих, в определенном смысле, усилий по обнародованию всего что ни есть из гоголевских материалов²⁶.

Глубокоуважаемый Николай Саввич,

Посвящая свое свободное время²⁷ изучению Гоголя, я весьма заинтересован в том, чтобы по возможности ознакомиться со всеми источниками. Я уже испросил разрешения Ник<олая> Влад<имировича> Быкова на просмотр у себя на дому всех рукописей, переданных им г. Думнову, но, так как это было бы, по всей вероятности, неудобно для Вас, то я почтительнейше просил бы Вас соизволить мне в назначенное время (в праздник) хотя поверхностно ознакомиться с находящимися у Вас рукописями в Вашем присутствии и в Вашем кабинете. Я бы особенно просил Вас, глубокоуважаемый Николай Саввич, не отказать мне в ответе, какие письма²⁸ Гоголя или копии, полученные от Думнова, хранятся у Вас. Мне это было бы важно для того, чтобы исправить мой указатель к письмам, который должен выдти вторым изданием. Меня особенно интересуют письма Гог<олая> Языкову и Жуковскому²⁹; быть может, они хотя в копиях найдутся у Вас.

От А.А. Гатцука я получил позволение передать г. Думнову, что списанные Бодянским копии «Мертвых душ», «Остраницы» и объяснений к Литургии (так! — *Е.П.*), находящиеся у него, он согласен уступить г. Думнову. У меня есть письма Гоголя (не напечатанные), особенно к А.С. Данилевскому, переданные мне с условием не давать и не показывать их никому до напечатания в журнале (в «Русской Старине»)³⁰; некоторые письма к матери будут напечатаны в моей статье в «Историческом Вестнике». У А.А. Гатцука есть копии с писем, которые он думает напечатать в «Русской Старине» или в «Архиве». У Барсукова есть письмо Гоголя к Вяземскому, но он его не дает.

Полагая, что эти сообщения могут иметь для Вас интерес, передаю их. Я осмелился бы беспокоить Вас еще следующей просьбой: у Думнова есть собрание печатных отзывов о Гоголе, которыми я интересуюсь и которые, по-видимому, как уже напечатанные и не имеющие притом отношения к изданию, Вам, вероятно, не будут нужны. Я бы просил в таком случае, чтобы Вы позволили Думнову передать их мне.

Адрес мой: Введенский пер., д. Пановой.

В.И. Шенрок

²⁶ Печатаем по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. Ед. хр. 61. Л. 7–8 об.

²⁷ Шенрок служил преподавателем в 3-ей Московской гимназии.

²⁸ Подчеркнуто Шенроком в автографе.

²⁹ К этому месту Шенроком в письме сделана сноска: «П.В. Жуковский мне обещал три письма, но нигде их не может отыскать».

³⁰ К этому месту Шенроком в письме сделана сноска: «Подлинники писем к А.О. Смирновой находятся у П.И. Бартенева, а ответы у меня и будут печататься в «Русской Старине»».

Мы видим, что Шенрок был тогда подхвачен общим публикационным ажиотажем. И если Тихонравов, публикуя в журналах гоголевские материалы, сопровождал их научным комментарием, погружал в аналитически осмысленный творческий и биографический контекст, то Шенрок в конце 1880-х годов ограничивался скромными преамбулами. И тем не менее его интерес не был и тогда целиком сосредоточен на воспроизведении гоголевского эпистолярия, а к 1893 г. им был накоплен солидный опыт хорошо осведомленного биографа и аналитика, исследователя художественного творчества Гоголя, позволивший включиться «на ходу» в незавершенную Тихонравовым работу.

Таким образом, подготовка очередного, 10-го по общему счету, издания гоголевских сочинений была вписана, если не сказать — погружена, в процесс первичного в большей части ознакомления с творческим и эпистолярным наследием писателя. И решаемая Тихонравовым и Шенроком задача систематизации всего известного при одномоментном увеличении этого «известного» была и особо сложной, и крайне трудоемкой. Так что подробности этого десятилетнего этапа развития гоголеведения представляют несомненный научный интерес, который в данный момент мы можем удовлетворить в большом, но вовсе не полном объеме, поскольку нами обследованы пока только фонды московских архивов и тоже пока не полностью. Между тем солидная часть документальных данных об этом процессе и периоде обнаружения гоголевских материалов хранится в Петербурге, Киеве, Нежине и не только. Ниже мы публикуем те из найденных нами в ОР РГБ и РГАЛИ юридических документов и эпистолярных материалов, которые относятся именно к процессу подготовки 10-го издания, а фрагментарные сведения из неопубликованных документов и писем (из фондов ОР РГБ, Архива РГБ, РГАЛИ и ОПИ ГИМ) используем в комментарии.

При этом мы не только отдаем дань памяти подвижническому труду обоих ученых и решаем задачу историко-научного плана. Процесс, условия и обстоятельства подготовки и выхода в свет семи томов «Сочинений Гоголя» теснейшим образом связаны с современными источниковедческими, текстологическими и прочими проблемами подготовки новейшего академического издания Гоголя. Как мы выше отметили, среди насущных во времена Тихонравова и Шенрока проблем — пополнение корпуса известных и доступных исследователям рукописных источников (автографов, авторизованных и/или наиболее авторитетных неавторизованных списков), их квалифицированная публикация и исследовательская трактовка. В наше время к ним прибавились другие, в том числе связанные с непростой и во многих эпизодах неясной «биографией» отдельных рукописей и даже целых собраний таковых, и эти вопросы важны не только для исторического взгляда.

Так, неоценимым по важности источником сведений о творческой истории отдельных произведений и даже целых художественных циклов являются, как известно, гоголевские записные рабочие тетради (или книги, как их еще называют), в которых запечатлелся актуальный для автора творческий контекст замыслов. Между тем, многие другие гоголевские рукописи, а особенно отдельные автографы, даже попадая в казенное архивохранилище, не сохраняли зачастую своего первоначального вида. К примеру, формирование отдельного личного фонда Гоголя в рукописном отделе Ленинской библиотеки в 1939 г., а потом его дополнительная ревизия в 1956 г.³¹ привели к тому, что многие автографы были отчуждены от своего исходного контекста (в отдельных случаях кроме двойной архивной пагинации, на разрозненных листах с автографами наблюдается еще одна — более ранняя, а иногда — пометы Кулиша или Думнова). Но эти, естественные для архивной деятельности, манипуляции вовсе не безобидны для реконструкции истории текста того или иного произведения. Показателен, в частности, пример с гоголевским замыслом трагедии из истории Запорожья. О нем было известно только из эпистолярных свидетельств автора и мемуаров современников, когда Кулиш обнаружил отдельные записи, которые показались ему относящимися к работе над этой трагедией. И важным компонентом описания и построения гипотезы как для Кулиша, так и для Тихонравова, критически осмыслившего опыт предшественника, явилось то, что Кулиш обнаружил эти записи среди черновых бумаг Гоголя, сохранявшихся в аксаковском доме в том именно виде, в каком автор отдал их Константину Сергеевичу, и этот вид в целом оставался неизменен до поступления в руки Тихонравова. А сейчас все они собраны в общую единицу хранения и дополнены другими, тоже вычлененными из своих контекстов. Так что для понимания, каким творческим интересам Гоголя сопутствовали его заметки, выписки и фрагментарные наброски, теперь мы обращаемся по необходимости именно к историко-научному материалу, поскольку иных данных нет.

В этом плане представляют интерес сами обстоятельства, позволившие В.В. Думнову выставить на титуле издания указание — «Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым», а А.Ф. Марксу повторить его, добавив фамилию Шенрока. Важно ответить на вопрос, каким образом в руках Тихонравова, а потом Шенрока оказалось такое количество гоголевских автографов и рукописей и в таком именно составе, в то время как часть гоголевских

³¹ *Иванова Л.М.* Фонд Н.В. Гоголя (Дополнение к печатному каталогу «рукописи Гоголя») // Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 19. М., 1957.

рукописей уже хранилась в архивохранилищах разных городов (Москва, Петербург, Нежин), а довольно большая часть — еще не была приписана ни к одному архиву. Так, Тихонравов в «Предисловии» к 10-му изданию перечисляет «следующие собрания его (Гоголя. — *Е.П.*) оригиналов и набросков», которые послужили «руководством при настоящем издании сочинений Гоголя»: «1) *Пять* записных книг Гоголя, принадлежащих Аксаковым (означены у нас **РА**). Из этих пяти рукописей *две* (**РА** № 1 и **РА** № 2) принадлежат ныне наследникам Гоголя; одна — Императорской Публичной Библиотеке (**РА** № 3 = **ИБ**); две (**РА** № 4 и **РА** № 5) — вдове И.С. Аксакова. 2) Бумаги и рукописи Н.В. Гоголя, принадлежащие его наследникам. 3) Рукописи Гоголя, принадлежащие Н.Я. Прокоповичу и приобретенные у его наследников графом Н.А. Кушелевым-Безбородко для места воспитания поэта — Нежинского Лицея; ныне принадлежат Нежинскому историко-филологическому институту (**НР**). 4) Рукописи и бумаги Гоголя, пожертвованные А.А. Ивановым в Императорскую Публичную Библиотеку (**ИПБ**, т. е. «Иванов — Публичная Библиотека»). 5) Рукописи и бумаги Гоголя, пожертвованные А.А. Ивановым Московскому Музею (**ИМ**, т. е. «Иванов — Музей»)»³².

Частично нами прояснена стартовая для Тихонравова ситуация, образовавшаяся вследствие обращения наследников к Думнову и присылки в этой связи в Москву всех хранящихся у них гоголевских материалов (авторских рукописей, списков, отдельных изданий)³³. Хранящиеся в Императорской публичной библиотеке гоголевские рукописи он вначале изучил, съездив в Петербург, а «затем эти рукописи были ему высылаемы из Библиотеки через Московский университет»³⁴. И по печатаемым в настоящем издании письмам к Тихонравову А.Ф. Бычкова, в 1882–1899 гг. — директора Императорской публичной библиотеки, выясняются условия и время предоставления редактору нового издания отдельных рукописей из Петербурга. При этом случалось, «что он не успел отметить какую-нибудь подробность и когда рукописи были возвращены» или не были из-за неразборчивости гоголевского почерка прочитаны отдельные места и «сыпались письма к г. <Л.Н.> Майкову, который был тогда помощником директора Императорской Публичной Библиотеки»³⁵; ответы Майкова, извлеченные из сохранившихся в фонде Тихонравова в ОР РГБ писем (письма относятся к разным общим интересам), использованы нами в примечаниях.

³² Тих. Т. 1. С. ХХІ; все выделения в цитате — Тихонравова.

³³ См.: Падерина 2018.

³⁴ Пытин А.Н. Н.С. Тихонравов и его научная деятельность. С. ХСІІ.

³⁵ Там же (отдельные фрагменты из писем Тихонравова Майкову Пытин приводит в очерке на с. ХСІІ–ХСІІІ).

Но с остальными собраниями еще только предстоит разобраться. И как ни странно — не только с коллекцией Нежинского института (ныне хранящейся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины), но и с рукописями, собранными наследниками и поступившими в московский архив (были «уступлены» Музеям «за весьма скромное вознаграждение»³⁶) в 1896 г. Так, по данным официального отчета *МПуРМ* за соответствующие годы, рукописи были куплены после завершения Шенроком работы над последним томом и, соответственно, после того как он составил описание всего известного рукописного наследия писателя³⁷, в то время как в самом описании Шенрока о многих рукописях из собрания наследников сообщается, что они уже хранятся в Московском публичном и Румянцевском музеях, а описание книги «Всякой всячины» из собрания ОР РГБ вообще не сопровождается такого рода информацией³⁸.

Хотя в целом довольно причудливая история архивирования рукописного наследия Гоголя требует отдельных разысканий, публикуемый нами материал позволяет прояснить многие темные эпизоды этой истории и наметить векторы дальнейших поисков. Так, В.И. Шенрок, излагая историю текста 1-го тома «Мертвых душ», в примечаниях к «первой римской редакции» (хранящийся тогда в Нежине, а сейчас в Киеве авторизованный список, частью сделанный рукой В.А. Панова, частью — П.В. Анненкова³⁹) сообщил, что текст ее был «напечатан» Тихонравовым «в невышедшем в свет № журнала “Царь-Колокол”»⁴⁰. Этот печатный текст, как выяснилось из писем Шенрока к Марксу, стал одним из источников текста при подготовке публикации черновых редакций поэмы в 7-го томе издания⁴¹; отыскиались и корректурные листы соответствующего приложения к «Царь-Колоколу» («Библиотека для чтения»), сохранившиеся среди бумаг Тихонравова⁴²; печатная подготовка этой редакции поэмы к появлению в журнальном приложении подтверждается также письмом к нему редактора (Н.К. Цветкова), дающим нам и одну из дат — март 1892 г. О тихонравовском рукописном списке с подлинника (ныне хранящегося в Киеве) и корректурных листах «Царь-Колокола» пишет и Маркс Тихонравову летом 1893 г. Но причины и обстоятельства, по которым журнальная публикация не

³⁶ *Отчет МПуРМ*. М., 1897. С. 16.

³⁷ Там же.

³⁸ *Тих.* Т. 7. С. 873–891.

³⁹ См.: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 7. Кн. 2. С. 311–312 (под сиглой — АК2).

⁴⁰ *Тих.* Т. 7. С. 582.

⁴¹ Ср. в письме от 15 мая 1895 г.: «Для VII тома я имею “Мертвые души” в “Царь-Колоколе” и присланную Вами корректуру Н.С. Тихонравова» (см. в наст. публ.: XI, № 2).

⁴² *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. I. К. 39а. Ед. хр. 1. Л. 26–38, 44–48, 76–91, 167–178.

состоялась (текст был обнародован впервые в 1896 г. в 7-м томе «Сочинений Гоголя»), — еще только предстоит установить.

Стоит взглянуть на ситуацию резкого пополнения в 10-м издании состава гоголевских черновых материалов еще с одной стороны и остановиться подробнее на специфических задачах, которые пришлось решать Тихонравову-редактору. Хотя и не только в гоголевской биографии, но в его — с особенной частотой, отдельные творческие истории растянуты на 6–10 лет, причем в жизни Гоголя это годы небывалой творческой интенсивности. Так — с «Тарасом Бульбой», «Портретом», «Женитьбой», отчасти с «Ревизором», с «Игроками» и, наконец, с «Мертвыми душами». Не просто, а в отдельных случаях очень трудно было распределить материал по томам, тем более — сделать это впервые, по сути, с опорой на общую научную концепцию. В итоге Тихонравов неизбежно принужден был осваивать материал и готовить его к печати, продвигаясь фронтально — по нескольким томам сразу, при этом одновременно производя предварительную работу по другим томам.

Вначале интенсивная работа велась по трем томам — 1, 3, 5, причем, по сведениям Шенрока, начиная с 5-го тома⁴³. Это подтверждается и письмами Думнова, из которых следует также, что не позднее 1887 г. Тихонравов договорился с издателем о том, что тома будут выходить из печати не в прямом порядке.

Такой порядок работы определился многими привходящими факторами и обстоятельствами. Академический научный опыт «продиктовал» эдиционные принципы, а также структуру и состав комментария, в соответствии с чем критика каждого гоголевского текста (от художественного цикла или отдельного произведения до всякого наброска или заметки по поводу), включаемого в состав того или иного тома, осуществлялась по всем доступным источникам — рукописным и печатным, которые, в свою очередь, прежде надо было разыскать, исследовать, описать, а параллельно — систематизировать со стороны палеографии, датировок, места хранения (или владельца), оснастить библиографическим аппаратом и т. п. Этот первый, по преимуществу источниковедческий, этап позволил определиться со структурой издания, которая по необходимости оказалась далека от строгой хронологии и жанрово-родовой классификации (например, в 1-ом томе — «Тарас Бульба», во 2-ом — пьесы, в 3-ем — обе части «Мертвых душ», в 4-ом — «Выбранные места...», в 5-ом — юношеские опыты, «Арабески» и драматические наброски 1831–1835 гг.).

⁴³ Шенрок В.И. Н.С.Тихонравов как издатель сочинений Гоголя. [Речь, произнесенная 13 мата 1894 г. в Обществе Любителей Российской Словесности.] // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 117.

Более чем существенную роль в порядке практической подготовки томов сыграла актуальная доступность рукописных и печатных источников. В частности, сочетание 1 и 5 томов было, судя по всему, номинировано Тихонравовым в устных договоренностях с издателем именно исходя из возможностей обеспечить работу с источниками, при этом — как с печатными (Тихонравову принадлежал один из трех известных тогда экземпляров «Ганца Кюхельгартена», а остальные ранние произведения публиковались в периодике), так и с рукописными. Так, кроме присланных Н.В. Быковым черновых автографов и записных рабочих тетрадей, уже в 1886 г. Тихонравов получил от вдовы И.С. Аксакова (при посредничестве Д.Ф. Самарина) еще две записные книги, так что все вместе давало возможность работать с черновыми записями к «Вечерам...», «Арабескам», статьям и рецензиям для «Современника», к трагедии из английской истории и т. д. Довольно быстро ему удалось ознакомиться и еще с одной записной книгой, содержащей, кроме прочего, черновики повестей «Миргорода», в результате чего он тогда же опубликовал в журнале подготовленный текст «Тараса Бульбы» и комментарий к нему⁴⁴.

Кроме этого, планируя работу, Тихонравов учитывал неизбежную необходимость перекрестных ссылок между томами, в частности, между 1-м, где помещено «Предупреждение» ко всему изданию, и 5-м. «Предупреждение» подготовлялось поступательно, но уже сразу были описаны все известные Тихонравову записные книги писателя с черновыми материалами за разные годы, получившие свои обозначения (см. выше), используемые им уже в 5-ом томе; кроме того, в 1-й том входят два больших гоголевских цикла повестей — «Вечера...» и «Миргород» (не считая хронологически и тематически примыкающих к ним черновых записей и набросков), и это потребовало от Тихонравова выработки общей концепции целого творческого периода от 1829 до 1835 гг. По поводу включения уже в 1886–1887 гг. в работу 3-го тома, целиком отданного «Мертвым душам», мы можем только строить предположения. В частности, в отношении рукописных источников к обоим томам поэмы

⁴⁴ Тихонравов Н.С. Тарас Бульба Н.В. Гоголя. Главы неизданной редакции // Русская старина. 1887. Кн. 3. С. 711–719. Записная тетрадь 1832–1834 гг. с черновиками повестей из «Миргорода» (ОР РНБ. Ф. 199. Ед. хр. 1) была куплена Библиотекой в 1887 г. (Отчет ИПБ. СПб.: [б.и.], 1890. С. 230–231) у В.С. Мозгового, крупного киевского чиновника, к которому тетрадь попала от Н.С. Соханской (Тих. Т. 7. С. 905) после ее смерти в 1884 г. Позднее, в 1889 г., Тихонравов уточнял у Л.Н. Майкова по «рукописи Мозгового» отдельные вопросы и непрочитанные слова в «Носе» (Пыпин А.Н. Н.С. Тихонравов и его научная деятельность. С. ХСIII), в статье «Взгляд на составление Малороссии» (Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 5. Письма Л.Н. Майкова к Н.С. Тихонравову. 1887–1888 гг. Л. 20).

обстоятельства не были столь благоприятны. Как он ознакомился с редакцией 1841 г., хранящейся уже тогда в Библиотеке Нежинского историко-филологического института, мы пока не выяснили, но и с питерскими черновыми материалами к поэме возникли трудности. Так, он писал Л.Н. Майкову 21 июля 1887 г. (год указан адресатом⁴⁵) о получении присланных из Петербурга в Московский университет гоголевских рукописей, переданных ИПБ А.А. Ивановым, среди которых не оказалось необходимых ему «отрывков из “Мертвых душ”», в то время как, по его словам, «повесть о капитане Копейкине (т. е. те самые «отрывки из “Мертвых душ”». — Е.П.) выдержала уже 7-го июля последнюю корректуру», и просил «дослать» рукопись «в дополнение», не испрашивая отдельного высочайшего разрешения⁴⁶. Получил он рукопись только к концу 1887 г. (см. письмо А.Ф. Бычкова: IV, № 2), и на этом проблемы не заканчивались. В мае 1887 г. Тихонравов пожаловался на безуспешные поиски автографа 2-го тома «Мертвых душ»⁴⁷, в то время как рукопись была куплена *МПУРМ* еще в 1874 г.⁴⁸, но и обследование московского архивохранилища требовало времени. И для Тихонравова, профессора Московского университета⁴⁹, это было возможно только летом, в период студенческих каникул, но именно в эти месяцы Музеи были закрыты для посетителей (до 15 сентября)⁵⁰.

В деле ознакомления читателя с неизвестным прежде творческим наследием Гоголя 10-е издание сыграло поистине эксклюзивную роль: ни до, ни после читателю и научному сообществу не приходилось узнавать столько нового из Гоголя, о Гоголе и о его творческой биографии. И в этом была заслуга не только редакторов, но и издателей, в разной степени, но в обоих случаях вольно и невольно подчинивших свои коммерческие интересы научным и общекультурным задачам. Надо сказать, что если вклад Маркса в 10-е издание сочинений Гоголя обзорно описан известным историком книжного дела А.Е. Диннерштейном в биографическом исследовании «“Фабрикант” читателей: А.Ф. Маркс» (1986), то роль В.В. Думнова в издании Гоголя представлена к настоящему времени исключительно номинативно. На то были и объективные причины. Документальные свидетельства издательской деятельности Маркса (и по журналу «Нива», и по изданию русских классиков, с насыщением многих из них новыми материалами), его исторической и культур-

⁴⁵ Пытин А.Н. Н.С. Тихонравов и его научная деятельность. С. ХСII.

⁴⁶ Там же. С. ХСII–ХСIII.

⁴⁷ Тихонравов Н.С. Тарас Бульба Н.В. Гоголя. Главы неизданной редакции // Русская старина. 1887. Кн. 3. С. 713.

⁴⁸ Отчет *МПУРМ*. М., 1877. С. 51.

⁴⁹ Пост ректора он оставил в 1883 г.

⁵⁰ См.: XI, № 3, примеч. 5.

но-просветительской роли — сохранились в немалом объеме⁵¹, в то время как архив семьи Думновых и фирмы «Наследники братьев Салаевых» не сохранился⁵² (к тому же фирма при Думнове, в отличие от внимания к русской классике И.Г. и А.Г. Салаевых, специализировалась по преимуществу на учебной литературе). Примечательно, кстати, что как раз гоголевское издание, пусть и не доведенное Думновым до конца, обеспечило, как выяснилось, сохранение свидетельств о его вкладе в дело ознакомления читателей с отечественной классической литературой. То, что укрылось от глаз историков книги, сохранилось в материалах, имеющих отношение к 10-му изданию Гоголя: письма братьев Думновых уцелели среди бумаг Тихонравова (ОР РГБ), а документы (договора и т. п.) — в архиве издательства Маркса (РГАЛИ). В частности, договор наследников с Думновым, упомянутый в одном случае А.В. Гоголь, а в другом — Быковым⁵³, сохранился в деловых бумагах Маркса в виде нотариально заверенной копии и включен в состав публикуемых материалов.

Говоря о роли издателей, уместно прояснить еще один немало важный вопрос: кто именно установил порядковый счет изданий и когда к работе подключился Тихонравов — на этапе подготовки 9-го или только 10-го издания? Задним числом все объясняется как будто весьма логично: после выхода в свет в 1842 г. первого издания «Сочинений Н. Гоголя» каждое следующее издание «получило» свой, соответствующий хронологии, порядковый номер. Но этот условный порядковый номер был присвоен каждому из них — не ранее 1888 г., и не вполне понятно — кем именно.

⁵¹ См. изданный Библиотечкой РАН каталог посвященной издательству выставки: Адольф Федорович Маркс и его издательство: Каталог выставки. СПб., 1999; см. также перечень архивохранилищ Москвы и Петербурга, документы из которых использованы в биографическом исследовании: *Диннерштейн А.Е. «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 256.*

⁵² *Павлова А.А.* Книгоиздательство «В.В. Думнов. Наследники братьев Салаевых» в Москве: Библиогр. указатель материалов к истории деятельности и каталог фирмы. М., 1989.

⁵³ Ср.: «Недавно он (Н.В. Быков. — *Е.П.*) был в Москве и уступил там от нас право на издание сочинений покойного брата книгопродавцу Думнову, наследнику фирмы братьев Салаевых» (*Данилевский Г.П.* Знакомство с Гоголем. (Из литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1886. № 12. С. 502). Быков, объясняясь в открытой печати по поводу сообщения Н.А. Белозерской, родственницы Кулиша (см. о ней: *Гог. восп. совр.* Т. 1. С. 311), со слов последнего, о как будто пропавших у А.В. Гоголь рукописях брата, среди прочего написал: «...бумаги Н.В. Гоголя <...> были в прошлом году отосланы мною по описи во временное пользование г. Думнова (купившего у нас право издания сочинений Н. Гоголя)» (*Быков Н.* Об Н.В. Гоголе. (Письмо в редакцию) // Новое Время. 1887. 28 мая (9 июня), № 4037. С. 3).

Задачу вновь предпринятого издания Тихонравов видел в существенном пополнении и устранении «порчи» в ранее изданных произведениях, образованной «усилиями» редакторов и цензоров; в «Предупреждении» к 10-му изданию он дал краткий обзор издательской истории, проследив ее в двух важных аспектах — со стороны поступательного расширения состава публикуемых текстов Гоголя и по выбору эдизционных принципов⁵⁴. Но логика подсчета предшествующих изданий не очевидна. Так, вторым (в реальной издательской истории) стало издание, вышедшее в 6-ти томах (1855–1856) под редакцией Н.П. Трушковского (при участии С.П. Шевырева и П.А. Кулиша), и на титуле 1-го тома значится — «Изд. 2-е». Иначе, как кажется, и быть не могло, поскольку, как известно, подготовку 2-го издания инициировал и довел до чтения части корректур сам Гоголь. Однако на титульных листах остальных томов издания Трушковского порядкового обозначения нет. Следующим стало издание под редакцией П.Кулиша (М., 1857), которое имеет другое название и состав («Собрание сочинений и писем») и уже вполне естественно — не содержит указания (а следовательно — и признания) на преемственность. Далее, начиная с 1-го тома так называемого издания наследников (т. 1–4; М., 1862) был установлен свой, новый, порядок следования, зафиксированный на титуле каждого следующего выпуска («Изд. 2-е его наследников» — в 1867 г., 3-е — в 1873–1874 гг., 4-е — в 1880 г., 5-е — в 1884 г.). К слову сказать, само издание (со стороны правообладателей его курировал В.И. Быков, выступая поверенным всех наследников и обеспечивая юридическую сторону соблюдения литературного права, а издательским производством занимался Ф.В. Чижов) выходило под названием «Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя», поскольку его состав был пополнен, по возможности, (относительно выпущенных Трушковским и Кулишом) завершенными и черновыми текстами, и это давало, разумеется, право на установление собственного порядкового счета. Однако состав изменен во 2-ом издании наследников⁵⁵, а 1-е — повторило (без включения писем) редакцию Кулиша. Следует вспомнить и о контрафактном лейпцигском издании 1865 г.⁵⁶, воспроизведшем 1-е издание наследников без согла-

⁵⁴ *Тих.* Т. 1. С. VIII–XVII.

⁵⁵ Это отражено и на его титульном листе: «Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Второе издание его наследников, пополненное по рукописи автора». Это именно издание и включил Тихонравов в свой обзор: «Из пяти изданий “Сочинений Гоголя”, напечатанных его “наследниками”, одно только второе, вышедшее под редакцией Ф.В. Чижова, представляет попытку исправить некоторые, бросавшиеся в глаза читателям, ошибки в тексте сочинений Гоголя» (*Тих.* Т. 1. С. XVII).

⁵⁶ Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя: С порт. авт. Т. 1–4. Лейпциг: Франц Вагнер в типогр. Бера и Германна, 1865.

сования с ними и без материальной компенсации. Любопытно, кстати, что Тихонравов в своем предисловии к 11-му изданию (1893) впервые относительно подробно представил читателю (в этом случае — массовому) обзор осуществленных изданий⁵⁷, упомянув не пять, а шесть изданий «Сочинений Гоголя», «вышедших в период времени с 1862 г. по 1888 год», и тоже выделив из них («лучшим следует признать») — «второе издание наследников, вышедшее под редакцию Ф.В. Чинова в 1867 году»⁵⁸.

Таким образом, если перед нами простой арифметический счет всех, без учета специфики, изданий, то одно, по-видимому — лейпцигское, не принято в расчет. Такая логика объясняет вроде бы появление 9-го порядкового номера в 1888 г. Мог это сделать сам Думнов? Не вполне исключено. Вопрос только в том, зачем бы ему заниматься подсчетом, ведь никакого установленного, даже негласного, издательского правила на этот счет еще не было. И напротив, обзор издательской истории, сделанный Тихонравовым, позволяет думать, что именно он был инициатором указания на преемственность издания по отношению к первому, составленному самим Гоголем и отредактированному Н.Я. Прокоповичем. Впрочем, вышедшее в 1888 г. 9-е издание «Сочинений Н.В. Гоголя» не было запланировано, не готовилось как самостоятельное, а было выпущено Думновым исключительно по коммерческой необходимости в ожидании полной подготовки томов 10-го издания. Тексты Гоголя в 9-ом издании являются, судя по предисловию, результатом текстологической подготовки Тихонравова. Это предисловие «От издателя» подписано В. Думновым, но сомнений в том, кто его написал и подготовил тексты Гоголя, — не оставляет: «Настоящее издание не составляет простой перепечатки предыдущего издания наследников Гоголя. В последнем издании наследников (1884 г.) допущены были значительные пропуски и даже искажения текста некоторых произведений Гоголя. Издавать сочинения Гоголя в таком виде я считал невозможным, и потому текст настоящего издания исправлен по изданию г. Кулиша»⁵⁹. Очевидно, Тихонравов отказался составлять свое имя.

Так или иначе, данные противоречат установившемуся в гоголеведении мнению, что Думнов привлек Тихонравова к работе

⁵⁷ См. также обзоры научнозначимых изданий гоголевского наследия со стороны обновления состава и качества научно-критической подготовки: От редакции // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 1. С. 7–10 (в этом обзоре за изданием Кулиша сразу идет тихонравовское); От редакции // *Гоголь. ПСС и П.* Т. 1. С. 5–9.

⁵⁸ Сочинения Н.В. Гоголя / Ред. [и предисл.] Н.С. Тихонравова... 11-е изд. Т. 1. СПб., 1893. С. V–VII; курсив Тихонравова.

⁵⁹ Собрание сочинений Н.В. Гоголя: В 4 т. Изд. 9-е. Т. 1. М., 1988. С. I.

в связи с предпринятым 10-м изданием⁶⁰: сотрудничество началось существенно ранее определения порядкового статуса издания. Реальная конфигурация обстоятельств, как она выясняется из публикуемых ниже писем братьев Думновых к Тихонравову, весьма любопытна. Обратим внимание только на соотношение дат: первое из сохранившихся писем В. Думнова к редактору датируется апрелем 1886 г., в том же году появились первые публикации Тихонравовым неизвестных ранее черновых текстов Гоголя, а официальный договор редактора с издателем был заключен лишь в конце мая 1888 г.

В отличие от В. Думнова, не бывшего опытным издателем классического литературного наследия и, как видно из его писем, не вполне понимающего суть многотрудной работы редактора, А.Ф. Маркс взялся за окончание начатого гоголевского издания, уже имея опыт в таком деле. В 1891 г. он выпустил в 4-х томах сочинения М.Ю. Лермонтова со сверенными, по инициативе редактора — А.И. Введенского, по рукописям текстами (сразу по окончании законного 50-летнего срока охраны авторских прав)⁶¹. Маркс вложил немалые средства в издание Гоголя, как следует из сохранившихся договоров, содержательную часть которых мы также публикуем ниже. Но гоголеведческий интерес к этим официальным документам иной. Прежде всего — это подробности об условиях (сроках и содежании работ), о которых Тихонравов договорился с издателем 8 марта 1893 г. и на которые естественным образом ориентирована интересующая нас переписка.

Письма самого Тихонравова к Марксу неизвестны⁶², сохранилось только два черновика одного и того же письма, но весьма примечательного содержания. Тихонравов настаивает на увеличении числа томов, поскольку то, что он уже подготовил и готовит к публикации, сильно превышает оговоренные объемы, а кроме этого необходимо вместить полное описание всех гоголевских рукописей и автографов, а также авторитетных списков и изданий⁶³. Сохра-

⁶⁰ Первое сообщение об этом принадлежит Г.П. Георгиевскому: «При десятом издании сочинений Гоголя, предпринятом книжным издательством В. Думнова, редактором был приглашен академик Н.С. Тихонравов» (*Описание РГБ* 1. С. 4; курсив наш. — Е.П.). Однако для составителей описания гоголевского рукописного наследия, хранящегося в разных фондах ГБЛ, точность в этом вопросе не была столь важна.

⁶¹ Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова. С биогр. очерком, факс. и портр. Лермонтова, грав. на стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге. Под ред. Арс. И. Введенского. Т. 1–4. СПб.: А.Ф. Маркс, 1891.

⁶² Не обнаружил их и Диннерштейн, разыскивший все возможные архивные данные о деятельности издателя (*Диннерштейн*. С. 107).

⁶³ Отметим, что в цитируемом выше «Предисловии» к 10-му изданию, написанном Тихонравовым в 1888 г., редактор обещает, что поместит «подробное описание» черновых тетрадей Гоголя, «принадлежавших семейству Аксако-

нившиеся и публикуемые нами полностью⁶⁴ письма и телеграммы Маркса к Тихонравову раскрывают, в числе прочего, и этот эпизод, так что можно составить достаточно полное представление о непростом давшемся обоим решении выпустить дополнительный 7-й том. Надо сказать по этому поводу, что принятое в итоге решение противоречило заключенному между ними договору, где оговаривалось не только количество томов (точнее — подготовка именно и только 6-го тома), но и объем печатных листов, превышение которого предполагало финансовые потери для Тихонравова в виде сокращения гонорара на сумму дополнительных издержек издателя. Условия договора оказались пересмотрены во многих пунктах и без юридического оформления, настолько Маркс проникся просветительским пафосом и уважением к научному значению коммерческого поначалу предприятия. Из этого небольшого фрагмента двусторонней переписки извлекается, кроме того, небезынтересная для нас информация о степени готовности двух последних томов к моменту скоростной кончины редактора и о планах Тихонравова по поводу содержания и структуры 7-го тома, составленного и подготовленного уже В.И. Шенроком.

По смерти Тихонравова опекунами над его наследством (в частности, научным, собирательским, личными документами и т. п.) были назначены два его бывших ученика: С.О. Долгов (тогда — хранитель рукописного и старопечатного музейного собрания) и Е.И. Соколов⁶⁵. Обширная коллекция рукописей и старопечатных книг XVII–XVIII вв., собранная ученым, хранилась в МПШМ, но была куплена Музеями лишь в феврале 1912 г.⁶⁶, благодаря финансовой помощи братьев М.В. и С.В. Сабашниковых, также бывших учеников Тихонравова (в их доме в Николо-Песковском переулке Арбата ученый жил в 1893 г.), и многолетнему и многотрудному разбору и описанию ее опекунами⁶⁷. Материалы по подготовке

вых», — «в шестом томе настоящего издания» (*Тух.* Т. 1. С. XXI), в то время как описаны они в итоге в 7-м томе.

⁶⁴ В извлечениях переписка представлена в книге Диннерштейна, сделавшего выборку цитат исходя из задачи охарактеризовать деятельность Маркса (см.: *Диннерштейн.* С. 98–108).

⁶⁵ Соколов также начал служить в МПШМ — младшим чиновником канцелярии (*Отчет МПШМ.* М., 1884. С. 159), но не позднее 1885 г. был «уволен со службы по домашним обстоятельствам» (*Отчет МПШМ.* М., 1886. С. 135); вместе с Долговым он с 1895 по 1912 год занимался разбором и описанием архива и книжной коллекции Тихонравова (см. договоры Долгова и Соколова с Марксом: IX, № 1, 2).

⁶⁶ *Отчет МПШМ.* М., 1912. С. 1–4 (2-я пагинация).

⁶⁷ Деньги были выделены в 1895 г., но юридическому оформлению предшествовала кропотливая работа обоих опекунов (в досуговое время) по разбору, описанию и оценке коллекции, состоящей из более чем 10 тыс. книг, более 700 рукописей, не считая «ученых бумаг» (там же, с. 2).

10-го издания и, по-видимому, все находящиеся в работе Тихонравова, гоголевские рукописи и автографы были предоставлены опекунами в пользование В.И. Шенроку, приглашенному А.Ф. Марксом для завершения работы над 6-м и 7-м томами издания. Эта часть публикуемых нами документов — о соглашениях между Марксом, Думновым, Соколовым и Шенроком — не менее интересна, чем упомянутые выше договоры Тихонравова с Думновым и Марксом. Прежде всего следует отметить заботу опекунов о том, чтобы авторские права Тихонравова не были нисколько ущемлены. Вместе с тем принятые в связи с этим Шенроком условия были довольно жесткие как по срокам, так и по необходимости предварительно изучить все оставшиеся в архиве Тихонравова подготовленные материалы, копии, корректуры и проч. Из писем Шенрока к издателю выясняется, что подлинные гоголевские рукописи, копии и списки, т. е. все бумаги, присланные наследниками из Полтавы Думнову в 1886 г. сроком на три года, все еще находились в Москве (после смерти Тихонравова — в *МПиРМ* на попечении у Долгова, хотя и не были еще Музеям пожертвованы; подробности передачи их казенному архивохранилищу еще только предстоит выяснить), и Н.В. Быков поднимал вопрос о том, чтобы они на время вернулись в Полтаву для подтверждения своей полной сохранности.

Публикуемые ниже эпистолярные и официальные документы не исчерпывают полностью даже того объема, который мы разыскали в московских архивах. В подборе данных (частью — включенных в комментарии) мы руководствовались целью представить документальный материал, в совокупности дающий более или менее полную картину подготовки первого научно-критического издания Гоголя и сопутствующих ей издательских перипетий. Письма для публикации отобраны по тематическому принципу. Например, в *ОР РГБ* хранится 22 письма (35 л.) В.В. Думнова к Н.С. Тихонравову — за 1886–1893 гг., из них мы печатаем только 19 писем. При этом отобранные письма мы публикуем целиком, а допуская в отдельных случаях купюры, оговариваем в примечаниях содержание опущенной части. Из официальных документов мы выбрали лишь наиболее значимые по содержанию, оставив без внимания различные расписки Тихонравова и Шенрока в получении тех или иных сумм и т. п.

При первой публикации невозможно и, пожалуй, нецелесообразно выстраивать четкую хронологию процесса, поэтому мы печатаем материал отдельными блоками, по возможности соблюдая последовательность во времени. Эти блоки номинированы в оглавлении сборника, поэтому не будем их перечислять. Об отобранных для публикации письмах следует сказать, что в каждом блоке мы печатаем их без соблюдения архивной пагинации (указанной в примечаниях): беспорядочно собранные в архивную единицу письма

публикуются в хронологической последовательности. Со стороны эдичии следует оговорить следующее. В целом мы сохраняем особенности оригиналов как по части синтаксиса и орфографии, так и в графическом оформлении, свойственном той эпохе. В частности, в отношении грамматики делопроизводители (в печатаемых договорах) явно не преуспевали, и нам это представляется весьма любопытным явлением, сглаживать которое не хочется. В графическом оформлении мы посчитали возможным оставить такую примечательную деталь, как во всех практически документах встречающееся надстрочное расширение при числительных, однако приводить такое написание к единообразию в тех случаях, где писавший сам этот принцип нарушает, мы тоже не стали. Особо стоит оговорить и то, что тексты телеграмм, отосланных Марксом к Тихонравову, мы не стали оформлять синтаксически: с одной стороны, все достаточно ясно, с другой, во многих случаях нет оснований для расчленения текста, записанного почтовым чиновником, на отдельные предложения.

В комментариях к письмам палеографическое описание представлено минимально. Эта часть сведений не представляется нам существенной, поскольку все письма либо датированы отправителем, либо датируются по содержанию, к тому же часть писем Думнова и почти все письма Маркса, к примеру, написаны на фирменных бланках разного типа.

I. Договор между наследниками Гоголя и В.В. Думновым (1886)

1886 года Января 23 дня. Мы нижеподписавшиеся, Поручик Николая Владимирович Быков¹, за себя и по доверенности: вдовы Майора Ольги Васильевны Головня², дочери Коллежского Ассесора Анны Васильевны Гоголь³, Гвардии Поручика Георгия Владимировича Быкова⁴, вдовы отставного Штабс Капитана Марии Владимировны Рахубовской⁵, рожденной Быковой, и дочерей Полковника Анны и Варвары Владимировны Быковых⁶, с одной стороны и Московский первой гильдии купец Владимир Васильевич Думнов⁷, с другой, заключили настоящий договор в следующем:

1) Полтавского окружного Суда от 16 Ноября 1884 года, после писателя Николая Васильевича Гоголь-Яновского (в печати «Николая Гоголя»), умершего 21 февраля 1852 года, утверждают в правах наследства я, Николай Владимирович Быков и доверители мои: Гоголь, Головня, Рахубовские и Быковы, и за нами в законных долях признано право на издание сочинений Николая Гоголя, в течение законом установленного срока⁸.

2) Право на все без исключения, как вышедшие в печать, так и не напечатанные еще литературные произведения⁹ Николая Васильевича Гоголя, не исключая и поспектакльной платы, до конца установленного законом срока со всеми принадлежащими правами наследникам, изложенным в ст. 282–307 Уст. Цензур., я Быков, за себя и доверителей моих, передаю в полную собственность Владимира Васильевича Думнова и его преемников.

3) Если бы для получения поспектакльной платы, кроме настоящего договора, Думнову потребовалась доверенность, то наследники обязаны выдать таковую по его уведомлению. Причем, конечно, в силу настоящего договора, полученная Думновым поспектакльная плата за драматические сочинения Н.В. Гоголя, поступит в его, Думнова, пользу.

4) За уступленное Думнову право, на сочинения Н.В. Гоголя, он уплачивает при подписании договора.

5) Если впоследствии окажутся еще какие-либо наследники к умершему Н.В. Гоголю и права их будут признаны Судом, то, за все убытки от сего для Думнова, права его будут продлены по сему условию.

Печатается по нотариально заверенной копии: *РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1–2. Копия собственноручно подписана Н.В. Быковым, заверена и подписана В. Думновым («С подлинником верно. В. Думнов»), весь документ целиком заверен московским нотариусом Н.М. Боборыкиным; в заверительном тексте последнего, кроме других сведений о подписантах указано, что Н.В. Быков предъявил подлинник доверенности («явленной у Полтавского Нотариуса

А.К. Фатеева 16 сего Января; по реестру № 246») от перечисленных в договоре наследников.

¹ Николай Владимирович Быков (1856–1918) — племянник Гоголя, сын его сестры, Елизаветы Васильевны (1824–1864), и Владимира Ивановича Быкова (ум. 1862); служил гусаром, в звании поручика вышел в отставку (сразу после женитьбы в 1881 г. на Марии Александровне Пушкиной, внучке А.С. Пушкина) и поселился в родовом имении Гоголей (Васильевке-Яновке Миргородского уезда Полтавской губернии), переезжая на зиму в Полтаву к А.В. Гоголю (см. о нем также с. 54–55 наст. изд.).

² Ольга Васильевна Головня (1825–1907) — родная сестра Гоголя.

³ Анна Васильевна Гоголь (1821–1893) — родная сестра Гоголя.

⁴ Георгий Владимирович Быков (1860–1918) — Юрий (Георгий) Владимирович, племянник Гоголя — сын Е.В. Гоголь (Быковой).

⁵ Мария Владимировна Рахубовская (1852–1918) — сестра Н.В. Быкова, племянница Гоголя; жила с мужем и детьми в полтавском имении Гоголей (см. выше), унаследованном А.В. Гоголем.

⁶ Анна Владимировна Быкова (1857–1917) и Варвара Владимировна Быкова (1857–1921) — сестры Н.В. Быкова, племянницы Гоголя, дочери Е.В. Гоголь (Быковой) и В.И. Быкова.

⁷ Владимир Васильевич Думнов (1854–1926) — издатель и книгопродавец, московский первой гильдии купец с 1879 г. (Справочная книга о лицах, получивших на 1883 год купеческие и промысловые свидетельства по 1 и 2 гильдиям в г. Москве. М., 1883. С. 20); с 1883 г. руководитель, затем и владелец фирмы «Наследники братьев Салаевых» (там же; его жена, племянница Ф.И. Салаева, унаследовала предприятие дяди вместе с сестрой в 1879 г.). Об издательской деятельности Думнова см.: *Павлова А.А.* Книгоиздательство «В.В. Думнов. Наследники братьев Салаевых» в Москве: Библиогр. указатель мат-лов к истории деятельности и каталог фирмы. М., 1989.

⁸ С 1857 г. по 1887 г. нормы авторского права были включены в текст Цензурного устава (XIV т. Свода законов; под заголовком: «О праве собственности на произведения наук, словесности, художества и искусства») и предполагали 50-летний срок действия после смерти писателя.

⁹ Речь идет о тех неизданных сочинениях и разнообразных черновиках, которые хранились у М.И. Гоголя, а после ее смерти (1868 г.) — у А.В. Гоголя, писавшей об этом П.А. Кулишу в 1885 г.: «Рукописи брата были хранимы в чемодане покойной матери. За год до своей смерти, она мне привезла <его> в Полтаву и отдала на хранение» (*Гог. в восп., дневн., переп.* Т. 1. С. 273); эти рукописи («черновые бумаги Н.В. Гоголя») были не позднее 2 марта 1886 г. отосланы Н.В. Быковым в Москву Думнову (письменное сообщение и «реестр» отправленных бумаг датирован 2 марта; см.: *Падерина 2018.* С. 171–172).

II. Договор между В.В. Думновым и Н.С. Тихонравовым (1888)

1888 г. Мая 30 дня. Я, нижеподписавшийся, заслуженный профессор Московского Университета¹, Действительный Статский Советник Николай Савич Тихонравов, выдал это обязательство Мос-

ковскому купцу Владимиру Васильевичу Думнову, торгующему под фирмой «Наследники братьев Салаевых» в том:

1) что я, Тихонравов, взял на себя редакцию издания сочинений Н.В. Гоголя, вышедшего ныне в четырех томах², разделить 4ый том на две части и сделать из него две части, то есть том 4ый и том 5^{ый}³, к указанным пяти томам прибавить не менее шести печатных листов формата издания наследников Гоголя⁴, разных уже обнародованных сочинений Н.В. Гоголя, но не вошедших в полное собрание его сочинений⁵, составить шестой том, не меньше двадцати печатных листов вышеуказанного формата, из сочинений Н.В. Гоголя еще не обнародованных и ненапечатанных; таким образом редактируемое мною издание сочинений Н.В. Гоголя должно состоять из шести томов⁶ не меньше ста восьмидесяти печатных листов, указанного формата.

2) Держать корректуру всего издания должен я, Тихонравов, и приготовить к выпуску в продажу пять томов к первому [Ноября] Января [сего 1888 года], а шестой том к первому [Января]* Мая тысяча восемьсот восемьдесят девятого года.

3) Составить, где нужно, разного рода примечания, а если встретится надобность, при последующих изданиях, прибавить новые примечания, при каждом издании, но не свыше полулиста печатного.

4) Всем вышеуказанным Думнов пользуется навсегда, т. е. и при всех следующих изданиях, а примечания моими в течении пятидесяти лет, но за корректуру, если при новом издании она будет мне поручена Думновым, плата должна быть отдельно, по новому соглашению каждый раз.

5) За редакцию сочинений Н.В. Гоголя, в 6^м томе, как заверено выше, Думнов уплачивает мне, Тихонравову, четыре тысячи рублей и за примечания две тысячи рублей, а всего шесть тысяч рублей, в следующие сроки: задаток триста рублей при подписании обязательства, три тысячи двести рублей по отпечатании первых 5^{ти} томов и две тысячи пятьсот рублей по выходе 6го тома.

6) Я, Тихонравов, обязуюсь приготовить издание к выпуску в продажу в следующие сроки: первые 5^{ти} томов не позже первого Января, а 6^й том к первому Мая тысяча восемьсот восемьдесят девятого года. Если же к назначенным срокам не будет выпущено издание по моей, Тихонравова, вине, то он, Думнов, имеет право передать это дело другому лицу⁷, которому назначается вознаграждение за окончание труда из шести тысяч, следующих по этому условию мне, Тихонравову.

* В квадратные скобки заключены линейные вычерки в документе, в конце которого эти исправления перечислены до заверительных подписей Думнова, Тихонравова и нотариуса.

7) Если бы мною, Тихонравовым, было добавлено изданных уже сочинений Н.В. Гоголя, но не вошедших в полное собрание сочинений, больше шести листов или 6^й том вышел бы более 20^{ти} печатных листов, то никакой платы, сверх означенной в сем условии мне, Тихонравову, с него, Думнова, не требовать, а буде окажется добавленных изданных сочинений Н.В. Гоголя, не вошедших в полное собрание его сочинений, менее 6^{ти} листов или шестой том выйдет меньше двадцати печатных листов или же во всех шести томах окажется меньше ста восьмидесяти листов, то он, Думнов, имеет право удержать из следующих мне 6000 рублей по расчету за каждый недостающий печатный лист.

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1–2 об.* Договор написан на актовой бумаге рукой писаря и собственноручно подписан Н.С. Тихонравовым и доверителем В.В. Думнова — присяжным поверенным А.А. Котляревым; документ заверен московским нотариусом Н.М. Боборыкиным.

¹ Звание заслуженного профессора Московского Университета было присвоено Н.С. Тихонравову в 1882 г.

² Речь идет о 9-м издании «Сочинений Гоголя», вышедшем в 1888 г. в 4 т. (см. о нем: III, № 6, примеч. 4, 6).

³ Условие «разделить 4ый том на две части» и, соответственно, образовать еще один том было оформлено юридически настоящим договором существенно позднее устной договоренности, в соответствии с которой уже в 1887 г. Тихонравов работал над пятью томами (см. письмо В. Думнова от 2 ноября 1887 г.: III, № 5), а с 7 января 1887 г. Думнов ссылается на договоренность о шести томах (III, № 6).

⁴ Все пять изданий наследников «Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя» — вышли в формате 8^о.

⁵ Т. е. произведений, не вошедших в состав 2-го издания наследников (М., 1867; 3-е, 4-е и 5-е издание повторили состав 2-го), а опубликованных в различных журналах и изданиях до 1888 г. (о пополнении корпуса изданных после указанного 1867 г. гоголевских сочинений и черновых текстов см., напр.: *Заболотский П.А.* Н.В. Гоголь в русской литературе (библиогр. обзор) // Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 70–71).

⁶ Условие выпуска издания в шести томах было принято ранее (см. выше примеч. 3), и в нем отразилась невозможность уложиться в пять томов для публикации обширного рукописного материала, присланного в марте 1886 г. Думнову наследниками Гоголя (см. подробно: *Падерина 2018*); позднее (1893) выяснится, что для полноценного издания если не всех, то наиболее значительных черновики и полного описания всего рукописного наследия Гоголя необходимо еще раз пересмотреть план-проспект и выпустить не предусмотренный ранее 7-й том (см.: VII, № 20–22; VII).

⁷ Думнов, как известно из его писем Тихонравову, правом передать редакторские функции кому бы то ни было другому не воспользовался и по истечении указанных в договоре сроков (1 января и 1 мая 1889 г.), продолжая работать с Тихонравовым и в 1892 г., и только в начале 1893 г. продав все права, соглашение с редактором и проч. А.Ф. Марксу (см.: V).

III. Письма В.В. Думнова к Н.С. Тихонравову (1886–1892)

1

<8 апреля 1886 г.>

Милостивый Государь

Николай Савич!

При сем прилагаю Вам письмо Романа¹, из которого Вы увидите, что он затрудняется окончить Ревизора² до праздников, а потому покорнейше бы Вас просил возможно ускорить корректуру.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

8 Апреля

1886 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 1 (двойной лист почтовой бумаги; л. 1 об. – 2 об. чистые).

¹ Юлий Иванович Роман, совладелец «Типографии Э. Лисснера и Ю. Романа в Москве» (*Вся Москва... на 1897*. Стб. 617); Лисснер был австрийским подданным, а Роман — прусским (Алфавитный список типографиям и т. п. подобным заведениям, подлежащим надзору инспекции по делам печати в Москве. М., 1883. С. 20); ответственным лицом был Роман (там же), отчего именно он и упоминается в письмах и документах. Типография была основана в 1877 г., в числе лучших в Москве она не числилась (такowymi признавались заведения И.Н. Кушнерева, И.Д. Сытина, А.И. Мамонтова), но выполняла и престижные заказы, в том числе — для Румянцевского музея; в 1882 г. получила медаль Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве. В этой типографии Думнов печатал все издания своей фирмы, включая первые пять томов 10-го издания «Сочинений Н.В. Гоголя» (типограф Роман упоминается в «Соглашении Тихонравова» и в письмах Шенрока к Марксу; см.: VI; XI, № 2). Приложенное Думновым письмо Ю. Романа неизвестно, но сохранилась записка типографа к издателю Гоголя, написанная 6 февраля 1888 г., с жалобами на задержки Тихонравовым обещанных материалов (см.: III, № 11, примеч. 2).

² Имеется в виду издание: Ревизор. Комедия в пяти действиях. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Н. Тихонравовым. М.: Наследники братьев Салаевых, 1886 (ценз. разр. 25 марта 1886 г.).

2

<17 ноября 1886 г.>

Милостивый Государь

Николай Саввич!

Будьте любезны прислать мне два тома соч. Гоголя, исправленных Вами для брошюр, т. е. т. 1ый и 2ой, взятых Вами для этой цели¹.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

17/XI 86 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 3 об. (письмо написано на почтовой открытке фирмы Думнова; на л. 3 об. над местом для письма — напечатано: «Книжный магазин В.В. Думнова, под фирмою “Наследники Бр. Салаевых” в Москве, на Мясницкой ул., в доме Обидиной, бывш. книг. Гагаариной»; на л. 3 адрес: «Его Превосходительству Николаю Савичу Тихонравову. Новинский бульвар, д. Муравьева»; почтовый штемпель: Москва, 18 / ноя / 1886; на письме стеариновые пятна).

¹ Под томами, «исправленными» «для брошюр», Думнов имеет в виду тома 5-го издания наследников 1884 г., по которому Думнов в 1886–1887 гг. выпустил отдельными иллюстрированными изданиями (брошюрами) несколько повестей, рассказов и «Женитьбу» Гоголя (при передаче прав на издание А.Ф. Марку в 1893 г. Думнов оговорил условия реализации остатков тиража этих брошюр; см.: V, пункт 3 и примеч. 3). Тома 5-го издания наследников (1884), в которых на полях, в тексте и на вpletенных листах остались редакторские пометы и исправления рукой Тихонравова, сохранились в его личном фонде в *ОР РГБ* (Ф. 298. Р. I. К. 36. Ед. хр. 1; К. 37. Ед. хр. 1; К. 38. Ед. хр. 1).

3

<5 мая 1887 г.>

Многоуважаемый

Николай Саввич!

Гоголя у меня осталось 75 экземпляров¹, кои оставим для розницы, книгопродавцы сидят без книг, требований поступает много, просто не знаю, что и делать, если печатание пойдет так дальше, вынужден буду напечатать по старому² несколько тысяч экземпляров.

Жду Вашего ответа

Ваш покорный слуга В. Думнов

5. / V 87

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 8 об. (письмо записано на такой же фирменной почтовой открытке, что и № 2; л. 3: адрес — тот же; почтовый штемпель: Москва 5 / мая / 1887).

¹ О каком издании шла речь, точно сказать нельзя. Судя по данным *Каталога В. Думнова на 1887 г.*, в который включено 5-е издание наследников (1884), он выкупил остатки его тиража вместе с литературными правами «на все без исключения, как выпшедшие в печать, так и не напечатанные еще литературные произведения» Гоголя (см.: I); 9-е издание «Сочинений Гоголя еще только обсуждалось (см. ниже примеч. 2) и вышло из печати в 1888 г., и в то же время сомнительно, чтобы издатель вел точный подсчет копеечным брошюр-

кам с отдельными произведениями Гоголя, выпущенным по 10 тыс. экз. (*Каталог В. Думнова на 1888 г.* С. 7).

² Под «старым» Думнов имеет в виду 5-е издание наследников, о чем сам пишет в письме № 6.

4

Москва 7го Октября 1887 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Мне необходимо нужно с Вами переговорить, а потому покорнейше бы Вас просил сообщить моему посланнику, когда бы я мог застать Вас дома или же не будете ли Вы столь любезны заехать ко мне в магазин¹? о дне и часе Вашего посещения просил бы Вас теперь меня уведомить, чтобы я мог быть в магазине в назначенное Вами время.

В ожидании Вашего ответа имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 6 (двойной лист почтовой бумаги; л. 6 об. — 7 об. чистые).

¹ Книжный магазин В.В. Думнова находился на Мясницкой ул., «в доме Обидиной, бывш. княг. Гагариной», как значится на фирменной почтовой открытке, т. е. д. 7, стр. 9 (угловой с Милютинским пер. 1), т. е. в доходном доме К.И. Обидиной, известной московской домовладелицы. Первоначально — особняк принадлежал А.Г. Черткову, в 1873 году перешел к его родственнице — Н.А. Гагариной, был перестроен и флигели начали сдаваться в аренду, в 1880 г. приобретен с торгов Обидиной. По Мясницкой дом Обидиной примыкает к главному зданию городской усадьбы Салтыковых-Чертковых (Мясницкая, 7), где бывал и Гоголь — у А.Г. и Е.Г. Чертковых.

5

Москва 2го Ноября 1887 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Сегодня 2ое Ноября, а 5ый том Гоголя все еще не окончен, а также I и III¹, что же Вы со мной делаете, ведь я терплю громадные убытки, будьте любезны уведомить меня через подателя сего письма, когда я могу выпустить в свет I, III и V тома.

В ожидании Вашего ответа имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 4 (двойной лист почтовой бумаги; л. 4 об. — 5 об. чистые).

¹ О том, что тома готовились Тихонравовым не в прямой последовательности и что 5-й том был готов ранее прочих, сообщал В.И. Шенрок: «Не много позднее (после того, как «Тихонравов приступил к изучению рукописей Гоголя». — *Е.П.*) начали выходить в свет один за другим отдельные тома десятого издания сочинений Гоголя, на первый взгляд, без строгой последовательности; так, прежде всех был приготовлен к печати пятый том, затем первый, четвертый, третий и наконец второй. Но по времени выпуска никак нельзя судить о начале разработки материала, относящегося к каждому тому. Несомненно одно, — что дело изучения рукописей Гоголя было начато Тихонравовым тотчас после их получения и велось одновременно и в тесной связи, в чем, кроме личного свидетельства покойного, можно убедиться между прочим из рассеянных в разных местах фактических указаний» (*Шенрок В.И.* Н.С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя. [Речь, произнесенная 13 мая 1894 г. в Обществе Любителей Российской Словесности.] // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М., 1894. С. 117). Шенрок был осведомлен о порядке подготовки томов, поскольку установил научный контакт с Тихонравовым еще в 1884 г., обратившись за консультацией по поводу своего «Указателя к письмам Гоголя» (см. вступ. ст. — с. 254–255 наст. изд.) и в дальнейшем, продолжая заниматься уточнением указателя и комментированием гоголевских писем, поддерживал связь вплоть до лета 1893 г., при этом — не только эпистолярную, как следует из сохранившихся писем (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 8. Ед. хр. 61. Письма В.И. Шенрока к Н.С. Тихонравову).

6

Москва 7го Января 1888 г.

Милостивый Государь
Николай Саввич!

Вот уже полтора года как Вы редактируете соч. Н.В. Гоголя¹ и до сих пор ни одного тома Вами не окончено, несмотря на то что срок и второму условию уже истек², скажите пожалуйста что Вы со мной делаете, не говоря уже о страшном убытке, который я несу благодаря тому что соч. Гоголя нет в продаже³, кроме того я подвергаюсь страшным неприятностям от публики и моих покупателей, которые настойчиво требуют сочинений Гоголя. Сегодня я был у Вас, но к сожалению не мог быть Вами принят, поэтому я вынужден обратиться к Вам письменно с просьбой уведомить меня, когда Вы полагаете окончить I, III и V тома, так как до полного их окончания я печатать следующие тома не решусь, о чем мною сделано распоряжение в типографии. Если Вы почему-либо не пожелаете выпустить в свет вышеназванные тома, то я вынужден буду приступить к печатанию соч. Н.В. Гоголя по старому, т. е. с издания наследников⁴ и о Вашем несогласии заявить печатно, чтобы сложить с себя всякую ответственность перед публикой, большинству которой извест-

но о том, что Вы редактируете соч. Н.В. Гоголя. Если Вы по каким-либо обстоятельствам не можете усидчиво заниматься редакцией, то благоволите назначить верный и положительный срок, когда Вы полагаете окончить I, III и V тома, а равно и все шесть томов⁵ Н.В. Гоголя и не противится тому, что я печатаю по старому изданию⁶, потому что более терпеть убытков и переносить разного рода неприятности я больше не в силах. Итак, Николай Саввич, жду Вашего решительного ответа, который попросил бы вручить моему посланному.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 18–18 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 19–19 об. чистые). Письмо написано рукой неизвестного лица, подписано В. Думновым.

¹ Об обстоятельствах и времени, когда Тихонравов приступил к подготовке томов в 1886 г., о трудоемкости и сложности подготовки первых томов (1, 3, 5) см. во вступительной статье, а также выше в примеч. к письму В. Думнова № 4.

² Речь, по-видимому, идет об устных договоренностях, достигнутых в 1886 г., когда Тихонравов не вполне представлял себе трудоемкость задачи, и, судя по всему, уже пролонгированных; официальный договор, подписанный сторонами 30 мая 1888 г., во втором пункте, относящемся к срокам исполнения обязательств Тихонравовым, также содержит исправления, сделанные по ходу заполнения документа и увеличивающие сроки (см.: II).

³ Думнов имеет в виду экземпляры последнего (5-го) издания наследников (1884): судя по всему, его нераспроданные московскими книгопродавцами экземпляры были перевезены Думновым в свой магазин после заключения договора с наследниками от 23 января 1886 г. (см.: I), и в «Каталоге учебных и других книг, изданных московским книгопродавцем В.В. Думновым» на 1887 г. издание наследников 1884 г. в 4 т. выставлено за 5 руб. (*Каталог В. Думнова на 1887 г.* С. 8), а в «Каталоге» на 1888 г. и следующие годы — уже нет.

⁴ Намерение перепечатать сочинения Гоголя с издания наследников Думнов высказывал и ранее, более полугода назад (см. письмо № 3 — от 5 мая 1887 г.), а позднее, почти через год — 12 декабря 1888 г. он еще раз попытается применить ту же угрозу (см. письмо № 11) в попытке подстегнуть редактора и ускорить подготовку томов будущего 10-го издания. Намерение, однако, Думнов в итоге реализовал, хотя и не буквально: 9-е издание «Сочинений Гоголя» (1888) повторило состав 5-го издания наследников (1884), стереотипного по отношению ко 2-му (1867), но тексты были скорректированы по изданию Кулиша (см. ниже примеч. 6 к этому письму).

⁵ Судя по этому упоминанию шести томов, прозвучавшему задолго до юридического оформления договора между издателем и редактором (30 мая 1888 г.), где в пункте 1 оговаривается условие «составить шестой том, не меньше двадцати печатных листов вышеуказанного формата, из сочинений Н.В. Гоголя еще не обнародованных и ненапечатанных» (см.: II), Тихонравов задолго до этого договорился с Думновым о составе и количестве томов.

⁶ Судя по многократному возвращению Думнова к вопросу о простой перепечатке текстов Гоголя по изданию наследников, Тихонравов сразу был против, будучи, видимо, недоволен качеством подготовки в нем текстов, с которыми он ознакомился, готовя к печати гоголевские повести для серии иллюстрированных брошюр (см. о них: III, № 2, примеч. 1; V, примеч. 3). Когда ему все же пришлось согласиться на выпуск промежуточного в своем роде издания (которое и получило 9-й порядковый номер в ряду всех изданий, начиная с первого — 1842 г.; см. об этом во вступительной статье, с. 265 наст. изд.), тексты гоголевских произведений для этого издания Тихонравов скорректировал по редакции П. Кулиша, о чем Думнов от своего имени сообщил в предисловии «От издателя» к 9-му изданию (Собрание сочинений Н.В. Гоголя: В 4 т. Изд. 9-е. Т. 1. М., 1988. С. I; см. с. 265 наст. изд.). Выступать редактором такого поспешно подготовленного издания Тихонравов, как можно предполагать, отказался, но объяснения эдиционного решения в упомянутой вступительной заметке «От издателя» принадлежат, несомненно, ему.

7

Москва 29 Января 1888 г.

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Извините пожалуйста, что я не мог ответить Вам тотчас же на Ваше первое письмо, но эти три дня я был болен страшною головою болью и не мог ничего делать. В ответе уже на второе письмо Ваше покорно просил бы Вас назначить мне день и час, чтобы переговорить лично, так как на бумаге многое может быть и останется не высказанным, для чего я могу Вас ожидать в назначенный час в магазине или дома¹ или же могу приехать к вам. Как Вы найдете удобным.

В ожидании Вашего ответа имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

PS. Алексеева зовут Николай Петрович, живет он на Чистых Прудах, дом Путей Сообщения².

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 10 (двойной лист почтовой бумаги; л. 10 об. — 11 об. чистые). Письмо написано рукой А.В. Думнова, подписано В. Думновым.

¹ Адрес магазина см. в примечаниях к письму № 2; жил Думнов в собственном доме в Уланском переулке (Справочная книга о лицах, получивших на 1883 год купеческие и промысловые свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям г. Москве. М., 1883. С. 20).

² Вероятно, речь идет о корректоре или о наборщике. Так или иначе, сохранилась записка Н. Алексеева к Думнову от 6 февраля 1888 г. следующего содержания: «Многоуважаемый Владимир Васильевич! Имею честь уведомить Вас, что 34 корректурный лист V т. соч. Гоголя отослан мною к Н.С. Тихо-

нравову по почте<?> почти неделю тому назад, 31 января. Примите уверение в совершеннейшей преданности Вашего покорного слуги, Н. Алексеев» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 1).

8

<8 февраля 1888 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Приехать к Вам не могу, т. к. один в магазине, как только брат возвратится из Петербурга¹, на другой день заеду к Вам. Относительно условия не беспокойтесь, что я сказал, то будет свято; как только будет свободнее займусь этим делом и доставлю Вам проект².

Имею честь быть Вашим покорным слугою,
В. Думнов
8 / II 88 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 9 об. (письмо записано на такой же фирменной почтовой открытке, что и № 2, 5; адрес тот же; почтовый штемпель: Москва 8 февр. 1888 — там же, л. 9).

¹ Старший брат В. Думнова — Александр Васильевич Думнов (р. в 1848 г.), работал в торговом доме В. Думнова; в Петербурге находилось «отделение склада» фирмы (на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, дом 19).

² Судя по всему, речь идет о проекте договора, заключенного 30 мая того года (см.: II).

9

<25 мая 1888 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Покорнейше Вас прошу пожаловать ко мне завтра в магазин в 4 часа дня для переговоров¹. Ответ будете или нет благоволите сообщить посланнику.

Имею честь быть Вашим покорным слугою,
В. Думнов
25го Мая 1888 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 12.

¹ Т. е. для обсуждения окончательных условий договора, который будет заключен 30 мая того года (см.: II).

Москва 3 Декабря 1888 г.

Многоуважаемый
Николай Саввич!

До сего времени, т. е. сколько было возможно ждать, я не беспокоил Вас, но теперь в виду предстоящих праздников и усиленного требования на Гоголя, а старое издание у меня все распродано¹, я покорно просил бы Вас окончить печатание I, II и III тома, которые я вместе с V т. пустил бы в продажу, выдавая при этом билет на получение IV т. и таким образом мог бы избежать перерыва в продаже Соч. Гоголя. Надеюсь, Николай Савич, что Вы исполните мою покорную просьбу, чем избавите меня от неприятностей и нареканий со стороны покупателей.

В ожидании Вашего ответа имею честь быть

С совершенным почтением и уважением Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 14 (двойной лист почтовой бумаги с тисненым штампом фирмы Думнова; л. 14 об. — 15 об. чистые). Письмо написано рукой А.В. Думнова, подписано В. Думновым.

¹ См. письмо Думнова № 6, примеч. 3.

Москва 12 декабря 88 г.

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Каждый день посылаю в типографию Роман<а>¹ узнавать насчет издания Гоголя и каждый раз получаю в ответ одно и то же² — от г-на Тихонравова ничего не получал, Вы же писали мне, что все будет зависеть от типографии, что Вы сдадите ей примечания к I и III томам и тогда я буду иметь возможность выпустить в свет хоть три тома I, III и V. Судя по ходу дела, вряд ли и эти тома будут готовы к сроку по условию, а потому крайность заставляет меня заявить Вам, что если к 1^{му} Января не будут готовы вышеупомянутые три тома, то я вынужден буду приступить к печатанию сочинений Н.В. Гоголя по старому изданию, чтобы не оставить публику без книг, а себя избавить от громадных убытков. Итак, жду Вашего ответа, сможете Вы выпустить в свет I, V и III тома к вышеназванному сроку или нет?

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 16–16 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 17–17 об. чистые). Письмо написано рукой неизвестного лица, подписано В. Думновым.

¹ В «Типографии Э. Лисснера и Ю. Романа в Москве» Думнов печатал все свои издания; см. о Ю.И. Романа: III: № 1, примеч. 1.

² Сохранилась записка Ю. Романа к В. Думнову от 6 февраля 1888 г., из которой можно понять характер жалоб типографа «насчет издания Гоголя»; приводим ее с сохранением особенностей письма (Роман был австрийским подданным; см.: III: № 1, примеч. 1): «Милостивый Государь, Владимир Васильевич! При сем приложено 3 счета и обертки для поставление цены и получение оберточной бумаге. Теперь и другой мелкий шрифт для соч. Гоголь всем занятый и ничего до сих пор для печать получено от Николая Савичу. — Если во время 2 недели для печать не получу текст и примечание, тогда весь разбираю. Мне шрифтов для другой работы требуется. Убыток великий! Посильный (т. е. посыльный. — *Е.П.*) почти каждый день отсылаю за корректурой Его Превосход., а ничего получу» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 10. Ед. хр. 81. Л. 1).

12

Москва 20 Января 1889 г.

Многоуважаемый

Николай Саввич!

Если Вы находите необходимым приложить снимок с водяных фабричных знаков бумаги¹ на которой Гоголь писал свои произведения и он будет служить тормозом к выпуску в свет сочинений Н.В. Гоголя, то я конечно должен буду согласиться и пришлю Вам моего художника, но только попросил бы Вас поместить как вышеуказанный снимок, так равно и примечания к нему во II том¹, чтобы не задерживать выпуском в свет I тома. При личном свидании Вы обещали мне выдать типографии Роман<a> 19го сего Января вторую половину примечаний к III тому³, в письме же Вашем от 19го с/м Вы об этом мне не сообщаете, а потому попросил бы вас уведомить меня об этом, а кстати чиркните, могу ли я получить согласно словесного договора к 1^{му} февраля окончание всех примечаний и рукописей к II и IV т.⁴, а также и Литургию для предоставления в Духовную цензуру⁵. Жду Вашего ответа.

С совершенным к Вам почтением и уважением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 25–25 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 26–26 об. чистые).

¹ Изображение филиграней на бумаге импортного производства, которую Гоголь использовал для записи «Тараса Бульбы», «Женитьбы», «Мертвых душ» в 1841 г.

² Вклейка с изображениями филиграней помещена между с. 2 и 3 1-го тома.

³ Вторую половину 3-го тома составляют «Приложения к первому тому Мертвых душ» (предисловие ко 2-му изданию, заметки, окончание главы IX, повесть о капитане Копейкине) и 2-й том «Мертвых душ» («в одной из первоначальных редакций», т. е. текст нижнего слоя уцелевших глав и наброски).

⁴ Во 2-й том 10-го издания входят повести («Нос», «Портрет», «Шинель», «Коляска», «Рим») и все завершённые комедии, причём «Ревизор» — со всеми примыкающими текстами, а также в «Приложении» — переведённая с участием Гоголя комедия Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении». В 4-м томе напечатаны «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», 2-й том «Мертвых душ» («в исправленной редакции», т. е. текст верхнего слоя уцелевших глав) и «Размышления о Божественной Литургии». 2-й том не вышел из печати и в середине марта 1890 г. (см. письмо № 17).

⁵ «Размышления о Божественной Литургии» рассматривалось духовной цензурой (С.-Петербургским Комитетом) для 1-го и 2-го издания П. Кулиша — в 1857 (цензор Архимандрит Кирилл) и в 1859 гг. (цензор Архимандрит Феодор), поэтому можно полагать, что Думнов имеет в виду не рукописную копию, а книгу — 2-е издание под редакцией Кулиша, о чем он пишет в письме № 13 (см. ниже), для предоставления в Московский духовно-цензурный комитет при Духовной академии.

13

<6 февраля 1889 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Будьте добры прислать мне печатный экземпляр Литургии Гоголя¹, т. к. Г^н Дьяченко² желает поиметь.

Искренне уважающий Вас

В. Думнов

6/ II 89 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 27 (записка на обороте визитки с надписью: Владимир Васильевич Думнов).

¹ «Размышления о Божественной Литургии» вышли отдельным изданием под редакцией П. Кулиша (СПб., 1859); см. ниже.

² Дьяченко Григорий Михайлович (1850–1903) — священник, духовный писатель, член Московского духовно-цензурного комитета (*Вся Москва... на 1897*. С. 310), цензуrowал «Размышления о Божественной Литургии» для 10-го издания «Сочинений Гоголя» (см. выше письмо № 12, а также ниже письмо № 14).

Москва Февраля 9го 1889 года

Многоуважаемый

Николай Саввич!

При сем прилагаю Вам цензурованную рукопись Литургии¹ Н.В. Гоголя, а также присланный Вами один экземпляр печатанной «Размышления о божественной Литургии Н.В. Гоголя» издание второе² СПб: 1859 г.

О получении как рукописи, так равно и печатного экземпляра не откажитесь меня уведомить.

Имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 21 (двойной лист почтовой бумаги; л. 21 об. — 22 об. чистые).

¹ Цензурное разрешение подписано Г.М. Дьяченко (см. о нем также: III, № 13, примеч. 2) 9 февраля 1889 г. (Тих. Т. 4. С. 410).

² «Издание второе, без перемен» «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголя под редакцией П. Кулиша вышло из печати в начале 1859 г. (см. выше письмо № 13).

<30 мая 1889 г.>

Многоуважаемый

Николай Саввич!

Благоволите отпустить подателю сей карточки остаток Вашей литературы на комиссию¹ из 30%, по получении книг будет Вам доставлена комиссионная квитанция.

Ваш покорный слуга,

В. Думнов

30 Мая 1889 г.

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 20 (записка на обороте визитки с надписью: «Книжный магазин наследников Бр. Салаевых на Мясницкой, против Златоустинского переулка, в доме Обидиной, в Москве»).

¹ Речь идет о реализации книг, подготовленных ОЛРС и изданных в типографии Московского университета. В бумагах ОЛРС сохранилось письмо Думнова (на имя Общества, без обращения) от 23 декабря 1888 г., в котором отражен этап обсуждения условий: «В ответ на отношение Ваше за № 89 сим честь имею уведомить Вас, что я готов взять на комиссию издаваемые Вами книги по следующим условиям: уступка в пользу магазина 40% (сорок процентов), брошюры в количестве не больше ста (100) экземпляров и книги в переплете не больше пяти (5) экземпляров. Склады для Москвы единственно у меня.

Честь имею быть Вашим покорным слугою Торгующий под фирмою Наследников Братьев Салаевых В. Думнов» (*ОР РГБ*. Ф. 207. К. 31. Ед. хр. 158–159. Л. 3; подпись Думнова — на чернильном штампе магазина с процитированной выше надписью: «Торгующий ~ Салаевых»). С 1891 г. Думнов аттестовал себя на титульных листах «Каталогов» фирмы — «комиссионером изданий Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете».

16

<15 июня 1889 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Сегодня 15ое Июня, а IV т. Соч. Н.В. Гоголя далеко еще не готов, будьте добры поспешите окончить IV и III т., все спрашивают, т. к. мною поставлено издание это уже в новый каталог¹, просто совместно против покупателей, не знаешь что им отвечать. Жду от Вас ответа, когда Вы полагаете окончить IV и III т., чтоб я мог выпустить в свет хоть 4 тома², а на 5ый выдавать билет³. Я, Николай Саввич, поступил против Вас во всех отношениях гуманно, сделайте же и для меня эту любезность и окончите поскорей III и IV т. Ведь в июле будет 3 года, пора бы окончить.

Имею честь быть Вашим покорным слугою,
В. Думнов
15 / VI 89 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 23 (двойной лист почтовой бумаги; л. 23 об. – 24 об. чистые).

¹ Действительно, Думнов в 1889 г. включил в «Каталог» 5 томов 10-го издания «Сочинений Н.В. Гоголя» за 8 руб. 50 коп. (см.: *Каталог Думнова на 1889 г.* С. 8), на титульном листе Каталога значится: «Печатано 1-го июня 1889 г.».

² Тома — 1, 3, 5 и 4.

³ Т. е. «билет на получение», по выражению Думнова из письма № 10, что означает для покупателя гарантированную возможность выкупить следующий том, а издателю обеспечивает своевременную продажу экземпляров. Однако с тем, какие тома Думнов считает почти готовыми, а с какими торопит Тихонравова, — не все ясно, поскольку по этому поводу в его письмах наблюдаются явные противоречия, в частности, по поводу 5-го тома: 3 декабря 1888 г., т. е. около четырех месяцев ранее, Думнов настоятельно просил Тихонравова «окончить печатание I, II и III тома», чтобы первый «пустил их в продажу» «вместе с V т.», следовательно — уже готовым, и смог бы выдать «билет на получение IV т.» (см.: III, № 10). Трудно согласовать это заявление Думнова и с тем, что уже в октябре 1888 г. 5-й том в Петербурге получили А.Ф. Бычков и И.Н. Майков (см.: IV, № 3, примеч. 2).

Москва Марта 15 дня 1890 г.

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Публика осаждает магазин с требованием II т. Гоголя, я просто не знаю, что отвечать, а потому будьте добры уведомить меня, когда Вы полагаете выпустить в свет второй том¹, сколько листов нужно еще набрать и сколько у Вас в корректуре?

Ответ не откажитесь дать моему посланному.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою,

В. Думнов

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 28 (двойной лист почтовой бумаги фирмы книжного магазина Думнова; л. 28 об. — 29 об. чистые).

¹ Хотя все пять томов 10-го издания, подготовленные Тихонравовым, на титульных листах имеют один год издания, 2-й том был выпущен из типографии существенно позднее — в 1890 г. Это отразилось и в рецензиях на вышедшие тома. В рецензии К.Н. Бестужева-Рюмина (апрель 1890 г.), например, это отражено и в названии: *Бестужев-Рюмин К.Н. Сочинения Н.В. Гоголя. Издание десятое*. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. Том I, III, IV и V. М., 1889 // ЖМНП. 1890. № 4. С. 409–414.

<24 июня 1890 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

В ответ на Ваше письмо от 23 числа с/м¹ имею честь уведомить Вас, что бумага для IV тома Н.В. Гоголя лежит давно у меня в амбаре. Зависит теперь все от Вас: с моей стороны все готово.

С совершеннейшим к Вам почтением и уважением имею честь быть Вашим покорным слугою

В. Думнов

24/ VI. 90 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 30 (письмо-конверт: одинарный лист плотной бумаги малого формата — в 16°, в сложенном вдвое, текстом во внутрь, виде образует конверт, первоначально запечатываемый нанесенной на три стороны перфорацией: на одной стороне конверта, т. е. на л. 30 об., написан адрес: Его Превосходительству / Николаю Саввичу Тихонравову / Арбатская площадь / дом Сабашникова).

¹ Местонахождение каких бы то ни было писем Тихонравова к Думнову неизвестно, скорее всего, они не сохранились.

<15 октября 1892 г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич!

Не откажите в Вашей любезности сообщить мне, когда Вы намерены выпустить в свет 6ой том¹ Гоголя?

С совершеннейшим к Вам почтением пребываю Вашим покорным слугою

В. Думнов

15/ X. 92

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 87. Л. 33 (такое же письмо-конверт, как и № 18; адрес тот же).

¹ Для подготовки 6-го тома Тихонравову требовались, кроме прочего, подлинные гоголевские рукописи, хранящиеся в *МПуРМ*, сосредоточенно работать с которыми он мог только летом, в свободное от службы время, в то время как Музеи закрывались на лето для посещения (см. подробно: XI, № 3, примеч. 4). Поэтому Тихонравов вынужден был обращаться через университет с соответствующей просьбой; в частности, сохранились официальные ходатайства ректора Московского университета (Г.А. Иванова) на имя директора *МПуРМ* за 1891 и 1892 гг., удовлетворенные в том и другом случае после затяжного хождения по инстанциям (ходатайство директора *МПуРМ* на имя министра народного просвещения, который, в свою очередь, испрашивал высочайшего разрешения, а оно постепенно спускалось по тем же ступеням, приводя к поручению на имя хранителя отделения рукописей Музеев). В частности, в 1891 г. запрос был сделан 27 мая, а хранитель рукописного отделения Д.И. Лебедев получил распоряжение отослать рукописи ректору Московского университета «сроком на два месяца» — 1 июля (*Арх. РГБ*. Оп. 1. Д. 71. Ч. 2. Л. 309–313 об.). Приводим текст отношения от 27 мая 1891 г., подписанного ректором Университета Г.А. Ивановым, поскольку речь идет именно о 6-м томе издания: «Заслуженный профессор Тихонравов печатает в настоящее время шестой том “Сочинений Гоголя”. Значительную часть этого тома составляют первоначальные редакции “Женитьбы” и “Ревизора” и первой части “Мертвых Душ”, подлинные рукописи которых принадлежат Московскому Публичному Музею. Дабы не прерывать печатание шестого тома “Сочинений Гоголя” на два месяца, профессор Тихонравов просит меня ходатайствовать пред Вашим Высочайшим Превосходительством о доставлении в Университет трех следующих рукописей: двух пожертвованных в Музей Д.Ф. Самариным и значащихся под № 3121 и № 3122, и рукописи первого тома “Мертвых душ” за № 2205, поступившей в Музей после смерти художника Иванова. На этом основании имею честь покорнейше просить Ваше Высочайшее Превосходительство приказать доставить означенные рукописи в Университет на срок от 16 Июня по 20 Августа. К этому считаю нужным присовокупить, что в течение указанного срока присланные рукописи будут находиться в библиотеке Университета, где и будут оными пользоваться профессор Тихонравов» (там же, л. 309–309 об.). Официальная переписка *МПуРМ* о высылке гоголевских рукописей в Московский университет «во временное пользование» за 1892 г. относится только к вышеупомянутой

рукописи первой части «Мертвых душ» и была открыта 2 мая того года, рукопись была получена в университете 14 июля («сроком на три месяца») и при этом возвращена в Музеи уже 1 сентября (*Арх. РГБ. Оп. 1. Д. 71. Ч. 3. Л. 8–9 об., 24, 28–29*). Последующих писем Думнова к Тихонравову, где бы обсуждалось 10-е издание, не сохранилось, и точное время окончания работы Тихонравова над этим томом до передачи издательских прав А.Ф. Марксу неизвестно; между тем в договоре Думнова с Марксом, от 6 марта 1893 г., говорится о «печатаемом ныне» в количестве 3600 экз. 6-м томе (см.: V, пункт 6).

IV. Письма А.Ф. Бычкова к Н.С. Тихонравову (1886–1893)

1

4 июня 1887 г.

Милостивый Государь
Николай Саввич

В ответ на письмо Ваше поспешаю Вас уведомить, что, с своей стороны, я не встречаю препятствий к высылке в Московский Университет необходимых Вам для Ваших занятий рукописей Гоголя, поступивших в Императорскую Публичную Библиотеку от художника Иванова¹, с тем неперменным условием, чтобы рукописи эти во все время Ваших занятий не выходили из стен Университетской библиотеки. Как только мною будет получено официальное* ходатайство ректора Университета, я немедленно войду с представлением о получении Высочайшего разрешения² на отсылку Вам этих рукописей.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в истинном моем почтении и совершеннейшей преданности,

А. Бычков

Печатается по автографу: *ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 17–18 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 18–18 об. — чистые).*

¹ Речь идет о черновых рукописях Гоголя, сохранившихся в Риме в бумагах А.А. Иванова и переданных в Императорскую Публичную библиотеку после смерти художника его братом, С.А. Ивановым, в 1862 г. (*Отчет ИПБ. СПб., 1863. С. 48*). Незадолго до этого письма А.Ф. Бычкова, Л.Н. Майков, служивший тогда помощником директора ИПБ, извинялся перед Тихонравовым в письме от 27 мая того года, что не в состоянии удовлетворить его «главное желание — получить из П. Библиотеки хранящиеся в ней рукописи Гоголя»: «Когда я завел о том речь с А.Ф. Бычковым, он заметил, что высылка в Москву рукописей Гоголя представляется ему делом неудобным, тем более, что рукописей этих много (в нынешнем году мы приобрели еще тетрадь со Старосветскими Помещиками и другими отрывками). А.Ф. предлагает Вам

* Во всех случаях употребления Бычковым этого слова (здесь и далее) — оно написано с удвоенной «ф».

приехать для занятий в Пбург (так! — *Е.П.*). Если Вы решитесь на поездку, то постарайтесь предупредить об этом, ибо на июль и август рукописное отделение закрывается, и ничего будет не выдать за отсутствием хранителя. Во всяком случае мне кажется, что заводить теперь официальную переписку о высылке рукописей Гоголя в Московский университет дело безнадежное. Не увидите ли Вы сами с А.Ф. на Ярославском съезде или после него в Москве? При личном свидании легче было бы уладить дело» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 35. Л. 4–5 об.). Майков имеет в виду предстоящий седьмой Археологический съезд, в 1887 г. собиравшийся в Ярославле и прошедший с 6 по 20 августа; Тихонравов участвовал в открытии, но, как следует из письма Бычкова, вопрос о высылке рукописей был решен раньше.

² Т. е. с представлением к министру народного просвещения о ходатайстве разрешения Государя — Александра III (см. о той же процедуре в *МПУРМ*: III. № 19, примеч. 1).

2

3 декабря 1887 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич.

В ответе на письмо Ваше спешу сообщить Вам, что я не имею ничего против перепечатки Вами изданной мною в Русском Архиве «Повести о Капитане Копейкине»¹. К сожалению, ее оригинала до сих пор не успели найти²: очевидно, что при частых за последние годы перестановках и переменах рукописей в Библиотеке он попал не на место. Если в скорости найду его, то пришлю его Вам. Во всяком случае должен Вам сказать, что текст повести напечатан был мною в Русском Архиве вполне точно и согласно с оригиналом. Кстати считаю нужным Вам сообщить, что «отрывки из Мертвых Душ», упомянутые в Отчете Библиотеки за 1862 год³, именно и оказались этой повестью.

Покорнейше прошу Вас принять уверение в истинном моем почтении и совершеннейшей преданности,

А. Бычков

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 13–13 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 14–14 об. — чистые).

¹ См.: Повесть о капитане Копейкине. (Первоначальная редакция.) // Русский архив. 1865. Вып. 7. Стб. 775–778.

² Обстоятельства, предшествующие этому письму и вызвавшие формулировку «до сих пор не успели найти», разъясняются из трех писем Л.Н. Майкова к Тихонравову, предшествующих по времени комментируемому письму Бычкова. В первом — от 24 июля 1887 г. — об этом написано следующее: «Отчего не выслана Вам рукопись Повести о капитане Копейкине — не знаю. Быть может, потому, что рукопись эта не переплетена. Во всяком случае я — калиф на час — не могу ничего сказать Вам без сношения с А.Ф. Бычковым» (*ОР РГБ*.

Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 35. Л. 6). 28 сентября того же года Майков еще раз объясняется по этому поводу: «Я спрашивал Афанасия Федоровича относительно “Копейкина”. Он говорит, что Вам были посланы все автографы Гоголя, какие есть в Библиотеке, и что “Повесть о капитане Копейкине”, вероятно, находится в той же переплетенной рукописи Гоголя, которая заключает в себе автографы, поступившие от Иванова. “Повесть” получена не из этого источника, но уже в библиотеке приплетена к Ивановским рукописям» (там же, л. 8 об. – 9). Наконец, 28 октября того года он пишет Тихонравову: «Я прочел Афанасию Федоровичу из Вашего письма то, что касается рукописей Гоголя, Вам высланных, и Ваше категорическое заявление, что между ними нет “Копейкина”, несколько даже удивило его. После того он при мне же пересмотрел все имеющиеся у нас пачки писем Гоголя и все пачки других автографов, еще не приведенных в порядок. Но нигде в последних ничего<?> не оказалось, и таким образом, “Копейкин” до сих пор не отыскан при всех стараниях найти его. На этом дело и стоит, и кажется, что дальше не может быть продвинуто» (там же, л. 11–11 об.; подчеркнуто Майковым).

³ См.: *Отчет ИПБ*. СПб., 1863. С. 48.

3

<27 октября 1888 г.>

Милостивый Государь

Николай Саввич

Несколько дней тому назад А.Н. Веселовский¹ передал мне V^й том² издаваемых Вами сочинений Гоголя. Приношу Вам искреннюю благодарность за доставление мне его; я с большим интересом прочитал многое в этом томе, отчасти для меня новое, отчасти позабытое. Наконец-то автор Ревизора и Мертвых Душ дождался отчетливого издания своих произведений, на котором лежит печать и почитания его таланта, и знатока дела и которое будет настоящим подарком Русской литературе.

В Ваших примечаниях заключается много любопытных данных, а варианты, без всякого сомнения, стоили Вам огромного труда, на что указывает их обилие к некоторым сочинениям Гоголя, как например к Невскому Проспекту и к Тарасу Бульбе.

Скоро ли выйдут в свет первые тома, которые, с понятным нетерпением, ожидаются всеми.

Примите уверение в моем истинном почтении и совершеннейшей преданности,

А. Бычков

27 октября 1888

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 15–15 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 16–16 об. — чистые).

¹ Александр Николаевич Веселовский (1843–1906), академик, председатель Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, возглавлял кафедру истории западноевропейских литератур Петербургского

университета, с 1870 г. действит. член ОЛРС. 19 апреля 1886 г. на торжественном вечере в память 50-летия первого представления «Ревизора», проводимом Обществом (председателем ОЛРС с 1885 г. был Н.С. Тихонравов) в актовом зале Московского университета, прочел свою статью «Гоголь как комический писатель» (см. пригласительный билет ОЛРС: *ОПИ ГИМ.* Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 3–3 об.). В 1891 г. вышла его известная статья о «Мертвых душах» (*Исторический вестник.* 1891. № 3. С. 61–102; см. то же: *Веселовский А.Н.* Этюды и характеристики. Изд. 4-е, знач. доп. М., 1912. Т. 2. С. 207–246), в которой он многократно ссылается на публикации Тихонравова и сведения, полученные от него непосредственно. В *ОР РГБ* сохранились многочисленные письма Александра Веселовского к Тихонравову, посвященные общим интересам в сфере собирания и изучения рукописных и книжных редкостей Древней и Новой литературы; в числе прочего неоднократно упоминается и занятость Тихонравова изданием Гоголя. Живя в Петербурге, Веселовский, судя по всему, оказывал Тихонравову разную помощь, в том числе, как следует из письма от 20 мая 1886 г. (год устанавливается по содержанию), с распространением среди петербуржцев тех или иных присланных ему Тихонравовым изданий: «Если в последнем письме я не поблагодарил Вас за Ревизора (т. е. вышедшей в 1886 г. отдельным изданием сценической редакции. — *Е.П.*), то в этом моя вина: заматался я, каждый день странствую из Петербурга в Лесное и обратно. Все экземпляры розданы, кроме одного (<М.И.> Сухомлинов), который завтра же будет доставлен по назначению. Завтра спрошу и о формулярных списках Гоголя» (*ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 9. Л. 40).

² Несмотря на естественные сомнения, что в октябре 1888 г. в Петербурге уже был получен отпечатанный 5-й том, на титуле которого так же, как первых четырех томов, стоит 1889 г. выпуска из печати, — факт подтверждается благодарностью Л.Н. Майкова в письме от 4 октября того года: «Сейчас А.Н. Веселовский прислал мне 5-й том Гоголя, полученный от Вас, искреннейшее благодарю Вас за этот подарок» (Там же. К. 5. Ед. хр. 35. Л. 27 об.). По-видимому, Тихонравов получил свои авторские экземпляры 5-го тома не только до его поступления в продажу, но и до выхода из типографии других четырех томов.

4

9 мая 1891 <г.>

Многоуважаемый
Николай Саввич

Спешу ответить на письмо Ваше, полученное мною на этих днях. С моей стороны не будет препятствий к высылке в Москву, для Вашего пользования, рукописей Гоголя, принадлежащих Публичной Библиотеке¹. Что касается того, каким официальным путем будет обращена ко мне просьба об их высылке для Ваших занятий, то предоставляю на Ваш выбор три учреждения: Университет, Румянцевский Музей и Архив Иностранных Дел. Рукописи будут доставлены в то из них, от которого будет прислана мне официальная бумага; в ней должно быть означено, какие именно рукописи Вам нужны и на какой срок.

По получении официальной бумаги я тотчас войду с представлением к Министру Народного Просвещения об испрошении Высочайшего разрешения на отправку в Москву просимых Вами рукописей.

Пользуюсь случаем, чтобы принести Вам искреннюю благодарность за любезно доставление мне весьма интересного Сборника Общества Любителей Российской Словесности на 1891 год².

Покорнейше прошу принять уверение в искреннем моем почтении и совершеннейшей преданности,

А. Бычков

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 13–13 об. (двойной лист почтовой бумаги; л. 14–14 об. — чистые).

¹ О каких именно рукописях идет речь на этот раз, неизвестно: помимо поступивших в 1862 г. от С.А. Иванова (*Отчет ИПБ*. СПб., 1863. С. 48; см.: IV, № 1, примеч. 1), которые уже высылались в Москву, в 1887 г. Библиотекой была куплена гоголевская записная книга с черновиками повестей «Миргорода» (*Отчет ИПБ*. СПб., 1890. С. 230–231). Однако, Тихонравов мог запрашивать те или иные рукописи или автографы повторно.

² В «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год» (М., 1891), помимо интересных для Быčkova материалов по рукописям XVIII в., подготовленных И.Е. Забелиным и А.Н. Пыпиным, Тихонравов опубликовал черновую редакцию «Коляски» Гоголя, описал гоголевский опыт составления словаря; здесь же напечатаны сообщенные Я.К. Гротом письма В.А. Жуковско-го к Гоголю и проч.

5

<24 октября 1893 г.>

Глубокоуважаемый
Николай Саввич

Давно мне следовало поблагодарить Вас как лично от себя за присланный французский перевод отрывка из путешествия Авраамия Суздальского¹, так и от имени Императорской Публичной Библиотеки за экземпляр Славянских Древностей с автографом Шафарика², но замедление произошло от того, что я все поджидал, и к сожалению напрасно, разрешения Государя на высылку Вам рукописи «Мертвых Душ» Гоголя³, представление о чем было мною сделано немедленно по получении Вашего письма. Не понимаю, отчего я до сих пор не имею разрешения, но лишь только оно последует, рукопись немедленно пошлется в Музей для Вашего пользования. На днях Библиотека получила от В.А. Дашкова⁴ бумагу выслать желаемую Вами рукопись в Музей для занятий Долгову⁵, но я отвечал отказом в виду того, что испрашивается высочайшее разрешение послать рукопись Вам.

Покорнейше прошу принять уверение в моем истинном почтении и совершеннейшей преданности,

А. Бычков

24 Октября 1893

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 9–9 об.

¹ Авраамий (1-я пол. XV в.) — суздальский епископ, член русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор (1438–1439 гг.); под «путешествием» Бычков имеет в виду записки Авраамия, известные под названием «Исхождение Авраамия Суздальскаго на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945». Тихонравов интересовался этим произведением давно (см.: *Тихонравов Н.С.* Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия (1439) // *Вестн. о-ва др.-рус. искусства при Моск. публ. музее*. 1876. № 11–12. Отд. 3. С. 37–42).

² Шафарик Павел Йозеф (Pavol Jozef Šafárik; 1795–1861) — словацкий и чешский славист; «Славянские древности» («Slovanské starožitnosti», 1837) — одно из наиболее значительных исследований Шафарика. Возможно, речь идет об издании перевода книги Шафарика, сделанного О.М. Бодянским (Славянские древности: Часть историческая / Соч. П.И. Шафарика; пер. с чеш. [и предисл.] О. Бодянского. 2-е изд., испр. Т. 1. Кн. 1–2. Т. 2. Кн. 1–2. М., 1847); Бодянский не только хорошо знал автора и много общался с ним за границей, но и пользовался его советами в собственных исследованиях, что может объяснить появление автографа Шафарика.

³ Речь идет о так называемой «римской редакции», т. е. первой авторизованной копии, основной слой которой частично написан рукой В.А. Панова, частично — П.В. Анненкова (см. описание рукописи: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 7. Кн. 2. С. 309–310, под сиглой — *AK1*). Рукопись Тихонравов уже запрашивал ранее: 2 апреля 1888 г. Л.Н. Майков писал ему: «Наконец получили разрешение на отсылку в Москву рукописи “Мертвых Душ”» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 35. Л. 16–16 об.); повторный запрос Тихонравов сделал потому, что часть из сделанной им копии текста пропала, о чем он написал А.Ф. Марксу в конце сентября — начале октября 1893 г. (см.: VIII, № 2).

⁴ Василий Андреевич Дашков (1819–1896) в 1893 г. — директор *МПуРМ*.

⁵ Семен Осипович Долгов (1857–1825) — археограф, историк древнерусской литературы, ученик Тихонравова по Московскому университету, после смерти последнего был назначен одним из двух опекунов над его наследством (см. ниже Договор Ф.А. Маркса, Долгова, Соколова Е.И. с Шенроком). Научные интересы Долгова в целом были сконцентрированы на памятниках древней письменности, что, кроме прочего, отражено и в сохранившихся письмах Долгова к Тихонравову (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 82); Долгов, будучи учеником Тихонравова, о редакторской деятельности последнего был осведомлен. Точные причины упомянутого Бычковым запроса от директора *МПуРМ* пока не ясны, с осторожностью можно предположить, что официальный запрос Дашкова был лишь формой, скрывающей сильную помощь Долгова учителю (для работы Тихонравова официальные запросы в ИПБ и, кстати, в *МПуРМ* исходили от Московского университета), поскольку рукопись уже была ранее скопирована Тихонравовым и потребовалась заново в связи с особыми обстоятельствами (см. выше примеч. 3); не исключено, что двойной запрос случился из-за забывчивости (А.Н. Пыпин, описывая письма ученого к Л.Н. Майкову, приводит случай подобного «затмения», по выражению самого Тихонравова,

извинявшегося, что дважды попросил и, соответственно, получил от адресата копию одной из гоголевских повестей. — *Пытин А.Н.* Н.С. Тихонравов в его научной деятельности // *Тихонравов Н.С.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1898. С. ХСIII).

6

<3 Ноября 1893 г.>

Глубокоуважаемый
Николай Саввич

На основании состоявшегося Высочайшего соизволения сегодня отправляется в Румянцевский Музей для Ваших занятий рукопись Мертвых Душ¹, о чем поспешаю уведомить.

Вчера подписан указ о назначении Л.Н. Майкова² вице-президентом Академии Наук.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

А. Бычков

3 Ноября 1893 г.

Печатается по автографу: *ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 71. Л. 7 (двойной лист почтовой бумаги; л. 7 об. — 8 об. — чистые).

¹ См.: IV, № 5, примеч. 3.

² Леонид Николаевич Майков (1839–1900) — филолог, действ. член Петербургской АН, с 1882 г. помощник директора Императорской публичной библиотеки, в 1882–1890 гг. редактор «Журнала министерства народного просвещения». В личном фонде Тихонравова РГБ сохранились 76 писем к нему Майкова (*ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 35, 36). О письмах Тихонравова к Майкову прочитавший их А.Н. Пыпин писал, что они «относятся к общим интересам в древней письменности, но наибольшая часть занята вопросами Тихонравова по поводу принятой им на себя редакции известного 10-го издания сочинений Гоголя» (*Пытин А.Н.* Н.С. Тихонравов в его научной деятельности. С. ХСI). Письма Майкова в Москву Тихонравову имеют четкий тематический водораздел, за 1887–1889 гг. они практически полностью посвящены ответам на запросы о подробностях или отдельных деталях гоголевских рукописей (*ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 35), а основной «тихонравовской» темой писем Майкова за 1890–1892 гг. уже является биография и тексты Фонвизина (Там же. Ед. хр. 36).

V. Договор между В.В. Думновым и А.Ф. Марксом (1893)

1893 года Марта 8 дня, мы нижеподписавшиеся Потомственные Почетные Граждане Владимир Васильевич Думнов и Адольф Федорович Маркс, заключили договор в следующем:

1) Я, Думнов, по договору 23-го Января 1886 года, заключенному с наследниками Гоголя, имею право собственности до конца

установленного законом срока на все без исключения литературные произведения Николая Васильевича Гоголь-Яновского, в печати «Николая Гоголя», умершего 21 Февраля 1852 года, и на посспектакльную плату за драматические произведения его.

2) Я, Думнов, все права на сочинения «Николая Гоголя», уступленные мне наследниками Гоголя, по указанному в 1-м пункте договору, во всех принадлежащих мне редакциях, а также посспектакльную плату, передаю со дня подписания настоящего договора в полную собственность Маркса.

3) Я, Думнов, кроме того передаю в собственность Марксу, имеющиеся у меня и относящиеся к изданию сочинений Гоголя, все портретные доски, гравированные на стали¹, все гравюры на дереве, все гальванические клише² и все условия с редакторами, а также все остающиеся у меня, Думнова, от продажи экземпляры отдельных сочинений Н.В. Гоголя, изданных в виде брошюр³.

4) Посспектакльная плата за представления драматических произведений Гоголя на всех столичных и провинциальных сценах в частных театрах, а также на Императорских театрах, какая будет следовать и если будет следовать за представления, какие будут даны после подписания сего договора, поступают в полную собственность г. Маркса.

5) Я, Маркс, за все переданное мне по этому договору право собственности на сочинения Гоголя обязуюсь уплатить Думнову сто пятьдесят тысяч рублей в следующие сроки: при подписании договора 20 000 рублей, 18го Декабря 1893го года 20 000 рублей, 18го Января 1894го года 60 000 рублей, 18го Января 1895го года 30 000 рублей, для чего и выдаю ему, Думнову, срочные векселя; если в какой-либо из указанных сроков я, Маркс, не уплачу Думнову денег, то настоящий договор считается уничтоженным, Думнов вступает во все свои права и, кроме того, имеет право получить в свою пользу все, что к тому времени будет мной, Марксом, напечатано из сочинений Гоголя, а деньги, уже уплаченные Думнову, возврату не подлежат.

6) Я, Маркс, до 1го Декабря 1893го года не имею права выпускать в продажу собрания сочинений Гоголя, кроме отдельных брошюр, уже изданных Думновым в пятнадцати наименованиях⁴ и VI тома, в количестве 3600 экземпляров, печатаемого ныне под редакцией г. Тихонравова; в случае же <если> я, Маркс, пожелаю уплатить ему, Думнову, 20 000 рублей на срок 18го Декабря 1893го года, ранее, то имею право с момента сей уплаты выпустить в продажу полное собрание сочинений Н.В. Гоголя⁵; равным образом, я, Маркс, не имею права выдавать собрания и отдельных сочинений Гоголя в виде премии подписчикам⁶ до уплаты Думнову по векселям срочным на Декабрь 1893го и Январь 1894го года с тем, однако, что если я, Маркс, пожелаю выдать подписчикам в виде премии со-

бране сочинений Гоголя, то кроме Декабрьского платежа 1893го, уплачиваю Думнову половину из 60 000 рублей на срок 18го Января 1894го года, а именно 4го Января 1894го года 30 000 рублей и 18го Января того же года остальные 30 000 рублей.

7) Договор этот обязателен для наследников Думнова и Маркса. Подлинный иметь г. Марксу, а Думнову копию.

Потомственный Почетный Гражданин Владимир Васильевич Думнов, Потомственный Почетный Гражданин Адольф Федорович Маркс).

Печатается по: РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 19. Договоры между А.Ф. Марксом, В.В. Думновым, А.М. Кулиш. Л. 10–11. Ручкой писаря с подлинными подписями Тихонравова и Маркса. В конце документа, после пробела, следуют четыре собственноручные расписки в получении и уплате оговоренных сумм, из которых 1-я принадлежит В.В. Думнову (в получении 20 000 сер. руб., без даты), 2-я — «чиновнику СПетербургского общества Взаимного кредита И. Сидорову» (в получении по векселю № 720422 20 000 руб. 29 мая 1893 г.), 3-я и 4-я — А.Ф. Марксу (в уплате 18 января 1893 г. 60 000 руб., а 17 Декабря 1894 г. 20 000 руб.).

¹ Досками (т. е. клише, с которого печатался тираж) в издательском деле называли как деревянные доски с вырезанными на них негативными изображениями, так и стальные и медные пластины (Аркадьев Е.И. Словарь библиофила. 2-е изд. [Сызрань,] 1903. С. 43).

² Гальваническим клише называлось по технологическому способу нанесения изображения, которое, в отличие от механического гравирования, вытравливалось с помощью воздействия химических препаратов и электрического тока.

³ Имеются в виду иллюстрированные издания отдельных произведений Гоголя, напечатанные на дешевой бумаге (так называемые «народные издания»). Так в 1886 г. фирмой «Наследники братьев Салаевых» были изданы «Нос», «Пропавшая грамота», «Коляска»; в 1887 г. — «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь», «Вий», «Шинель», «Женитьба», «Тарас Бульба» и т. д. Всего Думнов выпустил 15 брошюр; в «Каталоге» фирмы на 1888 г. все брошюры представлены «последним» на тот момент изданием — 1887 г., все — в количестве 10 тыс. экз., кроме 5 тыс. экз. «Женитьбы» (см.: *Каталог В. Думнова на 1888 год*. С. 6). По «Каталогу» 1893 г. брошюры стоили от 10 до 20 коп. (Каталог учебных и других книг, изданных московским книгопродавцем, комиссионером изданий Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете и Императорского общества для содействия русскому торговому мореходцу, В.В. Думновым, торгующим под фирмою «Наследники бр. Салаевых». М., 1893. С. 8).

⁴ Хотя фирма выпустила 15 брошюр (перечислены: *Каталог В. Думнова на 1888 год*. С. 6), в «Каталогах» на следующие годы перечислено только 13 «отдельных иллюстрированных рассказов».

⁵ Речь идет об 11-м издании «Сочинений Гоголя», обязательство быстро подготовить которое Тихонравов взял на себя в день подписания договора с Думновым, т. е. 8 марта (см.: VII, № 1, примеч. 2); это издание — облегченное, так сказать, с научной стороны, с краткими комментариями — должно

было решать те же коммерческие задачи, что и в свое время 9-е издание, на котором настоял В. Думнов.

⁶ Имеются в виду подписчики «Нивы»; открывая годовую подписку на журнал, А.Ф. Маркс объявлял о том, что журнал выходит «со многими бесплатными приложениями и премиями»; в 1892 г., например, к годовой подписке (в 52 номера) прилагались 12 книг бесплатного литературного приложения («Сборник Нивы» с романами, повестями, рассказами и проч., а также — в качестве «главной литературной премии» — «за июнь 1892 г. сочинения Грибоедова, за август 1892 г. сочинения Полежаева и за сентябрь 1892 г. сочинения Козлова») и помимо этого еще «главная художественная премия» (художественный альбом с картинами Айвазовского, Бенуа, Маковского и др.), 12 номеров приложения «Парижские моды», листы с чертежами для рукоделия и выпиливания. Подписная цена со всеми приложениями и премиями составляла от 5 до 8,5 руб., в зависимости от пересылки по России, и 10 руб. — за границу.

VI. Соглашение Н.С. Тихонравова на передачу заключенного с В.В. Думновым контракта А.Ф. Марксу (1893)

1893 года Марта 6го дня, я нижеподписавшийся выдал сию расписку Адольфу Федоровичу Маркс<у> в том, что разрешаю заключенный мною контракт с Владимиром Васильевичем Думновым по изданию Сочинений Н.В. Гоголя в шести томах принять на себя и на передачу вышесказанного контракта в полном его составе Думновым Марксу, изъявляю свое согласие с тем чтобы VI том Гоголя печатался в Москве в типографии Роман<а> или какой-либо другой типографии и по окончании печатания VI т. Маркс обязан уплатить мне в силу сего условия серебром две тысячи рублей, в чем и подписуюсь. Ординарный профессор и академик Н.С. Тихонравов.

Печатается по: *РГАЛИ*. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1. (л. 1 об. — чистый). Рукой писаря с подлинной подписью Тихонравова.

VII. Письма А.Ф. Маркса к Н.С. Тихонравову (1893)

1

12 Марта 1893

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Высылая Вам сегодняшнюю почтою обещанные сочинения Грибоедова, Козлова, Кольцова, Полежаева¹, на веленовой бумаге в переплетах, я пользуюсь случаем покорнейше просить Вас, по возможности, поторопиться редактированием и приготовлением к пе-

чати 11-го издания сочинений Гоголя в 4^х томах². Прошу Вас также составить и приложить к каждому тому оглавление заключающегося в нем материала. Когда проредактирование сочинений Гоголя для нового 11-го издания будет Вами закончено, будьте любезны передать их, для немедленной высылки мне, Владимиру Васильевичу Думнову.

Надеюсь, что Вам удалось уже найти корректора для VI тома сочин<ений> Гоголя; покорнейше прошу Вас сообщить мне о Ваших с ним условиях. Был бы очень рад, если бы Вам, при опытном помощнике, удалось приготовить VI том по возможности скоро. Не найдете ли Вы удобным включить кое-что из уже напечатанных 15 листов VI тома, в 11^е издание, состоящее из 4^х томов?³ Художнику, Клавдию Васильевичу Лебедеву⁴, я уже писал и, вероятно, он уже приступил к копированию портрета Гоголя с эскиза Иванова⁵. Мне было бы весьма желательно видеть литографию⁶, которая исполняется для VI тома, а потому не будете ли Вы так любезны написать литографу⁷, чтобы он мне выслал оттиски этой литографии в том виде, как она теперь находится.

В ожидании Ваших известий, прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 44 об. — 45 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; л. 44 — чистый).

¹ Собрания сочинений А.С. Грибоедова, И.И. Козлова, А.В. Кольцова А.И. Полежаева были изданы А.Ф. Марксом в 1892 г. Авторским текстам в этих «изящных» однотомных изданиях сопутствуют — биографический очерк и портрет автора, гравированный на стали в Лейпциге Ф.А. Брокгаузом с известных живописных оригиналов; по составу издания отличались от предшествующих большей полнотой, а тексты были, по возможности, сверены с рукописями редактором — А.И. Введенским. В издание стихов А.В. Кольцова были включены также 18 стихотворений из приобретенной Марксом тетрадки с автографами («Незабудки с долины моей юности»; впервые опубликованы в приложении к журналу «Нива»), а также сделанное Введенским в «Примечаниях» описание известных к тому времени рукописей поэта и список вариантов к основному тексту (см. об этих изданиях Маркса подробно: *Диннерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 94). В объявлении подписки на журнал «Нива» 1892 г. эти издания были обещаны подписчикам в качестве «премии» к годовой подписке.

² В бумагах издательства Маркса сохранилось «Обязательство, данное Н.С. Тихонравовым А.Ф. Марксу, по подготовке 11-го издания “Сочинений Н.В. Гоголя (1893)”», написанное рукой писаря и собственноручно подписанное Тихонравовым: «1893 года Марта 8го дня, я нижеподписавшийся выдал еще обязательство Адольфу Федоровичу Маркс<у> в том, что обязуюсь приготовить ему оригинал для печатания Сочинений Н.В. Гоголя в сокращенном виде в четырех томах, снабдив их небольшими примечаниями с правом напечатать

на обложках под редакцией Н.С. Тихонравова. Вышеупомянутую рукопись обязуюсь доставить ему, Маркс<у>, или кому он укажет от вышеуказанного числа через четырнадцать дней. За труд сей Маркс обязан по получении исправленного экземпляра сочинений Н.В. Гоголя уплотить мне, Тихонравову, сер. триста рублей, всеми этими исправлениями Маркс пользуется навсегда. Ординарный Академик Н.С. Тихонравов» (РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 1). На нижнюю, свободную часть листа с «Обязательством» наклеен отдельный листок (там же, л. 1а) с распиской рукой Тихонравова: «1893 года марта 20 дня за редакцию одиннадцатого издания Сочинений Гоголя получил триста рублей от А.Ф. Маркса через посредство В.В. Думнова. Ординарный Академик Н.С. Тихонравов»).

³ Тихонравов предложение издателя принял: 11-е издание вышло в 5-ти томах; состав каждого тома определился, судя по всему, уже после этого решения. Т. 1: юношеские опыты, «Арабески», произведения, не вошедшие в 1-е изд. «Сочинений Гоголя»; т. 2: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»; т. 3: повести, комедии (включая раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены»); т. 4: «Похождения Чичикова, или Мертвые души»; т. 5: «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь» и др. произведения выборочно (письма, статьи и проч.). Свои соображения о составе 11-го издания Тихонравов сообщил в «Предуведомлении», открывающем первый том (см.: Тихонравов Н.С. Предуведомление // Сочинения Н.В. Гоголя: В 5 т. 11-е изд. Т. 1. СПб., 1893. С. VIII–XI); в отличие от 10-го издания, в частности, в 11-е не включены «мелкие варианты текста», «но отдельные места и целые страницы, переделанные или по личным соображениям автора, или по требованию старой цензуры, помещены в “Примечаниях редактора”» (там же, с. IX).

⁴ Клавдий Васильевич Лебедев (1852–1916) — художник-передвижник (с 1891 г. — член Общества передвижников), ученик В.Г. Перова и Е.С. Сорокина; известен историческими жанровыми полотнами (3 картины в коллекции ГТГ), храмовыми росписями (Вознесенский собор в Ельце), иконописными работами (иконостас болгарской церкви Св. Стефана в Стамбуле; эскизы хранятся в Церковно-археологическом Кабинете Московской духовной академии), иллюстрациями к Библии (Лебедев К.В. Картины по Священной истории Ветхого Завета. Вып. 1. М., 1911–1912) и к русским сказкам. Сотрудничал со многими журналами, включая «Ниву» и издания-приложения к ней (в 1893 г., например, в качестве главной художественной премии подписчикам был предложен «художественный альбом “Нивы”» с картинами 10 художников, среди которых, кроме К.В. Лебедева, И.Е. Репин и К.Е. Маковский; см.: Нива. 1893. № 1. С. 25).

⁵ В бумагах А.А. Иванова, хранящихся в ОР РГБ (поступили в 1879 г.: Отчет МПНМ. М., 1884. С. 43), есть два акварельных эскиза Гоголя (ОР РГБ. Ф. 111. К. 2. Ед. хр. 47); одно из изображений воспроизведено в изд.: Рукописи Н.В. Гоголя. Каталог. М., 1940; оба — в изд.: Машковцев Н.Г. Гоголь в кругу художников. М., 1955). О котором из этих эскизов идет речь, неизвестно; в дальнейшем выяснится, что К.В. Лебедев скопировал по ошибке не тот портрет, что Маркс и Тихонравов отобрали при посещении Румянцевского музея (см. об этом: VII, № 18, № 19).

⁶ Под литографией в конце XIX в. понималось «искусство рисовать на камне, а также искусство камнепечатания» (Чудинов 1894. С. 469), для чего применялся специфического вида камень (очень плотный и сероватого оттен-

ка), специальные «автографические чернила» (позднее карандаш); хромофотография отличалась наличием нескольких цветов и особым способом печатания несколькими красками (там же, с. 471). Конец XIX в. отличался технологическим взрывом в сфере книгопечатания, в частности — крайним разнообразием «способов применения фотографии к печатному станку, доведенных <...> до высокого совершенства», по утверждению автора обзора «Первой Всероссийской выставки печатного дела» (*Трубачев С.С.* Прошлое и настоящее печатного дела // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 874). Трубачев, в частности, перечисляет фотолитографию, фотоксилографию, фототипию, цинкографию, ксилографию и т. д., образцы которых были представлены на выставке. К выходу из печати двух последних томов издания Маркс существенно обновил технологическое оснащение своей типографии, и обсуждаемые Думновым и Тихонравовым гоголевские рисунки были в итоге выполнены для 7-го тома в «артистическом заведении» А.Ф. Маркса в Петербурге.

⁷ О выполнении литографий Тихонравов договорился с В.Ф. Кудиновым (см.: VII, № 19, о Кудинове — примеч. 5); эту же просьбу Маркс повторяет в письме от 1 апреля 1893 г. (см.: VII, № 8).

2

15 марта 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

В ответ на Ваше письмо, спешу уведомить Вас, что все приобретенные мною экземпляры сочинений Гоголя, в том числе и Ревизор¹, еще не получены от В.В. Думнова², но я уже имею сведения от Российского Транспортного общества, что книги будут доставлены мне завтра или послезавтра, я тогда тотчас же вышлю Вам 2 экз. Ревизора. Надеюсь, что это обстоятельство не задержит Вашей работы, которую мне черезвычайно важно^{*} получить как можно скорее.

Относительно пожертвования, с каждого экземпляра Ревизора, по 50 коп. в пользу сооружения памятника Гоголю³, имею честь сообщить Вам, что всех экземпляров имеется более 1000, и деньги эти внес уже В.В. Думнов, если же это еще им не сделано, то он на верное внесет их на этих уже днях, в Общество Любителей Российской словесности⁴.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности,

А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 18 об. — 19 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 18, 19 об. — чистые).

^{*} Подчеркнуто в оригинале.

¹ Ревизор. Комедия в пяти действиях. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Н. Тихонравовым. М., 1886.

² С просьбой предоставить ему эти книги Тихонравов (тогда же, по видимому) обратился и к Думновым, на что А.В. Думнов ответил запиской: «Марта 13го 1893 г. Многоуважаемый Николай Савич. Вместе с сим посылаю Вам экземпляр полного первого тома Сочинений Гоголя, неполный экземпляр при случае возвратите мне, я пришлю к Вам за ним, что же касается Ревизора, то не могу удовлетворить Вашего желания, так как все экземпляры отправлены Г^{ну} Марксу в Петербург, откуда и нужно будет их потребовать. Брата в настоящее время нет в Москве, он уехал по делам. Честь имею быть Вашим покорным слугою, А. Думнов» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 86. Л. 3).

³ Сбор пожертвований на памятник Гоголю в Москве был инициирован А.А. Потехиным на торжественном заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г., посвященном открытию памятника Пушкину; по свидетельству М.И. Семевского (редактора «Русской старины»), Потехин выступил «от лица всех литераторов», был «восторженно» поддержан всеми присутствовавшими, а тут же заготовленные подписные листы «быстро покрылись подписями» (Русская старина. 1888. Т. LX. № 12. С. 766); высочайшее разрешение Александра II открыть повсеместную подписку было получено (при ходатайстве московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова) 1 августа 1880 г., после чего уже к 1 сентября того года к казначею Общества поступило более 28 тыс. руб. (там же). В 1888 г. Н.С. Тихонравов (с 1885 г. вплоть до последних дней жизни он был председателем ОЛРС — Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете, 1811–1911. М., 1911. С. 287) прислал официальное «приглашение» в редакцию «Русской старины», объявившей, что «с живейшим сочувствием» присоединяется к приглашению и берет на себя труд поступившие в редакцию пожертвования немедленно пересылать в Москву казначею Общества (там же).

⁴ О внесении пожертвований в ОЛРС см. выше. Инициатива, судя по архивным документам Общества, в 1880-е годы не получила достаточной поддержки, созданный при ОРЛС «Комитет по сооружению памятника Н.В. Гоголю в Москве» продолжал собирать средства на памятник и в 1905–1908 гг. (*ОР РГБ*. Ф. 207. К. 21. Ед. хр. 6–24), и памятник был установлен в Москве в 1909 г., в дни празднования 100-летия со дня рождения писателя.

3

<15 марта 1893 г.>

Желательно прибавить биографию Гоголя / можете ли составить пол листа через шесть дней / Когда получу предисловие¹ задержка с брошюрованием / телеграфируйте
Маркс

Печатается по: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 47 (бланк телеграммы, карандаш, рукой телеграфиста; № 8015 от 15 / III.1893 из Петербурга. На обороте: Отв. уполочен. Адрес: МСК (т. е. Москва. — *Е.П.*) Николопесковский дом Сабашникова Тихонравову).

¹ Т. е. предисловие к 11-му изданию (см.: VII, № 1, примеч. 2).

<16 марта 1893 г.>

Ревизор отправлен¹ / заказною бандеролью / когда получу вновь
редактированный / Гоголь²

Маркс

Печатается по: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 20 (бланк телеграммы, карандаш, рукой телеграфиста; № 8537 от 16 марта 1893 из Петербурга. На обороте: Ответ уплочен. Адрес: Тихонравову Николеспесковский пер. дом Сабашникова МСК).

¹ См.: VII, № 2.

² Т. е. 11-е издание «Сочинений Гоголя» (см.: VII, № 1, примеч. 2).

17 марта 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Вашу телеграмму получил и меня весьма радует Ваше обещание передать в субботу¹ В.В. Думнову сочинения Гоголя, для высылки мне.

Я уже писал В.В. Думнову о Вашем обещании, и причитающаяся Вам, согласно нашему условию, за редактирование сочинений Гоголя для нового издания их², сумма в триста (300) рублей будет им передана Вам, немедленно по получении в субботу сочинений Гоголя.

С почтением имею честь быть Вашим покорным слугой

А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 21 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 21, 22 – 22 об. — чистые).

¹ Ближайшая суббота по календарю 1893 г. приходилась на 18 марта.

² Под «условием» Маркс имеет в виду «обязательство», выданное ему Тихонравовым 8 марта 1893 г., в быстрой подготовке за эту сумму «сокращенного» издания в четырех томах, с «небольшими примечаниями», причем выплата предусматривалась по получении издателем «рукописи» «через четырнадцать дней» (см.: VII, № 1, примеч. 2).

<19 марта 1893 г.>

Вследствие Вашего несогласия биография* / Гоголя¹ не будет /
жду с нетерпением / предисловия² / два тома уже отпечатаны³

Маркс

* Так в оригинале.

Печатается по: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 35 (бланк телеграммы, карандаш, рукой телеграфиста; № 10157 от 19 марта 1893 г. из Петербурга. На обороте: Ответ уполноч. Адрес: Тихонравову Николопесковский пер. дом Сабашникова Москва).

¹ См.: VII, № 10 («нездоровье Ваше лишает меня возможности просить Вас составить ее»).

² Т. е. предисловия к четырехтомному 11-му изданию.

³ Два тома 11-го издания.

7

19 Марта 1893 г.

Милостивый Государь
Николай Саввич!

Сейчас отправил Вам телеграмму¹, из которой Вы уже знаете, что при моем издании сочинений Гоголя, согласно Вашему желанию, не будет приложена биография автора.

Во всех моих изданиях классиков²: Лермонтова, Грибоедова, Ломоносова и др. давалась биография авторов, конечно, не такая краткая, как в учебниках, а более обстоятельная. Я желал, поэтому, и в моем издании полного собрания сочинений Гоголя поместить биографию автора и, конечно, не мог знать, что Вы будете принципиально против этого.

Первые два тома соч. Гоголя уже отпечатаны и приступили к печатанию 3го тома³. В виду того, что необходимо приступить к брошюрованию, еще раз покорнейше прошу Вас поспешить высылкою предисловия⁴.

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 36 об. — 37 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; л. 36, 37 об. — чистые).

¹ См. выше: VII, № 6.

² Об изданных Марксом собраниях сочинений русских классиков см.: VII, № 1, примеч. 1.

³ Речь идет об 11-м издании, и под «первыми» Маркс имеет в виду не нумерацию томов, а именно типографские работы.

⁴ Предисловие, т. е. «Предупреждение» Тихонравова к 11-му изданию, предназначалось, естественно, для помещения в 1-м томе, а при этом содержит ссылки (с точными страницами) — на другие тома. Маркс и прежде, и далее торопил с предисловием, при этом ссылаясь то на набор, то на печать, то — на брошюровку.

1 Апреля 1893 <г.>

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Проредактированные Вами, для 11го издания, сочинения Гоголя, в 5^{ти} томах, получил, и они уже сданы в набор. Как только они будут напечатаны, вышлю Вам один экземпляр.

Как Вам известно, я предполагал издать сочинения Гоголя в 4^х томах и был удивлен¹, получив их распределенными в пяти томах. Но в виду того, что это уже сделано и притом томы вышли почти равными по объему, то я и решил напечатать сочинения Гоголя в 5^{ти} томах. Мне было бы весьма желательно знать, нашли ли уже опытного корректора для 6-го тома соч. Гоголя. Надеюсь, что Вы будете так любезны и уведомите меня об этом, по возможности, скоро и сообщите также, на каких условиях Вы с ним сошлись. Покорнейше прошу Вас также потрудиться сообщить литографу мою просьбу выслать мне оттиски литографий², заказанных для 6^{-го} тома соч. Гоголя, и уведомить меня, насколько подвинулась его работа.

Прошу принять уверение в искреннем моем уважении и преданности

А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 23 об. – 24 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 23, 24 об. — чистые).

¹ Маркс сам (в письме № 1) инициировал увеличение запланированного объема 11-го издания, предложив «включить кое-что из уже напечатанных 15 листов VI тома, в 11^е издание», так что его удивление относится только к количеству томов.

² Об этих оттисках Маркс уже писал Тихонравову (см. письмо № 1).

12 Апреля 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Убедительнейше прошу Вас поспешить высылкою обещанного Вами предисловия¹ к сочинениям Гоголя. Первый том уже набран и вся оstanовка только из-за предисловия. Надеюсь, что Вы будете так любезны и вышлите мне его немедленно по получении этого письма, чем крайне меня обяжете.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 30 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 29–30 — чистые).

¹ Предисловия к 11-му изданию (см.: VII, № 1, примеч. 2).

10

16 Апреля 1893 г.

Милостивый Государь
Николай Саввич!

Вашу ответную телеграмму получил. Я полагаю, что публике весьма желательно будет иметь при полном собрании соч. Гоголя биографию автора. Я желал бы, поэтому, поместить в моем издании хотя бы краткую биографию Гоголя, хотя в прежних изданиях такой и не было, и весьма сожалею, что нездоровье Ваше лишает меня возможности просить Вас составить ее. Но так как дело не терпит отлагательства, то не позволите ли Вы мне обратиться с просьбою составить биографию Гоголя к Арсению Ивановичу Введенскому¹, как Вам, конечно, известно, весьма сведущему в литературе и опытному. В случае Вашего и А.И. Введенского согласия, я почел бы долгом выслать Вам корректуру биографии, дабы Вы могли судить о ней и, в случае надобности, изменить все то в ней, что найдете нужным.

От души желая Вам скорейшего выздоровления,
остаюсь искренне уважающий Вас
и преданный Вам
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 33 об. — 34 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; 34 об. чистый).

¹ Арсений Иванович Введенский (1844–1909) — критик и библиограф; под его редакцией вышли в издательстве Маркса однотомные издания сочинений Лермонтова, Кольцова, Козлова, Полежаева, Ломоносова, Фонвизина, Екатерины II и Грибоедова (см.: VII, № 1, примеч. 1); ему же принадлежат предисловия к этим изданиям.

11

20 Апреля 1893 <г.>

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Во вчерашнем письме моем я Вам уже писал, что хотя и предполагал издать сочинения Гоголя в 4^х томах, но в виду того, что материал был распределен Вами в 5^{ти} томах, то я и решил напечатать

пять томов. Теперь прибавлю только, что сочинения Гоголя будут изданы вполне согласно с Вашей редакцией и не будет сделано никаких сокращений.

Покорнейше просил бы Вас поспешить высылкою предисловия, так как первые листы уже набраны и сверстаны и теперь приступают к печатанию их. Надеюсь, что в этом отношении не будет задержки, тем более, что предисловие, вероятно, будет небольшое и сможет быть напечатано одновременно с заглавными страницами.

Примите уверение в искреннем
Моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 31–32 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; л. 32 об. чистый).

12

22 Апреля 1893

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Сегодня выслал Вам гравированный на стали Ф.А. Брокгаузом¹ новый портрет Гоголя² с Вашего оригинала*, представляющий собой оттиск *avant la lettre*³. Портрет этот предполагаю поместить в 6-м томе⁴ 10го издания** сочинений Гоголя, а в двух первых томах 11го издания — два портрета Гоголя, помещенные в большом 10^м издании Салаевых⁵. Кроме того предполагаю поместить в соответствующем томе автограф и три собственноручных рисунка Гоголя, относящихся к последней сцене Ревизора⁶. Это будет способствовать полноте издания, и надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против этого. Высланный Вам новый портрет Гоголя будьте любезны рассмотреть и сообщить мне Ваше мнение. Если Вы найдете его удовлетворительным, я приму от Брокгауза доску⁷. Оттиск портрета, если Вами будут сделаны на нем какие-нибудь замечания***, покорнейше прошу выслать мне обратно. — Одновременно с портретом выслал Вам весь первый том и имеющиеся у меня пока отпечатанными**** чистые 27 листов второго тома. Третий том уже набран⁸. Как видите, печатание издания значительно подвинулось вперед. Моя типография теперь исключительно занята печатанием соч. Гоголя, и все другие работы пока отложены. Для меня весьма важно скорее закончить издание соч. Гоголя, чтобы дать типогра-

* с Вашего оригинала *вписано*

** 10-го издания *вписано*

*** какие-нибудь замечания *вписано*

**** отпечатанными *вписано*

фии возможность заняться другими спешными работами. Для этого мне необходимо сейчас же приступить к брошюрованию напечатанных уже томов. В виду этого Вы, надеюсь, меня простите, если я еще раз обеспокою Вас своей просьбою о высылке мне предисловия. — Из моей телеграммы и письма от 19го с<его>/м<есяца>⁹ Вы уже знаете, что биография Гоголя, согласно Вашему желанию, не будет помещена¹⁰. Весьма сожалею о произошедшем недоразумении, которое Вас так огорчило.

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Р.С. Я и все, кто видел оттиск¹¹, нашли исполнение весьма удовлетворительным. Если оттиск, как я надеюсь, будет признан Вами удовлетворительным, прошу Вас оставить его у себя, в противном случае будьте любезны сделать на оттиске Ваши замечания и выслать его мне. Я возвращу его Брокгаузу и на нем будут сделаны необходимые изменения. Простите за небрежность этого письма: спешу отправкой его на почту, чтобы Вы могли получить его одновременно с бандеролями.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 37 об. — 38 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; л. 37 чистый).

¹ Фридрих Арнольд Брокгауз (Friedrich Arnold Brockhaus; 1772–1823) — немецкий издатель, типограф, книгопродавец, основатель издательской фирмы «Брокгауз» и издатель «Энциклопедии Брокгауз». В этой фирме были гравированы портреты всех отечественных классиков, сочинения которых Маркс издал в 1891–1892 гг. (см.: VII, № 1, примеч. 1).

² «Новый» портрет — относительно ранее гравированных Брокгаузом для 1 и 4 томов, изданных Думновым (о передаче Марксу «всех портретных досок, гравированных на стали», см.: V, пункт 3), с работами А.Г. Венецианова и Э. Мамонова (см. ниже примеч. 5).

³ Буквально — «прежде буквы»; в издательском и типографском деле выражение «avant la lettre» означало — первый оттиск гравюры, т. е. напечатанный прежде, чем «подписали на доске слова, объясняющие содержание картины» (*Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 11); подчеркнуто в оригинале.

⁴ В 6-м томе 10-го издания воспроизведен гравированный Брокгаузом известный портрет Гоголя, написанный А.А. Ивановым в 1841 г. (см. о портрете: *Сперанский М.* Портреты Гоголя // Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 132–135; см. также выше примеч. 2 и следующее письмо издателя (№ 13).

⁵ Под «большим 10^м изданием Салаевых» Маркс имеет в виду первые пять томов, выпущенные Думновым (в следующем письме он предложил несколько иную конфигурацию; см.: III, № 13, примеч. 1). В 1-м томе 10-го издания в 1896 г. воспроизведен («награвирован для настоящего издания Брокгаузом с оригинала» — *Тих. Т. 1. С. XXIII*) известный портрет Гоголя работы А.Г. Венецианова (литография 1834 г.), о котором Тихонравов написал в «Предуве-

домленин»: «Этот портрет верно передает Гоголя, “франтика, каким он уехал за границу”, по словам С.Т. Аксакова» (там же); этот же портрет Маркс поместил в 1-й том 11-го издания; портрет Венецианова впервые был обнаружен и описан П. Ефремовым: *Ефремов П.* Николай Васильевич Гоголь. Его портрет, писанный в 1834 г. Акад. Венециановым // *Русская старина*. 1879. № 9. С. 172–174; *Сперанский М.* Указ. соч. С. 124–125. К 4-му тому 10-го издания «приложен портрет, гравированный также Брокгаузом с портрета, набросанного карандашом Э. Мамоновым 22 марта 1852 г.» (*Тих.* Т. 1. С. XXIII); см. о этом портрете: *Сперанский М.* Указ. соч. С. 130–131.

⁶ Об этих рисунках см.: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 4. С. 744–745.

⁷ Т. е. клише, с которого печатается тираж, в данном случае стальное.

⁸ Здесь и ниже речь идет об 11-м издании.

⁹ Текущий месяц указан ошибочно; см.: VII, № 6 и 7.

¹⁰ Об этом Маркс сообщил в упомянутых выше телеграмме и письме.

¹¹ См. выше примеч. 3.

13

27 Апреля 1893

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Ваше письмо получил и весьма рад, что Вы остались довольны текстом и внешностью первых двух томов моего издания сочинений Гоголя и портретом. По мере напечатания, Вам будут высылать листы следующих томов соч. Гоголя. Согласно Вашему желанию, сообщаю Вам категорические ответы на все вопросы Ваши по порядку: 1) 11ое издание соч. Гоголя выйдет в свет и поступит в продажу ранее 6^{-го} тома 10^{-го} издания, приблизительно 10го Мая. 2) К 11^{му} изданию приложены будут, согласно Вашему предложению, следующие два портрета Гоголя: к первому тому — тот портрет, который находится при первом же томе Вашего (т. е. десятого) издания¹, а к 4^{му} тому — тот портрет Гоголя, который Вы на днях от меня* получили. Первый портрет уже отпечатан в количестве 5000 экз. Относительно второго телеграфировал сегодня Брокгаузу о немедленной высылке оригинальной гравюры и по получении ее будет немедленно приступлено к печатанию. Предлагаемый Вами для помещения в 6^м томе 10го издания карандашный портрет Гоголя, сделанный художником Мозером², будьте любезны прислать мне, если возможно. Об этом можно будет сговориться после. 3) Снимок будет приложен, при 11^м издании, с того автографа, который воспроизведен при Вашем издании сценического текста «Ревизора», т. е. с наброска последней сцены этой комедии³. Весьма сожалею, что не могу воспользоваться Вашим предложением сделать фототипию с оригинала, находящегося в Румянцевском Музее⁴, так как

* от меня вписано

снимок с автографа уже воспроизведен литографическим способом на камне* и приступлено к печатанию. Надеюсь, что Вы найдете его более удовлетворительным, чем снимок, приложенный к Вашему изданию сценического текста «Ревизора»⁵, так как приняты меры для возможно лучшего воспроизведения его. 4) Снимки с рисунков Гоголя, относящихся к последней сцене «Ревизора», конечно, будут приложены при самой комедии, после статьи: «Предупреждение для тех, которые пожелали сыграть, как следует, «Ревизора»». 5) Кроме вышеуказанного автографа, других не будет приложено. 6) Подписи Гоголя под портретами не будет, о чем весьма сожалею. В моем распоряжении таковой не было, а если бы и была теперь, то уже не мог бы ею воспользоваться, так как портрет Гоголя, который будет приложен при первом томе, уже отпечатан в количестве 5000 экз.

Сообщив Вам ответы на все вопросы Ваши, позволю себе еще раз просить Вас о скорейшей высылке предисловия**.

Вашу просьбу выдать Вам 25 бесплатных экз. Гоголя охотно исполню.

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 40 об. — 40 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке).

¹ В 1-м томе 11-го издания воспроизведена литография с венециановского портрета Гоголя (см.: III, № 12, примеч. 5); в 4-м томе 11-го издания — гравированная копия с портрета А.А. Иванова (см.: III, № 12, примеч. 5).

² Имеется в виду известный рисунок графитным карандашом руки Карла Мазера, с подписью художника и датой — 1840 г.; Гоголь изображен сидящим в высоком кресле, оперев голову на левую руку, локоть которой опирается на ручку кресла. Карл Петер Мазер (Carl Peter Mazer, 1807–1884) — шведский художник и фотограф-дагеротипист, в Петербург приехал в 1838 г. и прожил в России до 1854 г. Портрет, как предположил М. Сперанский, мог быть сделан перед отъездом Гоголя из Петербурга за границу (*Сперанский М.* Указ. соч. С. 131). По сведениям М. Сперанского, оригинальный рисунок Мазера хранился тогда у кн. Вяземских в Остафьеве (там же; в «Каталоге выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского», организованной в Москве ОЛРС, в качестве собственника указан гр. С.Д. Шереметьев — муж Екатерины Павловны Вяземской (Каталог выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. 1852–1902. М., 1902. С. 4), П.П. Вяземский ушел из жизни еще в 1889 г.

³ Издание, на которое ссылается Маркс: *Ревизор. Комедия в пяти действиях*. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Н. Тихо-

* на камне *вписано*

** *Подчеркнуто в оригинале.*

нравовым. М.: Наследники братьев Салаевых, 1886; об этих рисунках см.: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 4. С. 744–745.

⁴ См. об этом: VII, № 1, примеч. 5; № 22.

⁵ См. выше примеч. 3.

14

28 Апреля 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Во вчерашнем письме моем, в котором я ответил на все Ваши вопросы, я выразил, между прочим, мое сожаление по поводу того, что под портретами Гоголя не будет автографа подписи. В портрете, который будет приложен к первому тому 11го издания, этого недостатка уже нельзя исправить, так как портрет этот, как я Вам вчера писал, уже отпечатан в количестве 5000 экземпляров. Но автограф подписи можно было бы еще поместить под новым портретом, который гравирован Брокгаузом с Вашего оригинала и будет помещен в 4ом томе 11 издания. Опасаясь задержки из-за этого в выходе издания, я вчера решил было и под этим портретом Гоголя не помещать подписи. Но если бы Вы были любезны выслать мне оригинал автографа подписи Гоголя немедленно по получении сего письма и не позже субботы, то, пожалуй, не вышло бы никакой задержки. Я вчера телеграфировал Брокгаузу¹ о немедленной высылке оригинальной гравюры портрета Гоголя, и сейчас по получении ее можно было бы на нем же выгравировать автограф подписи, если благодаря Вашей любезности оригинал подписи будет в моем распоряжении не позже субботы или воскресенья. О возможности или невозможности этого покорнейше прошу Вас уведомить меня с оборотом этой почты.

Вы получаете отпечатанные листы 11го издания и можете сами убедиться, насколько я спешу выпуском издания и как энергично работает моя типография. Малейшая задержка ставит меня в чрезвычайно стесненное положение. Я надеюсь, поэтому, что, получив из моего вчерашнего письма все нужные Вам для составления предисловия сведения, Вы поспешите составлением и высылкою его. Отсутствие предисловия мне не дает возможности приступить к брошюрованию, а это чрезвычайно тормозит весь ход издания.

Примите уверение в искреннем
Моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ.* Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 27 об. – 28 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 27 чистый).

¹ Вероятно, Маркс телеграфировал в фирму Брокгауза, основатель которой умер еще в 1823 г., но не исключено, что он был лично знаком с преемником основателя фирмы, сведений о котором у нас нет.

15

29 Апреля 1893

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Во вчерашнем письме моем я просил Вас прислать мне автограф подписи Гоголя¹ для помещения под портретом, который будет приложен к 4^{му} тому 11го издания. Спешу уведомить Вас, что мне удалось найти такой автограф здесь в Императорской Публичной Библиотеке, в старом издании собрания автографов Погодина. Это отрывок из «Мертвых душ» с подписью. Автограф превосходно исполнен и как раз подходит к формату 11го издания. Как только автограф подписи Гоголя будет выгравирован, не замедлю выслать Вам оттиск.

Примите уверение в искреннейшем
Моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 25 об. – 26 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 26 об., 26 — чистые).

¹ Те снимки с гоголевских автографов, которые были в распоряжении Тихонравова и напечатаны в первых пяти томах издания, перечислены им в «Предупреждении» (*Тих.* Т. 1. С. XXIV); ту подпись Гоголя, которую Маркс воспроизвел в 11-м издании, он поместил позднее и в 6-м томе 10-го издания.

² Найти издание Императорской публичной библиотеки с оттиском подписи Гоголя из собрания Погодина не удалось.

16

<1 мая 1893 г.>

Согласен пришлите / немедленно ваш автограф / Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 41 (бланк телеграммы, карандаш, рукой телеграфиста; № 201 от 1 мая 1893 г. из Петербурга. Адрес: Москва Арбат Николопесковский дом Сабашникова Тихонравову).

17

<5 мая 1893 г.>

Ради Бога высылайте / предисловие¹ Гоголя / Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 13 (бланк телеграммы, карандаш, рукой телеграфиста; № 2409 от 5 мая 1893 г. из

Петербурга. Адрес: Москва Арбат Николопесковский дом Сабашникова Тихонравову).

¹ «Предупреждение» к 11-му изданию подписано Тихонравовым 7 мая 1893 г.

18

2 Июня 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Одиннадцатое издание сочинений Гоголя вышло в свет 31го Мая и вчера, 1го Июня, я выслал обещанные Вам 25 экземпляров соч. Гоголя в контору Н.Н. Печковской¹, в Москве, с просьбою доставить их Вам. Вы теперь будете иметь возможность увидеть это издание в окончательном его виде и надеюсь, что Вы останетесь им довольны.

В одном из Ваших писем Вы сказали, что предполагаете некоторые из этих 25 экземпляров соч. Гоголя роздать Вашим знакомым, которые поместят рецензии об 11^м издании. Мне это будет весьма приятно и я просил бы Вас только сообщить мне, каким лицам Вы роздали соч. Гоголя и в каких органах печати будут напечатаны их рецензии, так как я сам намерен послать известное количество сочинений Гоголя в Редакции периодической прессы для отзыва.

Вчера я выслал Вам полученные мною от Художника К.В. Лебедева² две копии с портрета Гоголя. Как Вам известно, я заказал К.В. Лебедеву сделать копию и портрет по тому наброску Иванова, который мы видели с Вами в Румянцевском Музее³, и просил его обратиться к Вам за указаниями. К сожалению, он к Вам, очевидно, не обращался и присланная им копия, в 2^х экз., как увидите, оказывается исполненной с того же самого портрета Гоголя, который помещен в 4^м томе вышедшего теперь в свет одиннадцатого издания сочинений Гоголя. Копии эти будьте любезны прислать мне обратно. —

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 14 об. — 15 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 14 чистый).

¹ Печковская Наталья Николаевна (1850–1930) — владелица конторы для приема подписки на журналы и газеты, располагавшейся в Петровских торговых линиях (по сведениям 1887 г., в д. № 24 — Справочная книга о лицах, получивших на 1887 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1887. С. 202); позднее Печковская открыла в Петровских ли-

ниях и книжный магазин (*Вся Москва... на 1897*. Стб. 255) А.Ф. Маркс пользовался услугами конторы Печковской для распространения в Москве подписки на журнал «Нива», а также как одним из пунктов получения подписчиками бесплатных приложений, типа «Иллюстрированной библиотеки Нивы» и изданий литературного и художественного плана для «премирования» подписчиков). Печковская выступала также в качестве доверителя Маркса при подписании различных официальных договоров в Москве (см., например: IX, X).

² О К.В. Лебедеве см.: VII, № 1, примеч. 4.

³ См. об этом: VII, № 1, примеч. 5; № 22.

19

9 Июня 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Письмо Ваше получил и отвечаю на все вопросы по пунктам.

1. Согласен на условия гонорара корректорам, т. е. по 6 рублей за лист цитеро¹ и по 7 рублей за лист петита², для чего и препровождаю Вам при сем сто пятьдесят (sic! — *Ред.*) рублей, согласно Вашему предложению.

2. Что касается приложения портретов Гоголя к 6^{му} тому, то я желал бы ограничиться приложением только нового портрета Гоголя, помещенного в 4^м томе 11го издания.

3. Хотя материал для 6го тома, вопреки моим ожиданиям, так сильно разрастается, я предполагаю все-таки издать весь материал в одном только томе. — В виду этого значительного увеличения объема 6го тома, мне гораздо удобнее и выгоднее печатать дальнейшие листы в моей собственной типографии³. Я сегодня же пишу об этом В.В. Думнову и надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против. Дальнейшие листы будут печататься в моей типографии в том же формате и виде, как уже отпечатанные листы и, по мере печатания, Вам будут высылаться аккуратно корректурные листы. Когда мы сойдемся с В.В. Думновым, я буду просить Вас высылать мне весь материал для 6го тома, а пока прошу Вас приостановить выдачу нового материала для печатанья дальнейших листов, до окончания моих переговоров с В.В. Думновым.

4. Подписанный Вами литографический снимок с портрета Пушкина, набросанного Гоголем⁴, уже передан литографу В.Ф. Кудинову⁵, в Москве, которому я и заказал отпечатать необходимое количество экземпляров.

5. Как я Вам писал, с акварелями К.В. Лебедева вышло недоразумение и воспользоваться ими я не предполагаю.

6. В Ученый Комитет Министерства Народного Просвещения мною уже послано прошение о разрешении приобретать 11ое изда-

ние для средних учебных заведений⁶. Два экземпляра соч. Гоголя, в переплетах, отправлены сегодня Н.Н. Печковской⁷ с просьбою доставить их Вам.

Вышеуказанные 150 рублей высылаю Вам не по почте, а также через г-жу Печковскую, которая пошлет Вам их на дом.

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 16 об. — 17 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 16 чистый).

¹ Цицеро (от лат. имени *Cicero*) — средний типографский шрифт, получивший свое название по первому использованию для набора и печати сочинений Цицерона в 1457 г.; размер цицеро — 12 пунктов (4,5 мм). В 10-м изд. «Сочинений Гоголя» так набраны примечания редактора.

² Петит (от фр. *petit* — маленький) — мелкий типографский шрифт (там же, с. 668); размер петита — 8 пунктов (3 мм). В 10-м изд. «Сочинений Гоголя» так набраны варианты.

³ Типография Маркса была в Петербурге (Средняя Подъяческая, д. 1); о технологическом оснащении и обновлении типографии Маркса см.: *Диннерштейн*. С. 83–85.

⁴ Имеется в виду известный гоголевский рисунок пушкинского профиля; в результате рисунок воспроизведен в 7-м томе — на вклейке перед оглавлением.

⁵ Кудинов Владимир Ф<.....?> — совладелец (совместно с В.А. Симовым) хромолитографии в Москве на Б. Якиманке (Торгово-промышленная адресная книга города Москвы. М., 1894. С. 780; *Вся Москва... на 1897 г.* С. 417). Литографом в норме назывался также и непосредственный исполнитель, и возможно — так и было с Кудиновым. См. также: VII, № 1, примеч. 6, 7.

⁶ Согласно 17 ст. Указа от 18 июня 1863 г., Ученый комитет министерства народного просвещения имел «своим назначением рассматривать, по поручению министра» среди прочих вопросов и изданий — «книги, сочинения и периодические издания, которые предполагаются для распространения в учебных заведениях».

⁷ См. о конторе Н.Н. Печковской выше: VII, № 18, примеч. 1.

20

<24 Июня 1893 г.>

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Я обсудил вполне внимательно и беспристрастно все изложенное в Вашем последнем письме и прошу Вас так же отнестись к настоящему моему письму и обсудить беспристрастно мое положение.

Десятое издание сочинений Гоголя выпущено было в свет не мною, а В.В. Думновым. Я обещал г. Думнову издать 6^й том и испол-

нение этого является для меня делом совести. Но в издании этого дополнительного 6го тома к 10^{му} изданию я лично не имею никакого существенного интереса. Согласитесь, что при таких условиях я могу исполнить только то, что обещал, но у меня нет никакого интереса входить в новые расходы и издержки. Я, поэтому, никоим образом не могу согласиться принять на себя совершенно неожиданные хлопоты и рискованные издержки на издание двух томов (6го и 7го) вместо обещанного мною одного (6го) тома.

В договоре Вашем с В.В. Думновым говорится об издании только одного (6го) тома, объемом не менее* 20 печатных листов¹. Гонорар за редактирование определен в 2000 рублей, хотя бы в действительности издано было более 20 печатн. листов. По нашему письменному условию с Вами, договор Ваш с г. Думновым сохраняет вполне свою силу и между Вами и мною. Следовательно, формально может быть речь только об одном (6^м) томе, за гонорар в 2000 рублей, без всякого добавочного гонорара, сколько бы листов не было издано. Но посмотрим на это дело и с неформальной стороны.

Я вполне согласен с Вами, что Ваши интересы значительно пострадали от того, что В.В. Думнов, как Вы говорите, отказался издать 6-й том во время. Но я Вас прошу, обратите внимание на то, что все указанные в письме Вашем факты: убытки, неприятности, а главное необходимость искать новых** материалов для 6-го тома, — что все эти факты имели место еще до нашего*** условия с Вами и, следовательно, не должны никоим образом влиять на изменение этого условия. По нашему же условию, мы с Вами сговорились издать только один том (6^й) и у меня решительно нет никакого интереса издать кроме того еще 7^й том. Что же касается объема 6го тома, то опять-таки у меня нет никакого интереса, чтобы объем этот был непомерный. Мы сговорились с В.В. Думновым издать 6ой том в количестве 3600 экземпляров, но я вовсе не уверен, что и это количество сможет быть распродано, и если г. Думнов не согласится взять на себя теперь же обязательство распродать $\frac{3}{4}$ этого количества, то я даже вынужден буду издать 6ой том в гораздо меньшем количестве экземпляров. Вследствие этого, согласитесь, для меня во все не может быть желательно, чтобы издание 6го тома мне обошлось очень дорого. Мне желательно только сдержатъ обещание, данное В.В. Думнову, — издать 6ой том и притом в том составе, как это обещано Вами в «Предуведомлении к 10^{му} изданию»². Но если Вы, как редактор, считаете необходимым издать весь собранный

* Подчеркнуто в оригинале.

** Подчеркнуто в оригинале.

*** Подчеркнуто в оригинале.

Вами материал, то я и на это согласен, но с тем, чтобы весь этот материал был издан только в одном (6ом) томе, но не в двух томах.

Как видите, я с своей стороны готов сделать все возможное, но не могу же я согласиться принять на себя совершенно неожиданные хлопоты и рискованные издержки по такому изданию, которое не имеет для меня лично особого интереса. Я надеюсь, что Вы не сможете не признать справедливыми вышеуказанные соображения мои. — Перехожу к вопросу о месте печатания 6го тома.

Когда я сообщил Вам о моем желании продолжать печатание 6го тома в моей типографии, я был вполне уверен, что Вы ничего не будете иметь против этого. — 11ое издание соч. Гоголя, напечатанное в Петербурге, в моей типографии, надеюсь, служит достаточным ручательством, что и 6ой том сможет быть отпечатан вполне безукоризненно. Что касается корректуры, то она будет исполняться в Москве избранными Вами корректорами. — Замечу здесь кстати, что на основании Вашего условия с В.В. Думновым я собственно не обязан платить отдельно за корректуру. — Впрочем, единственное соображение, которое Вы приводите в письме Вашем против моего предложения, состоит в том, что, вследствие необходимости пересылать корректурные листы в Москву и обратно, Вы потеряете 34 дня. Но соображение это я не могу признать фактически верным. Вы уже видели, как быстро шло в моей типографии печатание 11го издания соч. Гоголя. Через два-три дня, по получении материала для 6го тома, Вам могут быть высланы три-четыре листа, а затем непрерывно, ежедневно по два-три листа, так как, благодаря массе имеющегося в моей типографии шрифта, сразу может быть набрано листов 20 и не приходится дожидаться получения обратно и отпечатания корректурных листов. В этом отношении для Вас должно быть весьма желательным продолжение печатания 6го тома именно в моей типографии, если Вы желаете, чтобы издание 6го тома было возможно скоро закончено. А ведь в Москве печатание 6го тома идет до невозможности медленно. — Как видите, все эти вопросы, единственно имеющие значение для Вас, как редактора, разрешаются при моем предложении вполне удовлетворительно. Все прочее имеет значение в смысле экономии или удобств исключительно для меня, как издателя. — Я надеюсь, поэтому, что, обсудив беспристрастно все вышесказанное, Вы не откажетесь принять во внимание и мои интересы, тем более, что, как я полагаю, они нисколько не противоречат Вашим интересам. Но если бы Вы все-таки настаивали на Вашем желании, чтобы 6^й том печатался в Москве, я, конечно, откажусь от своего намерения, так как по условию нашему 6^й том должен печататься в Москве. — Вот все, что я спешил высказать Вам по двум главным вопросам Вашего последнего письма. Я надеюсь, что Вы обсудите беспристрастно мои соображения. При этом я покорнейше просил бы Вас подождать несколько оконча-

тельным решением этих вопросов до приезда В.В. Думнова в Москву, который состоится, как он сообщил, 1го Июля.

Что касается невозвращенной Вам г. Гиппиусом³ рукописи первого тома «Мертвых Душ» по Римской редакции⁴, то мне известно, что рукопись эта⁵ и даже набранный текст как «Мертвых Душ» по Римской редакции, так и некоторых мелких произведений Гоголя сохранились в Москве, и я надеюсь, что мне удастся скоро получить их⁶, что избавит Вас от необходимости новой работы над Римской редакцией первого тома «Мертвых Душ». Одновременно с сим высылаю Вам под заказною бандеролью пробный оттиск домиков Гоголя, который, надеюсь, найдете удовлетворительным. Оба фасада соединены вместе, и оттиск такого же формата, как и 6ой том 10го издания⁷.

Примите уверение в искреннем моем

уважении и преданности

А.Ф. Маркс

СПетербург

24 Июня 1893

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 42–43 об. (двойной лист, в большую четвертку, филигрань в виде монограммы издателя, на лицевом листе — экслибрис: штемпель фиолетовыми чернилами в виде монограммы с шахматным расположением белых и фиолетовых сегментов).

¹ Договор Тихонравова с Думновым от 30 мая 1888 г.; см.: II, пункт 1.

² В «Предуведомлении» к 10-му изданию Тихонравов «обещал» следующий состав 6-го тома: «В шестом томе предполагается поместить: 1) выдержки из записных книжек Гоголя, 2) все те цельные произведения, которые до сих пор оставались в рукописях (напр. “Учебная книга словесности”), 3) первоначальные редакции “Женитьбы”, “Ревизора”, первой части “Мертвых Душ” со всеми извлеченными из рукописей данными, объясняющими историю постепенной выработки этих произведений, 4) программы университетских лекций и наброски неоконченных произведений» (*Тих.* Т. I. С. XXII).

³ Гиппиус Эдуард Эдуардович — издатель журнала «Царь-Колокол», в приложении к которому Тихонравов в 1892 г. опубликовал несколько неизданных прежде текстов Гоголя — «Непогода», «Женихи», «Развязка Ревизора» и др. (*Гоголь Н.В. Сочинения*. Извлечены из рукописей академиком Н.С. Тихонравовым. Дополнительный том ко всем предшествующим изданиям сочинений Гоголя. Вып. 1. М., 1892 // «Библиотека для чтения». Бесплатное приложение к журналу «Царь-колокол». 1892. № 3. Март). «Извлечены» эти тексты были из тех гоголевских рукописей, которые выслал Н.В. Быков в Москву В.В. Думнову (после продажи наследниками издателю литературных прав на произведения Гоголя; соответствующий договор от 23 января 1886 г. см. выше: I) для подготовки издания «Сочинений Н.В. Гоголя» (см. подробно: *Падерина 2018*).

⁴ В том же 1892 г., что и вышеназванное издание, по-видимому, в следующем, т. е. втором, выпуске приложения к журналу, готовилась и публика-

ция черновой редакции поэмы. Редактор журнала «Царь-Колокол», К.Н. Цветков, писал Тихонравову 15 марта 1892 г.: «Что же касается Мертвых Душ, то типография едва ли успеет начать набор ранее праздника» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. Ед. хр. 41. Л. 3; подчеркнуто в автографе). При этом из двух сохранившихся писем Цветкова к публикатору (при архивации ошибочно квалифицированных как три) первое (на двух двойных листках), от 6 марта того года, целиком посвящено некоему недоразумению, повлекшему крайнее раздражение Тихонравова и оскорбленное недоумение редактора (там же, л. 1–2 об., 5–5 об.) и обещание выяснить все при встрече. С этим «недоразумением», судя по всему, связана первая фраза в письме Цветкова от 28 марта («После моих наставлений<?> переплетчик обещал доставить Вам экземпляр Гоголя во вторник, 17 марта» — там же, л. 3), которую, в свою очередь, разъясняет объяснение по этому поводу издателя журнала — Гиппиуса — в письме к тому же Тихонравову от 28 марта того года: «Тысячу раз извиняюсь, многоуважаемый Николай Савич, и искренне сожалению, что произошло это крайне для меня неприятное недоразумение. Надеюсь, что когда Вы прочитаете нижеследующие строки, Вы наверно меня поймете, а, следовательно, и простите. Я был в полной уверенности, что экземпляры уже у Вас. Любезное письмо Ваше вывело меня из этого приятного заблуждения. Я начал расследовать дело и в результате оказалось, что задержка произошла в типографии. Дело в том, что Ваши экземпляры отпечатаны на более толстой бумаге, вследствие чего обложка оказалась малой. Мне об этом не докладывали и экз. лежали в типографии. В настоящее время все приведено в порядок и в понедельник или во вторник экз. Вам будут доставлены. С совершеннейшим почтением Эд. Гиппиус» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 3. Ед. хр. 47. Л. 1). Из этого следует, что 1-й выпуск приложения к «Царь-Колоколу» (с публикацией ранее неизданных гоголевских текстов; см. выше) уже был сброшюрован ко времени работы Тихонравова с корректурными листами римской редакции «Мертвых душ». Однако последняя публикация не состоялась, несмотря на работу Тихонравова с корректурой (см. ниже примеч. 5); о причинах и обстоятельствах, обусловивших это, как и о том, кто принял такое решение — издатель или публикатор, на данный момент не известно.

⁵ Под «рукописью» имеется в виду список рукой Тихонравова.

⁶ «Набранный текст», т. е. корректурные листы «Царь-Колокола», действительно, сохранились и были получены Тихонравовым; среди тех, что хранятся в *ОР РГБ*, часть — с исправлениями (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. I. К. 396. Ед. хр. 7. Корректурные гранки «Мертвых душ» ч. 1 к изданию «Приложения» к журналу «Царь-Колокол». 40 л.); в другой папке (с разрозненными корректурными листами разных текстов) есть и подписанный им лист с набранным текстом поэмы — «Исправил и сверстал экземпляр 31 августа Н. Тихонравов» (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. I. К. 39а. Ед. хр. 2. Л. 47; «сверстал», судя по всему, относится к проверке и исправлению нарушений последовательности текста, а также разделения на полосы, не всегда выдержанного в наборе). Корректурные листы с текстом поэмы для приложения к «Царь-Колоколу» Маркс каким-то образом от Гиппиуса или Цветкова получил и выслал Тихонравову (см.: VII, № 22), а потом, когда редактором стал Шенрок, отдал ему для работы (см.: XI, № 2).

⁷ Два акварельных рисунка Гоголя с изображением переднего и заднего фасадов флигеля в усадьбе Гоголей в Васильевке воспроизведены на вклейке перед оглавлением в 7-м томе издания.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Весьма сожалею, что из-за последних переговоров произошла остановка в наборе 6-го тома, и поверьте, что мне менее всего желательно вызывать недоразумения или тормозить издание собранных Вами материалов.

Ваше заявление, что 6^й том разрастается и будет объемом в 50 печатных листов, и позднейшее предложение Ваше об издании, вместо одного 6го тома, двух томов поставили меня в весьма затруднительное положение¹.

Во-первых. В бытность мою в Москве, В.В. Думнов заявил мне, что возьмет большую часть печатаемых экземпляров 6го тома. Я лично могу рассчитывать на продажу весьма незначительного количества экземпляров 6-го тома. Все издание было, таким образом, рассчитано мною на распродажу его В.В. Думновым среди его клиентов, раскупивших первые пять томов 10го издания. В виду Вашего заявления о таком значительном увеличении материала, мне казалось необходимым прежде всего выяснить положительно, какое именно количество экземпляров В.В. Думнов обязуется принять у меня в твердый счет. К сожалению, мои переговоры с г. Думновым ни к чему не привели и он отказывается принять на себя какие-либо обязательства в этом отношении.

Во-вторых. В виду значительно увеличившегося объема собранных Вами материалов, с моей стороны было вполне естественно желание хоть сколько-нибудь уменьшить расходы на такое рискованное предприятие — перенесением печатания 6го тома в мою типографию². В.В. Думнов против этого ничего не имеет и даже рад освободиться от хлопот, но, к сожалению, я встретил в этом отношении неожиданное несогласие с Вашей стороны.

В-третьих. В «Предупреждении к 10^{му} изданию» Вами, между прочим, в пункте 3^м обещаны: «первоначальные редакции» первой части “Мертвых Душ” со всеми, извлеченными из рукописей, данными, объясняющими историю постепенной выработки этих произведений³. Эти первоначальные редакции «М.Д.» я считаю одною из капитальнейших вещей, имеющею войти, согласно Вашему обещанию, в 6^й том. Перенесение этих редакций в 7^й том, — который при неблагоприятных условиях может, согласно Вашему предложению, и не появиться, — должно, по-моему мнению, вызвать неудовольствие публики, которая в таких случаях обращается всегда со своими претензиями и нареканиями не к редактору, а к издателю.

* Так пропуск обозначен в оригинале.

Все эти вопросы нужно было выяснить. Но так как мои переговоры с Вами и В.В. Думновым не привели к желательному для меня и, надеюсь, справедливому результату, или — вернее — хотя^{*} они не привели к указанному результату, и все предприятие является теперь еще более рискованным и сопряженным с большими издержками, но желая закончить с этим изданием и избегнуть недоразумений, я все-таки согласен принять сделанное Вами в письме от 15 Июня с./г. предложение. — Печатание 6^{то} тома может продолжаться в Москве, в том объеме, какой указан Вами в письме от 10 Июля, т. е. чтобы в 6^м том были включены также: 1) Страницы, переделанные автором по выходе в свет первого тома «Мертвых Душ»; 2) Вновь найденные страницы из второй части «Мертвых Душ»; 3) Описание рукописей Гоголя с извлечением из оных всего неизданного и с приложением двух снимков (портрета Пушкина и домиков Гоголя). По напечатании 6^{то} тома я Вам уплачиваю условленные две тысячи рублей. — Гонорар за 7^м том Вы определили в 1200 рублей, считая 200 рублей в вознаграждение за новую работу, над Римскою редакциею «Мертвых Душ». Как я Вам уже писал, я надеюсь получить из Москвы Римскую редакцию «Мертвых душ», что избавит Вас от новой работы. Я согласен, таким образом, уплатить Вам за материал для 7^{то} тома тысячу рублей, согласно Вашему предложению, с тем чтобы материал этот высылался Вами в Петербург в указанные в этом же письме Вашем от 15 Июня сроки, т. е. $\frac{2}{3}$ всего материала — не позднее 15 Сентября, а остальной — к 1-му Октября с./г. — Позволю себе, при этом, надеяться, что в состав материала для 7^{то} тома войдут уже все, без исключения, известные Вам произведения Гоголя, варианты, наброски и т. д. —

Что касается платы корректорам, то я весьма сожалею, что Вы поняли мое мимоходом и без особого умысла сделанное замечание в том смысле, что будто «цель, ради которой были высланы эти 150 рублей», в настоящее время не имеется мною в виду. — По получении Вашего ответа на это мое письмо, я не замедлю вновь выслать Вам эти 150 рублей. —

Примите уверение в истинном моем
уважении и преданности
А.Ф. Маркс
С. Петербург
13 Июля 1893 г.

Печатается по автографу: ОР РГБ. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 11—12 об. (двойной лист, в большую четвертку, филигрань в виде монограммы издателя, на лицевом листе — экслибрис: штампель фиолетовыми чернилами в виде монограммы с шахматным расположением белых и фиолетовых сегментов).

^{*} Подчеркнуто в оригинале.

¹ Думнов, вместе с литературными правами на издание сочинений Гоголя, передал Марксу и условия своего договора с Тихонравовым (см.: II), в пункте 1 которого оговаривается количество томов (шесть) и объем т. 6 — в 20 п. л., а в пункте 7 оговаривается возможность превышения общего объема издания не более чем на 6 п. л., причем превышение объема последнего из томов вообще не будет оплачено. Маркс, в свою очередь, в том же договоре взял на себя обязательство только в отношении т. 6 в указанном выше объеме (см.: V), при этом соответствующее «соглашение» было подписано самим Тихонравовым (см.: VI).

² О преимуществах и выгоде печати в своей типографии в Петербурге (Средняя Подъячская, д. 1) Маркс уже писал Тихонравову (см.: VII, № 19); о технологическом оснащении и обновлении типографии Маркса см.: *Диннерштейн*. С. 83–85; Тихонравова, судя по всему, смущала перспектива пересылки корректурных листов из Петербурга в Москву и обратно (см.: VII, № 20).

³ См.: *Тих.* Т. 1. С. XXII.

22

18 Августа 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Тотчас, по получении Вашего письма, я поручил конторе Н.Н. Печковской¹ выдать Вам 500 рублей в счет гонорара за 6^й том и 150 рублей для корректоров. Деньги эти, как меня уведомили, Вам уже доставлены. —

На Ваши «предположения» в последнем письме Вашем от 3го Августа изыявляю полное согласие. Кроме «новых набросков к первому тому “Мертвых Душ”», «нового отрывка из второго тома» и «описания рукописей Гоголя» согласен на перенесение из 6го тома в 7ой также портрета Пушкина и домиков Гоголя, а к 6^{му} тому приложить предлагаемый Вами портрет Гоголя². Исполнение этого портрета я согласен поручить Художнику Фишеру³, по две коп. за экземпляр на его бумаге. —

Следуемый Вам еще за 6 том гонорар в размере 1.500 рублей уплачу Вам немедленно по отпечатании 6го тома. Пересылку корректуры 7го тома принимаю на свой счет. —

Что касается срока доставления оригинала 7го тома, то Вы ставите это в зависимость от времени получения Вами оригинала Римской редакции⁴. Оригинал этот я уже получил и препровождаю его Вам одновременно с сим. Рукопись Ваша не сохранилась целиком, но недостающая часть имеется набранной, так что препровождаемые Вам рукопись и набор⁵ заключают в себе всю Римскую редакцию «М.Д.» — Я вполне согласен с Вашим замечанием, что 6 и 7 томы следует продавать не отдельно, а вместе. Для этой цели мне и хотелось бы поспешить изданием 7го тома и еще до отпечатания 6го

тома, по возможности в самом непродолжительном времени, приступить к печатанию 7го тома в моей типографии. Вы лично также выражали мне, в письмах Ваших, желание поскорее кончить 10^е издание. В виду того, что Римская редакция через два-три дня будет в Вашем распоряжении, я надеюсь, что Вы найдете возможность ускорить доставление оригинала 7го тома, и я просил бы Вас сообщить мне точно, какой срок Вы назначаете. Мне это необходимо знать для правильного распределения хода работ в моей типографии. —

Относительно акварелей К.В. Лебедева, как я Вам уже писал, вышло недоразумение⁶. На днях едет в Москву мой знакомый, которого я и просил лично поговорить с К.В. Лебедевым и разъяснить недоразумение. К.В. Лебедев определил за эти акварели довольно значительную сумму гонорара, и в виду того, что недоразумение еще не разъяснилось, я не могу пока свободно располагать ими. —

В заключение обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. Мне было бы весьма желательно поместить в журнале «Нива» Ваш портрет⁷. У меня имеется очень хорошо исполненная фотографическая карточка Ваша, и я просил бы Вас не отказать доставить мне данные для краткого биографического очерка, который желаю поместить в «Ниве» вместе с портретом Вашим.

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 5–6 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, так что окончание на л. 5 об.).

¹ О конторе Н.Н. Печковской см. выше (VII, № 18, примеч. 1).

² См. об этом: VII, № 12, примеч. 5.

³ Фишер Карл Андреевич (1850 — после 1924) — фотохудожник, владелец мастерской художественной фотографии (выполнявшей также заказы по фототипии, фотолиграфии и фотоцинкографии) на Кузнецком мосту (д. 11; *Вся Москва... на 1897*. Общая часть. Стб. 617, 827); в торгово-промышленном справочнике по Москве сам представлен как «фотограф Императорских театров и Университета» и соответственно названа его фирма («Фотография и фототипия Императорских театров и Университета» — Торгово-промышленная адресная книга города Москвы. М., 1894. Стб. 783, 824, 825, 827). Действительно, многие сохранившиеся фотопортреты известных актеров и актрис (М.Н. Ермолова, Южин, П.Д. Ленский и др.) 1890-х и 1900-х годов выполнены К. Фишером; кроме того известны его фотопортреты художников и писателей; часть из них, как минимум, была издана Фишером в виде открыток. Издавал он и фотоальбомы по театральным спектаклям («Власть тьмы» Л.Н. Толстого на сцене Московского Художественного Театра. М.: Изд. К. Фишер, 1903; 63 фототипии; о др. изданиях, по постановкам в МХТ пьес А.Н. Островского, И.С. Тургенева, А.К. Толстого и др. см.: Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898–1938. М., 1938. С. 751–752). Впоследствии

Фишер выпустил альбом выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея 21 февраля – 12 апреля 1902 г. (Выставка в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. 1852–1902. Исполнено и издано худож. фототипией К.А. Фишер. М., 1902).

⁴ Маркс имеет в виду не гоголевский автограф, а собственноручно подготовленный Тихонравовым список «римской редакции» поэмы (о недоразумении с этой рукописью см. в черновых письмах Тихонравова к Марксу и в письме последнего № 20).

⁵ Под «набором» Маркс имеет в виду корректурные листы с текстом этой редакции «Мертвых душ», отпечатанные в типографии «Царь-Колокола» для публикации в «Бесплатном приложении» к журналу (см.: VII, № 20, примеч. 5). Впоследствии Маркс передаст прочитанные Тихонравовым корректурные листы с текстом поэмы Шенроку (см.: XI, № 2).

⁶ Об акварелях Лебедева см.: VII, № 1, примеч. 4, 5; о недоразумении: VII, № 18.

⁷ Фотопортрет Н.С. Тихонравова, который появился в «Ниве» уже вместе с некрологом (Нива. 1893. № 50. С. 1153), был сделан К.А. Фишером (см. выше); некролог с кратким изложением биографических этапов подписан Н. Афанасьевым (там же, с. 1153–1154).

23

2 Сентября 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Через моего знакомого, приехавшего из Москвы, я получил от К.В. Лебедева¹ новую акварель, представляющую собою копию с портрета Гоголя, написанного Ивановым. Акварель эту высылаю Вам одновременно с сим, под заказною бандеролью. —

На картоне нарисован только портрет Гоголя, а на приклеенной к картону шелковой бумаге сделаны карандашом наброски с других рисунков оригинала. Если Вы находите эту акварель удовлетворительной, то прошу Вас одобрить ее и прислать мне обратно. В противном случае я Вам буду очень благодарен, если Вы потрудитесь снести лично с К.В. Лебедевым. —

Полученные Вами раньше две акварели К.В. Лебедева я вынужден просить Вас прислать мне обратно². Ваши с ним переговоры относительно происшедшего недоразумения³ еще не окончились. Я, вероятно, возвращу ему эти акварели, за которые он требует 125 рублей. При высылке мне этих акварелей, а также вновь посылаемой Вам, будьте любезны, во избежание повреждения в дороге, велите вложить их между двух папок. —

Примите уверение в искреннем
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Адрес К.В. Лебедева: Мясницкая, Школа живописи и ваяния.

Р.С. Насколько я припоминаю, оригинал рисунка Иванова, который Вы мне показывали в Румянцевском Музее, новая акварель г. Лебедева, как кажется, опять-таки не есть копия с этого именно оригинала.

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 7 об. — 8 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован так, что л. 7, 8 об. — чистые).

¹ О К.В. Лебедеве см.: VII, № 1, примеч. 4.

² См. о высылке этих акварелей: VII, № 18.

³ Лебедев по «недоразумению» скопировал не тот портрет работы А.А. Иванова; см. об этом: VII, № 18, а также в постскриптуме Маркса к настоящему письму.

24

25 Сентября 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Весьма удивляюсь, что до сих пор не получил от Вас никакого ответа на мои последние два письма от 18 августа и 2 сентября. Одновременно с письмом от 18 августа я выслал Вам, под заказною бандеролью, Римскую редакцию «Мертвых Душ» и, не получая от Вас ответа, опасаясь, что она не была Вам доставлена почтою. Не знаю также, получили ли Вы новую копию К.В. Лебедева с портрета Гоголя, которую выслал Вам 2го Сентября. Покорнейше прошу Вас, поэтому, сообщить мне, получены ли Вами эти две бандероли, и отвечать на мои последние два письма. В письме от 18 августа, изъявляя мое полное согласие на Ваши предложения от 3-го августа, я выразил желание поспешить изданием 7-го тома 10-го издания и приступить к печатанию его в моей типографии еще до отпечатания 6-го тома в Москве, для того, чтобы оба тома вышли в свет одновременно. С этою целью я просил Вас ускорить срок доставления мне материала для 7го тома. — Согласно письма Вашего от 16 июня, Вы считали возможным доставить мне $\frac{2}{3}$ этого материала не позднее 15 сентября, а остальное к 1 октября. Если Вы получили Римскую редакцию «М.Д.», которую я выслал Вам заблаговременно, то надеюсь, что материал 7го тома уже готов, и покорнейше прошу Вас поспешить высылкою. В заключение обращаюсь к Вам еще с просьбою насчет будущего 12 издания сочинений Гоголя.

Приступить к 12 изданию теперь, конечно, еще не приходится, так как у меня еще осталось значительное количество экземпляров 11го издания. Но дело в том, что с 11-го издания у меня сделаны стереотипы¹, с которых в будущем и будет печататься 12-е изда-

ние². Если Вы считаете нужным, чтобы в 12ом издании были сделаны какие-нибудь небольшие изменения сравнительно с 11^м, то для меня весьма желательно эти изменения иметь уже теперь и заготовить, где окажется нужным, новые набор и матрицы. К этому я хотел бы приступить уже теперь, чтобы можно было не торопясь подготавливать все к будущему 12^{му} изданию.

Я был бы Вам, поэтому, весьма благодарен, если бы Вы мне прислали по возможности скоро те изменения, которые Вы быть можете, считаете необходимым сделать в 12^м издании соч. Гоголя.

В ожидании Вашего ответа остаюсь
с истинным уважением и преданностью
Вашим покорнейшим слугою
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 3–4 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже).

¹ Стереотипы — уже исправленный по корректуре дубликат типографского набора для повторной печати.

² 12-е издание в реальности не стало стереотипным по отношению к 11-му.

25

14 октября 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Ваше письмо, материал для 7го тома и акварели К.В. Лебедева получил. Весьма сочувствую Вам в постигшей Вас беде — пропаже двух тетрадей редакции «Мертвых Душ»¹. Я совершенно согласен с Вами, что вследствие этого могла бы произойти задержка при печатании 7го тома, особенно в виду необходимости Высочайшего соизволения на высылку Вам из Императорской Публичной Библиотеки оригинальной рукописи Гоголя². Во избежание такой неприятной задержки во время печатания, я решил не приступать к печатанию 7го тома до тех пор, пока оригинал 7го тома не будет вполне готов. — На основании Ваших писем, в состав 7го тома должны, кажется, войти:

1) Отрывки из первой редакции 1го тома «М.Д.», по тексту, читанному Пушкину³.

2) Отрывки из второй редакции того же тома.

3) Полная Римская редакция 1го тома «М.Д.»

4) Страницы, переделанные автором по выходе в свет 1го тома «М.Д.»

5) Размышления автора о некоторых героях 1го тома «М.Д.»

6) Вновь найденные страницы из 2^й ч. «М.Д.»⁴

7) Новые наброски к 1^{му} тому «М.Д.»

8) Примечания Редактора, в которых излагается история текста «М.Д.»⁵

9) Описание рукописей Гоголя с извлечением из оных всего не-изданного и с приложением двух снимков⁶ (портрета Пушкина и домиков Гоголя).

10) Указатели хронологический, предметный и собственных имен к семи томам «Сочинений Гоголя»⁷.

Покорнейше прошу Вас сообщить мне, таковым ли будет состав 7го тома (или Вы перенесли что-нибудь из 7го тома в 6^й т., или наоборот — из 6го тома в 7ой), а также, что именно из вышепоименованного заключается в уже полученных мною рукописях.

Одновременно с сим возвращаю Вам ценную посылкою: 1) Письмо Гоголя к Щепкину, с которого снят автограф, 2) Оригинал домиков Гоголя, а также посылаю Вам два экземпляра издания «Первоначальный сценический текст Ревизора»⁹.

С истинным уважением

и преданностью

А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 1 об. — 2 об. (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; сложен и пагинирован так, что л. 1 — чистый).

¹ См. об этом ниже, в черновиках письма Н.С. Тихонравова А.Ф. Марксу: VIII, № 2.

² Получение высочайшего разрешения требовало длительного времени, поскольку директор архива должен был вначале обращаться за ходатайством к министру народного просвещения, который, в свою очередь, докладывал государю, и затем разрешение направлялось по тем же официальным ступеням в архив. См., в частности, о долгом ожидании рукописи «Мертвых душ» в письме А.Ф. Бычкова от 24 октября 1893 г.: IV, № 5.

³ Первая из сохранившихся редакций «Мертвых душ» дошла в отрывках, впервые опубликованных Е.С. Некрасовой (Русская Старина. 1885. Октябрь. С. 167–205; Декабрь. С. 586–590); в 7-м томе 10 издания напечатана под названием «Сохранившиеся отрывки из первоначальной редакции “Мертвых душ”» (*Тих.* Т. 7. С. 372–434, 752–776); описание автографов см.: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 7. Кн. 2. С. 301–302. Рукописей, по которой Гоголь мог читать поэму Пушкину, не сохранилось (см. там же, с. 350–353).

⁴ Напечатано в 7-м томе (*Тих.* Т. 7. С. 446–451), описано В.И. Шенроком как «новый отрывок из 2-й части “Мертвых Душ”» со ссылкой на хранение в *МПшРМ* (*Тих.* Т. 7. 900).

⁵ Общая история текста «Мертвых душ» описана Тихонравовым в т. 3; здесь речь идет, по-видимому, о примечаниях к вышеперечисленным текстам; в бумагах Тихонравова, переданных опекунами над его наследством Шенроку (см.: IX) и хранящихся в *ОР РГБ*, такие комментарии не выявлены, вероятно, Шенрок писал их заново.

⁶ Воспроизведены в: *Тих.* Т. 7 (на вклейке перед «Оглавлением»).

⁷ Указатели вошли в 7-й том, они были составлены В.И. Шенроком.

⁸ См.: VIII, № 2, пункт 3.

⁹ Имеется в виду издание Думнова: Ревизор. Комедия в пяти действиях. первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Н. Тихонравовым. М.: Наследники братьев Салаевых, 1886 (см. о нем в наст. изд.: III, № 2), нераспроданная часть тиража которого перешла к Марксу по его договору с Думновым.

26

10 Ноября 1893 г.

Милостивый Государь,
Николай Саввич!

Спешу известить Вас, что присланная Вами часть оригинала 7го тома 10го издания сочинений Гоголя уже сдана мною в типографию для набора. По мере того, как оригинал будет набираться, буду высылать Ваши корректурные листы.

Просматривая присланный Вами оригинал 7го тома, прежде чем сдать его в типографию, я заметил, что в нем не достает 15^{ти} страниц, а именно нет страницы 129 до 144 по изданию Гиппиуса¹ или по нумерации Вашей рукописи от страницы 397 до 412ой. — Не знаю, произошло ли по недосмотру или Вам это известно. Покорнейше прошу Вас сообщить мне, как поступить относительно этих недостающих 15^{ти} страницы при наборе. —

Примите уверение в истинном
моем уважении и преданности
А.Ф. Маркс

Печатается по автографу: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 5. Ед. хр. 45. Л. 9 об. — 10 (двойной лист фирменного почтового бланка журнала «Нива» в 8°, верже; лист сложен и пагинирован в обратном порядке, л. 9 — чистый).

¹ Э.Э. Гиппиус — издатель журнала «Царь-Колокол»; под «изданием Гиппиуса» Маркс имеет в виду корректурные листы «Бесплатного приложения» к «Царь-Колоколу», где должен был быть опубликован подготовленный Тихонравовым текст «римской редакции» «Мертвых душ», но издание не вышло из печати, и Маркс получил от издателя и рукопись Тихонравова, и все напечатанные материалы (см. об этом: VII, № 20, примеч. 4, 5; см. также: VIII, № 2).

VIII. Черновые редакции письма Н.С. Тихонравова к А.Ф. Марксу (1893)

1

<конец сентября 1893 г.>

Милостивый государь,
Адольф Федорович!

Я запоздал с ответом на письмо Ваше от 18 августа¹, потому что мне необходимо было заручиться точными сведениями, чтобы

дать Вам категорические ответы на Ваши вопросы. Теперь такие сведения у меня есть.

1) Текст 6го тома будет отпечатан (кроме примечаний^{*}) к 1 октября, примечания к 1 декабря.

2) Оригинал 7го тома, без примечаний, будет Вам послан не позднее 1го октября. Должен Вам сообщить, что варианты и примечания составляются только по сверстанной корректуре.

3) Последний портрет Гоголя, сделанный Лебедевым², хорош. Его следует приложить к 7^{му} тому.

4) Фототипия с карандашного портрета Гоголя заказана Фишеру³ и пробный оттиск оной я пришлю Вам дней через десять вместе с тремя портретами, сделанными Лебедевым. Впрочем последние могу выслать и раньше, если Вы пожелаете.

Теперь вопросы к Вам:

1) Сколько экземпляров будете печатать 7го тома. Это мне нужно знать для заказа Фишеру.

2) Имеется ли в Вашей типографии те три шрифта, которыми напечатано десятое издание?⁴ (Первый шрифт для текста, второй для примечаний, третий для вариантов).

Печатается по: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 1. Ед. хр. 9. Письма Н.С. Тихонравова к А.Ф. Марксу. Л. 1–1 об. Черновой автограф, без окончания и без даты. В этом и в следующем (№ 2) черновике повторяется с вариациями одна и та же информация (ответ по пунктам на «запросы» Маркса), исходя из чего можно уверенно говорить о том, что перед нами два черновика одного и того же письма. Они, однако, написаны с разницей во времени, и письмо № 2, в котором обещанные даты высылки материалов смещены (см. ниже), явно писалось позднее. В этом, первом черновом варианте Тихонравов указывает на задержку своего ответа на письмо Маркса от 18 августа, в то же время обещает завершить печатание части 6-го тома и подготовку рукописи 7-го тома — к 1 октября, поэтому мы датируем письмо № 1 — сентябрем. В то же время 2 сентября Маркс выслал Тихонравову сделанную Лебедевым копию гоголевского портрета, а 25 сентября все еще не получил сообщений из Москвы по этому поводу (см.: VII, № 24), следовательно, печатаемый черновик был набросан в конце месяца.

¹ См.: VII, № 22.

² Лебедев Клавдий Васильевич — художник, которому Маркс заказал копию с эскиза А.А. Иванова (см. о нем: VII, № 1, примеч. 4, 5).

³ О К.А. Фишере см.: VII, № 22, примеч. 3.

⁴ Примечания набраны в 10-м издании шрифтом цигеро, варианты — пеститом (см. комм. к письму: VII, № 19).

* Подчеркнуто — здесь и далее в этом автографе — Тихонравовым.

Милостивый государь,
Адольф Федорович!

Я до сих пор не отвечал Вам, потому что в конце августа меня постигла большая беда: при переделке моей квартиры у меня украли две последние тетради той редакции «Мертвых душ», которою должен начаться седьмой том «Сочинений Гоголя»¹. Сначала я предполагал, что эти тетради куда-нибудь девались, или остались у переписывавшего их моего письмоводителя и только теперь убедился, что они украдены. Восстановить их можно, только испросивши оригинал у Императорской Публичной Библиотеки, о чем уже и послана мною просьба²; но для такой высылки необходимо Высочайшее соизволение. Стало быть, при печатании^{*} этих листов может произойти задержка.

Теперь отвечаю на Ваши запросы.

1) Оригинал 7го тома будет Вам выслан не позднее 15 октября, но без «примечаний и вариантов»; те и другие переписывания на <осно>вании только сверстанных листов.

2) печатание 6го тома надеюсь кончить к 1 декабря.

3) Принадлежащие Вам портреты Гоголя, сделанные Лебедевым, возвращу Вам немедленно по получении от Вас: а) литографированного портрета Гоголя, с которого, портрета, сделана гравированная копия Брокгаузом, приложенная к 1^{му} тому 11го издания; б) оригинала двух домиков акварелью и с) одного письма Гоголя к Щепкину: с этого письма снят автограф Гоголя. Последние два документа принадлежат не мне; возвращения оных могут потребовать от меня во всякое время³.

4) Снятый Лебедевым портрет с наброска Иванова оказался, при сравнении с подлинником, очень хорошим. По моему мнению, его следует приложить к 7 тому рядом с снимком набросанного Гоголем портрета Пушкина⁴.

5) Художнику Фишеру⁵ заказан, с Вашего разрешения, фототипический снимок с карандашного портрета Гоголя⁶ в количестве 3600 экземпляров. Первые оттиски будут присланы на Ваше одобрение.

Что касается до помещения моего портрета в «Ниве», то об этом я сообщу свое мнение в следующем письме: ни^{**}

Печатается по: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 1. Ед. хр. 9. Письма Н.С. Тихонравова к А.Ф. Марксу. Л. 3–3 об. Черновой автограф, без окончания и без даты;

^{*} Подчеркнуто — здесь и далее в этом автографе — Тихонравовым.

^{**} На этом запись в черновике обрывается.

более поздняя редакция письма № 1. Предположительно датируется концом сентября — началом октября на том основании, что переписанное набело письмо успело дойти до Петербурга не позднее 14 октября, когда Маркс написал ответ (см.: VII, № 25), в котором упомянул и неприятность с тихонравовской копией петербургской рукописи «Мертвых душ».

¹ Т. е. «две последние тетради» подготовленной Тихонравовым копии «римской редакции» «Мертвых душ» (по оригиналу, который высылался для этого в Москву из Императорской Публичной библиотеки). Полученная Марксом не позднее 10 ноября 1893 г. рукопись 7-го тома начиналась этим текстом (см.: VII, № 26), им же открывается и вышедший из печати в 1896 г. 7-й том.

² Ответ А.Ф. Бычкова см.: IV, № 5.

³ Письма Гоголя к М.С. Щепкину, опубликованные Тихонравовым еще в 1886 г. (*Тихонравов Н.С.* Николай Васильевич Гоголь в его письмах к М.С. Щепкину // *Русская старина*. 1886. Кн. 10. С. 129–148), ему предоставил М.В. Лентовский (там же, с. 129), воспитанник актера, живший в 1860-е годы в его доме.

⁴ В 7-м томе выполненная Лебедевым копия с наброска Иванова не напечатана.

⁵ К.А. Фишер — фотохудожник (см. о нем: VII, № 22, примеч. 3; VIII, № 1).

⁶ Вероятно, «карандашным портретом Гоголя» Маркс назвал упомянутую им в пункте 4 копию Лебедева с наброска А.А. Иванова; во всяком случае в юбилейном «Гоголевском сборнике» 1902 г. среди экспонатов выставки упомянута увеличенная фототипия К. Фишера с портрета Гоголя работы А.А. Иванова — «с оригинала Румянцевского музея (2-й портрет)» (Гоголевский сборник. Киев., 1902. С. 431), т. е. с эскиза, который Тихонравов показывал Марксу в музее (см.: VII, № 18).

IX. Договоры между А.Ф. Марксом и опекунами наследства Н.С. Тихонравова С.О. Долговым и Е.И. Соколовым (1895)

1

Договор между Е.И. Соколовым, С.О. Долговым и А.Ф. Марксом
о передаче литературных прав на использование
напечатанной части 6 тома и рукописных материалов
Н.С. Тихонравова к тому

Тысяча восемьсот девяносто пятого года Января 3 дня. Мы нижеподписавшиеся опекуны над имуществом умершего Действительного Статского Советника Николая Саввича Тихонравова Титулярный Советник Егор Иванович Соколов и Коллежский Ассесор Семен Осипович Долгов¹ и Потомственный Почетный Гражданин Адольф Федорович Маркс заключили сей договор в том, что мы, опекуны, представляем г-ну Маркс<у> окончательное попечение шестого тома сочинений Гоголя, коего до смерти Николая Савича Тихонравова напечатано двадцать листов (триста двадцать страниц), под редакцией Статского Советника Владимира Ивановича

Шенрок<а>, по плану, составленному г. Тихонравовым², причем мы, Долгов и Соколов, предоставили г. Шенрок<у>, согласно его договору с г-м Маркс<ом> от сего Января явленном в конторе Московского Нотариуса Эггерса³ по реестру №* воспользоваться для окончания печатания шестого тома как вышеозначенным планом издания, составленным Тихонравовым, так и имеющимся рукописным материалом, как обработанным, так и неокончательно обработанным последним, с тем, чтобы на заглавном листе издания шестого тома «Сочинений Гоголя» было обозначено, что оно вышло под редакциею Николая Савича Тихонравова и Владимира Ивановича Шенрок<а> и в предисловии к шестому тому было с точностью объяснено, какие части в составе шестого тома напечатаны под исключительной редакцией Тихонравова, какие по его необработанным материалам под редакциею Шенрок<а> и какие исключительно по редакции последнего. За вышеуказанную передачу прав г-ну Маркс<у>, мы, опекуны над имуществом умершего г. Тихонравова за уплатою 5 Августа 1893 года шестисот пятидесяти руб. сер. получаем в настоящее время тысячу триста пятьдесят рублей в окончательный расчет. За сим мы, опекуны Долгов и Соколов, с одной стороны, и м. Печковская⁴ по доверенности Маркс<а> с другой стороны, все расчеты и взаимные требования по сему договору считаем навсегда оконченными и не подлежащими никаким спорам и искам. Опекуны Надворный Советник Семен Осипович Долгов. Коллежский Ассесор Егор Иванович Соколов. По доверенности А.Ф. Маркса дочь генерала Майора Наталья Николаевна Печковская. Деньги по сему договору сполна получены. Егор Соколов, Семен Долгов.

Печатается по: *РГАЛИ*. Ф. 139. Ед. хр. 21. Л. 3–4. Договор написан рукой писаря на «актовой» бумаге, собственноручно подписан С.О. Долговым, Е.И. Соколовым и Н.Н. Печковской (по доверенности, «явленной у СПетербургского нотариуса Андреева 21 декабря 1894 года за № 6098») и заверен московским нотариусом В.К. Эггерсом.

¹ Секретарь, составлявший текст договора, перепутал звания опекунов и помимо этого в одном случае ошибся: Е.И. Соколов во время подписания договора был коллежским ассесором, а С.О. Долгов (1857–1925) — надворным советником (в завершающем договор сегменте чины указаны верно); оба были учениками Н.С. Тихонравова в Московском университете, а Долгов — сотрудником *МПуРМ* (с 1883 г. — хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных изданий), куда была передана на хранение коллекция редких изданий, рукописей и бумаг (включая материалы подготовки 10-го издания Гоголя), позднее Музеями приобретенная. См. о них также во вступительной статье (с. 265 наст. изд.).

² Сохранилось три недатированных варианта плана 6-го тома: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. I. К. 35. Ед. хр. 6. Л. 65–65 об., л. 68–71; К. 38. Ед. хр. 2. Л. 1–1 об.;

* Далее в документе оставлено место.

сп. последний: *Шенрок В.* Письмо в редакцию // Русское Обозрение. 1896. Т. 41. № 9. С. 472–473.

³ Эггерс Виктор Карлович — московский нотариус.

⁴ Наталья Николаевна Печковская, владелица московской конторы по распространению книг и журналов (см. о ней: VII, № 18., примеч. 1); выступала доверителем А.Ф. Маркса при подписании официальных договоров в Москве (см. также ниже: договор № 2).

2

Договор между Е.И. Соколовым, С.О. Долговым и А.Ф. Марксом о передаче литературных прав на использование напечатанной части 7 тома и рукописных материалов Н.С. Тихонравова к тому

Тысяча восемьсот девяносто пятого года Января третьего дня, мы нижеподписавшиеся: опекуны над имуществом умершего Действительного Статского Советника Николая Саввича Тихонравова Титулярный Советник Егор Иванович Соколов и Коллежский Ассессор Семен Осипович Долгов¹ и Потомственный Почетный Гражданин Адольф Федорович Маркс заключили сей договор в следующем: мы, опекуны, Долгов и Соколов, на окончательное удовлетворение умершего Тихонравова, по его соглашению, необлеченному в письменный договор с ним², и Маркс, относительно редакции и примечаний к седьмому тому сочинений Н.В. Гоголя сверх шести томов по договору тридцатого мая тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года по реестру нотариуса Боборыкина³ № Две тысячи четырнадцатый, за вознаграждение в размере одной тысячи рублей, получили от г. Маркс<а> пятьсот рублей и предоставили Статскому Советнику Владимиру Ивановичу Шенрок<у>, согласно сему договору с Маркс<ом>, совершенного в конторе нотариуса Эггерса⁴ 3 января Тысяча восемьсот девяносто пятого года за № 20 по реестру, воспользоваться окончательно обработанными Тихонравовым текстами трех редакций «Мертвых душ», а также всеми остальными неокончательно обработанными материалами, приготовленными Тихонравовым для издания седьмого тома, а равно и планом этого тома⁵, составленным Тихонравовым, с тем, чтобы на заглавном листе седьмого тома Соч. Н.В. Гоголя было обозначено, что оно вышло под редакцией его, Н.С. Тихонравова, и В.И. Шенрока, и в предисловии к шестому тому было с точностью объяснено, какие части в составе шестого тома напечатаны под исключительной редакцией Тихонравова, какие по его необработанным материалам, под редакцией Шенрок<а>, и какие исключительно под редакцией последнего. За сим мы, опекуны, Долгов и Соколов, и Маркс, все расчеты и взаимные требования по принятому Тихонравовым поручению Маркс<а> относительно редактирования седьмого тома сочинений

Гоголя с составлением примечаний считаем навсегда оконченными и возникшие из сего отношения не подлежащими никаким спорам и искам. Подлинный договор — Маркс<у>, а копии опекунам. Опекуны Надворный Советник Семен Осипович Долгов. Коллежский Ассесор Егор Иванович Соколов. По доверенности А.Ф. Маркса дочь генерала Майора Наталья Николаевна Печковская.

Печатается по: *РГАЛИ*. Ф. 139. Ед. хр. 21. Л. 5–6. Договор написан рукой писаря на «актовой» бумаге, собственноручно подписан С.О. Долговым, Е.И. Соколовым и Н.Н. Печковской (по доверенности) и заверен московским нотариусом В.К. Эггерсом.

¹ Об опекунах и перепутанных писарем званиях см. выше: IX, № 1, примеч. 1; судя по всему, секретарь нотариуса начальную часть того и другого документа оформлял с одной заготовки, изменив только ту часть, которая относится к конкретному тому.

² Обсуждение этого вопроса нашло отражение в письмах Маркса к Тихонравову (VII, № 21–25), а также в черновиках письма Тихонравова к Марксу (VIII, № 1–2).

³ Боборыкин Михаил Владимирович — московский нотариус.

⁴ Эггерс Виктор Карлович — московский нотариус.

⁵ О плане Тихонравова по составу 7-го тома издания см. в письме к нему Маркса от 14 октября 1893 г. (VII, № 25); а также в ответе В. Шенрока рецензентам (см.: IX, № 1, примеч. 2).

Х. Договор между В.И. Шенроком и Н.Н. Печковской (по доверенности А.Ф. Маркса) (1895)

1895 года Января 3 дня мы нижеподписавшиеся: Статский Советник Владимир Иванович Шенрок и по доверенности Потомственного Почетного Гражданина Адольфа Федоровича Маркс<а>, владелица конторы Объявлений в Москве, дочь Генерал-Майора Наталья Николаевна Печковская заключили между собой настоящее условие в нижеследующем:

1) Я, Шенрок, принимаю на себя редакцию шестого и седьмого томов десятого издания сочинений Н.В. Гоголя, издание которого начато было под редакциею заслуженного профессора Московского университета Действительного Статского Советника Николая Савича Тихонравова и последним, за смертью, не было окончено. При этом я, Шенрок, обязуюсь приготовить шестой и седьмой томы сочинений Гоголя к выпуску в свет по плану и программе, выработанным Тихонравовым. Программа прилагается к сему условию¹ и подписана нами, Шенрок<ом> и Печковской.

2) Отпечатанные уже по редакции Тихонравова двадцать листов шестого тома остаются без изменений. Затем как для окончания шестого тома, так и для всего седьмого тома, Шенрок пользуется

всем собранным Тихонравовым для шестого и седьмого томов материалом, причем вносит в издание все то, что вполне обработано Н.С. Тихонравовым, а недостающее дополняет и prepares программу.

3) Для указанной в пункте втором цели, Шенрок пользуется рукописями Тихонравова, согласно сделке, заключенной между Маркс^{<ом>} и опекунами над имуществом Тихонравова, Долговым и Соколовым, у Московского нотариуса Эггерс^{<а>} сего 3 января за № 18 и 19.

4) На заглавных листах шестого и седьмого томов десятого издания сочинений Гоголя, будет означено, что они изданы под редакцией Н.С. Тихонравова и Шенрок^{<а>}, а в предисловии к обоим томам мною, Шенрок^{<ом>}, будет объяснено, какие части в составе этих томов напечатаны под исключительной редакцией Тихонравова, какие по его необработанным материалам под моею, Шенрок^{<а>}, редакцией, и какие исключительно под моей редакцией.

5) Держать корректуру шестого и седьмого томов, а именно: последнюю корректуру в гранках и редакционную в листах, — должен я, Шенрок, и обязуюсь приготовить оба тома к выпуску в продажу в непродолжительном времени и никак не позже, как через два года со дня подписания сего условия.

6) Все, что войдет в шестой и седьмой томы сочинений Гоголя, насколько оно принадлежит мне, Шенрок^{<у>}, переходит в полную литературную собственность Маркс^{<а>}, причем, если при дальнейших изданиях Маркс поручит мне, Шенрок^{<у>}, корректуру, то плата за корректуру определяется каждый раз по взаимному соглашению.

7) За редакцию шестого и седьмого томов сочинений Н.В. Гоголя, примечания к ним и за все принятые на себя Г^м Шенрок^{<ом>} в вышеизложенных пунктах обязательства, Маркс обязуется уплатить Г^{ну} Шенрок^{<у>} две тысячи рублей в следующие сроки: тысячу рублей по отпечатании шестого тома и тысячу рублей по отпечатании седьмого тома.

8) По отпечатании шестого и седьмого томов, Маркс обязуется выдать Г^{ну} Шенрок^{<у>} бесплатно шестнадцать экземпляров обоих томов для раздачи разным лицам по его, Шенрок^{<а>}, усмотрению и, кроме того, четырнадцать экземпляров обоих томов, которые должны быть разосланы, по соглашению между Маркс^{<ом>} и Шенрок^{<ом>}, редакциям и лицам для отзыва об издании.

9) Седьмой том будет печататься в типографии Маркс^{<а>}, в СПбурбурге, а конец шестого тома, по усмотрению Маркс^{<а>}, в его типографии в СПбурбурге или в типографии «Лисснер и Роман» в Москве, причем Маркс принимает на себя почтовые расходы по пересылке из Петербурга в Москву и обратно корректурных листов.

10) Условие это хранить и исполнять свято и ненарушимо Г^{ами} Шенрок<ом> и Маркс<ом>, их наследниками и преемниками; подлиннику быть у Маркс<а>, а копии у Шенрок<а>.

По доверенности Потомственного Почетного Гражданина Адольфа Федоровича Маркс<а> дочь Генерал-Майора Наталья Николаевна Печковская. Статский Советник Владимир Иванович Шенрок.

Печатается по: *РГАЛИ*. Ф. 139. Ед. хр. 21. Л. 5–6. Договор написан рукой писаря на «актовой» бумаге, собственноручно подписан В.И. Шенроком и Н.Н. Печковской (по доверенности А.Ф. Маркса) и заверен московским нотариусом В.К. Эггерсом.

¹ Среди бумаг издательства А.Ф. Маркса в соответствующем фонде *РГАЛИ* такого документа нет (см.: IX, № 1, примеч. 2; № 2, примеч. 5).

XI. Письма В.И. Шенрока к А.Ф. Марксу (1895–1896)

1

Москва, Введенский пер., д. Пановой
27 апреля <18>95 <г.>

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Вчера я получил самый любезный ответ от А.Ф. Бычкова, который обещает недели через три прислать в один из здешних музеев римскую редакцию «Мертвых Душ»¹. Он дает четыре месяца срока и мне этот срок кажется достаточным.

Отпечатаны 28 и 29 листы²; набирается записная книжка, за которой последуют примечания и варианты³.

Готовый к услугам Вашим

Вл. Шенрок

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Издательство А.Ф. Маркса. Оп. 1. Ед. хр. 11. Письма Шенрока В.И. Марксу А.Ф. по вопросам издания сочинений Н.В. Гоголя. Л. 1 (одинарный лист почтовой бумаги; л. 1 об. чистый).

¹ Речь идет о той же рукописи «римской редакции» поэмы (авторизованной копии рукой В.А. Панова и П.В. Анненкова), о получении которой из Императорской публичной библиотеки хлопотал Тихонравов (см. письма к последнему директора Библиотеки А.Ф. Бычкова). Ответ А.Ф. Бычкова, полученный накануне 27 апреля 1895 г., неизвестен; однако сохранилось другое письмо Бычкова к Шенроку, от 10 сентября 1894 г., по поводу той же рукописи поэмы, из которого следует, что впервые редактор 7-го тома (в котором текст этой редакции опубликован) обратился в ИПБ еще в сентябре 1894 г.: «В ответ на письмо Ваше от 5 сентября имею честь сообщить Вам, что с моей стороны не встречается препятствия к высылке для Ваших занятий принадлежащей Публичной Библиотеке рукописи «Мертвых Душ» (Q. XV. № 41). Вам следует попросить директора Румянцевского Музея войти ко мне с официальною бума-

гою о высылке в Музей означенной рукописи. По получении Высочайшего соизволения на эту высылку, рукопись и будет отправлена в Москву, полагаю, что во второй половине октября Вы будете уже иметь рукопись в своих руках» (*ОР РГБ*. Ф. 419. Шенрок В.И. К. 1. Ед. хр. 7. Письма А.Ф. Бычкова к В.И. Шенроку. 1894–1895. Л. 1–1 об.). Вместе с тем следует иметь в виду, что официальный договор с издателем Шенрок подписал только 3 января 1895 г., и весьма вероятно, что прежде этого (даже при устной договоренности о работе с Марксом) либо еще не был сделан официальный запрос в Петербург о высылке рукописи, либо не было получено «Высочайшее соизволение на эту высылку» (в последнем случае мог сыграть свою неблагоприятную роль статус Шенрока — служившего преподавателем в 3-ей Московской гимназии).

² Речь идет о 6-м томе, первые 20 п. л. которого были подготовлены Тихонравовым и по условиям договора с опекунами последнего перепечатаны без изменений (см.: *Тих.* Т. 6. С. VIII); 29 п. л. завершается с. 454, после чего в томе помещено «Приложение» с «Полным текстом карманных записных книжек Н.В. Гоголя».

³ Последняя из 4-х напечатанных в томе записных книжек — та, которую подарил Гоголю Жуковский в 1846 г. во Франкфурте на Майне.

2

<15 мая 1895 г.>

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Если Вы не будете против этого, то я с удовольствием приступил бы теперь постепенно и к печатанию VII тома. Мне кажется, что лучше всего печатать исподволь и как можно осмотрительнее. А потом я буду совершенно свободен от других занятий и хотел бы все время посвящать изданию Гоголя. Для VII тома я имею «Мертвые души» в «Царь-Колоколе» и присланную Вами корректуру Н.С. Тихонравова¹.

Записные книжки все набраны и набираются понемногу примечания редактора и варианты. Надо, впрочем, сознаться, что в последнее время печатание у Романа² почему-то идет несколько туже обыкновенного*.

Жду от Бычкова присылки рукописей и боюсь, чтобы не произошло каких-нибудь задержек. Долгов³ обещает мне дать на дом материалы для VII тома (тихонравовские)⁴, но под условием возвращения записных книжек, а записные книжки, хотя и набраны, все-таки потребуют времени и внимания при корректуре.

Искренно уважающий Вас

Вл. Шенрок

15 мая 1895 г.

* На соседней странице (т. е. на л. 3 — чистом) рядом со словами «печатание ~ обыкновенного» графитным карандашом, предположительно — рукой Шенрока, поставлена фигурная, развернутая от записи, скобка и сделана помета: «получено» только до 27 листа включительно».

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–2 об. (двойной лист почтовой бумаги, л. 3–3 об. чистые). В правом верхнем углу помета черными чернилами: увед. / 17.5.95.

¹ О подготовленном Тихонравовым в 1892 г. к изданию в бесплатном приложении к «Царь-Колоколу» тексте «римской редакции» поэмы (см.: VII, № 20 выше в п. № 1), которое по неизвестным причинам не состоялось, см.: *Тих.* Т. 7. С. 532; об отпечатанных издательством журнала корректурных листах см.: VII, № 20, примеч. 5; № 22.

² Имеется в виду Юлий Иванович Роман, один из владельцев «Московской типографии Лисснера и Романа», в которой были отпечатаны 1–5 тома и частично набран 6-й том 10-го издания еще при жизни Тихонравова (см. о типографе: III, № 1, примеч. 1, № 11, примеч. 2; см. также упоминание типографии Романа: X, № 3, пункт 9).

³ Семен Осипович Долгов, один из опекунов над наследством Тихонравова (см. выше: IX, № 1).

⁴ Договор Маркса с С.О. Долговым и Е.И. Соколовым (IX, № 1), принявшими на себя опеку над архивом Тихонравова, прямо обязывал Шенрока следовать уже установленному предшественником плану издания и использовать в работе сохранившиеся материалы. Личные бумаги и материалы по подготовке 10-го издания, оставшиеся после смерти Тихонравова, хранились в *МПУРМ* под ответственностью Долгова — хранителя Отделения рукописей; в 1895 г., когда братья Сабашниковы внесли существенное пожертвование на покупку рукописей Музеями, Долгову (совместно со вторым опекуном — Е.И. Соколовым) было поручено подготовить полное описание всего рукописного и книжного наследия ученого, и эта работа была завершена только к 1912 г., в феврале которого покупка и была оформлена (*Отчет МПУРМ*. М., 1913. С. 2–4). Поэтому не исключено, что у Долгова были и другие причины задерживать выдачу тихонравовских бумаг новому редактору гоголевского издания: двух с половиной месяцев, прошедших от заключения 3 января 1895 г. упомянутого выше договора до времени написания Шенроком письма, могло не хватить для предварительного описания довольно большого объема рукописных материалов по Гоголю, собранных Тихонравовым.

3

<20 мая 1895 г.>

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Я очень рад, что Вы согласны приступить к печатанию VII тома и только потому не высылаю теперь гранок, что Ваше письмо получено перед Троицыным и Духовым днями¹. Итак прошу Вас, по получении, распорядится о наборе. Но что сделать, если почему-нибудь Бычков² не исполнит обещание. Напоминать мне неудобно, но, быть может, Вы имеете возможность дипломатически при случае обратиться к нему через кого-нибудь вопрос о рукописях для VII тома. VII том можно печатать гораздо быстрее VI, уже потому, что «Мертвые души» были обработаны Гоголем, а весь материал для конца VI представляет брульон. Меня удивляет, что Роман³ Вам не

посылает уже отпечатанные листы; но я ему напомню и к концу следующей недели Вы будете иметь еще шесть или семь листов.

Я высылаю подписные деньги на «Ниву», а о рецензии на мою книгу, я бы попросил Вас, если можно, поместить ее к осени.

Искренне уважающий Вас

Вл. Шенрок

Записные книги оказались лишь копия, остальное все печатается с оригиналов. Записная книга заняла 30, 31, 32, 33 и часть 34 листа (последний еще не сверстан, но набран). Набираются примечания редактора и варианты. Задержка произошла собственно из-за праздников, а май просто пестрел сплошными почти праздниками и, следовательно, оstanовками.

Отдел описания рукописей не позволит все приготовить к началу осени, потому что Румянцевский музей в половине июня запирается⁴, но я возлагаю большие надежды на быстроту исправность Вашей типографии.

20 мая 1895 г.

Прошу адресовать мне:

Село Богородское, Прогонная 2а

дача <А.В.> Гильген № 12

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4–5 (двойной лист почтовой бумаги, л. 5 об. чистый). В верхнем правом углу две пометы черными чернилами: 1) Писать Бычкову; 2) увед. / 26.5.95.

¹ День Святой Троицы в 1895 г. приходился на 2 июня; Духов день — в православии празднуется на 51-й день после Пасхи, т. е. на следующий день после Троицы.

² Афанасий Федорович Бычков (см.: XI, № 1, примеч. 1).

³ Юлий Иванович Роман, один из владельцев «Московской типографии Лисснера и Романа», в которой были отпечатаны 1–5 тома и частично набран 6-й том 10-го издания еще при жизни Тихонравова (см. о типографе: III, № 1, примеч. 1, № 11, примеч. 2; см. также упоминание типографии Романа: X, № 3, пункт 9).

⁴ В летние месяцы *МПуРМ* был закрыт для посетителей, и это затрудняло не только работу Шенрока, но и прежде Тихонравова, который даже предпринимал усилия, чтобы это правило было изменено. Об этом В.Е. Якушкин писал 14 июля 1889 г. В.Н. Щепкину (служившему в Историческом музее): «Сегодня в унив<ерситетской> библиотеке опять встретил Тихонравова. Он через Пржевальского <...> подымает вопрос об обязательном открытии (т. е. незакрытии) Румянцевского Музея на лето (по его словам таково было забытое теперь условие думской субсидии)» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 276. Ед. хр. 121. Письма В.Е. Якушкина к В.Н. Щепкину. Л. 64 об.). Судя по всему, усилия Тихонравова не достигли цели. В 1891 и в 1892 гг. по официальному запросу Московского университета (от имени ректора — Г.А. Иванова) на имя директора *МПуРМ* и, соответственно, по высочайшему разрешению государя отдельные рукописи для работы Тихонравова высылались на три месяца (до сентября) в университетскую библиотеку (*Арх. РГБ*. Оп. 1. Д. 71. Ч. 1. Л. 309–312 об.; Ч. 2. Л. 8–28); см. об этом

также: III, № 19, примеч. 1. Музеи были закрыты для посетителей вполоть до середины сентября, как следует из письма С.О. Долгова Шенроку от 19 августа 1894 г.: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Я наконец вернулся в Москву и узнал, что Вы жаждете меня видеть и переговорить о Гоголе. Так как Музеи закрыты до 15 сент<ября>, то не будете ли добры известить меня, когда Вы собираетесь в Музей, ибо я не хожу туда каждый день. Извините, что раньше не отвечал на ваше письмо: ничего не мог сообщить Вам верного, сам бо не знал, когда буду в Москве. Готовый к услугам, С. Долгов» (*ОР РГБ*. Ф. 419. К. 1. Ед. хр. 17. Л. 1).

4

<23 апреля 1896 г.>

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Всуге забыл Вам сказать, что необходимо, по моему убеждению, от Вас ли, или от меня, — дать по экземпляру в библиотеку покойного Тихонравова и в Московский Университет¹. Иначе выйдет неловкость, по крайней мере с моей стороны. Могут осудить за небрежность к памяти Тихонравова.

Вероятно, Вы согласитесь с этим соображением.

Искренне преданный Вам и уважающий Вас

Вл. Шенрок

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 6 (двух-частная складная открытка, на одной из внешних частей адрес и почтовые штемпели). Без даты, моск. почт. штемпель — 23.IV.96; СПб — 24.IV.96. В верхнем правом углу помета черными чернилами: увед. / 27.4.96.

¹ Коллекция, собранная Тихонравовым, после приобретения *МПиРМ* (см. об этом: X, № 2, примеч. 4) была разделена на рукописную и печатную часть, последняя поступила в Библиотеку Музеев. Тихонравов был ординарным профессором, потом ректором Московского университета.

5

4.V.96

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Я страшно виноват перед Вами, что не доставил Вам два полученных мною от Бахрушина портрета Гоголя для VII тома¹, но я поздно получил их и не хотел, признаться, задержать издание. Для следующего издания я Вам их сообщу. 1-й том «МД» (из рукописей, принадлежащих Шидловскому) можно отдать со спокойной совестью обратно, 2-й том все-таки лучше бы сохранить для след. издания, потому что всегда важно иметь первоисточники².

В присланных Вами экземплярах есть дефекты и излишки: я принес Веселовскому книги³, и вдруг он с удивлением обнаружил, что в его экз. два первых листа VI тома и два портрета Гоголя,

в книгах VII т. во всех недостает приложений⁴, которые я буду усерднейше просить Вас прислать мне осенью, а петербуржцам — теперь же. <...>⁵

Искренне преданный Вам и уважающий Вас
Вл. Шенрок

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 7–7 об. (двойной лист почтовой бумаги, л. 8–8 об. чистые). В правом верхнем углу помета графитным карандашом: увед. / 4.5.96.

¹ Бахрушин Алексей Петрович (1853–1904) — московский купец, фабрикант (совладелец фирмы «Товарищество кожевенной и суконной мануфактуры А. Бахрушин и сыновья»), меценат, собиратель (живопись, предметы старины, лубочные картины, редкие книжные издания и т. п.); пристально следил за новыми публикациями гоголевских произведений и, в том числе, за изданием «Сочинений Гоголя», по своей инициативе вступил в переписку с Н.С. Тихонравовым (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 32; первое письмо, установившее знакомство, — от 3 мая 1890 г.). В письме Тихонравову от 7 октября 1893 г. А.П. Бахрушин писал, в частности: «Зная Вас за глубокого почитателя бессмертного Николая Васильевича Гоголя, позволяю себе послать Вам фотографию с имеющегося у меня портрета Н.В. Гоголя в натуральную величину. Портрет сам пусть и плох, но по словам 85^{ти} летнего продавца, бывшего Послушником Донского Монастыря — портрет был писан с натуры, по заказу бывшего Архимандрита Донского Мон<астыря>, к которому часто ездил Гоголь» (там же, л. 9). Тихонравов ответил Бахрушину в тот же день 7 октября 1893 г.: «Многоуважаемый Алексей Петрович! Искренно благодарю Вас за сообщение мне нового портрета Гоголя: работа грубовата, но портрет интересен сам по себе. В благодарность за этот портрет посылаю Вам фотографическую копию с портрета Гоголя 1840 года: портрет сделан известным Мазером — карандашом» (*ОПИ ГИМ*. Ф. 1. А.П. Бахрушин. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 160). Так что один из полученных Шенроком от Бахрушина «портретов» был, возможно, еще одним фотоизображением того портрета, что получил ранее Тихонравов. О другом «портрете» сведений нет.

² Список 2-го тома «Мертвых душ», принадлежавший Александру Федоровичу Шидловскому (сейчас хранится: *РО ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 63; в рукопись вложен листок с владельческой надписью Шидловского о том, что список был им куплен в Москве; сообщено — Е.Е. Дмитриевой), впервые был описан Д.Д. Языковым как более авторитетный в сравнении с легшим в основу публикации Н.П. Трушковского в *Соч. 1855 (Языков Д.Д. Новый список «Мертвых душ» // Исторический Вестник. 1884. Т. XVII. № 8. С. 340–345)*; Тихонравов, изучив список Шидловского, установил, что он восходит к одной из *двух редакций* 2-го тома, подготовленных С.П. Шевыревым и отличающихся тем, что в одном случае последний вносил в текст авторские «поправки», «приписанные сверху строк», в другом — «с боку страницы» (*Тих.* Т. 3. С. 577; примеч. 2). Шенрок описал список Шидловского в 7-м томе (*Тих.* Т. 7. С. 843–854) с подробным перечнем различий своего чтения с не прочитанными или неверно разобранными местами в опубликованном Н.С. Тихонравовым (*Тих.* Т. 3. С. 276–411). Чьей рукой сделан список, не вполне ясно: по мнению текстологов новейшего академического издания Е.Е. Дмитриевой и А.С. Шолоховой, безусловно только то, что это не рука писаря, а почерк напоминает, но не более —

шевыревский (см.: *Гоголь. ПСС и П.* Т. 8 [в печати]); из формулировки Тихонравова следует, что список восходит к шевыревскому (*Тих.* Т. 3. С. 577; примеч. 2), у Шенрока дана несколько двусмысленная формулировка: «Рукопись представляет объединение двух сохранившихся редакций II тома “Мертвых Душ”, составленное проф. Шевыревым — уже после смерти Гоголя» (*Тих.* Т. 7. С. 843). Маркс советом Шенрока не воспользовался и задержал у себя списки обоих томов поэмы: в документах издательства Маркса в *РГАЛИ* сохранилась позднейшая расписка Шидловского на бланке конторы журнала «Нива» в получении двух списков сразу: «Рукописи “Мертвые Души” т. 1 и 2 получил. А. Шидловский. 29 апреля 1897 г. СПб» (*РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 2. Ед. хр. 22).

³ Речь идет об Алексее Николаевиче Веселовском (1843–1918), ординарном профессоре Московского университета, почетном академике Петербургской АН, авторе многочисленных работ по русской и западноевропейской литературе. Младший из братьев Веселовских оставил свои воспоминания о Тихонравове (см. в сб.: Памяти Тихонравова. М., 1894), а по смерти последнего до 1904 г. возглавлял ОЛРС (Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911. С. 60), членом которого был с 1891 г. и Шенрок.

⁴ «Приложения» к 7-му тому представляют собой вклейки из плотной бумаги с изображениями двух рисунков: 1) Портрет А.С. Пушкина, набросанный Гоголем; 2) Домики Гоголя. Портретом назван известный гоголевский набросок пером и черными чернилами пушкинского профиля; по поводу цветного рисунка «домиков» в 7-м томе дано следующее примечание: «Снимок сделан с другого снимка, находящегося в настоящее время в Московском Публичном и Румянцевском музее. Следует думать, что подлинный рисунок находился в письме Гоголя к матери от 5 января 1830 г. (к сожалению, не сохранившемся), причем нижний рисунок представляет план, снятый для постройки дома в Васильевке плотником, а верхний — план, предлагаемый Гоголем» (*Тих.* Т. 7. С. 1089).

⁵ Купированная часть письма относится исключительно к «одному литератору» — Ф.Д. Нефедову, чью просьбу об издании 3-го тома собрания его сочинений подробно излагает Шенрок, перечисляя предлагаемый состав издания.

6

<первые числа мая 1896 г.>

Многоуважаемый Адольф Федорович,

Я Вам писал перед отъездом, но просил ответить на Кавказ. Нового сообщить ничего не имею, но спешу сообщить адрес: Пятигорск, Теплосерная ул., д. Гаршина. Прошу Вас написать, кому доставлены экземпляры VI и VII т. в Петербурге и особенно доставлены ли Пыпину¹ и Бестужеву-Рюмину², а также Сухомлинову³.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам
Вл. Шенрок

Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 9 (л. 9 об. чистый; письмо без даты, но на л. 9 есть помета о получении в конторе Маркса

с датой: 4-17 / 5.96; л. 10 — конверт с адресом: В СПб Петербург Его Высокоблагородию Адольфу Федоровичу Марксу. В редакцию «Нивы»). В правом верхнем углу помета черными чернилами: увед. / 4-17.5.96.

¹ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — филолог, этнограф, академик Петербургской АН, вице-президент АН — много лет поддерживал дружеские и научные связи с Тихонравовым (оба, в частности, исследовали и публиковали памятники так называемой «отреченной литературы»; сохранилось более 130 писем 1854–1893 гг.: *ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 6. Ед. хр. 73, 74, 75, 76), был посвящен в его занятия «Сочинениями» Гоголя. Пыпин опубликовал «критический разбор» выпущенных под редакцией Шенрока томов гоголевского издания в «Отчете о XII-ом присуждении премии им. А.С. Пушкина в 1897 году» (вошел в изд.: Сборник Отделения русск. яз. и словесности Имп. АН. Т. LXVI. С. 74–86; отд. оттиск: *Пыпин А.Н.* Сочинения Н.В. Гоголя. Издание десятое. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. Томы VI–VII. М.-СПб., 1896. Критический разбор. СПб., 1900), где дал высокую оценку трудам обоих редакторов.

² Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — историк, специалист по историографии, русскому летописанию, автор фундаментального труда «Русская история» (вышло 2 тома, 1872 и 1885 гг.), академик Петербургской АН; выпускник Московского университета, до конца 1859 г., когда переехал в Петербург, преподавал и сотрудничал как редактор и критик в «Московских ведомостях» и «Московском обозрении»; с 1872 г. — член ОЛРС; переписывался с Тихонравовым (*ОР РГБ*. Ф. 298. Р. II. К. 2. Ед. хр. 41). Бестужев-Рюмин с юности увлекался Гоголем и еще гимназистом в 1847 г. опубликовал в «Нижегородских губернских ведомостях» (№ 30, 31) критический разбор недавно вышедших «Выбранных мест из переписки с друзьями»; по мнению биографа, близких высказанным в 17 лет оценок творчества Гоголя ученый придерживался и в зрелые годы (*Шмурло Е.Ф.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 21; см. некоторые выдержки из статьи: там же, с. 21–26); в 1890 г. появилась его рецензия на уже вышедшие четыре тома 10-го издания «Сочинений Гоголя» — 1, 3, 4 и 5 (*ЖМНП*. 1890. Т. CCLXVIII. Отд. «Критика и библиография». С. 409–414), отзывался он и на первые три тома шенроковских «Материалов для биографии Гоголя» (*ЖМНП*. 1892. № 3. С. 272–275; 1893. № 6. С. 544–546; 1895. № 4. С. 473–477), а разбора двух последних томов 10-го издания сделать, по-видимому, не успел.

³ Сухомлинов Михаил Иванович (1828–1901) — историк русской литературы, академик Петербургской АН, с 1899 г. председатель II Отделения АН, автор «Истории Российской академии» (1874–1888), редактор акад. изд. «Сочинений М.В. Ломоносова» (т. 1–5: 1891–1902), собиратель рукописного наследия русских писателей, опубликовал материалы цензурного рассмотрения первого тома «Мертвых душ» и четырех томов «Сочинений Гоголя» 1842 г. (*Сухомлинов М.И.* Из литературы сороковых и пятидесятых годов (Появление в печати сочинений Гоголя) // Исторический вестник. 1881. № 2. С. 330–356).

4 июня <18>96 г.

Многоуважаемый
Адолф Федорович,

Простите, что я так долго не отвечал: я все уезжал и вновь возвращался и вполне отдался разъездной жизни. Все экземпляры розданы по московским редакциям. Что касается неудовлетворительной брошюровки, то Роман¹ мне ссылался на то, что будто бы сделали распоряжение, чтобы она была поручена другому переплетчику, и потому он не отвечает.

Искренне преданный Вам и уважающий Вас
Вл. Шенрок

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 11 (на письме помета о получении в конторе Маркса с датой: 8 / VI 96; л. 11 об. чистый; л. 12 — конверт с адресом: В СПб Петербург Его Высокоблагородию Адольфу Федоровичу Марксу. В редакцию «Нивы»). В левом верхнем углу синим карандашом помета: 8 / VI. 96, ниже знак вопроса.

¹ Типограф Юлий Иванович Роман (см. о нем: III, № 1, примеч. 1).

<6 июля 1896 г.>

Душевно уважаемый
Адолф Федорович,

Приехав в Новороссийск, где пробуду до 7 августа, спешу, согласно Вашему желанию, сообщить мой адрес: Карантинная улица, д. Дулиной. От души желаю Вам приятного продолжения и окончания лета.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам
Вл. Шенрок
6 июля 1896 г.

Печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 13 (на письме помета о получении в конторе Маркса с датой: 12 июля 96; л. 13 об. чистый; л. 14 — конверт с адресом: В СПб Петербург Его Высокоблагородию Адольфу Федоровичу Марксу. В редакцию «Нивы»). В левом верхнем углу синий штамп: 12 июл 96; в правом — помета черными чернилами: увед. / 19.7.96.

19 августа 1896 г.

Многоуважаемый Адолф Федорович,

Усердно прошу Вас согласно обещанию прислать мне 30 экз. рисунков Гоголя (портрет Пушкина и домики Гоголя¹), которые были не вложены в экземпляры VII тома. Недели три прошло, как я

вернулся в Москву, и теперь проживаю в Фурманом переулке, дом Легейды.

Рисунки необходимы мне как можно скорее для отправления двух экземпляров в Академию наук и одного для поднесения великому князю Сергею Александровичу²; остальные не так нужны.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам

Вл. Шенрок

P.S. Ввиду сомнений, возникающих у рецензентов о том, какие черновые бумаги Тихонравова послужили для меня пособием, тогда как от него не осталось почти безусловно ничего относящегося к продолжению издания, мне пришлось дать разъяснение в «Русских Ведомостях» от 29 июля и теперь еще послать «письмо в редакцию» Русского Обозрения, где мне ставят в упрек, что я пропустил в VI т. первоначальный сценический текст «Ревизора», хотя все относящееся к истории текста «Ревизора» было уже закончено самим Тихонравовым, и ни в одном из оставленных им конспектов или программ не упоминается первоначальный сценический текст, так что я даже и права не имел включать его. Не посоветуете ли Вы для отстранения этих неосновательных указаний рецензентов где-нибудь напечатать текст этих программ? Как это лучше сделать?

Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 15–16 (двойной лист почтовой бумаги; л. 16 об. чистый). В правом верхнем углу пометы черными чернилами: Увед. — посл. 30 рис. Гоголя / 23.8.96.

¹ Рисунок пером пушкинского профиля и два акварельных рисунка с изображением переднего и заднего вида флигеля в усадьбе Гоголей в Васильевки воспроизведены на вклейке в 7-м томе перед «Оглавлением».

² Великий князь Сергей Александрович был попечителем *МПуРМ*.

³ См.: Русские ведомости. 1896. 29 июля. № 207; Русское Обозрение. 1896. Сентябрь. С. 471–860.

Е.Г. Падерина

**К ИСТОРИИ ПОСТУПЛЕНИЯ В РУМЯНЦЕВСКИЙ
МУЗЕЙ РУКОПИСИ ВТОРОГО ТОМА
«МЕРТВЫХ ДУШ»**

Начало коллекции гоголевских рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев (*МПуРМ*) было положено 145 лет назад — покупкой в 1874 г. у наследников С.П. Шевырева гоголевской рукописи уцелевших пяти глав 2-го тома «Мертвых душ»¹. Так сложились обстоятельства, но сейчас этот факт воспринимается как знаковый. Все, что связано со 2-м томом поэмы, высоко оцененным слышавшими главы из него в авторском чтении, вызывало неизбывный интерес современников еще при жизни классика, и слух о сожжении рукописи распространился «еще до кончины» Гоголя². 24 февраля писателя похоронили, а 29 февраля — Д.Н. Свербеев написал в письме к жене: «Ищут, ищут повсюду, нет ли где какого списка со 2-го тома “Мертвых душ”, сожженных самим автором, и нигде не находят»³. Найденные по смерти Гоголя среди его бумаг главы 2-го тома гоголевской поэмы — единственный, хотя и неполный и недостаточно выработанный, рукописный источник произведения, истребленного в завершенном виде самим автором, — сразу

¹ Рукописные материалы (собственноручные рукописи, отдельные автографы, копии и т. п., а также портреты и предметы) Гоголя частью покупались Музеем, частью приносились в дар, поступали в составе завещанных целиком именных архивов (А.А. Иванова, например) и пр. и во все время существования *МПуРМ* хранились в разрозненном виде; после революции фонды *МПуРМ* были расформированы, при этом рукописи, старопечатные издания и общедоступные книжные издания перешли к организованной Государственной библиотеке им. В.И. Ленина; еще через пару десятков лет Г.П. Георгиевским и старшим библиотекарем А.А. Ромодановской гоголевские материалы были впервые собраны в один фонд (ф. 74), систематизированы и описаны (Рукописи Н.В. Гоголя. Каталог / Сост. проф. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. М., 1940).

² «Еще до кончины узнали, что за день или два он (Гоголь. — *Е.П.*) ночью тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же “Мертвые души”; после не осталось ни строки, кроме чужих к нему писем», — писал Д.Н. Свербеев 26 февраля 1852 г. жене в Петербург (ЛН. Т. 58. С. 747).

³ Там же. С. 748.

же приобрели особое значение⁴. А в 1874 г. драгоценная рукопись была наконец защищена от превратностей какого бы то ни было случая.

Любопытно, однако, что уцелевшая рукопись и после того, как обрела надежное место хранения, — как будто скрывалась от сторонних глаз. Так, в мае 1887 г. Тихонравов пожаловался на безуспешные поиски автографа: «Даже теперь, несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, где находится та собственноручная рукопись второго тома “Мертвых душ”, снимок с которой приложен был к первому и второму изданию этого произведения (1855 и 1856). Неужели она останется недоступною для изучающих творения Гоголя?»⁵ Рукопись он в итоге отыскал⁶ и готовил текст 10-го издания «Сочинений Н.В. Гоголя» (1889) по подлиннику. Однако его преемнику — В.И. Шенроку — заново пришлось разыскивать гоголевскую рукопись. Текстологической необходимости у него не было (текст уже был напечатан Тихонравовым, по нижнему слою — в 3-ем томе, а по верхнему — в 4-м томе 10-го издания), но требовалось подробное описание для запланированного еще Тихонравовым полного свода всех гоголевских рукописных источников (для 7-го тома издания). Не зная, где хранится рукопись, Шенрок, естественно, предположил, что она осталась в бумагах Шевырева, которые в 1892 г. поступили в Императорскую публичную библиотеку, и в декабре 1895 г. написал ее директору — А.Ф. Бычкову. Последний ответил 16 декабря 1895 г., что «в купленных бумагах С.П. Шевырева не было рукописи второй части “Мертвых душ”» и что «поступившие в Библиотеку бумаги С.П. Шевырева все описаны и опись им напечатана в ее Отчете за 1892 год»⁷ В итоге Шенрок тоже нашел рукопись и описал ее (не сообщив, однако, где она хранится)⁸.

Сообщение *МПуРМ* о приобретении гоголевской рукописи в опубликованном «Отчете» за 1873–1875 г. на редкость подробно: описаны особенности автографа и характер авторских исправлений в нем, изложена даже история публикации текста (Н.П. Трушковским в 1855 г. и П.А. Кулишом в 1857 г.) и приведены основные текстологические особенности подготовки редакторами первого посмертного издания «Сочинений Гоголя» и издания «Сочинений

⁴ См. подробно: Дмитриева Е.Е., Шолохова А.С. История издания второго тома «Мертвых душ»: Утраченная и обретенная рукопись // От истории текста к истории литературы. Вып. 2. М., 2018. С. 211–213.

⁵ Тихонравов Н.С. Тарас Бульба Н.В. Гоголя. Главы неизданной редакции // Русская старина. 1887. Кн. 3. С. 713.

⁶ Вероятно, с помощью своего ученика — С.О. Долгова, после смерти в 1883 г. А.Е. Викторова ставшего заведующим Отделением рукописей и славянских старопечатных изданий *МПуРМ* (см. о Долгове с. 267 и 331 наст. изд.).

⁷ ОР РГБ. Ф. 419. Шенрок В.И. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 2.

⁸ Тих. Т. 7. С. 843.

и писем Н.В. Гоголя» чернового текста с многочисленной и во многих случаях многослойной и незавершенной правкой⁹. Более того — дана и оценка эдиционному качеству первых печатных редакций уцелевших глав второго тома поэмы: «...естественно, что с одной стороны, по неразборчивости поправок, особенно писанных карандашом и часто только набросанных; с другой, вследствие трудности разобрать зачеркнутые места, на что совершенно справедливо указывает первый издатель рассматриваемого памятника, упомянутые издания строгим требованиям критики удовлетворить не могут»¹⁰. Завершается описание следующим образом: «По всему этому, вновь поступивший в состав рукописного отделения Музеев, памятник, для будущих издателей сочинений Гоголя, должен со временем представить необходимый документ и вместе материал, который исчерпан далеко не весь. Итак, настоящая рукопись Гоголя, имея значение драгоценного автографа, вместе с тем составляет важное приобретение и для нашей литературы»¹¹.

Перед нами, по сути дела, обоснование принятого решения — включить рукопись в музейное собрание раритетов¹². Сейчас это выглядит несколько странно, настолько мы привыкли, что не только собственноручные гоголевские рукописи, но и списки, в том числе — не авторизованные, хранятся в государственных архивохранилищах, и ценность гоголевских и относящихся к его творчеству рукописных материалов для науки не подвергается сомнению.

Надо иметь в виду, однако, что печатные отчеты как Императорской публичной библиотеки, так и *МПуРМ* предназначались не только и не столько научному сообществу; прежде всего — они носили характер официального документа, «представленного Директором Музеев г. Министру Народного Просвещения», как это обозначено на титульном листе каждого выпуска, и сопровождались финансово-статистическими данными. С другой стороны, и научная ценность всех и всякого автографа Гоголя не была в 1870-е годы столь очевидна не только чиновникам, но даже и многим из тех младших современников Гоголя и/или наследников его друзей,

⁹ *Отчет МПуРМ*. М., 1877. С. 55–56.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 56 (цитируем с сохранением синтаксических особенностей источника).

¹² Хотя «гоголевский» пункт «Отчета...» не подписан, можно с большой долей уверенности полагать, что его текст был составлен Е.А. Викторовым (первым хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных книг), который и в дальнейшем (до 1883 г.) занимался описанием поступающих в архив гоголевских материалов. Викторов разбирал, в числе прочего, объемистые папки с разрозненными черновиками, делая даже на отдельных листках с одиночными набросками пометы графитным карандашом о принадлежности тому или иному произведению, главе, действию и т. д.

в чьих руках такие рукописные материалы были или к кому попадали по случаю. Когда в конце 1880-х годов Н.С. Тихонравов занялся подготовкой гоголевских текстов для 10-го издания «Сочинений» писателя и стал разыскивать необходимые для этого рукописные источники, он столкнулся с разными препятствиями, затрудняющими и разыскание, и — что немаловажно — доступ к рукописям. Ученый даже высказался об этом публично, утверждая, что «основательное историческое изучение литературной деятельности Гоголя во всей полноте» возможно только при условии, что «принадлежащие частным лицам» рукописи и автографы будут сосредоточены «в казенных библиотеках и музеях, открытых для общего пользования»¹³. И многие рукописи Гоголя поступили в архивохранилища страны по его инициативе.

Однако повлиять на решение владельцев Тихонравов мог только в тех случаях, когда речь могла идти о пожертвованиях. И не так было в случае с рукописью 2-го тома поэмы¹⁴, купленной, повторим, московскими Музеями. Финансовый вопрос при этом был важным фактором как для многих наследников (и в частности, для семьи Шевыревых, см. об этом ниже), так и для самих государственных архивохранилищ. Так что утверждение в официальном «Отчете» высокой научной ценности гоголевской рукописи объясняло министру именно эту сторону решения попечительского совета МПчРМ. Из публикуемых ниже документов следует, в частности, что наследники оценили рукопись в 200 руб., а куплена она была за 150 руб. На тот момент это были немалые деньги для учреждения, не располагавшего ни в 1870-е годы, ни позднее особыми денежными средствами¹⁵. К слову сказать, при учреждении Московского публичного музея в его основу была положена перевезенная из Петербурга и завещанная на условиях сохранения целостности кол-

¹³ Тихонравов Н.С. Тарас Бульба Н.В. Гоголя. Главы неизданной редакции // Русская старина. 1887. Кн. 3. С. 713.

¹⁴ В «Отчете МПчРМ ... за 1873–1875 г.» рукопись описана в разделе — «Розничные приобретения пожертвованиями от частных лиц и покупкою» (*Отчет МПчРМ*. М., 1877. С. 51).

¹⁵ В частности, в 1874 г. в кассу Музеев поступило от разных процентных вкладов, «впуска посетителей и за проданные каталоги» и от «продажи дублетов книг» — 76 809 руб., а долг уже составлял к 1873 г. 3350 руб. и в 1874 г. к этому прибавилось еще 1750 руб. долга (*Отчет МПчРМ*. М., 1895. С. 141–143). Например, по смерти Н.С. Тихонравова (1893) собранная им обширная коллекция раритетных рукописных источников и печатных изданий XVIII–XIX вв. «перешла в собственность Музеев» только благодаря «значительному денежному дару учеников Тихонравова Михаила Васильевича и Сергея Васильевича <Сабашниковых>» (там же, с. 3–4), тогда как до этого Музеи, уже будучи местом хранения коллекции, средств к приобретению не имели (см. подробно: там же, с. 3).

лекция графа Н.П. Румянцева, в которой, помимо рукописных и книжных раритетов, были произведения изобразительного искусства, этнографические древности и пр.¹⁶. И во всех этих направлениях и развивался Московский публичный музей, а в таком контексте приобретения рукописного наследия новейшей литературы, действительно, требовали взвешенных решений. Этим и объясняется, в частности, то, что гоголевскую рукопись отказалась купить за выставленную наследниками Шевырева цену Императорская публичная библиотека, как следует из публикуемого нами письма М.Н. Похвиснева В.А. Дашкову. Примечательно, в числе прочего, что бумаги самого С.П. Шевырева (кроме его обширной переписки и дневника — многочисленные автографы произведений его современников) были куплены Императорской публичной библиотекой только в 1892 г., и эта покупка тоже потребовала определенного обоснования, выходящего за рамки того факта, что он был «профессором Московского университета и академиком»¹⁷.

Между тем естественная логика рассуждений Шенрока, взявшегося отыскивать гоголевскую рукопись вначале в петербургском архиве, рождает и у нас столь же естественный вопрос — в связи с какими обстоятельствами авторская рукопись 2-го тома поэмы отделилась от других бумаг С.П. Шевырева, который, как хорошо известно, разбирал и собственноручно копировал автографы Гоголя, оставшиеся после его смерти в доме А.П. Толстого¹⁸. 10 июня 1852 г. Шевырев писал К.С. Сербиновичу об этом, упомянув в числе прочих рукописей «пять черновых тетрадей 2-го тома “Мертвых душ”, забытые им, вероятно, печальный остаток, уцелевший нечаянно от аутодафе»¹⁹. Известно и то, что Шевырев берег гоголевские бумаги как зеницу ока, можно сказать, а не так давно выяснилось, что даже на просьбу великого князя Константина Николаевича, переданную ему А.В. Головинным, доставить рукописи для ознакомления, Шевырев ответил вежливым объяснением причин, по которым он «осмеливается, вместо подлинников, представить высокому

¹⁶ См. подробно: Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 г. СПб., 1864; *Молчанов В.Ф.* Рожденный к подвигам. Государственный канцлер России граф Н.П. Румянцев // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 54. М., 2000. С. 24–29.

¹⁷ Ср.: «Многолетние занятия русской словесностью и критикой ее произведений приводили С.П. Шевырева в сношения со многими нашими писателями и учеными, свидетельством чего осталась обширная его переписка, представляющая немалый историко-литературный интерес» (*Отчет ИПБ.* СПб., 1895. С. 181).

¹⁸ См., в частности: *Дмитриева Е.Е., Шолохова А.С.* История изданий второго тома «Мертвых душ». С. 215–217.

¹⁹ Опубликовано: *Балакишина Ю.В.* К истории посмертных публикаций сочинений Н.В. Гоголя // Русская литература. 2011. № 2. С. 162 (примеч. 1).

вниманию Государя Великого Князя» — копии, и главы 2-го тома — по мере их подготовки²⁰.

После благополучного преодоления цензурных препятствий (высочайшее соизволение на печатание подписано 15 мая 1855 г.) и напечатания уцелевших глав 2-го тома поэмы в 1855 г. (в 6-м томе издания Н.П. Трушковского — «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти»), а потом в 1857 г. работы с автографом П. Кулиша²¹, рукопись вернулась к Шевыреву (когда именно и почему не к наследникам — сейчас неизвестно). Однако во второй половине 1850-х годов сам Шевырев оказался в сложнейшем положении: из-за конфликта с В.А. Бобринским он был уволен из университета и удален из Москвы (1857) и хотя продолжал работать (в том числе над «Историей русской словесности»; к 1860 г. закончил 3 и 4 части), испытывал большие трудности разного рода. Проявивший себя и по смерти Гоголя как его преданный друг, текстолог и кропотливый редактор его неизданных произведений, сделавший все возможное для преодоления цензурных препятствий их выхода в свет²², Шевырев в последние годы жизни невольно повторил гоголевский опыт, испытав на себе непонимание окружающими (в том числе и многими друзьями), упреки в реакционном консерватизме. Потеря работы и изоляция привели к крайне депрессивному душевному состоянию, подорвали здоровье, и в 1860 г. он вместе с женой, дочерью и младшим сыном уехал за границу, на время — в надежде на восстановление. Но в 1861 г. Шевырев умер в Париже: на пасхальной неделе воспаление легких поставило окончательную точку в длительном и тяжелом недомогании²³.

За границей Шевырев не прекращал работать, но архив, разумеется, остался в Москве, как и обширная библиотека. Собственный дом Шевыревых в Москве на Сретенке (Дегтярный пер., № 4)²⁴ был продан, семья обосновалась в Царском селе, где служил по военной части старший сын — Борис Степанович Шевырев (1836–1888)²⁵, который и занимался всеми хлопотами — как по обустройству и обеспечению жизни семьи, так и по разбору архива и продаже библиотеки отца, а еще по подмосковной усадьбе.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 163 (примеч. 2).

²² См., в частности: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XIV. СПб., 1900. С. 173–178; *Балакишина Ю.В.* Указ. соч.

²³ *Погодин М.П.* Отрывок из воспоминания о С.П. Шевыреве // Русский Архив. 1865. № 3. Стлб. 381–390.

²⁴ Книга адресов жителей Москвы, составленная по официальным сведениям и документам. 1864. 2-я часть, лица неслужащие. М., 1863. С. 334; о доме см.: *Шевырев С.П.* Науки жрец и правды воин! / Сост., вступит. ст., путеводитель и коммент. Е.Ю. Филькиной. М., 2009. С. 396.

²⁵ Последнее звание — полковник, похоронен на Казанском военном кладбище в Царском селе.

В *ОР РГБ* и в *РГАЛИ* сохранились письма Б.С. Шевырева к М.П. Погодину, из которых выясняются некоторые, немногочисленные, впрочем, подробности о судьбе архива Шевырева и его многострадальной, можно сказать, библиотеки, которая долгие годы хранилась в арендуемом сарае. Погодин хлопотал об установке памятника Шевыреву (1865), вместе с Ф. Буслаевым и А.И. Кошелевым — о продаже библиотеки и т. п. Кроме этого Погодин оказывал сильную помощь в трудном материальном положении семьи друга.

Деньги, вырученные от продажи дома, были вложены как-то неудачно. В *РГАЛИ* хранится недатированное письмо Б.С. Шевырева Погодину, по содержанию относящееся к 1864 г. (упоминаются еще здравствующие тогда Н.Ф. Павлов и Н.А. Мельгунов, а также обсуждается проект памятника Шевыреву), где среди прочего написано: «Плоскому сложению кармана в особенности помогают неплатежи денег Н.А. Мельгуновым и наследниками дяди Ермингельда Петровича. — Будь капитал в наших руках мы бы получили те же проценты, которые надеемся получить и только надеемся, потому что нет уплат ни капитала, ни процентов. Я писал 2 письма Николаю Александровичу и не получил ответа ни на одно. Я просил его выслать хотя 500 р. с., при крайней необходимости в настоящую минуту я прошу Вас убедительно употребить все Ваше влияние на него и убедить его выслать эти деньги поскорее. Право и так тяжело; а без этой платы я решительно не знаю, что придумать»²⁶. Мельгунов, со своей стороны, обращался к Погодину, прося помочь наследникам Шевырева²⁷, поскольку сам нуждался из-за неудачного вложения капитала в суконную фабрику тестя Н.Ф. Павлова и невозможности получить долг, а по возвращении из-за границы в 1865 г. существовал исключительно благодаря поддержке А.И. Кошелева, В.Ф. Одоевского и того же Погодина и умер больным и нищим в 1868 г. Б.С. Шевырев и в 1868 г. писал, что «деньги полученные за дом помещены так, что в настоящую минуту их тратить нельзя»²⁸, и в последующих письмах (до середины 1874 г.) просил у Погодина терпения в ожидании долга семьи. Лишь 27 августа 1874 г. он сообщил, что «после стольких лет хлопот наконец удалось получить одну третью часть долга покойного Мельгунова» и что отправляет, соответственно, часть долга Погодину²⁹.

Поэтому долгие годы старший сын Шевырева искал возможности продать библиотеку. П. Бартенев еще в 1872 г. пытался привлечь к ней общественное внимание: «Библиотека Шевырева представляет собою, можно сказать, ученую его биографию. Сочинений

²⁶ *РГАЛИ*. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 3об. — 4.

²⁷ *ОР РГБ*. Ф. 231. Р. II. К. 36. Ед. хр. 22. Л. 1 об.

²⁸ *ОР РГБ*. Ф. 231. Р. II. К. 36. Ед. хр. 23. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 36.

о Гомере 25, о Данте 26, о Греческой словесности 58, о Римской 45; целая сотня сочинений о Шекспире, о теории словесности, об общей истории словесности всех веков и народов; затем следуют книжные богатства по предмету истории Русской словесности. Всего более трех тысяч названий. Собрать такую библиотеку уже есть ученая заслуга, и в настоящем составе своем она представляет особого рода невестественную ценность»³⁰. А.И. Кошелев обращался к «попечителям Округов в Одессу и Варшаву»³¹, в Московский университет, В.А. Дашков в свое время «изъявлял желание, но у них денег не было»³², в итоге, уже в 1876 г., когда из жизни ушел и Погодин, удалось договориться с Нежинским историко-филологическим институтом³³. Так библиотека Шевырева, бывшего, повторим, и при жизни Гоголя надежным помощником в издании его сочинений, и после смерти текстологом и редактором, нашла приют именно в стенах бывшего нежинского лицея, где чттили память о Гоголе и собирали его рукописи и издания.

Если библиотека ждала своего часа в Москве, то архив отца Борис Степанович перевез в Царское село и в 1872 г. приступил в свободное от службы время к его разбору; в письме от 14 марта того года он сообщил Погодину, что «еще не успел разобрать и половины», а 27 мая 1873 г. писал: «Нынешнею зимою я употреблял свободное время на разборку бумаг покойного отца и почти привел в порядок; но увы еще не совсем»³⁴. К этому времени, по видимому, и следует отнести решение наследников выручить какие-то деньги от продажи гоголевской рукописи. Примечательно, однако, что в многочисленных письмах старшего сына Шевырева к Погодину мы не встретили какого бы то ни было упоминания о гоголевской рукописи 2-го тома «Мертвых душ». С кем советовался Борис Степанович по этому поводу, неизвестно (нужно ведь было, в частности, оценить рукопись перед тем, как предлагать ее). Вначале, как мы упоминали выше и как следует из письма М.Н. Похвиснева В.А. Дашкову, он обратился в Императорскую публичную библиотеку, но сделка не состоялась, по-видимому, из-за цены. В качестве посредника в Москве молодой Шевырев выбрал именно Похвиснева, и найти твердое объяснение этому нам не удалось. Похвиснев был хорошим

³⁰ Русский Архив. 1872. № 2. Стб. 445–446.

³¹ ОР РГБ. Ф. 231. Р. II. К. 36. Ед. хр. 23. Л. 31.

³² РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 1.

³³ См. об этом: *Михед П.В.* О Степане Шевыреве и его книжном Собрании // Библиотека С.П. Шевырева. Русский фонд. Библиографическое описание. Нежин, 2002. С. 13. Известный библиограф С.И. Пономарев, ездивший в Москву описывать и отсылать библиотечное собрание, составил каталог в 3741 позицию (там же, с. 14; см. там же о бедственном состоянии, в которое пришло собрание за 16 лет хранения).

³⁴ ОР РГБ. Ф. 231. Р. II. К. 36. Ед. хр. 23. Л. 30, 34 об. – 35.

знакомым, но не другом Шевырева, как Погодин, а при этом с директором *МПуРМ*, В.А. Дашковым, Погодин общался не меньше, чем Похвиснев. Борис Степанович, кстати, просил Погодина, в одном из писем 1873 г., снестись с В.А. Дашковым по поводу продажи библиотеки — в надежде, что «может быть, теперь обстоятельства переменились»³⁵.

С.П. Шевырев хорошо знал Похвиснева, бывшего в свое время одним из двух цензоров Московского цензурного комитета, кому было поручено цензурировать первое посмертное издание сочинений Гоголя. Основные хлопоты по получению цензурного разрешения взял на себя, как известно, Шевырев. Вторым цензором был Д.С. Ржевский, но именно к Похвисневу поступила на рассмотрение рукописная часть, т. е. не изданные прежде тексты, включая подготовленную Шевыревым копию сохранившихся глав 2-го тома «Мертвых душ»³⁶. Кроме этого — Похвиснев цензуровал «Биографическую летопись питомцев Московского университета», которая была подготовлена в 1854 г. в связи с предстоящим — 12 января 1855 г. — празднованием 100-летнего юбилея университета³⁷, но по каким-то причинам не вышла из печати, хотя первый том был отпечатан³⁸. Шевырев хлопотал об издании и его цензуровании и, в числе прочего, лично писал об этом Похвисневу³⁹. Остается предположить, что именно на этом было основано решение Бориса Степановича (или совет, данный ему кем-то из петербургских друзей С.П. Шевырева) обратиться к посредничеству в продаже гоголевской рукописи в Москве к Похвисневу.

Из трех публикуемых нами документов, относящихся к этой продаже, два первых носят полуофициальный характер: письмо Похвиснева к Дашкову с просьбой посодействовать продаже наследниками С.П. Шевырева гоголевской рукописи и ответ Дашкова. В официальной переписке *МПуРМ* такие случаи нередки, и если

³⁵ *РГАЛИ*. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 1.

³⁶ См. о цензурных перипетиях с участием Похвиснева по материалам ЦИАМ: Балакишина Ю.В. «Для пользы русской словесности...»: К истории посмертной публикации произведений Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 165–166. В 1882 г. Похвиснев опубликовал документы, относящиеся к этой цензурной истории, в частности — ходатайство В.И. Назимова об издании сочинений Гоголя без цензурных урезок и мнение его о славянофилах 1853–1855 гг. (Русская старина. 1882. Т. XXXIII. С. 481–490).

³⁷ См. об этом в «Предисловии» Л.Н. Майкова к изданию: Материалы для полного собрания сочинений Д.И. Фонвизина: Посмерт. труд акад. Н.С. Тихоновова. СПб.: 2 Отд. Имп. Акад. наук, 1894. С. VII.

³⁸ Там же.

³⁹ Ф. 563. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо С.П. Шевырева к неустановленному лицу с обращением «Михаил Николаевич» от 11 января б/г. Адресат и год установлены нами по содержанию.

письмо Похвистнева мы печатаем по автографу, то ответ — по соответствующему «отпуску», т. е. 2-му экземпляру официального документа, подшитому к делу № 205 «О приобретениях на денежные средства Музеев в 1874 году. 7 января 1874 — 3 марта 1875 г.» из Архива РГБ («Отдел по хранению и использованию документов» функционирует со времени основания *МПуРМ*). Кроме этого, мы печатаем отпуск документа, удостоверяющего поступление рукописи в Отделение рукописей *МПуРМ* и подписанного хранителем — Е.А. Викторовым. Этот документ указывает на точную дату и на то лицо, которое непосредственно передавало рукопись. Из чего выясняется, кстати, что Борис Степанович в Москву не ездил, не имея, по-видимому, возможности отлучиться со службы, а рукопись отвозил младший сын Шевырева — П<етр?> Степанович, сведений о котором отыскать не удалось, кроме упоминаний без имени в письмах старшего брата к Погодину. Считаем необходимым отметить примечательный факт: Похвиснев пишет о «тщательно переплетенной» рукописи. При архивации она была расшита, и в этом была своя целесообразность (см. ниже в примеч. 4 к первому письму). О том, что теперь невозможно, по-видимому, выяснить, когда, кем и как рукопись была переплетена — самим С.П. Шевыревым или уже его сыном, — можно только сожалеть.

М.Н. Похвиснев¹ — В.А. Дашкову
<29 января 1874 г.>

Милостивый Государь
Василий Андреевич.

Позвольте мне, на правах старинного нашего знакомства², обратиться к Вашему Превосходительству, с покорнейшею просьбою в следующем деле.

После покойного Профессора Степ<ана> Петровича Шевырева, в числе разных бумаг, осталась подлинная рукопись Н.В. Гоголя, с изложением первых глав 2ой части «Мертвых Душ» (по ней напечатан текст этих глав в издании Трушковского). Наследники С.П. Шевырева³, нуждаясь в денежных средствах, желали бы продать эту рукопись или в частные руки или в одну из Публичных библиотек⁴, и по бывшим отношениям моим к покойному Степану Петровичу⁴, просили меня принять участие в этом деле. Цена рукописи назначена ими 200 руб. Здесь в Пбурге* предлагают им 150 р., но они на эту цену не соглашаются. Мне пришла мысль обратиться к Вашему Превосходительству, как к Директору Московских музеев, с предложением: не пожелает ли управление этих музеев приобрести этот

* Так в оригинале.

интересный автограф по означенной цене? Если бы, при обязательном содействии Вашего Превосходительства, на предложение это последовало согласие, то я просил бы Вас, Милостивый Государь, почтить меня о том уведомлением дабы я мог тот час же распорядиться о доставлении Вам сказанной рукописи (тщательно переплетенной⁵).

Пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать уверение в чувствах истинного моего к Вам уважения и совершенной преданности
Михаил Похвиснев

29 Января 1874 г.

С.Петербург

Мой адрес: С.П.б. Мих. Ник. Похвистневу на Михайловской площади, дом князя <С.С.> Абемелека, бывший Лазарева

Печатается по: *Арх. РГБ*. Оп. 1. Д. 205. Л. 13–13 об. Двойной лист бумаги в большую 8° (л. 14–14 об. чистые); чернила; на л. 13 пометы: черн. чернилами в левом верхнем углу — «№ 75», графитным карандашом в правом верхнем углу — «31 янв. 1874 г.», на левом поле около обращения Похвиснева к адресату — помета графитным карандашом: «Поговорить с Е.Ф. Коршем».

¹ Похвиснев Михаил Николаевич (1811–1882) — выпускник Царско-сельского лицея, в разные годы служил в Министерстве народного просвещения, Московском Цензурном комитете, Министерстве внутренних дел и т. п., с 1870 г. — сенатор. В 1852 г. (18-го декабря) был назначен цензором Московского Цензурного Комитета, а 25-го января 1856 г. был причислен к Министерству Внутренних Дел с увольнением от должности цензора. См. также во вступительной статье.

² Речь идет об общих собирательских интересах: Похвиснев был большим библиоманом (его библиотека была богата редкими русскими и иностранными изданиями), владельцем коллекции редких портретов, собрания автографов и редких гравюр. В «Русской Старине» он несколько раз «сообщал» различные исторические документы — как, например, «фамильные документы» (Русская старина. 1875. Т. XIII. С. 143–145), «донесения и письма А.П. Ермолова» с примечаниями публикатора (Русская старина. 1872. Т. VI. № 11. С. 493–500) и т. д.; см. также на с. 353 примеч. 36.

³ С.П. Шевырев умер в Париже 8 мая 1864 г., захоронен на Ваганьковском кладбище в Москве; вдова — Софья Борисовна Шевырева (урожд. Зеленская) умерла в 1871 г. Осталось трое детей, сведения о которых неполны. Старший сын — Борис Степанович Шевырев (1836–1888) — служил в чине полковника в Царском селе (где и похоронен на Казанском военном кладбище); дочь — Екатерина Степановна Шевырева (? – 1900), в замужестве Арсеньева, и младший сын — П<етр> Степанович Шевырев, приезжавший, судя по расписке А.Е. Викторова (см. ниже), в Москву для передачи рукописи и для подписания документов.

⁴ См. об этом во вступительной статье.

⁵ Рукопись была расшита при архивации, что следует из описания Шенрока: «Рукопись представляет собой несшитую тетрадь формата в лист» (см.: *Тих.* Т. 7. С. 843); при этом слово «тетрадь» Шенрок применяет условно, так как целиком рукопись состоит из нескольких «тетрадей», составленных из сло-

женных и не сброшюрованных двойных листов большого формата, и все эти «тетрадки» в настоящее время разложены по нескольким единицам хранения (*ОР РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34–38), не считая отдельных листов с набросками, также выделенных в самостоятельные единицы. Из текстологического описания Тихонравова (*Тих.* Т. 7. С. 587–599) становится понятной целесообразность первичной архивной обработки, проделанной, как можно уверенно предполагать, хранителем рукописей А.Е. Викторовым.

В.А. Дашков — М.Н. Похвисневу

Отпуск от 7 февраля <1874 г.> № 114

Милостивый Государь

Михаил Николаевич,

Я имел честь получить письмо Вашего Превосх<одительства> от 29 истекшего января, в котором Вы предлагаете мне приобрести для Московского Публичного Музея оставшуюся в числе бумаг покойного Профессора С.П. Шевырева подлинную рукопись Н.В. Гоголя. Предварительно какого-нибудь положительного ответа я покорнейше просил бы Вас, если признаете возможным, выслать упомянутую рукопись в Музеи для рассмотрения*.

Примите, В.<аше> П.<ревосходительство> **, уверение в совершеннейшем почтении и преданности

Его Превосход<итель>ству

М.Н. Похвисневу.

Печатается по: *Арх. РГБ*. Оп. 1. Д. 205. Л. 14 (отпуск).

Расписка хранителя отделения рукописей <А.Е.> Викторова
в получении собственноручной рукописи Гоголя

<20 февраля 1874 г.>

Собственноручную рукопись Гоголя — первые 5-ть глав 2^й части поэмы: Мертвые души, приобретенную для отделения рукописей, от П.Ст. Шевырева, за 150 рублей, получил.

Хранитель отделения

А. Викторов

20 февр.

1874 г.

Печатается по автографу: *Арх. РГБ*. Оп. 1. Д. 205. Л. 20.

* Далее зачеркнуто: оной

** Вместо: В.<аше> П.<ревосходительство> — было: М.<илостивый> Г.<осударь>

СЮЖЕТ «МЕРТВЫХ ДУШ» ГОГОЛЯ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(КОРРЕКЦИЯ, ПРОДОЛЖЕНИЕ)

«...ИЗВОЛЬ, ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, Я ВЫХОЖУ
НА ВЫЗОВ ТВОЙ!»:

коллизия исправления читателями «Мертвых душ»

(повесть Е.И. Вельтман «Виктор»)

Поэма Гоголя «Мертвые души», бесспорно, оказала существенное влияние на современную ей и последующую литературу. Разумеется, откликнулась и беллетристика. Для беллетристического повествования характерны не только вторичность, «шаблонизированность» используемых сюжетных и повествовательных моделей, повышенный интерес к фабульной стороне «вещи», но и наблюдательность (беллетристы стараются разрабатывать злободневную, остроактуальную для своего времени тематику). К середине 1850-х годов обозначилось три типа беллетристической рецепции гоголевской поэмы. Первый — усвоение и «переработка» фабулы первого тома. Показательные случаи — романы Д.В. Григоровича «Проселочные дороги»¹, Н. Безымянного «Век прожить не поле перейти», в которых варьируется фабула путешествия по провинции (во втором случае связь с гоголевской поэмой опосредована). Второй тип беллетристической рецепции — дописывание поэмы за Гоголя. Импульсом для сочинителей послужил слух о том, что сожженный второй том сохранился. Е.Е. Дмитриева проанализировала два подражания-продолжения: «Домашняя жизнь в России, описанная русским помещиком и исправленная издателем Откровений о Сибири» (1854) Лаха Ширма, профессора Варшавского университета, и «Мертвые души. Окончание поэмы Н.В. Гоголя. Похождения Чичикова» А. Ващенко-Захарченко². Первое сочинение представляет вольный перевод поэмы на английский язык. В нем по-новому выделены главы и изменен финал. В интерпретации Ширма Чичикова отправляют в Сибирь. Второе — продолжение гоголевской поэмы с того места, на котором закончен первый том. По наблюдениям Е.Е. Дмитриевой, в нем доведена до предела сентиментально-идил-

¹ Переключки между романом Григоровича «Проселочные дороги» и поэмой «Мертвые души» отмечены в статье: Козлов А.Е. Рефлексия и нарратив в «романе без интриги» Д.В. Григоровича «Проселочные дороги» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 5–11.

² Дмитриева Е.Е. К истории продолжения «Мертвых душ» (проза А.Е. Ващенко-Захарченко) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 3. М., 2012. С. 209–220.

лическая составляющая образа Чичикова: попутешествовав, герой обзаводится женой и детьми. И наконец, третий тип, о котором и пойдет речь в нашей статье, — рецепция первого тома с авторским предисловием.

В начале 1850-х годов в печати широко обсуждается ситуация, спровоцированная гоголевским предисловием ко второму изданию «Мертвых душ» с обращением автора к читателям. В ответ на это обращение к Гоголю стали поступать письма от равнодушных читателей, где, как и просил писатель, отмечались недостатки в изображении действительности, передавались личные наблюдения и давались советы. Ю.В. Манн, комментируя второе издание поэмы, приводит несколько примеров. Так, в 1847 г. на гоголевский призыв откликнулся К. Марков, помещик Харьковской губернии. В письме автору поэмы он, «ободрившись» вызовом Гоголя, разбирает характеры, сюжет поэмы, высказывает опасения по поводу продолжения. Интересна также переписка писателя с В. Белым, служащим Одесской городской думы, который, как и К. Марков, высказал сомнения по поводу продолжения, изображения добродетельных людей и предложил подробнее представить детство Чичикова, его вхождение в свет³. Кроме этого, своими соображениями с Гоголем делился студент Московского университета Д. Малиновский. Он присылал заметки, в которых сообщал наблюдения об окружающем его «люде»⁴.

Ситуация читательского соучастия в творческом процессе воспринималась современниками неоднозначно и привлекла внимание беллетристики. В частности, в повести Е.И. Вельтман «Виктор», опубликованной в «Москвитянине» в 1853 г., не без остроумия была обыграна коллизия читателя, привлеченного Гоголем к сотворчеству. Елена Ивановна Вельтман, урожденная Кубе (1816–1868), — сейчас уже забытая, а в середине XIX в. известная беллетристка, вышла на литературную сцену в 1840-е годы с повестями на злободневные — «жоржсандовские» — темы любви и брака. Ее сочинения публиковались в «Библиотеке для чтения» («Им привиделся сон», «Оксана»), «Москвитянине» («Маркиза Луиджи», «Лидия», «Виктор») и «Отечественных записках» («Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой»). Повесть «Виктор» особенно примечательна тем, что в биографии главного героя заметную роль играет его понимание гоголевской поэмы и попытки стать соавтором Гоголя. При этом восприятие Виктором «Мертвых душ» и авторского предисловия к ним в фабульном ряду составляет одну из многих ситуаций, совокупность которых харак-

³ См. подробнее: *Виноградская Н.Л.* Известные письма В.И. Белого к Гоголю // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 41–45.

⁴ *Гоголь. ПСС и П.* Т. 7. Кн. 2. М., 2012. С. 600–602.

теризует и героя, и его судьбу. Другая литературная проекция — на лермонтовского «героя времени» — в фабулу не вписана, но ей подчинена подавляющая часть событий. И такой именно герой, по мнению писательницы, — типичный читатель Гоголя первой половины 1850-х годов, отзывается на призыв к сотворчеству.

Фабула повести в общих чертах такова. Герой, светский молодой человек, не находя средств для жизни в Петербурге, переезжает к своим родственникам в деревню; от скуки он решает разобрать ссору деда с соседом, сын которого во время охоты испортил посе-вы; по пути к обидчику герой сбивается с дороги и случайно заезжает к старой сумасшедшей помещице; он влюбляется в ее внучку-красавицу и начинает ухаживать за ней, однако при намеке на брак покидает возлюбленную; в семье соседа-обидчика он знакомится с еще одной героиней, светской девушкой, и тоже начинает ухаживать за ней; девушка отвечает взаимностью, однако признается, что ее семья надеется на то, что она вступит в выгодный брак с пожилым помещиком (к слову заметим, что этот помещик впоследствии женится на внучке сумасшедшей помещицы, в которую он долгое время был влюблен и которая ответила ему взаимностью; семья, рассчитывавшая на брак, объявляет о своем банкротстве). Финал повести драматичен: проиграв свое поместье, герой сбегает из деревни, не объяснившись с родственниками, вступает в военную службу, а в итоге — сходит с ума.

Основу характерологии вельтмановского героя составляют «печоринские» свойства: рефлексивность, нравственная утомленность, разочарованность, ощущение «лишности» и эгоизм. Они представляются в иронической модальности, что отвечает направлению этого времени⁵. Для их раскрытия писательница обращается к сюжетным ситуациям, связанным в беллетристике с типом «обмельчавшего» Печорина (его яркий образец — Тамарин, герой одноименного романа М.В. Авдеева): разочарованный герой, познакомившись с героиней, естественной деревенской девушкой, говорит ей о возможности излечения и нравственного перерождения; герой старается подчинить своей воле героиню; влюбив в себя, начинает ею манипулировать; герой покидает героиню из страха показаться смешным, вступив в брак. Особенность вельтмановской раз-

⁵ В начале 1850-х годов в литературной критике общим местом становится заключение о том, что Печорин и литературный тип, порожденный им (*печоринский герой*), окончательно утратили актуальность. По мнению «пятидесятников», их предшественники — поколение 1840-х годов — сильно ошиблись в лермонтовском герое, не увидели его смешных и опасных для молодых людей сторон. В периодике появляется ряд повестей, в которых иронически снижается бывший герой времени. Назовем некоторые из них: «Тамарин» и «Порядочный человек» М.В. Авдеева, «Ваш старый знакомый» С.П. Колошина, «Тюфяк» и «М-р Батманов» А.Ф. Писемского и др.

работки распространенного литературного типа состоит в том, что в «печоринский» комплекс здесь вводится новое свойство — «мертвенность» души. «Омертвелость» героя неоднократно подчеркивается в повествовании. Так, например, один из патетических монологов молодого человека заканчивается довольно примечательным комментарием: «...Виктор, сделав над собою усилие, чтоб удержать мысль неподвижной, и сам протянулся и окаменел как мертвец»⁶.

Еще одно отличительное свойство главного героя повести, которое стоит рассмотреть подробнее, — чувство избранности. У Вельтман оно формируется в результате «противоестественного» воспитания. Мать героя — эгоистичная и нравственно «окаменевшая» женщина — нанимает гувернера-француза, который льстит ей и ее мужу и, рассчитывая на хорошее вознаграждение в будущем, внушает ученику, что тот наделен той же функцией, что и греческие боги:

...история бога солнца должна оставить глубокие следы в твоей памяти. Тот свет, который получаешь ты от разрабатывающих твой ум и сердце, ты обязан в свою очередь возвратить с избытком бедной земле твоей. Подобно Аполлону, ты будешь, на сколько положено на твою долю, просветителем диких пастухов. Не жалея труда, не оскудевай в терпении. Помни, дитя мое, что есть возможность заставить цвести эти пустыни и показать обитателям ее сладости жизни (199).

Под влиянием гувернера в Викторе развивается большое самомнение. Рассуждая сам с собой, герой приходит к выводу, что благодаря своим глубоким познаниям и утонченному эстетическому вкусу он занимает исключительное место в обществе:

Ум мой развит, обогащен знаниями; но где ж исход этой переполняющей мою голову пище? Чувства мои также развиты, также обогащены знаниями: зрение свыклось с изящными линиями, слух сроднился с гармоническими звуками, обоняние изнежено, вкус доведен до крайней утонченности, осязательность требует английских рессор, весь я требую простора, а вместо того заживо похоронен в тесной могиле!.. Каждый идущий мимо меня имеет право сказать: он молод и силен, он обладает способностями и может трудиться... А я вправе отвечать этому каждому, что силы и способности мои чрезмерны, что эта сама крайность делает меня ни к чему не способным... (228).

В этом месте фабулы, когда герой достаточно внятно и подробно охарактеризован, а логика его мысли и глубина восприятия самообнажились в его монологах, Вельтман обращается к гоголевскому эпизоду. В деревне Виктору «случайно» попадает в руки поэма «Мертвые души»: оставшись один после первого ужина в кругу родственников, досадуя на пшениный кисель, поученья деда, лобза-

⁶ Вельтман Е.И. Виктор // Москвитянин. 1853. Кн. 1–2. С. 220. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

ния прислуги, слезы матери, нехватку сигар и другие неудобства деревенской жизни, Виктор *машинально* берет томик, заботливо оставленный для него на столе (герой не мог заснуть, не почитав что-нибудь). Готовившийся к великим подвигам с детства — он решает, что гоголевское предисловие адресовано именно ему:

...Виктор машинально протянул руку к переплетенному изящно тому; оказалось, что это была поэма «Мертвые души» <...>. Виктор читал уже это произведение, но глаза его остановились на предисловии второго издания, которого он еще не знал, и невольно потянулись по строкам:

«Кто б ни был ты, мой читатель, — начал он, — на каком бы месте ни стоял ты, в каком бы звании ни находился, почтен ли высшим чином или человек простого сословия, но если тебя вразумил Бог грамоте и попалась уже тебе моя книга, я прошу тебя помочь мне».

В лице Виктора выразилось недоумение, и он продолжал пробегать предисловие. Внимание его остановилось на следующих строках:

«Какого бы ни был ты сам высокого образования и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась в глазах твоих моя книга, и каким бы ни показалось тебе мелким делом ее исправлять и писать на нее замечания — я прошу тебя сделать».

Это воззвание к читателю совершенно покорило внимание Виктора: оно относилось и лично к нему <...>. Голова Виктора была голова пылкая, и мозг имел такое свойство воспалимости, что эти поджигательные слова автора «Мертвых душ» послужили фосфорной спичкой, поднесенной к пороху (237).

Гоголь открывает перед героем именно тот героический путь, о котором он грезил с детства. В повествовании отмечается, что в этот момент у Виктора, уже размышлявшего о самоубийстве, появилось «основание», смысл жизни:

...за час тому назад я не знал, что начать с собою, голодная смерть грозила уже нравственному моему человеку, и вдруг открывается передо мной обширное поле, и я начинаю видеть пред собою цель жизни, назначение, могущее заставить забыть всякую превратность рока <...>. Изволь, гениальный человек, я выхожу на вызов твой! Здесь в темной глуши мы снимем со стоячих болот тину, дадим всему ток, жизнь! Изволь, по звуку твоего голоса я выхожу на труд жизни во всеоружии опыта и терпения; и опыт, и труд мы понесем в дар людям!.. Да, изволь, я буду писать тебе все, что знаю и вижу и что узнаю и увижу; для тебя отныне будут глаза мои открыты и ум настороже! (237–238)

Однако Вельтман с иронией подчеркивает зазор между большим самомнением героя и его реальными сочинительскими возможностями. Виктор, претендующий на роль не столько помощника, сколько соавтора Гоголя, оказывается неспособным к творческой деятельности. Приглашение писателя читать поэму с пером в руках и с листом почтовой бумаги он буквально воплощает в жизнь:

Перед Виктором лежал лист почтовой бумаги и раскрытый том поэ-

мы. Глядя в окно на эту низкую природу, Виктор слагал мысли свои на образец введения... (239).

Надо сказать, что ситуация исправления поэмы читателем, лишенным литературных способностей и дарования, была в своем роде «смоделирована» в литературной критике второй половины 1840-х годов. Известно, что гоголевское «воззвание» было расценено как неуместное. Неудовольствие вызвало то, что гоголевский призыв исправлять поэму был обращен ко *всем*, а следовательно и малообразованным, читателям. В.Г. Белинский иронизировал по этому поводу, подчеркивая, что особенно «хлопотно» будет тем помощникам, которые «писать не умеют, а надо»⁷. «Мы не можем теперь вообразить себе, — писал критик, — всех русских людей иначе, как сидящих перед раскрытою книгою “Мертвых душ” на коленях, с пером в руке и листом почтовой бумаги на столе...»⁸. Не исключено, что заключение В.Г. Белинского и навело беллетристку на мысль использовать такую ситуацию для раскрытия необоснованной амбициозности героя, во всяком случае ее герой, хотя и умеет писать, но не знает даже имени и отчества Гоголя:

...поставив букву Н, напечатанную перед фамилией сочинителя в лежащем перед ним втором издании поэмы, остановился, не зная ни имени его, ни отчества <...>. Приложив адрес свой в конце предисловия, г. автор позабыл написать полное имя! Не всякий же обязан знать, как зовут его по имени и по отчеству! (248)

Небезынтересно то, что Вельтман формирует события своей фабулы (в этом внутреннем сюжете) по модели гоголевской: решив дополнить «Мертвые души», Виктор, чтобы собрать материал, совершает небольшое путешествие по соседям-помещикам, и в повести сохраняется принцип движения Чичикова. Герой хочет приехать к одному помещику, но в результате попадает к другому. Это обстоятельство героя даже радует, поскольку «похождения», по его словам, обещают «богатую страницу автору “Мертвых душ”». Но шаг за шагом читатель повести подводится к выводу, что герой не может тягаться с Гоголем не только в «сочинении», но и в восприятии жизни:

...настроенный до энтузиазма, не отлагая принялся за дело, за описание открытого им на земной поверхности никем неведомого угла, обитаемого, как ему казалось, неведомыми никем существами. Обдумавши сколько возможно здраво, он решился начать описание с начала, то есть с самого начала, ведущего в этот неведомый уголок пути, и тотчас же стал <...> в тупик <...>. Что же скажу я нового тому, кто в поэме своей делает

⁷ Белинский В.Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. 1846 // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1982. С. 512.

⁸ Там же.

следующее общее начертание нашей русской дороги: «Едва только ушел назад город, как уже пошли писать <...> чужь и дичь по обеим сторонам дороги, кочки, ельник, низенькие жидкие кусты <...> и тому подобный вздор!». Вследствие этого размышления Виктор отложил описание дороги и попытался начать с въезда в деревушку; но и тут его предупредил автор «Мертвых душ» <...> положил приступить к делу со входа в дом. Но крыльцо и особенно передняя, представляющая столько живописных материалов живописному перу автора поэмы, здесь не представляла ровно ничего (247–248).

Такое же разочарование постигло героя и при знакомстве с окрестными пейзажами и соседями, ничего общего с гоголевскими он не увидел:

Однако ж, к крайнему своему изумлению, он заметил, что не везде дорожные предметы сходились с образцом взятого им описания. То с той, то с другой стороны дороги проносились мимо местами березовые и липовые рощи, местами врезывался он в такие густые чащи, что воображение юноши <...> готово было создавать чудную летнюю ночь и соловья, или ночь темную, осеннюю, когда молчит певец лесов, а ночные птицы, как лесные духи, налетают с разгона на дремлющую добычу... (252).

С душою, полною доброжелательства, любя с горячностью и нежностью братьев моих, я обрек себя на труд скитания по глухим дебрям и трущобам, хотел открывать груды пошлости и ничтожества, хотел выставить их напоказ миру, чтоб мир вместе со мною *плакал смехом* и *смеялся слезами* <...> и что же встречаю я наместо этих отвратительных элементов? — амброзию утонченного быта человеческого. Где ж они, даровитый автор, где ж они, твои герои, где твои Чичиковы, Ноздревы и Коробочки? (курсив автора. — *А. П.*) (283–284).

Характерно, что сочинительский провал Виктора обусловлен не только тем, что он лишен творческих способностей, может только подражать вершинному писателю, но и тем, что в самом источнике отсечена возможность механически дописывать, восполнять лакуны, вводить уточняющие элементы. Исправлять гоголевскую поэму смог бы только читатель со *своим* взглядом на действительность, интересом к окружающему, а не к самому себе. Он бы смог писать, не опираясь на «Мертвые души», а «отталкиваясь» от них. Вельтмановский герой далек от идеала. В том, что открывается ему, он старается найти не оригинальное, а известное, вычитанное у Гоголя. В результате неудачных попыток герой «потухает», бросает свою затею. Он находит новые развлечения: ухаживает за соседками, предпринимает поездку в город (там он играет, участвует в спектаклях, катаниях и т. д.). Однако гоголевский мир в момент сочинительства настолько «затянул» в себя Виктора, что в финале замесит реальность. Сойдя с ума после нравственного потрясения (карточного проигрыша), он начинает воспринимать мир и себя в свете «Мертвых душ», называет себя «мертвой» душой:

— Оря, что это такое? — спросил он слабым голосом, указывая на поляну.

— Что такое? где? — повторила казачка, — это идут стада.

— Стада короля Адмета? — проговорил больной.

— Какого короля?

— Дикари пасут их? — продолжал юноша. — Оря, а кто учит их музыке?

<...>

— Где был? где ты был? ты был болен, все бредил, что плачешь смехом и смеешься слезами, что душа у тебя мертвая, что ее кто-то хочет купить (342–343).

Между тем именно так и рисовала своего героя Вельтман с самого начала повести, порой с некоторой лапидарностью.

В целом беллетристика поставила перед собой оригинальную художественную задачу: показать постепенное и неуклонное «омертвление» человека с «мелкой» душой, лишенного идентичности, нравственно «окаменевшего». В качестве опоры она использовала сюжетные ситуации вершинных произведений, прежде всего — романа Лермонтова и поэмы Гоголя. При этом история героя повести разрешается в соответствии с общеромантической традицией: сойдя с ума, молодой человек начинает оценивать свое положение с большей адекватностью. Из заимствованного материала у Вельтман выстроилась довольно причудливая лермонтовско-гоголевская «комбинация», а в нее была «инкрустирована» актуальная для начала 1850-х годов сюжетная ситуация, связанная с исправлением гоголевской поэмы рядовым читателем. Изображая ограниченного и необразованного читателя, попытавшегося «помочь» Гоголю, писательница, намеренно или ненамеренно, затронула еще одну — характерную для литературного процесса второй половины XIX в. — ситуацию: в ироничном свете оказался представленным в повести сам процесс беллетристического сочинительства, основанный на подражании литературному образцу.

Литературная критика оценила повесть Вельтман невысоко. И резкий отзыв «Современника» вызвала описанная выше коллизия повести. Ее истолковали как попытку осмеять Гоголя. В рецензии осуждался и герой, который взялся исправлять поэму, не зная имени и отчества писателя, и иронический тон беллетристики, описавшей его затею (тон показался рецензенту неуместным и неприличным). По мнению критика, со смертью Гоголя должна была закончиться полемика вокруг предисловия: «В свое время журналы наши позволили себе несколько насмешливых выражений при появлении второго издания “Мертвых душ” с известным предисловием, но тогда автор был жив и мог отвечать на насмешки. Теперь же, когда мы

только что потеряли в нем лучшую надежду и лучшее украшение нашей литературы, когда еще всем чувствительна и больна эта безвременная утрата, тяжело слышать от кого-нибудь такие слова»⁹. Рецензент был возмущен неуместностью покушения на первостепенную в отечественной литературе фигуру Гоголя, который у Вельтман представлен столь «нелицеприятно» — с флейтой в руках, в окружении стада и пастухов.

На повесть откликнулись и «Отечественные записки», отметив талант писательницы в описании нравов семейств Чапариных и Людвиновых, но при этом добавив к претензиям, высказанным «Современником», еще одну — в том, что беллетристка не смогла ясно выразить свою идею ни в отношении к герою, ни в отношении к Гоголю на тех страницах, где «автор *относится*, как выразился бы “Москвитянин”, к Гоголю»: «...замечания г-жи Вельтман на Гоголя, как и замечания самого Виктора, проскользнули мимо своей цели. Таких лиц, каких встретил Виктор в деревне, не нашлось в первой части “Мертвых душ”, но кто поручится, что их не было во второй или третьей?...»¹⁰.

К.А. Полевой также не уловил остроумной задачи Вельтман показать постепенное «омертвление» мелкого героя, заметил только плохую разработанность характеров: «Это лицо (Виктор. — *А.П.*) не выходит из общей колеи, по которой ведут своих героев все писатели русских повестей. С первых шагов его можно угадать, чем кончится поприще такого героя. Сочинительница не придала ему и тех легких поэтических оттенков, какими означила она характеры Грушеньки, слабоумной от старости бабушки ее и даже бесстрастного Савелова. Довольно естественен также Адриан Иванович Кабурин; но остальные лица портят все: они заимствованы не из окружающего нас общества и не возведены до идеала поэтического, а просто кажутся произведением памяти, запечатлевшей в себе общие характеры русских романов»¹¹. В конце своей заметки в «Северной пчеле» Полевой проводит мысль о том, что русские писательницы, обладающие весьма «нежной природой», еще не способны создавать качественные романы.

То, что критики не заметили оригинальность повести, обусловлено, разумеется, в первую очередь ее «исполнением». Новые идеи «затерялись» в толще растиражированных идей о воспитании и образовании, о детерминированности характера человека средой, в ко-

⁹ Виктор, повесть Елены Вельтман. Москва. 1853 // Современник. 1853. Т. 42. С. 31.

¹⁰ Виктор. Повесть. Е.И. Вельтман // Отечественные записки. 1853. Т. 88. № 5. Отд. V. «Библиографическая хроника». С. 54; без подписи; курсив автора.

¹¹ <Полевой К.А.> Виктор. Повесть Елены Вельтман. Москва. 1853 // Северная пчела. 1853. № 140. 26 июня. Отд. «Пчелка». С. 558; подпись: К.П.

торой он вырос и т. д. Весьма остроумные и актуальные пассажи об исправлении гоголевской поэмы лишенным всякого дарования читателем отошли на второй план из-за введения чрезвычайно раздутой предыстории семьи Поляновых-Людвиновых, пространных повествовательных отступлений на злободневные темы, сложно переплетенных любовных линий, которые сами по себе, по точному замечанию критиков, не особенно интересны, построены по узнаваемым моделям. Но качество прозы Елены Ивановны Вельтман к Гоголю имеет малое отношение.

МИСТИФИКАЦИЯ Н.Ф. ЯСТРЖЕМБСКОГО:
«Новые отрывки и варианты» второго тома
«Мертвых душ»

Среди попыток дописать и домыслить 2-й том «Мертвых душ», который до читателя дошел в весьма отрывочном виде (рукопись уцелевших от сожжения пяти глав распространялась начиная с конца 1852 г. в списках, а в 1855 г. ее транскрипция, выполненная С.П. Шевыревым, была издана племянником Гоголя Н.П. Трушковским), особое место занял эпизод с «Новыми отрывками и вариантами» гоголевской поэмы, вошедший в историю как «мистификация Ястржембского».

Эпизод этот относится к 1872 г., когда в редакцию журнала «Русская старина» поступила рукопись, присланная бывшим директором училищ Могилевской губернии М.М. Богоявленским¹. Рукопись была представлена Богоявленским как «дополнения» к тем спискам первых глав второго тома «Мертвых Душ», которые «до сих пор найдены и изданы», и сразу же была опубликована в журнале со следующим редакционным пояснением: «Отрывки эти сохранились в рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанию в Нежинском лицее, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. в 1857 г.). Рукопись (в 4-ю долю) подарена была Прокоповичем на память его сослуживцу по преподаванию в I-м кадетском корпусе полковнику Н.Ф. Я-му. Полковник, живя впоследствии в губернском городе Могилеве, познакомился с директором училищ Могилевской губернии — Михаилом Максимовичем Богоявленским и, по его просьбе, охотно позволил снять точную копию с своего манускрипта. Эту копию М.М. Богоявленский, — ныне директор С.-Петербургского коммерческого училища, — весьма обязательно предоставил нам напечатать на страницах “Русской Старины”»².

В предуведомлении перечислены были также и «совершенно новые эпизоды», отсутствовавшие в печатном тексте, уже известном читателю:

Глава 1.

— подробный рассказ о службе Тентетникова;

¹ Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Новые отрывки и варианты (Сообщ. М.М. Богоявленский) // Русская старина. 1872. Т. V. № 1. Январь. С. 85–117.

² Там же. С. 88.

— столкновение Тентетникова с начальником отделения Леницыным, его арест;

— рассказ дяди Тентетникова, действительного статского советника, о графе Сидоре Андреевиче;

— речь, с которой Тентетников обращался к крестьянам по приезду в деревню, и рассуждения о нем мужиков и баб.

Глава 2.

— размышления Бетрищева о службе и о «подлецах», которые ее продолжают;

— замечание Бетрищева о Михайловском-Данилевском;

— посредничество Чичикова в деле сватовства Тентетниковым Улиньки перед генералом Бетрищевым;

— описание обеда Чичикова у Бетрищева;

— возвращение Чичикова к Тентетникову и рассказ его о визите к Бетрищеву, о сватовстве, об «истории генералов».

Глава 3.

— «ненапечатанные подробности о предобеденной закуске у Петуха»;

— сон, который привиделся Чичикову в доме у Петуха³.

Завершался же редакционный текст выражением уверенности в том, что хотя найденные отрывки и «незначительны по объему, но в них искрится неподражаемый, умерший с Гоголем юмор, поразительная меткость выражения и художественное воспроизведение лиц, местностей, всего, до чего только касалась кисть гениального мастера»⁴.

На публикацию в «Русской старине» первым откликнулся журнал «Русский вестник». Анонимный рецензент, еще раз перечислив уже отмеченные «Русской стариной» расхождения новых текстов с известными, выделил как «лучшие места» «Отрывков» «сватовство Чичикова и рассказ о нем Тентетникову», в которых «виден прежний Гоголь, Гоголь первой части *Мертвых Душ*» («Чичиков в деле сватовства, со своими блестящими импровизациями в пользу Тентетникова, которого он возводит в историографы генералов, — прелестен»⁵). Другие же эпизоды (ссоры Тентетникова с начальником, приезд в деревню и проч.) были охарактеризованы как очень «слабые» и «бледные» («Придуманно может быть и не дурно, но ничего не вышло»⁶).

Гораздо более апологетичной в отношении «новонайденной» рукописи была статья В.П. Чижова, тогда же опубликованная в жур-

³ Там же. С. 88–89.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Новые отрывки из *Мертвых душ* и воспоминания о Гоголе // Русский вестник. 1872. Т. 97. Январь. Отд. «Смесь». С. 410.

⁶ Там же.

нале «Вестник Европы»⁷. Назвав «отрывки» «нежданным открытием», проливающим свет на внутреннюю жизнь и творчество Гоголя в последний период его жизни⁸, Чижев увидел в них «дальнейшую выработку последнего (второго) списка», редакцию более позднюю, чем уже опубликованные («это всего яснее видно из отрывка 3-й главы, где в известное описание приезда Чичикова к помещику Петуху введены новые эпизоды о закуске Петуха, о сне Чичикова, превосходно дорисовывающие этот мастерской этюд»⁹). К тому же расхождения между «отрывками» и печатной редакцией свидетельствовали, по мнению Чижева, об отходе позднего Гоголя от тенденциозности («Ясно должно было стать, что для успеха его поэмы необходимо было выбросить из нее тенденциозную подкладку <...>. Вновь найденные отрывки первых глав 2-го тома замечательны тем, что обнаруживают перед нами работу <...> в этом направлении. <...> Всюду обнаруживается стремление к простоте и естественности, даже в обрисовке характера Улиньки устранены лишние восклицания и напускные восторги...»¹⁰). И главное — демонстрировали изменение гоголевского умонастроения под влиянием известного письма В.Г. Белинского, «личное раздражение» против которого Гоголя к тому времени уже «улеглось»¹¹. «Счастливый случай не ранее, как через двадцать лет по смерти великого писателя, дал нам возможность заглянуть в его душу и прозреть луч света среди окутавших его сумерек», — таков был вердикт статьи¹².

Удивительно, что с мнением Чижева позднее солидаризировался и А.Н. Пыпин в статье «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», говоря о том, что «...последние работы Гоголя над вторым томом уже отступали от направления “Переписки” в другую, лучшую сторону; ему объяснялись хоть некоторые стороны нового образа мыслей, к которому он, вместе с петербургскими друзьями, относился прежде с таким высокомерием и враждой»¹³. Более того, в «Новых отрывках и вариантах» Пыпин усмотрел «третью редакцию» второго тома, «быть может, ту самую, о которой Гоголь в 1850 говорил М.А. Максимовичу, что “с нее туман сошел”...»: «в рассказе являются новые эпизоды, а из прежних

⁷ Чижев В. Последние годы Гоголя. Литературная заметка. По поводу «Новых отрывков и вариантов ко 2-му тому Мертвых Душ», в «Русской старине». 1872 г. Январь // Вестник Европы. 1872. Т. IV. Кн. 7. С. 432–449.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ Там же. С. 433.

¹⁰ Там же. С. 444–445, 447.

¹¹ Там же. С. 444.

¹² Там же. С. 449; см. также: Масанов Ю.И. Неизвестные отрывки из «Мертвых душ» // Масанов Ю.И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963. С. 188–189.

¹³ Пыпин А. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки // Вестник Европы. 1873. № 4. С. 547.

исчезают те подробности, которые Гоголь рассчитывал для своих тенденциозных целей»: нет удивительной школы, где преподавалась «наука жизни», Тентетников «уже не предается мечтаниям о патриархальном значении и высоком смысле помещичьей власти, и в нем скорее можно видеть человека с новыми понятиями»¹⁴.

В дальнейшем события развивались следующим образом. Спустя несколько месяцев после появления хвалебной статьи Чижова и чуть менее года спустя после публикации обсуждаемых текстов в «Русской старине» редакцией этого журнала было получено письмо от самого Ястржембского, датированное 31 октября 1872 г. В письме высказывалось удивление фактом напечатания «Отрывков» без его ведома и выражалось сомнение в их подлинности. В ответ на просьбу редакции журнала «разъяснить основания такого предположения» Ястржембский представил в письме от 13 февраля 1873 г. из Могилева совершенно иную версию событий, чем та, которая была изложена ранее Богоявленским:

Отвечаю откровенно: варианты эти написаны мною, тринадцать лет тому назад; никогда не предназначались к печати и написаны по особому случаю. <...> В 1859 г., проживая в Могилеве, я был коротко знаком с М.М. Богоявленским. В дружеских беседах мы с ним часто спорили о наших литературных знаменитостях. В одной из подобных бесед зашла речь о Гоголе. Оба мы, и М.М. (Богоявленский. — *Е.Д., А.Ш.*), и я, принадлежим к числу страстных поклонников Гоголя; но М.М. восторгался им безусловно, а я, признавая Гоголя великим писателем за первые его литературные произведения, и в особенности за 1-ю часть «Мертвых Душ», негодовал за его «Переписку с друзьями» и за 2-ю часть «Мертвых Душ». Помнится, что раз, в оживленном споре, я сказал, что нахожу 2-ю часть «Мертвых Душ» крайне неудачным продолжением первой. Я прибавил, что у меня есть переделка трех первых глав 2-й части, гораздо удачнее произведения Гоголя, и что М.М. не узнает, Гоголь ли это писал или кто другой. М.М. пожелал видеть эту переделку, и я обещал ему отыскать ее в хламе старых бумаг. У меня была рукопись 2-й части «Мертвых душ» в том виде, в каком впоследствии она напечатана; и я, недовольный этой 2-ю частью, переделал три первые главы ее и сообщил М.М. Он прочел и объявил, «что это не подделка под Гоголя, а сам Гоголь». Я уверял его в противном; он стоял на своем и сказал, что я грешу тем, что, имея у себя такую драгоценность, не предаю ее печати. Я отвечал, что дорожа именем Гоголя, я не осмелюсь никогда выдать за гоголевское то, что принадлежит чьему-то досужему перу. — «Так подарите мне эту рукопись: я ее напечатая». — «Подарить не могу, а списать копию можете, но с условием: никогда не печатать»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 546–547; о реакции Пыпина см.: *Виноградов В.В.* История одной литературной подделки // *Русская литература*. 1958. № 3. С. 107–108; *Масанов Ю.И.* Указ. соч. С. 189.

¹⁵ Текст этого письма был опубликован в составе редакционной статьи в журнале «Русская старина» и стал известен широкой общественности лишь в августе

Между тем, 22 февраля 1873 г. редакцией «Русской старины» было получено еще одно письмо от Ястржембского, к которому он приложил «рукопись 2-й части “Мертвых душ”»¹⁶. Она представляла собой сделанный им список с якобы переданной ему Прокоповичем «для списания» второй части поэмы, в который были внесены и его собственные дополнения. Присланный текст совпадал с тем, что был напечатан в 1872 г. в «Русской старине», однако следов вставок или переделок, кроме исправления немногих описок, он не содержал, и в том же году был Ястржембскому возвращен¹⁷.

В июне 1873 г., еще до появления редакционной статьи в августовском номере «Русской старины», М.И. и В.И. Семеvские, выступив на этот раз под собственными именами, обнародовали в «Санкт-Петербургских ведомостях» все сведения, полученные ими от участников событий, но каких-либо однозначных выводов об авторстве «Отрывков» не сделали¹⁸. На эту публикацию, а также на статьи Чижова и Пыпина Ястржембский откликнулся письмом от 2 июля 1873 г. В нем он вновь назвал «Отрывки» мистификацией, выдвинув в качестве дополнительного довода следующий: «...если бы статья моя была списком с чьей-либо рукописи, неужели в течение 13-ти лет не нашелся бы другой список этой рукописи?»¹⁹. В защиту своей версии он привел еще несколько подробностей о генезисе сцен, добавленных им во вторую часть, которую хотел сделать «достойным продолжением первой»:

Я вставил известный в свое время всему Петербургу анекдот о графе Сидоре Андреевиче, случившийся в 1854 году, т. е. после кончины Гоголя. Я заставил генерала Бетрищева сказать о Михайловском-Данилевском то, что вместе со многими слышал в Витебске за обедом в 1856 году от одного генерала, участвовавшего в отечественной войне <...> я описал завтрак у Петра Петровича Петуха со сцены, которой, вместе с другими, был свидетелем здесь, в Могилеве, у одного барина-сибарита, любившего плотно поесть и угостить, и хваставшегося тем, что он не знает, что такое скука; я дополнил недосказанное у Гоголя примирение Тентетникова с Бетрищевым и сватовство Чичикова. Одним словом я, а не кто другой, написал варианты, напечатанные в «Русской Старине»²⁰.

1873 г. См.: Подделка под Гоголя (Литературный курьез) // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 8. Август. С. 245; подпись — «Ред.» (М.И. и В.И. Семеvские).

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 247–249.

¹⁸ Семеvский В., Семеvский М. По поводу «литературного курьеза» // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. 28 июня. № 175. С. 2.

¹⁹ Ястржембский Н. Еще по поводу «литературного курьеза» (Письмо в редакцию СПб. ведомостей) // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. 7 июля. № 184. С. 2.

²⁰ Там же. О том, что именно анекдотом о графе Сидоре Андреевиче, который «мог быть принят <...> за характеристику весьма некогда известного <...> вельможи, но за несколько лет до своей смерти оставшегося “не у дел”», Бого-

Летом 1873 г., после сообщения о поддельном характере гоголевского текста, на «Вестник Европы», посчитавших «Отрывки» подлинными, «обрушились ирония и удары газетных фельетонистов» и обвинения в тенденциозности²¹. Ястржембский, со своей стороны, начал публиковать в это время в прессе (в основном — в газетах, по-видимому, для скорости) письма, в которых на разные лады решительно утверждал собственное авторство, давая при этом объяснения, нередко весьма противоречивые, мотивов и обстоятельств подделки. В частности, изменения, внесенные им в текст поэмы, он объяснял следующим образом:

Я исключил из 2-й части «Мертвых Душ» похвальный гимн *образцовому* наставнику Тентетникова, унижавшему и оскорблявшему своих питомцев, с гнусною целью приучить их терпеливо и позорно переносить все унижения и оскорбления, какие могут им встретиться в жизни. У меня нет *недоучившегося студента с зловредным либеральным направлением*, которого Гоголь вывел на сцену, делая намек на Белинского, озлобившего его против себя известным зальцбруннским письмом. Я заставил Тентетникова остановить крестьян, пришедших к нему с рабскими поклонами, и произнести речь (конечно, для них непонятную) о человеческом достоинстве, о том, что он — такой же человек, как и они; что человек обязан уважать себя и не унижаться перед равным себе существом²².

В развернувшейся по этому поводу дискуссии принял участие Г.П. Данилевский. Он утверждал, что «Отрывки» написаны самим Гоголем, поскольку в них «лакуны» сохранившихся списков второго тома заполнены эпизодами, известными ему по рассказам лиц, присутствовавших при авторских чтениях поэмы: это и «анекдот о милостивых побранках графа Сидора Андреевича», и «разговор Чичикова с Бетрищевым» о военном историке А.И. Михайловском-Данилевском²³. Эта же особенность «подделки» обсуждалась и в авгу-

явленский объяснял причину того, что не печатал имевшиеся у него материалы вплоть до 1872 г., см.: Подделка под Гоголя (Литературный курьез) // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 8. Август. С. 251.

²¹ См. подробнее: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 108–109.

²² Ястржембский Н. К вопросу о подделке «Мертвых Душ» Гоголя // Голос. 1873. 24 августа. № 233. С. 4; курсив автора. Другие объяснения Ястржембского по поводу его переделки второй части «Мертвых душ» см.: Голос. 1873. 28 августа. № 237. С. 2; Ястржембский Н. Ответы «Вестнику Европы» // Голос. 1873. 17 сентября. № 257. С. 2; Ястржембский Н. Изложение дела о варьянтах «Мертвых душ», напечатанных в январской книжке «Русской старины» за 1872 год // Голос. 1873. 8 октября. № 278. С. 2; Ястржембский Н. Литературные курьезы // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. 20 июня. № 167. С. 1. Подробнее о письмах Ястржембского см.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 114.

²³ Данилевский Г. Письмо в редакцию (По поводу новых отрывков из второго тома «Мертвых Душ» Гоголя) // Санкт-Петербургские ведомости. 1873. 2 августа. № 210. С. 2.

стовском номере «Вестника Европы»: обнаружив сходство одной из «вставок» (рассказ о примирении Тентетникова и Бетрищева) с соответствующим фрагментом воспоминаний Л.И. Арнольди²⁴, автор статьи, скрывшийся за псевдонимом «Д», посчитал вероятным, что Ястржембский присвоил себе гоголевский текст²⁵. Кроме того, критик указал на большое количество неточностей в «признании» Ястржембского, мешающих принять его версию²⁶.

Сам Ястржембский объяснял подобные совпадения тем, что в рукописи, которую он исправлял и дополнял, имелось «несколько пробелов», и на некоторых «была набросана как бы программа недосказанного»; из нее в написанные им варианты могли попасть отдельные слова²⁷.

Одна из версий, объясняющих появление «Отрывков», была высказана в августе 1873 г. князем Д.А. Оболенским, который также слушал главы второго тома поэмы в чтении Гоголя и позже принимал участие в хлопотах по изданию собрания сочинений 1855 г. Оболенский, как и Данилевский, был уверен, что варианты «Мертвых душ», опубликованные в «Русской старине», «писаны не Гоголем»:

Не касаясь здесь содержания этих вариантов и слога их, носящих явные признаки неудачной подделки под манеру Гоголя, — *материально* невозможно, чтобы в чьих-либо руках могла находиться рукопись II-й части «Мертвых Душ», не согласная с теми вариантами, которые изданы были в 1855 году Трушковским, а впоследствии г. Кулишом. <...> ...главы второй части «Мертвых душ» ходили уже по рукам в списках, в значительном числе экземпляров, еще прежде появления их в печати. Бывший в руках г. Ястржембского экземпляр, очевидно, был тот самый первоначальный список, который издан в 1855 г. На нем, действительно, после 2-й главы написано было карандашом (в скобках): «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о 12-м годе; помолвка Улиньки за Тентетникова...» <...> Г. Ястржембскому легко было воспользоваться этой темой, чтобы позабавиться подражанием Гоголю, — тем более, что подробности он мог узнать из статьи Л.И. Арнольди «Мое знакомство с Гоголем», напечатанной в 1862 году в «Русском вестнике». В этой статье весьма верно изложено содержание четырех первых глав 2-й части, и хотя статья эта появилась

²⁴ Арнольди Л.И. Мое знакомство с Гоголем // Русский вестник. 1862. № 1. С. 75–76.

²⁵ Д. Подделка Гоголя: Заметка // Вестник Европы. 1873. № 8. С. 822–840 (см. в особенности с. 835–837).

²⁶ Там же. С. 839; см. также: Д. Подделка Гоголя: Заметка вторая (и последняя) // Вестник Европы. 1873. № 9. С. 449–456; о возможном авторе заметок см.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 112; Масанов Ю.И. Указ. соч. С. 192.

²⁷ Ястржембский Н. Изложение дела о вариантах «Мертвых душ», напечатанных в январской книжке «Русской старины» за 1872 год // Голос. 1873. 8 октября. № 278. С. 2.

в свет только в 1862 году, но весьма многие лица, из рассказов Шевырева, Аксаковых и А.О. Смирновой, знали содержание многих глав, совершенно для нас утраченных. Таким образом, и г. Ястржембский мог слышать от Прокоповича или от кого-либо другого те мотивы, которые он воспроизвел в своих вариантах²⁸.

К тому же, утверждал Оболенский, кроме рукописей, переданных после смерти Гоголя графом А.П. Толстым Шевыреву, «ни у кого и никогда не могло быть строки из 2-го тома “Мертвых Душ”, — ибо невозможно допустить, чтобы сам Гоголь решился выпустить из своих рук сокровище, над которым постоянно дрожал, опасаясь, чтобы оно не сделалось известным прежде окончательной отделки»²⁹.

Авторство Гоголя было оспорено в том же 1873 г. еще и в двух заметках, помещенных в газете-журнале «Гражданин», редактируемой в то время Ф.М. Достоевским³⁰. В первой из заметок³¹ иронически излагалась и комментировалась история с «новыми отрывками», давался стилистический анализ лжегоголевских вариантов, характер изменений гоголевского текста, пропусков, исключений, добавлений. Во второй статье³², продолжавшей стилевой и содержательный анализ исправлений, внесенных Ястржембским в гоголевский текст, подделка иронически расценивалась как забота об «испорченной репутации» Гоголя, написавшего «Переписку с друзьями», «а в довершение беды несколько неполных глав II тома “Мертвых душ” в духе той же “Переписки”»³³. Ястржембскому, находившемуся под сильным влиянием известного письма Белинского к Гоголю, «пала <...> на душу великая скорбь об утраченной репутации Гоголя и, вслед затем, желание — чтоб II том очистился и не отзывался больше духом “Переписки”»³⁴.

²⁸ Оболенский Д. О первом издании посмертных сочинений Гоголя: Воспоминания кн. Д. Оболенского // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 12. С. 941, 952; выделено автором; см. то же: *Гог. восп. совр.* С. 544, 555.

²⁹ Оболенский Д. О первом издании посмертных сочинений Гоголя: Воспоминания кн. Д. Оболенского // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 12. С. 953; выделено автором; см. то же: *Гог. восп. совр.* С. 556.

³⁰ В.В. Виноградов предположил, что эти статьи написаны были при участии Достоевского (Виноградов В.В. Указ. соч. С. 102–129); опровержение этой версии см.: Туниманов В.А. Об анонимном фельетонном наследии Ф.М. Достоевского в годы редактирования «Гражданина» // Русская литература. 1981. № 2. С. 169–174.

³¹ Из текущей жизни // Гражданин. 1873. № 34. С. 934–936.

³² Неоцененное побуждение // Гражданин. 1873. № 45. С. 1207–1210.

³³ Там же. С. 1208.

³⁴ Там же; подробный анализ статьи см.: Виноградов В.В. Указ. соч. С. 118–125; о поддельном характере «Отрывков...» см. также: Смоленский. Поддельный Гоголь. (Забытый анекдот) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск.

В настоящее время «Новые отрывки и варианты», в особенности после тщательнейшего стилистического анализа, проделанного В.В. Виноградовым³⁵, вряд ли могут вызвать у кого-то подозрение, что автором их был сам Гоголь. Но при этом мы не можем не признать, что мистификация Ястржембского так и осталась единственной, вызвавшей споры и сомнения относительно авторства текста. Все предыдущие и последующие попытки «дописать» «Мертвые души» никого не обманывали и отражали скорее стремление домыслить судьбу гоголевских героев, тайну которых «Гоголь унес в гроб»³⁶. Именно потому нам показалось важным еще раз представить в полном объеме этот загадочный текст, выделив при этом курсивом «дополнения», инкрустированные в собственно гоголевские главы. Отказываясь признавать эти дополнения гоголевскими (именно поэтому они остаются «не учтенными» во втором томе «Мертвых душ» новейшего академического издания сочинений и писем Гоголя, который в настоящее время готовится к печати), мы тем не менее хотим указать на их ценность артефакта — в достаточной мере талантливой подделки, которая сумела ввести в заблуждение даже серьезных критиков и опытных читателей Гоголя. Текст «Новых отрывков и вариантов» приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

1909. 20 марта (2 апреля). № 11017. С. 2; Масанов Ю. Литературные мистификации // Советская библиография. № 1 (18). М., 1940. С. 135–137.

³⁵ Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 354–421.

³⁶ Измайлов-Смоленский А.А. Загадки и тайны Гоголя (К столетию дня его рождения) // Нива. 1909. № 11. С. 211.

Похождения Чичикова, или Мертвые души.
Поэма Н.В. Гоголя.
Новые отрывки и варианты

ГЛАВА I

(Начало главы в рукописи совершенно сходно с печатным, то есть: обращение к самому себе — почему автор все описывает «бедность, да несовершенство нашей жизни», затем великолепный очерк великорусской природы, описание имения Тентетникова, вид с балкона; обрисовка Тентетникова, отзыв о нем генерала Бетрищева и др., наконец описание дня из жизни Тентетникова... далее в рукописи следует)³⁷:

...Что же делалось потом до самого ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось. *Разве что подержалось на коленях смазливую Палашку или Авдотьку, приходивших в спальню для уборки комнаты.* И вот как проводил время один-одинешенек молодой тридцатитрехлетний человек: сидел сиднем, в халате и без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться наверх, не хотелось растворить окна и впустить свежего воздуха в комнату. И прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой гость-посетитель, ровно не существовал для самого хозяина. Из этого видно, что Андр<ей> Ив<анович> Тентетников принадлежал к семейству людей, которых имена прежде были: увальни, лежебоки, байбаки, а которых теперь называют: мыслителями, умозрителями, философами. Родятся ли уже сами собою такие характеры или образуются потом? — *Андрей Иванович родился лежебоком, байбаком. Сын достаточных родителей, до десяти лет прозябал дома. Десяти лет, потеряв родителей, попал в заведение какого-то Феодора Ивановича, усердного, но крайне неспособного человека.*

Он бился из того только, чтобы в его заведении читалось как можно более курсов и как можно пространнее. И Боже мой, чего там ни читалось. И физика, и химия, и все отрасли естественной истории, и физиология, и сравнительная анатомия, и логика, и метафизика, и, наконец, верх всего — всеобщая история человечества. Эту историю человечества излагали в таком обширном размере, что в три года профессор едва успевал прочесть введение да развитие общих каких-то немецких городов. *Вся эта галиматья слушалась всеми воспитанниками заведения, слушалась и Андреем Ивановичем, слушалась и оставалась в голове какими-то безобразными клочками. Кончилось учение — Андрей Иванович решился вступить*

³⁷ Здесь и далее заключен в скобки и дан меньшим кеглем текст, принадлежащий, по-видимому, М.М. Богоявленскому. — Е.Д., А.Ш.

в службу и, не взглянувши на прекрасный родной уголок, так поражавший всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, понесся в Петербург, куда, как известно, стремится со всех сторон России наша молодежь — служить, выслуживаться или просто схватывать верхушки бесцветного, холодного как лед, общественного, обманчивого образования. По протекции дяди, действительного статского советника Онуфрия Ивановича, определился, впрочем с большим трудом, в какой-то департамент.

Скоро Тентетников свыкся со службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как полагал было вначале, но чем-то второстепенным. Она служила ему распределением времени. *Дядя, действительный статский советник, дослужившийся до этого чина сорокалетнюю беспорочную службу, за что и получил золоченную с лавровым венком пряжку с цифрами XL, которую носил на груди вместе с дворянскою медалью и Владимиром 4-й степени, с надписью за 35 лет, дядя радовался успехам племянника, который через шесть месяцев службы получил чин губернского секретаря. (Дядя служил четыре года, прежде чем попал в 14-й класс).*

Дядя стал уже помышлять, что из племянника будет прок, как вдруг племянник подгадил. В числе друзей Андрея Ивановича попались двое, которые были то, что называются разочарованные, огорченные люди. По природному своему телячьему свойству Тентетников поддался их влиянию и, хотя сам ничего в жизни не перенес, ни в чем не разочаровался, счел себя тоже разочарованным и огорченным. Приятели его не могли переносить равнодушно всего, что казалось им несправедливостью. Имея надобность в снисхождении к себе других, сами были крайне не снисходительны ко всем. Тентетников заразился сильным негодованием против общества вообще и против начальников, стесняющих свободу человека, в особенности. Нервная раздражительность заставила его замечать те мелочи, на которые он прежде и внимания не обращал. Вдруг ему не понравился начальник его отделения Федор Федорович Леницын. Тентетников стал открывать в нем бездну недостатков; ему показалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался в приторный сахар и в уксус, когда обращался к подчиненному; что он готов был служить начальству как лакей; что он даже бросался подавать шинель и галоши директору департамента и по уходе директора посматривал, поджидая, не подаст ли ему шинели и галоши какой-нибудь столоначальник, и когда нашелся такой столоначальник, улыбался и цедил сквозь зубы: «премного вам обязан, почтеннейший», вместо того, чтобы сказать: «напрасно вы унижаетесь»; что он, Леницын, брал на дурное замечание тех, которые не являлись к нему с поздравлением в праздники, и вымещал по службе тем, которых брал на дурное замечание за неявку в праздники.

Тентетников почувствовал к нему нервическое отвращение. И совершенно напрасно. Конечно, Леницын был из подленьких. Но какое дело подчиненному до того, подлец ли или нет его начальник, и какое начальник имеет право на полное душевное уважение своих подчиненных. Да притом же, какая тут подлость подать галоши начальнику. Так, по крайней мере, рассуждали все начальники отделения департамента, как сделалась известною история Тентетникова с Леницыным. А история случилась вот как:

В одно утро, когда директор, подписав свое имя на поднесенных ему бумагах, закрыл присутствие и отправился в английский клуб отдохнуть после тяжких служебных трудов, в передней, по обыкновению, случился Леницын и пособил швейцару подать шинель и галоши его превосходительству, — Тентетников и два приятеля, игравшие роли разочарованных и огорченных, случились тут же и были свидетелями подавания шинели и галош. Тентетников вспыхнул весь благородным негодованием при виде этого унижения, но удержался. Вдруг начальник отделения, недовольный, конечно, тем, что его подчиненные были свидетелями подавания шинели и галош, обратился к нему с свойственным начальнику достоинством:

— Вы, г. Тентетников, с вашими приятелями слишком рано оставляете присутствие. Я уже давно собираюсь заметить вам это и нахожу нужным прибавить, что службою вашею я решительно недоволен.

Тентетников еще удержался:

— Я стараюсь, Феодор Феодорович, в точности исполнять служебные обязанности.

— Вы их, сударь, не понимаете. Вы, я вижу, вольнодумец. Первая обязанность службы — должное уважение к начальникам; а этого-то в вас и нет.

Тентетников не выдержал:

— Я уважаю тех, которые заслуживают уважение и которые уважают сами себя. Служу не начальству, а государю и отечеству, и презираю тех, которые исполняют лакейские должности у своих начальников.

Говоря это, весь красный, Тентетников сделал два шага к Леницыну. Но Леницын с первых слов понял, в чем дело, и, как человек благоразумный, шмыгнул к двери, и из-за двери показал сжатый кулак Тентетникову, приговаривая: «хорошо, любезный, вот я тебе покажу, кому ты служишь».

На другой день Тентетников был посажен под арест за то, что в поданной им к подписи бумаге слово капитал было написано так, что можно было принять за капитан. Тут же объявлено ему было, что если подобные погрешности, доказывающие совершенную неспособность к службе, будут замечены, то он, Тентетников, будет исключен из службы.

На следующий день директор департамента призвал в присутствие Тентетникова и с свойственной начальнику строгостью сделал выговор за то, что им, Тентетниковым, недоволен начальник отделения: «Знайте, молодой человек, было прибавлено с достоинством, что в моем департаменте не терпится ни нерадение, ни неспособность, а более всего непочтительность к начальству — и если вами недоволен такой достойный человек, каков Феодор Феодорович, то этого уже достаточно, чтобы вас не терпеть на службе. Я вам советую подать в отставку».

С ужасом узнал об этом дядя, действительный статский советник:

— Ради самого Христа! подумал ли ты, с кем ты задрался. Ты не должен оставлять службу; ты не можешь оставлять службу. Ты обязан повиниться и просить прощения у Феодора Феодоровича.

— Я, я буду просить прощения у этого подлеца! Нет, дядюшка, вы не захотите моего унижения.

— Какое тут унижение, любезнейший, ведь он начальник. Помилуй, Андрюша! Да если смотреть на это, что начальник выругает, да обижаться этим, да бросать службу, так этак никому бы не пришлось служить. Знаешь ли, брат, каков мой начальник, граф Сидор Андреевич. Вот уж, можно сказать, собака, а добрейшая, благороднейшая душа. Сколько раз он меня, действительного статского советника, называл дураком, ну, что дураком, просто по-матерному выругает, и что же? через два часа ничего не помнит и опять дружески разговаривает, спрашивает, скоро ли опять жена отелится.

— А вы-то, дядюшка, тоже через два часа ничего не помните? Впрочем, к чему все это? Я более не намерен служить. Это дело решенное. У меня есть другая служба: 300 душ крестьян, имение в расстройстве, управляющий дурак. Государству немного утраты, что вместо меня другой сядет в канцелярии переписывать бумаги, но большая потеря, если 300 человек не заплатят податей или пойдут по миру. Что, вы думаете, я не понимаю всей ответственности перед Богом, отечеством и совестью за крестьян, которых участь вверена мне судьбою. Нет, дядюшка, я понимаю всю великость, всю святость моих обязанностей. Я буду жить в деревне, улучшу быт моих крестьян, образую их нравственно и религиозно и сделаю из них людей, тогда как они теперь скоты. Я даже упрекаю себя за потерянное время на службе. Я бы уже успел многое сделать. Но я сделаю, непременно сделаю.

Действительный статский советник остался с открытым ртом. Он не понимал жизни без службы и был уверен, что молодой человек в деревне — пропащий человек. Он подумал немного и начал в таком роде: «Но все-же-таки... но как-же-таки... запροпастить себя

в деревне? И какое общество может быть между мужичьем? Здесь, все-таки, на улице попадется генерал, князь — пройдешь мимо какого-нибудь... там, ну все-таки, некоторым образом облагораживаешься. Ну и главное, столица, просвещенная Европа, просвещение... ну а там, все что ни попадется, все это или мужик, или баба. *Помилуй, Андрюша, не губи себя. Ну посмотри на меня, ну что был бы я без службы, ну что? а теперь имею, благодаря Творца, и чин, и почетный крест; и подчиненные боятся и начальство под час ласкает».*

«Хорошо тебя ласкает твой граф Сидор Андреевич», — подумал про себя Тентетников и прибавил вслух:

— Дядюшка, вы напрасно теряете время, я решил, и дело кончено.

— Так пропадай же ты себе в деревне, живи с мужиками да с бабами, умирай губернским секретарем и не знай меня, — сказал сердито дядя, плюнул, хлопнул дверью и ушел.

Недели через две после этого разговора Тентетников был уже в окрестностях тех мест, где пронеслось его детство, приближался к тому прекрасному уголку, которым не мог вдоволь налюбоваться гость-посетитель. По мере приближения в душе его стали просыпаться детские впечатления. И вдруг забилося у него сердце. *И ему живо представились все подробности его счастливого детства; и он увидел себя малюткою, которого вел за руку отец, гуляя по поляне; и он увидел мать, выходящую навстречу отцу, возвращающемуся с усталым малюткой; и он почувствовал себя на руках матери, которая прижимала его к сердцу и спрашивала с нежностью, не слишком ли он устал; и невольные слезы брызнули из глаз Андрея Ивановича; и он упрекнул себя в том, что в первый раз только вспомнил о родителях, что до сих пор не поклонился даже их праху.*

Тентетников въехал в деревню, славно застроенную; подъехал к прекрасному господскому дому, окруженному дивным, густоразросшимся садом, и, восхищенный всем, что видел, назвал себя пошлым дураком за потерянное время на службе в переписывании бумаг: *«Экой я был болван, экой пошлый дурак! Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я, дурак, закабалил себя в кропатели мертвых бумаг. Хорошо, что не послушался увещаний дяди. Да и спасибо подлецу Леницыну, что выгнал меня из службы».*

На другой день, узнав о приезде барина, мужики и бабы собрались к крыльцу.

Сороки, кички, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатою и клином, рыжие, русые, белые как серебро покрыли весь двор. Мужики загремели: *«Кормилец, дождались мы тебя!»* Бабы заголосили: *«Золото, серебро ты сердечное».* И все подходили к нему и кланялись в ноги.

Тентетникову не понравилось это унижение человеческого достоинства. Он остановил низкие поклоны и стал говорить мужикам речь о том, что «человек должен уважать себя и не унижаться перед равным себе существом; что он такой же человек, как и они; что он приехал с тем, чтобы их просветить и осчастливить». И многое говорил им Тентетников в духе равенства и свободы, о котором начинался в книгах.

Мужики слушали и ничего не понимали. Но на вопросы, которые по временам делал Тентетников, приговаривая беспрестанно: «Не правда ли, мои друзья?», бормотали: «Вестимо, родимый».

Барин приказал угостить мужиков водкою и закускою.

Пошла попойка и разговоры.

— А что, дядя Пахом, барин-то говорит красно?

— Ну, известно, что красно, ведь их только тому и учат.

— А что бишь он говорил, я стоял подальше и не расслышал?

— Ну, а Бог его ведает, что он баял. Что-то похоже на то, как отец Афанасий в церкви бает. Вестимо, книжки — это не по нам.

Бабы тоже рассуждали: «Ишь какой он добренький и в ноги-то кланяться не дает. А уж молодец какой. И все говорит: “Полюбите меня, полюбите”, да и посматривает на девок. Ишь ты какой, весь в покойника отца».

Тентетников хотел было серьезно приняться за управление имением, но скоро все это страшно ему опротивело.

Мужики поняли, что барин ничего не смыслит по хозяйству, и стали его надувать. Приказчик обкрадывал немилосердно. Ключница — тоже; буфетчики — тоже. Все они смекнули, что барин доброе существо, но ленив и без энергии. С первого же дня они замучили его вопросами, как и что делать прикажешь, и донесениями о том, что каждым из них сделано.

Ему, занятому мыслями об усовершенствовании человека вообще и русского в особенности, все эти мелочи деревенского хозяйства показались до того тягостными и противными, что он скоро запретил и говорить о хозяйстве. Хозяйство пошло своим порядком под наблюдением плута-приказчика. В полгода все надоело Тентетникову. Виды на прекрасные окрестности надоели, чудесный сад надоел. Охота надоела. Деревенские красавицы, к которым Андрей Иванович обращался в речи своей со словами: «полюбите меня», полюбили и страшно надоели. Вздумал было искать развлечения в знакомстве с соседями — и это надоело. Заниматься книгою не надоело, и она одна спасала молодого человека от отчаяния — и он сосал ее по целым дням.

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его и чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тут дело кончилось ничем.

В соседстве, в 10-ти верстах, проживал генерал Бетрищев, отзывавшийся, как мы уже видели, не весьма благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали к нему изъявлять почтение, сам визитов не платил, говорил хрипло, читал русские книги и имел дочь, удивительное существо. Иногда случается человеку увидеть во сне что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновидением. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно: ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве; отцу некогда было заниматься дочкой: он служил. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее, и потому хорошо, что судьба помешала ему заниматься ее воспитанием. Наружностью Улинька была удивительно изящное существо. Душевными качествами она пленяла всякого. Это была олицетворенная прямота. Чувство справедливости, благородного негодования против всего неблагородного были в ней развиты в высшей степени. Сострадание к несчастным не имело пределов. При первой просьбе она бросала просившему все, что имела, не подумавши, что неприлично бросить кошелек со всем, что в нем было. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, в ней, казалось, все стремилось за мыслью: выражение лица, выражение разговора, движение рук, самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами. Ни перед кем она не боялась обнаружить свои мысли, и никакая сила не могла заставить ее молчать, когда ей хотелось говорить. Тентетникову не могла не понравиться Улинька. Он влюбился в нее по-своему, лениво, флегматически, но все-таки влюбился и решился просить руки; но не дошло до этого. Генерал сначала принимал Тентетникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры оканчивались всегда почти спором и сопровождались какими-то неприязненными ощущениями с обеих сторон; потому что генерал, как генерал, не любил противоречий и возражений; а Тентетников, как человек проникнутый уважением к своему человеческому достоинству, не любил признавать деспотическую власть генерала в суждениях. Разумеется, что ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них кое-как держался, покуда не приехали к генералу родственницы, графиня Бордырева и княжна Юзякина, отставные фрейлины прежнего двора, удержавшие и доньне кое-какие связи в Петербурге. Вследствие этих связей генерал перед ними немножко подличал. Тентетникову показалось, что с приезда их генерал стал к нему холоднее, не замечал его и обращался с ним слишком небрежно, употребляя даже по временам выражения:

«Любезнейший, послушай братец». Один раз даже он сказал ему «ты». Это взорвало Тентетникова. Стиснув зубы, он связал учти-

вым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и все внутри его кипело: «Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом “ты” вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам “ты”. Но различие в летах препятствует такому фамильярному обращению».

Генерал смутился. Но как генералу не приходилось остаться в дураках перед молокососом, то он запинаясь сказал, что слово «ты» было сказано им не в том смысле, что старику иной раз позволено сказать молодому человеку: «ты». (О чине своем он не упомянул ни слова.) Разумеется, с этих пор знакомство их кончилось и любовь Тентетникова прекратилась при самом начале. Потухнул блеснувший было на минуту свет, и все поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы: на лежание и бездействие. В доме водворились по-прежнему гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась посреди комнаты по целым дням вместе с сором.

Панталоны заходили иногда в гостиную.

Опять начали убирать и кабинет, и спальню черномазые Палашки и Авдотьки, которым на время любви к Улиньке был запрещен вход в комнаты барина.

Скука вновь одолела Андрея Ивановича!

Взявши перо в руки с тем, чтобы позаняться сочинениями об усовершенствовании человеческого рода вообще и русского народа в особенности, Тентетников чертил им на бумаге каракульки или же выписывал: «милостивый государь!» с восклицательными знаками или: «ваш покорный слуга Андрей Тентетников». Иногда перо чертило само собою без ведома хозяина головку, по-видимому женскую, в которой однако же не узнала бы себя Улинька: Тентетников рисовал плохо.

Таково было состояние души Андрея Ивановича однажды, когда он по обычаю подходил с трубкою и чашкою в руках к окну, но к удивлению своему не слышал ни Григория, ни Перфильевны. Выглянув в окошко, он заметил какое-то необыкновенное движение и суету. Поваренок и поломойка бежали отворять ворота. В воротах показались лошадиные морды, точно как они смотрят на триумфальных воротах: морда направо, морда налево и морда на середине. За мордами последовали и самые кони, а за ними на козлах кучер и лакей в широком сюртуке, подпоясанный носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж остановился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как легкая рессорная бричка. Господин, необыкновенно приличной наружности, соскочил на крыльцо с быстротою и ловкостью почти военного человека.

Вошедши в комнату, гость раскланялся с такою же ловкостью почти военного человека, сохраняя наклонение головы несколько набок. В коротких, но определенных словах изъяснил, что уже из-

давна ездит он по России, побуждаемый и потребностью, и любознательностью; что государство наше, которому по обширности не представляют равного даже отдаленные времена древности, изобилует замечательными предметами, не говоря уже об изобилии промыслов и разнообразия почв; что в проезд свой по здешнему краю он увлекся картинным местоположением деревни Тентетникова; что, несмотря однако ж на местоположение, он не дерзнул бы обеспокоить его, если бы не случилось, по поводу весенних разливов и дурных дорог, внезапной изломки в его экипаже, требующей починки; что, впрочем, он чрезвычайно обязан этой изломке, доставляющей ему случай засвидетельствовать личное почтение Андрею Ивановичу. Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ногою, обутой в щегольской лакированный полусапожек, застегнутый на перламутровые пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинового мячика.

Озадаченный сначала неожиданным приездом гостя Андрей Иванович успокоился, заключив из слов его, что это должен быть какой-нибудь ученый, собирающий растения или предметы ископаемые. И даже обрадовался при этой мысли и вознамерился удерживать подольше ученого, которого общество развлечет его вечную, неодолимую скуку. Он поблагодарил случай, доставивший ему знакомство с таким человеком, изъявил готовность споспешествовать во всем, предложил своих мастеров, колесников и кузнецов, просил распоряжаться как бы в собственном доме и пробыть в нем как можно дольше, отдохнуть с дороги и переждать время весенних разливов и дурных дорог. Гость принял обязательное предложение и был усажен в большие вольтеровские кресла. Андрей Иванович занял другое напротив, предложил чашку чая и приготовился слушать рассказ по части естественной истории, которой он когда-то тоже учился в заведении Феодора Ивановича.

Но гость не говорил о предметах естественной истории, и скоро Андрей Иванович убедился, что он ездит по России не для собирания букашек, замечательных растений и ископаемых предметов. Гость повел речь о событиях мира. Заговорил о превратностях судьбы, поворотил разговор к своей особе, уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много мест и должностей, что даже сама жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал такого, из чего можно было заключить, что он практический человек. В заключение речи высморкался в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще не слыхивал. Подчас попадется в оркестре такая пройдоха-труба, которая когда хватит, покажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе; точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дре-

мавшего дома, и немедленно за ним воспоследовало благоухание одеколона, невидимо распространенное ловко встряхнутым батистовым платком.

Андрею Ивановичу показался гость весьма интересным человеком; он повторил приглашение остаться подольше у него в гостях и переждать время дурных дорог. — Гость принял предложение.

Читатель вероятно догадался, что гость был никто другой, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время. Однако же выражение лица, приличное обхождение остались все те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах; еще ловчее подвертывал ножку под ножку, когда садился в кресла; еще более было мягкости в выборе речей, осторожной умеренности в словах и выражениях, более умения держать себя и более такту во всем. Белее и чище снега были на нем воротничок и манишка, и, несмотря на то, что он был с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, хоть бы сейчас на именинный обед.

Щеки и подбородок были так выбриты, что один слепой мог не полюбоваться приятно выпуклостью и круглостью их.

После чашки чаю хозяин проводил гостя в назначенные для него покои. — В доме произошло преобразование. Половина его, дотоле пребывавшая в слепоте с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. В прояснившихся комнатах все начало размещаться. Комната, назначенная быть спальней Чичикова, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета. Комната, назначенная быть кабинетом... но прежде необходимо было знать, что в этом кабинете было три стола: один письменный перед диваном, другой ломберный между окнами перед зеркалом, третий угольный, в углу между дверью в спальню и дверью в необитаемый зал, служащий теперь переднею, с инвалидной мебелью. На этом угольном столе поместилось Чичиковым вынудое платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны черные, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сюртук и два фрака (жилеты же белого пике и летние брюки отошли к белью в комод). Все это разместилось одно на другом пирамидкой и прикрылось сверху шелковым носовым платком. В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядом сапоги: одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо завесились платком — так, как бы их там вовсе не было. На письменном столе перед диваном тотчас разместились в большом порядке: шкатулка, портфель, банка с одеколоном, сургуч, зубная щетка, новый календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комод, находившемся в спальне; белье же, которое следовало отдать прачке, было завязано в узел и подсунуто под кровать. Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха ворам, была по-

вешена тоже в спальне на гвозде недалеко от кровати. Все приняло вид необыкновенной чистоты и опрятности. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился. Утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, ходит в баню и вытирает себя мокрою губкою по воскресеньям.

В переднем зале покушался было утвердиться на время запахов служителя Петрушки, но Петрушка скоро был перемещен в кухню, как оно и следовало.

(Далее в рукописи, по сличении с изд. 1855 г. стр. 39–58, и изд. 1857 г.³⁸ стр. 284–293; там же стр. 423–433 — нет никакой перемены до того места во II-й главе, когда рассказывается о приезде Чичикова к генералу Бетрищеву и передается его разговор).

ГЛАВА II

(Последние слова Чичикова при представлении генералу):

— Терпеньем, можно сказать, повит и спеленат, будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпение, ваше превосходительство.

Генералу, видимо, понравился этот кудрявый слог. Он заключил, что Чичиков ученый и образованный человек.

— Что же, вы оставили службу совершенно или намерены еще служить?

— Оставил, ваше превосходительство, совершенно оставил. Служил, ваше превосходительство, по мере сил моих и по указанию совести. Имел несчастье встретить врагов, завистников моей безукоризненной, добросовестной службы. Сколько перенес от них, покушавшихся на самую жизнь, того ни слова, ни краски, ни даже самая кисть не сумеет передать.

Генерал подумал: должен быть достойный человек. *Человек с истинными достоинствами непременно, встретивши на службе зависть и недоброжелательства, бросит службу. Только дураки да подлецы умирают на службе и, пожалуй, дослуживаются и до генерал-губернаторов.*

— Что же вы намерены теперь делать с собою?

— На склоне жизни, ваше превосходительство, ищу уголка, где бы провести остаток дней. Езжу по России, осматриваю и изучаю наше благословенное отечество, которое по пространству не усту-

³⁸ Здесь и далее имеются в виду издания под редакцией Н.П. Трушковского (Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Том второй. (5 глав). М., 1855) и П.А. Кулиша (Сочинения и письма Н.В. Гоголя: В 6 т. Т. 4. Мертвые души. Издание П.А. Кулиша. СПб., 1857).

пит даже ни одному из древних государств. Судьба привела меня в здешний край, а случай заставил на время поселиться у близкого соседа вашего превосходительства.

— У кого это?

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генерал поморщился.

— Он, ваше превосходительство, чрезвычайно раскаивается в том, что не показал должного уважения...

— К чему?

— К заслугам вашего превосходительства... Не находит слов... Говорит, если бы я только мог перед его превосходительством чем-нибудь... потому что поздно, говорит, научился ценить мужей, спасавших отечество, говорит.

— Послушайте, что же он? Да ведь я не сержусь, — сказал смягчившийся генерал, — в душе моей я даже искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек.

— Совершенно справедливо изволите выражаться, ваше превосходительство. Истинно, преполезный может быть человек, и с даром слова, и владеет пером.

— Ну, пишет-то он, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки.

— Никак нет, ваше превосходительство, не пустяки... Он что-то дельное пишет... Историю, ваше превосходительство.

— Историю? О чем историю?

— Историю... — Тут Чичиков замялся. И оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто, чтоб придать более важности предмету, прибавил, — Историю о генералах, ваше превосходительство.

— Как о генералах, о каких генералах?..

Чичиков совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнул и мысленно сказал себе: «И, Господи Боже мой, что это за вздор несу я?»

— Извините, я не очень понимаю... Что ж это выходит, историю какого-нибудь времени или отдельные биографии: и притом всех ли генералов или только участвовавших в 12-м году?

— Именно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году. — Приговаривая это, он подумал: «Боже мой, да что ж это вру я, несчастный?»

— Так что ж он ко мне не придет? Я мог бы сообщить ему весьма много любопытных материалов. *Ведь, если он ограничится одними печатными сведениями, каким-нибудь Михайловским-Данилевским, то пропустит не одного истинно отличившегося на поле чести в это достопамятное время.*

Генерал, очевидно, намекал на самого себя, о доблестях которого как-то забыл сказать Михайловский-Данилевский.

— Робеет, ваше превосходительство, после случившегося в доме вашего превосходительства, решительно робеет.

— Какой вздор! из-за какого-нибудь пустого слова... да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, готов сам к нему заехать.

— Он не допустит до этого ваше превосходительство, он сам придет, — сказал Чичиков, совершенно оправясь, ободрившись и подумавши: «Экая оказия! Как генералы пришлись кстати, а ведь язык-то взболтнул сдуру».

(Отсюда нет перемены против изд. 1856 г. стр. 61–69; изд. 1857 г. стр. 294–299, и 435–439; где генерал говорит):

— Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякой полюбит... Очень, очень хорошо! — Любят, любят, точно любят поощрение, — продолжал генерал. — Погладь, погладь его! а ведь без поощренья так и красть не станет... ха, ха, ха!

Чичиков был в неопisanном духе. *Он смекнул, что генерал весельчак и добряк, и что подтачивая ему да подслуживая, можно всего добиться.*

Рассчитывая уже мысленно, какую пользу можно будет извлечь из этого для себя собственно, он решился теперь устроить дело Тентетникова. Когда камердинер удалился, генерал заговорил:

— Так твой Тентетников занимается историею об отечественных генералах. Что же, это хорошее дело; это делает честь молодому человеку. Наша молодежь, не служащая, только и знает, что картишки да шампанское, да невинные развлечения с Палашками да Агашками.

— Я вам доложу, ваше превосходительство, что Андрей Иванович редкий молодой человек. И состояние у него прекрасное — одного только ему недостает.

— Чего же это?

— Подруги жизни.

— Что же он не женится?

Чичиков немного промолчал. Потом как бы собравшись с мыслями, сказал:

— Вы мне простите, ваше превосходительство, мою дерзость?

— Что такое?

— С вашим умом, с вашею проницательностью, ваше превосходительство, конечно вы не могли не заметить, что Андрей Иванович крайне неравнодушен к прелестному, дивному созданию — к вашей дочери. Он льстил себя надеждою, что ваше превосходительство не откажете ему в величайшем для него счастье и назовете его своим сыном. Непростительная, неуместная гордость с его стороны, в которой, впрочем, он сильно раскаивается, испортила все дело. — Генерал призадумался.

— Послушайте, любезнейший, — сказал наконец он, — я люблю быть откровенным. Я не нахожу ничего предосудительного в вашем приятеле. Признаю его человеком неглупым. Происхождение и состояние его меня удовлетворяет. Хозяин он плохой, но это след-

ствие молодости и неопытности. Я ему не раз твердил, что русский мужик и человек — две вещи совершенно различные, и что его филантропия совершенная дичь. Он не соглашался со мною, но согласится со временем. Относительно гордости, которая была причиной нашей размолвки, я даже ценю эту гордость, это уважение к себе, в особенности когда он сам сознается, что она иногда неуместна в отношении к людям, имеющим свои заслуги перед отечеством. При всем том, не имея ничего против Тентетникова, я предоставляю моей дочери свободный выбор. Она у меня одна, и я не стану ее неволивать.

— Стало быть, ваше превосходительство, если бы дочь ваша, это дивное, прелестное создание, была согласна...

— Я не имею ничего против г-на Тентетникова.

Чичиков бросился к генералу и поцеловал в звезду на груди.

Доложили, что подано на стол. Генерал провел Чичикова в столовую, представил сестрицам княжнам, назвав его Чижиковым. Чичиков раскланялся с ловкостью совершенно военного человека и на французский привет сестриц княжон пробормотал что-то как будто бы французскими звуками. Читатель знает, что по-французски он не знал ни бельмеса. За обедом генерал был немного задумчивее. Под конец, однако ж, развеселился и рассказал сестрицам княжнам симпатический анекдот. Княжны не нашли в нем ничего забавного, может быть, потому что рассказывал не сам Чичиков, который, как мы видели, был мастер рассказывать. — Все время Чичиков вел себя совершенно прилично.

В тот же вечер он воротился к Тентетникову. Андрей Иванович встретил его на крыльце и, по-видимому, ожидал с нетерпением.

— Ну, Андрей Иванович, сердитесь на меня, если хотите, но я обворожен генералом.

— Да я и сам нахожу, что он человек почтенный, но гордость его...

— Не договаривайте, пожалуйста. Знаете ли вы, что он сам к вам собирался сегодня?

— Зачем?

— Доказать вам, что он не горд; что он вас ценит и уважает; что для него крайне больно, что одно пустое слово поселило между вами размолвку.

— Он хотел ко мне приехать первый?

— Уж были поданы лошади, когда я приехал.

— Так, стало быть, я в нем ошибся. Я поправлю мою ошибку и завтра же предупрежу его. — Видели вы Улиньку?

— Дивное, прелестное создание. Знаете, Андрей Иванович, вы родились в рубашке. Соединить в себе и молодость, и ум, и красоту, и состояние, и найти подругу жизни, подобную Улиньке... Это такие блага, которые не всякому посылаются судьбою.

Тентетников вскочил со стула и стал быстро прохаживаться.

— Так вы думаете, что он не откажет?

— Не думаю, а уверен в этом.

— Уверены?

— Уверен, потому что из любви к вам, из преданности вам, я обделал за вас ваше дело. Да, я решился сказать генералу то, что помешала вам сказать ваша гордость: что вы желаете, что вы сочтете счастьем для себя назваться его сыном.

— Вы это ему сказали, Павел Иванович?

— Сказал, Андрей Иванович, потому что не мог перенести мысли, что два создания, такие, как вы и Улинька, самую судьбою назначенные одно для другого, разлучены по поводу гордости человека, достойнейшего, впрочем, но до крайности щекотливого.

— Вы сказали... и генерал...

— Генерал сказал то, что сказал бы всякий на его месте: что он ценит Андрея Ивановича, что он уверен в счастье Улиньки с Андреем Ивановичем...

Тентетников не дал договорить и бросился на шею Павлу Ивановичу.

— Вы мой благодетель, вы мой лучший друг — я никогда не забуду оказанной вами услуги.

Чичиков позволил себя расцеловать и даже сам выронил слезу — но тут же подумал: «хорошо, брат, даром-то я ничего не делаю; и ты, и твой генерал отблагодарите меня посущественнее».

До поздней ночи продолжался разговор Чичикова с Тентетниковым. — Нужно было сказать про историю о генералах, и это крайне затрудняло Павла Ивановича, знавшего, что Тентетников лгать не любил. Однако ж и это сошло благополучно. Передавая разговор свой с генералом, Чичиков сказал, что генерал интересовался знать, чем занимается Тентетников дома, и что он, Чичиков, сказал, что Андрей Иванович сочиняет что-то серьезное, кажется, в историческом роде. Тогда генерал сказал: «Похвальное занятие; у нас не разработана история самого интересного времени, времени борьбы России с неприятелем в 12-м г.». Тогда Чичиков сказал, что, кажется, не это ли время и взял Андрей Иванович за предмет своих исследований. Это известие чрезвычайно обрадовало генерала, который даже обещался сообщить много ему только известных подробностей о 12-м годе.

— Помилуйте, — сказал Тентетников, — да за что же это, да я никогда и не думал заниматься историею 12-го года.

— Знаю, любезнейший, знаю, что вы занимаетесь историею человечества вообще. Но посудите, генерал, русский генерал, поймет ли он важность, пользу ваших исследований. Иное дело история о генералах. Это ему понятно, он сам генерал. Да притом же что такое? Ведь вы ученый человек; ведь вы можете написать

историю не только 12-го, но какого угодно года! И почему же не написать, когда будущему вашему тестю, отцу вашей Улиньки, желательно иметь истинную историю 12-го года, и когда он доставит вам все нужные материалы, ему только известные, которые без того остались бы никому неизвестными.

Тентетников подумал, что действительно полезно было бы для отечественной истории собрать материалы к истории 12-го года, известные одному только его будущему тестю, отцу его Улиньки, и решился воспользоваться этим счастливым случаем. В сущности, ему все равно было что ни писать, потому что до сих пор он занимался одним только обдумыванием сочинения.

— Генерал говорил, — продолжал Чичиков, — что вы не должны ограничиваться одними печатными сведениями и официальными документами, каким-нибудь Михайловским-Данилевским, потому что Данилевский, из пристрастия, пропустил многих, достойных истории, генералов.

— Ну, вот видите, Павел Иванович, в какое положение вы меня поставили вашею излишнею ревностью; генерал станет говорить со мною о генералах 12-го года и о Данилевском, а ведь я и не читывал Данилевского.

— Что же за беда, Андрей Иванович. Почему же не угодить вашему будущему тестю, отцу вашей Улиньки. А то что он станет с вами говорить о генералах 12-го года и о Данилевском, решительно ничего не значит. Вы только дайте ему говорить да соглашайтесь, и пожалуй, по временам верните, что у Михайловского-Данилевского это совсем иначе изложено.

Тентетникову не совсем нравился этот совет, но нечего было делать. Он видел, что Чичиков, добрейшая, благороднейшая душа, из усердия зашел немножко далеко, и решился ради Улиньки сделаться историкографом 12-го года.

Из переданного разговора Чичиковым, Тентетников заключил, что теперь все дело в получении согласия Улиньки, и решился не откладывать в дальний ящик. На другой же день он отправился вместе с Чичиковым к генералу. Генерал встретил его в гостиной, взял его за обе руки, поблагодарил за то, что его предупредил, усадил в кресла и не вспомнил ни слова о размолвке; явились дамы, чопорные сестрицы, графиня и княжна, по-всегдашнему желтые, и дивное, прелестное создание, Улинька, с румянцем на щеке, доказывавшим, что после отъезда Чичикова был кое-какой разговор с папашей насчет сердечных обстоятельств, и что цель приезда Андрея Ивановича не совершенно ей неизвестна.

За столом генерал был необыкновенно разговорчив.

(Далее в нашей рукописи, как и в печатных изданиях 1855 и 1857 гг., пропущены: беседа о генералах 12-го года, помолвка Улиньки за Тентетникова; ее молитва, плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. — По поручению

Бетрищева Чичиков отправляется к родственникам для извещения о помолвке дочери и едет к одному из них — полковнику Кошкареву).

ГЛАВА III

«Если полковник Кошкарев точно сумасшедший, то это недурно», — говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых и пространных полей, когда все исчезло и остались только один небольшой свод да два облака в стороне.

— Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?

— Я, Павел Иванович, извольте видеть, так все хлопотал около коляски, что мне некогда было, а Петрушка спрашивал у кучера.

— Вот и дурак! На Петрушку сказано не полагаться. Петрушка бревно, Петрушка глуп, Петрушка, чай, и теперь пьян...

— Ведь тут не мудрость какая, — сказал Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса, — кроме того, что, спустясь с горы, взять лугом, ничего больше и нет.

— А ты кроме сивухи ничего в рот не брал. Хорош, очень хорош! Уж вот, можно сказать, удивил красотою Европу.

Сказав это, Чичиков погладил подбородок свой и подумал: «Какая, однако ж, разница между просвещенным дворянином и грубою лакейскою физиогномией».

Между тем, коляска стала спускаться; открылись луга и пространства, усеянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругих рессорах, продолжал бережно спускаться незаметным косогором покойный экипаж, и наконец пошел лугами, мимо мельниц, то с легким громом по мостам, то с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли, и хотя бы один бугорок или кочка дали себе почувствовать бокам. Утешение, а не коляска!

Быстро пролетали мимо тонкие ольхи и серебряные тополи, ударяя ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно они сбрасывали картуз, который летел к Чичикову, а иногда и наземь, так что суровый слугитель должен был соскакивать с козел и поднимать картуз. Выбивая пыль из картуза и нахлобучивая на голову, Петрушка бранил глупые деревья и хозяина, который посадил их, но придержать рукою картуз не хотел, надеясь, что это уже последний раз и что больше не случится. К деревьям скоро присоединилась осина, береза, ель. Лес затемнел и готовился превратиться в ночь. Но вдруг отовсюду промеж ветвей и пней сверкнули проблески света, как бы сияющего зеркала. Деревья зардели. Вот перед ними озеро, водная равнина, версты четыре в поперечнике. На супротивном берегу над озером высypала серыми

бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались в воде: с противного берега тащили невод. Случилась оказия: вместе с рыбою запутался как-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или бочонок. Он был в отчаянном положении и кричал во всю глотку: «Телепень Денис! передавай Кузьме! Кузьма! бери конец у Дениса. Не напирай так, Фома Большой! Ступай туда, где Фома Меньшой!.. Говорю вам, оборвете сети!»

Арбуз, как видно, боялся не за себя: потонуть по причине толщины он не мог и, как бы ни кувыркался, желая потонуть, вода все вытащила бы его наверх. И если бы село к нему на спину еще двое, он, как упрямый пузырь, остался бы с ними на воде, слегка только покряхтывая под ними да пуская носом волдыри. Но он боялся крепко, чтоб не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили и его накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

— Должен быть барин, полковник Кошкарев, — сказал Селифан, указывая кнутом на плавающий пузырь.

— Почему?

— Потому, что тело у него, изволите видеть, побелее, чем у других, и дородство почтительное, как у барина.

Между тем притащили значительно барина, запутанного в сети. Почувствовав, что может достать до земли ногами, он стал на ноги и в это время увидел спускающуюся с плотины коляску и в ней сидевшего Чичикова.

— Обедали ли? — закричал барин, выскочив на берег, опутанный в сеть, как в летнее время дамская ручка в сквозную перчатку, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую пониже на манер Медицейской Венеры.

— Нет, — сказал Чичиков, приподнимая картуз и раскланиваясь из коляски.

— Ну так благодарите же Бога!

— А что, — спросил с любопытством Чичиков, держа над головою картуз.

— А вот что! Брось, Фома Меньшой, сеть да приподними осетра из лоханки! Телепень Кузьма, ступай, пособи!

Двое рыбаков приподняли из лохани голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! Из реки зашел, — кричал круглый барин, снимая с себя сети правою рукою и все еще держа левую на манер стыдливой Венеры. — Поезжайте во двор, я за вами. Кучер, возьми дорогу пониже, через огород. Побеги, Фома Большой, снять перегородку!.. Он вас проводит, а я сейчас.

Длинноногий Фома Большой, как был в одной рубашке, побежал перед коляскою через всю деревню, где у всякой избы были развешены бредни и сети: все мужики были рыбаки. Потом вынул

из какого-то огорода перегородку. Огородами выехала коляска на площадь близ деревянной церкви. За церковью, подалее были видны крыши господских строений.

«Чудаковат этот Кошкарев», — думал про себя Чичиков.

— А вот и я здесь, — раздался голос сбоку. Чичиков оглянулся. Барин уже ехал подле него, одетый. На нем был травянисто-зеленый нанковый сюртук, желтые штаны, а шея без галстука, на манер Купидона. Боком сидел он на дрожках, занявши собою все дрожки. Чичиков хотел что-то сказать ему, но толстяк исчез.

Дрожки опять показались на том месте, где вытаскивали рыбу, раздались снова голоса: «Фома Большой да Фома Меньшой, Кузьма да Денис!»

Когда Чичиков подъехал к крыльцу дома, к величайшему его изумлению толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятия. Как он успел так слетать, было непостижимо. Они поцеловались по старому русскому обычаю троекратно навкрест, причем, впрочем, толстый барин не целовал, а только прикладывал к губам Чичикова попеременно то одну, то другую толстые свои щеки. Чичиков точно ткнулся три раза в мягкую подушку.

— Я привез вам поклон от его превосходительства, — сказал Чичиков.

— От какого превосходительства?

— От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александр Дмитриевич?

— Генерал Бетрищев, — отвечал Чичиков с некоторым изумлением.

— Не знаком.

Чичиков пришел еще в большее изумление.

— Как же это? Я надеюсь, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?

— Нет, не надейтесь. Вы приехали, слава Богу, не к нему, а ко мне... Петр Петрович Петух; Петух, Петр Петрович, — подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел.

— Как же? — сказал он, обратясь к Селифану и Петрушке, которые оба разинули рты, выпуча глаза; один сидя на козлах, другой стоя у дверцы коляски, — как же это вы, дураки? Ведь вам сказано к полковнику Кошкареву, а ведь это Петр Петрович Петух.

— Ребята сделали отлично. Ступайте на кухню, там вам дадут по чапорухе водки, — сказал Петр Петрович Петух. — Откладывайте коней и ступайте сейчас в людскую.

— Я, право, совещусь, такая неожиданная ошибка, — проговорил Чичиков.

— Не ошибка, — живо проговорил Петр Петрович Петух, — не ошибка. Вот вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете, ошибка ли это? Покорнейше прошу, — сказал, взявши Чичикова за руку и вводя во внутренние покои.

Из покоев им навстречу вышли двое юношей, в летних сюртуках, тонкие, точно ивовые хлысты; целым аршином выгнало их выше отцовского роста.

— Сыновья мои, гимназисты, приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем; а ты, Алексаша, ступай со мною. — Сказав это, хозяин исчез.

Чичиков занялся с Николашей. Николаша, кажется, был будущий человек дрянцо. Он рассказал с первых же разов Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться; что он с братом хочет ехать в Петербург, потому что провинция не стоит того, чтобы в ней жить.

«Понимаю, — подумал Чичиков, — кончите дело кондитерскими да бульварами».

— А что, — спросил он вслух, — в каком состоянии имение вашего батюшки?

— Заложено, — сказал на это сам батюшка, снова очутившись в гостинной, — заложено.

«Плохо, — подумал Чичиков, — этак скоро не останется ни одного имения. Нужно торопиться».

— Напрасно, однако ж, — сказал он с видом сожаления, — поспешили заложить.

— Как напрасно, — сказал Петух. — Все закладывают; говорят, выгодно. Как же отставать от других? притом все жить здесь. Дайка попробую пожить в Москве. Вот сыновья тоже уговаривают. Хотя столичного просвещения.

«Дурак, дурак, — подумал Чичиков. — Проматывать все, да и детей сделать мотами. Именьице порядочное. Поглядишь, и мужикам хорошо, и им не дурно. А как просветишься там у ресторанов да по театрам, все пойдет к черту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне».

— А ведь я знаю, что вы думаете, — сказал Петух.

— Что? — спросил Чичиков, смутившись.

— Вы думаете: дурак, дурак этот Петух, зазвал обедать, а обеда до сих пор нет. Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженная девка косы заплесть, как он поспеет.

— Батюшка, Платон Михайлыч едет, — сказал Алексаша, глядя в окно.

— Верхом на гнедой, — подхватил Николаша, нагибаясь к окну. — Ты думаешь, Алексаша, наш игривый хуже его?

— Хуже, не хуже, но выступка все-таки...

— Где, где? — закричал Петух, подступив к окну.

— Кто это Платон Михайлович? — спросил Чичиков у Алексаши.

— Сосед наш: Платон Михайлыч Платонов, прекрасный человек, — отвечал Алексаша.

Между тем вошел в комнату красавец, стройного роста, глаза темные, волосы светло-русые. Гремя медными ошейниками, мордастый пес, собака-страшилище именем Ярб, вошел вслед за ним.

— Обедали? — спросил хозяин.

— Обедал.

— Что ж вы смеяться, что ли, надо мною приехали. Что ж мне в вас после обеда?

Гость усмехнувшись сказал:

— Утешу вас тем, что я ничего не ел за обедом: вовсе нет аппетита.

— А каков был улов! Если бы вы видели, какой осетрище пожаловал! какие карасищи!

— Даже досадно вас слушать, отчего вы всегда так веселы?

— Да отчего же скучать, помилуйте, — сказал хозяин.

— Как отчего скучать, оттого, что скучно.

— Мало едите, вот и все. Попробуйте хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку: прежде никто не скучал.

— Да полно хвастать; будто уж вы никогда не скучали?

— Никогда. Да и не знаю, даже и времени нет для скуки. Потру проснешься, тут сейчас повар; нужно заказывать обед; тут чай; тут приказчик; там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успел всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиков рассматривал гостя, который изумлял его необыкновенной красотой, стройным картинным ростом, свежестью неиспорченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица его. Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую улыбку, время от времени оживляющую его.

— Я также, позвольте заметить, — сказал Чичиков, — не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать. На вашем месте я и всякий, разве при ощутительном недостатке денег... или в случае каких-нибудь врагов, готовых покуситься даже на самую жизнь...

— Поверьте, — прервал с усмешкою красавец гость, — что для разнообразия я желал бы даже иметь врагов, хоть какую-нибудь тревогу... Ну хоть бы кто рассердил меня! И того нет. Скучно, да и только!

— Ну, может быть, заботы по имению, недостаточность земли или малое количество душ.

— Ничуть. У нас с братом земли десять тысяч десятин, а при них более тысячи душ крестьян.

— Странно, непостижимо! Но, может быть, неурожай, болезни, много вымерло мужеска пола людей?

— Напротив, все в лучшем порядке; брат мой отличнейший хозяин.

— И при этом скучать! Не понимаю! — сказал Чичиков и пожал плечами.

— А вот мы скуку сейчас разгоним, — сказал хозяин. — Беги, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы нам поскорее он прислал расстегайчиков. Да где же ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски.

Дверь растворилась, и ротозей Емельян и вор Антошка вошли с салфетками, покрыли стол и поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Вокруг подноса с графинами уставилось ожерелье тарелок со всякой подстрекательской снедью. *Петух пособлял слугам поскорее уставлять закуску.*

— Где же моя рюмка?

На особом подносики ротозей Емельян подал рюмку величиною в стакан. Петух взял ее в руки и, наливая из графина до самых краев, сказал, обращаясь к Чичикову:

— Это моя пропорция: ровно столько, сколько помещается во рту. Пью перед закускою только одну рюмку, но полномерную.

Проговорив это, он мигнул Чичикову, открыл рот трубою, закинул голову и разом опрокинул в себя всю рюмку, так что щеки его раздулись, и Чичиков испугался, не захлебнулся ли хозяин. Но хозяин не захлебнулся. Пропустил горлом живительную влагу, протянув руки с графином и рюмкою к Чичикову. Чичиков принял их и все смотрел в глаза хозяина, который, проглотив пропорцию, мог только выговорить:

— Отличная! — и, проводя рукою по груди и животу, прибавил, — согревает и поощряет.

Чичиков налил себе несколько капель живительной влаги и передал графин Платонову, который вовсе отказался от согревающей и поощряющей влаги. Зато гимназисты приложились к ней как следует, однако ж, не из батюшкиной пропорции, а меньшими рюмками. Затем Петр Петрович налег на закуску. Слуги поворачивались расторопно, беспрепятственно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Хозяин улепetyивал все с необыкновенною скоростью, так что масло в два ручья текло у него по подбородку, а ему некогда было обтереться салфеткою; потчевал Чичикова, не разговаривая, потому что рот был весь набит донельзя, а только подсовывая то то, то другое, и издавая какие-то невнятные звуки.

Платонов почти не закусывал: уткнул несколько раз вилкою в кусочек селедки, подергал ее на вилке, укусил раз, другой и заел кусочком хлеба. Хозяин не выдержал:

— Просто аппетит пропадает, смотря на вас, Платон Михайлович... Водки не пьет, не закусывает... и хочет, чтоб скука от него отвязалась.

— Помилуйте, Петр Петрович! да закуска портит обед, а я намерен у вас обедать.

— Вздор говорит, кто говорит, что закуска портит обед. Нет, сударь, закуска располагает к обеду, закуска поощряет к обеду. Разумеется, какая закуска... А главное, чтобы пока закусываешь, разливали суп в столовой... это главное... Вы видите, что я не оставляю закуски нарочно, пока не подадут на стол.

— Кушанье готово, — доложил ротозей Емельян. Петух вскочил со стула, захвативши два бутерброда с языком и швейцарским сыром, сложил их вместе, сунул в рот и показал рукою гостям в столовую; проговорить ничего не мог, потому что рот был набит донельзя.

Вошли в столовую, где, кроме ротозея Емельяна и вора Антошки, находился еще казачок Петрушка-мерзавец. Названия эти были даны служителям Петра Петровича им самим, так себе, для поощрения. Барин вовсе не хотел браниться; это они знали; он был добряк. Но уж русский человек как-то не может обойтись без брани. Она ему нужна как рюмка живительной влаги для сварения в желудке: согревает и поощряет. Что ж делать! такая натура пресного не любит.

За обедом хозяин сделался совершенным разбойником. Тут уже он не торопился, как за закуской. Говорил, шутил, похваливал всякое блюдо, прищелкивал языком и следил немилосердно за тем, едят ли гости. Чуть замечал, что у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: «Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете». У кого два, подкладывал третий, приговаривая: «Бог троицу любит». Съедал гость три, он ему: «Где же бывает телега о трех колесах? Кто же строит избу об трех углах?» На четыре была у него поговорка, на пять тоже.

Чичиков съел чего-то чуть ли не двадцать ломтей и думал: «ну, теперь ничего не приберет хозяин». Не тут-то было. Не говоря ни слова, хозяин положил ему на тарелку хребтовую часть телянка, жаренного на вертеле с почками, да и какого телянка!

— Два года воспитывал на молоке, — сказал хозяин, — ухаживал, как за сыном.

— Не могу, — сказал Чичиков.

— Вы попробуйте, да потом и скажете: не могу.

— Не взойдет; нет места.

— Да ведь и в церкви не было места; а пришел городничий, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде упасть. Вы только попробуйте, этот кусок тот же городничий.

Попробовал Чичиков, действительно, кусок был в роде городничего: нашлось ему место, а казалось, уже ничего нельзя было поместить.

«Ну, как этакому человеку ехать в Петербург или в Москву. С таким хлебосольством он там в один год проживется в пух». Так думал Чичиков, доедая кусок тельца, помещавшегося в животе, как городничий в церкви.

С вином была та же история: хозяин то и дело подливал да подливал. Чего не допивали гости, давал допивать Николаше и Алексею, которые так и хлопали рюмку за рюмкой, но встали из-за стола как будто ни в чем не бывало, точно выпили по стакану воды. Наперед уж видно было, на какую часть человеческих познаний они обратят внимание по приезде в столицу.

С гостями было не то: насилу они перетаскились на балкон и насилу поместились в креслах. Хозяин засел в какое-то четырехместное кресло и, подумавши, сказал с грустью: «Господи Боже мой, ну много ли нужно человеку, вот и сыт!» Сказав это, он тут же заснул. Тучная, толстая собственность его превратилась в кузнечный мех, стала издавать через открытый рот и носовые проходы такие звуки, каких не бывает и в военной музыке. Тут было все: и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый гул, точно собачий лай.

— Эх его насвистывает, — сказал Платонов.

Чичиков рассмеялся.

— Разумеется, если этак пообедать, как тут прийти скуке. Тут сон придет. Не правда ли?

— Да. Но я, однако ж, вы меня извините, не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств.

— Какие же?

— Да, мало ли для молодого человека: танцевать, играть на каком-нибудь инструменте, а не то — жениться.

— На ком?

— Да будто в окрестностях нет хороших, богатых невест?

— Есть много чучел. Да ведь они-то и есть олицетворенная скука, если не что-нибудь похуже.

— Ну, поискать в других местах, поездить, — и богатая мысль сверкнула в голове Чичикова. — Да вот прекрасное средство, — сказал он, глядя в глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествие.

— Куда же ехать?

— Да если вам свободно, поезжайте со мною, — сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хоро-

шо. Тогда бы можно было и издержки пополам, а починку коляски отнести вовсе на его счет».

— А вы куда едете?

— Покамест еду я не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить его родственников. Конечно, родственники родственниками, но, отчасти, так сказать, и для самого себя, ибо видеть свет, коловращение людей... как это ни говори — есть как бы живая книга, вторая наука. — Сказавши это, Чичиков между тем помышлял: «Право, было бы хорошо: можно даже и все издержки на его счет, даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне».

«Что ж? Почему не проездиться, — думал между тем Платонов. — Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата, стало быть, расстройство никакого. Почему ж, в самом деле не проводиться?»

— А согласны ли вы, — сказал он вслух, — погостить у брата денька два? иначе он меня не отпустит.

— С большим удовольствием, хоть три.

— Ну так по рукам, едем! — сказал оживясь Платонов. Они хлопнули по рукам.

— Куда, куда? — вскрикнул хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. — Нет, сударики! и колеса у коляски приказал снять; а вашего жеребца, Платон Михайлович, угнали отсюда за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте, а завтра, после раннего обеда, пожалуй и поезжайте себе.

(Далее в рукописи против изданий 1855 г. стр. 93–97; изд. 1857 года, стр. 312–315; 451–453 нет никакой перемены, до слов):

Много еще Петух заказывал блюд.

— Пропал совершенно сон! — сказал Чичиков, перевертываясь, и закутал голову в подушки, и закрыл себя всего одеялами, чтобы не слышать проклятого Петуха. Но и сквозь подушки и одеяла раздавалось беспрестанно: «Да поджарь! да подпеки, да дай взойтить хорошенько!..»

«Поджарить бы тебе да попечь хорошенько твой язык», — сказал про себя Чичиков и решился ждать окончания заказывания обеда. Заснул наш Чичиков уже на каком-то индюке. *И грезился ему во сне Петр Петрович Петух откормленным, огромным индюком, без перьев. И видел он, как повар поймал индюка, посадил живого на вертел и стал припекать, обливая горячим маслом. И, странное дело, показалось еще, что Петр Петрович, в виде индюка, сидя на вертеле, приговаривал беспрестанно: «Поджарь, поджарь, припеки хорошенько!..»*

Всю ночь грезились эти бредни Павлу Ивановичу.

На другой день за ранним обедом, сделанным, по словам Петуха, на скорую руку, гости до того объелись, что Платонов не мог уже ехать верхом. Жеребец был отправлен с конюхом Петуха, Платон Михайлович с Чичиковым в коляске. Мордатый пес пошел лениво за коляской. Он тоже объелся.

— Это уж слишком! — сказал Чичиков, когда выехали за ворота.

— А не скучает, — вот что досадно, — сказал Платонов.

«Было бы у меня, как у тебя, пятьдесят тысяч годового дохода, — подумал Чичиков, — да я бы скуку и на глаза не пустил».

(Далее в рукописи против печатных изданий нет вариантов).

Список сокращений

Архивохранилища

- Архив РГБ* — Архив Российской государственной библиотеки (Отдел использования и хранения документов РГБ) (Москва)
ИР НБУВ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР РГБ — Отдел рукописей РГБ (Москва)
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург)

Исторические архивохранилища

- ИПБ* — Императорская Публичная библиотека (Санкт-Петербург)
МПуРМ — Московский Публичный и Румянцевский музеи (Москва)

Литература

- Бретаницкая 1976* — *Бретаницкая А.* Второе рождение «Носа» // Музыка России. Вып. 1. М., 1976. С. 310–323
Бретаницкая 1983 — *Бретаницкая А.* «Нос» Д.Д. Шостаковича. М., 1983
Вся Москва... на 1897 г. — *Вся Москва:* адресная и справочная книга на 1897 г. М., 1897
Гог. восп. совр. — Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952
Гог. в восп., дневн., переп. — Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание / Издание подготовил И.А. Виноградов: В 3 т. М., 2011–2013
Гоголь-Головня О.В. 1909 — *Гоголь-Головня О.В.* Из семейной хроники Гоголей. Мемуары / Ред. и примеч. В.А. Чаговца. Киев, 1909
Гоголь. ПСС и П. — *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1, 4. М., 2004; Т. 3. М., 2009; Т. 7. Кн. 1–2. М., 2012
Дейч 1966 — *Дейч А.И.* Голос памяти: Театральные впечатления и встречи. М., 1966
Диннерштейн — *Диннерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей А.Ф. Маркс. М., 1986
Дурылин 1928 — *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М., 1928
Каталог В. Думнова на 1887–1889 г. — Каталог учебных и других книг, изданных московским книгопродавцем В.В. Думновым на 1887, 1888, 1889 гг. М., 1887–1889
Каталог библиотеки Троицкого 1874 — Каталог антикварной библиотеки

- книгопродавца Е.Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д.П. Трошинского. Киев, 1874
- Кирсанова 1995* — *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: (Опыт энциклопедии). М., 1995
- Клепиков 1959* — *Клепиков С.А.* Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959
- Клепиков 1978* — *Клепиков С.А.* Филигрani на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978
- Кугель 1915* — *Ното novus <Кугель А.Р.>* Заметки // Театр и искусство. 1915. № 41. 11 октября. С. 754–756
- Кукушкина 1958* — *Кукушкина М.В.* Филигрani на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 2. XIX–XX века. М.; Л., 1958. С. 285–371
- Мальцева 2013* — *Мальцева О.Н.* Театр Эймунтаса Някрошюса (Поэтика). М., 2013
- Манн 2007* — *Манн Ю.В.* Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб., 2007
- Мейер 1998* — *Мейер К.* Шостакович. Жизнь. Творчество. Время. СПб., 1998
- Месяцеслов* — Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на... [1820–1829]. СПб., 1820–1829; Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1830–1842]. СПб., 1830–1842; Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на [1843–1850]. СПб., 1843–1850
- Назаревский 1936* — *Назаревский А.А.* Из архива Головни // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. [Т.] 1. С. 313–357
- Овэс 2004* — *Овэс Л.С.* В пространстве двадцатого века // Художники сцены: Наследие Санкт-Петербургского государственного академического театра оперы и балета им. М.П. Мусоргского. СПб., 2004. С. 9–48
- Отчет ИПБ* — Отчет Императорской публичной библиотеки [за соответствующий год]
- Отчет МПлРМ* — Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев [за соответствующий год]
- Памяти Гоголя 1902* — Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902
- Словарь Академии российской* — Словарь Академии российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 ч. СПб., 1806–1922
- Смелянский 1981* — *Смелянский А.М.* Наши собеседники: Русская классическая драматургия на сцене советского театра 70-х годов. М., 1981
- Струтинская 1998* — *Струтинская Е.И.* Искания художников театра: Петербург — Петроград — Ленинград: 1910–1920-е годы. М., 1998
- Хентова 1985* — *Хентова С. Д.* Шостакович. Жизнь и творчество: Монография: В 2 кн. Л., 1985
- Чудинов 1894* — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1894
- Шенрок* — *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1892–1897
- Шостакович 1930* — *Шостакович Д.* Почему «Нос»? // Рабочий и театр. 1930. № 3. 15 янв. С. 11

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

СТАТЬИ. КОММЕНТАРИИ

<i>Карташова И.В.</i> О духовной драме позднего Гоголя в контексте эволюции романтического сознания (постановка вопроса)	9
<i>Анненкова Е.И.</i> От писем к «Выбранным местам...»	21
<i>Балакишина Ю.В.</i> Эпистолярное наследие Гоголя как источник «Выбранных мест из переписки с друзьями»	38
<i>Зайцева И.А.</i> Письмо Гоголя родителям от августа 1822 года (история публикации, судьба автографа, источники текста)	49
<i>Дерюгина Л.В.</i> «Также вы писали про одну новую Балладу...»	63
<i>Виноградская Н.Л.</i> Из истории театральных постановок «Носа»	87
<i>Греков В.Н.</i> «Китайские тени» комедии «Женитьба»: авторский замысел и сценическая интерпретация	106
<i>Печерская Т.И.</i> «Слоговые ходы Гоголя» в «Двойнике» Достоевского: анонимное цитирование как составляющая повествовательного кода	133

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

<i>Виноградская Н.Л., Зайцева И.А.</i> «Я стараюсь как можно успевать в науках...»	151
Письма М.В. Гоголь-Яновской 1820-х гг. (письма 1824–1826 гг. — публикация <i>Н.Л. Виноградской</i> ; письма 1827–1828 гг. — публикация <i>И.А. Зайцевой</i>)	163
«Любезный дядюшка» (документы о службе Павла Петровича Косяровского). <i>Вступительная статья и публикация И.А. Зайцевой</i>	205

Из истории подготовки Собраний сочинений Гоголя

Об участии Ф.В. Чижова в подготовке «Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя» 1862 г. (первое издание наследников). <i>Вступительная статья и публикация Шолоховой А.С.</i>	229
Письмо Е.В. Быковой к Ф.В. Чижову (16 сентября 1861 г.)	234
Письмо Ф.В. Чижова к С.А. Иванову (18 сентября 1861 г.)	235
Доверенность Ф.В. Чижову от наследников Н.В. Гоголя для получения рукописей Гоголя от С.А. Иванова (28 сентября 1861 г.)	237
Доверенность Ф.В. Чижову и И.С. Аксакову от наследников Н.В. Гоголя на издание его сочинений (29 сентября 1861 г.)	238
Письмо В.И. Быкова к Ф.В. Чижову (20 октября 1861 г.)	240
Письма А.В. Гоголь-Яновской к Ф.В. Чижову (1861–1862 гг.)	240

К истории подготовки 10-го издания «Сочинений Н.В. Гоголя» под редакцией Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока. <i>Вступительная статья и публикация Е.Г. Падериной</i>	248
I. Договор между наследниками и В.В. Думновым о продаже литературных прав на сочинения Гоголя (1886)	270
II. Договор между В.В. Думновым и Н.С. Тихонравовым о редакторской подготовке 5 томов «Сочинений Н.В. Гоголя» (1888)	271
III. Письма В.В. Думнова к Н.С. Тихонравову (1886–1892)	274
IV. Письма А.Ф. Бычкова к Н.С. Тихонравову (1886–1893)	288
V. Договор между В.В. Думновым и А.Ф. Марксом о продаже литературных прав на издание сочинений и писем Н.В. Гоголя (1893)	294
VI. Соглашение Н.С. Тихонравова на передачу заключенного с В.В. Думновым контракта А.Ф. Марксу (1893)	297
VII. Письма А.Ф. Маркса к Н.С. Тихонравову (1893)	297
VIII. Письмо Н.С. Тихонравова к А.Ф. Марксу. Черновые редакции (1893)	327
IX. Договор между А.Ф. Марксом и опекунами наследства Н.С. Тихонравова (С.О. Долговым и Е.И. Соколовым)	330
X. Договор между доверителем А.Ф. Маркса (Н.Н. Печковской) и В.И. Шенроком	333
XI. Письма В.И. Шенрока к А.Ф. Марксу (1895–1896)	335

Биография гоголевских автографов и рукописей в документах

К истории поступления в Румянцевский музей рукописи второго тома «Мертвых душ». По материалам Архива РГБ. <i>Вступительная статья и публикация Е.Г. Падериной</i>	345
---	-----

СЮЖЕТ «МЕРТВЫХ ДУШ» ГОГОЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (КОРРЕКЦИЯ, ПРОДОЛЖЕНИЕ)

<i>Пономарева А.А.</i> «...Изволь, гениальный человек, я выхожу на вызов твой!»: коллизия исправления читателями «Мертвых душ» (повесть Е.И. Вельтман «Виктор»)	359
<i>Дмитриева Е.Е., Шолохова А.С.</i> Мистификация Н.Ф. Ястржембского: «Новые отрывки и варианты» второго тома «Мертвых душ»	369
<i><Ястржембский Н.Ф.></i> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В. Гоголя. Новые отрывки и варианты. <i>Подготовка текста А.С. Шолоховой</i>	378
Список сокращений	404

Научное издание

**Н.В. ГОГОЛЬ:
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

Выпуск 4

Технический редактор Лавочкина А.В.
Корректор Нефедова М.В.

Подписано в печать 05.06.2019. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 25,5. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (495) 691–23–01, 690–05–61

A. Torsey